Академия наук Республики Татарстан
Институт археологии им. А.Х.Халикова АН РТ
Институт археологии РАН

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

ЭПОХА БРОНЗЫ И РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

Материалы III международной научной конференции «Ананьинский мир: культурное пространство, связи, традиции и новации»

№ 4
2017

e-ISSN 2618-9488

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

№ 4 2017

Главный редактор:
чл.-корр. АН РТ, докт. ист. наук **А.Г. Ситдиков**

Ответственные редакторы:
канд. ист. наук **С.В. Кузьминых**, канд. ист. наук **А.А. Чижевский**

Ответственный секретарь: **А.С. Беспалова**

Редакционный совет:
Атанасов Г., д.и.н., проф. (Силистра, Болгария); **Авербух А.**, д-р, (Париж, Франция); **Афонсо Марреро Х.А.**, проф. (Гранада, Испания); **Бороффка Н.**, д-р, проф. (Берлин, Германия); **Виноградов Н.Б.**, д.и.н., проф. (Челябинск); **Канторович А.Р.**, д.и.н., проф., (Москва); **Кожокару В.**, д-р хабилитат (Яссы, Румыния); **Напольских В.В.**, д.и.н., чл.-корр. РАН (Ижевск); **Скакун Н.Н**., к.и.н. (Санкт-Петербург); **Франсуа В.**, д-р хабилитат (Экс-ан-Прованс, Франция); **Хайрутдинов Р.Р.**, к.и.н. (Казань); **Черных Е.Н.**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Москва); **Шуньков М.В.**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Новосибирск); **Янхунен Ю.**, проф. (Хельсинки, Финляндия).

Редакционная коллегия:
Васкул И.О., к.и.н. (Сыктывкар); **Дегтярева А.Д.**, к.и.н. (Тюмень); **Корякова Л.Н.**, д.и.н. (Екатеринбург); **Кузьминых С.В.**, к.и.н. (Москва); **Моргунова Н.Л.,** д.и.н. (Оренбург); **Обыденнов М.Ф.**, д.и.н. (Уфа); **Очир-Горяева М.А.,** д.и.н. (Казань); **Смирнов Н.Ю.,** к.и.н. (Санкт-Петербург); **Усачук А.Н.,** к.и.н. (Донецк); **Черных Е.М.,** к.и.н. (Ижевск); **Чижевский А.А.,** к.и.н. (Казань).

Адрес редакции:
420012, г. Казань, ул. Некрасова, 28, пом. 1203
Телефон: (843)210-19-76
E-mail: archeostepps@gmail.com
https://www.evrazstep.ru

© ООО «Поволжская археология», 2017
© Академия наук Республики Татарстан, 2017
© Журнал «Археология евразийских степей», 2017

e-ISSN 2618-9488

ARCHAEOLOGY OF THE EURASIAN STEPPES

№ 4 2017

Editor-in-Chief:
Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences **Ayrat G. Sitdikov**

Executive Editors:
Candidate of Historical Sciences **Sergej V. Kuzminykh,** candidate of Historical Sciences **Andrei A. Chizhevsky**

Executive Secretary: Antonina S. Bespalova

Editorial Council:
Atanasov Georgy, Dr. Hab., Prof. (Silistra, Bulgaria); **Afonso Marrero José Andrés**, PhD, Prof. (Granada, Spain); **Averbouh Aline**, Dr. (Paris, France); **Boroffka Nikolaus**, PhD, Prof. (Berlin, Germany); **Chernykh Evgenii N.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Cojocaru Victor**, Dr. Hab. (Yassy, Romania); **François Véronique**, Dr. Hab. (Aix-en-Provence, France); **Janhunen Ju.**, PhD, Prof. (Helsinki, Finland); **Kantorovich Anatolii R.**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Moscow); **Khayrutdinov Ramil R.**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Napolskikh Vladimir V.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk), **Shunkov Michael V.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk); **Skakun Natalia N.**, Candidate of Historical Sciences (Saint Petersburg); **Vinogradov Nikolay B.**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Chelyabinsk).

Editorial Board:
Vaskul Igor.O., Candidate of Historical Sciences, (Syktyvkar); **Degtyareva Anna D.,** Candidate of Historical Sciences (Tyumen); **Koryakova Ludmila N.,** Doctor of Historical Sciences (Yekaterinburg); **Kuz'minykh Sergei V.,** Candidate of Historical Sciences, (Moscow); **Morgunova Nina L.,** Doctor of Historical Sciences (Orenburg); **Obydennov Michael F.,** Doctor of Historical Sciences (Ufa); **Ochir-Goryaeva Maria A.,** Doctor of Historical Sciences, (Kazan); **Smirnov Nikolai Yu.,** Candidate of Historical Sciences (Saint Petersburg); **Usachuk Anatolii N.,** Candidate of Historical Sciences, **(**Donetsk); **Chernykh Elizaveta M**., Candidate of Historical Sciences (Izhevsk); **Chizhevsky Andrei A.,** Candidate of Historical Sciences (Kazan).

Editorial Office Address:
Nekrasov St., 28, office 1203, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation
Telephone: (843)210-19-76
E-mail: archeostepps@gmail.com
https://www.evrazstep.ru

© LLC "Povolzhskaya arkheologiya", 2017
© Tatarstan Academy of Sciences, 2017
© Archaeology of the Eurasian Steppes Journal, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Регионы ананьинской культурно-исторической области в раннем железном веке

Волкова Е.В. *(Самара, Россия)* Городище Манчиха – памятник железного века на Самарской Луке. 7

Митряков А.Е., Черных Е.М. *(Ижевск, Россия)* Абсолютная и относительная хронология Зуевоключевского I городища: проблемы сопоставления. 17

Михеев А.В. *(Йошкар-Ола, Россия)* Ананьинский горизонт Ардинского городища. 33

Мясников Н.С. *(Чебоксары, Россия)* Новые случайные находки ананьинского времени с территории Чувашии. 44

Новиков А.В. *(Кострома, Россия)* Поселения РЖВ Костромского Поволжья: (к вопросу об ареале ананьинской культурно-исторической области). 49

Овсянников В.В. *(Уфа, Россия)* Предкараабызские памятники Прибелья (некоторые историографические и источниковедческие аспекты). 70

Оруджов Э.И. *(Казань, Россия)* Керамический комплекс Кривоборского городища. 89

Патрушев В.С. *(Казань, Россия)* Ананьинские древности Марийского края (по материалам поселений). 105

Проценко А.С. *(Уфа, Россия)* Некоторые итоги изучения Кара-Абызского городища (по материалам рекогносцировочных работ 2015 г.). 127

Ананьинский мир: проблемы конца АКИО и постананьинское время

Газимзянов И.Р., Волкова Е.В. *(Казань, Россия)* Антропология Гулюковского могильника по данным краниологии. 135

Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф. *(Пермь, Россия)***, Черных Е.М.** *(Ижевск, Россия)* Человеческие жертвоприношения на ананьинских поселениях (кон. VI–III вв. до н. э.) Нижнего и Среднего Прикамья 143

Красноперов А.А. (*Ижевск, Россия)* К вопросу о ранней дате пьяноборских памятников. Ч. 2: находки предметов вооружения и особенности погребального обряда. 165

Чижевский А.А. *(Казань, Россия)* Памятники позднего периода ананьинской культурно-исторической области. 196

Ананьинский мир и памятники с текстильной керамикой

Векслер А.Г., Гусаков М.Г. *(Москва, Россия)* К вопросу о поздней стадии дьяковской культуры. 257

Лопатина О.А. *(Москва, Россия)* Рельефное прокатывание поверхности как прием создания так называемых «текстильных» отпечатков на древней керамике. 287

Савенкова М.М. *(Воронеж, Россия)* Экспериментальная реконструкция текстильных технологий у населения Восточной Европы начала железного века на основе дизайн-анализа керамического археологического материала. 297

Сидоров В.В. *(Москва, Россия)* Сетчатая керамика. 304

Сыроватко А.С. *(Коломна, Россия)* О еловой шишке, сетчатой керамике и переменах климата. 316

Фоломеев Б.А. *(Москва, Россия)* Типология текстильных отпечатков и хронологическое распространение отдельных видов сетчатых фактур. Дополнения из черновиков. 319

Ананьинский мир и Сибирь

Чемякин Ю.П. *(Екатеринбург, Россия)* Керамика кульминского типа. 336

Список сокращений 354

CONTENTS

Regions of the Ananyino Cultural and Historical Region in the Early Iron Age

Volkova E.V. *(Samara, Russian Federation)* Manchikha Settlement – an Iron Age Monument at Samara Bend. 7

Mitryakov A.E., Chernykh E.M. *(Izhevsk, Russian Federation)* Absolute and Relative Chronology of Zuevoklyuchevskoe I Settlement: Comparison Issues. 17

Mikheev A.V. *(Yoshkar-Ola, Russian Federation)* Ananyino Horizon of Ardino Hillfort. 33

Myasnikov N.S. *(Cheboksary, Russian Federation)* New Accidental Findings of the Ananyino Period in the Territory of Chuvashia. 44

Novikov A.V. *(Kostroma, Russian Federation)* Settlements of the Early Iron Age in the Kostroma Volga Region: (Concerning to areal of the Ananyino Cultural and Historical Region). 49

Ovsyannikov V.V. *(Ufa, Russian Federation)* Pre-Kara-Abyz Monuments of Bel Region (Certain Historiographical and Source Study Aspects). 70

Orudzhov E.I. *(Kazan, Russian Federation)* A Ceramic Complex from Krivobor Settlement. 89

Patrushev V.S. *(Kazan, Russian Federation)* Ananyino Antiquities from the Mari Land (on the Basis of Settlement Materials). 105

Protsenko A.S. *(Ufa, Russian Federation)* Certain Results of Studying Kara-Abyz Settlement (on the Basis of the Materials of Reconnaissance Works Conducted in 2015). 127

The Ananyino World: the Issues of Late Ananyino Cultural and Historical Region and the Post-Ananyino Period

Gazimzyanov I.R., Volkova E.V. *(Kazan, Russian Federation)* Anthropology of Gulyukovsky Burial Ground on the Basis of Craniological Information. 135

Korenyuk S.N., Melnichuk A.F. *(Perm, Russian Federation)***, Chernykh E.M.** *(Izhevsk, Russian Federation)* Human Sacrifices in Ananyino Settlements (Late 6th-3rd Centuries B.C.) Lower and Middle Prikamye. 143

Krasnoperov A.A. *(Izhevsk, Russian Federation)* Determination of the Early Date of Pyanobor Monuments. Part 2: Discovered Armament and Features of the Funeral Rite. 165

Chizhevsky A.A. *(Kazan, Russian Federation)* Monuments of the Late Ananyino Cultural and Historical Region (5.3 author's sheets, 18 figures)..... 196

The Ananyino World and Monuments featuring Textile Ceramics

Veksler A.G., Gusakov M.G. *(Moscow, Russian Federation)* The Late Stage of the Dyakovo Culture. 257

Lopatina O.A. *(Moscow, Russian Federation)* Texture Rolling of the Surface as a Technique for the Creation of So-Called 'Textile' Prints on Ancient Ceramics. 287

Savenkova M.M. *(Voronezh, Russian Federation)* Experimental Reconstruction of Textile Technologies of the Population of Eastern Europe in the Early Iron Age on the basis of Design Analysis of Ceramic Archaeological Material. 297

Sidorov V.V. *(Moscow, Russian Federation)* Textile Ceramics. 304

Syrovatko A.S. *(Kolomna, Russian Federation)* Fir Cones, Textile Ceramics and Climate Changes. 316

Folomeyev B.A. *(Moscow, Russian Federation)* The Typology of Textile Prints and the Chronological Distribution of the Individual Types of Textile Patterns. Supplemented with Drafts. 319

The Ananyino World and Siberia

Chemyakin Yu.P. *(Yekaterinburg, Russian Federation)* Kulmino Type of Ceramics. 336

List of abbreviations 354

РЕГИОНЫ АНАНЬИНСКОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ

Вид с севера на Гляденовскую гору из Красавинской поймы, съемка С.Н. Коренюка 2015 г.

Вид с запада на Гляденовскую гору, съемка С.Н. Коренюка 2006 г.

УДК 902.2

ГОРОДИЩЕ МАНЧИХА – ПАМЯТНИК ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА НА САМАРСКОЙ ЛУКЕ

© 2017 Е.В. Волкова

Статья вводит в научный оборот результаты раскопок городища Манчиха, проведенных в 2014 и 2016 годах. Памятник был открыт почти столетие назад, многократно исследовался в XX и в начале XXI века. В статье приведен анализ индивидуальных находок и керамики из раскопов 2016 г., а также учтены некоторые материалы из разведок предыдущих лет. Особое внимание уделено изучению оборонительных сооружений городища. В заключении даны выводы об истории заселения памятника. Выделяются как минимум три археологических комплекса городища Манчиха, между которыми существует хронологический разрыв.

Ключевые слова: городище, вал, оборонительные укрепления, керамика, ранний железный век.

Городище Манчиха находится на вершине длинного отрога Жигулевских гор, который носит название гора Манчиха. Этот отрог выдается далеко от основного массива Жигулей и вытянут в направлении с севера на юг. Абсолютная высота отрога в балтийской системе высот – 110 м. Отрог имеет форму вытянутого, чуть изогнутого треугольника. Западный склон крутой и неприступный, а восточный – более пологий.

Городище занимает южный край мыса. Размеры городища в длину около 275 м и в ширину (в самой широкой части) 116 м. Площадка городища не ровная, куполообразная. Относительно ровная только западная ее часть шириной от 25 до 60 м, большая же часть городища заходит на восточный пологий склон. Перепад высот в пределах площадки городища составляет около 20 м. С напольной стороны городище отделено валом и рвом, пересекающими отрог поперек с юго-запада на северо-восток. Эта фронтальная часть оборонительных укреплений сооружена в месте, где происходит резкое понижение рельефа от площадки городища к северу, в сторону небольшой западины, отделяющей городище от второй вершины горы Манчиха. Таким образом, естественный уступ дополнен и усилен линией оборонительных укреплений. По восточному склону горы линия укреплений продолжается почти до самой стрелки мыса, видоизменяясь. Укрепления сильно оплыли. Наиболее высокий и мощный вал – с напольной стороны, где его максимальная высота от уровня дна рва – чуть больше 3 м. С востока вал низкий, высотой 0,1-0,5 м, местами пропадает совсем. Ров находится по отношению к городищу снаружи от вала, как таковой он присутствует только с напольной стороны, с востока вместо рва производилось эскарпирование склона, а освободившийся грунт шел на насыпку невысокого вала.

Городище Манчиха было открыто В.В. Гольмстен в 1922 году. В ее полевом дневнике о городище отмечено следующее: «Манчиха… с 3-х сторон неприступна, но со стороны гор из обеих соседних долин к ней идет колесная дорога; на вершине перевала от дороги отделяет[ся] тропинка, ведущая к городищу. Обнаружен[ное] городище заним[ает] 2-ю верш[ину] Манчихи (сосед[нюю] с полем, а не перевалом). Городище с напольной стороны окружено полукруг[лым] валом и рвом, сильно заплывшим. Вал, выс[отой] арш[ин], наход[ится] лишь в центре, против ведущ[ей] к городищу тропинки, на флангах он исчезает, замен[яясь] площадками. Внутрен[няя] площадь городища начин[ается] от рва и, идя к склонам горы, образует «куполообразн[ое]» возвышение. Площадь городища заросла густым кустарником. На городище найден неорнаментированный черепок…

Осмотрено Манчихинское городище, Мордова Поляна и долина слева от нее (если стоять лицом к устью Морд[овой] Пол[яны]). На городище для выяснен[ия] содержан[ия] культ[урного] слоя заложены неск[олько] шурфов. Залож[ными] шурф[ами] выяснено, что 1) слой черноз[ема] на 3-2 штыке сменяется слоем щебня-грунтом; что 2) культурный слой залег[ает] в чернозем[ном] слое на 1 и 2 штыках; что 3) он очень беден и 4) содержит неорнам[ентированную] керамику, кости животных и др. вещи (бр[онзовая] пластина).

Установлено, что городище расположено на 2-ой верш[ине] Манчихи (счит[ая] от перевала к полю)… » (Гольмстен, 1922).

В дальнейшем городище осматривалось в 1938 г. экспедицией ИИМК под руководством А.В. Збруевой. Судя по записям в полевом дневнике[1], на момент ее обследования городище было покрыто густым лиственным лесом, что серьезно затрудняло осмотр памятника. На поверхности городища «под слоем древесного перегноя были найдены фрагменты глиняной посуды». Из дневника Куйбышевского отряда следует, что на городище был заложен шурф (местоположение неизвестно), в котором отсутствовали находки. Описанная стратиграфия шурфа в целом соответствует наблюдениям в шурфах и раскопах других исследователей: 1) «супесь, темно-окрашенная, пронизанная корнями деревьев и мелким камнем» (культурный слой) и 2) «известняковый щебень с камнем» (Дневник работ…, 1938, л. 392). Следует отметить, что исследования 2016 г. показали, что культурный слой по гранулометрическому составу представляет собой не супесь, а очень легкий суглинок.

В 1969 г. городище осматривал И.Б. Васильев. Он составил схематический план городища и заложил 2 шурфа: один в районе вала, а второй – в центре площадки. Шурфы выявили тонкий культурный слой (около 25 см) с фрагментами керамики. Среди них три с орнаментом; два отнесены к белогорскому культурному типу (Васильев, 1970, с. 2–3, рис. 3, 4). В 1987 г. во время археологического обследования территории Государственного природного национального парка «Самарская Лука» городище Манчиха было осмотрено отрядом под руководством Э.Л. Дубмана. В отчете отмечено, что на городище «встречается также именьковкая керамика» (Дубман, Мышкин, 1987, с. 13). Дальнейшие исследования не подтвердили наличия именьковского культурного слоя, однако исследована лишь незначительная часть городища. Возможно, именьковские древности будут обнаружены на городище Манчиха в дальнейшем.

В 1993 г. В.А. Скарбовенко проводила глазомерную съемку плана, обмер оборонительных сооружений и уточнение культурной принадлежности памятника. Кроме того, был заложен шурф примерно в 30 м к югу от прохода в валу, позволивший установить наличие как минимум двух хронологических горизонтов: раннего железного века и раннего средневековья. Культурный слой, обнаруженный в шурфе, имел толщину 0,6 м (Скарбовенко, 1993, с. 132–135). Стоит отметить, что больше ни в одном шурфе или раскопе не встречалась такая мощность культурного слоя.

В 2014 г. к исследованию городища Манчиха приступила автор статьи. Был снят инструментальный план памятника, собран небольшой подъемный материал, а также заложены два шурфа за пределами оборонительных сооружений, с напольной стороны городища, для уточнения границ распространения археологического материала. Шурфы показали, что керамика встречается в небольшом количестве и за пределами оборонительных сооружений (Волкова, 2015, с. 40–43).

В 2016 г. исследования на городище продолжились двумя раскопами. Раскоп 1 площадью 72 м^2 заложен примерно в центре верхней, относительно ровной площадки городища. Здесь прослежена единая стратиграфия, которая совпадает с наблюдениями предыдущих исследователей в шурфах. Под слоем современного лесного опада идет слой легкого темно-серого суглинка с включением мелкого щебня. По мере углубления возрастает количество каменистых включений. Максимальная мощность этого слоя вместе с дерновым – 30 см. К этому слою приурочены культурные остатки. Под ним залегает материк – элювий карбонатных пород светло-палевого цвета, который содержит большое количество каменистых включений и ниже переходит в плотную горную породу. Местами между двумя основными слоями прослеживается переходный горизонт, представленный тяжелым суглинком неоднородного серо-бурого цвета с каменистыми включениями. Этот слой маркирует низкие участки, активно промываемые водой. Проследить какие-либо древние сооружения в раскопе 1 не удалось. В раскопе был собран археологический материал, который включал в себя изделия из камня, керамический предмет, а также 583 фрагмента керамики и 388 фрагментов костей животных. Особенность культурного слоя городища Манчиха заключается в обилии каменистых включений. Поэтому каменные артефакты были обнаружены среди собранных камней уже во время камеральной обработки и проведения трасологического анализа (к.и.н. И.В. Горащук).

Каменные артефакты:

1) фрагмент оселка по железу. Размеры фрагмента 3,4×1,3×1,4 см. Имеет тонкие риски линейных следов и ожелезнение поверхности от соприкосновения с материалом (рис. 5: 2);

[1] Приношу благодарность директору СОИКМ им. П.В. Алабина В.Н. Лисейчеву за возможность ознакомится с архивными материалами.

2) фрагмент литейной формы (?) из пережженного талька. Размеры фрагмента 3,9×3,7×0,7 см. Фрагмент имеет на неповрежденной поверхности следы, предположительно, от притирания створок формы (рис. 5: 1);

3) терочная плита из известковой плитки. Размеры плиты 8,8×8,1×2,3 см. Использована естественно выровненная рабочая поверхность. При микроанализе зафиксированы широкие (до 0,5 мм) и длинные (до 20 мм) линейные следы. Заполировка практически отсутствует. Отсутствие заполировки свидетельствует об относительно недолговременном использовании орудия (рис. 6: 1).

4) терочная плита из известковой плитки. Размеры плиты 13,4×9,2×4,4 см. Орудие имеет следы заполировки и истертые линейные следы, которые свидетельствуют о долговременности использования орудия. Орудие имеет две рабочие грани. Не исключено, что после того, как терочная плита была сломана, орудием пользовались как курантом. Из-за деформации материала следы от удержания не фиксируются (рис. 6: 2).

5) терочная плита из известковой плитки. Размеры плиты 15,1×13,2×3,7см. Орудие имеет следы износа, аналогичные предыдущему орудию (рис. 6: 3).

Керамические артефакты:

1) биконическое пряслице грубой работы. Диаметр 1,8-1,9 – 2,4-2,5 см, диаметр отверстия 0,8-1,3, высота 1,5 см. Изготовлено из глины. Визуально фиксируются примесь песка и шамота. Обжиг неравномерный, цвет от коричневого до черно-серого. Пряслице найдено вне раскопа, на валу, в западной его части (рис. 5: 3).

2) фрагмент керамического изделия неясного назначения. Фрагмент имеет линейные размеры 2,5×2,2×1,9 см. Происходит от предмета с прямым внешним углом. Визуально фиксируются примеси шамота и раковины (кости), цвет поверхности предмета коричневый (рис. 5: 4).

Раскоп 2 площадью 12 м^2 был заложен в районе оборонительных сооружений городища. Целью раскопа было исследование прохода в валу, находящегося в северо-западной его части. В описаниях В.В. Гольмстен, в описаниях и на плане И.Б. Васильева проход в валу не упоминается. В Дневнике работ Куйбышевского отряда по обследованию участка строительной площадки плотины есть беглое упоминание о нем: «примерно посредине имеется выход с площадки городища на сторону поля» (Дневник работ…, 1938, л. 392). Однако описание городища, оставленное отрядом ИИМК в 1938 г., содержит неточности: в нем не отмечено, что линия укреплений продолжается по всему восточному склону, который, в свою очередь, назван крутым и неприступным, что также не соответствует реальной картине. Достоверно проход в валу отмечен на плане городища, составленном В.А. Скарбовенко (1993). При обследовании городища в 2014 г. было сделано наблюдение, что проход в валу несет на себе следы недавнего вмешательства: был нарушен дерновый слой, спилены деревья и т.д. Это позволило предположить, что проход не является конструктивной деталью укреплений, а стал следствием разрушения, связанного с деятельностью геодезистов или лесничества. Цель раскопа 2 была выяснить природу этого прохода, установить, был ли в этом месте ров, и если был, то когда он был засыпан. Таким образом, раскоп 2 был заложен таким образом, чтобы в него попала часть прохода и часть вала (рис. 1).

Однако раскопки показали, что проход, по всей видимости, существовал изначально, потому что ров в этом месте прерывается. А оконечность вала, попавшая в раскоп, таким образом, представляла собой всего лишь его осыпь, оплывшую в проход. Следы позднейшего вмешательства объясняются тем, что существовавший проход в валу подвергался расширению для проезда автотранспорта лесничества во второй половине XX века.

Изучение профиля осыпи вала показало, что она состоит из крупных известняковых глыб, поверх засыпанных верхним, самым рыхлым слоем черно-серого гумуса. Гумусовый горизонт осыпи вала отличается от гумусового слоя на остальной части раскопа более насыщенным цветом и меньшим количеством каменистых включений. Гумусный слой насыпи местами раскладывается на два отдельных слоя с еле заметной разницей в цвете и количестве каменистых включений. Кроме того, в двух местах на профиле осыпи вала прослежены пятна серовато-коричневого цвета пылеватой структуры, которые могут оказаться следами истлевшего корневища, а могут свидетельствовать о неоднородности вала. В пользу наличия в древности каких-то деревянных конструкций говорит и наличие в осыпи небольших, но выраженных скоплений угольков размерами до 3 см.

Стратиграфия раскопа отличается в квадратах, не связанных с осыпью вала, еще и наличием переходного горизонта неоднородной буровато-темно-серой окраски. Слой комко-

ватой структуры, тяжелый суглинок, близкий к глине, содержит известняковые включения до 10 см в диаметре. По всей видимости, этот слой был искусственно срезан на ширину вала при его постройке (рис. 3). Характерно, что в гумусовом горизонте осыпи вала не найдено археологических находок, что может свидетельствовать о том, что фронтальная часть оборонительных укреплений сооружалась первыми обитателями городища, в I тыс. до н.э.. В целом с раскопа 2 происходит 41 фрагмент керамики (2 – лепная и 39 круговая керамика) и 3 фрагмента костей животных.

В раскоп 2 частично попало сооружение 1, представляющее собой круглую яму диаметром около 3 м и глубиной около 1,1 м. В сооружении 1 практически на самом дне найден фрагмент русской круговой керамики. Характер и назначение ямы остались неясными. Сооружение 1 было законсервировано для дальнейшего изучения.

Среди фрагментов керамики, найденных на городище Манчиха, выделяется несколько групп.

Группа 1. Керамика белогорского типа. Этот тип керамики представлен круглодонными горшками с прямой или отогнутой шейкой и максимальным расширением примерно в средней части сосуда. Керамика орнаментирована по венчику двумя рядами ямочных вдавлений треугольной или клиновидной формы. Сосуды с толщиной стенок от 5 до 10 мм, толщина стенок увеличивается к венчику. Венчик закругленный или скошенный внутрь. Цвет поверхности сосудов варьирует от серовато-коричневого до красновато-коричневого, в изломе черепки темно-серые. В формовочной массе сосудов фиксируются примеси кости, органики. Керамика сильно фрагментирована, целые формы отсутствуют. Частично реконструируется горло одного сосуда, по которому удалось определить диаметр – 24 см. Поверхность сосудов с внутренней и внешней стороны несет на себе следы обработки зубчатым штампом в виде неглубоких расчесов, а также следы вторичной обработки (заглаживания) орудием с мягкой рабочей частью. Керамика белогорского типа найдена в шурфе И.Б. Васильева в 1969 г., в подъемном материале из сборов 2014 г., а также в раскопе 2016 г. (рис. 7). Памятники с керамикой белогорского типа выделяются в особый белогорский вариант постмаклашеевской культуры. Комплекс датируется в пределах VI–III вв. до н.э. (Чижевский, 2014, с. 222).

Группа 2. Горшковидные сосуды с максимальным расширением в средней части. Керамика несет на себе следы обработки зубчатым штампом, в результате чего и внутренняя и внешняя поверхность сосудов покрыта выраженными упорядоченными расчесами. Большая часть керамики, выделенной в эту группу, – фрагменты стенок. Но есть два фрагмента венчиков, украшенных орнаментом в виде косых насечек по внешнему краю. Венчики уплощенные сверху, а также по внешнему краю. Визуально фиксируются примеси шамота и, возможно, песка и органики. Подобная керамика с расчесами встречена на Самарской Луке еще на городище Гришкин Овраг и селище Подгорское I. В.А. Скарбовенко условно назвала эту группу керамикой типа «гришкин овраг». Оформление венчика позволяет отнести ее к эпохе раннего железа (рис. 8: 1).

Группа. 3. Горшковидные сосуды с горлом в виде раструба и максимальным расширением в средней части. Венчик закруглен, либо чуть уплощен сверху, на некоторых фрагментах венчиков присутствует едва заметный воротничок. Керамика несет на себе следы обработки зубчатым штампом, а также вторичной обработки (заглаживания) орудием с мягкой рабочей частью. Визуально фиксируются примеси шамота и песка в формовочной массе керамики. Цвет поверхности черепков коричневый, с высветленными пятнами, в изломе – черный (рис. 8: 2).

Группы керамики 2 и 3, возможно, представляют собой единый комплекс «гришкин овраг». Керамика этого типа пока мало изучена, остается открытым вопрос: бытовала ли она синхронно с керамикой белогорского типа, или эта керамическая традиция принадлежала иному населению. Очевидно, что указанный керамический комплекс не связан с последующими обитателями городища Манчиха, оставившими керамику типа поселения Царев Курган. Таким образом, представляется возможным датировать 2 и 3 группы керамики I тыс. до н.э.

Группа. 4. Крупные горшки с отогнутым наружу раструбовидным горлом и ярко выраженным внутренним ребром. В коллекции представлены фрагменты неорнаментированного сосуда, а также с орнаментом в виде защипов по венчику (рис. 9: 1, 2, 4). Данная керамика находит прямые аналогии в керамике поселения Царев Курган, которые, в свою очередь, определяются как материалы позднескифского круга. В Самарской области имеется несколько пунктов, где встречены подоб-

ные комплексы: Царев Курган, Подгорское, Шигонское селище, Новинковское V селища, городище и селище Лбище (Сташенков, 2003, с. 93). Среди материалов городища Манчиха к этой же группе, возможно, относятся фрагменты плоскодонного горшка с орнаментом в виде насечек по внешнему краю венчика, фрагмент венчика из шурфа В.А. Скарбовенко 1993 г. с небольшими защипами по внешнему краю (рис. 9: 3, 5), а также целый ряд плоских днищ, установить культурную принадлежность которых пока не удалось.

Группа 5 представлена всего одним небольшим фрагментом венчика лощеной миски. Миска с невыделенной шейкой, с вертикальным или чуть вогнутым внутрь венчиком, с двумя неглубокими горизонтальными желобками. Верхний желобок едва заметный, нижний – более выраженный. Толщина сохранившегося фрагмента варьируется от 0,3 до 0,7 см. Цвет фрагмента черно-серый (рис. 9: 6). Прямые аналогии подобной миске представлены в коллекции с поселения Царев Курган (Там же, рис. 9: 2).

Группы 4 и 5 составляют единый комплекс, носящий название «материалы типа пос. Царев Курган», и датируются второй половиной I – первой половиной III вв. н.э. (Сташенков, 2005, с. 22). Ближайшие аналогии подобным комплексам за пределами Самарской области встречены на Алексеевском городище в г. Саратове (Юдин, 2001).

Группа 6 представлена фрагментами одного лепного сосуда с высокой, расширяющейся кверху шейкой (кувшин без ручки). Сосуд тонкостенный, с тщательно заглаженной поверхностью. Толщина стенок 0,35-0,5 см. Цвет поверхности сосуда серо-коричневый, в изломе – серый (рис. 10: 1). Точные аналогии такой посуды автору неизвестны.

Группа 7. Русская круговая посуда. Керамика этой группы найдена в 2016 году. В единичном количестве она присутствует в раскопе 1 (3 фрагмента: кв. 6, г. 1), основная же ее часть (39 фрагментов) сосредоточена в районе вала, в раскопе 2. Удалось частично реконструировать 2 сосуда (рис. 11: 1, 12). По всей видимости, эта керамика связана со временем существования с. Подгоры, которое возникло в XVII в. и существует до настоящего времени, и какой-то эпизодической активностью русского населения на городище.

Кроме указанных групп, в коллекции материалов городища Манчиха имеются многочисленные фрагменты керамики, определить культурную принадлежность которых пока не удалось. В публикацию вошли лишь некоторые из них (рис. 10: 2-7).

Таким образом, анализ археологического материала позволяет сделать предварительные выводы об истории городища Манчиха. Судя по обилию фрагментов костей и керамики, городище Манчиха – это не городище-убежище, как считалось традиционно, а поселенческий памятник. Впервые городище было заселено в раннем железном веке. Возможно, здесь существовало какое-то местное население, когда на Самарскую Луку пришли племена ананьинской КИО, чье присутствие на городище Манчиха документируется керамикой белогорского типа. На материале городища Манчиха и ряда других памятников можно проследить несколько керамических традиций, относящихся к I тыс. до. н.э. Пока не понятно, существовали они параллельно или последовательно, как неизвестна и судьба населения городища Манчиха в I тыс. до н.э.

Впоследствии, в начале I тыс. н.э., на городище поселилась группа людей, связанных с памятниками типа Царева Кургана. Д.А. Сташенков датирует царевокурганские комплексы в Самарской области второй половиной I – первой половиной III в. н.э. Это население не связано генетически с предшествующими поволжскими культурами, а было родственным населению, оставившему памятники позднескифского круга в Нижнем Подонье.

В конце XVI–XVII в. на Самарской Луке активно действует волжская вольница. Волжские казаки обычно не основывали здесь постоянных поселений, используя Жигулевские горы в качестве временного укрытия (Дубман, 2000, с. 31–33). Существуют местные легенды, согласно которым гора Манчиха получила название в честь атаманши волжской вольницы Манчихи. По разным версиям Манчиха либо спрятала клад на горе, либо погибла, спрыгнув с обрыва горы, когда царские войска окружили ее отряд. В начале XVII в. появляется русское поселение вокруг Спасо-Преображенского монастыря у подножия горы Манчиха. Местные жители, по-видимому, знали о наличии древнего городища на вершине горы и периодически посещали его. В частности, интересовали их оборонительные сооружения, судя по скоплению русской керамики в этом месте. Характер этой активности, возможно, станет более понятен при дальнейшем исследовании сооружения 1.

ЛИТЕРАТУРА

Васильев И.В. Отчет о разведках в Волжском, Ставропольском и Красноярском районах Куйбышевской области в 1969 году по Открытому листу № 306. Куйбышев, 1970. 49 с. // Архив ИА РАН. Р-1, № 3871.

Волкова Е.В. Отчет об археологических разведках в Волжском районе Самарской области по открытому листу № 1030 в 2014 г. Самара, 2015. Т. 1. 104 с. // Архив ИА РАН.

Гольмстен В.В. Дневник 1922 года // Научный архив ИИМК РАН. Ф. 44. Д. 1.

Дневник работ Куйбышевского отряда по обследованию участка строительной площадки плотины // Архив СОИКМ, ф. VII. 6. 1, д. 169/1938, л. 392.

Дубман Э.Л. Волжско-яицкое казачество // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. XVI – первая половина XIX века. М.: Наука, 2000. С. 24–34.

Дубман Э.Л., Мышкин В.Н. Отчет о разведках на территории Государственного природного национального парка «Самарская Лука» (Ставропольский и Волжский район Куйбышевской области) в 1987 году. Куйбышев, 1987 // Архив ИА РАН. Р-1, № 12207.

Скарбовенко В. А. Отчёт о разведках в Волжском районе Самарской области в 1993 году. Самара, 1993 // Архив археологических фондов Самарского университета.

Сташенков Д.А. Находки эпохи раннего железного века // Царев курган. Каталог археологической коллекции. Самара: СОИКМ, 2003. С. 84–115.

Сташенков Д.А. Оседлое население Самарского лесостепного Поволжья в I–V вв. н.э. / Раннеславянский мир. Вып. 7 / Отв. ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2005. 150 с.

Царев курган. Каталог археологической коллекции / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ, 2003. 164 с.

Чижевский А.А. Керамика белогорского типа в Самарском Поволжье // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 211–224.

Юдин А.И. Алексеевское городище в г. Саратове // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 4: Охрана и исследования в 1998–2000 годах / Отв. ред. А.И. Юдин. Саратов: Научная книга, 2001. С. 22–80.

Информация об авторе:

Волкова Екатерина Вячеславовна, ведущий специалист, ООО Научно производственный центр "Бифас" (г. Самара, Россия); katerinathewolf@gmail.com

MANCHIKHA SETTLEMENT – AN IRON AGE MONUMENT AT SAMARA BEND

E.V. Volkova

The article introduces into scientific discourse the results of excavations conducted at Manchikha settlement in 2014 and 2016. The site was discovered almost a century ago and repeatedly researched in the 20th and early 21st centuries. The article features an analysis of individual findings and ceramics from the excavations of 2016, and considers certain materials from the excavations of the previous years. Special attention is paid to the study of the settlement's defensive structures. The authors make a conclusion on the conclusions on the history of site's colonization. Manchikha settlement is associated with not less than three archaeological complexes with chronological gaps in between.

Keywords: ancient settlement, rampart, defensive fortifications, ceramics, the Early Iron Age.

About the Author:

Volkova Ekaterina V. Leading specialist , LLC "Bifas", Gagarina, St., 86, Samara, 443045, Russian Federation; katerinathewolf@gmail.com

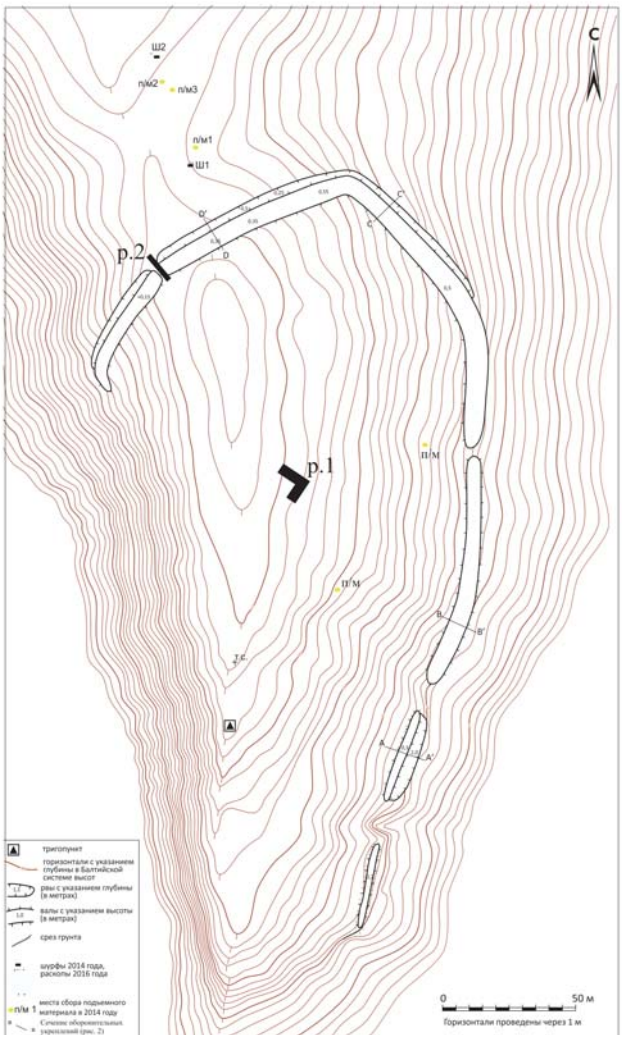


Рис. 1. План городища Манчиха. Съемка плана – Ю.И. Колев.

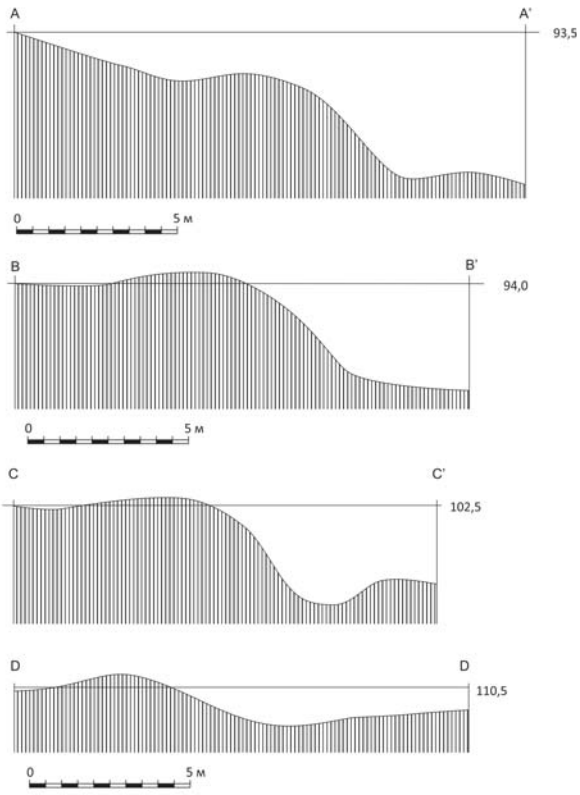


Рис. 2. Городище Манчиха. Оборонительные сооружения в разрезе (см. местонахождение сечений на рис. 1).

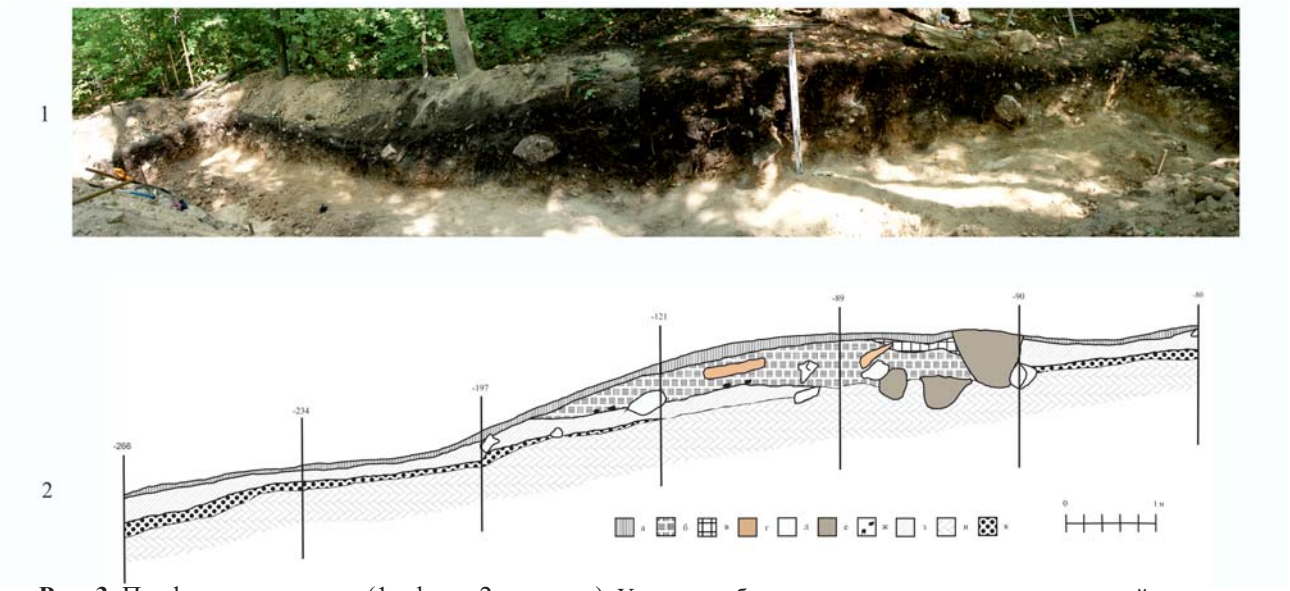


Рис. 3. Профиль осыпи вала (1 - фото, 2 - чертеж). Условные обозначения: а – гумусо-аккумулятивный горизонт, сформировавшийся поверх насыпи вала. Темно-серый, однородной окраски, пылеватой структуры, густо переплетен мелкими корнями; б - нижняя часть насыпи вала. Отличается от вышележащей более светлым серым цветом, большей плотностью, наличием глыбистых включений; в - верхняя часть насыпи вала, сложенная из гумусового горизонта - среднего суглинка комковато-пылеватой структуры темно-серого цвета. Слой пронизан корнями, содержит каменистые включения дресвы, гравия, щебня; г - линза суглинка серовато-коричневого цвета пылеватой структуры; д - крупные известняковые глыбы; е - следы от истлевших корневищ; ж - скопления мелких угольков; з – гумусо-аккумулятивный горизонт - легкий суглинок темно-серого цвета. Отличается от насыпи вала более светлым цветом, большим количеством мелких каменистых включений (дресва, щебень), зернистой структурой; и - элювий известняков - супесь светло-палевого цвета с большим количеством глыб известняка (природное основание); к - тяжелый суглинок, близкий к глине неоднородной окраски буровато-темно-серый, светлеющий книзу. Содержит включения известняка до 10 см в диаметре и много мелких точечных карбонатных включений.

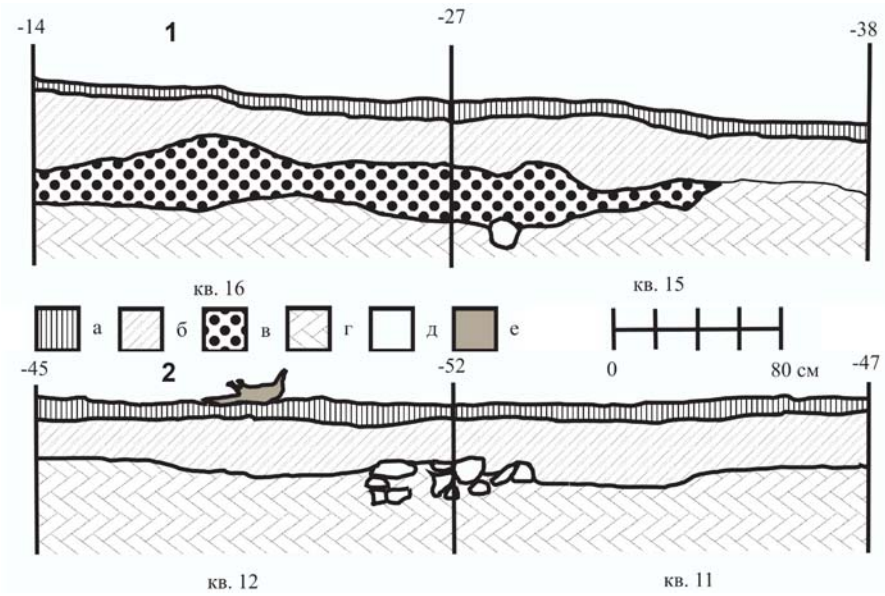


Рис. 4. Городище Манчиха. Стратиграфия раскопа

1: 1 – с переходным слоем; 2 – без переходного слоя. Условные обозначения: а - современный слой, сформировавшийся поверх культурного слоя городища (опад); б - гумусовый горизонт - легкий суглинок темно-серого цвета однородной окраски комковато-зернистой структуры. Содержит известняковые включения (дресва, щебень). К этому слою приурочены культурные остатки; в - переходный горизонт - тяжелый суглинок неоднородной окраски: на коричневато-буром фоне темно-серые пятна, языки, сухой, уплотненный, хорошо оструктуренный. Содержит известняковые включения (дресва, щебень). Слой маркирует низины, промываемые водой; г - элювий карбонатных пород - супесь светло-палевого цвета комковатой структуры. Содержит большое количество каменистых включений. Переход в плотную горную породу - известняк (природное основание); д - крупные камни, известняковые глыбы; е - крупные корневища.

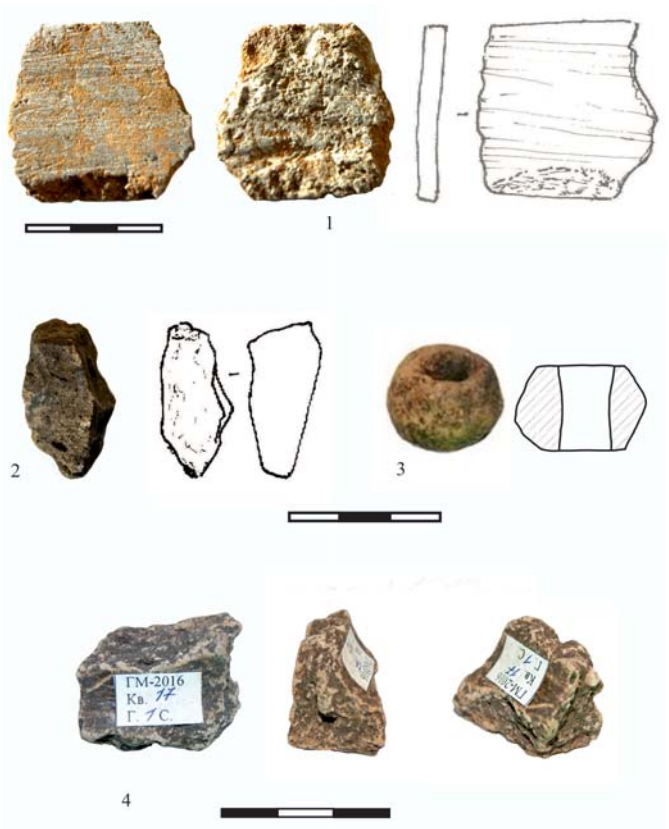


Рис. 5. Артефакты из раскопа 1 2016 года. 1 - фрагмент литейной формы ? (кв. 12 г. 3 бр. 2); 2 - фрагмент оселка по железу (кв. 6 г. 2); 3 – пряслице (подъемный материал); 4 – предмет неизвестного назначения (кв. 17 г. 1). 1 – пережженный тальк, 2 – песчаник, 3,4 – глина.

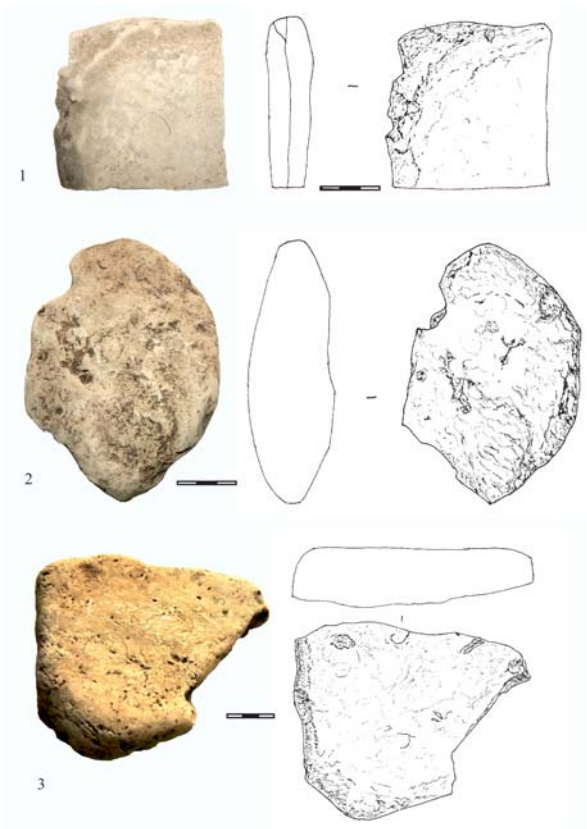


Рис. 6. Терочные плиты из раскопа 1 2016 года (известняк). 1 – кв. 11 г. 3; 2,3 – кв. 3 г. 1.

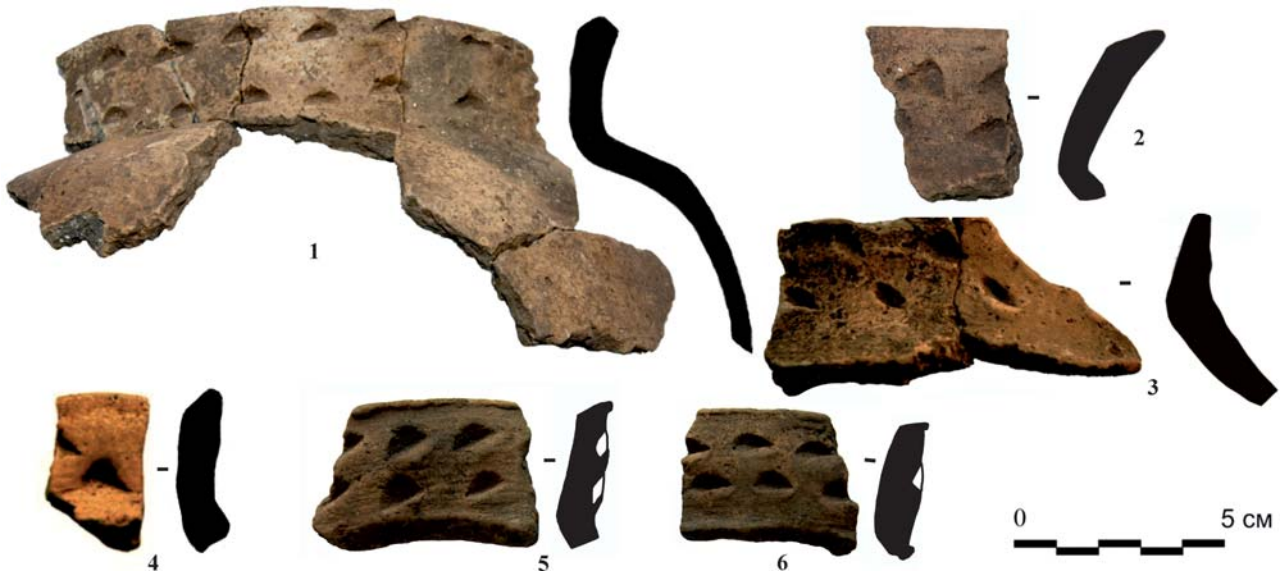


Рис. 7. Керамика белогорского типа. 1 – р. 1 кв. 15 г.3, 2 – р. 1 кв. 5 г. 1, 3 – р. 1 кв. 4, 10 г. 1 (2016 год); 4 – подъемный материал (сборы 2014 года); 5,6 – ш. 3 (Васильев, 1970).

Рис. 8. Керамика раннего железного века из раскопа 1 (2016 год). 1 – кв. 15 г. 1, кв. 13 г. 2; 2 – кв. 13 г. 1-2.

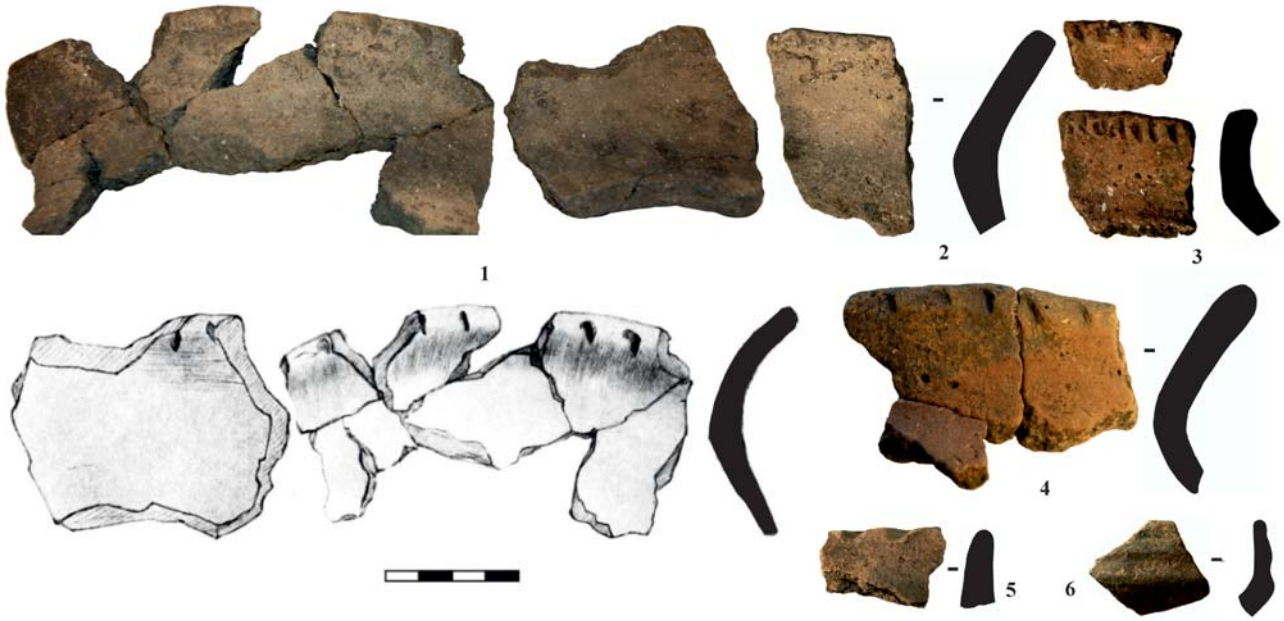


Рис. 9. Керамика типа пос. Царев Курган. 1 – р. 1 кв. 2 г. 1-2, 2 – р. 1 кв. 7 г. 1, 3 – р. 1 кв. 2 г. 2, 4 – р. 1 кв. 1-2 г. 1, 6 – р. 1 кв. 2 г. 1 (2016 год); 5 – ш. (Скарбовенко, 1993).

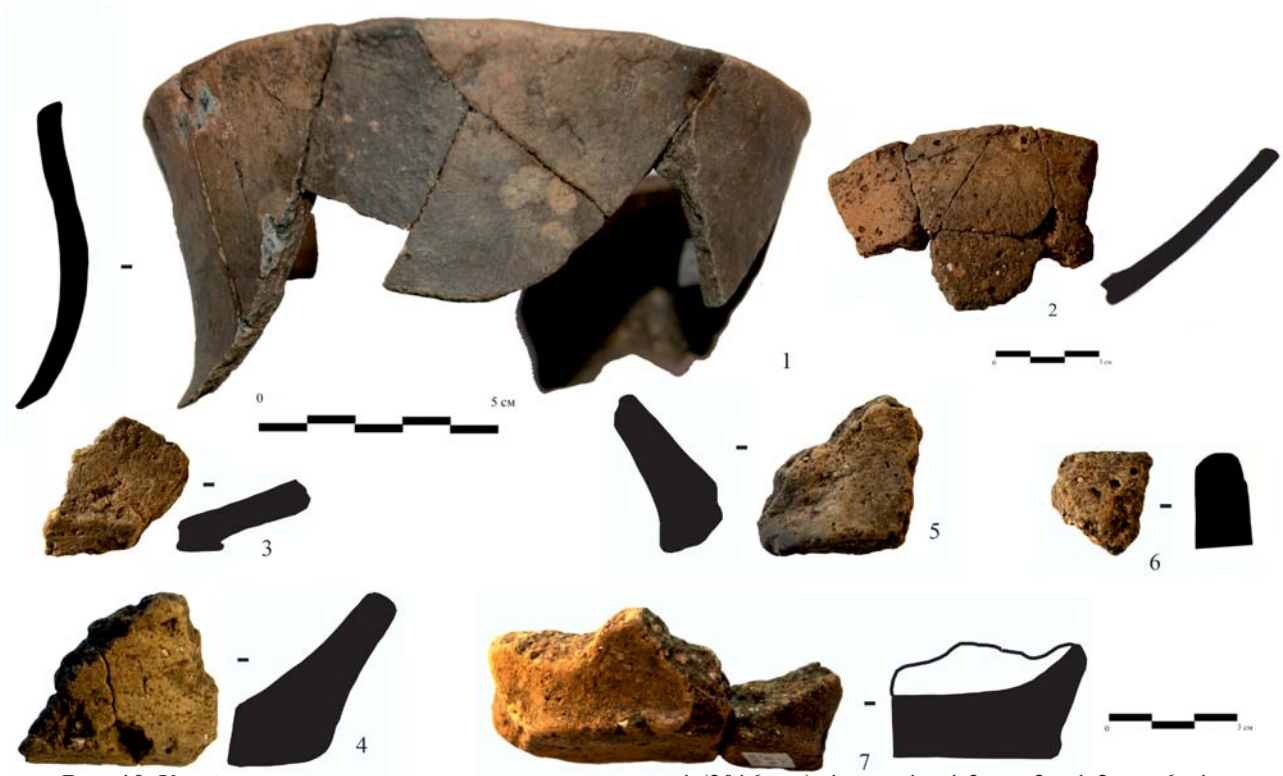


Рис. 10. Керамика неустановленных типов из раскопа 1 (2016 год). 1 – кв. 1 г. 1,3, кв. 2 г. 1-2, кв. 6 г.1; 2 – кв. 11 г. 1,4 бр. 2; 3 – кв. 17 г. 1; 4, 5 – кв. 18 г. 1; 6 – кв. 16 г. 3; 7 – кв. 18 г. 2.

Рис. 11. Русская круговая керамика из раскопа 2 (2016 год).

Рис. 12. Русская круговая керамика из раскопа 2 (2016 год).

УДК 904.930.24(470.51)(045)

АБСОЛЮТНАЯ И ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ХРОНОЛОГИЯ ЗУЕВОКЛЮЧЕВСКОГО I ГОРОДИЩА: ПРОБЛЕМЫ СОПОСТАВЛЕНИЯ

© 2017 г. А.Е. Митряков, Е.М. Черных

В статье подняты вопросы, связанные с проблемами верификации традиционных и естественнонаучных методов датировки многослойных объектов, применяемых в прикамской археологии. В частности, анализируются возможности и результаты датирования керамики – как основного материала, характеризующего культурный слой ананьинско-пьяноборского Зуевоключевского I городища, – методом ^{14}C. Предпринятый в новых условиях анализ керамических комплексов из стратифицированных комплексов жилищ подтверждает ранее выявленную тенденцию в эволюции глиняной посуды ананьинского времени Удмуртского Прикамья. В приведённой серии датировок усматривается зависимость между величиной расхождения и традиционной датировкой материалов: если наиболее ранние датировки в принципе не противоречат традиционным, то по мере омоложения комплексов расхождение в датировках начинает приобретать неправдоподобные значения.

Ключевые слова: культурный слой, стратиграфический метод, керамика, радиоуглеродный анализ, ананьинская культура, Прикамье

Введение

Проблема абсолютного датирования поселенческих материалов в ананьиноведении становится на сегодняшний день одной из узловых. Относительная шкала датирования для ананьинских памятников Прикамья в общем виде была сформирована ещё к 1970-м гг., после масштабных спасательных работ в зонах строительства Камского гидрокаскада (Генинг, Стоянов, 1961; Труды, 1967) и впоследствии корректировалась и уточнялась для конкретных территорий и объектов (Халиков, 1977; Ашихмина, 1977; 1985; Марков, 1984; 1992). Шкала абсолютных датировок по-прежнему опирается, в основном, на многочленные цепочки аналогий раннекочевническим материалам степного пояса Евразии и Кавказа. Учитывая, что большинство поселенческих комплексов Прикамья характеризуются минимальным числом индивидуальных находок-импортов, их датировка точнее, чем с люфтом в 100-150 и более лет, явно не может считаться удовлетворительной. В качестве альтернативы т.н. «методу аналогий» абсолютная хронология для памятников голоцена сегодня всё чаще определяется на основании независимых датировок, полученных методами естественных наук.

В большинстве работ, нацеленных на создание относительной хронологии для отдельного поселенческого памятника, таковая строится на данных стратиграфии и типологии культурных слоев и объектов. Зуевоключевское I городище представляет собой сложный многофункциональный объект. На его территории в ходе раскопок были изучены стоянка луговской культуры, поселение маклашеевской культуры, могильник эпохи раннего металла, городище и могильник раннего железного века, поселение и могильник середины-второй половины II тыс. н.э., занимавших один и тот же участок третьей надпойменной террасы р. Камы (Черных, 2004; Голдина, Черных, 2011). Для раннего железного века это было достаточно крупное укрепленное поселение (в пределах фортификаций – около 33 000 м^2), изученное на большой площади (около 8 000 м^2).

Стратиграфическая ситуация на нем характеризуются последовательным накоплением слоев, в спектре которых выделены несколько строительных горизонтов, установлена их относительная хронология (Черных, 2008; 2012). Характер самого городища, особенности формирования и степень сохранности культурных слоев, их насыщенность вещевыми и керамическими материалами вывели его в ряд ключевых памятников ананьинской эпохи в Прикамье. Вместе с тем, предложенная одним из авторов настоящей статьи хроностратиграфическая схема, не может быть признана полной и окончательной (Черных, 2012). При ее разработке возможности радиоуглеродного датирования были учтены, но в очень ограниченном количестве образцов, полученных по углю и кости (Черных, 2008, с. 78). Принимая во внимание, что основой для выстраивания относительной хронологии

ананьинских поселений послужила керамика (технология изготовления и смена орнаментальных стилей), а также то обстоятельство, что она, будучи массовым материалом, достаточно надежно увязывается с культурным контекстом и признается сегодня в качестве источника получения радиоуглеродных дат (Zaitseva et al., 2009; Кулькова, 2014), мы инициировали проведение эксперимента по абсолютному датированию серии образцов зуевоключевской керамики.

Цель предлагаемого исследования – верификация результатов датирования культурных напластований Зуевоключевского I городища, выполненного в разное время и разными исследователями (В.Ф. Генинг, Л.И. Ашихмина, Е.М. Черных), методом радиоуглеродного датирования стратифицированной колонки керамического материала. Результаты данного эксперимента и предложены ниже к обсуждению.

Ранее для материалов Зуевоключевского городища уже было получено несколько радиоуглеродных дат по разным материалам, которые мы сочли необходимым включить в общую сводную таблицу.

Таблица 1

Объект	**Материал**	**Абсолютная дата керамики по ^{14}C (некалиброванная)**	**Калиброванная дата керамики по ^{14}C (1 сигма, 68,2% вероятности)**	**Номер анализа**
Слой № 6 (раскоп XIV) 1975 г.	Керамика	2859±70 BP	1130-920 CalBC	SPb-658
Слой 9 (раскоп XX)	Керамика	2950±100 BP	1288-1011 CalBC	SPb-1357
Яма 12	Керамика	2600±100 BP	895-545 CalBC	SPb-1356
Сооружение XVIII	Керамика	2637±150 BP	978-542 CalBC	SPb-1390
Сооружение XIV	Керамика	2517±120 BP	821-516 CalBC	SPb-1388
Сооружение XVII	Керамика	ОбразецА 2340±65 BP образец Б 2092±150	540-258 CalBC 357 CalBC – 53 CalAD	Spb-1382 SPb-1389
Сооружение XIII	Керамика	2763±60 BP	976-835 CalBC	SPb-1383
Сооружение XV	Керамика	2644±50BP	891-789 CalBC	SPb-1381
Захоронение № 2 на уч. Ф/10	кость	2420±160	780-390 CalBC	Ле-7013
Вал	Дерево, уголь	2245±25	390-350 CalBC	Ле-6493
Вал	Дерево, уголь	2280±30	400-360 CalBC	Ле-6494
Яма 33	Уголь	1790±120	80-110 CalBC	Ле-6740
Ст. яма 666	Почва с углём	6120±35	5210-4940 CalBC	Ле-6495

Описание памятника

Зуевоключевское I городище расположено в 1,5 км к ЮЮЗ от д. Зуевы Ключи Каракулинского района Удмуртской Республики и занимает мыс 20-25 метровой высоты на правом берегу р. Кама (рис. 1:1). Мощность культурного слоя на площадке составляет от 10-30 до 60-80 см; на ЮВ склоне – достигает 2,0 м.

Для радиоуглеродного анализа отбирались материалы, происходящие из объектов раскопа XVIII (рис. 1: 2), на котором в 1999 г. при поддержке РГНФ и Фонда «Интеграция» проводились исследования культурного слоя городища не только классическими археологическими методами, но с привлечением широкого спектра естественнонаучных методов и специального оборудования (Журбин, Черных, 1999). Вскрытие слоя выполнялось тонкими зачистками, условными горизонтами по 5-10 см, а учет находок – по горизонтам и

стратиграфически видимым слоям. Изучение отдельных сооружений осуществлялось с учетом индивидуальных особенностей каждого, фронтальной зачисткой и наблюдением за изменениями конфигурации как в плане, так и в профиле. То есть для артефактов еще в ходе полевой фиксации был установлен вполне надежный культурный контекст. Для дальнейших выводов значимыми моментами оказываются также выполненные в ходе работ фиксации множественных природных (криогенные трещины) и антропогенных нарушений культурного слоя, выполненные геоморфологом канд. геогр. наук А.В. Сергеевым и представляющие несомненный интерес для отдельного специального анализа.

Культурный слой в границах раскопа был представлен «пачкой» супесей различной текстуры и наполнения. Сверху вниз вскрывались следующие слои (рис. 2:1): 1 – современная почва – дерново-пахотный горизонт A_{1n} в виде темно-серой мелкокомковатой супеси мощностью 10-30 см. Этот слой на участке раскопа имел сильные разрушения, вызванные бурением вблизи нефтеразведочной скважины и работами тяжелой техники (слой № 30). Ниже слоя распашки локальными линзами фиксировались рыхлые зольно-пепельные слои различной цветности и мощности (слой № 3). В них залегали остатки сооружений, заполнением которых служили плотные супеси с включениями золы, угольков, известняковой крошки коричневого (слой № 21) или темно-серого цвета с галечником (слой № 11). В северной части раскопа ниже слоев разрушения сразу шел слой золы, с включениями мелкой гальки (№ 4а), обозначенный в полевой документации как остатки сооружения XIV. Между материком – светло-серый песок (№ 7) и основными слоями в виде линз фиксировался слой темно-серой супеси с углистыми прослоями (№ 6) – погребенная почва.

В опубликованной в 2012 г. статье Е.М. Черных для изученного участка застройки городища была предложена хроностратиграфическая последовательность, в основании которой находилось сооружение XVIII, устроенное непосредственно на материке. Время функционирования сооружения определено не позднее второй половины V в. до н.э. (Черных, 2012, с. 116, 117, рис. 3). Позднее на его месте и рядом возводятся две постройки (№№ XIV и XVII). С прекращением их бытования в планировке этого участка городища происходят изменения, выразившиеся в характере ориентации сооружений и рядовой застройки. Но состав слоев остается прежним. С этим последним этапом функционирования ананьинского поселка было связано сооружение XIII. Его остатки перекрывались вымосткой глиняного пола чегандинского сооружения XV, залегавшего непосредственно под дерново-пахотным слоем (рис. 2: 2).

Описание объектов и отобранных из них образцов

Яма 12 (р. XVIII, уч. К/25) зафиксирована в нижнем строительном горизонте городища (-40-60) на уровне -50 см от поверхности, имела трапециевидную форму, размеры 0,83×0,82 м, глубину до 50 см. Находки в яме – мелкие сырые и кальцинированные кости, раковины моллюсков, керамика – залегали в верхней и средней части заполнения ямы, преимущественно на глубине 60-65 см. На основании стратиграфических наблюдений, залегания объекта в одном строительном горизонте с сооружениями XVIII и XIX, предварительная абсолютная датировка объекта – до конца V в. до н.э.

Из ямы происходит небольшая серия керамических находок (20 экз.), представленная, в основном, стенками сосудов, но включающий и несколько верхних частей с венчиками (рис. 3). Четыре из них орнаментированы шнуром с ямками, остальные – только ямками; в верхней части шейки характерен выраженный «наплыв» над рядом ямок.

Все сосуды имеют обильную примесь мелкотолчёной раковины в тесте и неровный обжиг.

Образец, взятый для датирования из ямы 12 – 4 фрагмента верхних частей от разных сосудов (рис. 10: 2-5).

А) Фрагмент верхней части сосуда с венчиком диаметром 20-22 см, толщина стенки 4-7 мм. Обе поверхности – светло-коричневого цвета, внешняя поверхность несёт следы тщательного заглаживания. Тесто в изломе темно-серого цвета, с примесью толченой раковины. Фрагмент орнаментирован рядами оттисков шнура с правой завивкой, представленными, впрочем, на фрагменте нерегулярно, а также рядом округлых ямок с выпуклым дном (полый орнаментир?). Над ним на внешней поверхности имеется своеобразный наплыв типа валика.

Б) Фрагмент верхней части сосуда диаметром 12-15 см, толщина стенки – 3,5-5 мм. Обе поверхности сосуда – тёмно-серые, заглажены, на внешней заметны следы лощения. Тесто в изломе темно-серого цвета, с примесью мелкотолченой раковины. Сосуд орна-

ментирован округлыми ямками с плоским дном без жемчужин диаметром 4-5 мм.

В) Фрагмент верхней части сосуда большого диаметра (>35 см) с венчиком, толщина стенки 4-6 мм. Обе поверхности фрагмента серо-коричневого цвета, на внешней поверхности – слабый золистый налёт. На обеих поверхностях – следы грубого заглаживания с отчётливым микрорельефом (трава?). Тесто в изломе серовато-коричневое, с обильной примесью толченой раковины. Сосуд орнаментирован неровным рядом ямок неправильной формы с уплощенным дном без жемчужин. Над ним имеется нерегулярный наплыв типа валика.

Г) Фрагмент верхней части сосуда неопределённого диаметра с венчиком; толщина стенки 4-5 мм. Обе поверхности – серовато-коричневого цвета, ровные, в значительной степени выщербленные, по-видимому, в процессе исчезновения примеси. Тесто темно-серого цвета с обильной примесью мелкотолченой раковины. Фрагмент орнаментирован рядами оттисков шнура с левой завивкой, а также рядом ямок округлой формы диаметром 4-5 мм с плоским дном. Над рядом ямок на внешней поверхности фрагмента заметно утолщение с выраженным рельефом.

Сооружение XVIII (р. XVIII, уч. К-М/24-26) относится к раннему строительному горизонту. Первые следы были зафиксированы на уровне -35 см, окончательно границы постройки оформились на уровне -40 см от поверхности. Максимальная глубина -55 см. Площадь – 8,76 х 4,6-5,3 м. Постройка перекрыта и частично разрушена вышележащим сооружением XVII. Основное заполнение сооружения – слой плотной тёмно-серой супеси (№ 11). Среди особенностей постройки – погребение ребёнка под западной стенкой. По находке рогового гребня и керамическому материалу сооружение синхронизировано со средним горизонтом городища Каменный Лог (VI-V вв., по Л.И. Ашихминой).

К сооружению XVIII, согласно коллекционной описи, относится не менее 210 фрагментов сосудов, в том числе не менее 42 верхних частей с венчиками. Информативными для достоверного определения орнамента и примерной профилировки верхней части являются 17 верхних частей сосудов (рис. 3). Процент ямочно-шнуровой посуды невелик (около 30% как по крупным фрагментам, около 35% при включении мелких обломков шеек); оттиски шнура имеют характерную композицию – это двух- трёхрядные полосы, верхняя из которых приходится на высоту пояска ямок. Ямками орнаментированы все сосуды с выделенным горлом, за исключением одного (рис. 3: 12)

Что касается профилировки сосудов, то здесь можно выделить как сосуды с выделенной горловиной, так и сосуды закрытой формы (рис. 3: 5, 7), без орнамента. Шейки сосудов прямые или очень слабо отогнутые (рис. 3: 11, 14), плечики невысокие (при этом высота плечика слабо коррелирует с диаметром и, как правило, определяется шириной ленты подлепа 2,5-3,5 см), слабо выпуклые (указатель ФЖ, в терминологии В.Ф. Генинга, в пределах 0,12-0,26), но достаточно выраженные. Среди специфических особенностей комплекса можно отметить наличие нескольких сосудов с валиком на внешней стороне шейки, который в некоторых случаях образуется благодаря изгибу всего профиля (рис. 3: 4, 9). Сосуды с такой профилировкой можно видеть, в частности, в ранних слоях Аргыжского городища (Черных, Ванчиков, Шаталов, 2002, с. 132, 133, рис. 25: 2; 26: 3, 7, 8 и др.).

Среди других особенностей керамического комплекса сооружения можно отметить значительную (до 60%) долю сосудов с подлощением внешней поверхности, обычно по нижней части шейки и плечикам.

Все сосуды имеют обильную примесь мелкотолчёной раковины в тесте и неровный обжиг.

Образец для радиоуглеродного датирования из сооружения XVIII был представлен двумя крупными фрагментами от разных сосудов (рис. 8: 6, 7).

А) Фрагмент венчика диаметром 38-40 см, толщина стенки 4-8 мм (последняя цифра – по максимальному утолщению воротничка). Внешняя поверхность светло-коричневая, внутренняя – темно-серая, тесто в изломе темно-серое. Обильная примесь толчёной раковины. Обе стороны довольно тщательно заглажены (исключение – зона пояска ямок на внешней стороне). Ямки округлые, с приостренным дном. Над рядом ямок проходит утолщение, напоминающее «воротничок».

Б) Фрагмент стенки очень большого (диаметром свыше 45 см) сосуда. Толщина стенки – 4-7 мм. Внешняя поверхность – светло-коричневая с желтоватыми пятнами, внутренняя – серо-коричневая. В тесте – примесь толчёной раковины. Внешняя сторона тщательно заглажена, внутренняя несёт следы обработки с отчётливым мелким микрорельефом (трава?). Сосуд орнаментирован оттисками

сдвоенного шнура с левой завивкой и рядом округлых ямок с плоским дном.

Датировка сооружения XVII и сооружения XIV в пределах V-III вв. до н.э. может быть прослежена, помимо наличия характерного фрагмента костяной лопатки, по положению над датированным сооружением XVIII и перекрытию сооружением XIII.

Сооружение XVII (р. XVIII, уч.К-М/24-26) отнесённое к верхнему строительному горизонту ананьинского слоя, чётко зафиксировано на глубине -35 см. Постройка частично нарушает сооружение XVIII. Основное заполнение постройки – плотная коричневая супесь с включениями гальки и раковины (слой № 21).

К сооружению XVII по описи относится не менее 82 фрагментов сосудов, в том числе не менее 27 верхних частей с венчиками. Информативными для достоверного определения стиля орнаментации и примерной профилировки верхней части являются 13 верхних частей сосудов (рис. 4). Доля ямочно-шнуровой посуды – около 50 % (по крупным фрагментам), 38% – при включении в статистику мелких обломков шеек; преобладают двухрядные оттиски шнура, по верхнему из которых нанесён ряд ямок. Помимо сосудов с выделенной шейкой, имеется одна закрытая форма (рис. 4:2).

По профилировке сосудов комплекс сооружения также существенно не отличается от комплекса сооружения XVIII. Высота шейки, как и высота плечика (за исключением сосудов диаметром 10-12 см и менее) с диаметром не коррелируют и зависят, в первую очередь, от ширины глиняной ленты или жгута; можно отметить уменьшение как абсолютного, так и среднего указателя выпуклости плечика (до ФЖ <0,19). Среди специфических моментов отмечается появление пары сосудов с профилировкой, более выраженной за счёт отгиба шейки и выпуклости плечиков (рис. 4: 3, 6).

Элементы подлощения внешней поверхности несут на себе около трети сосудов; обработке, как правило, подвергалась нижняя часть шейки и плечико. Вся посуда – с примесью толченой раковины в тесте, неровного обжига, цвет которого варьирует от светло-серого до почти чёрного и желтоватого.

Образец для датирования из сооружения XVII включал 4 крупных фрагмента керамики от трёх сосудов (рис. 9: 1-5).

А) Два очень крупных фрагмента керамики от одного сосуда. Толщина стенок – 4-7 мм. Обе поверхности – светло-коричневого цвета с сероватыми пятнами; тщательно заглажены, местами подлощены. Тесто в изломе серого цвета с примесью толчёной раковины. Орнамент отсутствует.

Б) Фрагмент венчика сосуда. Диаметр не определим, толщина стенки – 4-6 мм. Обе поверхности – светло-коричневого цвета с желтоватыми пятнами, со следами заглаживания. Тесто в изломе сероватое, с довольно бедной примесью мелкотолчёной раковины. Сосуд орнаментирован округлыми ямками без жемчужин с выпуклым дном (полый орнаментир?).

В) Фрагмент стенки сосуда толщиной 5-6 мм. Обе поверхности светло-коричневого цвета с неровными пятнами обжига, со следами тщательного заглаживания. Тесто на сколе серовато-коричневое, с обильной примесью толчёной раковины. Фрагмент украшен рядом округлых ямок с выпуклым дном (полый орнаментир?), несколько деформированными в ходе дальнейшей обработки поверхности

Вследствие значительного объёма образца было принято решение разделить его на два контрольных образца А и Б, разбив каждый из фрагментов пополам.

Сооружение XIV (р. XVIII, уч.ИК/25-26), выявлено на глубине -20 см от поверхности, полные очертания зафиксированы на глубине -30 см. Отнесено к верхнему строительному горизонту ананьинского времени и интерпретировано как хозяйственный пристрой к сооружению XVII. Фиксировалось по мощному слою золистой супеси с включениями гальки (№ 4).

К объекту, по коллекционной описи раскопа XVIII, отнесены не менее 138 фрагментов керамики, в том числе 8 крупных (информативных) и 27 более мелких фрагментов (рис. 5). В коллекции преобладает посуда, орнаментированная ямками; шнуровая орнаментация присутствует на 8 из 35 фрагментов верхних частей (в т.ч. один фрагмент, орнаментированный ямками и шнуром, вошёл в состав образца для анализа).

К характерным чертам профилировки можно отнести преобладание более низких шеек (высотой 1,5-2 см) и таких же низких, но довольно выпуклых (коэффициент ФЖ до 0,31) плечиков. Шейки, как правило, слабо отогнутые, рельефные элементы (валики, воротнички) на внешней поверхности отсутствуют.

Вся посуда с примесью толченой раковины, неровного обжига; такой элемент обработки поверхности как подлощение присутствует не более чем на 20% сосудов.

Образец для датирования из сооружения XIV – 4 фрагмента керамики от разных сосудов (рис. 8: 8-11):

А) Фрагмент венчика сосуда диаметром около 38 см, толщина стенки 6-7 мм. Внешняя поверхность фрагмента имеет серый цвет, внутренняя – светло-коричневый. Тесто в изломе светло-серое, визуально фиксируется примесь толчёной раковины. Внешняя сторона имеет слабый золистый налёт. Шейка орнаментирована сдвоенными оттисками шнура (два чётко видны, по третьей паре оттисков проходит нижний скол фрагмента). Ямки без жемчужин, неправильно-округлой формы диаметром 4-5 мм.

Б) Фрагмент венчика сосуда диаметром около 13 см, толщина стенки 4,5-6 мм. Цвет поверхности черепка неровный – от светло-серого до коричневого, в изломе – тёмно-серый. Визуально фиксируется примесь мелкотолчёной раковины. Внешняя поверхность имеет следы заглаживания с очень неровным микрорельефом, внутренняя обработана тщательнее. Сосуд орнаментирован неровным рядом округлых ямок диаметром 4-5 мм с выпуклостью на дне (возможно, от нанесения полым предметом). Ямки частично деформированы последовавшей обработкой поверхности

В) Фрагмент стенки с «уступом» при переходе к тулову, диаметр тулова около 12 см, толщина стенки 4-5 мм. Внешняя поверхность – светло-коричневая, внутренняя – темно – серая; обе имеют следы подлощения. Тесто в изломе темно-серое, с примесью мелкотолченой раковины. Фрагмент имеет один ямочный оттиск полусферической формы диаметром 5 мм.

Г) Фрагмент стенки от сосуда диаметром тулова не менее 23-24 см. Внешняя поверхность светло-коричневая с пятнами неровного обжига, внутренняя – тёмно-серая. Внешняя поверхность носит следы заглаживания. Сосуд орнаментирован рядом ямок диаметром 4-5 мм с уплощенным дном; ниже линии ямок сохранился участок технологической обработки (гребенчатым штампом?) сверху вниз.

Сооружение XIII (р. XVIII, уч. И-М/24-25) отнесено к верхнему строительному ярусу позднеананьинского горизонта, юго-восточным углом оно перекрывало сооружение XVII. Постройка была зафиксирована на уровне -20 см от поверхности, имела размеры 11,2×4,4 м; по значительному количеству внутрижилищных сооружений (яма, 6 очагов), очевидно, неоднократно перестраивалась. В заполнении сооружения – плотная коричневая супесь с включениями гальки, раковины, кусочков глины (слой № 21); толщина слоя в среднем 8-10 см. Помимо характерного для позднего ананьино инвентаря, в постройке обнаружена бронзовая восьмёркообразная височная подвеска, позволяющая датировать объект не ранее рубежа IV-III вв. до н.э.

К слою сооружения XIII по описи отнесены не менее 185 фрагментов керамики, в том числе 21 имел информативную верхнюю часть с венчиком, еще около 30 мелких фрагментов шеек.

Основная масса посуды орнаментирована ямками; образцы со шнуровыми узорами единичны (рис. 6). Один фрагмент украшен подтреугольными вдавлениями (рис. 6: 8).

Наблюдается большое разнообразие профилировки посуды. Здесь присутствуют как сравнительно высокие (3,5-4 см), так и очень низкие (0,5-1 см) шейки, высота которых не коррелируется с диаметром сосудов. Что касается профилировки верхней части тулова, плечики либо слабо выражены (рис. 6: 5, 7, 12), либо при выраженности имеют очень небольшие размеры и приобретают форму своеобразного уступа (рис. 6: 1, 4, 11, 15). В целом намечается тенденция к сглаживанию профилировки и вытягиванию пропорций сосуда по сравнению с коллекциями из нижележащих объектов.

Поверхность сосудов подвергалась заравниванию, однако следы подлощения, характерные для нижележащих комплексов, не фиксируются. Обжиг костровой, неровный, становится заметным преобладание более светлых, песочных и желтоватых оттенков поверхности, что может указывать как на изменение температурного режима обжига, так и на появление альтернативных составов формовочных масс.

Образец для датирования из сооружения XIII – фрагмент верхней части с венчиком и три фрагмента стенок сосудов (рис. 9: 6-9)

А) Фрагмент верней части сосуда диаметром 30-35 см с венчиком. Внешняя поверхность – светло-серого цвета с темными и красноватыми пятнами перекала, внутренняя поверхность – светло-коричневая. На внешней поверхности – слабый золистый налёт, следы обработки не фиксируются. Тесто черепка в изломе имеет тёмно-серый цвет, с обильной примесью толченой раковины. Толщина стенки 4-6 мм. Сосуд орнаментирован рядом ямок округло-неправильной формы с приострённым дном.

Б-Г) Фрагменты стенок лепных сосудов толщиной 4-7 мм. Цвет поверхности варьирует от светло-коричневого до темно-серого, тесто на свежем сколе темно-серое, с обильной примесью толченой раковины. Внешняя поверхность стенок довольно тщательно заглажена, один фрагмент подлощен. Орнамент отсутствует.

Сооружение XV (р. XVIII, уч. ИК/24), перекрывавшее сооружение XIII, фиксировалось сразу по дёрном, по пятну глиняной вымостки пола. Реконструируемые размеры сооружения – примерно 8,0×6,0 м. Датирующих находок в сооружении не найдено; основной материал – фрагменты керамики позднеананьинского и пьяноборского облика, а также серия глиняных «лепёшек» различных форм и размеров и глиняная бусина.

С сооружением XV соотнесены 48 фрагментов керамики, в том числе 14 верхних частей с венчиком (только те, что были собраны на поверхности глиняного пола). Шнуровая посуда в выборке отсутствует, как правило, сосуды украшены одним рядом округлых ямок (рис. 7). В одном случае орнамент отсутствует. Еще один сосуд, помимо ямок, украшен оттисками гладкого подтреугольного штампа (рис. 10: 9). Профилировка сосудов слабо выраженная. В тесте примесь толченой раковины, обжиг неровный, с преобладанием светлых оттенков.

Образец из сооружения XV – фрагмент верней части и 5 фрагментов стенок от 4 сосудов (рис. 10: 6-11).

А) Фрагмент верхней части сосуда неопределённого диаметра, толщина стенки 4-5 мм Внешняя поверхность – светло-коричневого цвета со следами грубой обработки, внутренняя – серая. Тесто в изломе серого цвета со слабой примесью мелкотолченой раковины. Сосуд орнаментирован в верхней части рядом ямок диаметром 4-4,5 мм с плоским дном без жемчужин, а ниже – рядом оттиском гладкого подтреугольного штампа.

Б-Е) Фрагменты стенок от 3 сосудов со сходными характеристиками, толщина стенок 4-7 мм. Цвет внешней и внутренней поверхности черепков варьирует от светло-коричневого до серо-коричневого, тесто в изломе серого цвета, с примесью толченой раковины. Внешняя поверхность достаточно тщательно обработана, на 3 фрагментах одного сосуда фиксируются следы лощения. Орнамент отсутствует.

Помимо вышеописанных сооружений, для радиоуглеродного датирования были отобраны фрагменты маклашеевского сосуда, происходившего из стратиграфически наиболее раннего слоя № 9 (раскоп XX 2000 г.).

Образец из раскопа XX, слой № 9 – 4 фрагмента стенок сосуда с резким переходом шейки в раздутое тулово. Внешняя и внутренняя поверхность серо-коричневого цвета. Толщина стенки 5-6 мм. В тесте визуально фиксируется примесь толчёной раковины; поверхность сосуда тщательно заглажена гребенчатым штампом, в декоре – композиция из оттисков гребенчатого штампа (рис. 8: 1-5).

Ещё одна не публиковавшаяся ранее дата была получена по фрагментам глиняного сосуда постмаклашеевского (быргындинского, по Л.И. Ашихминой) облика из коллекции 1975 г. (раскопки Л. И. Ашихминой)

Образец из слоя 6, подстилающего горизонт массовой ананьинской застройки, представлен 3 крупными фрагментами стенки сосуда диаметром 24-25 см (рис. 10: 1). Толщина стенки сосуда 3-6 мм. Внешняя и внутренняя поверхности имеют неравномерный обжиг, цвет от песчаного до тёмно-серого. В тесте – обильная примесь толчёной раковины. Внешняя и внутренняя поверхности тщательно заглажены. Фрагмент имеет прямую шейку высотой 3-3,5 см, плавно переходящую в тулово, плечико средней высоты и выпуклости. Сосуд орнаментирован по верхней части шейки 5 рядами горизонтального зигзага, нанесённого оттисками штампа длиной 1,5-1,8 см со слабо читающимися зубцами. По линии стыка шейки и тулова нанесён ряд ямок диаметром 5-6 мм с налепными «жемчужинами» на внутренней стороне стенки.

Обсуждение результатов радиоуглеродного датирования образцов керамики

Для удобства сопоставления датировок объектов, выполненных методами стратиграфического анализа и аналогий, с результатами радиоуглеродного датирования керамики, отобранной нами из сооружений, были построены таблица I и схема, за основу которой приняты датировки, полученные по ^{14}C и размещенные в хронологическом порядке (рис. 11).

Следует отметить четыре обращающих на себя внимание позиции:

1. Точность датировок для некалиброванных дат – в пределах 200-300 лет, т.е. не выше получаемой традиционными способами.

2. В большинстве случаев даты по ^{14}C оказались в большей или меньшей степени удревнены по сравнению с полученными традиционными методами.

3. Порядок стратиграфического следования комплексов друг за другом и относительная колонка радиоуглеродных дат в значительной мере не совпадают.

4. Два образца из комплекса сооружения XVII дают расходящиеся датировки, несмотря на то, что состояли из фрагментов одних и тех же сосудов.

Совпадают с традиционными датировками в этой колонке некалиброванные даты, полученные для керамики из наиболее ранних слоёв памятника: двух сосудов с резким отгибом шейки и гребенчатым орнаментом (рис. 8: 1; 10: 6), которые могут быть датированы временем финальной бронзы (маклашеевская культура, до X – сер. IX в до н.э., по А.А. Чижевскому) (Чижевский, 2012; Чижевский, Лыганов, 2015, с. 77).

В целом приемлемой оказывается и достаточно широкая дата для образцов из ямы 12, впущенной в материковый слой из нижнего строительного горизонта и предварительно датированная временем до конца V в до н.э., равно как и дата керамики из сооружения XVIII того же строительного горизонта. Наличие рельефных элементов на внешней поверхности шейки («воротничок») и достаточно аккуратного оформления сдвоенным шнуром, а также выраженная профилировка позволяют датировать этот материал V в. до н.э.

Что касается даты сооружения XIV, то она также включает в себя полученный по аналогиям хронологический промежуток V–IV вв до н.э., но слишком широка, чтобы считать её релевантной.

В то же время уверенно использовать эти данные в качестве аргументов датировки того или иного комплекса посуды не позволяют следующие факты.

- С очевидностью не правдоподобна датировка керамики сооружения XIII, отнесенного по вещевому материалу (восьмёрковидной височной подвеске) к IV–III вв. Ранее IV в. до н. э. эти подвески в местных материалах не встречаются (Воробьева, 2010; Красноперов, 2014, с. 332, 333), да и в материалах степных скифов датируются никак не ранее V–IV вв. до н.э. (Тарасова, 2005, с. 520). Зазор между датировками, полученными различными способами, таким образом, составляет около полутысячелетия.

- Автоматически, оказывается неверной и радиокарбонная дата сооружения XV, которое стратиграфически перекрывает XIII и также не может быть датировано ранее IV в. до н.э.

- Что касается датирования сооружения XVII: хотя одна из дат и приближается к искомому диапазону, сам факт, что две даты, полученные из одинаковых образцов, настолько расходятся, в принципе ставит под сомнение эффективность применения радиокарбонного датирования по керамике в данном конкретном случае.

Заключение

По итогам исследования можно отметить следующее.

1. Предпринятый в новых условиях анализ керамических комплексов из стратифицированных комплексов сооружений Зуевоключевского I городища подтверждает ранее выявленную тенденцию в эволюции глиняной посуды ананьинского времени Удмуртского Прикамья. Основными тенденциями на протяжении V–III вв. до н.э. являются сокращение доли ямочно-шнуровой орнаментации (от примерно половины комплекса до единичных фрагментов), замещение её ямочной; в профилировке сосудов действительно наблюдается переход от невысоких, слабо- и средне выраженных плечиков к очень низким и более резко выраженным, вытягиванию общей профилировки верхней части сосуда.

Говоря о морфологии ананьинской посуды Зуевоключевского I городища, следует особо отметить, что анализ формы верхней части сосудов при помощи методики В.Ф. Генинга, вероятнее всего, не даст адекватных результатов, поскольку высота венчика (и, зачастую, плечика сосуда) в значительно большей мере зависит от ширины ленты подлепа, и не коррелирует с диаметром сосуда.

2. Помимо эволюции морфологических и орнаментальных признаков, можно отметить исчезновение в определённый момент традиции подлощения внешней поверхности сосудов, а также изменение цвета поверхности сосудов от более тёмных к более светлым и более тёплым оттенкам – бежевому, светло-коричневому, желтоватому и светло-серому, что может также указывать на определенные изменения в технологии производства сосудов.

3. Радиоуглеродный анализ ананьинской керамики Зуевоключевского городища на сегодняшний день не даёт большей точности в датировке комплексов, нежели традиционные методы.

4. Соотношение датировок керамики методом радиоуглеродного анализа и дат тех же комплексов по вещевому материалу и аналогиям демонстрируют значительное расхождение. В приведённой серии датировок можно

усмотреть зависимость между величиной расхождения и традиционной датировкой материалов. Если наиболее ранние датировки в принципе не противоречат традиционным, то по мере омоложения комплексов расхождение в датировках начинает приобретать неправдоподобные значения. В обсуждении проведенного исследования М.А. Кулькова (Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург) любезно поделилась с нами своими размышлениями относительно процедурных моментов датирования, безусловно, влияющих на конечный результат. Так, по её мнению, на точность датировок в значительной мере могут влиять источники сырья, примеси, характер использования посуды; дающая «резервуарный эффект» раковина моллюсков удаляется из образцов кислотой, однако при некоторых типах глин углерод из раковины может попасть и в глинистую структуру. В конечном счёте, недостаточное количество органики в образцах приводит к падению точности датирования. Аналитик признала, что для эпохи бронзы, РЖВ и средневековья керамика с малым количеством органики в тесте будет давать достаточно низкую точность датирования[1].

Не оспаривая возможностей метода радиоуглеродного датирования по керамике в целом, приходится отметить, что для ананьинской керамики Удмуртского Прикамья такой метод показал свою низкую эффективность. В пользу большей надёжности «традиционного метода» датировок в данном исследовании говорят результаты радиоуглеродного анализа идентичных образцов из сооружения XVII, давших разброс датировок с люфтом в 150-200 лет и закрывающих практически весь позднеананьинский и раннепьяноборский период существования городища.

ЛИТЕРАТУРА

Ашихмина Л.И. Городище Каменный Лог ананьинской культуры // Материальная и духовная культура финно-угров Приуралья / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: УдмГУ, 1977. С. 139–165.[1]

Ашихмина Л.И. Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье / Серия препринтов «Научные доклады». Вып. 119. Сыктывкар: Коми филиала АН СССР, 1985. 28 с.

Воробьева С.Л. К вопросу об особенностях восьмеркообразных височных подвесок кара-абызского насления Южного Приуралья эпохи раннего железа // Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность: Материалы IV ВНПКМУ, посвященной 85-летию Р.Г. Кузеева / Отв. ред. А.Т. Ахатов. Уфа: ИЭИ УНЦ РАН, 2010. С. 48–51.

Генинг В.Ф., Стоянов В.Е. Итоги археологического изучения Удмуртии // Второе Уральское археологическое совещание при Уральском университете: Итоги и проблемы изучения археологии Урала / ВАУ. Вып. 1 / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск: УрГУ, 1961. С. 76–90.

Голдина Р.Д., Черных Е.М. Археологическая карта Каракулинского района Удмуртской республики / МИКВАЭ. Т. 18. Ижевск: УдмГУ, 2011. 168 с.

Журбин И.В., Черных Е.М. Методы естественных наук в исследованиях Зуево-Ключевского I городища в 1998-1999 гг. // 120 лет археологии восточного склона Урала: Первые чтения памяти В.Ф. Генинга. Ч. 2: Новейшие открытия уральских археологов / Отв. ред. В.Т. Ковалева. Екатеринбург: УрГУ, 1999. С. 70–72.

Красноперов А.А. Погребение 28 Икского могильника: К вопросу о ранней дате пьяноборских памятников // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 331–351

Кулькова М.А. Радиоуглеродное датирование древней керамики // Самарский научный вестник. 2014. № 3(8). С. 115–122.

Марков В.Н. Керамика городища Сорочьи Горы // Археологические памятники Нижнего Прикамья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ, 1984. С. 5–17.

Марков В.Н. Периодизация и хронология памятников ананьинского времени приустьевой части Камы // Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ, 1992. С. 72–79.

Тарасова Н.В. Об одной группе височных подвесок раннего железного века из Северного Причерноморья // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти В.С. Ольховского / Отв. ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2005. С. 515–520

Труды IV Уральского археологического совещания // Ученые записки ПГУ. № 148. Пермь, 1967. 242 с.

[1] Письменное сообщение в адрес Е.М. Черных от 27.11.2016 г.

Черных Е.М. Зуевоключевское I городище в Удмуртском Прикамье: некоторые итоги исследований // Удмуртской археологической экспедиции – 50 лет: МВНК, посвященной 50-летию Удмуртской археологической экспедиции и 80-летию со дня рождения В.Ф. Генинга / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: УИИЯЛ, 2004. С. 113–131.

Черных Е.М. Некоторые итоги изучения культурного слоя Зуевоключевского I городища в Удмуртском Прикамье // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / Археология евразийских степей. Вып. 8 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Елабуга: ИА АН РТ, ИА РАН, ЕИАХМЗ, 2009. С. 76–97.

Черных Е.М. О хронологии культурного слоя Зуевоключевского I городища в Удмуртском Прикамье // Древности Прикамья эпохи железа: хронологическая атрибуция / МИКВАЭ. Т. 25 / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: УдмГУ, 2012. С. 113–123.

Черных Е.М., Ванчиков В.В., Шаталов В.А. Аргыжское городище на реке Вятке. М.: Регулярная и хаотическая динамика, 2002. 188 с.

Чижевский А.А. К вопросу о начале раннего железного века в Волго-Камье // Российский археологический ежегодник. № 2 / Отв. ред. Л.Б. Вишняцкий. СПб.: СПбГУ, 2012. С. 383–400.

Чижевский А.А., Лыганов А.В. Исследования памятников эпохи бронзы в приустьевом Закамье // Поволжская археология. 2015. № 2 (12). С. 52–82.

Zaitseva G., Skripkin V., Kovaliukh N., Possnert G., Dolukhanov P., Vybornov A. Radiocarbon dating of Neolithic pottery // Radiocarbon. 2009. № 51(2). Pp. 795–801.

Информация об авторах:

Митряков Александр Евгеньевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет» (г. Ижевск, Россия);

Черных Елизавета Михайловна, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет» (г. Ижевск, Россия); emch59@mail.ru

ABSOLUTE AND RELATIVE CHRONOLOGY OF ZUEVOKLYUCHEVSKOE I SETTLEMENT: COMPARISON ISSUES

A.E. Mitryakov, E.M. Chernykh

The paper considers matters related to the issues of the verification of methods for relative dating of multilayer items traditionally used in the archaeology of the Kama region and natural scientific methods. In particular, it features an analysis of the possibilities and results of the dating of ceramics as the primary material characterizing the cultural layer of the Ananyino-Pyanobor Zuevoklyuchevsky I settlement using the ^{14}C method. The analysis of ceramic complexes from stratified dwelling sites undertaken in the new conditions confirms the previously discovered tendency in the evolution of clay dishware from the Udmurt Kama region dating back to the Ananyino period. The given series of dating results demonstrates a relationship between the magnitude of the discrepancy and the traditional dating of the materials: whereas the earlier dating results essentially do not contradict the results of traditional methods, with time the discrepancy in dating results acquires improbable values.

Keywords: cultural layer, stratigraphic method, ceramics, radiocarbon analysis, Ananyino culture, Kama region

About the Authors:

Mitryakov Aleksandr E., Candidate of Historical Sciences, Researcher, Department of Udmurt history, archeology and Ethnology, Udmurt State University, Universitetskaya St., 1, Izhevsk, 426034, the Udmurt Republic, Russian Federation; al.mitriakov@yandex.ru

Chernych Elizaveta M. Candidate of Historical Sciences. Professor. Udmurt State University, Universitetskaya St., 1, Izhevsk, 426034, the Udmurt Republic, Russian Federation; arch@udm.ru

Рис. 1. Зуевоключевское I городище: 1. Топографический план. 2. Раскоп XVIII (1999 г.). Схема расположения объектов

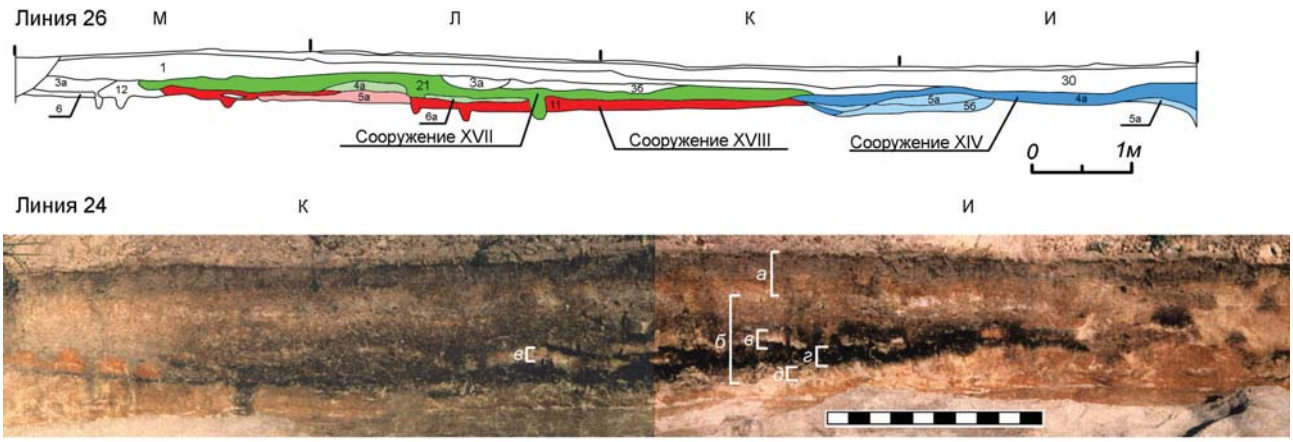


Рис. 2. Зуевоключевское I городище. Стратиграфия участка раскопа XVIII: 1 – профиль западной стенки линии 26; 2 – профиль западной стенки линии 24 (фото Е.М. Черных)

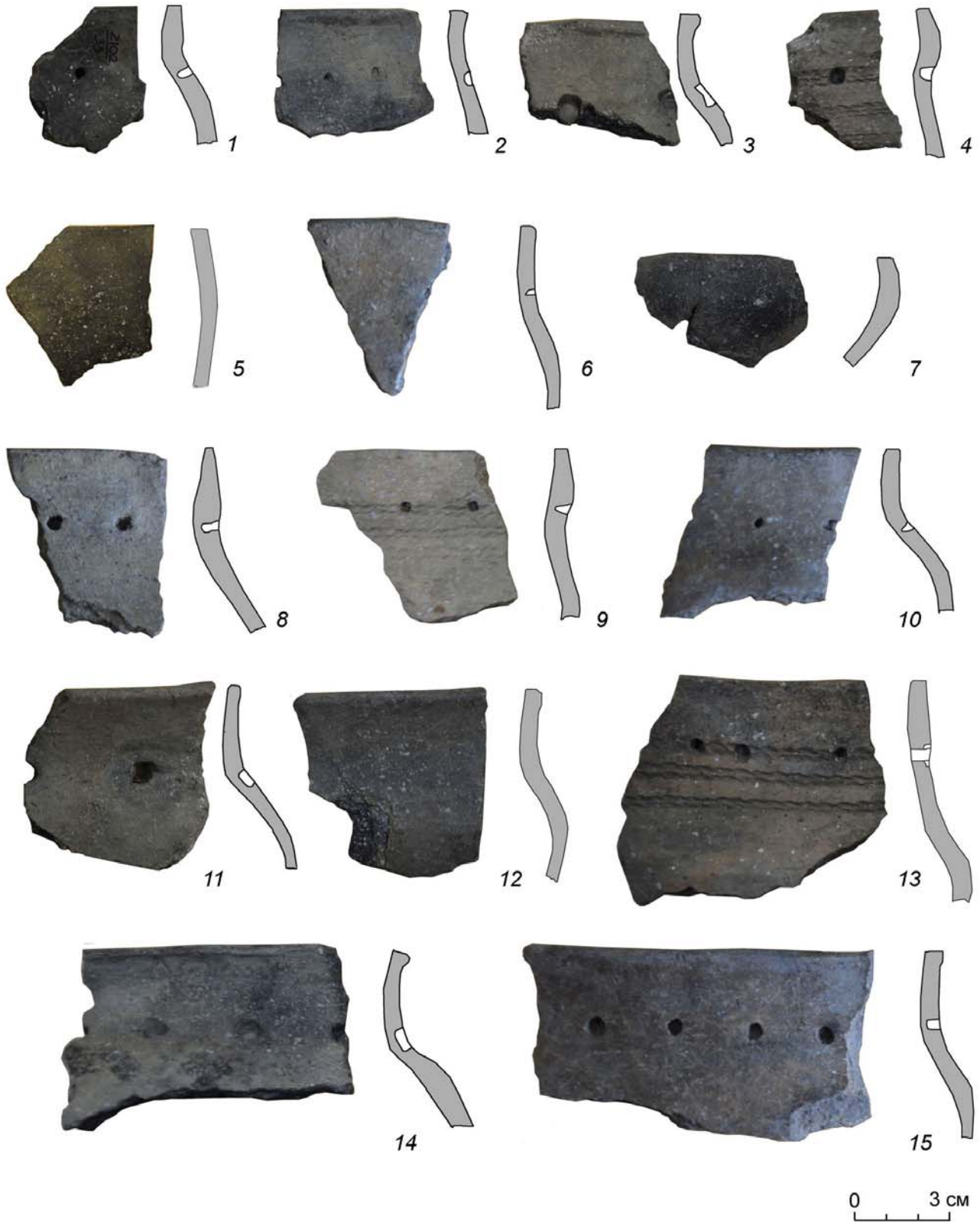


Рис. 3. Зуевоключевское I городище. Сооружение XVIII. Керамика

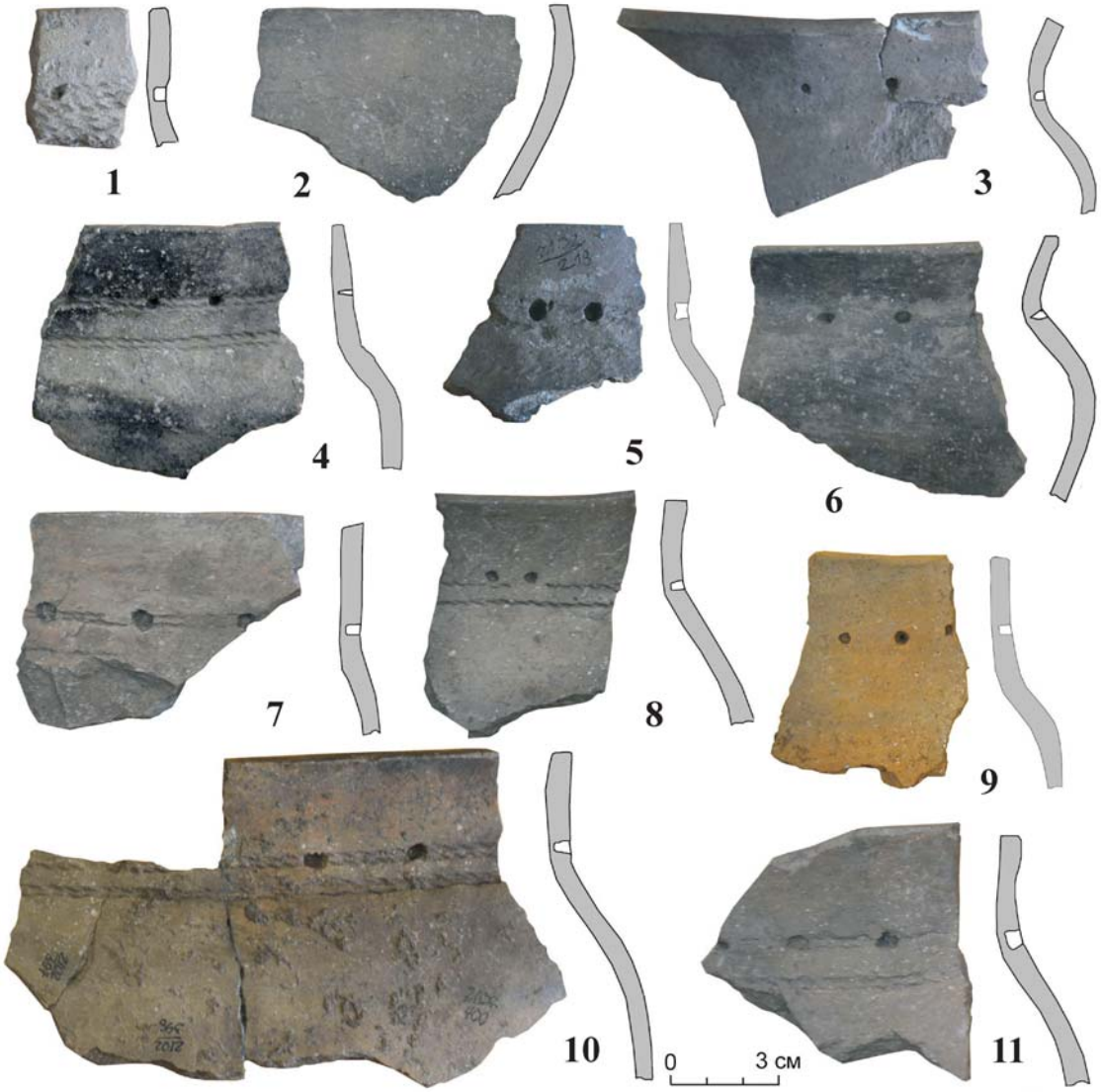


Рис. 4. Зуевоключевское I городище. Сооружение XVII. Керамика

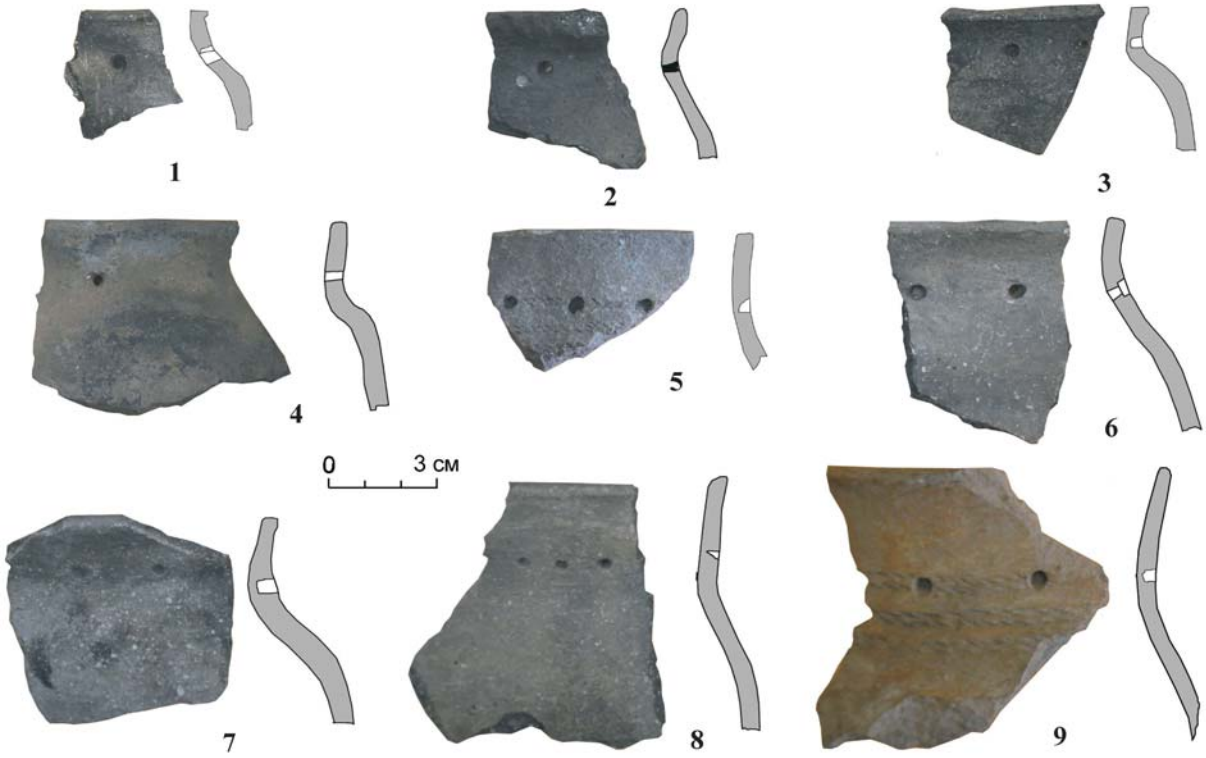


Рис. 5. Зуевоключевское I городище. Сооружение XIV. Керамика

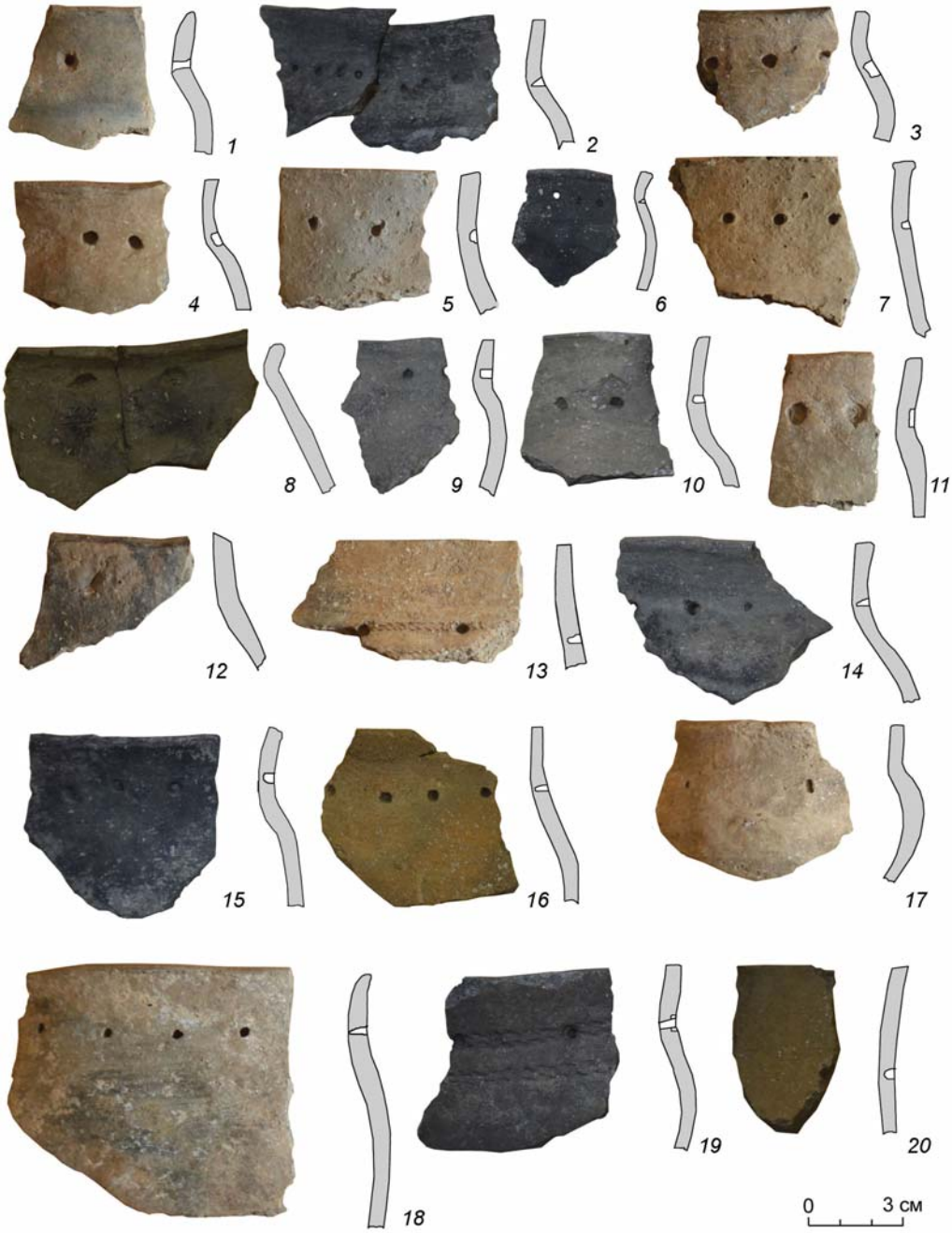


Рис. 6. Зуевоключевское I городище. Сооружение XIII. Керамика

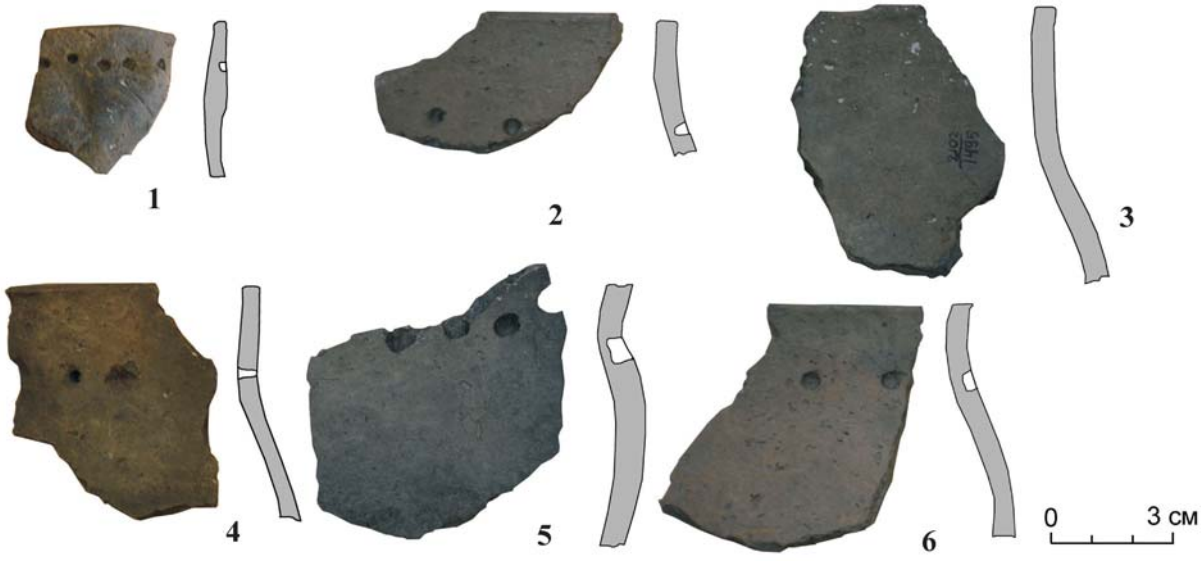


Рис. 7. Зуевоключевское I городище. Сооружение XV. Керамика

Рис. 8. Зуевоключевское I городище. Образцы для радиоуглеродного анализа. 1-5 – раскоп XX, слой 9; 6-7 – сооружение XVIII; 8-11 – Сооружение XIV

Рис. 9. Зуевоключевское I городище. Образцы для радиоуглеродного анализа. 1-5 – сооружение XVII; 6-9 – Сооружение XIII

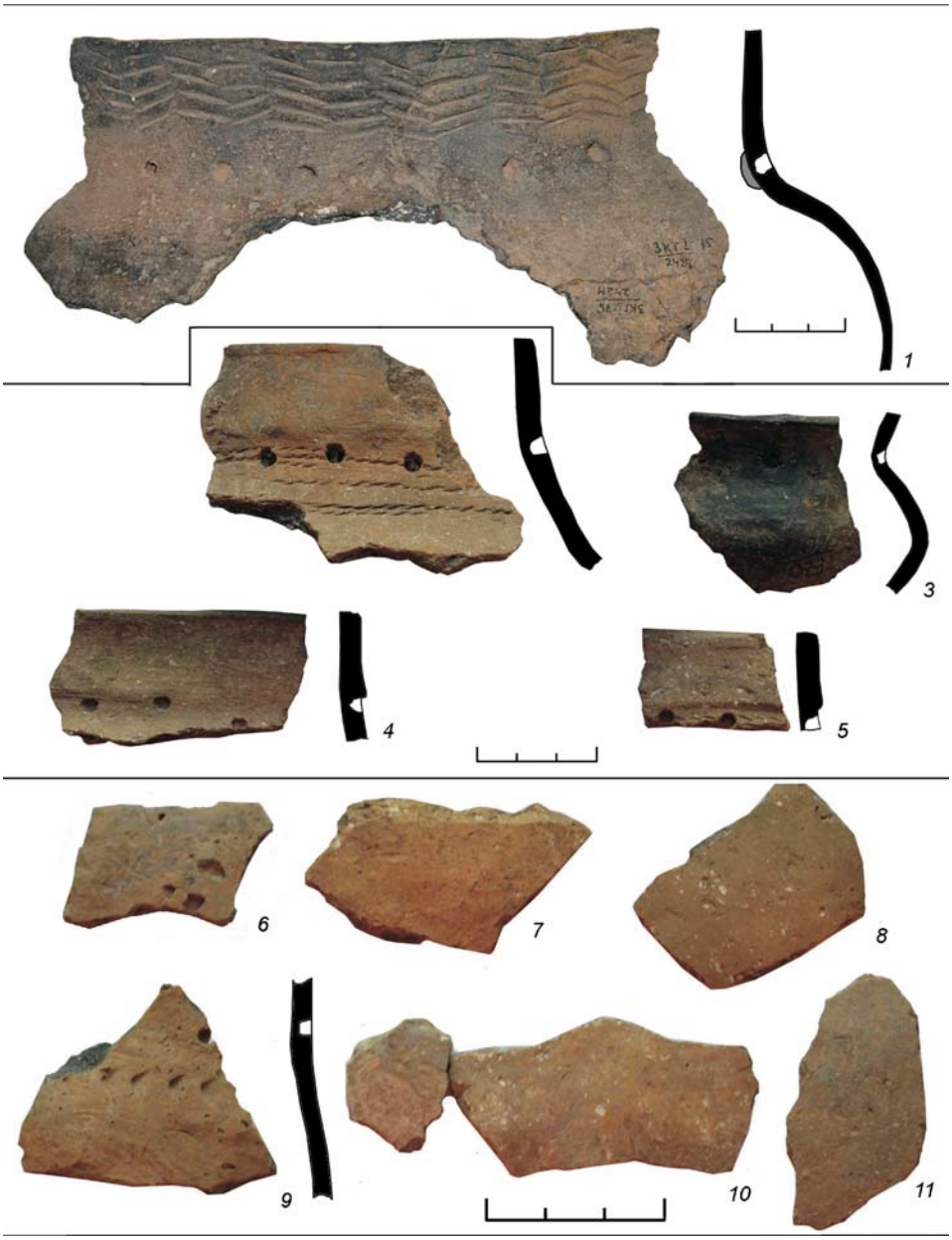


Рис. 10. Зуевоключевское I городище. Образцы для радиоуглеродного анализа. 1 – раскоп 1975 г., слой 6; 2-5 – яма 12; 6-11 – Сооружение XV

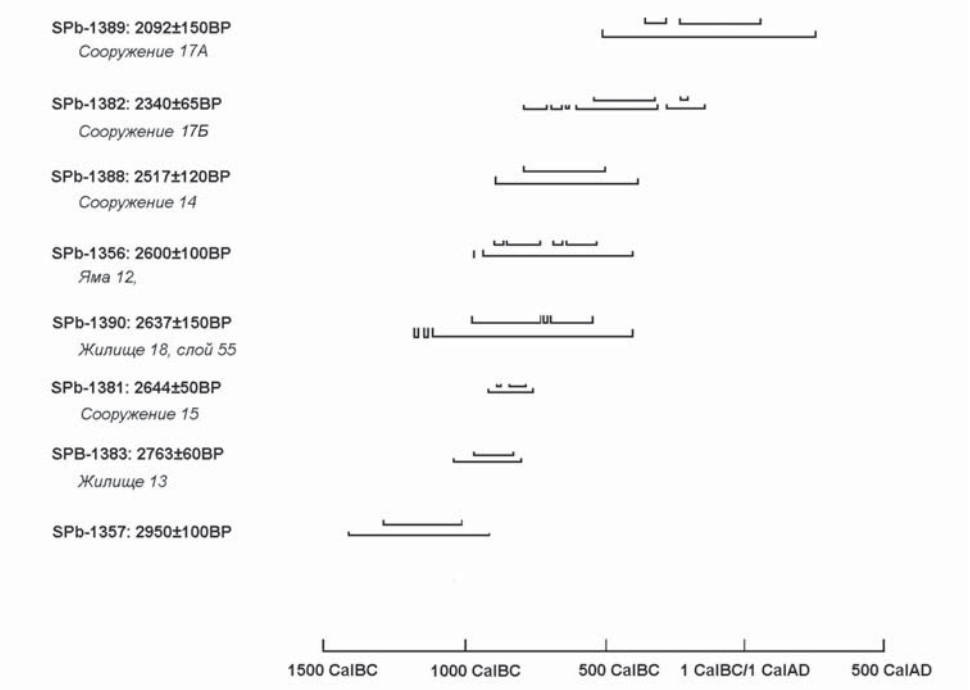


Рис. 11. Шкала радиоуглеродных дат по керамике.

УДК 904

АНАНЬИНСКИЙ ГОРИЗОНТ АРДИНСКОГО ГОРОДИЩА

© 2017 г. А.В. Михеев

В статье публикуются материалы раскопок Ардинского городища в 2013 г. Дается подробная характеристика керамического комплекса ананьинского времени, кремневых и иных изделий. Вопросы хронологии и место рассматриваемого поселения среди ананьинских древностей рассматриваются без определения конкретных датировок и широких аналогий. В целом признается, что памятник относится к типу открытых поселений РЖВ, а по своему материалу не выходит за рамки известных в Марийском Поволжье.

Ключевые слова: ранний железный век, ананьинская культурно-историческая область, гребенчато-шнуровая, текстильная керамика, орудия из кремня.

Городище расположено в 300 м к ЮВ от д. Сенюшкино Ардинской сельской администрации Килемарского района Республики Марий Эл на правом берегу р. Арда. Территория памятника среди местного населения известна как «Керемет нер» (Мыс Керемета). Городище занимает мыс подтреугольной формы длиной 58 и шириной до 30 м, выступающий от коренной террасы р. Арда с востока на запад. Высота площадки от уровня поймы реки 17,7 м. С восточной, напольной, стороны имеется вал высотой около 2 м от примыкающей части площадки городища и 3,5 м от дна рва (рис. 1). Вал расплывчатый. Ров в северной части заплыл, в южной части размывается оврагом. Ширина рва 10–11 м, ширина вала примерно такая же.

Городище открыто разведочным отрядом Марийской археологической экспедиции (МАЭ) в 1975 г. (Архипов, Никитин, 1975). В том же году площадка памятника была исследована двумя раскопами общей площадью 532 м^2 (Архипов, Патрушев, 1975). Материал представлен керамикой, бытовыми предметами (ножи, оселки и т.п.). В 2008 г. разведочным отрядом МАЭ (Михеев, 2008) для определения границ памятника были заложены шурфы с напольной стороны городища общей площадью 4, 6 м^2.

В результате работ установлено, что культурный слой, содержащий находки, аналогичные найденным в 1975 г., распространяется по мысовидному выступу коренной террасы правого берега р. Арда более чем на 40 м от рва городища к востоку и 60 м – к северо-востоку.

Судя по находкам керамики, с напольной стороны существовало не только ананьинское поселение I тыс. до н.э. и посад городища второй половины I тыс. н.э., но и селище первой половины II тыс. н.э.

В 2013 г. автором данной статьи был заложен раскоп общей площадью 72 м^2, которым были разрезаны вал и ров.

Таким образом, общая исследованная площадь составила 608, 6 м^2.

Площадь памятника составляет 6 420 м^2.

Прежде всего, следует обратить внимание на стратиграфию слоев вала городища (Рис. 2). Исследовавшие площадку и разрезавшие траншеей вал/ров Г.А. Архипов и В.С. Патрушев полагали, что поселение РЖВ на мысу в устье Арды не имело дерево-земляных укреплений, т.е. не являлось городищем в археологическом понимании этого термина. Вывод сделан на основании того, что слой ананьинского времени присутствует в насыпи вала и частично залегает под валом (Архипов, Патрушев, 1982, с. 58). Эта точка зрения полностью подтвердилась проведенными исследованиями: собственно слой ананьинской эпохи отделен от насыпи вала углистозольной прослойкой. То есть, перед началом строительства на мысу дерево-земляных сооружений был выжжен дерн, что характерно для валов древнемарийских городищ эпохи средневековья.

Отмечу, что основной целью статьи является публикация материалов, полученных при исследованиях 2013 г., а потому я не претендую на какие-то большие выводы и анализ. Вопросы хронологии и компонентов, повлиявших на сложение той или иной орнаментальной композиции на посудах, по сути, выносятся за рамки данной публикации. Тем более что сам я не являюсь специалистом по эпохе раннего железа, но в силу объективных исторических реалий и обстоятельств, связанных с методикой полевых исследований, культурные слои ананьинской эпохи довольно часто фиксируются на объектах средневековья. Соответственно, специалистам, уверен,

будет интересно ознакомиться с комплексом материальной культуры ананьинского времени, полученном в процессе раскопок Ардинского городища.

Керамика. Керамика Ардинского городища, которая зафиксирована в насыпи средневекового вала и непосредственно в культурном слое ананьинского времени, представлена 719 фрагментами. Из них для анализа пригодны 542[1]. Керамика ананьинского времени подразделяется на две группы.

К первой относится посуда, изготовленная с примесью раковины, – 54 венчика (один от миски), 209 стенок. Достаточно крупные фрагменты керамики позволяют сделать вывод о форме сосудов: с раструбовидной горловиной и выраженным переходом к плечу (рис. 6, *3*); с подцилиндирической или раструбовидной горловиной и слабым переходом к тулову (рис. 3, *7*; 4, *6–8*; 5, *8*; 6, *5*; 7, *5*). Диаметр венчика определен у 4 сосудов (у трех в пределах 28–30 см, у одного – 16 см). Среди посуды с примесью раковины есть два фрагмента с прикрытым горлом, по-видимому, от мисок. В одном случае на сосуде зафиксированы оттиски штампа с ямочными вдавлениями, во втором случае – без орнамента. Диаметр определен у одной миски – 10 см (рис. 10, *1*).

Оформление края венчика: округлый (рис. 3, *1, 4, 6*; 4, *6*; 5, *3*; 6, *3–5*), уплощенный (рис. 3, *8*; 4, *1–3, 9*; 5, *7, 8*; 6, *2*; 7, *8*), уплощенный, при этом с внутренней или внешней стороны из-за смещения глиняной массы образуется наплыв (рис. 3, *2, 3, 5, 7*; 4, *4, 5, 7, 8*; 5, *2, 4–6, 9, 10*; 7, *4, 5*; 9, *3, 6*), отогнутый наружу Г-образный венчик (рис. 5, *1*).

Все фрагменты данной группы изучены на предмет гончарной технологии с использованием микроскопа МБС-10. Технологический анализ проводился по методике А.А. Бобринского (1978). Для данной посуды характерно использование ожелезненной слабозапесоченной глины, которая после обжига в муфельной печи при t 850˚С приобрела кирпичный цвет. По наличию естественных примесей в исходном сырье можно выделить два источника: 1) в тесте отмечена естественная примесь окатанного полупрозрачного песка, с размером зерен 0,2–0,3 мм, бурого железняка диаметром от 1 до 1,5 мм; 2) глины, в тесте которых содержится естественная примесь мелкого (до 0,1 мм) песка, видимого в микроскоп; бурый железняк округлый, диаметром до 2 мм, единичные включения окатанных обломков раковины размером до 1 мм. Исходное сырье находилось во влажном состоянии, признаков дробления не зафиксировано. На стадии составления формовочных масс зафиксирован один рецепт: глина+раковина. Применяемая в качестве примеси раковина использовалась в сыром состоянии (достоверно установлено у 82 фрагментов) или предварительно нагревалась на углях (достоверно установлено в отношении 42 фрагментов). Размер фракций – от пылевидной (в отношении нагретых на углях) до 6 мм. Сосуды изготовлены лоскутным налепом, в изломе стенок отмечена характерная многослойность. Большая часть сосудов с раковиной дополнительно выбивались, поэтому определить размер элементов (лепешки, лоскуты) не представляется возможным.

Обработка поверхностей производилась путем простого заглаживания: вручную, с помощью пальцев. В двух случаях отмечено заглаживание овчиной, на поверхности остались отпечатки волоса. На отдельных сосудах зафиксированы грубые следы заглаживания в нижней части тулова, возможно щепой.

Окраска сосудов преимущественно пятнистая, на одном фрагменте цвет может варьироваться от светло-коричневого до черного. Вместе с тем, среди этой группы керамики встречаются фрагменты красновато-коричневого, бурого цвета. В изломе фрагменты преимущественно черного или серого цвета. Обжиг костровой. Часть посуды содержит следы мощного нагара.

Доля орнаментированных фрагментов составляет 83%. Украшалась верхняя часть сосудов. Сочетание веревочного (шнурового) оттиска и штампа зафиксировано на 19 сосудах, из них у 15 наряду с оттисками штампа и шнура есть также ямочные вдавления. Штамп выявлен на 11 сосудах, у 7 помимо штампа имеются ямочные вдавления. Среди данной группы посуды отмечены сосуды, орнаментированные оттисками шнура в сочетании с треугольными, клиновидными, «глазчатыми» вдавлениями. В чистом виде шнуровой орнамент зафиксирован в 4 случаях в сочетании с ямочными вдавлениями. У 7 сосудов штамп отмечен по срезу венчика, у 3 сосудов штамп заходит на внутреннюю поверхность сосудов. Веревочные оттиски по краю венчика нанесены в одном случае. У двух фрагментов с раковиной отмечен штамп в сочетании с текстильными отпечатками (рис. 5, *5*). В одном случае по шейке зафиксированы ямочные вдавления.

Анализ керамики с раковиной позволяет сделать вывод о ее неоднородности. Для

[1] Анализ керамики произведен к.и.н. А.И. Михеевой.

части посуды, с пятнистой окраской (от светло-коричневого до черного), в качестве искусственной примеси использовалась раковина в сыром состоянии с размером фракций от 1,5 до 5 мм; сосуды подвергались дополнительной обработке (выбивались); в качестве исходного сырья использовался источник № 1. Эта посуда богато орнаментированная.

Вместе с тем, отмечены фрагменты с раковиной, где в качестве исходного сырья служил источник № 2. Раковина использовалась нагретая на углях, размер фракций от пылевидной до 4 мм (миска); в тех случаях, когда зафиксирована раковина в сыром состоянии, ее концентрация характеризуется как низкая. Цвет посуды красноватого, либо бурого тона.

Ко второй группе керамики относится посуда без видимых искусственных примесей и керамика с примесью шамота. В обработку вошли 27 венчиков и 211 стенок. Среди них сосуды с прямым (подцилиндрическая горловина) или слегка расширенным (очень слабый раструб) горлом, плавным переходом от горловины к тулову (рис. 9, *5, 7*); слабо профилированные сосуды с невыраженным горлом, с короткой шейкой (рис. 9, *9*; 10, *2*), сосуды с прикрытым горлом (рис. 9, *2, 8*). Оформление венчика: уплощенный (рис. 9, *2, 5, 8, 9*), приостренный (рис. 10, *2*), округлый (рис. 10, *3*), Т-образный (рис. 9, *7*).

В отличие от предыдущей группы (керамика с раковиной) здесь в качестве исходного сырья использовались глины из двух условных источников. К первому относятся глины, в тесте которых содержится естественная примесь мелкого (до 0,1 мм) песка, видимого в микроскоп; бурый железняк округлый, диаметром до 2 мм, единичные включения окатанных обломков раковины размером до 1 мм. Второй источник представлен слабо запесоченной глиной с примесью песка, размером зерен от 0,2–0,3 мм, на качественном уровне единично до 1,3 мм, бурого железняка до 3 мм, включениями органики (единично) длиной до 3 мм и окатанных частиц раковины.

Исходное сырье находилось во влажном состоянии, признаков дробления не зафиксировано. На стадии составления формовочных масс зафиксированы следующие рецепты: глина без искусственных примесей; глина+шамот, глина+дресва. Абсолютно преобладают сосуды, изготовленные из глины без видимых примесей, при этом здесь преобладают глины из первого условного источника. Сосуды, изготовленные по рецепту глина+шамот, представлены 2 венчиками, 13 стенками. Размер зерен шамота от 1,8 до 2 мм. Концентрация шамота очень низкая, в пределах от 1:9 (средний шамот) до 1:7 (крупный шамот). Отмечен также сосуд с примесью кварцевой дресвы. Размер зерен от 0,7 до 2,5 мм. Концентрация дресвы составила 1:4.

Сосуды изготовлены тем же лоскутным налепом, в изломе стенок отмечена характерная многослойность. Обработка поверхности осуществлялась простым заглаживанием, мягким материалом, поэтому возможно проследить и строительные элементы. В качестве строительных элементов использовались лепешки, размером 4х4 см. Лепешки накладывались по спирали.

Окраска сосудов кирпичного, светло-коричневого, серого, бурого тонов. В изломе фрагменты трехслойные или однослойные (черного или серого цвета). Обжиг костровой. Часть посуды со следами нагара.

Абсолютное большинство стенок посуды этой группы имеет текстильные отпечатки, что составляет 95% от всех рассмотренных стенок. Провести градацию сетчатых отпечатков по подгруппам не представляется возможным, поскольку часть стенок имеет стертые следы, и характер отпечатков практически не читается. Вместе с тем можно отметить наличие сетчатой мелко- и крупнорябчатой посуды, сетчатой нитчатой керамики, гладкостенной посуды и штампа.

По сравнению с первой группой керамики данная посуда отличается меньшей вариативностью орнамента. В основном это ямочные вдавления. Край венчика орнаментирован насечками, веревочным штампом (3 экз.), штамп (в одном случае).

Небольшое резюме относительно керамики. В керамическом комплексе зафиксированы фрагменты с весьма разнообразными орнаментальными композициями, которые характеризуют в целом ананьинскую культурно-историческую область (АКИО). Весьма примечательно также наличие различных вариантов текстильной керамики. Можно отметить, что это вообще характерно для поселений РЖВ в Марийском Поволжье. Анализ керамики показал, что в производстве ананьинской посуды использовались два источника глины с различиями в раковинной примеси. Обращает на себя внимание тот факт, что источники четко делят керамику с раковиной в качестве отощителя по орнаментации: с одной стороны – лебяжская и постмаклашеевская, с другой – гребенчато-шнуровая. Весьма разнообразна по способу нанесения

отпечатков «текстильная» керамика. При всем имеющемся многообразии разделить керамику, зафиксированную под строительным горизонтом средневекового вала в непотревоженном состоянии, по хронологическим слоям не представляется возможным. По материалам раскопок Г.А. Архипова и В.С. Патрушева, на площадке мыса слои также не разделяются, хотя имеются объекты, связанные с РЖВ: яма с «сетчатой» керамикой, столбовые ямы и углисто-гумусные полосы (Архипов, Патрушев, 1982, с. 52).

Кремень. Зафиксировано 34 единицы кремня. Кремня со следами обработки всего 9 экземпляров, остальную часть составляет дебитаж.

Орудия представлены в основном скребками и резцами.

Скребок дымчато-коричневого цвета с крупной ретушью и микроретушью по всей режущей кромке (рис. 11, *1*). Скребок из полупрозрачного серо-черного кремня с ретушью по всей верхней кромке и микроретушью с левой стороны (рис. 11, *2*). Скобель-скребок из бело-желтого кремня обработан крупной ретушью по рабочей кромке (рис. 11, *3*). Скребок-резец из полупрозрачного серо-черного кремня, обработан крупной ретушью в верхней части и подправлен мелкой ретушью с правой стороны. Кроме того в нижней части сделан скол для использования в качестве углового резца (рис. 11, *4*). Угловой резец из полупрозрачного серо-черного кремня (рис. 11, *5*. Обломок стамески (сохранилась только обушковая часть) из кремня серо-белого цвета (рис. 11, *6*). Срединный резец из полупрозрачного серо-черного кремня (рис. 11, *7*). Скребок нож из кремня белого цвета, обработан частичной крупной и мелкой ретушью (рис. 11, *8*). Скребло из пестрого серого полосчатого кремня (рис. 11, *9*).

Относительно данного типа находок можно отметить, что дымчатый и полупрозрачный серо-черный кремень не являются местным сырьем.

Украшения и производственно-бытовой инвентарь. Обломок медного (бронзового) пластинчатого браслета шириной 11 мм, толщиной 1,2 мм. Не орнаментирован, покрыт патиной (рис. 12, *1*). Датировке не поддается. Фрагмент медного (бронзового) предмета неопределенной формы (рис. 12, *2*). Является либо обломком (пяткой) массивного ножа, либо остатком бруска-заготовки. Костяной диск (рис. 12, *3*) связан с культурным слоем РЖВ. Сохранилась одна из половинок. Диск шлифованный, линзевидный в сечении, с резным орнаментом. Вероятно, диск был поделен двумя перпендикулярными линиями, пересекавшимися в его центре, на 4 сектора, по краю нанесены дугообразные насечки, которые ограничивались концентрической окружностью.

Предметы, связанные с бытом и производственной деятельностью, представлены фрагментами тиглей (5 экз.). Все они глиняные, несут следы воздействия огня. Связать их конкретно с каким-либо хронологическим периодом существования городища затруднительно ввиду того, что все они найдены в насыпи вала в переотложенных и перемешанных слоях. Реконструируется один из них (рис. 12, *4*) рюмкообразной формы, высотой 44 мм, диаметром по дну 34 мм, по венчику – 47 мм. На внутренней стороне тигля сохранились следы нагара и корольки меди или бронзы.

Диск из стенки сосуда с текстильными отпечатками (рис. 12, *5*) имеет диаметр 44 мм, края зашлифованы. Вероятнее всего, являлся заготовкой для изготовления пряслица.

«Сковороды» представлены 3 экземплярами из глины без искусственных примесей, с выраженным (приостренным или закругленным) бортиком в верхней части, толщина от 18 до 22 мм. О размерах и форме можно судить по одному экземпляру (рис. 12, *6*). «Сковорода» подпрямоугольной формы с закругленными углами, размерами 161х108 мм, толщиной 22 мм. Края выровнены, в верхней части по периметру идет бортик. Нижняя часть со следами воздействия огня.

Весьма значительную часть находок составляют кости животных и птиц. Анализ этой категории находок не производился, однако вероятность наличия среди них орудий и поделок велика.

На основании стратиграфии и находок РЖВ в валу городища и в зафиксированном под валом культурном слое, не потревоженном строительством средневековых укреплений, можно сделать ряд заключений. Во-первых, поселение ананьинского времени являлось мысовым поселком открытого типа, без каких-либо оборонительных сооружений. То есть, в относительно спокойный период времени, без угрозы военного противостояния с соседями. Вполне возможно, что этому способствовали естественные физико-географические условия: с юга подступали обширная пойма и русло р. Волга, с остальных сторон – верховые болота Марийской низмен-

ности. Во-вторых, керамический материал подтверждает известные выводы о большой вариативности внутри АКИО и совместное использование поселения носителями разных в своей основе керамических традиций – собственно ананьинской и текстильной. При этом имеется несколько фрагментов, которые можно считать гибридными: текстильная керамика с раковиной в качестве отощителя. В-третьих, подтверждением гипотезы о существовании на поселении бронзолитейного производства (литейная форма из раскопок 1975 г.) служат находки тиглей с медными либо бронзовыми корольками на стенках.

В целом, насколько можно судить по скудно опубликованным материалам поселенческих памятников РЖВ в Марийском Поволжье, поселение на Ардинском городище является типичным для указанной территории как по топографии, так и по характеру находок.

ЛИТЕРАТУРА

Архипов Г.А., Никитин В.В. Отчет МАЭ о работах 1975 г. в МАССР / Архив ИА РАН. Р–1. № 5865.

Архипов Г.А., Патрушев В.С. Отчет о раскопках Ардинского городища в Горномарийском районе МАССР в 1975 г. / Архив ИА РАН. Р–1. № 5866.

Архипов Г.А., Патрушев В.С. Ардинское городище // Поселения и жилища Марийского края / АЭМК. Вып. 6 / Отв. ред. Г.А. Архипов, Г.А. Сепеев. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1982. С. 51–82.

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука. 1978. 275 с.

Михеев А.В. Мониторинговые исследованиям объектов археологического наследия, расположенных в Килемарском районе Республики Марий Эл в 2008 году / НРФ МарНИИЯЛИ. Оп. 1. Д. 1127.

Информация об авторе:

Михеев Алексей Викторович, кандидат исторических наук, заведующий научно-исследовательским отделом археологии МарНИИЯЛИ (Йошкар-Ола, Россия); miheev.alexey@mail.ru

Ananyino Horizon of Ardino Hillfort

A.V. Mikheev

The paper contains the materials of excavations conducted at Ardinskoe settlement in 2013. It also features a detailed description of a ceramic complex dating back to Ananyino period, flint articles and other materials. The issue of chronology and place of the settlement in question among the Ananyino antiquities are considered without the determination of specific dates or large-scale analogies. It is generally recognized that site represents an open settlement of the Early Iron Age, and in terms of material fully corresponds to that discoverd in the Mari Volga region.

Keywords: Early Iron Age, Ananyino cultural and historical region, comb-cord and textile ceramics, flint tools.

About the Author:

Mikheev Alexei V., Candidate of Historical Sciences, Head of the Archaeology Research Department, Mari Research Institute of Language, Literature, and History (Yoshkar-Ola, Russia); miheev.alexey@mail.ru

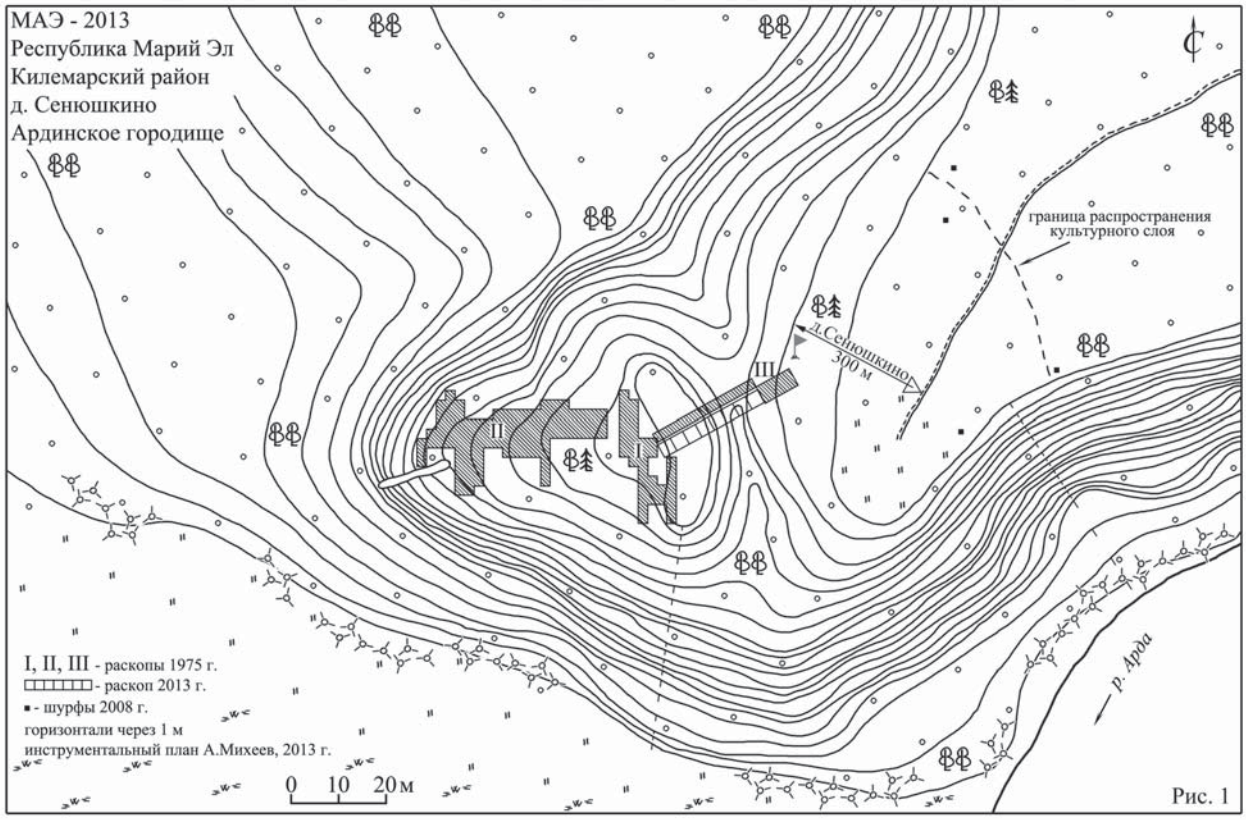


Рис. 1. Ардинское городище. Топографический план.

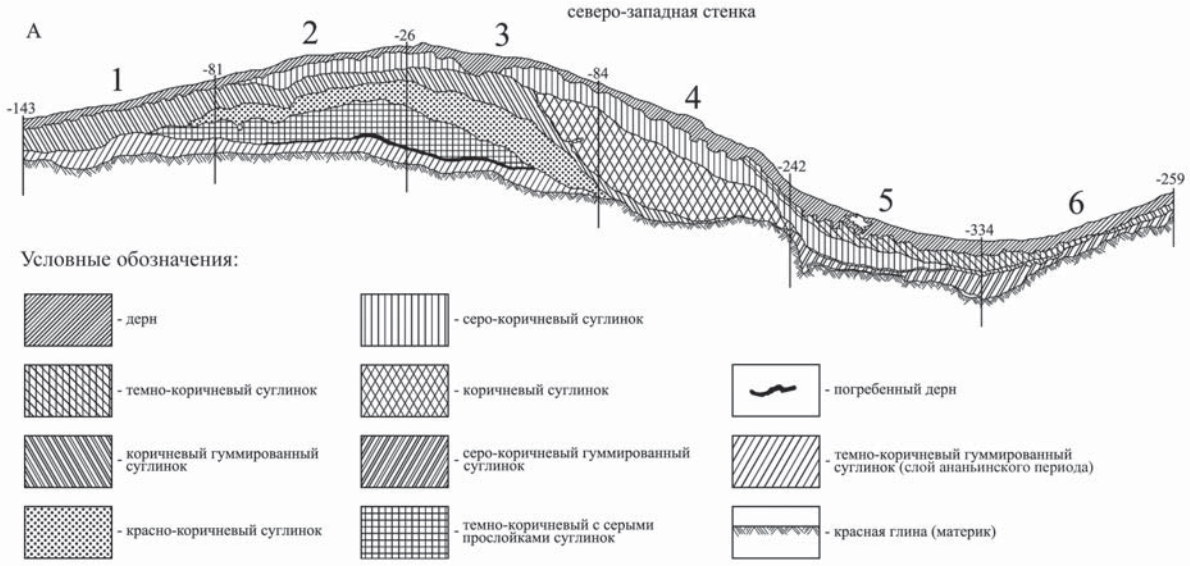


Рис. 2. Ардинское городище. Стратиграфический разрез вала.

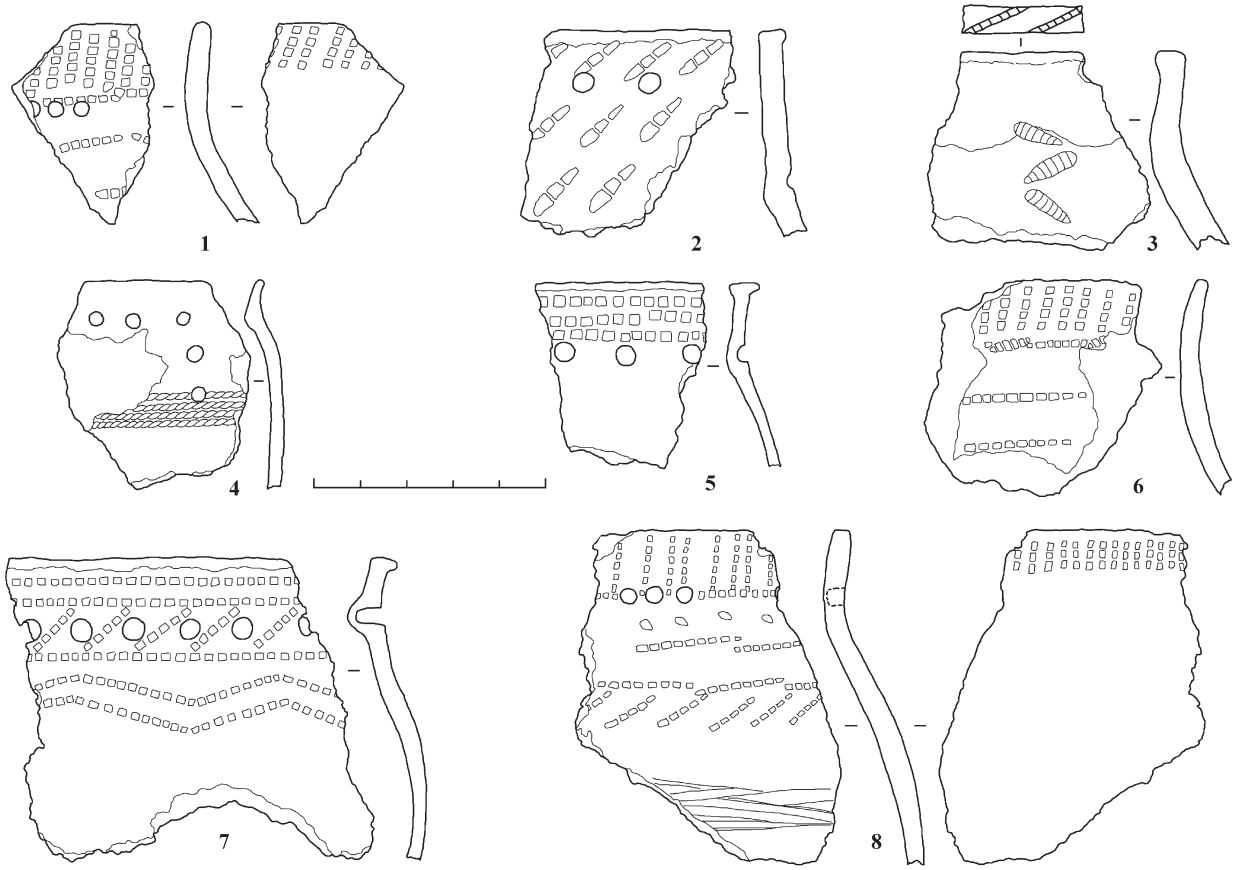


Рис. 3. Керамика Ардинского городища.

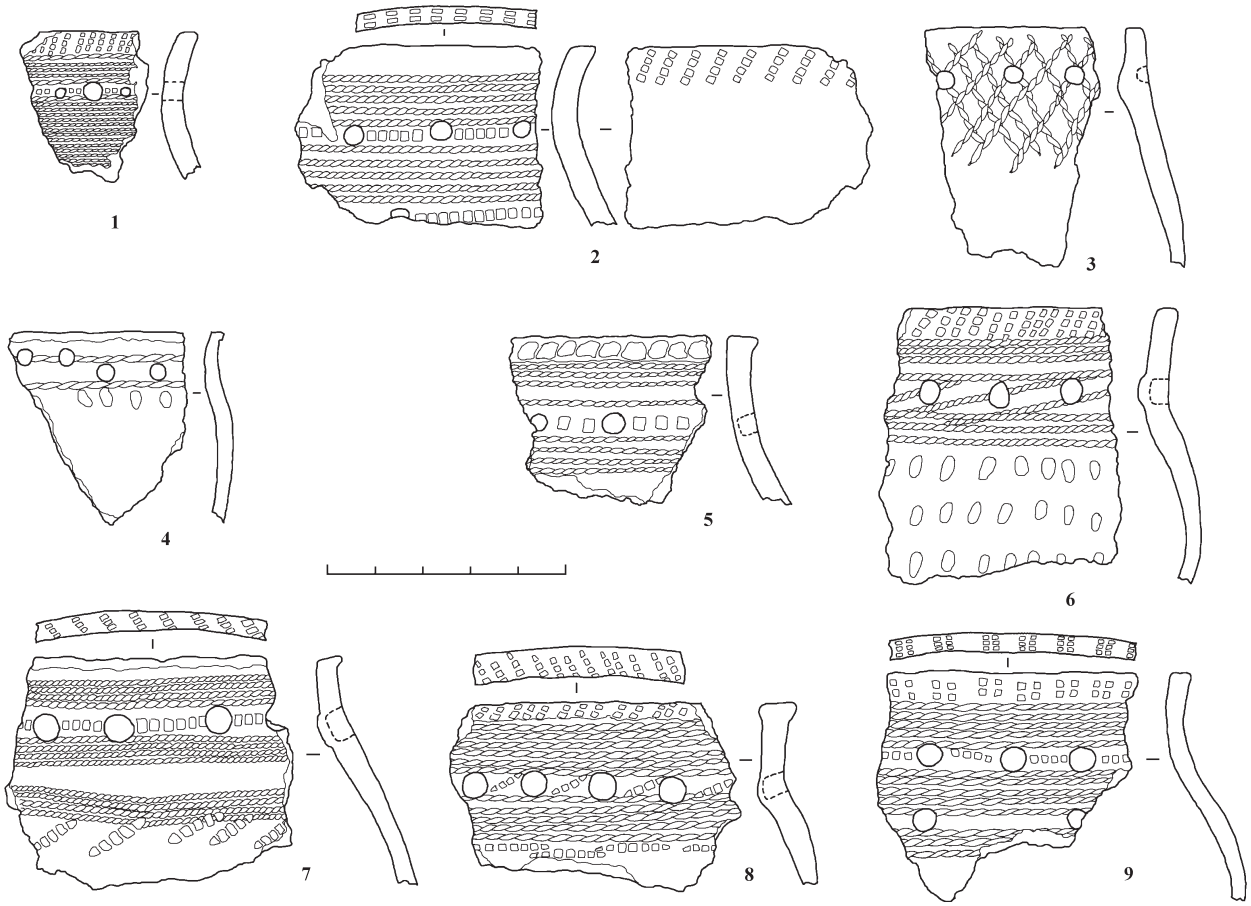


Рис. 4. Керамика Ардинского городища.

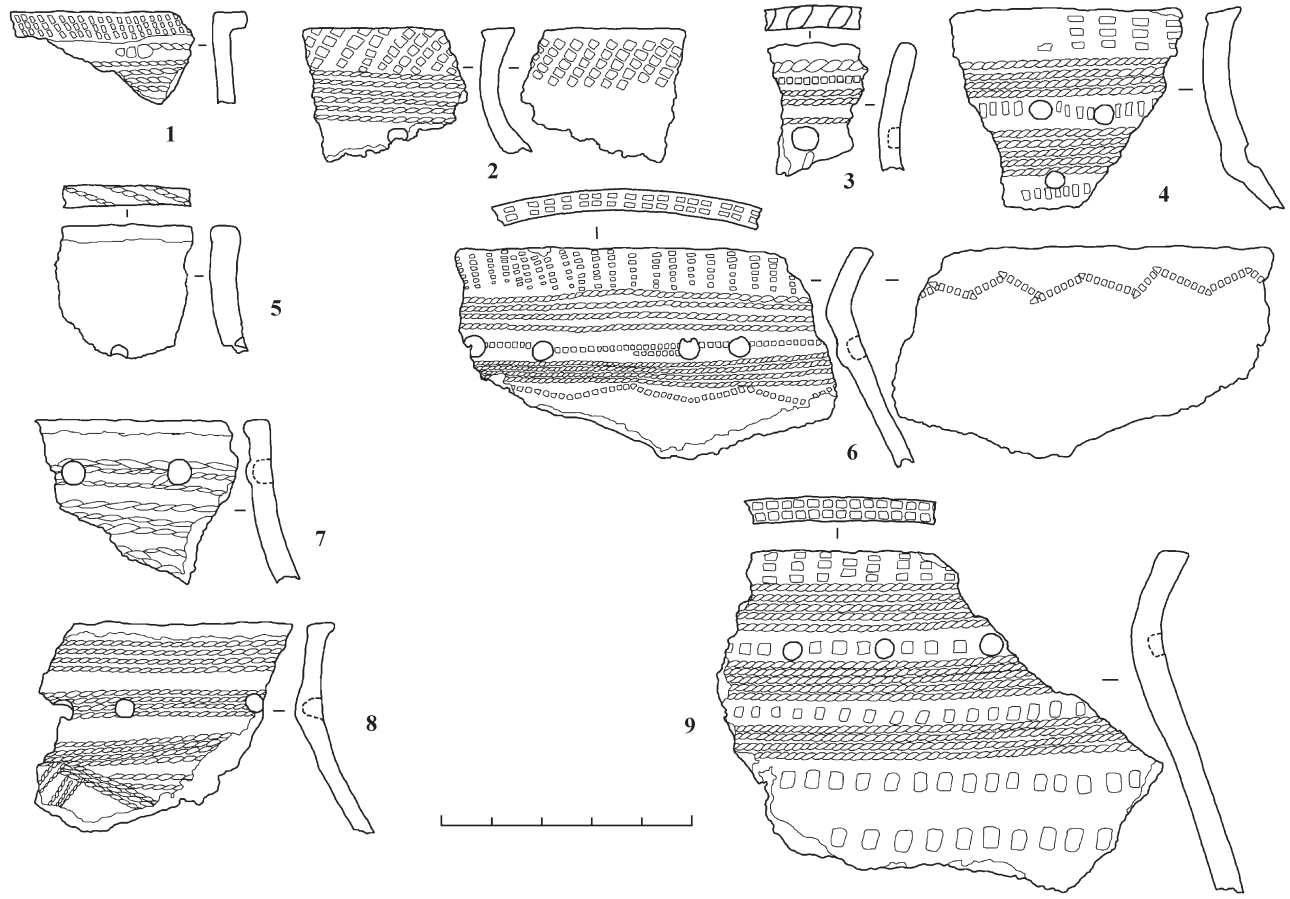


Рис. 5. Керамика Ардинского городища.

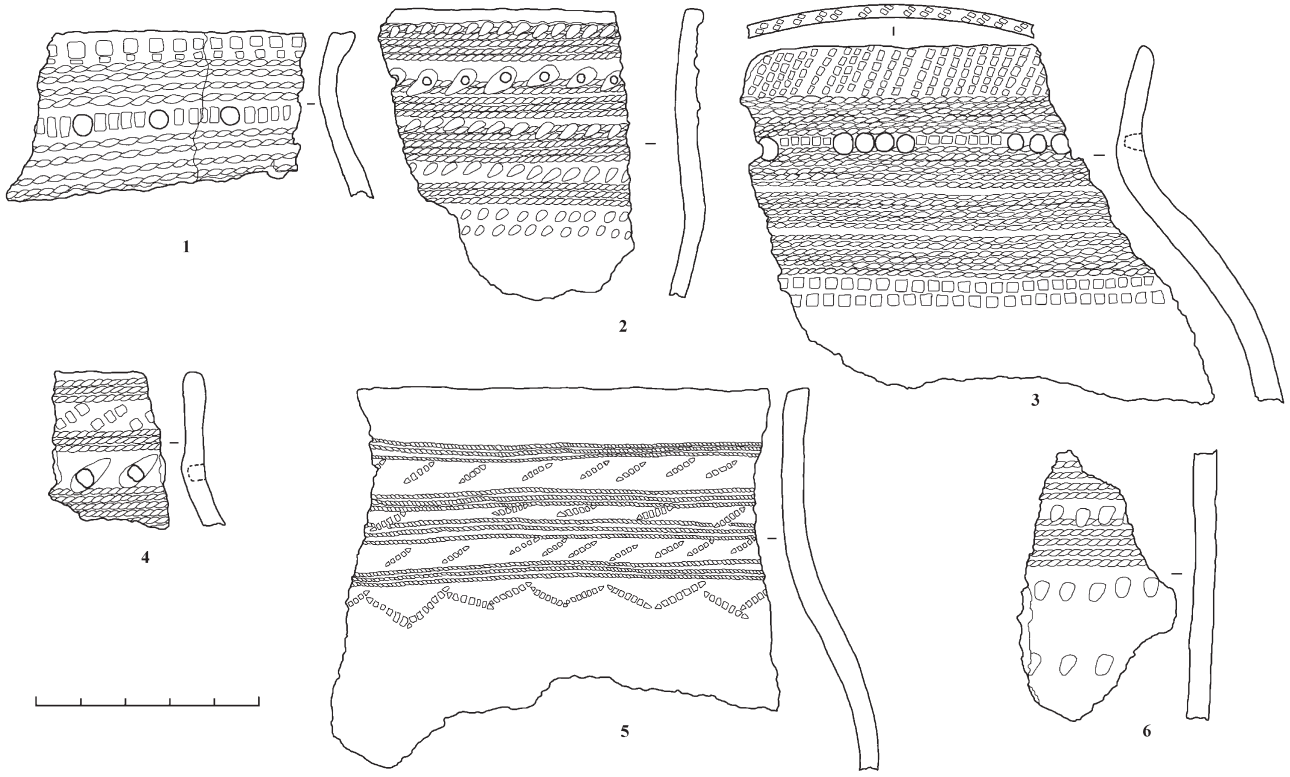


Рис. 6. Керамика Ардинского городища.

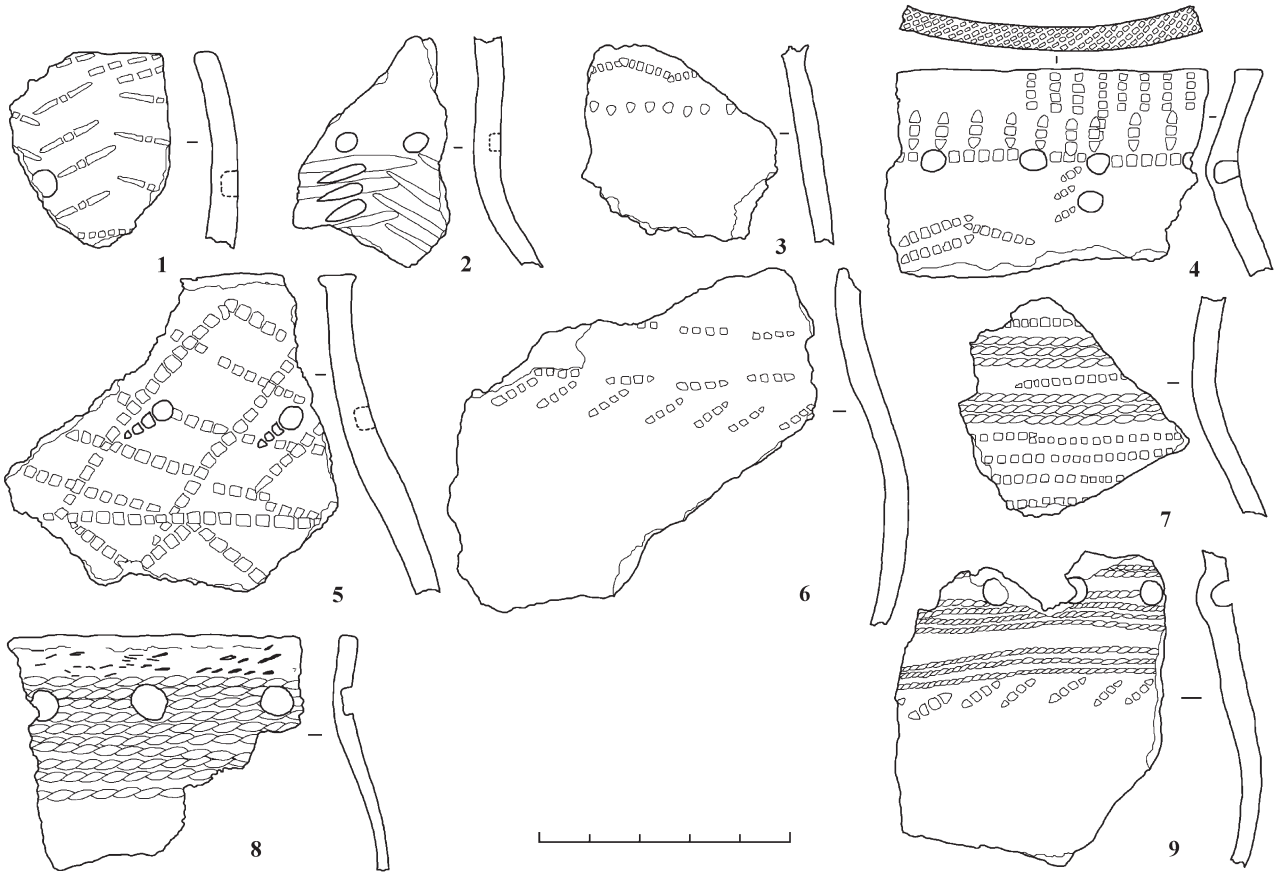


Рис. 7. Керамика Ардинского городища.

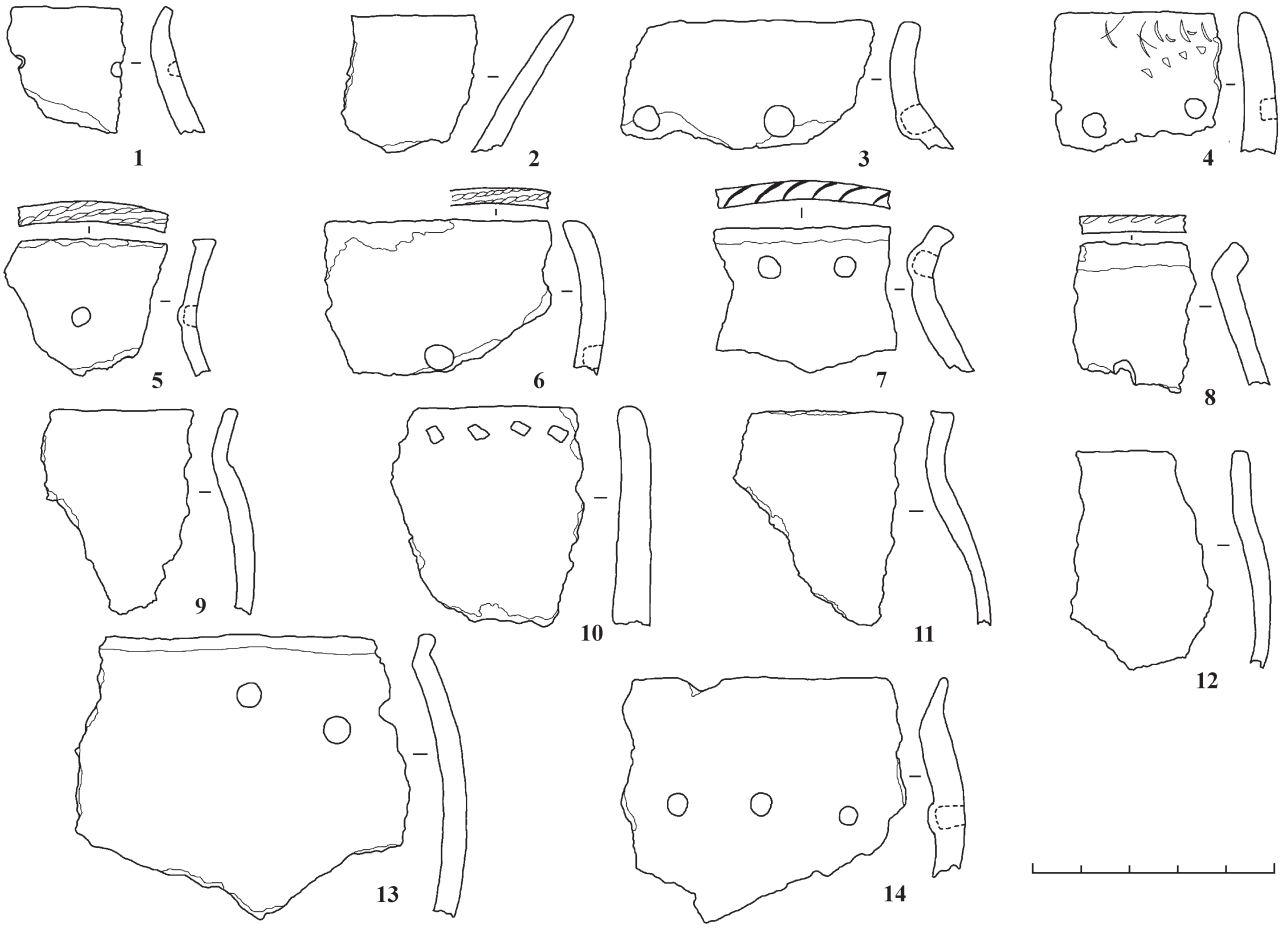


Рис. 8. Керамика Ардинского городища.

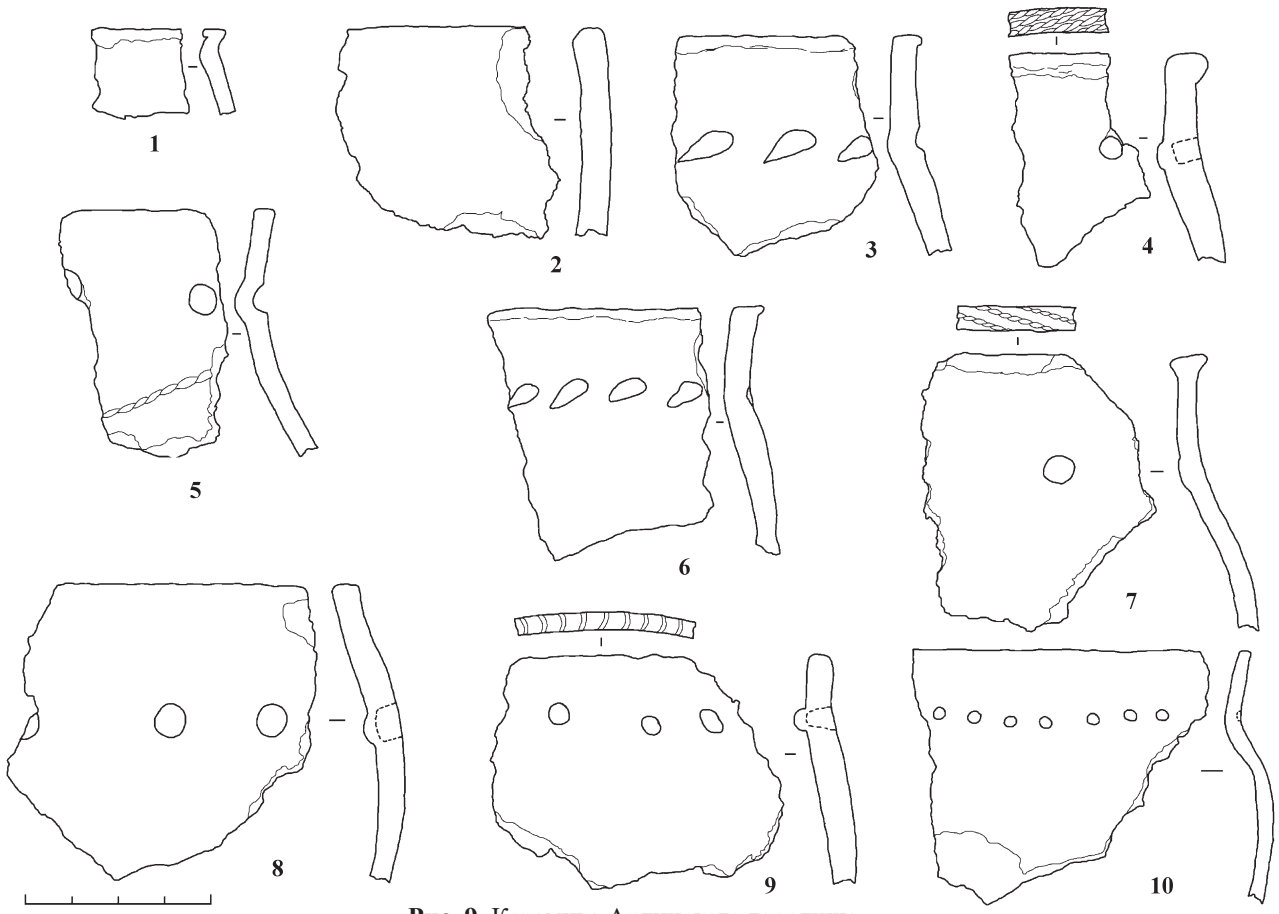


Рис. 9. Керамика Ардинского городища.

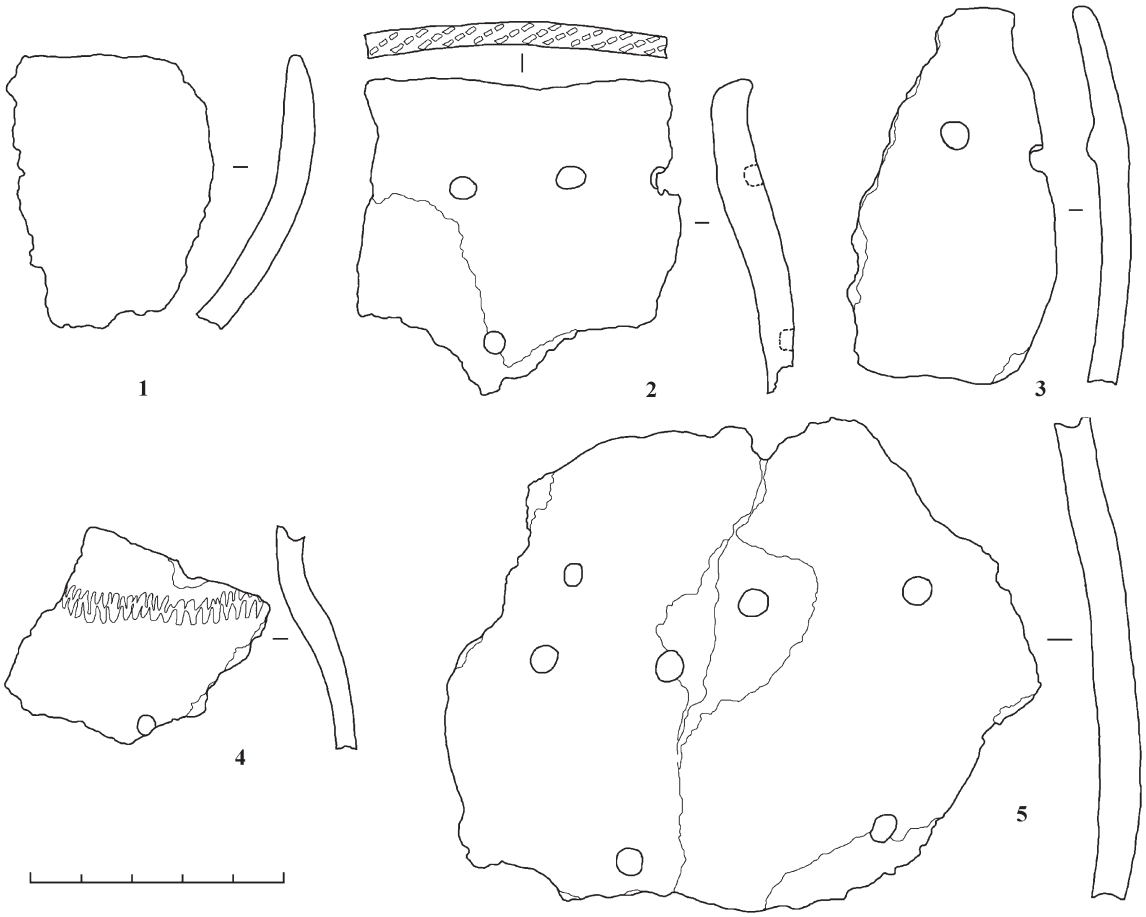


Рис. 10. Керамика Ардинского городища.

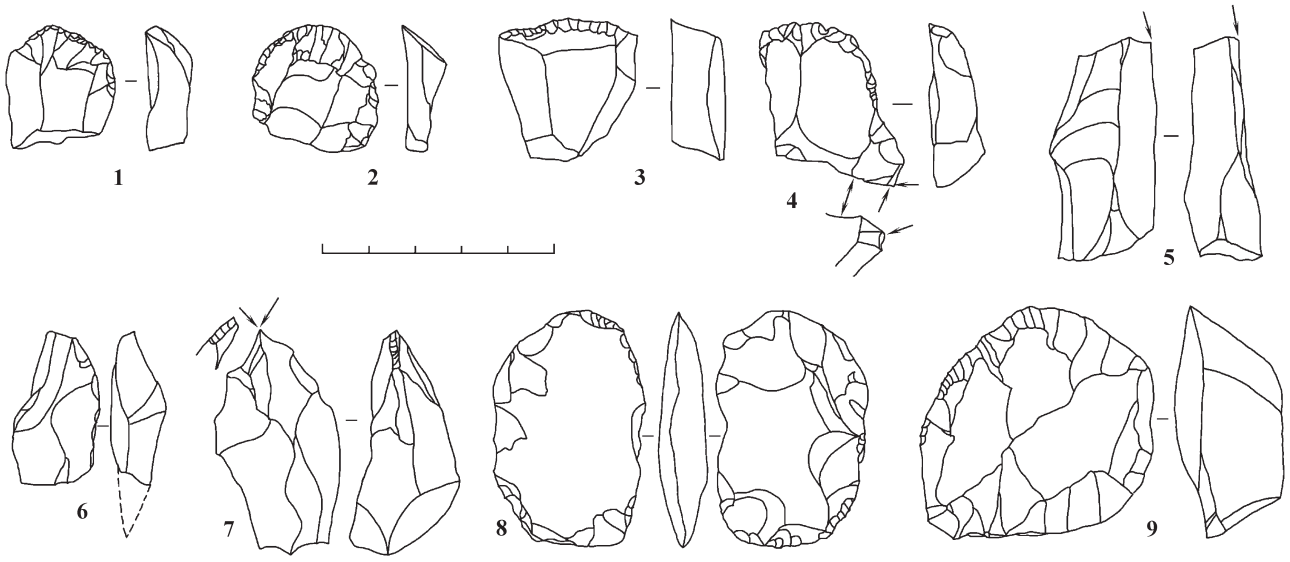


Рис. 11. Ардинское городище. Кремневые орудия.

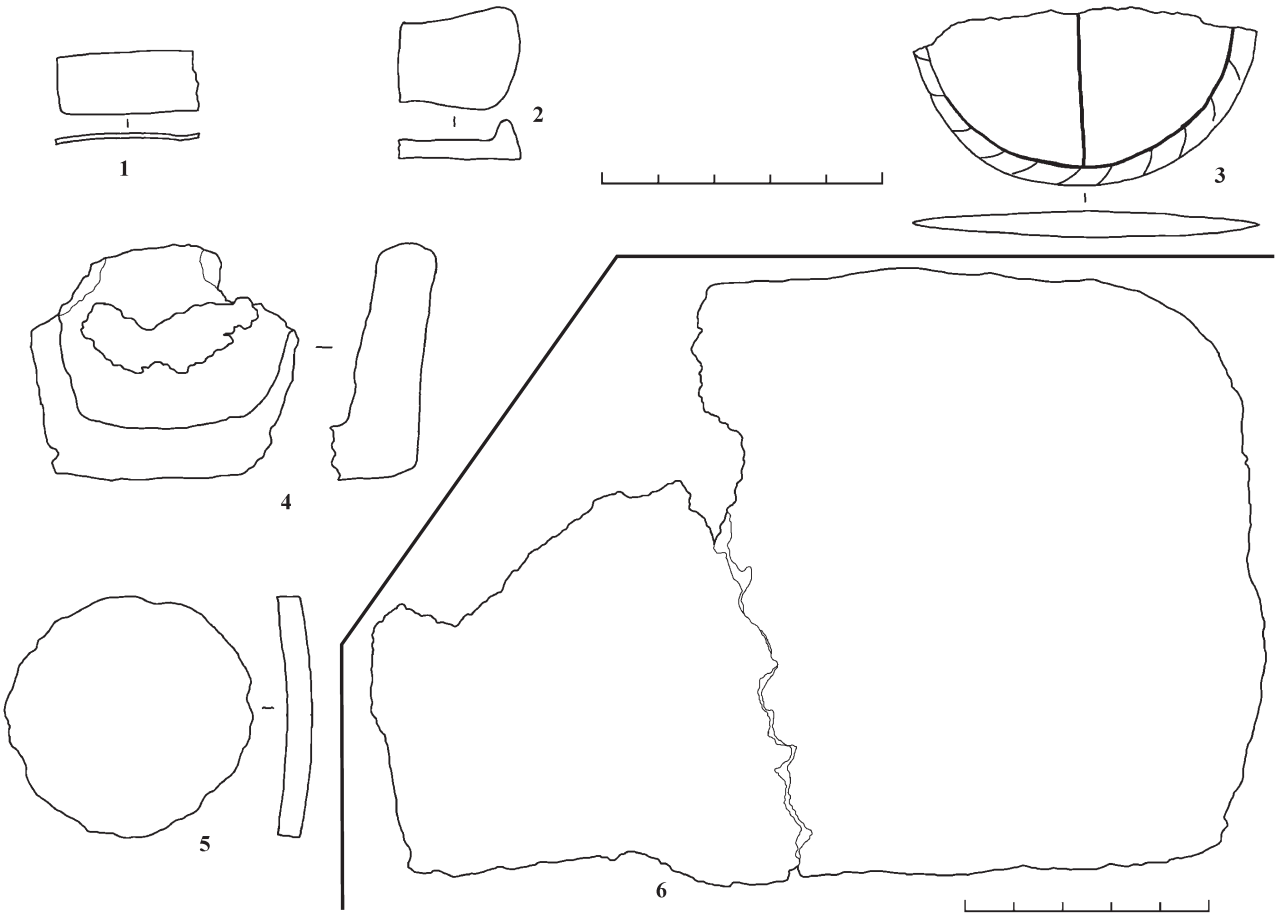


Рис. 12. Вещи и керамика Ардинского городища.

УДК 902

НОВЫЕ СЛУЧАЙНЫЕ НАХОДКИ АНАНЬИНСКОГО ВРЕМЕНИ НА ТЕРРИТОРИИ ЧУВАШИИ.

© 2017 г. Н.С. Мясников

В статье вводится в научный оборот случайные находки предметов ананьинского времени, обнаруженные на территории Чувашской Республики. Датируются предметы в пределах конца среднего (V вв. до н.э.) и позднего (IV–III вв. до н.э.) периодов существования ананьинской культурно-исторической области.

Ключевые слова: археология, ранний железный век, Среднее Поволжье, случайные находки, ананьинская культурно-историческая область

В настоящей статье публикуются новые находки ананьинской эпохи, обнаруженные в последние годы на территории Чувашской Республики (рис. 1) после выхода предыдущей работы автора (Мясников, 2014). Все рассматриваемые предметы обнаружены непрофессиональными археологами без должной фиксации и могут быть отнесены к категории случайных находок.

Пояс – 1 (рис. 2)

Данный набор предметов, происходящий из Мариинско-Посадского района (рис. 1: 12), был передан лично директору ЧГИГН Ю.Н. Исаеву находчиками в 2014 г. Получить более полную информацию о месте и обстоятельствах находки не представляется возможным. Коллекция хранится в археологическом фонде ЧГИГН.

Бронзовая ажурная обойма в форме навершия, состоящего из антенновидной фигуры со шнуровым орнаментом и тремя круглыми фигурами внутри со спиральным орнаментом на лицевой стороне (рис. 2: 1). Подобные известны в Ст. Ахмыловском (Патрушев, Халиков, 1982, табл. 54: 17) и Зуевском (п. 168) могильниках (Збруева, 1952, табл. IV: 19, XXVIII: 5). В последнем случае подобные обоймы реконструируются как наконечники пояса.

Бронзовая фигурная зооморфная бляшка с прочерченным изображением хвоста и крыльев с крючком в виде птичьей головы на лицевой стороне и петлей на обороте (рис. 2: 2). Типологически близкой является орнитоморфная застежка (?) с петлей на обороте с раскрытыми крыльям из Луговского могильника (Там же, табл. II: 14), несколько отличающаяся по иконографии образа. Гораздо ближе к рассматриваемой застежке как по размеру и форме, так и по изображению бляшка, найденная на шее женщины из п. 15[1] Котловского могильника (Там же, табл. IV: 8) и украшение из Скородумского клада (Васильев, 2002, рис. 39), отличающиеся более проработанным клювом, глазами, крыльями и хвостом. Последние датируются V–IV вв. до н.э. (Там же, с. 201).

Бронзовая умбоновидная бляшка со шнуровым орнаментом по краю (рис. 2: 3). Близкие известны в коллекции Ананьинского могильника (Збруева, 1952, табл. V: 2).

Бронзовая плоская круглая бляшка с выпуклой полукруглой фигурой по центру и двумя рельефными валиками на лицевой поверхности и петлей на обороте (рис. 2: 4). Точных аналогий автору неизвестно.

Бронзовые восьмёрковидные уплощенные бляшки с двойными спиралями (рис. 2: 5, 6, 10–16) либо парой концентрических фигур (рис. 2: 7–9) и петлей на обороте. Подобные интерпретируются как накладки на пояса, рукава одежды, головные уборы и др. Аналогии бляшкам со спиралями и с концентрическими фигурами известны в Ст. Ахмыловском могильнике (Патрушев, 1984, рис. 12: 10).

Вероятная дата находок – V–IV вв. до н.э.

Пояс – 2 (рис. 3)

Данный набор предметов был обнаружен на границе Ибресинского и Канашского районов приблизительно в окрестностях д. Нов. Чурашево (рис. 1: 13). Информацию о находке и фотографии предметов были предоставлены в отдел археологии ЧГИГН офицером полиции в отставке А.Г. Кирилловым. Предметы находятся в частной коллекции у знакомого А.Г. Кириллова. В отличие от остальных предметов описываются по фотографии.

Бронзовые восьмёрковидные уплощенные бляшки с двойными спиралями или без орнамента с петлей на обороте (рис. 3: 1-54). Аналогичные украшения со спиралями есть в

[1] По А.В. Збруевой, Ф.Д. Нефедов при выявлении назвал его погр. 6 (Збруева, 1952, с. 41). Прим. ред.

Козьмодемьянском (Большов, 1988, рис. 11: 1) и Ст. Ахмыловском могильниках (Патрушев, 1984, рис. 12: 11-12), а без орнамента – также в Ст. Ахмыловском (Там же, рис. 12: 1-8) и в Мурзихинском 1 могильниках (Беговатов и др., 1993, рис. 13: 7, 8). В Ст. Ахмылове подобные бляшки встречены вместе на одном поясном ремешке (Патрушев, Халиков, 1982, табл. 50: 3а), а также на ремешке от головного убора (Там же, табл. 96: 1а).

Бронзовый уплощенный зооморфный поясной крючок (застежка) с двумя петлями на обратной стороне (рис. 3: 55). Конец крючка оформлен в виде головки «ушастого грифона» (обломан), а основание в виде хищной птицы с головой, лапами, хвостом и раскрытым крылом. Зооморфные крючки-застежки отличаются обилием образов (Васильев, 2004, рис. 10). Наиболее близкая территориально и иконографически к данной застежке по изображению хищной птицы с раскрытым крылом, «клюющей свою лапу», застежка с Большой Таябы, известная по коллекции Заусайлова (Tallgren, 1918, pl. 2: 9; Васильев, 2004, рис. 10: 4; 19: 19). В.И. Гуляев, считает, что на таябинской застежке чувствуется влияние образцов воронежской группы скифоидной культуры, отмечая аналогичную фигуру из «Частых курганов» IV-III вв. до н.э. (Гуляев, 1969, с. 121).

Бронзовая круглая выпуклая бляшка с отверстием по середине с полусферическими фигурами по периметру (рис. 3: 56). Близкая бляха, также круглая, с «полушариями по краям», но без отверстия по середине, а в виде колеса известна в п. 21 Уфимского могильника IV–III вв. до н.э. (Збруева, 1952, табл. VI: 8).

Бронзовая круглая выпуклая бляшка с петлей на обороте (рис. 3: 57). Аналогичные есть в материалах Ст. Ахмыловского могильника (Патрушев, Халиков, 1982, табл. 1: 15; 9: 1а; 10: 1в; 20: 3в; 25: 1в; 41: 5; 76: 1н).

Вероятная дата находок IV–III вв. до н.э.

Ножны (рис. 4)

Данный предмет был куплен у находчика коллекционером и художником Ю.В. Евенальевым и хранится у него. По сведениям последнего, ножны были обнаружены в 2016 г. на границе Цивильского и Канашского районов где-то в окрестностях д. Андреево-Базары.

Бронзовые уплощенные усечено-конические слегка изогнутые ножны, оформленые в виде головы лося с выделенным глазом, ртом и ноздрей. На устье ножен с двух сторон расположена фигура крадущегося/затаившегося кошачьего хищника ограниченного сверху и снизу двумя рядами валиков с насечками. Такими же валиками показан ротовой изгиб, на одной из сторон изделия между валиками имеется сквозное «ротовое» отверстие, уголок рта оформлен в виде головки хищной птицы, которая как бы вырастает из линии губ. Глаза крупные, тщательно проработаны: изображен зрачок, глазное яблоко, валиками показаны веки. Сквозная ноздря неправильной подовальной формы затерта. Вероятно, туда крепился ремешок, подвязывающий ножны к штанам или поясу.

По форме и размеру ножны напоминают предмет из п. 465 Ст. Ахмыловского могильника (Патрушев, Халиков, 1982, табл. 76: 1б), интерпретируемый как ножны (Красноперов, 2014, с. 344). Комплекс относится к VIII – рубежу VIII/VII вв. по С.Н. Коренюку (2000, с. 75). Общей компоновкой в виде головы лося с размещением фигурки хищника на устье изделие ближе к Аргыжским костяным ножнам (?) или футляру для наконечника копья (?) (Черных, Ванчиков, Шаталов, 2002, рис. 52: 5; Васильев, 2002, рис. 30; 2004, рис. 14: 4) и рукояти с Пижемского городища (Ашихмина, Черных, Шаталов, 2006, рис. 70: 1; Васильев, 2002, рис. 31; 2004, рис. 14: 5), относящихся к V–IV вв. до н.э. Ближайшие аналогии кошачьему хищнику находим на украшении (поясной крючок?) из Мурзихинского 1 могильника VI–V вв. до н.э. (Васильев, 2002, рис. 46). Весьма характерным для ананьинского искусства представляется то, что изображение, в котором сочетаются несколько животных, органично вырастает из изделия подобно вырастанию головки хищной птицы из других видов орнамента, расположенной, как правило, на щеке или заднем контуре головы (Полидович, 2009, с. 240).

Вероятная дата ножен V–IV вв. до н.э.

Таким образом, новые случайные находки из Чувашского Поволжья относятся к V–III вв. до н.э. и, по всей видимости, свидетельствуют о том, что на территории края еще будут найдены памятники, и в частности погребальные, этого времени. Показательно, что часть из них обнаружена во внутренней части республики, а не на волжском побережье. Некоторые из рассмотренных предметов являются уникальными артефактами ананьинского звериного стиля и корректируют наши представления о нем. В определенной степени эти данные вносят поправки и в известное мнение о запустении Среднего Поволжья (во всяком случае, Сурско-Свияжского междуречья) после VI в. до н.э.

ЛИТЕРАТУРА

Ашихмина Л.И., Черных Е.М., Шаталов В.А. Вятский край на пороге железного века: костяной инвентарь ананьинской эпохи (I тысячелетие до н.э.) / МКВАЭ. Т. 12. Ижевск: УдмГУ, 2006. 220 с.

Большов С.В. Могильник на острове Мольбищенский. Каталог археологической коллекции. Йошкар-Ола: МРНКМ, 1988. 34 с.

Васильев С.А. Искусство древнего населения Волго-Камья в ананьинскую эпоху (истоки и формирование). Дис. … канд. ист. наук: Рукопись. СПб.: СБбГУ, 2002. 513 с.

Васильев С.А. Ананьинский звериный стиль. Истоки, основные компоненты и развитие // Археологические вести. 2004. № 11. С. 275–297.

Гуляев В.И. Зооморфные крючки скифского периода // Население Среднего Дона в скифское время / МИА. № 151 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Наука, 1969. С. 109–127.

Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху / Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. V / МИА. № 30. М.: АН СССР, 1952. 326 с.

Коренюк С.Н. Ананьинская культура в трудах А.П. Смирнова и новые данные в ее изучении // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья: МНК / ТГИМ. Вып. 122 / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М.: ГИМ, 2000. С. 68–79.

Красноперов А.А. Погребение № 28 Икского могильника: к вопросу о ранней дате пьяноборских памятников // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 331–351.

Мясников Н.С. Новые находки ананьинского времени с территории Чувашии // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 276–280.

Патрушев В.С., Халиков А.Х. Волжские ананьинцы: (Старший Ахмыловский могильник). М.: Наука, 1982. 280 с.

Патрушев В.С. Марийский край в VII–VI вв. до н.э.: (Старший Ахмыловский могильник). Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1984. 232 с.

Полидович Ю.Б. Рукояти с изображением хищников и некоторые особенности ананьинского «звериного стиля» // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / Археология евразийских степей. Вып. 8 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Елабуга: ИИ АН РТ, ИА РАН, ЕИАХМЗ, 2009. С. 239–244.

Черных Е.М., Ванчиков В.В., Шаталов В.А. Аргыжское городище на реке Вятке. М.: Регулярная и хаотическая динамика, 2002. 188 с.

Tallgren A.M. Collection Zaoussaïlov au Musée National de Finlande a Helsingfors. II. Monographie de la section de l'âge du fer et l'epoque dite de Bolgary. Helsingfors: Commission des collections antell, 1918. 59 p. + XII pl.

Информация об авторе:

Мясников Николай Станиславович, кандидат исторических наук, научный сотрудник секции археологии исторического направления, Чувашский государственный институт гуманитарных наук (г. Чебоксары, Россия).

NEW ACCIDENTAL FINDINGS OF THE ANANYINO PERIOD IN THE TERRITORY OF CHUVASHIA[2]

N.S. Myasnikov

The author of the paper introduces into scientific discourse randomly discovered items dating back to Ananyino period discovered in the territory of the Chuvash Republic. The items are dated late middle (5th century B.C.) and late (4th-3rd centuries B.C.) periods of the Ananyino cultural and historical region.

Keywords: archaeology, Early Iron Age, Middle Volga region, random findings, Ananyino cultural and historical region

About the author:

Myasnikov Nikolai S. Candidate of Historical Sciences. Chuvash State Institute of Humanitarian Sciences. Moskovsky Ave., 29, build. I, Cheboksary, 428015, Russian Federation.

[2] The author expresses gratitude to the researchers of A.Kh. Khalikov's Institute of Archaeology, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan D.G. Bugrov and Candidate of Historical Sciences A. A. Chizhevsky for the assistance in the writing of the work.

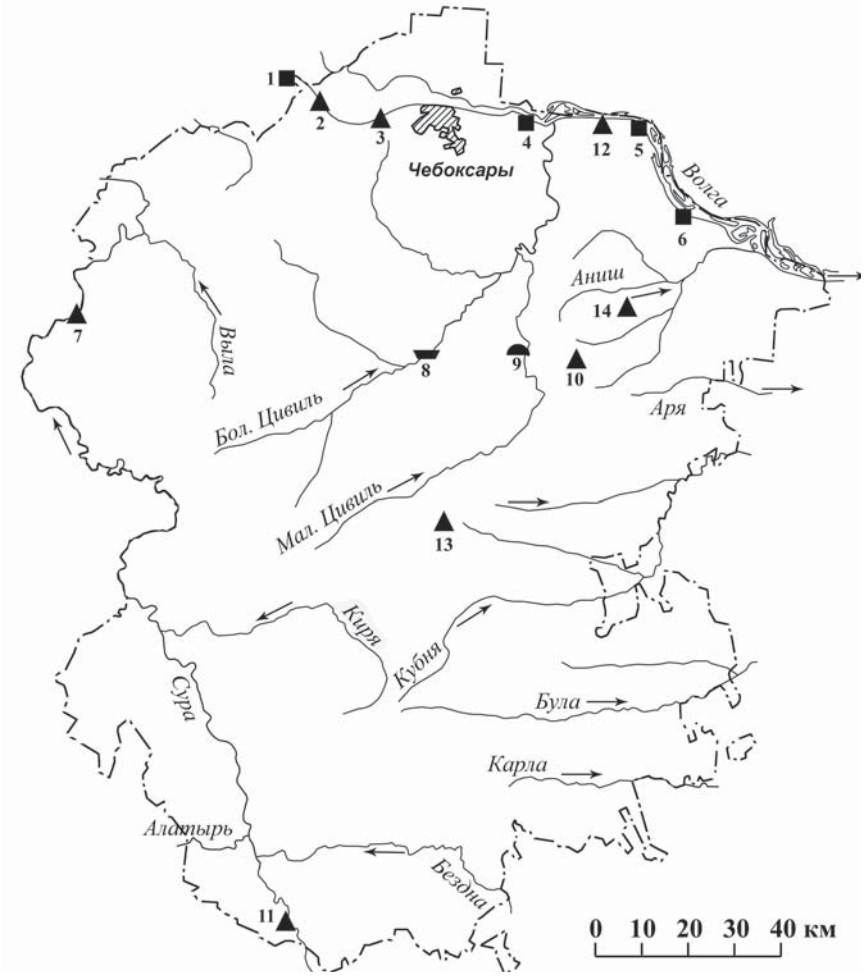


Рис. 1. Карта случайных находок и археологических памятников АКИО Чувашии: 1 – г-ще Малахай; 2 – Шашкарская пристань; 3 – пос. Сюктерка; 4 – Ельниковское г-ще; 5 – Демёшкинское г-ще; 6 – Карабашское (Звениговское) г-ще; 7 – Питишевское г-ще; 8 – Убеевский м-к; 9 – Чурачикский курган;10 – д. Тюлькой; 11 – Макеевское селище; 12 – Мариинско-Посадский р-н; 13 – д. Нов. Чурашево; 14 – д. Андреево-Базары.

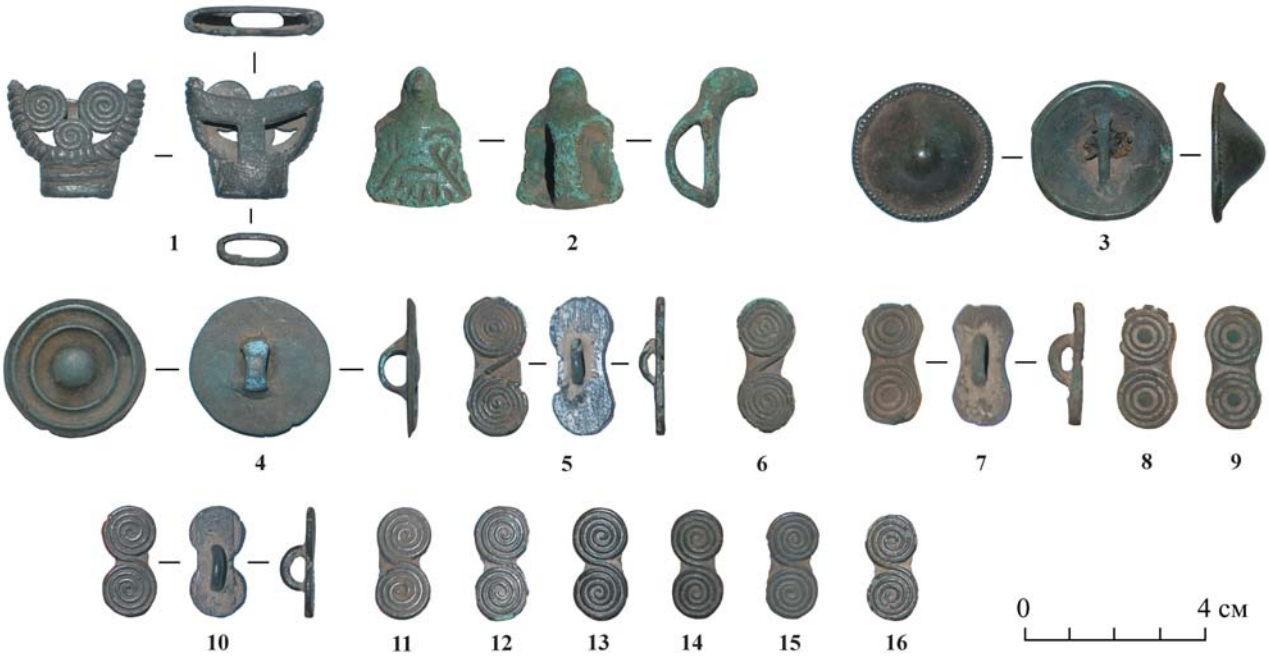


Рис. 2. Поясной набор (?) из Мариинско-Посадского района.

Рис. 3. Поясной набор (?), найденный у д. Нов. Чурашево (?).

Рис. 4. Ножны, найденные у д. Андреево-Базары (?).

УДК 902/904

ПОСЕЛЕНИЯ РЖВ КОСТРОМСКОГО ПОВОЛЖЬЯ: (К ВОПРОСУ ОБ АРЕАЛЕ АНАНЬИНСКОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ)

© 2017 г. А.В. Новиков

В настоящей статье рассмотрены поселения раннего железного века Костромского Поволжья, выделены поселения с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой ананьинского типа. Определено время проникновения носителей ананьинских традиций гребенчато-шнуровой керамики в пределы Костромского Поволжья, которое соотносится с VI в. до н.э. Именно с этого времени начинают происходить изменения культурной ситуации в регионе, где ранее доминировали поселения с сетчатой керамикой, развиваются поселения со смешаной ананьинской и сетчатой традицией. В середине I тыс. до н.э. Костромское Поволжье является зоной активных процессов культурогенеза. Поселения с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой РЖВ Костромского Поволжья занимают важное место в системе памятников ананьинской культурно-исторической области, определяя западный вектор ее распространения.

Ключевые слова: археология, Костромское Поволжье, РЖВ, поселения с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой

В настоящее время в Костромском Поволжье известно 46 поселений раннего железного века (РЖВ) (рис. 1). Большинство из них – многослойные памятники, содержащие наряду с материалами РЖВ культурные комплексы мезолита, неолита, бронзы или средневековья. Археологические раскопки проводились на 18 памятниках из 46, остальные обследованы только разведками. В этой связи следует сделать существенное замечание: с поселений, на которых проводилось только разведочное обследование и вскрывалась незначительная площадь или же раскопки не проводились вовсе, для культурного определения и датировок зачастую использовался только подъемный материал (фрагменты керамики), в большинстве случаев идентифицируемый как сетчатая керамика, а значит и памятник в целом интерпретировался как поселение общности с сетчатой керамикой, что, безусловно, оставляет некоторые спорные вопросы в определении его культурного статуса.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы указывают на присутствие в РЖВ в западных районах Костромского Поволжья культурной области, отличной от широко распространенной здесь области с сетчатой керамикой. Активное ее распространение фиксируется с середины I тыс. до н.э. и связано с традицией изготовления гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики, свойственной ананьинскому миру.

Первоначально необходимо очертить круг поселений с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой РЖВ Костромского Поволжья, установить территорию распространения в регионе керамики ананьинского типа и определить участки локализации поселений с такой керамикой внутри региона. Из 46 поселений Костромского Поволжья с материалами РЖВ на настоящее время выделяется 14 с комплексами гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики ананьинского облика (рис. 2). Важно отметить, что на всех поселения имеется и сетчатая керамика. В регионе Костромского Поволжья происходила определенная корректировка традиций изготовления гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики, трансформировались отдельные специфические черты, изменялись элементы первоначального облика. Такая керамика, несомненно, имеет генетические истоки как ананьинских, так и сетчатых компонентов.

Ареал распространения ананьинской культурно-исторической области (АКИО) в западном направлении до настоящего времени четко не обозначен. Известны ананьинские древности и в Юго-Западном Прибеломорье – в бассейнах рек Сума и Тунгуда, в низовьях Выги. Отдельные элементы АКИО распространились и в районе каргопольской культуры на озерах Лача, Воже, Кубенское и Белое (носители гребенчато-шнуровой традиции). В Верхневолжском регионе в целом и Костромском Поволжье в частности памятники с комплексами гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики РЖВ также известны.

В Костромском Поволжье изучены только поселенческие памятники. Могильники, имеющие отношение к ананьинскому миру, пока не известны. Основная часть рассматриваемой территории – это левобережный участок бассейна р. Волги от ее притоков р. Костромы на западе до р. Унжа на востоке, включая Галичско-Чухломскую возвышенность с крупнейшими озерами региона – Чухломским и Галичским, Костромскую и Унженскую низменности. Памятники РЖВ с сетчатой, штрихованной, нитчатой, гладкостенной, гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой сосредоточены в трех основных географических микрорегионах Костромского Поволжья: в окрестностях Галичского и Чухломского озер (Галичско-Чухломская возвышенность), в Костромской низине и по основному течению реки Волги вблизи города Костромы, в бассейне реки Унжи (Унженская низменность). В настоящее время это все известные участки локализации памятников РЖВ на территории Костромского Поволжья (рис. 2).

Сейчас опубликована только малая часть материалов РЖВ Костромского Поволжья, в частности, это сведения об исследованиях в Костромской низине (наиболее подробно) (Гурина, 1963), информация об археологических раскопках в округе Галичского озера (Фосс, 1947; 1948; 1949), ряд материалов с отдельных поселений Костромской низины (Патрушев, 1989). А.Е. Леонтьевым в сводной работе «Археология Костромского края» представлена общая характеристика части памятников РЖВ (АКК, 1997).

Полевое археологическое изучение поселений РЖВ Костромского Поволжья насчитывает более ста лет. Первые исследования были проведены в конце XIX века. Целенаправленное же изучение поселений региона с материалами РЖВ начинается в первой половине XX в. Именно в этот период и была сформирована основная источниковая база.

Первоначальный этап сбора сведений и материалов, впоследствии соотнесенных с эпохой раннего железа, связан с деятельностью Костромской губернской учёной архивной комиссии в конце XIX – начале XX века. Комиссией, открытой в 1885 г., в частности, Ф.Д. Нефедовым и Н.М. Бекаревичем, производился сбор данных и исторических сведений, выполнялись первые археологические раскопки, предпринимались попытки классификации археологических материалов (Новиков, 2014). На IV Областном Историко-Археологическом съезде в 1909 г. А.Н. Рождественский обобщил итоги деятельности КГУАК по раскопкам в губернии. Однако сам краевед признавал, что сведения о памятниках археологии и о проводимых раскопках, имеющиеся в архивной комиссии, отрывочны и неполны (Рождественский, 1909, с. 3).

В 1908 г. в округе Галичского озера раскопки проводились под руководством В.Н. Глазова, который исследовал городища Унорож, Брюхово (Курган) и поселение Быки (Пуп) (АКР КО, 1999, с. 147, 149). В том же 1908 г. А.М. Тальгрен произвёл небольшие раскопки на поселении Туровское «Заячья горка» (АКК, 1997, с. 52).

Следующий важный этап в изучении поселений РЖВ Костромского Поволжья – 20-е гг. XX века. В 1925 г. НИИ антропологии 1 МГУ организована экспедиция в район рек Ветлуги и Унжи, где с целью комплексного изучения населения данной местности и его истории проведены антропологические, археологические, этнографические и лингвистические исследования. В рамках работы экспедиции под руководством Б.С. Жукова и О.Н. Бадера археологически изучены 7 ветлужских и 4 унженских городища, среди которых Одоевское, Шангское, Рапоновское и др., а также одна стоянка – Паново (Бадер, 1951).

Именно 20-е гг. XX века были «золотым временем» повсеместного расцвета краеведения. Археологическое изучение Костромского Поволжья в это время неразрывно связано с деятельностью Костромского научного общества по изучению местного края, которое внесло громадный вклад в полевое изучение памятников археологии, в том числе содержащих материалы РЖВ. В это время происходит формирование фондов археологии Костромского музея-заповедника ценнейшими материалами, включая комплексы РЖВ. Обществом выявлено, обследовано и раскопано не менее 10 памятников археологии, среди которых есть и поселения с материалами РЖВ, включая ананьинские древности. Особую роль в деятельности общества с момента создания КНО в 1912 г. до его разгрома в 1929 г. сыграл В.И. Смирнов (Новиков, 2014). Непосредственно археологические работы в Костромском Поволжье В.И. Смирнов начинает в 1921 г. (Китицына, 1968, с. 239), наиболее серьезные многолетние работы им были проведены на территории Костромской низменности.

В окрестностях Галичского озера, на поселениях Умиленье (Пески) и Быки (Пуп), в 1945–1947 гг. значимые для решения нашей

проблемы исследования проведены под руководством М.Е. Фосс, ею же определена хронологическая позиция памятников указанного микрорегиона (Фосс, 1947; 1948; 1949). Отметим, что М.Е. Фосс отмечала наличие керамики ананьинского облика на поселении Быки.

Десятилетие спустя разведочные работы в окрестностях Галичского озера и Сусанинского болота провел М.И. Матасов. Исследования носили характер визуального обследования местности, выполнялись фотофиксация, осмотр и описание памятников, сбор находок. Систематизация полученных материалов не осуществлялась (Матасов, 1956; 1958).

В 1954 г. в связи с проектированием Костромского водохранилища Горьковская археологическая экспедиция под руководством Н.Н. Гуриной возобновила полевые археологические работы на территории Костромской низины. Экспедиция обследовала значительный ряд памятников эпох неолита, бронзы и раннего железа. В результате работ Н.Н. Гуриной получен масштабный объем источников, связанный с ананьинскими древностями. Среди исследованных памятников следует выделить такие поселения, как Станок I и II, Шунга, Борань, Ватажка, а также Минское городище. Н.Н. Гурина выделяла на памятниках РЖВ Костромской низины группу сосудов с характерным орнаментом в виде шнура, а область распространения ананьинской культуры ограничивала р. Ветлугой, прослеживая связь между костромскими и ветлужским поселениями (АКР КО, 1999; Гурина, 1963).

В 1961 г. исследования на поселениях РЖВ, расположенных в округе Галичского озера, проведены Костромским отрядом Верхневолжской экспедиции под руководством Е.И. Горюновой. Перед отрядом сто- яла задача обследовать памятники РЖВ, а также получить и документировать материал, характеризующий локальный (костромской) вариант памятников дьяковской культуры. При посещении Галичского музея в 1961 г. Е.И. Горюнова обнаружила материал, поступивший с места строительства железнодорожного моста через реку Челсма. Судя по произведенным ею описаниям, материал был представлен сетчатой керамикой и шнуровой керамикой ананьинского облика (Горюнова, Отчет 1961, с. 4). В этом же году она проводит раскопки на поселении Быки (Пуп) и городище Брюхово «Курган», на обоих памятниках обнаружена ананьинская керамика (Горюнова, Отчет 1961).

В 60-70-е гг. XX в. исследования в Костромском Поволжье проводились И.В. Гавриловой, внесшей значительный вклад в археологическое изучение первобытных памятников региона. В период 1962–1964, 1969–1973 гг. она изучала поселение Федоровское в Чухломском районе (Гаврилова, 1983; Новиков, 2011, с. 102.), где разделила культурный слой на четыре последовательных горизонта и выделила пять типов керамики: ямочно-гребенчатую, гребенчатую, волосовскую, фатьяновидную, сетчатую (Гаврилова, 1969). Кроме того, в 1962 г. И.В. Гаврилова исследовала стоянку Умиленье (Пески, Толтуново II, III), а в 1975 и 1977 гг. – поселение Медведки II (Шача). На поселении Медведки II раскопом вскрыто 33 м². Гаврилова И.В. отмечала, что в верхних горизонтах культурного слоя памятника встречаются обломки от сетчатых и штрихованных сосудов (АКР КО, 1999, с. 268).

С конца 70-х – начала 80-х годов XX в. масштабные археологические разведочные работы на территории Костромской области проводятся экспедициями Института археологии АН СССР под руководством и при участии К.И. Комарова, Ю.Н. Урбана, А.Е. Леонтьева, В.В. Сидорова, М.Г. Жилина. В это время активно разрабатывается учётно-паспортная документация для памятников археологии, выполняется съемка планов памятников, проводится мониторинг, выявляются новые памятники, должное внимание, в том числе, уделяется и поселениям РЖВ.

Проведенные экспедициями Института археологии АН СССР в конце 70-х – начале 80-х гг. XX в. исследования и полученные в конечном итоге материалы, бесспорно, явились важным вкладом в изучение памятников РЖВ Костромского Поволжья. В результате работ выявлены новые поселения данной эпохи, определено современное техническое состояние памятников археологии, атрибутирована часть найденных материалов, определена территория распространения материалов РЖВ в Костромском Поволжье на момент производства работ, накоплены сведения для составления перечня поселений, соотносимых с РЖВ, систематизации и картографирования этих памятников. Информация о поселениях РЖВ вошла в свод памятников археологии Костромской области (АКР КО, 1999).

В последующие годы разведочные работы на территории Костромского Поволжья носили локальный и отрывочный характер с охватом, как правило, одного из районов области или отдельного памятника, археологические

раскопки также носили эпизодический характер. Так, в 1999 г. мною проведены разведочные работы в Вохомском и Шарьинском районах Костромской области: обследованы Одоевское, Старошангское, Троицкое городища, поселения Медведки и Красноборы 4 (Новиков, Отчет 1999), в 2000 г. в Кологривском районе осмотрены Рапоновское городище и селище Аверьяновка (Новиков, Отчет 2000), в 2010 г. в результате археологического обследования в Чухломском районе у д. Григорьевское собран материал, представленный фрагментами сетчатой керамики РЖВ (Новиков, Отчет 2011). В процессе разведочных работ в Костромском районе в 2012 г. открыто поселение Борщино II, датированное средневековьем и РЖВ (Новиков, Отчет 2013).

В 1989–1992 гг. археологические раскопки на Минском городище провела экспедиция Марийского государственного университета под руководством В.С. Патрушева (АКР КО, 1999, с. 94) в рамках комплексной научно-исследовательской темы «Этнические и социальные процессы у финно-угров» (Патрушев, Отчет 1990, с. 3). Собран представительный комплекс керамики РЖВ, включая ананьинские древности.

В 1994 г. экспедицией МарГУ под руководством В.В. Ставицкого проведены археологические исследования в Чухломском районе, в итоге открыто новое поселение Федоровское VIII, датированное РЖВ, и выполнены раскопки поселения Федоровское VII на площади 68 м² (Ставицкий, Отчет 1994). Керамика, найденная на указанных памятниках, сетчатая.

В 2004–2008 гг. мною проводились раскопки Федоровского поселения. Совокупная площадь раскопок за эти годы составила 504 м². В раскопах встречается сетчатая керамика, датируемая II–I тыс. до н. э., комплексы сетчатой посуды позднего бронзового времени (ПБВ) доминируют над керамикой РЖВ (Новиков, 2007; 2011). В 2009 г. проведены раскопки на территории «Нижнего городища» в г. Галиче. В небольшом количестве здесь найдены мелкие фрагменты сетчатой керамики РЖВ (Новиков, Отчет 2010). В 2011 г. при охранных археологических раскопках Городища в г. Костроме собраны фрагменты сетчатой, гладкостенной и реже – штрихованной керамики эпох поздней бронзы и раннего железа, обнаружена и шнуровая керамика ананьинского облика (Новиков, Отчет 2012). В 2013 г. в рамках работ по определению границ территории Городища в Костроме заложены разведочные шурфы, в которых также обнаружена сетчатая и шнуровая керамика. В целом, памятник датирован в пределах конца II тыс. до н.э. – начала I тыс. н.э. Посещение площадки городища, скорее всего, было многократным, начиная с финала ПБВ и заканчивая первыми веками I тыс. н.э. В 2013–2015 гг. произведены спасательные археологические раскопки на городище Унорож в Галичском районе. В процессе исследований найдены фрагменты сетчатой, гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики РЖВ (Новиков, 2015).

При рассмотрении материалов с поселений РЖВ Костромского Поволжья исследователи долгое время не заостряли внимание на комплексах гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики. При этом заметим, что такие материалы, и выделялись не всеми исследователями. При интерпретации материалов РЖВ внимание специалистов не акцентировалось на выделении таких комплексов из массива сетчатой, гладкостенной и иной посуды на памятниках Костромского Поволжья, не систематизировались такие материалы и при проведении полевых работ. Они лишь суммарно, по отдельным признакам, описывались, самостоятельно и комплексно не рассматривались, затрагивая отдельные вопросы, полностью не освещались.

Соответственно, проблематика, связанная с данными комплексами и их носителями, главным образом, рассматривалась с точки зрения распространения культурных групп и племен с такой керамикой, их смешения с местным населением (дьяковские племена), оказываемого влияния, связей, анализа пограничных территорий между культурными областями и, в первую очередь, их взаимодействия.

То есть в совокупности, при рассмотрении материалов РЖВ Костромского Поволжья, исследователи в разное время выделяли ананьинские комплексы по характерным деталям таковых, в первую очередь, по отличительным признакам на посуде – наличию «воротничка» и веревочного орнамента на отдельных памятниках данного региона (Вишневский, 1991, с. 10; Горюнова, 1961, с. 23–25; Гурина, 1963, с. 158, 201; Збруева, 1952, с. 185, 186; Марков, 2007, с. 61, 63; Фосс, 1949, с. 39). Интересна в этой связи точка зрения П.Н. Третьякова, который соотносил часть материалов с «гребенчато-веревочной» орнаментацией с поселений РЖВ Костромского Поволжья с каргопольской культурой, отмечая, что такие элементы характерны

для позднекаргопольской керамики, а сами каргопольские элементы хорошо представлены в керамике Ватажки (Третьяков, 1966, с.137,139).

Исследователями выстраивались концептуальные предположения о территориальных границах между отдельными культурными областями РЖВ в Костромском Поволжье, связываемых, в первую очередь, с дьяковским и ананьинским населением (Бадер, 1951; Горюнова, Отчет 1961; Горюнова, 1961; Гурина, 1963; Збруева, 1952; Патрушев, 1989; Розенфельдт, 1974; Смирнов А., 1952; 1961; Смирнов К., 1974; 1994; Фосс, 1952). Разграничение территорий и определение границы между ними большинством спиециалистов проводилось по водоразделу рек Унжи и Ветлуги, при этом обозначался четкий географический принцип разделения. Но сегодня можно говорить и о проникновении отдельных групп населения – носителей ананьинских традиций изготовления гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики в Костромское Поволжье гораздо западнее, в частности, их присутствие отмечается на поселениях, сосредоточенных в Костромской низине и в окрестностях Галичского озера. Традиционно исследователи разделяли группы памятников РЖВ Костромского Поволжья и Поветлужья (Бадер, 1951; Горюнова, 1961; Гурина, 1963; Смирнов А., 1952; 1961; Третьяков, 1966), при этом придерживались единого мнения о принадлежности ветлужских памятников к ананьинским. Территория же Костромского Поволжья, в основном, связывалась с дьяковской культурой, выделялись локальные варианты этой культуры, материалы соотносились с сетчатой керамикой «дьякова» типа или отождествлялись с сетчатой вообще. На этом фоне рассматривались и связи между культурными областями. Сложилось единое мнение, что территория междуречья рек Костромы и Унжи, в первую очередь бассейн последней, являлась контактной зоной, находилась на стыке двух культурных образований в эпоху раннего железа.

В целом, при изучении поселений РЖВ Костромского Поволжья сетчатой керамике уделялось заметно большее внимания. Связано это, прежде всего, с тем, что она превалирует на известных нам поселениях РЖВ над другими керамическими комплексами. Неоднозначно её соотнесение с населением дьяковской культуры (Горюнова, Отчет 1961; Гурина, 1963; Исланова, 2002; Розенфельдт, 1974). В частности, Е.И. Горюнова выделяла локальный северо-восточный (костромской) вариант этой культуры (Горюнова, Отчет 1961, с. 13, 25). М.Е. Фосс на основе анализа материалов с раскопок памятников окрестностей Галичского озера пришла к выводу о преемственности между культурой дьяковских племен и культурой предшествующего времени, характеризуемой древнесетчатой керамикой, устанавливая связь между памятниками РЖВ и предшествовавшими эпохами (Фосс, 1949, с. 39).

Очевидно, следует согласиться со сложившимся мнением о недостаточной изученности и необходимости дальнейших археологических исследований поселений РЖВ Костромского Поволжья.

Участки локализации поселений РЖВ Костромского Поволжья зачастую совпадают с заселенными участками как в предшествующие эпохи, так и в последующее время. Поселения же с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой РЖВ находятся в тех же местах, что и поселки с сетчатой керамикой этого времени. Здесь следует отметить, что поселенческие площадки уже были подготовлены для проживания и использовались носителями сетчатой керамики при появлении на них групп населения носителей ананьинских традиций гребенчато-шнуровой керамики.

Первая группа поселений находится в пределах Костромской низины. Известно 16 поселений РЖВ, на половине из них зафиксированы гребенчато-шнуровые и шнуровые керамические комплексы РЖВ. Большинство поселений располагаются на дюнных всхолмлениях или останцах в пойме (10), три памятника находятся на мысу коренной террасы (городища в д. Городище, в г. Костроме и в с. Минское), три поселка размещаются на мысовидном выступе и на краю первой надпойменной террасы. Высота поселений над уровнем поймы или воды в реке составляет от 3 до 6 м. Наблюдается более высокое расположение площадок городищ: от 20 до 40 м. Площадь поселений варьирует от 1 400 до 12 000 м².

Поселения Галичско-Чухломской возвышенности, приуроченные к округе Галичского и Чухломского озер, Сусанинскому болоту, среднему и верхнему течению р. Костромы и ее притоков, сводятся во второй участок локализации. Здесь насчитывается 23 памятника с материалами РЖВ, из них на 6 имеется гребенчато-шнуровая и шнуровая керамика. На мысовидном выступе первой надпойменной террасы располагается 8 поселений, на мысу коренной террасы и останцах, отделен-

ных от нее, – пять. На дюнах и останцах в пойме также известно 5 площадок заселения, на краю первой надпойменной террасы находится 2 памятника, на краю коренной террасы – также 2, и, наконец, один расположен на мысовидном выступе второй надпойменной террасы. Высота отмеченных площадок над водой или поймой варьирует от 2 до 12 м. Обособленно в этом ряду стоит городище в Галиче, высота которого достигает 50 м над уровнем воды в Галичском озере. Необходимо отдельно обозначить поселения, приуроченные к низким к воде местам, например, такие как Медведки II (Шача) и Федоровское, минимальная высота поверхности которых над уровнем воды составляет всего около 0,5 м.

Площадь поселений Галичско-Чухломской возвышенности составляет от 600 до 30 000 м², в среднем 1500–4000 м². Подчеркнем, что поселения с большой площадью (до 30 000 м²) наряду с материалами РЖВ, в большинстве случаев содержат и комплексы других, более ранних (как правило, неолитических) или поздних культурно-хронологических пластов.

Поселения, сосредоточенные в Унженской низменности и приуроченные к бассейну реки Унжи и близко расположенной к ней реки Немды, сводятся в отдельный (третий) участок локализации памятников РЖВ. Количество поселений эпохи раннего железа в данной местности невелико и насчитывает всего 6: городища – Поповское (Ухтубужское) и Рапоновское, селища – Унжа II, Хохлянки, Аверьяновка, Леонтьево.

Безусловно, малочисленность памятников может говорить как о слабой заселенности этих территорий в рассматриваемое время, так и о недостаточной изученности, необходимости дальнейших археологических исследований региона. В частности, Е.И. Горюнова допускала, что в бассейне реки Унжи памятники ананьинской культуры пока не известны вследствие слабой изученности, однако предполагала их наличие и указывала, что близкое к Поветлужью Костромское Поволжье, связанное в Ветлугой разветвленной системой ее притоков, а также притоков Унжи и Костромы, входило в пределы уральской культурной области или, по крайней мере, было пограничной территорией, на которой происходил стык двух культурных областей: ананьинской и раннедьяковской. Она же отмечала, что материалы костромских памятников отражают этническую пестроту населения, считала, что сосуществование на территории одного памятника двух типов посуды говорит об этнической смешанности населения, а не только о культурной общности (Горюнова, 1961, с. 23).

Информация о памятниках археологии очерченного третьего участка скудная, отрывочная, масштабные раскопки здесь не проводились, за исключением городищ Ухтубужское и Рапоново. Отметим, что памятники микрорегиона в своём большинстве содержат более поздние материалы раннесредневекового времени. Материалы из раскопок, связываемые с РЖВ, немногочисленны.

Памятники данной группы, в основном, тяготеют к коренной террасе, располагаются на ее краю (в 3 случаях), на мысовидном выступе (1), 2 памятника расположены на мысовидном выступе первой надпойменной террасы. Высота поселений над уровнем поймы или воды в реке, в среднем, составляет 4–6 м. Относительно высоко (50 м) находится Рапоновское городище. Определяемая площадь поселений Унженской низменности насчитывает от 1400 до 7000 м².

Таким образом, из 46 выделенных поселений 14 имеют комплексы гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики РЖВ. Это такие поселения, как Быки (Пуп), Брюхово (Курган), Унорож, Умиленье, Челсма, Медведки II (Шача), Шунга, Борань, Станок I-II, Ватажка, Хреново, городище в Костроме и Минское городище.

Основные территории Костромского Поволжья, включающие поселения с гребенчато-шнуровой и шнуровой ананьинской и гибридной керамикой, расположены в окрестностях Галичского озера и в пределах Костромской низины, одно известно на территории, примыкающей к Сусанинскому болоту. В округе Чухломского озера и в бассейне реки Унжи (Унженская низменность) такие поселения пока не известны.

Поселения с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой ананьинского облика в округе Галичского озера в основном, расположены по северному, северо-западному берегам озера и по берегам вытекающей из него реки Вёксы. В окрестностях Галичского озера известные поселки с такими комплексами посуды тяготеют к высоким, выраженным на местности, местам. Для проживания, как правило, использовались естественные укрепленные участки – останцы в высокой пойме, тяготеющие к коренной террасе и отделенные от нее небольшими овражками, как, например, поселки Унорож, Брюхово (Курган), Быки (Пуп). Заметно отличается по расположению

поселение Умиленье (на дюнном всхолмлении в озерной пойме), но и основные комплексы с этого поселения более ранние по отношению к гребенчато-шнуровой и шнуровой керамике (галичская неолитическая керамика, сетчатая керамика ПБВ и РЖВ). Находки шнуровой керамики на территории поселка единичны, что в частности может указывать на кратковременное посещение данного места. Юго-западнее, примерно в 30 км от Галичского озера, находится Сусанинское болото, вблизи которого известно поселение Медведки II (Шача). Памятник находится на низком дюнном всхолмлении в пойме правого берега р. Шачи, в северо-восточной части болота. В настоящее время поселение затапливается. Находки шнуровой керамики РЖВ с памятника единичны.

Высота поселков Галичско-Чухломской возвышенности над уровнем поймы варьирует от 2 до 12 м. Площадь поселков очень вариативна: от 60 м² – Медведки, 475 м² – Брюхово, 320 м² – Быки до 14176 м² на Унороже. Площадь поселка РЖВ в Унороже однозначно определить невозможно, так как культурный слой этого времени зачастую здесь перемешан в раннее средневековье и в более позднее время. Основные городищенские слои относятся к мерянскому периоду. Значительная площадь поселения Умиленье (Пески) складывается из двух частей дюнного всхолмления, по крайней мере, одна из которых (площадью около 6000 м²) использовалась для проживания в ПБВ и в РЖВ.

Мощность культурного слоя на поселениях этой группы, в среднем, составляет около 0,5 м. Следует отметить, что на памятниках Брюхово (Курган) и Быки (Пуп) культурный слой с керамикой ананьинского облика формируется в верхних горизонтах, а нижние содержат материалы, соотносимые исключительно с сетчатой керамикой более раннего периода, при этом слои не разделяются визуально, а только по уровню залегания находок.

Поселения с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой РЖВ, расположенные на территории Костромской низины, в своём большинстве тяготеют к руслу реки Костромы и к её более мелким притокам, за исключением городищ, которые находятся по основному течению реки Волги (в городе Костроме и в селе Минское). Поселки чаще всего располагались на дюнных всхолмлениях, останцах в широкой пойме (Ватажка, Борань, Станок I-II, Хреново) или на краю надпойменной террасы, как, например, Шунга. Городища приурочены к высоким местам и находились на мысовидных выступах коренной террасы р. Волги.

Площадь поселений РЖВ Костромской низменности варьирует от 1400 до 2000 м² высота над уровнем поймы или воды в реке составляет от 2 до 6 м. Городища занимают площадь 1500 м² (Минское) и 4400 м² (в Костроме), высота над уровнем воды в реке Волге 24 и 40 м соответственно. Мощность культурного слоя на поселениях в среднем составляет 0,4–0,5 м, достигая 0,6–0,9 м на многослойных памятниках (Борань, Станок I, II), которые содержат, в том числе, и комплексы других эпох. Самая большая мощность на Минском городище – 0,8–1,3 м (достигает 2 м).

Можно выделить следующие характерные признаки поселений с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой РЖВ Костромского Поволжья. Все они многослойные и возникают не на «чистом» необжитом месте, а на участках поселков предшествующего времени – ПБВ и РЖВ с сетчатой керамикой, на некоторых памятниках имеются и неолитические комплексы. Площадки памятников зачастую использовались и в последующее время (РЖВ, раннее средневековье): Станок I, II, Умиленье, Унорож, Борань, Быки (Пуп), Минское, в Костроме, Ватажка и др. Также отмечается размещение большинства поселений (Брюхово, Унорож, Станок I-II, Челсма, Шунга, Ватажка, Хреново, Умиленье) на берегах небольших речек, ручьев, на месте впадения последних (в приустьевой части) в более крупный водоём – в реку, озеро. Отмечается и устойчивая тенденция расположения поселений с ананьинскими материалами на высоких местах (всхолмлениях) в широкой пойме.

Мощность культурных напластований на поселениях Костромского Поволжья, содержащих ананьинские материалы, составляет от 0,2 до 1,1 м. Небольшие площадки (до 500 м²) имеют поселения Быки (Пуп), Брюхово (Курган), Медведки II. Площадь же основной массы поселений с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой РЖВ Костромского Поволжья варьируется от 1400 до 2000 м² (Шунга, Ватажка, Борань, Станок II, Хреново, Минское).

Заметим, что комплексы гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики присутствуют в материалах практически всех поселений РЖВ Костромского Поволжья, на которых проводились раскопки, пусть ее количество и сильно варьирует, и соотношение с сетчатой керамикой нестабильно. На таких памятниках, как Борань, Умиленье, Станок I и II,

Медведки II (Шача), ее процент минимален. Это неудивительно, так как эти памятники в основе содержат сетчатую керамику ПБВ.

Обособленно в этом ряду выглядят окрестности Чухломского озера, где на настоящий момент поселения с гребенчато-шнуровыми и шнуровыми комплексами РЖВ не известны. В то же время накоплены богатые коллекции сетчатой керамики, соотносимой как с РЖВ, так и ПБВ (основные поселения – Федоровское, Федоровское VII, стоянки на реках Святица и Юг). Расселение вокруг Чухломского озера происходило в низких пойменных местах, на невысоких дюнных всхолмлениях и низких мысовидных выступах, в отличие от других отмеченных выше микрорегионов, где наличие комплексов с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой зафиксировано на поселениях, приуроченных к высоким останцам и мысам, за исключением, пожалуй, Борани и Медведок.

Итак, в Костромском Поволжье поселения ананьинской культурно-исторической области, в основном, локализуются в приустьевой части реки Костромы на территории Костромской низменности и в окрестностях Галичского озера, образуя два крупных участка их концентрации. Известны они также в окрестностях Сусанинского болота. На всех отмеченных поселениях с гребенчато-шнуровой, шнуровой и гибридной керамикой имеется и сетчатая посуда.

В целом для гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики РЖВ поселений Костромского Поволжья наиболее характерны элементы орнамента, составленные из шнуровых оттисков, которые преобладают и составляют 68,8% от общего числа элементов. Доля ямочного орнамента – 25,8 %. Элементы из отпечатков гребенчатого штампа набирают 5,9 %. Отметим, что доля орнамента, выполненного отпечатками гребенчатого штампа, возрастает в окрестностях Галичского озера, снижаясь на юг к реке Волге, а в пределах Костромской низины выше доля шнуровых оттисков в сочетании с ямками и обнаруживается большее количество посуды с «воротничком» по краю.

Наибольший процент составляет слабо профилированная посуда – 40,8%; далее следуют плавно профилированные горшки – 34,3%, из них 12% с «воротничком». Немногим меньше доля четко профилированной посуды – 21,6%, наиболее малочисленна группа чашевидных сосудов – 3,3%.

Итак, Костромское Поволжье, практически целиком находясь в культурной области населения с традициями изготовления сетчатой керамики, в то же время на определенном историческом этапе испытывало и существенное влияние ананьинской культурно-исторической области. Наиболее представительно выглядят комплексы гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики на поселениях Ватажка, Быки (Пуп), Брюхово (Курган), Шунга и на городищах Минское и в Костроме, достигая иногда 30% от всей фиксируемой посуды РЖВ (сетчатой, штрихованной, нитчатой), в небольшом количестве обнаружены на поселениях Борань, Медведки, Станок I-II, Умиленье.

Можно выделить два взаимосвязанных этапа в развитии поселений РЖВ Костромского Поволжья с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой.

На первом этапе распространения АКИО в Костромском Поволжье получают развитие такие поселения, как Ватажка, Быки (Пуп), Унорож, Брюхово (Курган), городище в Костроме. Керамические комплексы этих памятников синхронны каменоложской стадии развития ананьинской керамики, датируемой Л.И. Ашихминой VI–V вв. до н.э. (Ашихмина, 2014, с. 74, 298). В это время сетчатая и гребенчато-шнуровая традиции в керамическом производстве соседствуют на данных памятниках, гибридная керамика – явление достаточно редкое.

Сходство гребенчато-шнуровой посуды поселений Костромского Поволжья этого этапа обнаруживается с керамикой Юго-Западного Прибеломорья – похожая керамика имеется в бассейнах рек Сума и Тунгуда, в низовьях Выги, в частности гребенчато-шнуровой комплекс поселения Бохта II, датированный А.М. Жульниковым каменноложской стадией – VI–V вв. до н.э. (Жульников, 2005, с. 36). В целом, А.М. Жульников датирует ананьинскую керамику Западного Прибеломорья на основании восточных аналогий VI–IV вв. до н.э. (Zul'nikov, 2009, p. 78). Область Юго-Западного Прибеломорья, по мнению А.М. Жульникова, является контактной территорией, где присутствует гибридная керамика, сочетающая и черты керамики типа лууконсаари, и ананьинской (Ibid, p. 75).

Комплексы керамики ананьинского типа из Костромского Поволжья близки и ананьинской посуде позднекаргопольских поселений озера Лача, датируемой М.Е. Фосс первой половиной I тыс. до н.э., VII–V вв. до н.э. (Фосс, 1952, с. 118, рис. 68). Параллели прослеживаются и с ананьинской керамикой бассейна Средней Камы. Прежде всего,

это касается памятников, соответствующих каменоложской стадии VI–V вв. до н.э., среди которых средний горизонт поселения Каменный Лог (Ашихмина, 2014, рис. 66, 85). В VI–V в. до н.э. на ананьинской посуде в Прикамье появляется «воротничок», характерный для комплекса 1 керамики с поселения Ватажка (плавно профилированные сосуды с «воротничком»). Посуда комплекса 1 Ватажки, ряд плавно профилированной посуды с «воротничком» с поселения Быки (Пуп) находят соответствие в сосудах Ново-Кабановского, Тра-Тау и Аначаевского городищ (Там же, рис. 80), которые, как и керамика среднего горизонта Каменного Лога, датируется VI–V вв. до н.э. (Там же, с. 73).

Можно говорить о немалом сходстве посуды поселения Ватажка (комплекс 1), части комплексов поселения Брюхово (Курган), гребенчато-шнурового комплекса Унорожа с посудой с ветлужских городищ – Одоевского, Богородского, Русенихинского (Марков, 2007, рис. 46). Это, в частности, проявляется в орнаментальных мотивах, а именно: в сочетании гребенчатого штампа, шнуровых горизонтальных оттисков, реже с ямками, и морфологических особенностях верхней части сосудов (за исключением наличия «воротничков» на костромской керамике). Такая посуда с городищ Поветлужья датируется с VI в. до н.э. (Там же, с. 57). Нижний (первый) слой Одоевского городища укладывается в рамки VII–V вв. до н.э. (Бадер, 1951, с. 151), второй слой Богородского городища датирован VII–VI вв. до н.э., третий – V–IV вв. до н.э. (Архипов, 1982, с. 13).

Комплекс 1 поселения Ватажка характеризуется превалированием плавно профилированной посуды, в том числе с «воротничком», в мотивах орнамента находят преобладание и фиксируются сочетания гребенчатых отпечатков со шнуровыми оттисками и поясками из глубоких (в большинстве случаев) ямок, встречается посуда со сложношнуровой орнаментацией. Комплекс 2 характеризуется упрощением орнаментальных мотивов, преобладанием элементов из шнуровых оттисков (правда, встречаются многорядное их исполнение, волна), появлением мелких, как правило, неглубоких вдавлений, уменьшением зон заглаженных участков поверхности посуды и увеличением участков, покрытых сетчатыми отпечатками, увеличением процента слабо профилированных горшков при встречаемых профилированных горшках с сетчатой внешней поверхностью. Данный комплекс шнуровой керамики отражает развитие и преобразование ананьинских керамических традиций, происходит процесс гибридизации керамики – комплекс 3.

Отметим и подобие ряда керамических комплексов Костромского Поволжья керамике поселений региона Средней Волги (Нижегородского Поволжья) – Васильсурского II городища (Халиков, 1977, рис. 86; Марков, 2007, рис. 45). Аналогии проявляются именно в орнаментике керамики комплекса 1 плавно профилированной посуды с «воротничком» с поселения Ватажка, где господствует горизонтальное построение композиций, как и на западноволжской ананьинской керамике.

Следует обозначить важную особенность. А.Х. Халиков указывал на присутствие на Васильсурском II городище гибридной посуды, появившейся, по его мнению, в результате смешения раннеананьинской и раннегородецкой керамики (Халиков, 1962, с. 148–150). Гибридная посуда, совмещающая шнуровую и сетчатую традицию, характерна и для ананьинских поселений территории Костромского Поволжья. При этом Малахайское и Васильсурское II городища А.Х. Халиков считал изолированными памятниками, керамику с них относил ко второй половине I тыс. до н.э. и называл ее керамикой "городецкого облика" (Там же).

Можно говорить о меньшем сходстве ананьинской керамики из Костромского Поволжья с посудой с поселений Марийского Поволжья. На таких памятниках, как Мари-Луговое (раскопки А.И. Шадрина 1990–1991 гг.), Сиухинское поселения (раскопки Д.Ю. Ефремовой и Б.С. Соловьева 2009–2010 гг.), Ардинское городище доминирует гребенчато-шнуровая традиция, встречается сложношнуровая керамика (правда, намного реже), присутствуют лебяжские черты (глазчатые ямки), имеется постмаклашеевская керамика. Очевидно, текстильная традиция здесь существует отдельно от ананьинской, нет массовой гибридизации, на что ранее обращал внимание С.В. Кузьминых (1982, с. 23; 1983, с. 157).

Всего 19 фрагментов керамики со шнуровым орнаментом и текстильными отпечатками (гибридная посуда) найдено во время исследований Ардинского городища (Архипов, Патрушев, 1982, с. 55). Все фрагменты – без «воротничков» по краю посуды. Правда, некоторая схожесть с керамикой с костромских памятников АКИО отмечается в орнаментальных мотивах. Нижний культурный

слой Ардинского городища датируется VII–VI вв. до н.э. (Там же, с. 53).

Отдельно отметим Сиухинское поселение, расположенное в правобережье Волги, где встречаются «гофрированные» венчики, края с утолщениями, в орнаментации превалируют ряды из шнуровых оттисков, как и на посуде с большинства поселений с ананьинскими материалами Костромского Поволжья. Встречаются слабопрофилированные формы посуды, редки чашевидные. Предварительно памятник датирован VIII–VI вв. до н.э., но с оговоркой, что время существования поселения все-таки еще следует уточнить (Ефремова, Соловьев, 2014, с. 239). Возможно, Сиухинское поселение существовало и в более позднее время.

Шнуровая керамика Костромского Поволжья имеет сходные черты (морфологические особенности, орнаментика) и с посудой с памятников, приуроченных к бассейну Нижней Камы. В.Н. Марков выделял три этапа в развитии нижнекамских поселений. Третий этап (VI–V вв. до н.э.), согласно этой периодизации, характеризуется появлением на памятниках Нижней Камы парного и строенного шнура, нередко сопровождающегося оттисками гребенчатого штампа (Марков, 2007, с. 44). Сходство с костромской керамикой можно найти в посуде таких памятников, как Сухой Берсут (керамика второй группы), Сорочьи Горы (верхний горизонт), необходимо отметить и отдельный ряд керамики с Гремячего Ключа (Там же, рис. 22, 10, 3: 2, 6).

Наблюдается ещё одно соответствие нижнекамской и костромской керамики. На всех поселениях Нижней Камы фиксируется «текстильная» (Там же, с. 44) или сетчатая керамика. Это обстоятельство, безусловно, сближает эти поселения с поселками Костромского Поволжья и демонстрирует определенную взаимосвязь культурных процессов обозначенных регионов. Также В.Н. Марков отмечал, что доля примеси песка в тесте увеличивается именно в западной части региона Нижнего Прикамья (Там же, с. 15).

Ананьинская керамика бассейна р. Вятки характеризуется обилием гребенчатых отпечатков, чередованием таких отрезков с линиями шнуровых оттисков, дополняемых пояском из ямок. Аналогичная посуда с гребенчато-шнуровой традицией присутствует на поселениях Костромского Поволжья, таких как Ватажка (комплекс 1), Унорож. Сходство обнаруживается с комплексами Аргыжского городища, частью комплексов Ройского Шихана (Там же, рис. 25, 27). Городище Ройский Шихан датировано VII–V вв. до н.э. (Архипов, 1962, с. 196, 203), позднее была предложена дата – не ранее VI в. до н.э., как и для Аргыжского городища (Марков, 2007, с. 57).

Необходимо отметить и близость керамики с Ватажки (комплекс 1) посуде с Грехневского I поселения, (Митряков, 2014, рис. 16, с. 176). Близость комплексов проявляется в морфологических особенностях, в частности, в преобладании слабо профилированных форм (Там же, с. 175). Предварительная датировка керамики Грехневского поселения – VII–VI вв. до н.э. (Там же, с. 174).

На этом этапе развития керамики обнаруживается высокая степень сходства вятской и костромской ананьинской керамики, собственно гребенчато-шнуровой традиции. Это сходство обнаруживается непосредственно в начальный период распространения АКИО в Костромском Поволжье, а именно: в VI в. до н.э.

Относительно времени проникновения ананьинских племен в Поветлужье А.А. Чижевский считает, что на рубеже VII–VI вв. до н. э. носители ананьинской культуры гребенчато-шнуровой керамики выдвигаются в бассейны рек Вятки и Ветлуги и занимают здесь обособленную территорию (Чижевский, 2008, с. 71). А.А. Чижевский отмечает, что дальнейшая судьба культуры гребенчато-шнуровой керамики загадочна (Там же, с. 91), при этом соглашается с мнением С.В. Кузьминых, согласно которому миграция из Марийского Поволжья постмаклашеевской и акозинской культур в конце VI в. до н. э. привела к активизации процессов культурогенеза на северо-западе России, когда происходит образование смешанных текстильно-ананьинских культур: позднекаргопольской, лукоонсаарикудома и др. (Кузьминых, 1993, с. 82).

Обратим внимание на ряд особенностей гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики РЖВ с поселений Костромского Поволжья начального этапа ее распространения. Различны орнаментальные мотивы и техника их исполнения на плавно профилированной посуде с «воротничком» поселений Ватажка и Быки (Пуп). На последнем орнамент в основном представлен в виде шнуровых оттисков, не дополняемых гребенчатыми отпечатками, а только вдавлениями, тогда как на керамике Ватажки встречаются все элементы (шнуровые оттиски, ямки, гребенчатые отпечатки). Керамика с поселения Брюхово

(Курган) уверенно сочетает в себе две техники исполнения: гребенчатую (зигзаги, короткие отрезки) и шнуровую. На керамике с поселения Станок I такое сочетание является редкостью. В регионе преобладают плавно профилированные (включая комплексы с «воротничком») (рис. 3) и профилированные формы посуды (рис. 4). Следует отметить, что мотивы и отдельные элементы сложношнуровой орнаментации (зигзаг, решетка, волна и др.), характерные для ананьинской керамики с памятников Среднего и Нижнего Прикамья, редко встречаются на костромской керамике ананьинского типа VI–V вв. до н.э. и единично фиксируются на посуде с таких поселений, как Брюхово (Курган), Быки (Пуп), Ватажка, Шунга и городище Минское.

Керамика Минского городища выглядит несколько обособленно: здесь гребенчатый штамп практически не встречается, но присутствует резная техника, орнамент очень разнообразный, составлен из горизонтальных рядов шнуровых оттисков, включая косички, которые очень часто присутствуют на посуде. Нередко фиксируется сочетание шнуровых оттисков с поясками из ямок, сходными с посудой Аначевского городища (Ашихмина, 2014, рис. 79, 80), за исключением фигурных и других мелких вдавлений. Правда, ямки встречаются, как правило, мелкие подтреугольные, а также овальной, ромбической формы, реже – округлые и аморфные, фигурные неглубокие вдавления. Отмечается и устойчивое морфологическое подобие, в частности, найдены профилированные сосуды с реберным плечом, как на посуде из среднего горизонта поселения Каменный Лог (Там же, рис. 66).

Профилированная посуда обнаружена и на других памятниках Костромского Поволжья: на поселениях Шунга, Ватажка, Брюхово (Курган), Быки (Пуп), на городище в Костроме (рис. 4). В целом, следует отметить следующее обстоятельство: по орнаментации керамика Минского городища более сходна с фрагментами посуды, найденной на памятниках выше устья р. Вятки по Каме и, возможно, с частью бельских (Бирское) (Халиков, 1977, рис. 92). Обнаруживается значительное совпадение керамики Минского городища и поселения Усть-Очер I, датируемого 2 пол. VI – нач. V в. до н.э. (Коренюк, 2014, рис. 3) в орнаментации (широкие зоны шнуровых оттисков, косички), в морфологии (профилированные сосуды с выделенным плечом).

С V в. до н.э., на поздней каменоложской стадии, в систему расселения ананьинских групп включается ряд новых поселений – например, Станок I, на посуде которого очень редко встречаются «воротнички», меньше зон, орнаментированных гребенчатыми отпечатками, превалируют шнуровые оттиски. Очевидно, к этому же времени относится и поселение Шунга, на керамике которого наблюдается орнамент, составленный из шнуровых оттисков в виде волны. Правда, орнамент более разрежен, встречаются наклонные гребенчатые оттиски, присутствуют плавно профилированные и профилированные формы сосудов. Уменьшение доли орнаментированных зон, разреженность элементов орнамента, низкий процент ямок отмечается на ананьинском памятнике Вятского бассейна – Скорняковском городище (Митряков, 2014, рис. 17, с. 177), датированном именно V в. до н.э. (Там же, с. 183). При этом морфология посуды различна: на Скорняковском городище, в отличие от поселений Костромского Поволжья, много посуды с «воротничком», что, впрочем, в данном случае сближает её с керамическим комплексом 1 поселения Ватажка.

Очевидно, именно с V в. до н.э. на многих поселениях Костромского Поволжья происходят значительные изменения. Керамические комплексы, фиксируемые на поселениях РЖВ Костромского Поволжья, чаще всего, смешанные. Это, безусловно, является подтверждением устойчивых связей населения с сетчатой керамикой и ананьинского мира, свидетельствует о сложности культурных процессов, происходивших в РЖВ на территории Костромского Поволжья. Интеграция в местную среду с сетчатой керамикой способствовала сглаживанию многих классических культурных традиций в керамическом производстве, свойственных ананьинской культурно-исторической области. Именно в это время в результате взаимодействия культурных областей начинает массово появляться гибридная керамика (рис. 5, 6).

Суммируя морфологические и технологические изменения керамики, произошедшие в результате этих контактов, можно отметить следующее. Происходит изменение техники обработки внешней поверхности горшка (заглаженная поверхность зачастую сменяется сетчатой), меняется состав примесей, при этом превалируют минеральные примеси (песок), появляются новые элементы орнамента, изменяется профилировка горшков.

Итак, из морфологических особенностей можно назвать изменение профилировки, т.е. превалируют слабо профилированные формы,

характерные для сетчатой керамики данной округи в целом, теряются плавность и изогнутость в верхней части. Преобладают плоскодонные сосуды. Морфологические особенности, характерные для ананьинской керамики, проявляются на сетчатой посуде, как, например, плавность в профилировке верхней части сосудов (вогнутая шейка, округлые плечики), шнуровая же керамика, напротив, теряет плавность, округлобокость, начинают преобладать слабо профилированные формы сосудов с пологим низким плечом и короткой шейкой, край приобретает форму «гофры», часто обрабатывается сетчатыми отпечатками, обретает Т и Г-образные оттяжки.

Сетчатая структура, по большей части, характерна для внешней поверхности тулова горшка, реже заходит на плечики и шейку сосудов, отмечен случай захождения на шнуровой орнамент. На поверхности фрагментов преобладают сетчатые мелкоячеистые, хаотично расположенные отпечатки, намного реже встречаются крупноячеистые. Нередки случаи, когда орнамент накладывается на поверхность с сетчатыми отпечатками, заглаженные участки минимальны.

При орнаментации гребенчато-шнуровой и шнуровой керамике РЖВ появляются отдельные элементы, не характерные для носителей ананьинских традиций: фигурные неглубокие вдавления и штампы, неглубокие широкие вдавления с «рваными» краями и другие разные мелкие неглубокие вдавления, «розетки», характерные для дьяковской среды с сетчатой керамикой и сетчатой посуды вообще. Используется и сочетание отмеченных элементов на посуде, как, например: по шейке шнуровые оттиски, а ниже по плечу неглубокие фигурные вдавления. Орнаментальные элементы и мотивы в виде оттисков шнура, часто заполнявших всю внешнюю поверхность шейки посуды, или отпечатков мелкогребенчатого штампа (правда, встречающихся в регионе реже), не характерных для сетчатой керамики Костромского Поволжья, начинают наноситься и на керамику с сетчатой поверхностью: накладываться на такую поверхность или же оконтуриваться зонами сетчатых отпечатков, нанесенных по плечику и ниже по тулову, по завершении композиционного исполнения, как правило, по шейке сосудов.

Важно отметить, что в глиняное тесто гребенчато-шнуровых и шнуровых сосудов Костромского Поволжья входят в основном только минеральные примеси (чаще всего песок, в т.ч. крупнозернистый), что характерно для консервативной среды с сетчатой керамикой. Редко, на единичных фрагментах, отмечены пустоты. Нельзя не отметить, что с V в. до н.э. в гребенчато-шнуровой и шнуровой керамике всех западных регионов появляется общее свойство – наличие в тесте минеральных примесей (песка). Однако, скорее всего, это связано не с контактами на отдельных западных территориях ананьинской культурно-исторической области самостоятельных групп, изготовлявших гребенчато-шнуровую и шнуровую керамику, и передачей этой традиции, а с близостью и влиянием культурной области сетчатой керамики, для которой это явление характерно.

Далее перейдём ко второму этапу эволюции поселений с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой РЖВ Костромского Поволжья, который синхронизируется с ныргындинской стадией развития ананьинской керамики, датируемой IV–III вв. до н.э. (Ашихмина, 2014, с. 74). На этом этапе орнаментация на шнуровой керамике заметно упрощается, отсутствуют гребенчатые оттиски, более не встречаются широкие орнаментальные зоны, совмещающие орнаментальные мотивы, выполненные в разных техниках исполнения, преобладают двух- и трёхрядные горизонтальные шнуровые оттиски, нередко сочетающиеся с различными вдавлениями, как на керамике с памятников бассейна Средней Камы. Распространяется и доминирует гибридная керамика. Посуда с «воротничком» на этом этапе отсутствует, в орнаментации не применяется гребенчатый штамп, преобладают слабо профилированные формы посуды (рис. 6). К поселениям этого этапа можно отнести такие, как Станок II, Борань, Медведки II, Умиленье, Челсма, вероятно, Хреново.

Если сравнивать топографические особенности поселений с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой РЖВ на первом и втором этапах их развития, становится очевидно, что места заселения второго этапа находятся ниже по отношению к реке. При этом поселения, появившиеся на первом этапе, также продолжают существовать.

Керамика второго этапа имеет большое сходство с посудой верхневолжских памятников – городищ около Калязина и Городка (Третьяков, 1941, рис. 6: 2, 6; рис. 9: 2, 6, 7, 10; 1966, рис. 43: 2). П.Н. Третьяков датировал обозначенные городища синхронно поселению Ватажка Костромского Поволжья (Третьяков, 1966, с. 147). Обнаруживается сходство с комплексами 2 и 3. Близка посуда этого этапа и

керамике Серюпитинского городища, на которой также фиксируются лишь редкие ряды шнуровых оттисков, и присутствует сетчатая внешняя поверхность (Столяр, 1963, рис. 4: 1, 4). Городище датировано IV–III вв. до н.э. – I в. н.э. (Там же, с. 238). Наблюдается сходство посуды второго этапа с керамикой поселений бассейна Средней Камы – Зуево-Ключевское I, Ныргында I, отнесенных Л.И. Ашихминой к IV–III вв. до н.э. (Ашихмина, 2014, рис. 46, 48, 72). Следует отметить ее подобие и посуде из второго слоя Одоевского городища, датированного тем же временем (Бадер, 1951, с. 152). Керамика Одоевского городища претерпевает в это время значительные изменения. Во-первых, появляются минеральные примеси в тесте. Во-вторых, отмечается снижение орнаментированных зон, шнуровой орнамент представлен слабо, на орнаментальном фоне остаются чистые поля (Воеводский, 1951, с. 160–169). Сосуды этого времени – с невысокой прямой шейкой и выраженными плечиками, венчик округлый, иногда с наплывом наружу, встречаются сосуды со слабовыраженной шейкой. Появляется сетчатая керамика. Все эти признаки, несомненно, сближают керамику поселений Костромского Поволжья и Одоевского городища этого периода.

В целом, возможно, указать на сходный характер процесса изготовления керамики в это время: уменьшается доля шнуровых оттисков, увеличивается процент слабо профилированной посуды, на внешнюю поверхность наносятся сетчатые отпечатки.

Похожая, с разреженными шнуровыми оттисками, керамика в небольших количествах встречается и на поселениях Марийского Поволжья, таких как Ардинское городище и Сиухинское поселение. Следует отметить, что наряду с ананьинской и сетчатой керамикой на поселениях в Марийско-Нижегородском Поволжье, в частности на Ардинском и Васильсурском II, известна и гибридная керамика.

Итак, в VI–III вв. до н.э. поселения РЖВ Костромского Поволжья включаются в ареал ананьинской культурно-исторической области. Начало изменения культурной ситуации в VI в. до н.э. в Костромском Поволжье явилось импульсом развитию поселений со смешанной ананьинской и сетчатой традицией. Несомненно, территория Костромского Поволжья – зона активного культурогенеза в РЖВ. Впервые керамика (носителей гребенчато-шнуровой традиции), происходящая с восточных территорий и явно отождествляемая с АКИО, на поселениях Костромского Поволжья появляется в VI в. до н.э. Всего выявлено два крупных участка концентрации таких поселений: Костромская низина и округа Галичского озера. Первоначально для проживания использовались только высокие места (Брюхово, Быки, Унорож, Минское, в Костроме, Ватажка), в дальнейшем заселялись и более низкие площадки, тяготеющие к реке. Подобные поселения, расположенные на приближенных к воде участках, осваиваются носителями ананьинских традиций в Костромском Поволжье на позднем этапе, в IV–III вв. до н.э.: Умиленье, Борань, Медведки II, Станок II, Шунга.

Необходимо подчеркнуть, что работы по выявлению, сопоставлению, анализу и обобщению ананьинских материалов в целом в западной части их распространения актуальны и требуют продолжения.

Таким образом, поселения с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой РЖВ Костромского Поволжья занимают важное место в системе памятников ананьинской культурно-исторической области, определяя западный вектор ее распространения. На первый план здесь выходят проблемы выделения и интерпретации материалов АКИО, которые необходимо решать с учетом взаимодействия двух крупных культурно-исторических областей – ананьинской и сетчатой керамики. При этом археологическую ситуацию в области распространения поселений с сетчатой керамикой в контактных районах необходимо рассматривать только с учетом влияния носителей ананьинских традиций.

ЛИТЕРАТУРА

Ашихмина Л.И. Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье (по материалам керамики и жилищ) / Археология евразийских степей. Вып. 19. Казань: ИА АН РТ, 2014. 300 с.

Археологическая карта России. Костромская область / Сост. К.И. Комаров; отв. ред. Ю.А. Краснов. М.: Вост. лит., 1999. 368 с.

Археология Костромского края. Под ред. А.Е. Леонтьева. Кострома: ГНПЦ по сохранению, реставрации и использованию ист.-культур. наследия Костром. обл., 1997. 274 с.

Архипов Г.А. Ананьинские городища на р. Вятке // Труды Марийской археологической экспедиции. Т. 2 / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1962. С. 188–205.

Архипов Г.А., Патрушев В.С. Ардинское городище // Поселения и жилища Марийского края / АЭМК; Вып. 6 / Отв. ред. Г.А. Архипов, Г.А. Сепеев. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1982. С. 51–82.

Архипов Г.А. Городища и селища Поветлужья и Горьковского Заволжья (к истории марийско-славянских контактов) // Поселения и жилища Марийского края / АЭМК; Вып. 6 / Отв. ред. Г.А. Архипов, Г.А. Сепеев. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1982. С. 5–50.

Бадер О.Н. Городища Ветлуги и Унжи // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. III / МИА. № 22 / Отв. ред. В.Н. Чернецов. М.-Л.: АН СССР, 1951. С. 110–158.

Вишневский В.И. Дьяковская культура в Верхнем Поволжье (VIII–VII вв. до н.э. – VII–VIII вв. н.э.): Автореф. дисс. … канд. ист. наук. М.: ИА АН СССР, 1991. 22 с.

Воеводский М.В. Краткая характеристика керамики городищ Ветлуги и Унжи // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. III / МИА. № 22 / Отв. ред. В.Н. Чернецов. М.-Л.: АН СССР, 1951. С. 159–180.

Гаврилова И.В. Керамика Фёдоровской стоянки в связи с новыми исследованиями // КСИА. 1969. Вып. 117. С. 76–83.

Гаврилова И.В. Некоторые итоги раскопок Фёдоровского // КСИА. 1983. Вып. 173. С. 89–93.

Горюнова Е.И. Этническая история Волго-Окского междуречья / МИА; № 94. М.: АН СССР, 1961. 265 с.

Гурина Н.Н. Памятники эпохи бронзы раннего железа в Костромском Поволжье: (По материалам Горьковской экспедиции) // Труды Горьковской археологической экспедиции: Археологические памятники Верхнего и Среднего Поволжья / МИА. № 110 / Отв. ред. П.Н. Третьяков. М.-Л.: Наука, 1963. С. 85–204.

Ефремова Д.Ю., Соловьев Б.С. Сиухинское поселение (предварительные итоги исследований 2009–2011 гг.) // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых. А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 225–240.

Жульников А.М. Поселения эпохи раннего металла Юго-Западного Прибеломорья. Петрозаводск: Паритет, 2005. 310 с.

Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. V / МИА. № 30. М.: АН СССР, 1952. 326 с.

Исланова И.В. О локальных группах дьяковских памятников // Тверской археологический сборник. Вып. 5 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2002. С. 451–460.

Китицына Л.С., Третьяков П.Н. Памяти Василия Ивановича Смирнова // СА. 1968. № 4. С. 239–243.

Коренюк С.Н. Мельничук А.Ф., Перескоков М.Л. Современное состояние проблем изучения среднего и позднего этапов ананьинской культуры в Прикамье // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых. А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 116–131.

Кузьминых С.В. Изучение памятников эпохи бронзы и раннего железа в Волго-Камье в 1968–1981 гг.// Новое в археологии и этнографии Татарии / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ, 1982. С. 13–23.

Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М.: Наука, 1983. 257 с.

Кузьминых С.В. Меларские кельты Восточной Европы и Фенноскандии (к проблеме одной исторической загадки) // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 3 / Отв. ред. В.П. Челяпов. Рязань: НПЦ, 1993. С. 61–109.

Марков В.Н. Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (об этнокульутрных компонентах ананьинской общности) / Археология евразийских степей. Вып. 4. Казань: ИИ АН РТ, 2007. 136 с.

Митряков А.Е., Черных Е.М. Вятские древности начала железного века: полтора столетия после открытия культуры «костеносных городищ» // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых. А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 147–186.

Новиков А.В. Полевое археологическое изучение памятников раннего железного века Костромского Поволжья в конце XIX – начале XX в. // Ярославский педагогический вестник. 2014. Т. I: Гуманитар. науки. №4. С. 41–47.

Новиков А.В. Памятники с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой раннего железного века в бассейне Галичского озера // Тверской археологический сборник. Вып. 10. Т. II / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2015. С. 50–68.

Новиков А.В. Археологические исследования Федоровского поселения в Чухломском районе Костромской области в 2005–2006 гг. // Тверской археологический сборник. Вып. 8. Т. I / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2011. С. 102–114.

Новиков А.В. Археологические исследования Федоровского поселения в Чухломском районе Костромской области в 2004–2005 гг. // Археология: история и перспективы: Третья межрегиональная конференция: Сб. статей / Отв. ред. А.Е. Леонтьев. Ярославль: ИА РАН, ЯГИАХМЗ, 2007. С. 159–169.

Патрушев В.С. У истоков волжских финнов. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1989. 122 с.

Рождественский А.Н. Краткие сведения о раскопках в Костромской губернии: (К IV областному Историко-Археологическому съезду). Кострома: Губ. тип., 1909. 17 с.

Розенфельдт И.Г. Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура / Отв. ред. Ю.А. Краснов. М.: Наука, 1974. С. 90–197.

Смирнов А.П. Железный век Чувашского Поволжья / МИА. № 95. М.: АН СССР, 1961. 171 с.

Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья / МИА. № 28. М.: АН СССР, 1952. 276 с.

Смирнов К.А. Дьяковская культура: (Материальная культура городищ междуречья Оки и Волги) // Дьяковская культура / Отв. ред. Ю.А. Краснов. М.: Наука, 1974. С. 7–89.

Смирнов К.А. Проблема периодизации памятников городецкой и дьяковской культур // РА. 1994. № 4. С. 85–97.

Столяр А.Д., Хлобыстин Л.П. Городище у дер. Серюпитино // Труды Горьковской археологической экспедиции: Археологические памятники Верхнего и Среднего Поволжья / МИА. № 110 / Отв. ред. П.Н. Третьяков. М.-Л.: Наука, 1963. С. 227–238.

Третьяков П.Н. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н.э. / МИА. № 5. М.-Л.: АН СССР, 1941. 150 с. + 71 илл.

Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.-Л.: Наука, 1966. 308 с.

Фосс М.Е. Древнейшая история севера Европейской части СССР / МИА. № 29. М.: АН СССР, 1952. 278 с.

Фосс М.Е. Итоги Галичской экспедиции // КСИИМК. 1949. Вып. XXVI. С. 34–39.

Фосс М.Е. Новые памятники в районе галичской культуры (раскопки Галичской экспедиции 1945 г.) // КСИИМК. 1947. Вып. XVII. С. 63–69.

Фосс М.Е. Результаты Галичской экспедиции 1946 г. // КСИИМК. 1948. Вып. XX. С. 58–66.

Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н.э.). М.: Наука, 1977. 262 с.

Халиков А.Х. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // Труды Марийской археологической экспедиции. Т. 2 / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1962. С. 7–187.

Чижевский А.А. Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках (предьяньинская и ананьинская культурно-исторические области) / АЕС; Вып. 5. Казань: Школа, 2008. 172 с.

Zul'nikov A.M. Early Iron Age settlements in the western part of the White Sea // Iskos 16 / M. Lavento (ed.). Helsinki: Finnish Antiquarian Society, 2009. P. 75–84.

НАУЧНЫЕ ОТЧЕТЫ:

Горюнова Е.И. Отчет о работах Костромского отряда Волжской экспедиции 1961 г. Москва, 1962 / КМЗ. Фонд археологии. Приложение к КМЗ КОК №18028 / ОГБУК «Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник».

Матасов М.И. Отчет об археологических разведках в Буйском, Сусанинском и Ореховском районах Костромской области в 1956 г. Буй, 1957 / Архив ИА РАН. Р-I. № 1226.

Матасов М.И. Отчет об археологических разведках в Буйском районе Костромской области в 1958 г. Буй, 1959 / Архив ИА РАН. Р-I. № 1721.

Новиков А.В. Научный отчет о выполненных археологических исследованиях по определению границ территории и предметов охраны объектов культурного наследия федерального значения «Городище» кон. I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. и остатков крепостного вала XVI в. в г. Костроме Костромской области в 2013 г. Кострома, 2014 / Архив ИА РАН. Р-I.

Новиков А.В. Научный отчет о проведенной археологической разведке в Костромской области в 2010 г. Кострома, 2011 / Архив ИА РАН. Р-I.

Новиков А.В. Научный отчет о проведенной археологической разведке на территории Костромского, Буйского, Красносельского и Нерехтского районов Костромской области в 2012 г. Кострома, 2013 / Архив ИА РАН. Р-I.

Новиков А.В. Отчет о выполненных археологических раскопках городища у с. Унорож в Галичском районе Костромской области. Кострома 2013, 2014, 2015 / Архив ИА РАН. Р-I.

Новиков А.В. Отчет о проведенном археологическом обследовании в Кологривском районе Костромской области в 2000 г. Кострома, 2001 / Архив ИА РАН. Р-I. № 24088.

Новиков А.В. Отчет о проведенных охранных археологических раскопках на месте строительства жилого дома по ул. Дачная, 23 в г. Костроме в 2011 г. (Городище в Костроме). Кострома, 2012 / Архив ИА РАН. Р-I. № 30360–30364.

Новиков А.В. Отчет об археологических раскопках «Нижнего Городища» в г. Галиче в 2009 г. (Костромская область). Кострома, 2010 / Архив ИА РАН.

Новиков А.В. Отчет об археологической разведке в 1999 г. в Вохомском и Шарьинском районах Костромской области. Йошкар-Ола, 2000 / Архив ИА РАН. Р-I. № 23320.

Патрушев В.С. Отчет об исследованиях Минского городища в 1990 г. Йошкар-Ола, 1991 / Архив ИА РАН. Р-I. № 14398.

Ставицкий В.В. Отчет об исследованиях в Чухломском районе Костромской области в 1994 г. Йошкар-Ола, 1995 /Архив инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области.

Информация об авторе:

Новиков Александр Викторович, заместитель директора, ООО «Костромская археологическая экспедиция» (г. Кострома, Российская Федерация); e-mail: kae44@mail.ru

SETTLEMENTS OF THE EARLY IRON AGE IN THE KOSTROMA VOLGA REGION: (CONCERNING TO AREAL OF THE ANANYINO CULTURAL AND HISTORICAL REGION)

A.V. Novikov

The paper considers settlements of the Early Iron Age located in the Kostroma Volga region and focuses on settlements with comb-cord and cord ceramics of the Ananyino type. It identifies the time of penetration of the representatives of the Ananyino traditions of comb-cord ceramics into the Kostroma Volga region, which corresponds to the 6th century B.C. Changes in the cultural situation began in this period within a region previously dominated by settlements with textile ceramics, and settlements developed which were characterized by a combination of Ananyino and textile tradition. In the mid-1st Millennium B.C. the Kostroma Volga region was an area of active cultural genesis. Settlements with comb-cord and cord ceramics of the Early Iron Age located in the Kostroma Volga region occupy an important place in the system of monuments corresponding to the Ananyino cultural and historical region, determining the western vector of its distribution.

Keywords: archaeology, Kostroma Volga region, Early Iron Age, settlements with comb-cord and cord ceramics

About the Author:

Novikov Alexander V., Deputy Director, Kostromskaia arkheologicheskaia ekspeditsiia, LLC (Kostroma, Russian Federation); e-mail: kae44@mail.ru

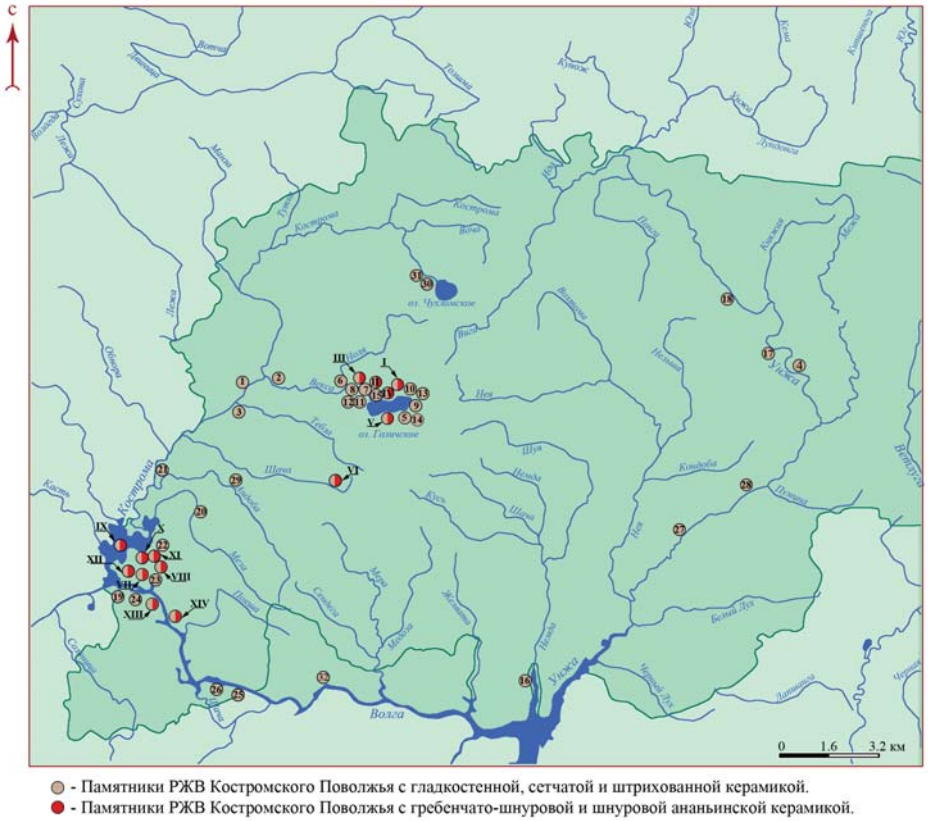


Рис.1. Поселения РЖВ Костромского Поволжья.

Поселения РЖВ с гребенчато-шнуровой керамикой ананьинского типа: I – Быки (Пуп), II – Брюхово (Курган), III – Унорож, IV – Умиленье (Пески), V – Челсма, VI – Медведки II (Шача), VII – Шунга II, VIII – Ватажка, IX –Борань, X – Станок II, XI – Станок I, XII – Хреново, XIII – в г. Костроме, XIV – Минское.

Поселения РЖВ с гладкостенной, сетчатой и штрихованной керамикой: 1 – Княгинино, 2 – Бараново II, 3 – Усть-Тебза, 4 – Поповское (Ухтубужское), 5 – в г. Галиче, 6 – Воскресенское, 7 – Брюхово II, 8 – Брюхово III, 9 – Лихарево II, 10 – Туровское II, 11 – Унорож, 12 – Кучумиха, 13 – Туровское I (Заячья Горка), 14 – Шокша (Бугорки), 15 – Демьяновское, 16 – Хохлянки, 17 – Рапоново, 18 – Аверьяновка, 19 – Борщино, 20 – Городище, 21 – Колгора, 22 – Бораны, 23 – Емсна, 24 – Коряково II, 25 – Отрада, 26 – Трубинка, Унжа II, 28 – Леонтьево, 29 – Бухарино, 30 – Федоровское, 31 – Федоровское VII, 32 – Городище.

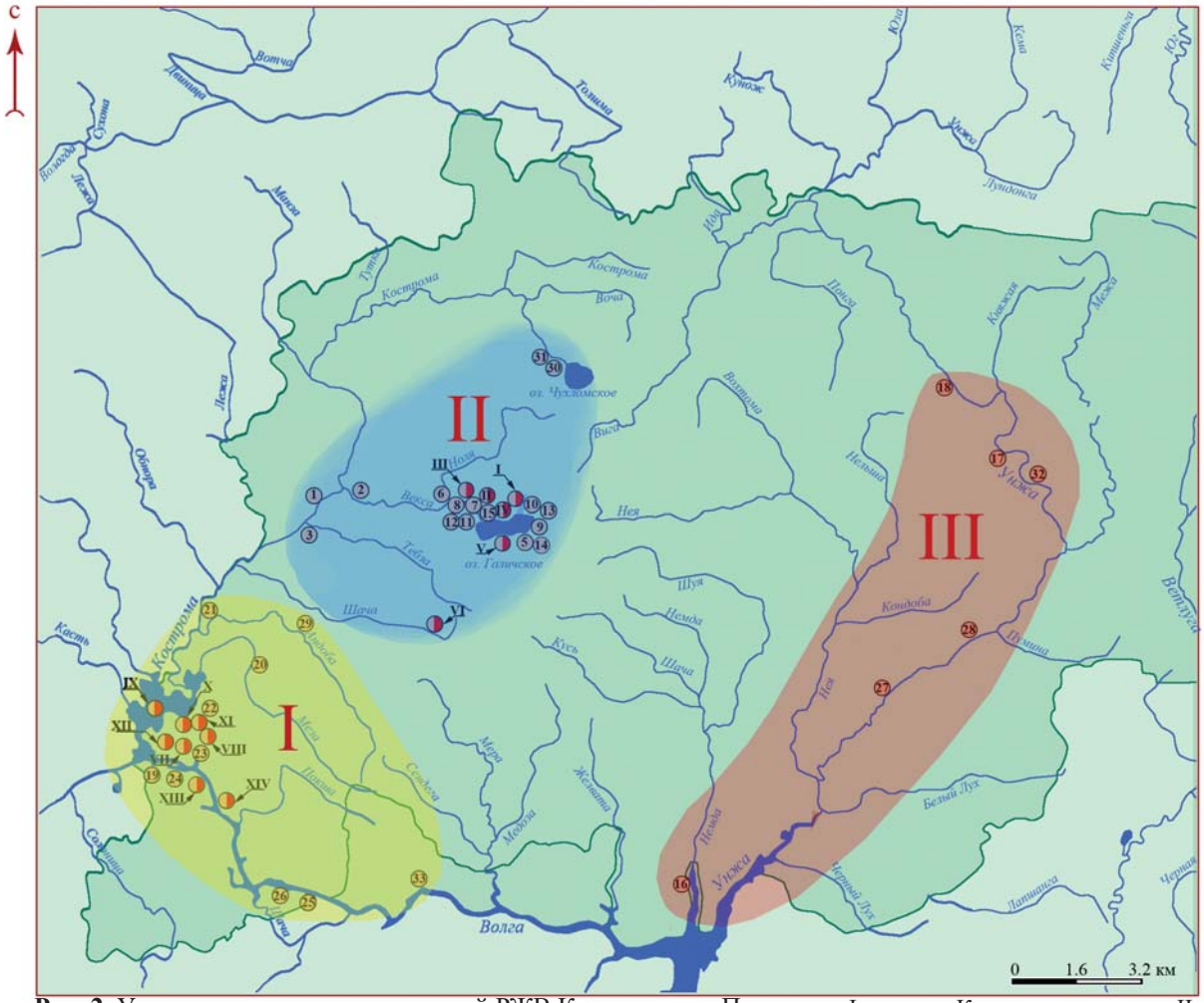


Рис. 2. Участки локализации поселений РЖВ Костромского Поволжья. I группа – Костромская низина, II группа – округа Галичского озера, III – Унженская низменность

Рис. 3. Плавнопрофилированная керамика с «воротничком» (Костромское Поволжье).

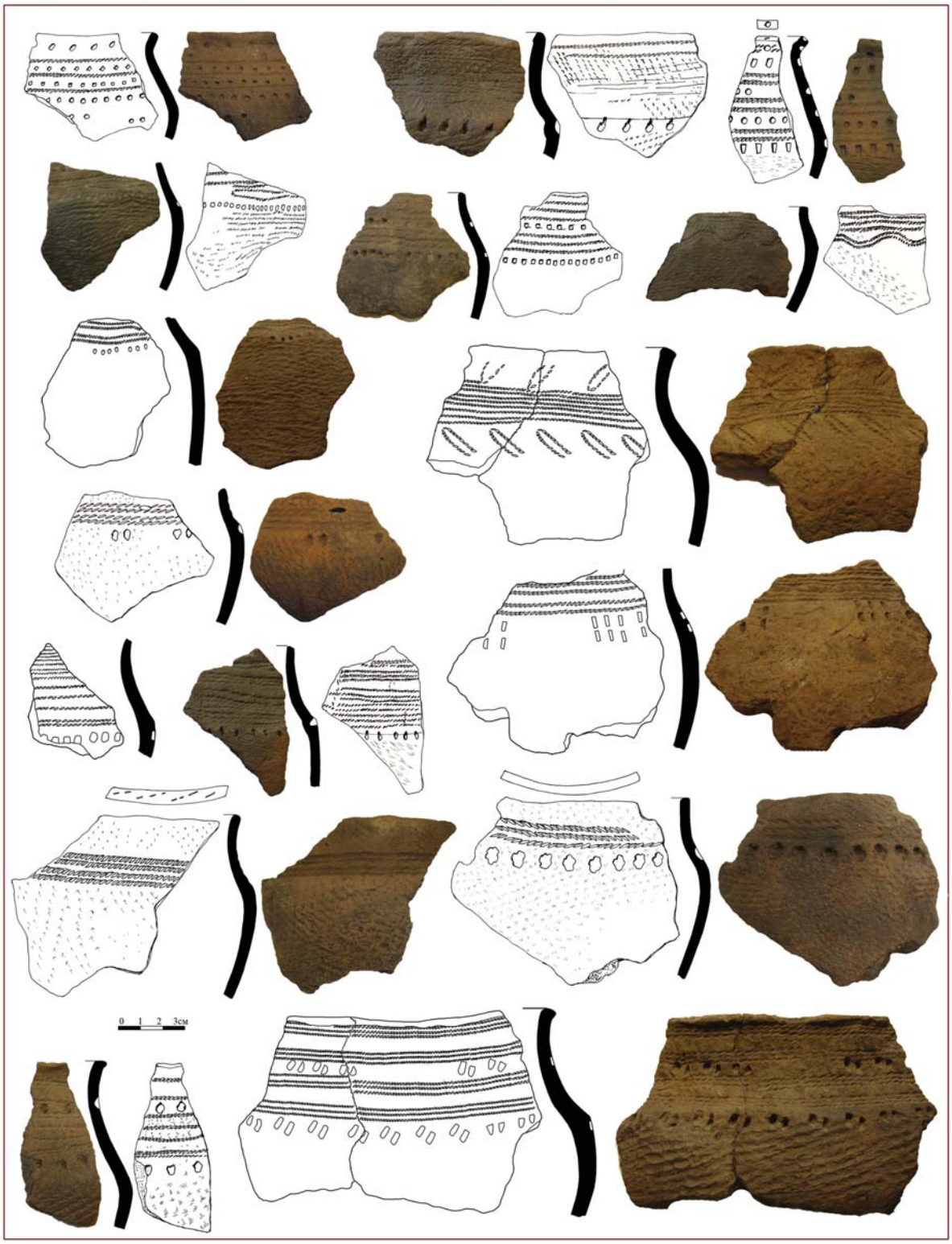


Рис. 4. Костромское Поволжье. Профилированная керамика ананьинского облика с выраженным плечом.

Рис. 5. Керамика ананьинского облика Костромского Поволжья каменоложской стадии, начало гибридизации.

Рис. 6. Шнуровая керамика Костромского Поволжья ныргындинской стадии, гибридная керамика.

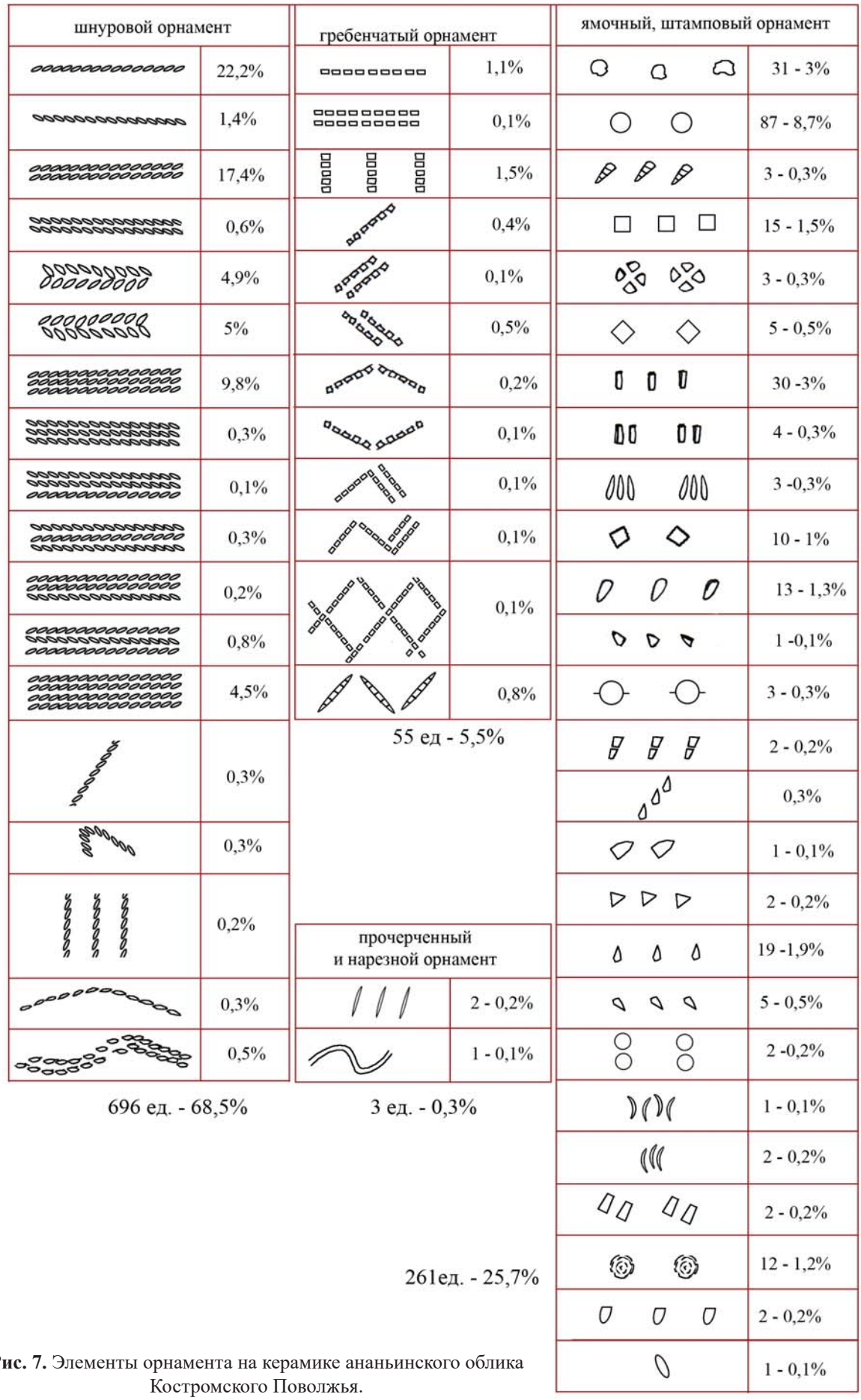


Рис. 7. Элементы орнамента на керамике ананьинского облика Костромского Поволжья.

УДК 902/904

ПРЕДКАРААБЫЗСКИЕ ПАМЯТНИКИ ПРИБЕЛЬЯ (НЕКОТОРЫЕ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ И ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)

© 2017 г. В.В. Овсянников

Статья посвящена историографической ситуации, сложившейся вокруг древностей Прибелья (Башкортостан) рубежа эпох бронзы и раннего железа. В центре внимания поселения типа курмантау и с раннешнуровой керамикой, существовавшие в долине р. Белой до формирования кара-абызской культуры. Автор рассматривает изменение взглядов исследователей на хронологию, культурную принадлежность и генетическую преемственность предкараабызских памятников, анализирует состояние проблемы в современной литературе.

Ключевые слова: прединаньинская и ананьинская культурно-исторические области, Волго-Камье, Прибелье, маклашеевская, постмаклашеевская, кара-абызская культуры, курмантауский и ерзовский типы, керамика.

Атрибуция и хронологические позиции памятников рубежа эпох бронзы и раннего железа и начала раннего железного века (РЖВ) долины реки Белой (рис. 1), предшествующие образованию кара-абызской культуры, вызывали и продолжают вызывать достаточное количество вопросов. Дискутируются вопросы хронологии, терминологии (культура, тип, вариант и др.), происхождения и генетических связей.

Одна из первых «болевых точек» – проблема «культуры курмантау». Первый этап этой дискуссии приходится на период 50–60-х гг. XX в. Впервые это образование выделил К.В. Сальников (1954). Впоследствии он уточнил и развил свои взгляды (Сальников, 1967). Ареал культуры курмантау исследователь в основном распространял на все течение р. Белой, частично включая памятники Нижней Камы (Луговские курганы и стоянку II), Средней Волги (Маклашеевский II могильник) и среднее течение р. Уфы (Усть-Юрюзанская стоянка) (Сальников, 1967, рис. 56; рис. 61: 5–8, 18, 19).

Керамический комплекс выделенной им культуры К.В. Сальников описывал на основе только бельских памятников (селища Курмантау Нижнее[1], Куштау Западное, Демское, Кумлекуль и стоянка им. М.И. Касьянова). Среди основных признаков керамики курмантау названы «ясно выраженное горло и плечики, в глине примесь толченых раковин. *Выпады мелких кусочков раковин оставляют на поверхности характерные рябинки»* (курсив мой – *В.О.*); «преобладающими элементами орнамента являются ряды отлогих (горизонтальных – *В.О.*) зигзагов, … глубокие круглые ямки…густая мелкая елочка … нанесенные резьбой «флажки»» (Сальников, 1976, с. 377).

Носителей культуры курмантау автор считал пришлым на территории Башкирии и указывал на их близость к населению синхронных памятников ерзовского типа (Сальников, 1962, с. 34; 1964, с. 81). В свою очередь В.П. Денисов, анализируя материалы Среднего Прикамья, также проводит близкие параллели между формами и орнаментацией керамики курмантау и ерзовской посудой первого типа, для которой были характерны примеси шамота и растительности (Денисов, 1961, с. 67, 68).

В сложении так называемого «бельского варианта» ананьинской культуры памятникам курмантау К.В. Сальников отводил «ведущую роль» (Сальников, 1967, с. 385, 386). Таким образом, хронологически памятники курмантау, по К.В. Сальникову, занимали прединаньинский период или рубеж II–I тыс. до н.э. (Сальников, 1964, с. 82; 1967, с. 383–385, рис. 63: III).

А.В. Збруева согласилась, что бельские памятники (Курмантау, Куштау, Урняк и Демская) «представляли собой известное культурное единство» (Збруева, 1957, с. 32). Однако она высказалась категорически против включения в него луговских памятников, справедливо отмечая довольно резкие отличительные черты посуды Луговской II стоянки и одноименного могильника от керамики курмантау (Там же). При этом автор также возразила и против выделения приказанской

[1] В современной литературе принято мнение, что Курмантау Нижнее и стоянка им. М.И. Касьянова один и тот же памятник.

культуры (Там же, с. 35). В целом памятники луговского, приказанского и курмантауского типа А.В. Збруева включала в одну группу южных памятников, которые сыграли ведущую роль в формировании ананьинской культуры (Там же, с. 37).

А.Х. Халиков в ряде работ обосновал выделение приказанской культуры (1964; 1969; 1980). Помимо памятников казанского Поволжья в это образование им были включены памятники прилегающих районов Вятки. Ветлуги, Нижней и Средней Камы, а также Белой. Непосредственно памятники Прибелья исследователь относил к позднеприказанскому (маклашеевскому) периоду, не исключая появление приказанского населения на р. Белой и в атабаевский период (Халиков, 1969, с. 316). Таким образом, памятники Прибелья включались им в обширную предананьинскую общность рубежа II–I тыс. до н.э. В то же время им отмечалось некоторое своеобразие бельских памятников, отражающееся в орнаментации и примесях теста сосудов. В частности, исследователем указывалось на абсолютное преобладание сосудов с примесью ракушки (до 94%,) и на господство в орнаменте посуды таких элементов, как резные и «прочерченные» линии в сочетании с однорядными ямочными вдавлениями (Там же). Несмотря на это, А.Х. Халиков не видел причин выделять бельские памятники предананьинского времени в особую археологическую культуру (Там же). Ерзовские памятники, близкие курмантау, он также включал в приказанскую культуру, относя их к атабаевскому и маклашеевскому этапам (Там же, с. 270, 271).

В своей последней работе, изданной уже после смерти исследователя, К.В. Сальников соглашается с объединением А.Х. Халиковым в одну «культурно-этническую общность» памятников типа курмантау Прибелья, Нижней Камы, приказанского Поволжья и ерзовской группы на Средней Каме, но настаивает на ряде особенностей бельских памятников, которые позволяют говорить об их самостоятельности в рамках этой общности (Сальников, 1967, с. 385).

В целом, авторы 50–60-х гг. XX в., писавшие о предананьинских памятниках Прикамья (А.В. Збруева, К.В. Сальников, А.Х. Халиков, В.П. Денисов и др.), отмечали сходство многих элементов их материальной культуры при некотором локальном своеобразии, а также считали их генетическими предшественниками ананьинской культуры. Хронологическую позицию предананьинских памятников они оценивали также одинаково: рубеж II–I тыс. до н.э. Нерешенными оставались в основном вопросы терминологии: названия культур, определение их ареалов, соподчиненности – культура, вариант или тип и т.п.

Термины «бельское ананьино» или «бельский вариант» ананьинской культуры в этот период возникал лишь спорадически, так как памятников Прибелья, которые относились к ананьинским древностям, было тогда немного. А.В. Збруева, в частности, считала позднеананьинскими Уфимское и Кара-абызское городища (Збруева, 1952, с. 27), отмечая своеобразие их керамического материала (Там же, с. 71). А.Х. Халиков, в свою очередь, включает в бельский вариант семь поселений, основываясь на данных В.А. Иванова (Халиков, 1977, с. 15). При этом при характеристике материалов Бирского поселения (Там же, с. 239), в таблице керамики упоминаются еще два селища (Там же, рис. 92). Оставалась незамеченной публикация Р.Б. Ахмерова могильника у разъезда Правая Белая, который можно отнести к среднеананьинскому периоду (Ахмеров, 1952). Общая концепция об автохтонном происхождении всех вариантов ананьинской культуры, превалирующая на тот момент, позволяла надеяться на открытие новых ананьинских памятников и в Прибелье. Таким образом, в основном проблема виделась в малой изученности территории. На какое-то время прийти к консенсусу позволили введенные В.Ф. Генингом термины «ананьинская культурно-историческая общность» и «предананьинская культурно-историческая общность» (Кузьминых, Чижевский, 2009, с. 30).

Итог данному этапу исследований предкараабызских древностей Прибелья подвел в своей диссертации А.Х. Пшеничнюк (1973). По его мнению, «в период финальной бронзы на широкой территории Прикамья сложилась единая культурная общность. Это так называемые предананьинские памятники» (Там же, с. 225). К последним относились памятники приказанской культуры, а памятники курмантау, вместе с ерзовским типом, являются её вариантами (Там же).

На основе памятников курмантау в Прибелье сформировался бельский вариант ананьинской культуры, который, в свою очередь, стал базой для формирования караабызской культуры. К памятникам бельского варианта А.Х. Пшеничнюк отнес Уфимский могильник (по ул. Трактовой или разъезд Правая Белая), Бирское I городище, Бирское, Андреевское, Симкинское 1, Благовещенское

2 и Усть-Юрюзанское селища, а также нижние горизонты Биктимировского городища. Дата этих памятников была определена в пределах VIII–IV вв. до н.э. (Там же, с. 220–225).

Таким образом, к середине 70-х гг. XX в. в литературе утвердилось мнение о непрерывном генетическом развитии памятников Прибелья от курмантау до кара-абыза, на протяжении всей эпохи раннего железа; за памятниками Поволжья и Нижнего Прикамья закрепилось название позднеприказанских (маклашеевских), а за бельскими – курмантауских. Последнее вошло в изданную в 1976 г. «Археологическую карту Башкирии». Здесь в небольшом очерке «Культуры эпохи бронзы», написанном В.С. Стоколосом, выделен отдельный раздел «Культура курмантау», в котором изложены основные положения, разработанные К.В. Сальниковым, и приводится мнение о том, что курмантауская культура могла быть поздним продолжением приказанской культуры, распространенной в основном на территории Татарстана (АКБ, 1976, с. 21, 22). Это издание впоследствии стало «настольной книгой» для многих поколений археологов Южного Урала, что и закрепило в сознании большинства исследователей подобные культурные определения.

В вышеозначенный период исследователи основное внимание уделяли погребальным памятникам, так как этот вид древностей давал большие возможности для создания хронологии и выделения культурных особенностей. Поселенческий материал, как правило, описывался слишком обобщенно (в особенности керамические комплексы) и играл второстепенную роль в реконструкции историко-культурных процессов. Вследствие этого в изучении древностей территорий и областей, где могильники отсутствовали либо были представлены незначительно (в частности, Прибелье и Среднее Прикамье), нерешенными оставались вопросы как хронологии, так и культурных определений.

На рубеже 60–70 гг. XX в. в советской археологии начинает развиваться направление, связанное с применением математических и статистико-комбинаторных методов (Клейн, 1993, с. 34). Применительно к поселенческой керамике В.Ф. Генингом (1973) была разработана методика статистической обработки, которая была успешно применена целой генерацией исследователей на материалах Волго-Камья.

С их деятельностью связан следующий этап в изучении, в том числе и бельских предкараабызских древностей. В.А. Иванов в своей диссертации и ряде публикаций предложил несколько иное представление о культурно-исторических процессах в Прибелье на рубеже бронзы и раннего железа. (Иванов, 1977; 1978; 1982), опираясь на новые материалы, полученные с ряда бельских поселений (Васильев, 1975; Васильев, Горбунов, 1975; Васильев, Иванов, Обыденнов, 1985). Бельские памятники, относимые к культуре курмантау, он разделил на три территориальные группы: нижнебельскую, бирскую и касьяновскую (Иванов, 1977, рис. 1). На основании статистической обработки керамических комплексов поселений трех названных групп и сравнения их между собой автор пришел к выводу о разнокультурности рассмотренных комплексов. Нижнебельскую группу, на материале поселения Какры-куль, В.А. Иванов отнес к маклашеевскому этапу приказанской культуры, а бирскую (Бирское и Дуванейское поселения) и касьяновскую (стоянка им. М.И. Касьянова) – к типу курмантау (Иванов, 1978, с. 57; 1982, с. 55). При этом автор оговаривался, что «детальное сравнение» собственно маклашеевских и нижнебельских керамических комплексов невозможно «в силу состояния имеющегося в нашем распоряжении маклашеевского керамического материала» (Иванов, 1982, с. 57). Эта ситуация и на сегодняшний день остается актуальной: в литературе нет подробных статистических описаний керамических комплексов маклашеевских поселений Нижней Камы и Казанского Поволжья. В частности, в монографии «Угры Приуралья» В.А. Иванову не удалось привлечь какие-либо опубликованные керамические комплексы маклашеевской культуры Казанского Поволжья (Белавин, Иванов, Крыласова, 2009, с. 21). В целом обоснование выделения маклашеевской культуры в Волго-Камье пока не получило современного оформления, за исключением небольших статьей (Кузьминых, Чижевский, 2009, с. 32) и обобщающей работы М.Ф. Обыденнова (1998).

Другим принципиальным моментом в работах В.А. Иванова стал пересмотр хронологии памятников типа курмантау. На основании анализа датировок комплекса металлических предметов, полученных при раскопках стоянки им. М.И. Касьянова, была определена дата этого поселения в пределах VIII/VII–VI вв. до н.э. (Иванов, 1977, с. 98, 99; Васильев, Иванов, Обыденнов, 1985 с. 39). Таким образом, древности курмантау становятся синхронны раннеананьинским памят-

никам Прикамья и Поволжья, что позволило В.А. Иванову интерпретировать памятники курмантау, как «локализованную реликтовую группу, отчлененную от основной территории формирования предананьинской общности» (Иванов, 1982, с. 74).

Этот факт также позволил исследователю сделать вывод о невозможности участия носителей памятников типа курмантау в ананьинском, а затем и в кара-абызском культурогенезе. По мнению В.А. Иванова, раннешнуровой керамический комплекс не мог сформироваться на основе прибельских памятников, а появился в этом регионе в уже сложившемся виде, скорее всего, из районов Среднего Прикамья (Там же, с. 73, 74).

Выводы В.А. Иванова по типу курмантау были подвергнуты критике В.Ф. Генингом (1988, с. 58–60). Владимир Федорович особенно резко не соглашался с положением об отсутствии генетической связи между памятниками курмантау и ананьинскими (в данном случае раннешнуровым керамическим комплексом) древностями и об их синхронности, так как отстаивал ранее сформировавшуюся точку зрения о наличии единой генерации культур в Прибелье: курмантау – «бельское» ананьино – кара-абыз. В пользу этой точки зрения В.Ф Генинг указывал на отсутствие памятников, где раннешнуровая керамика встречается совместно с курмантауской, забывая о Бирском и Касьяновском поселениях, к тому времени уже опубликованных. Датировку стоянки им. И.М. Касьянова VII–VI вв. до н.э. он просто отвергал, не приводя никаких аргументов (Там же, с. 59).

Возражая против вывода В.А. Иванова о пришлом характере шнуровой керамики, В.Ф. Генинг приводит в пример такие памятники, как Андреевское селище, нижние горизонты Бирского I городища, а также шнуровой керамический комплекс нижних слоев Биктимировского городища (Там же, с. 60). Эти факты, с его точки зрения, неопровержимо свидетельствуют о формировании кара-абызской культуры на базе «бельского» ананьина. Однако керамические комплексы вышеперечисленных памятников значительно отличаются и в культурном, и в хронологическом плане. Например, керамический комплекс Андреевского селища выглядит неоднородным даже на таблице, приведенной в монографии самого В.Ф. Генинга. Только часть сосудов имеют шнуровую орнаментацию (Там же, рис. 12: 3, 5). Остальная керамика украшена рядами ямок и насечками по краю венчика (Там же, рис. 12: 1, 2, 4, 6). Примесью в глине всей андреевской посуды служит органика (растительность), которая при обжиге придает характерную «пористость», образованную пустотами-кавернами от выгоревшей примеси. Подобная фактура и орнаментация близка поздней ерзовской посуде (Вечтомов, 1960, рис. 11). Коллекция, собранная на Андреевском селище А.П. Шокуровым в 1958 г. (АКБ, 1976, с. 119, № 969), имеет аналогичный облик (рис. 2). Тогда как для ранней караабызской керамики свойственна примесь раковины или песка в глине (Овсянников, 2014). Таким образом, материал этого памятника свидетельствует не о генетической связи шнуровой и кара-абызской керамики, а о проникновении среднекамского (ерзовского) населения в Прибелье в раннеананьинский период.

Керамика нижнего горизонта Бирского I городища еще более разнородна. Там присутствует как раннешнуровой керамический комплекс с органической примесью – среднекамский (Пшеничнюк, 1973, рис. 31: 7–9), так и посуда постмаклашеевского облика с примесью раковины в тесте и гладкой поверхностью (рис. 3). Это та основа, на которой и сформировался раннекараабызский керамический комплекс. Нижние горизонты Бирского I городища свидетельствуют о совместном проживании в какой-то период на поселении носителей постмаклашеевской (нижнекамской) и раннешнуровой (среднекамской) традиций.

Нижние горизонты Биктимировского городища содержат шнуровую керамику позднего облика, имеющую примесь раковины и лощеную поверхность. В количественном отношении она составляет не более трети от собственно кара-абызской керамики в тех же слоях (Савельев, 2011, с. 60).

Таким образом, материал указанных памятников отражает процессы более сложные, нежели те, которые укладываются в схему «бельское ананьино» – карабыз. Поэтому такое объединение выглядит совершенно механическим и имеет лишь один общий признак – шнуровая техника нанесения орнамента. Интересно, что ниже В.Ф. Генинг совершенно справедливо упрекал А.Х. Пшеничнюка в «досадной методической ошибке», которая заключалась в механическом объединении всей керамики с орнаментом из пояска ямок в кара-абызскую культуру (Генинг, 1988, с. 60, 61).

В целом с позицией В.А. Иванова согласился в своих работах В.Н. Марков. С его точки зрения, для большей доказательности

В.А. Иванов мог бы провести типологическое членение керамики не только на уровне памятников, но и внутри них. В таком случае, по мнению В.Н. Маркова, удалось бы показать, что внутри так называемых «чистых курмантауских» комплексов содержится как маклашеевская, так и собственно курмантауская посуда (Марков, 2007, с. 50). По его мнению, маклашеевские комплексы бельских памятников послужили основой для сложения курмантауских (Там же).

В свою очередь, анализируя маклашеевские и постмаклашеевские керамические комплексы Прикамья и Прибелья, В.Н. Марков пришел к выводу, что памятники, относимые к типу курмантау, содержат керамические комплексы как маклашеевского, так и постмаклашеевского времени. На этом основании он предложил их датировать в пределах X–VI вв. до н.э. (Там же, с. 50). Быргындинские памятники (только прикамские), а также ерзовские исследователь предложил также синхронизировать с постмаклашеевскими и курмантаускими и рассматривать их как варианты единого культурного пласта раннеананьинского времени (Там же, с. 53).

Параллельно с «проблемой курмантау» в эти годы решался вопрос о генезисе, хронологии и культурной принадлежности ямочно-шнуровой керамики, воспринимающейся до сих пор как «классический» образец посуды ананьинского облика. Точки зрения В.А. Иванова и В.Н. Маркова на происхождение, хронологию и историческую роль носителей раннешнуровой керамики в Прибелье практически совпадают. Оба исследователя считают это население пришлым в Прибелье и никак генетически не связанным с памятниками типа курмантау, как это считалось ранее (Сальников, 1967, с. 385; Пшеничнюк, 1973, с. 226; Васильев, Горбунов, 1975, с. 156). Более того, появление носителей раннешнуровой керамики «раскололо» единую постмаклашеевскую общность и вынудило курмантауское население уйти вверх по течению р. Белой, что собственно и стало причиной их культурного изоляционизма (Иванов, 1982, с. 74; Марков, 2007, с. 51). Появление раннешнуровой керамики в Бельском регионе В.А. Иванов отнес к раннеананьинскому времени, VIII–VI вв. до н.э. (Иванов, 1978, с. 80, 81). В.Н. Марков считал, что это произошло не ранее VI в. до н.э. (Марков, 2007, с. 53–56). Исходной территорией, с которой раннешнуровая керамика могла попасть в Прибелье, В.А. Иванов рассматривает Среднее Прикамье (Иванов, 2007, с. 74).

Отказывая раннешнуровой керамике в местном – среднеприкамском – происхождении, В.Н. Марков обратил внимание на некоторое её сходство с гамаюнской посудой Зауралья и предложил обратить внимание на малоисследованные районы Северного Урала (Марков, 2007, с. 56).

В работах Л.И. Ашихминой памятники типа курмантау задействованы косвенно: часть из них включена в выделенную ею быргындинскую культуру X–IX вв. до н.э. (Ашихмина, 2014, с. 55). В это культурное образование автор включила поселения, выделенные В.А. Ивановым в нижнебельскую (маклашеевскую) группу и памятники переходного межовско-маклашеевского типа (Там же, с. 48). К ананьинской культуре она отнесла памятники нижнего течения р. Белой, где в слое присутствовала шнуровая керамика (Там же, с. 250, 251, рис. 38: 104, 111).

К настоящему моменту предложение Л.И. Ашихминой о выделении самостоятельной быргындинской культуры не поддержано исследователями, изучающими древности Прикамья (Обыденнов, 1998, с. 53; Кузьминых, Чижевский, 2014, с. 7, 8). Наиболее распространенным стал взгляд на быргындинские памятники как вариант постмаклашеевской общности (Марков, 2007, с. 50–53).

По концепции Л.И. Ашихминой, раннешнуровая керамика сформировалась на основе быргындинского керамического комплекса (Ашихмина, 2014, с. 86, 87). Наиболее раннюю шнуровую керамику она относит к VIII–VII вв. до н.э. и выделяет в зуево-ключевскую стадию с присущими только для неё характерными чертами (Там же, с. 71–73). Однако автор при этом не рассматривает собственно бельские материалы, хотя нижнебельские памятники, включены ею в быргындинскую культуру (Там же, рис. 19). Поэтому остается непонятным могло ли, с её точки зрения, нижнебельское население участвовать в сложении раннешнурового керамического комплекса.

В.Н. Марков, в свою очередь, отстаивая точку зрения о датировке шнуровой керамики не ранее VI в. до н.э., предложил выделенную Л.И. Ашихминой зуево-ключевскую стадию объединить с последующей каракулинской и датировать их в пределах «ранней стадии функционирования среднекамских могильников (Ананьинского, Котловского, Зуевского)», т.е. VI–V вв. до н.э. (Марков, 2007, с. 54).

Наиболее интересной для нашей проблематики в работе Л.И. Ашихминой является периодизация шнуровой керамики. К сожалению, при статистическом анализе материалы Прибелья были использованы ею лишь частично. В частности, значительная коллекция шнурового керамического комплекса Бирского поселения не вошла в статистические выкладки, которые на момент исследований были на должном уровне опубликованы и проанализированы И.Б. Васильевым и В.С. Горбуновым (1975). В публикации приведена таблица раннешнуровой керамики (Там же, рис. 3). По периодизации Л.И. Ашихминой её можно отнести к зуево-ключевской стадии (VIII–VII вв. до н.э.). Этому не противоречат формы сосудов, венчиков, а также сочетание шнуровой и насечковой техники нанесения орнамента. Таблицы распределения типов керамики по штыкам говорят о совместном залегании во 2 штыке шнуровой и курмантауской керамики. Последнее говорит об их синхронности. К этому выводу пришли и авторы публикации (Там же, с. 156).

Следует также отметить замечание авторов публикации о неразличимости шнурового и курмантауского комплексов по фактуре керамики (Там же, с. 154). Для обоих типов керамики характерна примесь раковины, шамота и органики (Там же, с. 151, 152). При этом при обжиге органическая (растительная?) примесь выгорала, оставляя на поверхности сосудов характерные пустоты – каверны.

Таким образом, на Бирском поселении зафиксирован наиболее ранний шнуровой керамический комплекс в Прибелье, синхронный зуево-ключевской стадии (VIII–VII вв. до н.э.), выделенной Л.И. Ашихминой на материалах Прикамья. Остальные памятники Прибелья, где зафиксирована раннешнуровая (сложношнуровая) керамика, содержат посуду, которую, по периодизации Л.И. Ашихминой, можно отнести к следующей, каракулинской, стадии (VII–VI вв. до н.э.). Это шнуровые комплексы посуды стоянки им. М.И. Касьянова (Иванов, 1982, рис. 6: 1, 2; Васильев, Иванов, Обыденнов, 1985, рис. 7: 3, 8, 9, 12, 13), Новобиктовского селища (Иванов, 1982, рис. 6: 3–5), Бирского I городища (Пшеничнюк, 1973, рис. 31: 7–9).

Кроме характерного сложношнурового орнамента раннеананьинская керамика (зуево-ключеской и каракулинской стадий) Прибелья отличается от шнуровой посуды последующих стадий внешним видом поверхности. Ранняя посуда имеет «пористую» поверхность, образованную пустотами от выгоревшей органической примеси к тесту. Выше уже упоминалось наблюдение И.Б. Васильева и В.С. Горбунова о подобном признаке, характерном для шнуровой и курмантауской керамики. На эту черту посуды Прибелья обратила внимание ещё А.В. Збруева (1959, с. 54) при исследовании стоянки им. М.И. Касьянова. К сожалению, авторы публикаций редко обращают внимание на эту деталь, чаще всего ограничиваясь упоминанием примеси в глине, фиксируемой визуально. С составом примесей в глине, вероятно, связан и характер обработки поверхности посуды. Для бельской керамики курмантауского облика, также как и для раннешнуровой, характерно отсутствие лощения поверхности. Эта же черта характерна для раннешнуровых керамических комплексов Зуево-Ключевского I городища и Икского I селища (Ашихмина, 2014, с. 170, табл. V).

В.Н. Марков, аргументируя появление раннешнуровой керамики в Прикамье и Прибелье не ранее VI в. до н.э., опирался в своих выводах на материал нижнекамских могильников, датировавшихся в основном VI–V вв. до н.э. (Ананьинский, Котловский, Луговский, Зуевский), где встречена шнуровая керамика (Марков, 1997, с. 6). Однако в последнее время в литературе накапливаются сведения о среднекамских могильниках VIII–VI вв. до н.э. (Першинский и др.), содержащих раннешнуровую керамику (Голдина, 1999, рис. 81: 9–15; Чижевский, 2008, рис. 44: 2, 3, 5, 6). О более ранней дате, чем VI в. до н.э., говорят и материалы поселений. В частности, Е.М. Черных отметила, что в слое № 6 и ранних сооружениях Зуевоключевского I городища раннешнуровая и посмаклашеевская посуда залегает совместно (Черных, 2009, с. 79). Подобное наблюдается и на Зуевоключевском II, Усть-Нечкинском, Партизанском II и Дербешкинском поселениях Прикамья (Там же).

В этом ключе крайне интересной является находка рубежного (финал бронзы/раннее железо) керамического комплекса в слое Ново-Байрамгуловского 1 (Бакшай) поселения, расположенного в верховьях р. Урал в Башкирском Зауралье. Как показали многолетние исследования, в целом материалы памятника не выходят за пределы поздней бронзы (Рафикова, 2013). В 2013 г. на поселении была вскрыта часть котлована, резко отличающегося по содержанию грунта и находкам от основной исследованной площади памятника. Основная масса находок из котлована была встречена в нижней части, возле дна и состояла из фраг-

ментов керамики межовского и саргаринского типов, среди которых были встречены три фрагмента, отнесенных автором публикации к типу курмантау (рис. 4). Автор публикации наглядно демонстрирует стратиграфическую обособленность и поздний характер сооружения, из которого происходит данный материал. Этот факт привлекает внимание тем, что это единственная из опубликованных и атрибутированных находок среднекамской керамики в Зауралье. Благодаря качественной публикации можно заключить, что два из названных как «курмантауские» сосудов более близки ерзовской посуде, к самым ранним ее формам (рис. 4: 2, 3). Другим примечательным фактом этой находки является наличие шнуровых элементов на довольно типичных по форме и орнаменту ерзовских сосудах (рис. 4: 2, 3). Данная находка не только еще раз подтверждает данные о приуральско-зауральских связях на рубеже ПБВ–РЖВ, но и подчеркивает довольно раннее появление элементов шнуровой орнаментации, возможно, уже в финальной бронзе.

Подводя итоги данного этапа, можно констатировать, что в 80-е гг. XX в. В.А. Иванову (1982), Л.И. Ашихминой (1985) и В.Н. Маркову (1988) удалось значительно расширить наши знания и понимание археологического материала, связанного с ананьинским культурным миром. Исследователи с помощью новых методических приемов обработали ранее скупо описанный массовый поселенческий материал и использовали полученные данные для культурно-исторических построений. Статистический метод описания керамического материала позволил от умозрительных и порой интуитивных выводов предшественников перейти к строго оцениваемым критериям, которые, в свою очередь, давали возможность определять в количественных значениях степень близости рассматриваемых керамических комплексов.

К концу XX века благодаря этим работам в литературе утвердилось представление о предананьинской и ананьинской общностях как сложных и многоэтничных образованиях. Процесс формирования ананьинских групп памятников представлялся уже не как поступательный эволюционный путь развития от периода финальной бронзы до начала эпохи раннего железа (автохтонная гипотеза), а как сложная череда миграций внутри Волго-Камского региона.

Применительно к памятникам Прибелья в этот период было доказано и утверждено в литературе положение о генетической связи маклашеевских памятников Прикамья и Нижней Белой. Определено своеобразие памятников типа курмантау как отделившейся группы маклашеевского населения и в условиях дальней периферии сохранившей ряд черт маклашеевской культуры в постмаклашеевское время (VIII–VI вв. до н.э.).

Второе важное положение, доказанное в ходе исследований, – отсутствие генетической связи в Прибелье между керамикой типа курмантау и раннешнуровой посудой. В вопросе происхождения и времени появления шнуровой керамики в Прикамье, как было показано выше, мнения исследователей разделились.

Третье – В.А. Иванов предложил, а В.Н. Марков согласился с отказом от выделения самостоятельной культуры курмантау (Иванов, 1982, с. 74; Марков, 2007, с. 50). В результате курмантауские памятники понимаются как отдельный вариант (тип) в рамках постмаклашеевской общности и датируются в пределах VIII–VI вв. до н.э.

В последующий период 90-х гг. XX в. и начале «нулевых» дискуссия на время затихает. Продолжается накопление материалов. Причем авторы публикаций пользуются уже устаревшим на тот момент понятием как «культура курмантау» без учета вышеприведенного мнения В.А. Иванова и В.Н. Маркова (Обыденнов, 1997, с. 98; Обыденнов, Обыденнова, 1998, с. 31, 38; Котов, Савельев, 2003, с. 128, 129; Овсянников, 2004, с. 88, 92; Гарустович, Савельев, 2004 с. 97; Морозов, 2004; Савельев, 2010, с. 240; 2011, с. 48, 51). Сказалось влияние «настольной книги» археологов Южного Урала – «Археологической карты Башкирии», где, как указывалось выше, курмантауские памятники всего Прибелья были объединены в самостоятельную культуру финальной бронзы. Большинство авторов при этом относят памятники курмантау к эпохе раннего железа, а часть – к финалу ПБВ. М.Ф. Обыденнов рассматривает памятники курмантау как один из вариантов маклашеевской культуры финальной бронзы, при этом соглашается с датировкой, предложенной В.А. Ивановым и В.Н. Марковым (Обыденнов, 1997, с. 68; 1998 с. 66)

Н.С. Савельев обращает внимание на такой характерный признак поздних поселений курмантау, как обеднение орнамента на посуде памятников среднего и верхнего течения р. Белой (поселения Азануй, Акаваз-1, Ташмурун, Максютово II, Акбердино-3, стоянка им. М.И. Касьянова). В одной из статей (Гарусто-

вич, Савельев, 2004, с. 111, диаграммы 1-2) автор приводит диаграммы распределения элементов орнамента стоянки им. М.И. Касьянова по горизонтам, основываясь на опубликованных данных (Васильев и др., 1985). На диаграмме 1 видно резкое падение в процентном соотношении встречаемости сложных элементов орнамента на керамике, начиная со 2 штыка (Гарустович, Савельев, 2004, с. 111, диаграмма 1).

Это наблюдение подтверждается материалами того же памятника, но в материалах А.В. Збруевой 1954 г. (Збруева, 1959; Збруева, Тихонов, 1970, с. 103–112). Раскоп, заложенный А.В. Збруевой, находился в несколько иных топографических условиях, нежели раскопы 1975–1977 гг. В частности, раскоп 1954 г. был заложен на склоне, и в его нижней (западной) части была зафиксирована стерильная прослойка (илистые наносы – по определению автора раскопок), делившая культурный слой с курманаускими древностями на два неравных горизонта. В более мощном (около 0,4 м) нижнем горизонте собрана керамическая коллекция из 31 сосуда (Збруева, Тихонов, 1970, с. 104). Все сосуды орнаментированы. В орнаментации этой части сосудов представлено все богатство элементов, характерных для большинства посуды этого памятника, в том числе и шнуровой орнамент (Там же, с. 104, 105). Тогда как в верхнем горизонте, меньшим по мощности (не более 0,2 м), встречены фрагменты лишь «пяти сосудов с более простым и бедным орнаментом» (Там же, с. 105).

Это важное наблюдение позволило Н.С. Савельеву по характеру орнаментации выделить ранние и поздние курмантауские памятники (Гарустович, Савельев, 2004, с. 112–117). К ранним памятникам автором отнесены стоянки им. М.И. Касьянова и Максютово II. Стоянка Азануй, по мнению Н.С. Савельева, занимает промежуточную позицию. К поздним памятникам относятся Акаваз I и Саказка. Нижняя дата для всех памятников устанавливается по материалам стоянки им. М.И. Касьянова – VII–VI вв. до н.э. Верхнюю дату поздних памятников Н.С. Савельев считает возможным поднять до V–IV вв. до н.э. (Там же, с. 117).

В пользу этого, по мнению автора, свидетельствует нахождение в культурных слоях этих поселений керамики иткульской культуры (Котов, Савельев, 2003, с. 128, 129; Гарустович, Савельев, 2004, с. 111–113; Савельев, 2010, с. 239). Иткульская посуда в верховьях Белой, по мнению Н.С. Савельева, должна датироваться серединой I тыс. до н.э. (V–IV вв. до н.э.) (Гарустович, Савельев, 2004, с. 113). Также Н.С. Савельев обращает внимание на находки вещей этого времени на курмантауских памятниках в среднем и нижнем течении р. Белой (железный кинжал и бронзовый наконечник на стоянке им. М.И. Касьянова и ножка от каменного савроматского жертвенника на поселении Кюнь II) (Там же, с. 113).

Выход коллективной монографии «Угры Предуралья» (Белавин и др., 2009), где во 2 и 3 главах В.А. Иванов представил этнокультурные процессы финала ПБВ и РЖВ в Прикамье, вызвал новый виток дискуссии по проблеме прединаньинских и аньинских древностей. В этой монографии В.А. Иванов использует и развивает разработки, сделанные им в начале 80-х гг. XX в. В отличие от ранних работ курмантауские памятники он выделяет в культуру, включая ее в прединаньинскую общность наряду с маклашеевской, ерзовской и быргындинской (Там же, с. 29, рис. 2). Материалы ерзовских поселений были статистически обработаны автором и включены в общую систему подсчета по уровню сходства керамических комплексов (Там же, с. 21, табл. 4).

При анализе полученных коэффициентов сходства у автора возникает некоторая путаница с культурной атрибуцией бельских памятников. Первоначально к курмантауской культуре отнесены стоянка им. М.И. Касьянова и Бирское поселение, а к маклашеевской – поселения Какры-куль и Куштиряк (Там же, с. 19). Далее Какрыкульское и Бирское поселение отнесены к маклашеевской культуре (Там же с. 21), ниже к ней же добавляется Дуванейское поселение (Там же, с. 25). На схеме расположения прединаньинских культур в Прибелье обозначены два культурных ареала (Там же, с. 29, рис. 2). В нижнем течении р. Белой только на правобережье – ареал маклашеевской культуры (южная граница, видимо проходит где-то у г. Бирска). В среднем течении – ареал культуры курмантау (северная граница южнее г. Уфы, южная – примерно на широте г. Мелеуза). Таким образом, неясным становится положение бирской группы памятников – на схеме они не включены в ареалы выделенных культур. В тексте говорится о маклашеевской принадлежности керамических комплексов Бирского и Дуванейского поселения. Так или иначе, бирская группа памятников Прибелья, ранее включавшаяся автором в тип курмантау (Иванов, 1977, с. 95, рис. 1), теперь отнесена им к маклашеевской культуре. В составе культуры курмантау В.А. Иванов упоминает

стоянку им. М.И. Касьянова (вероятно, вместе с ней и все памятники ранее им выделенной касьяновской группы). Так же как и памятники верхнего течения р. Белой, выявленные и исследованные в последнее время (поселения Акаваз I, Азануй и Максютово II), хотя на схеме территория размещения этих памятников в ареал культуры не включена (Белавин и др., 2009, с. 29, рис. 2). Статистические данные, приведенные в работе, ясности в эту ситуацию не добавляют. Хронологические параметры курмантауских памятников оставлены без изменений – VII–VI вв. до н.э.

Во второй главе монографии керамический материал Касьяновского поселения рассматривается на фоне раннеананьинских памятников. По статистическим данным керамика курмантау (Касьяновское поселение) обнаруживает высокое типологическое сходство с одной стороны с керамикой ерзовской культуры (поселения Ерзовка, Заюрчим и Сосновка IV), с другой стороны – с группами памятников раннеанньинского периода: Кама II (городище Каменный лог) и Кама III (Заюрчимское VI поселение). На этом основании делается вывод о том, что носители ерзовской культуры выступили «одним из этнокультурных субстратов для курмантаусского населения» (Там же, с. 42). Далее автором подтверждаются ранее сделанные выводы о хронологической позиции древностей курмантау (VII–VI вв. до н.э.), об отсутствии генетической связи с раннешнуровым керамическим комплексом и о вынужденной миграции в верхнее течение р. Белой в связи с приходом в Прибелье носителей раннешнуровой керамики (Там же, с. 42–44).

Таким образом, по сравнению с предыдущими работами В.А. Иванов, вновь возвращается к выделению древностей курмантау в самостоятельную культуру и сдвигает ее ареал далее к югу, в том числе и в верхнее течение р. Белой. Ранее выделенные им нижнебельская и бирская группы отнесены к маклашеевской культуре. Сделан вывод об участии среднекамского (ерзовского) населения в формировании культуры курмантау.

С.Н. Коренюк, А.Ф. Мельничук, М.Л. Перескоков в одной из статей, посвященных дискуссии, вызванной выходом монографии «Угры Предуралья», высказали сомнение по поводу датировки памятников типа курмантау VII–VI вв. до н.э. (Коренюк и др., 2014, с. 125). Основным аргументом в пользу своей позиции авторы считают то, что «эти вещи (имеются в виду датирующие находки – *В.О.*) найдены в перемешанных слоях, в которых присутствует и раннеананьинская керамика» (Там же). Также авторы указывают на отсутствие «хроностратиграфических исследований», которые могли бы доказать «хронологические позиции чистого комплекса курмантауских древностей» (Там же).

По поводу приведенных цитат, со своей стороны хочется выразить удивление. В археологической литературе последних лет, кроме указанных авторов, никто не высказывал недоверия к датировке памятников курмантау раннеананьинским периодом. В свое время такое же недоверие было высказано только В.Ф. Генингом, но без конкретной аргументации (см. выше).

Принятие даты VII–VI вв. до н.э. для стоянки им. М.И. Касьянова многими исследователями обусловлено четкой аргументацией, которая была приведена при публикации материалов памятника (Васильев и др., 1985). Согласно материалам статьи, была исследована центральная площадка памятника с максимальными культурными отложениями. Каких-либо перекопов, перестроек или перекрывающих друг друга построек в раскопе не зафиксировано. В центре раскопа исследовано лишь одно сооружение, видимо, связанное с металлообработкой, чем обусловлено значительное количество металлических предметов, давших указанную дату (Там же, с. 25, рис. 2). Культурный слой памятника делится на два стратиграфических горизонта. Верхний – коричневый гумус, мощностью 15–30 см содержал небольшое количество находок (Там же, с. 26). Нижний горизонт – темно-серый гумус, мощностью от 15–20 см до 60–80 см насыщен большим количеством находок (Там же).

О стратиграфической сохранности культурного слоя говорит четкая граница между верхним и нижним горизонтами (Там же, с. 26, рис. 3). Верхний горизонт не нарушает нижний, все сооружения, канава и столбовые ямки относятся к нижнему горизонту (Там же, с. 25, рис. 2).

Аналогичная картина наблюдалась и в раскопе 1954 г. (Збруева, Тихонов, 1970, рис. 22). Здесь верхний (первый) горизонт описывается как «серая гумусированная супесь с галькой» (Там же, с. 104). Нижний (второй) горизонт делился на два участка, так как раскоп 1954 г. был расположен близко к склону. Верхний участок второго горизонта состоял из «светлого золистого культурного слоя». Нижний участок второго горизонта отделялся

от первого (верхнего) горизонта стерильной прослойкой и состоял из темно-окрашенного слоя с большим количеством находок (Там же). Выше уже упоминалось, что сравнение керамики нижнего и верхнего горизонтов из раскопа 1954 г. показало, что оба горизонта содержат культурные остатки курмантауского облика, а также то, что керамический материал верхнего резко отличается от нижнего горизонта.

В публикации материалов 1975–1977 гг. стоянки им. М.И. Касьянова приведена таблица распределения индивидуальных находок по горизонтам, которая демонстрирует, что наиболее ранние предметы (кремневые наконечники дротиков) найдены в нижней части курмантауского слоя (Васильев и др., 1985, с. 32, табл. 1).

В рукописи отчета И.Б. Васильева и В.А. Иванова об исследованиях памятника в 1975 г. упоминается также железный нож, который был найден в скоплении камней совместно с бронзовыми браслетом и шилом и двумя фрагментами тиглей, включенных в таблицу при публикации материалов памятника (Васильев, Иванов, 1975, с. 5).

Таблица распределения орнаментальных мотивов на керамике по штыкам, также демонстрирует стратиграфическую сохранность горизонтов (Васильев и др., 1985, с. 37, табл. 3). Данные таблицы свидетельствуют о том, что раннешнуровая керамика в основном сосредоточена во 2 и 3 штыках из исследованных пяти и отсутствует в 1 штыке, что никак не может свидетельствовать о «перемешанности» культурного слоя. Иначе подобную закономерность не удалось бы выявить.

В целом на основе анализа стратиграфической ситуации на стоянке им. М.И. Касьянова можно сделать следующие выводы. На памятнике выделяются два хронологических горизонта. Нижний слой – связан с функционированием производственной площадки. К нему относятся все выявленные сооружения, большая часть керамического материала, в том числе и со шнуровой орнаментацией, а также металлические предметы, дающие дату VII–VI вв. до н.э. Верхний слой – более тонкий и слабо насыщенный находками. Керамический материал характеризуется бедностью орнамента, в том числе и отсутствием шнура. Вероятно, он сформировался после прекращения металлообрабатывающей деятельности в этом пункте, но курмантауское население продолжало использовать этот участок террасы. Верхняя дата этого слоя остается открытой в связи с отсутствием в нем датирующих вещей. Железный меч, найденный в шурфе на этом же участке террасы, вряд ли имеет отношение к функционированию здесь курмантауского поселения. Скорее он связан с ритуальной деятельностью кочевого населения, пришедшего в данный район позднее (Савельев, 2016, с. 243).

Подобная картина наблюдается на другом памятнике, где раннешнуровая керамика встречается совместно с курмантауской (маклашеевской). В публикации Бирского поселения приведены таблицы распределения культурных групп керамики по штыкам (Васильев, Горбунов, 1975, с. 154, табл. 2, 3). Из них следует, что ананьинская (раннешнуровая) и курмантауская (маклашеевская) керамика залегает совместно в нижних горизонтах памятника при преобладании раннешнуровой керамики. При этом стратиграфическая сохранность слоев подтверждается расположением более ранней черкаскульской (межовской) и более поздней бахмутинской керамики. Первая четко уменьшается от нижнего слоя к верхнему. Присутствие второй нарастает в верхних штыках (Там же). В отличие от Касьяновской стоянки на Бирском поселении не встречен датирующий материал, хотя стратиграфия поселения вполне достоверно свидетельствует о синхронности раннешнурового и курмантауского (маклашеевского) керамических комплексов на данном памятнике.

Знакомство с другими работами С.Н. Коренюка и А.Ф. Мельничука (1992) объясняет их стойкое нежелание принимать омоложение курмантауских древностей. При публикации материалов Заосиновского VI поселения авторы указывают на «определенные связи» ерзовских древностей II стадии с курмантауским керамическим комплексом. Вторую стадию ерзовской культуры они вслед за В.П. Денисовым датируют X–IX вв. до н.э. (Там же, с. 65). Близость ерзовских и курмантауских древностей отмечалась исследователями еще в 60-х гг. прошлого века (Бадер, Кадиков, 1957, с. 155; Денисов, 1967, с. 41). На этом основании В.Н. Марков предложил расширить хронологические рамки второго этапа ерзовской культуры и датировать его в пределах раннеананьинского периода (Марков, 2007, с. 51).

Следующий, третий, этап авторы относят к «финальной предананьинской стадии ерзовской культуры (Коренюк, Мельничук, 1992, с. 65). На этом этапе отмечается влияние гамаюнских керамических традиций на ерзовскую

посуду (Там же). При этом авторы указывают на появление гамаюнской керамики в Прикамье на рубеже IX–VIII в. до н.э. Последняя дата не может быть ни доказана, ни опровергнута. Так как основной исследователь гамаюнской культуры В.А. Борзунов, указывал период IX–VIII вв. до н.э. лишь как возможное время проникновения гамаюнского населения на Среднюю Каму, опираясь на выводы того же В.П. Денисова (Борзунов, 1984, с. 6). Тогда как Л.И. Ашихмина отнесла керамику, совмещающую черты гамаюнской и раннешнуровой традиций, к зуевоключеской (VIII–VII вв. до н.э.) стадии ананьинской культуры (Ашихмина, 2014, рис. 40: 11–13). Аналогичная посуда опубликована и в материалах Заосиновского VI поселения (Коренюк, Мельничук, 1992, рис. 5: 4, 5). Авторами публикации она отнесена к третьей стадии ерзовской культуры.

Таким образом, следуя разработкам В.А. Иванова, В.Н. Маркова и Л.И. Ашихминой, ерзовские древности, по крайней мере, II и III стадии, с большой долей уверенности могут быть отнесены к раннему этапу существования ананьинской культурно-исторической области, т.е. к VIII–VII вв. до н.э., а с учетом последних разработок в ананьинской хронологии к IX–VII вв. до н.э. (Коренюк, 2000, с. 75; Кузьминых, Чижевский, 2014, с. 102). Таким образом, неприятие омоложенной даты курмантау связано у С.Н. Коренюка и А.Ф. Мельничука с нежеланием пересмотреть хронологические позиции ерзовских древностей, а не с мифической «перемешанностью» культурного слоя стоянки им. М.И. Касьянова.

В целом динамика представлений о предкараабызских памятниках Прибелья напрямую связана с изменениями взглядов на ананьинские древности. На момент выделения культуры курмантау (1954 г.) до начала 80-х гг. прошлого века превалировали взгляды об эволюционном развитии древностей Волго-Камского региона от бронзового века до эпохи раннего железа включительно. В этом ключе ананьинская культура в целом рассматривалась как единое, автохтонное образование, сложившееся на основе предшествующих культур эпохи финальной бронзы (Кузьминых, Чижевский, 2009, с. 30). Для Прибелья это значило, что развивалась единая генерация культур: курмантау (маклашеевский этап) – бельский вариант ананьинской культуры – кара-абызская культура. Дискуссии велись только вокруг названий культур и их хронологических позиций.

Исследования на основе идеи единства и автохтонизма ананьинских древностей и её вариации продолжались и позже (Генинг, 1988; Голдина, 1999). Сейчас сторонником местного эволюционного развития и единства ананьинской культуры (общности) продолжает выступать С.Н. Коренюк (2000, с. 68), который в целом отрицает роль миграционных процессов в смене культурных традиций, в частности гончарных (Коренюк, Мельничук, 1992, с. 70). Исходя из представлений сторонников этого направления, курмантауские памятники относятся к эпохе финальной бронзы и являются генетической базой для бельского варианта ананьинской культуры, которая, в свою очередь, выступает таковой для кара-абызских древностей.

В 80-х гг. прошлого века начинает формироваться взгляд на ананьинские древности как на разнокультурное и разноэтничное образование (Кузьминых, Чижевский, 2009, с 30). Такой подход предполагает и взаимовлияние, и ассимиляцию, и миграции как внутри региона, так и извне. Этот подход был обоснован по большей части применением новых методов: анализ металлообработки и планиграфии могильников (С.В Кузьминых), статистико-комбинаторные методы (В.А. Иванов, В.Н. Марков). Касательно Прибелья наиболее детально эти процессы исследованы и продолжают разрабатываться В.А. Ивановым. В настоящее время этот подход к изучению ананьинских древностей развивается А.А. Чижевским.

Конкретно по материалам Прибелья ананьинского времени продолжает исследования Н.С. Савельев. В одной из недавних работ им было сформулировано общее видение историко-культурных процессов в Прибелье накануне образования караабызской культуры (Савельев, Яблонский, 2014, с. 483–485). В частности, он видит в этот период две миграционные волны. Первая связана со Средней Камой – носителями «раннешнуровой» керамики. По мнению Н.С. Савельева, это были небольшие группы, «не оставившие ни одного «чистого» памятника» и ассимилированные курманауским населением (Там же, с. 483). При этом автор говорит все-таки об уходе носителей типа курмантау «на северо-восток в пределы таежного Уфимского плато» и «на юго-восток, в верховья р. Белая» (Там же). О миграции носителей типа курмантау в верховья р. Белой выше уже неоднократно упоминалось. Здесь действительно формируется какая-то территориальная группа этого

населения. Уход же курмантауского населения на северо-восток не фиксируется археологически. Н.С. Савельев здесь ссылается на А.Х. Пшеничнюка, который считал, что Усть-Юрюзанская стоянка оставлена курмантауским населением (Пшеничнюк, 1973, с. 222). . Однако одна из групп керамики этого памятника хоть и близка курмантауской, но скорее опосредовано. По формам сосудов и особенно по орнаментации эта посуда ближе керамике быргындинских и ерзовских памятников (Ашихмина, 2014, рис. 24, 25; Вечтомов, 1960, рис. 10, 11; Бадер Н., 1960, рис. 3; Коренюк, Мельничук, 1992, рис. 3, 4). Эти памятники с Усть-Юрюзанской стоянкой сближает также значительное количество сосудов, имеющих синкретичные гамаюно-камские черты в орнаментации. Поэтому, на мой взгляд, стоянка Усть-Юрюзань – свидетельство продвижения, скорее всего, среднекамского населения на юг по р. Уфе, чем курмантаукского на северо-восток. Тем более что это продвижение совпадает с общим направлением миграции среднекамского населения на юг и юго-запад в бассейн р. Белой, свидетельством чему являются также такие памятники, как Андреевское, Ново-Биктовское селища, которые как раз и можно считать «чистыми» памятниками среднекамского населения на р. Белой.

Вторая и более поздняя миграционная волна в Прибелье датируется Н.С. Савельевым рубежом VI–V в. до н.э. и связывается в целом с постмаклашеевским населением Усть-Камья и прилегающих районов Поволжья, которая и привела к образованию караабызской культуры. При этом автор считает выделение «раннекараабызского» керамического комплекса не вполне удачным, так как это та же самая «ямочно-насечково-гребенчатая» керамика Прикамья и Поволжья (Савельев, Яблонский, 2014, с. 483). Если с первым положением я полностью согласен, то второе – вызывает ряд замечаний. В качестве примера «раннекараабызской» керамики автор приводит небольшой керамический комплекс, собранный им на поселении Акбердино-3 (оно же Акбердино I), отмечая, что он встречен совместно с посудой курмантауского и иткульского облика (Там же, с. 483, рис. 4: 9–16). Однако приведенная исследователем керамика по орнаментальной традиции и по фактуре скорее близка уже упоминавшейся среднекамской посуде. Отличия постмаклашеевского и раннекараабызского керамических комплексов и обоснование выделения последнего я попытался разобрать в отдельной статье, посвященной публикации наиболее показательного раннекараабызского поселения – селища Воронки (Овсянников, 2014).

Подводя итог, отметим следующее. Прибелье, безусловно, являлось своеобразной контактной зоной для основных составляющих ананьинской культурно-исторической области. С одной стороны, это носители маклашеевских/постмаклашеевских культурных традиций, основным ареалом, которых является казанское Поволжье и прилегающая часть низовий Камы, с другой – население Средней Камы, носители быргындинских, ерзовских и шнуровых керамических традиций. В ранний период существования АКИО и в начале среднего периода (IX/VIII–VI вв. до н.э.) Прибелье являлось территорией, где взаимодействовали два миграционных потока: маклашеевский с северо-запада и среднекамский с северо-востока. В различные периоды и на различных участках Прибелья могла доминировать та или иная группа населения, либо сосуществовали различные группы. Таким образом, речь о поступательном и эволюционном этнокультурном развитии региона уже не идет.

По материалам бельских поселений фиксируется следующая ситуация: в нижнем течении от устья р. Белой до устья р. Быстрый Танып преобладает маклашеевская/постмаклашеевская керамическая традиция (рис. 1). Нижнебельские памятники В.А. Иванов относит к маклашеевской культуре (Белавин и др., 2009, с. 19–21). В.Н. Марков на этих же поселениях прослеживает и постмаклашеевскую керамическую традицию (Марков, 2008, рис. 49–51, 57: 101, 112). Находка на поселении Кюнь II ножки савроматского жертвенника не противоречит этому выводу (рис. 1: 4).

На участке между устьями рек Быстрый Танып и Уфа исследованы поселения как с преобладанием маклашеевской традиции (Дуванейское), так и смешанные маклашеевско-среднекамские (Бирское), а также памятники с преобладанием среднекамской/сложношнуровой традиции (Андреевское, Ново-Биктовское). Памятники с маклашеевскими традициями были выделены В.А. Ивановым в бирскую группу и первоначально отнесены к культуре курмантау (Иванов, 1977, с. 95, рис. 1), сейчас они также отнесены к маклашеевской культуре (Белавин и др., 2009, с. 19–21).

На этом участке Прибелья (от устья Б. Таныпа до устья Уфы) плотность поселений с маклашеевскими традициями резко пада-

ет по сравнению с нижнебельским районом. Говорить о плохой изученности территории здесь не приходится. В 2007 г. было проведено сплошное обследование территории г. Бирска и его окрестностей. Открыт ряд новых памятников, среди которых нет ни одного, относящегося к интересующему нас типу (Акбулатов и др., 2010). Зато в этом районе известны памятники с посудой близкой среднекамской (рис. 1: 11, 14, 15). Пути проникновения сюда среднекамского населения пока неясны. Можно лишь предположить, что они продвинулись из бассейна р. Уфы, где известны памятники со среднекамским материалом (рис. 1: 38, 39), так как дороге напрямую через устье р. Белой могло воспрепятствовать плотное население с маклашеевскими традициями.

Памятники, расположенные в районе устья р. Уфы и в верхнем течении р. Белой содержат керамику, продолжающую маклашеевские традиции, но относящиеся к периоду не ранее VII в. до н.э. Первоначально эту небольшую группу (включая бирскую и касьяновскую) памятников В.А. Иванов выделял в «самостоятельную курмантаускую культуру» (Иванов, 1978, с. 57). Затем чуть позже – в культурный тип, указывая, что понятию «курмантауская археологическая культура» не соответствует «объем имеющегося материала, площадь и количество выявленных и следованных памятников» (Иванов, 1982, с. 74). В коллективной монографии опять появляется термин «курмантауская культура» (Белавин и др. 2009, с. 19, 21, 25). Судя по неоднократным ссылкам на публикации памятников верховьев р. Белой с курмантаускими материалами, их появление дало возможность автору вернуться к давней идее. Однако, как уже упоминалось, из памятников курмантау он исключил Бирскую группу.

Таким образом, в сущности, количество курмантауских памятников сильно не увеличилось. Касьяновская группа, спустя много лет, осталась в прежнем составе. Памятники верховьев Белой, как показали исследования Н.С. Савельева, также можно выделить в отдельную группу в составе памятников курмантау. Однако что представляют собой эти археологические объекты? Большинство из них – следы сезонных поселений с бедным культурным слоем, без признаков постоянных жилищ и хозяйственных объектов (Ташмурун, Акаваз-1, Саказка и др.).

К числу «базовых» поселений (с насыщенным находками культурным слоем, следами жилищ и хозяйственных сооружений) в верховьях р. Белой можно отнести Азануй со следами жилища и остатками металлообработки и Максютово II, где также исследованы остатки жилища и также имеются следы металлообработки (Обыденнов, 1997, с. 35). На основе анализа керамического материала Н.С. Савельев показал, что эти поселения разновременны. На современном уровне исследованности данного микрорайона можно говорить о том, что он был освоен, скорее всего, лишь одной небольшой группой курмантауского населения, обитавшего здесь довольно длительное время.

Низкая плотность курмантауского населения к югу от устья р. Уфы подтверждается также полевыми исследованиями автора данной статьи. Обследовав в течение нескольких полевых сезонов участок правобережья р. Белой от устья р. Уфы до устья р. Сим (расстояние между ними по прямой 35 км), среди многочисленных памятников, относящихся в основном к караабызской культуре, было найдено лишь одно поселение с курманатуским материалом – Акбердинское I (Акбердино-3) (Овсянников, Пшеничнюк, 2007). Данный памятник может быть отнесен к «базовым» поселениям. Здесь имеется довольно насыщенный слой и следы металлообработки. Ввиду незначительной исследованности следов жилищ не обнаружено (Овсянников, 2005, с. 89–92; Савельев, 2010, с. 236–240). В целом по характеру керамического материала и присутствию в комплексе поселения раннешнуровой и иткульской керамики памятник в целом синхронен стоянке им. М.И. Касьянова и может быть включен в так называемую «касьяновскую» группу курмантауских памятников.

Учитывая все вышесказанное, я склонен согласится с мнением В.А. Иванова о включении в курмантауские лишь памятников, расположенных южнее устья р. Уфы, при этом выделяя их в тип, а не в культуру. Поскольку они были оставлены малочисленным населением, постепенно вытесняемым в верховья р. Белой мигрантами с Нижней и Средней Камы. Окончательно носители типа курмантау могли быть вытеснены со среднего течения р. Белой постмаклашеевскими (раннекараабызскими) нижнекамскими группами населения. С одной стороны, часть из них могла раствориться в среде пришельцев, как это в свое время предполагал А.Х. Пшеничнюк (1982, с. 103, 104), другая часть, как полагает Н.С. Савельев, могла продвинуться в верховья р. Белой и дожить до рубежа V–IV вв. до н.э.

Таким образом, накануне образования кара-абызской культуры в Бельском регионе происходили активные миграционные и ассимиляционные процессы. Отсутствие могильников этого периода крайне усложняет вопросы хронологии этого периода. Поэтому исследователи вынуждены оперировать лишь материалами поселений, в основном их керамическими комплексами.

К концу VI в. до н.э. перестают функционировать основные могильники постмаклашеевской культуры, носители этой культуры покидают район обитания (Чижевский, 2008, с. 91), в этот же период заканчивается первая фаза развития ананьинского металлургического очага (Кузьминых, 1983, с. 171). В свою очередь, на р. Белой появляются памятники нового типа. Это поселения с керамикой, продолжающей традиции постмаклашеевской культуры Казанского Поволжья и устья Камы. Самым ранним из них можно считать Бирское I городище (нижний горизонт), чуть позднее появляются селища Воронки, Михайловское и Курмантау, а также Касьяновское городище (Овсянников, 2014). Вместе с ними синхронизируются могильники Уфимский (по ул. Трактовой) и Старший Шиповский (Пшеничнюк, 1982, с. 103). С появлением этой новой волны постмаклашеевского населения ситуация в Прибелье резко меняется. Носители постмаклашеевских традиций становятся культурной доминантой в регионе. На их основе к рубежу V–IV в. до н.э. формируются памятники с раннекараабызской культурной традицией.

Послесловие. Основным препятствием к определению четких критериев для «маклашеевских», «постмаклашеевских» и «курмантауских» керамических комплексов в Прибелье, их выделению и процентному соотношению на каждом конкретном памятнике является, на мой взгляд, отсутствие полноценного исследования имеющихся керамических комплексов, в частности, совмещения статистико-комбинаторных и технологических методов исследования древней посуды. Изучая керамические коллекции бельских памятников, я обратил внимание на значительную вариабельность состава теста сосудов (раковина, органика, песок и др.), что, в свою очередь, сильно сказывается на фактуре (внешнем виде) древних черепков.

Статистико-комбинаторная обработка значительных массивов древних керамических комплексов, проделанная ранее, не учитывала, на мой взгляд, такой важный показатель, как примесь в тесте сосуда, не говоря уже об особенностях гончарных технологий. До сих пор споры ведутся вокруг форм и элементов орнамента. Хотя даже простое визуальное определение состава примеси в глине горшка и учет этой информации при статистических подсчетах дает немало новой информации для размышления (Овсянников, Каюмов, Бабин, 2015).

С этой проблемой связана также ситуация с качеством публикаций керамического материала (данное замечание в полной мере отношу и в свой адрес). Основная масса поселенческого инвентаря, которым оперируют современные исследователи, была опубликована во второй половине прошлого века. Для изданий 50–70-х гг. XX столетия было еще характерно помещение фотографий фрагментов керамики. Полиграфическое качество, конечно, оставляло желать лучшего, но все же такой способ давал неплохую возможность оценить фактуру керамики (например: Збруева, 1952, табл. III; 1959, рис. 6, 7; Вечтомов, 1960, рис. 9–11; Ишмуратова, 1975, рис. 2, 3, 6). К концу XX века рисунки керамического материала постепенно деградируют (я не говорю обо всех изданиях, были и вполне достойные публикации, здесь имеется в виду общая тенденция). Наименее информативными являются публикации так называемых реконструкций, где и абрис сосудов и элементы орнамента выполнены с помощью чертежных приборов (чтобы не обидеть коллег, не буду приводить ссылки). Такой подход почти полностью лишает керамику ее оригинального облика и не позволяет адекватно ее характеризовать и использовать в дальнейших исследованиях.

В последнее время наметился отход от подобных традиций в публикациях. Сейчас все больше и больше появляется статей и монографий с совмещенным фотографическим и графическим представлением керамического материала, не вынуждающего исследователей лично обращаться к коллекциям. Иначе с учетом огромного объема накопленных материалов специалисты лишаются в большинстве случаев составить адекватное мнение о древней посуде хотя бы Волго-Камского региона, не говоря уже о более отдаленных территориях.

ЛИТЕРАТУРА

Акбулатов И.М., Савельев Н.С., Овсянников В.В. Разведочные работы на территории города Бирск // АО – 2007 / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: Языки славянской культуры, 2010. С. 333–336.

АКБ – Археологическая карта Башкирии. М: Наука, 1976. 263 с.

Ахмеров Р.Б. Археологические памятники Башкирии ананьинского времени // КСИИМК. 1952. Вып. XLVIII. С. 25–35.

Ашихмина Л.И. Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье: Серия препринтов «Научные доклады». Коми филиал АН СССР. Вып. 119. Сыктывкар: ИЯЛИ, 1985. 26 с.

Ашихмина Л.И. Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье (по материалам керамики и жилищ) / Археология евразийских степей. Вып. 19. Казань: ИА АН РТ, 2014. 300 с.

Бадер Н.О. Памятники эпохи бронзы на Каме между Чусовой и Белой (по материалам разведок 1951–1956 гг.) // Труды Камской археологической экспедиции. Вып. III / УЗ ПГУ; Т. XII, вып. 1 / Отв. ред. О.Н. Бадер. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1960. С. 111–132.

Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б. Угры Предуралья в древности и средние века. Уфа: БГПУ, 2009. 285 с.

Борзунов В.А. Хронология гамаюнской культуры // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Вып. 2 / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: УдмГУ, 1984. С. 3–7.

Васильев И.Б. Дуванейское поселение позднего бронзового века в Башкирии // СА. 1975. № 4. С. 250–256.

Васильев И.Б., Горбунов В.С. Бирское поселение // СА. 1975. № 3. С. 149–157.

Васильев И.Б., Иванов В.А. Отчет о работах в бассейне р. Белой в 1975 году / Архив ИА РАН. Р-1. № 5652.

Васильев И.Б., Иванов В.А., Обыденнов М.Ф. Итоги исследований стоянки им. М.И. Касьянова в Гафурийском районе БАССР // Бронзовый век Южного Приуралья / Отв. ред. М.Ф. Косарев. Уфа: БГПИ, 1985. С. 21–40.

Вечтомов А.Д. Основная археологическая карта РСФСР, лист 0-40-98 // Труды Камской археологической экспедиции. Вып. III / УЗ ПГУ. Т. XII, вып. I / Отв. ред. О.Н. Бадер. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1960. С. 175–206.

Гарустович Г.Н., Савельев Н.С. Исследования памятников эпохи бронзы – раннего железного века в горном течении реки Белой // Уфимский археологический вестник. Вып. 5 / Ред. В.Г. Котов и др. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2005. С. 93–118.

Генинг В.Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. 1973. № 1. С. 114–136.

Генинг В.Ф. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры (пьяноборская эпоха III в. до н.э. – II в. н.э.). М.: Наука, 1988. 240 с.

Денисов В.П. Итоги изучения памятников эпохи поздней бронзы в Прикамье // Второе Уральское археологическое совещание при Уральском университете: Итоги и проблемы изучения археологии Урала / ВАУ; Вып. 1 / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск: УрГУ, 1961. С. 66–75.

Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. V / МИА. № 30. М.: АН СССР, 1952. 326 с.

Збруева А.В. Культуры поздней бронзы в Прикамье в связи с вопросом о сложении ананьинской культуры // СА. 1957. № 2. С. 26–46.

Збруева А.В. Стоянка имени М.И. Касьянова // Башкирский археологический сборник / Отв. ред. А.П. Смирнов, Р.Г. Кузеев. Уфа: ИИЯЛ БФАН СССР, 1959. С. 47–57.

Збруева А.В., Тихонов Б.Г. Памятники эпохи бронзы в Башкирии // Древности Башкирии / Отв. ред. А.П. Смирнов. М: Наука, 1970. С. 40–127.

Иванов В.А. Некоторые предварительные замечания о хронологии и периодизации культуры курмантау // Неолит и бронзовый век Поволжья и Приуралья / Научные труды КГПИ; Т. 220 / Ред. С.Г. Басин и др. Куйбышев: КГПИ, 1977. С. 94–102.

Иванов В.А. Население нижней и средней Белой в ананьинскую эпоху: Дис. … канд. ист. наук: 07.00.06. Уфа: ИИЯЛ БФАН СССР, 1978. 177 с.

Иванов В.А. Проблема культуры курмантау // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа / Отв. ред. В.А. Иванов, А.Х. Пшеничнюк. Уфа: ИИЯЛ БФАН СССР, 1982. С. 52–77.

Ишмуратова Г.Р. Керамика ананьинских поселений западных районов Татарии // СА. 1975. № 1. С. 51–64.

Клейн Л.С. Феномен советской археологии. СПб.: Фарн, 1993. 128 с.

Коренюк С.Н. Ананьинская культура в трудах А.П. Смирнова и новые данные в ее изучении // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья: МНК / ТГИМ. Вып. 122 / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М., 2000. С. 68–79.

Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф. Заосиновское VI поселение в урочище «Красава» // Материалы по археологии Южного Урала / Отв. ред. Н.А. Мажитов. Уфа: БГУ, 1992. С. 57–72.

Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф., Перескоков М.Л. Современное состояние проблем изучения среднего и позднего этапов ананьинской культуры в Прикамье // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 116–131.

Котов В.Г., Савельев Н.С. Промысловая стоянка «Ташмуруновский грот» в верховьях реки Белой // Уфимский археологический вестник. Вып. 4 / Отв. ред. А.Ф. Яминов. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2003. С. 124–127.

Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М.: Наука, 1983. 257 с.

Кузьминых С.В., Чижевский А.А. Ананьинский мир: взгляд на современное состояние проблемы // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / Археология евразийских степей. Вып. 8 / Отв. ред. С.В. Кузьминых. А.А. Чижевский. Елабуга: ИИ АН РТ, ИА РАН, ЕИАХМЗ, 2009. С. 29–55.

Кузьминых С.В., Чижевский А.А. Хронология раннего периода ананьинской культурно-исторической области // Поволжская археология. 2014. № 3 (9). С. 101–137.

Марков В.Н. Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (об этнокультурных компонентах ананьинской общности): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Л.: ЛОИА, 1988. 18 с.

Марков В.Н. Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (об этнокультурных компонентах ананьинской общности) / Археология евразийских степей. Вып. 4. Казань: ИА АН РТ, 2007. 136 с.

Морозов Ю.А. Новые памятники курмантауской культуры в горной зоне верхнего течения р. Белой // Уфимский археологический вестник. Вып. 5 / Ред. В.Г. Котов и др. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2005. С. 119–126.

Обыденнов М.Ф. Археологические памятники верховьев Агидели. Уфа: БЭК, 1997. 204 с.

Обыденнов М.Ф. У истоков уральских народов: экономика, культура, искусство, этногенез. Уфа: Вост. ун-т, 1997. 202 с.

Обыденнов М.Ф. Археологические культуры конца бронзового века Прикамья. Уфа: БЭК, 1998. 205 с.

Обыденнов М.Ф., Обыденнова Г.Т. Археологические памятники Южного Приуралья эпохи железа (I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.). Уфа: БЭК, 1998. 98 с.

Овсянников В.В. Новые материалы по позднему бронзовому веку Приуралья // Уфимский археологический вестник. Вып. 5 / Ред. В.Г. Котов и др. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2005. С. 83–92.

Овсянников В.В. Селище Воронки – ранний памятник кара-абызской культуры // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 303–313.

Овсянников В.В., Каюмов И.Х., Бабин И.М. Новые материалы с поселений кара-абызской культуры // Уфимский археологический вестник. Вып. 15 / Отв. ред. В.В. Овсянников. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2015. С. 85–110.

Пшеничнюк А.Х. Кара-абызская культура (население центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // Археология и этнография Башкирии. Т. V / Ред. Р.Г. Кузеев и др. Уфа: ИИЯЛ БФАН СССР, 1973. С. 162–243.

Пшеничнюк А.Х. Старший Шиповский могильник ананьинской культуры в Центральной Башкирии // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа / Отв. ред. В.А. Иванов, А.Х. Пшеничнюк. Уфа: ИИЯЛ БФАН СССР, 1982. С. 94–105.

Пшеничнюк А.Х., Овсянников В.В. Археологическая карта Иглинского района Республики Башкортостан. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2007. 27 с. + 35 илл.

Рафикова Я.В. Археологическое изучение святилища эпохи энеолита Бакшай – поселения эпохи бронзы Ново-Байрамгулово-1 в 2013 году // Вестник ВЭГУ. № 6 (68). Уфа: ВЭГУ, 2013. С. 229–235.

Савельев Н.С. Этнокультурные компоненты лесостепи Южного Приуралья на стадии сложения кара-абызской культуры // XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, хронология: Материалы XVIII УАС / Ред. Г.Т. Обыденнова и др. Уфа: БГПУ, 2010. С. 235–240.

Савельев Н.С. Памятники эпохи раннего железа горного течения р. Белая (разведочные работы А.П. Шокурова 1961–1962 гг.) // Наследие веков. Вып. 2: МРНПК «Историческое краеведение в Башкортостане: история и современность», посвященной 100-летию со дня рождения краеведа-археолога Анисима Павловича Шокурова / Отв. ред. В.Г. Котов. Уфа: Наследие, 2011. С. 42–70.

Савельев Н.С. Гафурийский керамический комплекс Биктимировского городища в лесостепи Южного Приуралья // РА. 2011. № 2. С. 56–66.

Савельев Н.С. Мечи и кинжалы в культовой практике кочевников Южного Приуралья скифо-сарматского времени (пространственный анализ «случайных» находок) // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии: Материалы IX МНК «Проблемы сарматской археологии и истории», посвященной 100-летию со дня рождения Константина Федоровича Смирнова / Отв. ред. Л.Т. Яблонский. Оренбург: ОГПУ, 2016. С. 241–252.

Савельев Н.С., Яблонский Л.Т. Степь и лесостепь на начальном этапе раннесарматской культуры Южного Приуралья // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы // Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 478–504.

Сальников К.В. К вопросу о происхождении ананьинской культуры // СЭ. 1954. № 4. С. 11–24.

Сальников К.В. Некоторые проблемы изучения эпохи бронзы в Башкирии // III Уральское археологическое совещание (Уфа, февраль, 1962 г.): ТД. Уфа: БФАН СССР, 1962. С. 30–35.

Сальников К.В. Некоторые проблемы изучения эпохи бронзы Башкирии // Археология и этнография Башкирии. Т. II / Отв. ред. Р.Г. Кузеев, К.В. Сальников. Уфа: Баш. кн. изд-во, 1964. С. 67–84.

Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука, 1967. 407 с.

Халиков А.Х. Некоторые проблемы мезолита, неолита и бронзы в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье // Археология и этнография Башкирии. Т. II / Отв. ред. Р.Г. Кузеев, К.В. Сальников. Уфа: Баш. кн. изд-во, 1964. С. 43–54.

Халиков А.Х. Приказанская культура и ее роль в формировании ананьинской культуры // УЗ ПГУ. 1967. № 148. С. 7–26.

Халиков А.Х. Приказанская культура // СА. 1968. № 2. С. 23–40.

Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969. 395 с.

Халиков А.Х. Приказанская культура / САИ. Вып. В1-24. М.: Наука, 1980. 129 с.

Черных Е.М. Некоторые итоги изучения культурного слоя Зуевоключевского I городища в Удмуртском Прикамье // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / Археология евразийских степей. Вып. 8 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Елабуга: ИИ АН РТ, ИА РАН, ЕИАХМЗ, 2009. С. 76–97.

Информация об авторе:

Овсянников Владимир Владиславович, кандидат исторических наук, заведующий отделом археологических исследований Института истории, языка и литературы УНЦ РАН (г. Уфа, Российская федерация); atliural@yandex.ru

PRE-KARA-ABYZ MONUMENTS OF BEL REGION (CERTAIN HISTORIOGRAPHICAL AND SOURCE STUDY ASPECTS)

© 2017 V.V. Ovsyannikov

The paper considers the historiographical situation which developed in relation to antiquities from the Bel region (Bashkortostan) at the turn of the Early Iron Age after the Bronze Age. Its primary focus is the settlements of the Kurmantau type and those featuring early cord ceramics which existed in the valley of the Belaya river prior to the establishment of the Kara-Abyz culture. The author considers the change in the views of researchers on the chronology, cultural identity and genetic continuity of Pre-Kara-Abyz sites, and analyses the state of the issue on the basis of contemporary sources.

Keywords: Pre-Ananyino and Ananyino cultural and historical regions, Volga-Kama regions, Bel region, Maklasheevo, Post-Miklasheevo, Kara-Abyz cultures, Kurmantau and Erzovo types, ceramics.

About the Author:

Ovsyannikov Vladimir V., Candidate of Historical Sciences, Head of the Archaeological Research Department, Institute of History, Language and Literature, Russian Academy of Sciences, Urals Scientific Center (Ufa, Russian Federation); atliural@yandex.ru

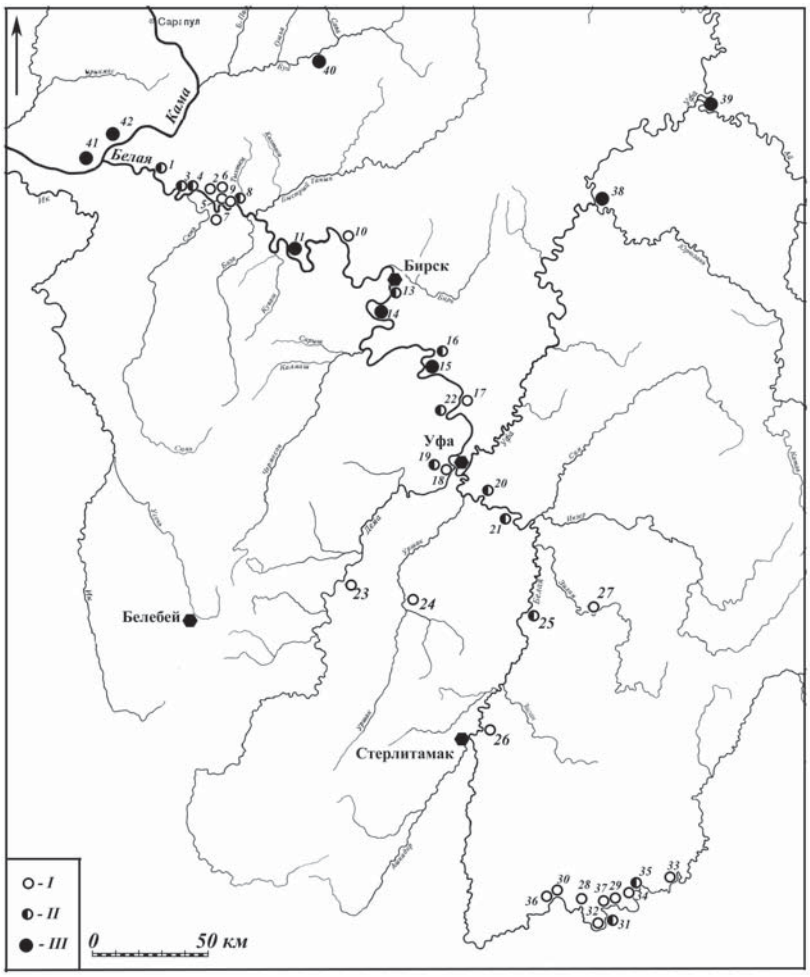


Рис. 1. Памятники предкараабызского времени в Прибелье: I – памятники с маклашеевско/курмантауской керамикой; II – памятники с небольшой примесью раннешнуровой керамикой; III – памятники с преобладанием раннешнуровой/среднекамской керамики. 1 – Старо-Кабаново II-III, 2 – Какры-куль, 3 – Старо-Янзигитово; 4 – Кюнь II; 5 – Киргизово IV, 6 – Бурнюш VI, 7 – Медведево VI, 8 – Каинлык I, 9 – Старый Каинлык I, 10 – Камилево (Камелево), 11 – Новобиктово II, 13 – Бирск, 14. – Камышинка-1, 15 – Андреевское, 16 – Дуванейское, 17 – Турбаслы, 18 – Демское, 19 – Романовка, 20 – Акбердино-1, 21 – Ибрагимовское, 22 – Кумлекуль, 23 – Казангулово, 24 – Курманаево; 25 – Курмантау, 26 – Урняк, 27 – Таш-асты, 28 – Муйнакташ, 29 – Максютово, 30 – Акбута, 31 – Акаваз, 32 – Азануй, 33 – Миндигулово, 34 – Ново-Акбулатово, 35 – Акбулатово, 36 – Кузнецовский, 37 – Саказка, 38 – Усть.Юрюзань, 39 – Усть-Айская, 40 – Таш-Елга, 41 – Каменный Лог, 42 – Быргында.

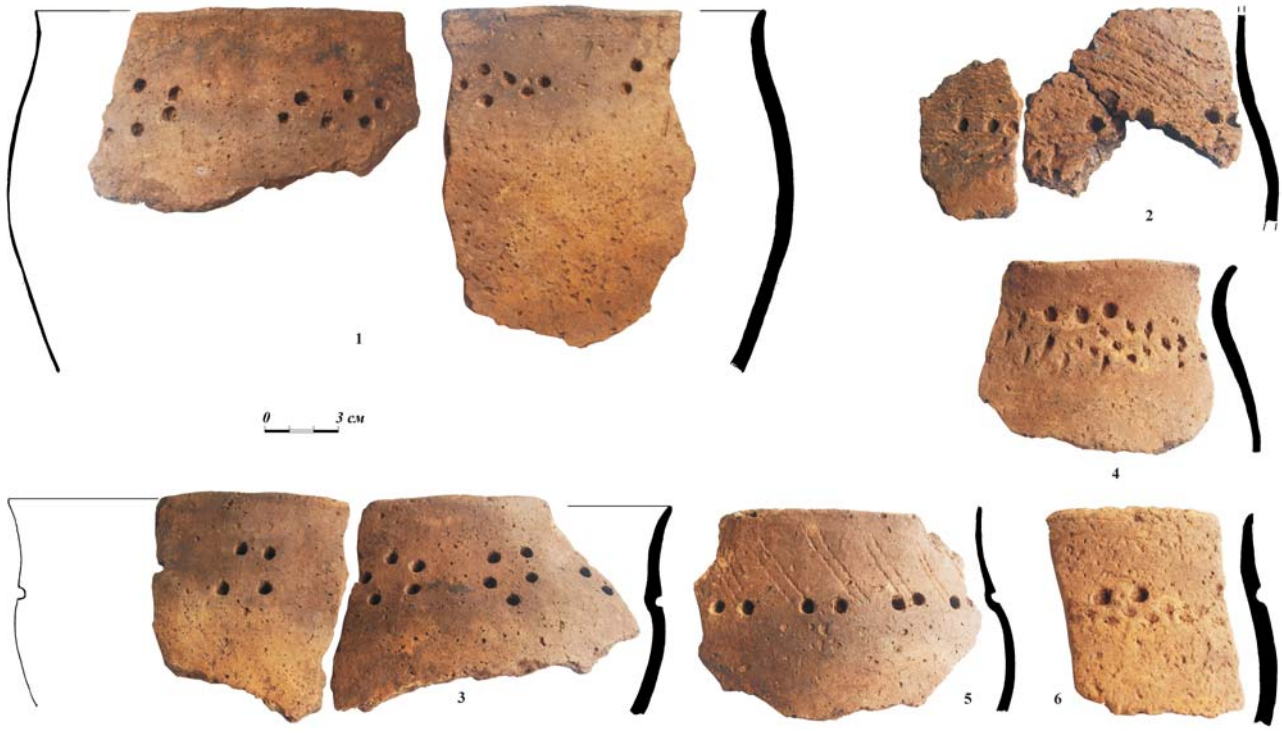


Рис. 2. Керамика Андреевского селища. Сборы А.П. Шокурова 1958 г. Октябрьский краеведческий музей. Фото автора.

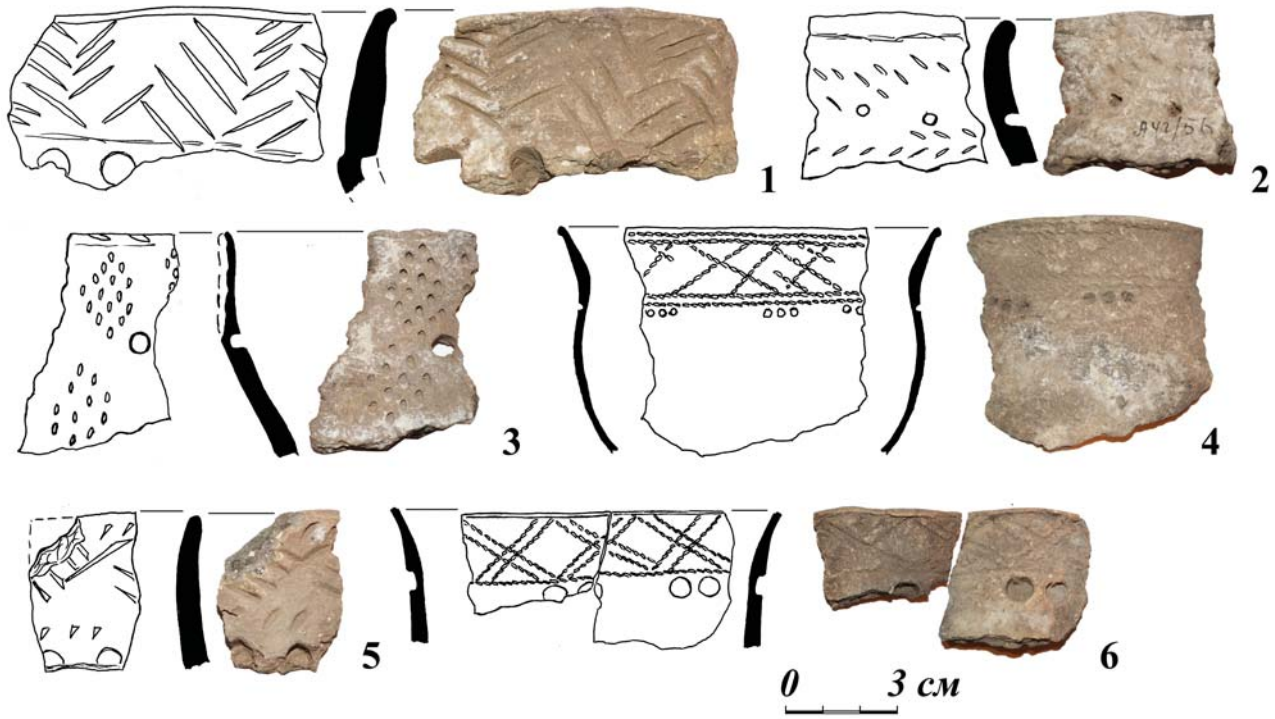


Рис. 3. Керамика Бирского I городища из раскопок Н.А. Мажитова 1959 года. Музей археологии и этнографии ИЭИ УНЦ РАН. 1–3, 5 – постмаклашеевская керамика с примесью раковины; 4, 6 – раннешнуровая керамика с примесью раковины. Фото автора.

Рис. 4. Керамика Ново-Байрамгуловского I (Бакшай) поселения (по: Рафикова, 2013).

УДК 902.01

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС КРИВОБОРСКОГО ГОРОДИЩА

© 2017 г. Э.И. Оруджов

В статье описаны основные этапы археологического изучения Кривоборского городища. Дана топографическая характеристика городища на местности. Вводится в научный оборот керамический комплекс памятника из коллекции Кировского областного краеведческого музея. Керамика проанализирована и распределена по типам. Согласно проведенному сравнительно-типологическому анализу прослеживаются сходные черты с керамикой Средней, Нижней Камы и Поветлужья. При детальном анализе комплекса определено время возникновения – VI в. до н.э. По аналогии с керамикой других археологических памятников уточнены этапы функционирования городища – ананьинский (VI–III вв. до н.э.), азелинский (III–V вв. н.э.), еманаевский (V–IX вв. н.э.) и кочергинский (IX–XIII вв. н.э.). В рамках ананьинского этапа выделяется два периода: средне- (VI–V вв. до н.э.) и позднеананьинский (IV–III вв. до н.э.).

Ключевые слова: АКИО, Кривоборское городище, керамический комплекс, топографический план, Кировский областной краеведческий музей.

Территория Вятского края с древнейших времен активно осваивалась человеком. В раннем железном веке в бассейне р. Вятка проживали носители культуры гребенчато-шнуровой керамики ананьинской культурно-исторической области (АКИО). К настоящему времени в бассейне Вятки известно 78 памятников данной культуры: 22 городища, около 40 селищ, остальные – местонахождения (Митряков, Черных, 2014, с. 148). Большинство городищ АКИО являются многослойными. Основной причиной этому служит удобное географическое расположение. Городища являются мысовыми, располагаются вдоль основного русла реки Вятки и ее притоков Пижмы, Чепцы и Шошмы. Площадки – подтреугольной, прямоугольной или трапецевидной формы; укреплены с напольной стороны валом и рвом; со стороны реки защищает высокий обрыв (Ванчиков, 1992, с. 77)

Кривоборское городище, как и большинство ананьинских городищ, является многослойным памятником. Кроме ананьинского слоя VIII–III вв. до н.э., выделяются слои худяковской (II в. до н.э. – V в. н.э) и средневековых культур – еманаевской (VI–IX вв.) и русской (XIII–XV вв.) (Памятники, 2009, с. 151).

Памятник занимает мыс подтреугольной формы коренного левого берега р. Чепцы высотой 30 м, ограниченный с севера и запада оврагом глубиной 10–15 м, и расположен на северной окраине д. Кривоборье. Площадка городища имеет длину 80 м, ширину 40–50 м. С напольной стороны городище защищено валом и рвом. Длина вала составляет 70 м, ширина у основания – 12–13 м, высота вала относительно площадки – 1,5–2 м, относительно дна рва – 4 м. В центральной части оборонительные сооружения разрушены построенным овощехранилищем, по всей длине вала встречаются ямы. Сохранившаяся длина рва составляет 42 м, ширина – около 13 м. Западнее городища располагаются постройки бывшего санатория Малый Конып (Там же, с. 150, рис. 1).

История исследования Кривоборского городища начинается с конца XIX века. Впервые памятник исследовался А.А. Спицыным в 1888 и 1891 гг. Им была проведена разведка, но малочисленные и невыразительные находки не позволили ему установить датировку и культурную принадлежность памятника, однако была отмечена неоднородность керамического комплекса (Ванчиков, 1995, с. 5).

Сборы материала на памятнике в разное время проводились местными краеведами (в 1928 г. Шатиловым, в 1986 г. А. Хлюпиным). В 1957 г. разведочные работы производились Л.М. Еговкиной, в 1961 г. – И.И. Стефановой, в 1985 г. – Т. И. Останиной, в 1994 г. – В.В. Ванчиковым. В 2010 г. городище обследовано разведгруппой под руководством А.Л. Кряжевских, в результате было описано современное состояние памятника и выявлены следы раскопов «черных» археологов (Памятники, 2009, с. 151).

В 1987 г. Н. А. Лещинской были произведены раскопки, в ходе которых вскрыто 173 м² площади памятника. При этом изучены остатки жилища эпохи раннего железного века. К этому периоду относятся находки фрагментов лепной керамики, орнаментированной оттисками гребенчатого штампа и шнура. Еманаевский период представлен фрагментами неорнаментированной керамики с примесью шамота в тесте. К древнерусскому времени относятся находки фрагментов глиняной посуды с примесью дресвы и раковины в тесте, а также железные ножи, клин от топора, замок, наконечник стрелы, глиняное пряслице. Всего было обнаружено 1564 фрагмента керамики, среди них по сохранившимся венчикам выделено 157 сосудов. Автором раскопок, среди сосудов, относящихся к АКИО, было определено два типа: это посуда со слегка отогнутой шейкой, переходящей в слабо или силь-

но выпуклое плечико и с сильно отогнутой шейкой и сильно выпуклым плечиком. Сам комплекс был определен как позднеананьинский (IV–III в. до н.э.), по аналогии с материалами Никульчинского и Буйского городищ. Характеристика средневекового керамического комплекса дана в обобщенном виде, керамика сильно фрагментирована. Аналогии данному комплексу Н.А. Лещинской указаны в материалах второй половины I тыс. н.э. на Буйском и Аргыжском городищах. Выделение комплексов строилось по горизонтам и аналогиям с другими памятниками археологии Вятского края, т.к. стратиграфически распределить по слоям керамику Н.А. Лещинской не удалось. К верхнему горизонту были отнесены поздние материалы, к нижнему – более ранние (Лещинская, 1990, с. 10–12).

В 1995 г. вышла статья В.В. Ванчикова «Кривоборское городище: основные этапы и итоги изучения», в которой он выделил три периода функционирования данного поселения: ранний железный век (здесь указывается наличие двух компонентов – ананьинского и пьяноборского), раннесредневековый период (представлен выделяемой Р.Д. Голдиной еманаевской культурой) и древнерусский период – времени русской колонизации (Ванчиков, 1995, с. 4, 5). Статья носила в основном историографический характер.

Исследования Н.А. Лещинской и В.В. Ванчикова носили обобщающий характер. Керамический комплекс не был подвергнут детальному изучению, выделение хронологических периодов делалось по материалам и аналогиям с близлежащими вятскими городищами (Буйским, Никульчинским и Аргыжским). При этом не дан сравнительно-типологический анализ керамики.

В связи с данным обстоятельством потребовался ввод новых материалов и более детальная характеристика керамического комплекса Кривоборского городища.

В 2015–2016 гг. автором статьи было изучено 235 фрагментов керамических сосудов, хранящихся в Кировском областном краеведческом музее. Данная керамика является подъемным материалом и не имеет стратиграфической привязки. В связи с этим обстоятельством данное исследование ограничивалось сравнительно-типологический анализом и аналогиями с керамикой других археологических памятников, находящихся как в бассейне р. Вятка, так и за его пределами.

Для анализа был определен ряд критериев: состав теста, способ налепа, а также форма и орнаментация сосудов.

Анализ фрагментов керамических сосудов проводился по указанным критериям, с опорой на предыдущие исследования Кривоборского городища и по аналогиям с керамикой других археологических памятников. В итоге выделены следующие этапы существования городища: ананьинский (VI–III вв. до н.э.), азелинский (III–V вв.), еманаевский (V–IX вв.) и кочергинский (IX–XIII вв.).

Керамика АКИО – 84 фрагмента, 35,74% исследуемой выборки, – представлена сосудами как чашевидной (рис. 2, *7*), так и горшковидной (рис. 11, *3*) форм. Керамика лепная, сформована с использованием спирально-ленточного налепа. Об этом говорят следы-стыки, заметные в профиле фрагментов. Различие в наклоне в стыках между лентами свидетельствует о том, что сосуды можно отнести к категории составных, скорей всего, тулово и горловина сформированы отдельно. Сходные черты при изготовлении ананьинской керамики прослеживаются и в керамическом комплексе Аргыжского городища (Черных и др., 2002, с. 25).

В тесте фиксируется примесь среднетолченой раковины, изредка встречаются включения шамота. Цветовая структура поверхности сосудов неравномерна: на фоне серого или коричневого часто выделяются темные и красноватые пятна, что говорит о неравномерности обжига сосудов. Довольно часто как с внешней, так и с внутренней стороны встречается нагар. При заглаживании поверхности сосудов, предположительно, использовалась кожа, иногда ткань (Бобринский, 1978, с. 225, 226).

При анализе формы и орнаментации учитывались заключения Л.И. Ашихминой (2014, с. 72) и В.Н. Маркова (2007, с. 31) о тенденции к понижению высоты шейки, увеличению ее отогнутости и уменьшению выпуклости плечиков с течением времени в изготовлении форм сосудов, а также Е.М. Черных о том, что для ранней ананьинской керамики присуща более «богатая» орнаментация (Черных и др., 2002, с. 30).

В результате анализа керамического комплекса Кривоборского городища удалось выявить в его составе материалы среднего и позднего периодов развития АКИО (Кузьминых, Чижевский, 2014, с. 102).

К керамике среднего периода (вторая половина VII–V вв. до н.э.) относится 11 фрагментов (4,68% от керамического комплекса городища) или 13% от керамики АКИО. Особенностью глиняной посуды этого периода является следующее.

1. Относительно высокие сосуды с отогнутыми шейками и сильно выпуклыми плечиками (по сравнению с другими фрагментами комплекса), характерные для ранних периодов АКИО на Нижней Каме (Марков, 2007, с. 31). Сочетание их с воротничком, время распространения которого приходится на VI в. до н.э., свидетельствует об изготовлении данных сосудов на переходном этапе развития вятского ананьина (Там же). Наличие керамики с высокой отогнутой шейкой в сочетании с сильно выпуклыми плечиками и элементами орнамента в виде гребенки свидетельствует

о существовании данного типа керамики на среднем этапе развития культуры гребенчато-шнуровой керамики на р. Вятке (рис. 3, *3, 4*).

2. Относительно высокая прямая или слегка отогнутая шейка в сочетании с гребенчатым орнаментом с заполнением всей поверхности шейки оттисками гребенки в виде горизонтального зигзага и елочки (рис. 2, *5, 8*;3, *1*).

3. Орнамент в виде сочетания шнуровых поясков и оттисков гребенчатого штампа. В.Н. Марков определяет появление подобной композиции на керамике с поселений Нижней Камы концом VII в. до н.э. (Марков, 2007, с. 44). Возможно, на вятских памятниках ее распространение приходится на несколько более позднее время, но вряд ли оно выходило за границы среднего ананьина (рис. 2, *3, 6*).

4. Орнаментация, свойственная постмаклашеевской керамике, состоящей из ряда вдавлений, а также прочерченых кругов по шейке венчика (рис. 2, *1, 4*). По определению А.А. Чижевского, данный тип керамики следует относить к V в. до н.э. (Чижевский, 2014, с. 215, 217, 222).

5. Орнамент в виде поясков, состоящий из горизонтальных и наклонных линий гребенчатого штампа в сочетании с прямой или слегка отогнутой шейкой (рис. 2, *5, 8*;3, *1*).

6. Орнамент в виде горизонтальных линий-поясков в сочетании с треугольными вдавлениями (рис. 2, *2*). Подобная керамика известна в Марийском Поволжье, в частности, на Сиухинском городище, ананьинский слой которого датирован VII–VI вв. до н.э. (Ефремова, Соловьев, 2014, с. 236, 237).

7. Сосуды в виде сравнительно небольших чашечек без шейки с загнутыми внутрь краями (рис. 3, *2*). Подобные известны в поздних погребениях Луговского могильника (Збруева, 1952, с. 68).

Поздний этап АКИО (IV–III вв. до н.э.) (рис. 4–11) в данной коллекции представлен 73 фрагментами (31% от керамического комплекса городища или 20% от керамики АКИО). Этого период представлен воротничковой (рис. 4, *9*) и безворотничковой керамикой (рис. 4, *11*). В декоре – композиции из однородных элементов; шейки сосудов – низкие со средне или сильно отогнутой горловиной.

По орнаментации выделяется следующие группы керамики.

1. Воротничковая и безворотничковая керамика, украшенная оттисками гребенчатого штампа, со сложными (сочетание 2 или 3-х элементов) (рис. 5, *2, 4, 8*; 7, *10*; 8, *9, 13;* 11, *2*) и простыми (присутствие одного повторяющегося элемента (рис. 4, *11;*5, *1, 3, 5, 6, 7, 9*; 6, *5, 6, 8*; 7, *1- 6, 8;* 8, *1–3, 6, 11, 12*; 9, *3, 4;* 10 2; 11, *1)* композициями. Аналоги данным сосудам известны среди позднеананьинской керамики Аргыжского (Черных, 2002, с. 127, 129, 131) и Скорняковского городищ (Чижевский и др., 2016, с. 44, 45).

2. Орнаментированная керамика представлена образцами:

а) с использованием ногтевидных вдавлений (рис. 8, *3*; 9, *5, 6*) и зубчатого штампа (рис. 4, *12*; 5, *10*; 6, *7, 9, 11*; 10, *7*). Аналоги данным орнаментальным композициям встречаются на Средней Каме, в частности в поздних горизонтах Гремячанского поселения-святилища. Помимо этих элементов на Кривоборском городище, как и на Гремячанском поселении (Коренюк и др., 2014, с. 295, 301), представлены фрагменты сосудов с мелкокруглоямочным декором, что составляет 14% от выборки позднеананьинской керамики (рис. 4, *1–6, 10*; 7, *9*; 9, *8, 31*; 4, *24*), характерного для позднего этапа развития АКИО. По мнению С.Н. Коренюка и его коллег, «круглоямочный орнамент трансформируется в мелкокруглоямочный, близкий по характеру к декору в виде вдавлений». Система же орнаментации различными типами вдавлений, по мнению авторов, явно вырастает из круглоямочной и постепенно вытесняет ее к концу ананьинской эпохи (Там же). А.Д. Вечтомов присоединял к этой орнаментальной группе различные вдавления: треугольные, ромбические эллипсовидные, каплевидные, прямоугольные (Вечтомов,1967, с. 144, рис. 4, *7-9*).

б) с использованием круглоямочных вдавлений (рис. 4, *2, 3, 5, 6*). Как по форме сосуда, так и по расположению круглоямочных элементов на шейке можно соотнести данную композицию с известными на керамике бельских городищ: Кара-Абызского и Уфимского (Збруева, 1952, с. 72), а также селища Воронки (Овсянников, 2014, с. 306). Среди фрагментов керамики, относящихся к данному типу, выделяется фрагмент, аналогичный найденным на селище Бельский I (рис. 6, *3*), которые С.Н. Коренюк относит к т.н. гибридной керамике (Коренюк и др., 2014, с. 123, 126).

в) с использованием сочетания горизонтального шнура с ромбовидными углублениями (рис. 6, *1, 7*; 7, *9*). Данный тип следует отнести к конецгорскому типу. Подобные орнаментальные композиции встречаются на селищах Конецгорском и у дер. Большой Скородум (Збруева, 1952, с. 255, 261).

г) к позднеананьинскому материалу также относятся фрагменты неорнаментированной воротничковой керамики (рис. 8, *7*; 9, *1, 2*; 10 *1, 3, 4, 6).*

В керамическом комплексе Кривоборского городища также присутствуют фрагменты с отдельными элементами шнура в декоре, однако хронологическое определение данных фрагментов вызвало затруднение, т.к. аналоги на других памятниках АКИО Вятско-Камского региона присутствуют как в средне-, так и в позднеананьинских слоях. О позднем характере ананьинского комплекса памятни-

ка свидетельствует наличие сосудов с выступами по верхнему краю (рис. 7, *9*; 8, *6*; 9, *2*), типичными для Гляденовского костища (Там же, с. 69). Благодаря наличию этой керамики прослеживается переход к более позднему этапу функционирования Кривоборского городища. В составе некоторых фрагментов позднеананьинской керамики был выявлен шамот (рис. 4, *5, 11, 12*; 5, *5*; 10, *3*; 4, 11, *3*), что свидетельствует об изменениях в способах изготовления начина для сосудов, возможно, ставших следствием инокультурного влияния.

Таким образом, при изучении керамического комплекса ананьинского времени было установлено, что начало освоения Кривоборского городища относится к VI в. до н.э. Материалы памятника относятся к двум этапам АКИО – среднему и позднему. Основным индикатором деления керамики на средне- и позднеананьинскую стали форма сосуда (высота венчика, его наклон и выпуклость тулова), а также орнаментация. При этом следует отметить, что орнаментальные композиции находят аналогии на Средней и Нижней Каме, Средней Волге и Белой. К сожалению, исследуемая выборка не имеет стратиграфической привязки.

В состав керамического комплекса Кривоборского городища входит посуда азелинского времени (III–V вв.) – 17 фрагментов, или 12,76% от всей совокупности керамики памятника. Данная группа керамики представлена лепными крупными чашевидными и горшковидными сосудами со слегка или сильно наклонными высокими шейками, переходящими в слабо или средне раздутое тулово, с примесью толченой раковины. Встречаются также фрагменты с низкой шейкой и сильно раздутым туловом (рис. 12, *2, 7*). Довольно часто выявляется нагар, причем как с внешней, так и с внутренней стороны. При заглаживании поверхности предположительно использовалась кожа. Обжиг неравномерный. В орнаменте – один повторяющийся элемент. Встречается декор с использованием гребенчатого (рис. 12, *1, 3, 5, 6, 8, 24*), резного штампа (рис. 12, *7*) и с рядом гладких (рис. 12, *9*) и каплевидных вдавлений (рис. 13, *6*). Следует отметить наличие выступа по краю венчика на нескольких фрагментах (рис. 12, *1, 2, 6, 8, 9*; 13, *2, 6–8*), который характеризуется А.В. Збруевой как типичный для Гляденовского костища (Збруева, 1952, с. 69).

Подобный керамический комплекс, согласно Н.А. Лещинской, относится к первой половине I тыс. н.э. и близок к традициям позднегляденовской культуры (Лещинская, 2014, с. 76, 77, 153, 155).

Еманаевская культура (V–IX вв.) представлена в коллекции (рис. 14–22) круглодонной лепной посудой типа открытых низких чаш – 113 фрагментов или 48% от общего количества керамики. Встречается, правда редко, также плоскодонная горшковидная посуда. В качестве примесей к тесту добавлялся песок, толченая раковина, шамот. Для заглаживания поверхности использовалась кожа. Обжиг неравномерный. Аналогии данному типу встречается на Еманаевском городище (Голдина, 1999, с. 320). Так как фрагменты еманаевских сосудов Кривоборского городища не имеют выразительных внешних признаков и стратиграфической привязки, а определение шло исключительно по форме и составу теста керамики, то объединение их в одну культурно-хронологическую группу является довольно условным.

Наиболее поздним керамическим комплексом в составе данной коллекции является посуда кочергинской культуры (IX–XIII вв.) – 8 фрагментов, или 3,4% от всей выборки. Посуда лепная, с примесью толченой раковины, шамота, песка в тесте, чашевидной формы без орнамента. В области шейки наблюдается резкий переход к тулову (рис.23) (Голдина, 1999, с. 320).

Таким образом, в результате анализа керамического комплекса Кривоборского городища из сборов предыдущих лет удалось установить, что городище существовало в течение длительного периода, начиная с раннего железного века и до Средневековья. При этом следует отметить наличие различных регионально-культурных аспектов в декоре ананьинской керамики в рамках АКИО. Возможно, данная территория входила в зону активных контактов между среднекамским и нижнекамским населением. Выделяется ранний комплекс ананьинской посуды, относящийся к среднему периоду развития АКИО (вторая половина VII–V вв. до н.э.), так и поздний (IV–III вв. до н.э.).

Дальнейшее существование Кривоборского городища связано с носителями азелинской (III–V вв.), еманаевской (V–IX вв.) и кочергинской (IX–XIII вв.) культур.

Благодарности. Автор выражает благодарность зав. отделом истории КОКМ, к.и.н. Л.А. Сенниковой за оказанную помощь при обработке коллекции керамики Кривоборского городища.

ЛИТЕРАТУРА

Ашихмина Л.И. Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье (по материалам керамики и жилищ) /Археология евразийских степей. Вып. 19. Казань: Отечество, 2014. 300 с.

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 274 с.

Ванчиков В.В. Памятники ананьинского времени бассейна р. Вятки // Проблемы этногенеза финно-угорских народов Приуралья /Отв. ред. В.А. Кананин. Ижевск: УдмГУ, 1992. С. 72–94.

Ванчиков В.В. Кривоборское городище: основные этапы и итоги изучения // Усть-Чепца в прошлом и настоящем: (к 90-летию со дня рождения А. М. Перевощикова) / Отв. ред. В.Н. Прокашев. ТДС II научной конференции. Кирово-Чепецк, 1995. С. 4–5.

Вечтомов А.Д.. Периодизация и локальные группы памятников ананинской культуры Среднего Прикамья // Труды IV Уральского археологического совещания / УЗ ПГУ. № 148 / Отв. ред. В.А. Оборин. Пермь: ПГУ, 1967. С. 133–155.

Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: УдмГУ, 1999. 464 с.

Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху / Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. V / МИА. № 30. М.: АН СССР, 1952. 326 с.

Ефремова Д.Ю., Соловьев Б.С. Сиухинское поселение (предварительные итоги исследований 2009–2010 гг. // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 225–240.

Кузьминых С.В., Чижевский А.А. Хронология раннего периода ананьинской культурно-исторической области // Поволжская археология. 2014. № 3. С. 101–124.

Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф., Перескоков М.Л. Динамика эволюции керамических комплексов среднего и позднего этапов ананьинской культуры в Осинском Прикамье (на примере Гремячанского поселения-святилища) // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014а. С. 292–302.

Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф., Перескоков М.Л. Современное состояние проблем изучения среднего и позденго этапов Ананьинской культуры в Прикамье // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014б. С.116–131.

Лещинская Н.А. Отчет об исследованиях Ошкинского могильника в Уржумском районе и Кривоборского городища в Кирово-Чепецком районе Кировской области в 1987 г. Ижевск, 1990. 215с. / Архив ИИКНП.

Лещинская Н.А. Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н.э.) // МИКВАЭ. Т. 27 / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: УдмГУ, 2014. 472 с.

Митряков А.Е., Черных Е.М. Вятские древности начала железного века: полтора столетия после открытия культуры «костеносных городищ // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 147–186.

Овсянников В.В. Селище Воронки – ранний памятник кара-абызской культуры // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 303–313.

Черных Е.М., Ванчиков В.В., Шаталов В.А. Аргыжское городище на реке Вятке. М.: Регулярная и хаотическая динамика, 2002. 188 с.

Чижевскиий А.А. Керамика белогорского типа в Самарском Поволжье // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 211–224.

Чижевский А.А., Черных Е.М., Хисяметдинова А.А., Митряков А.Е., Спиридонова Е.А., Кочанова М.Д., Алешинская А.С. Скорняковское городище на Вятке / Археология евразийских степей. Вып. 22. Казань: Казан. недвижимость, 2016. 156 с.

Информация об авторе:

Оруджов Эдуард Игоревич, лаборант-исследователь, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (Казань, Россия); orudzhov.eduard@mail.ru

A CERAMIC COMPLEX FROM KRIVOBOR SETTLEMENT

E.I. Orudzhov

The paper describes the primary stages of the archaeological study of Krivoborsky settlement. It contains a topographical characteristic of the settlement on the terrain. The ceramic complex of the monument from the collection of Kirov regional local lore museum is introduced into scientific discourse. The ceramics is analyzed and classified into types. According to the results of comparative typological analysis, similar features are observed in relation to the ceramics from the Middle Kama, Lower Kama and Vetluga regions. A detailed analysis of the complex determined the time of its occurrence as the 6th century B.C. Stages of the operation of Ananyinsky (6th-3rd centuries B.C.), Azelinsky (3rd-5th centuries A.D.), Emanayevsky (5th-9th centuries A.D.) and Kocherginsky (9th-13th centuries A.D.) settlements were determined by analogy with the ceramics from other archaeological sites. The Ananyino period was subdivided into the following two periods: Middle (6th-5th centuries B.C.) and Late Ananyino (4th-3rd centuries B.C.).

Keywords: ACHR, Krivibor settlement, ceramic complex, topographic plan, Kirov regional local lore museum.

About the Author:

Orudzhov Eduard I. Institute of Archaeology maned after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; orudzhov.eduard@mail.ru

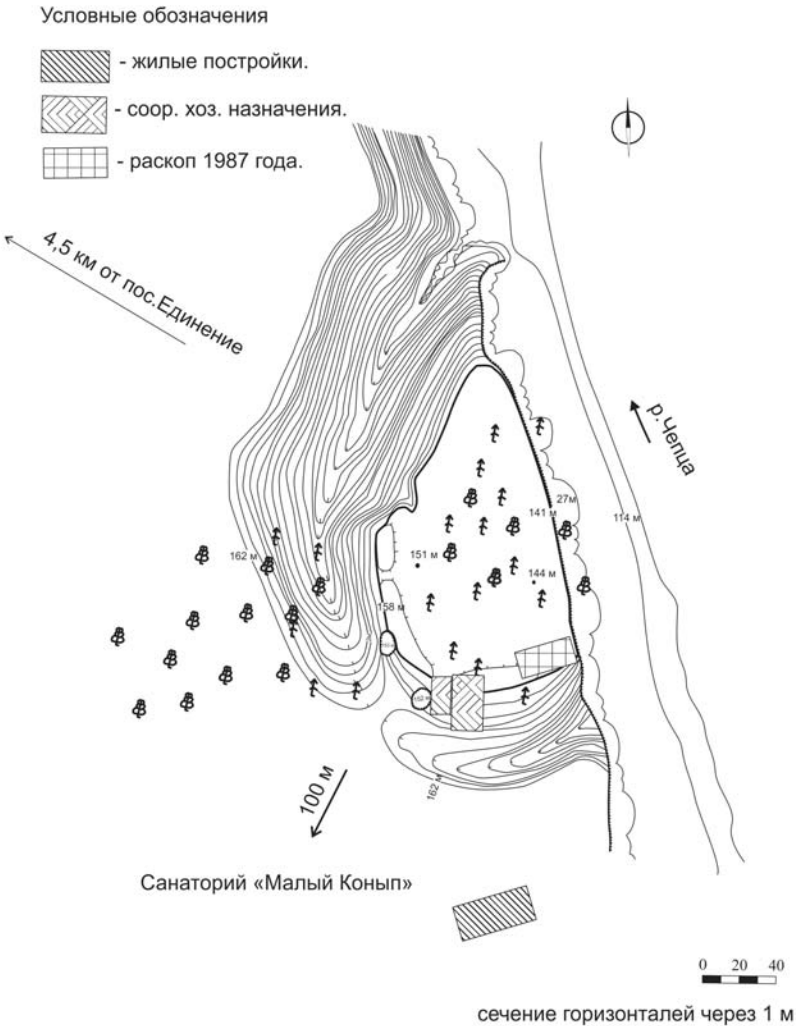


Рис. 1. Кировская область. Пос. Малый Конып. Левый берег р. Чепцы. Топографический план Кривоборского городища, 2016 г.

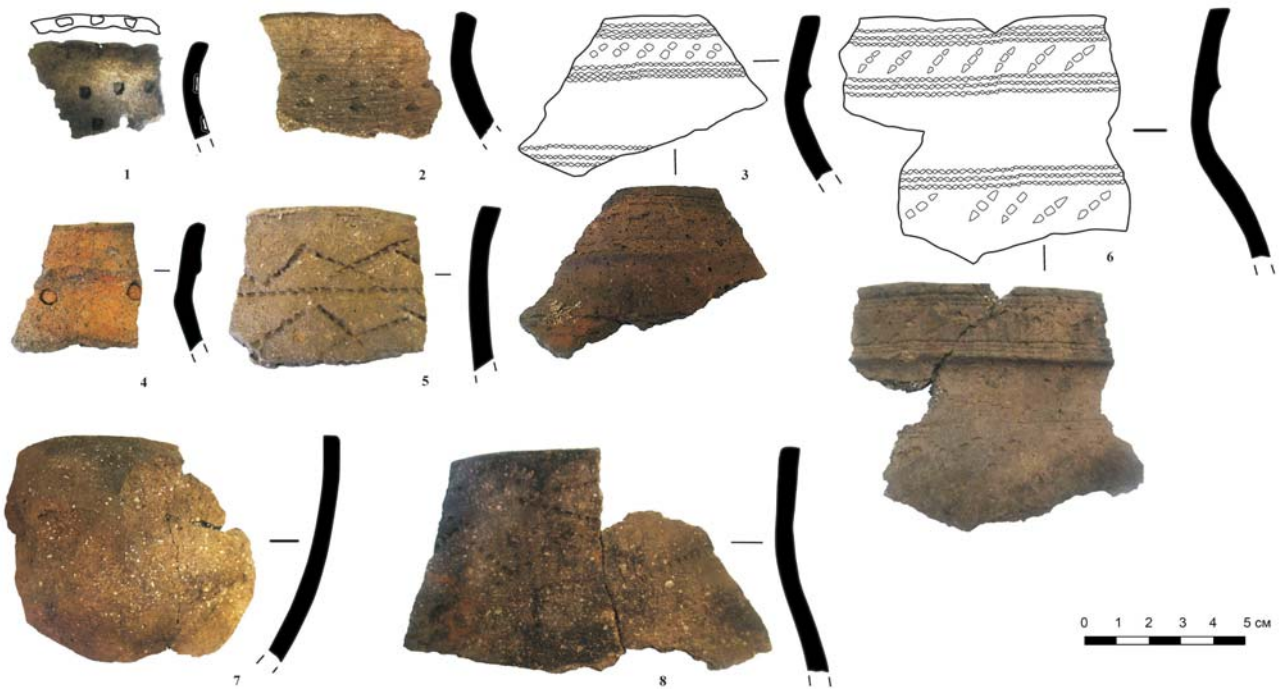


Рис. 2. Кривоборское городище. Керамика среднего периода ананьинской КИО

Рис. 3. Кривоборское городище. Керамика среднего периода ананьинской КИО

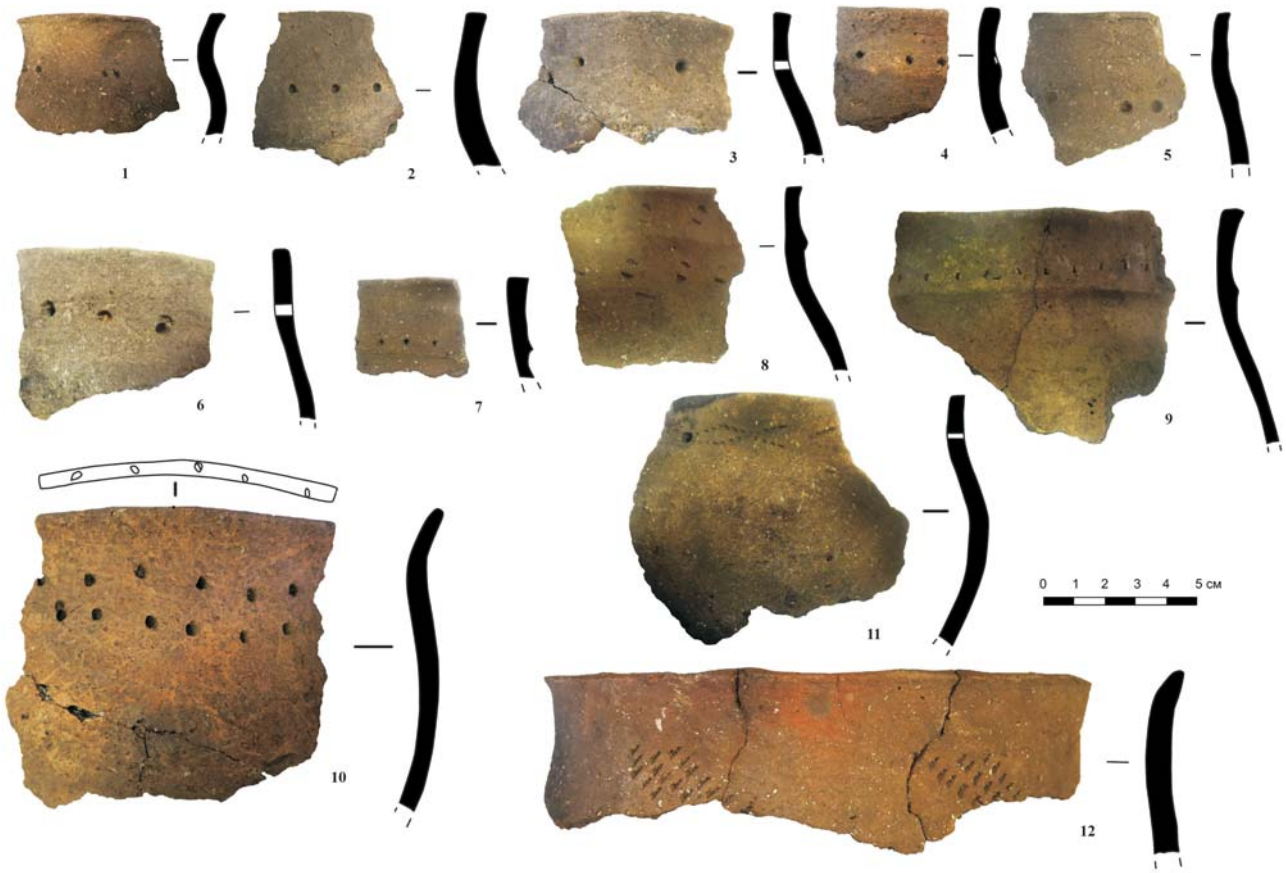


Рис. 4. Кривоборское городище. Керамика позднего периода ананьинской КИО

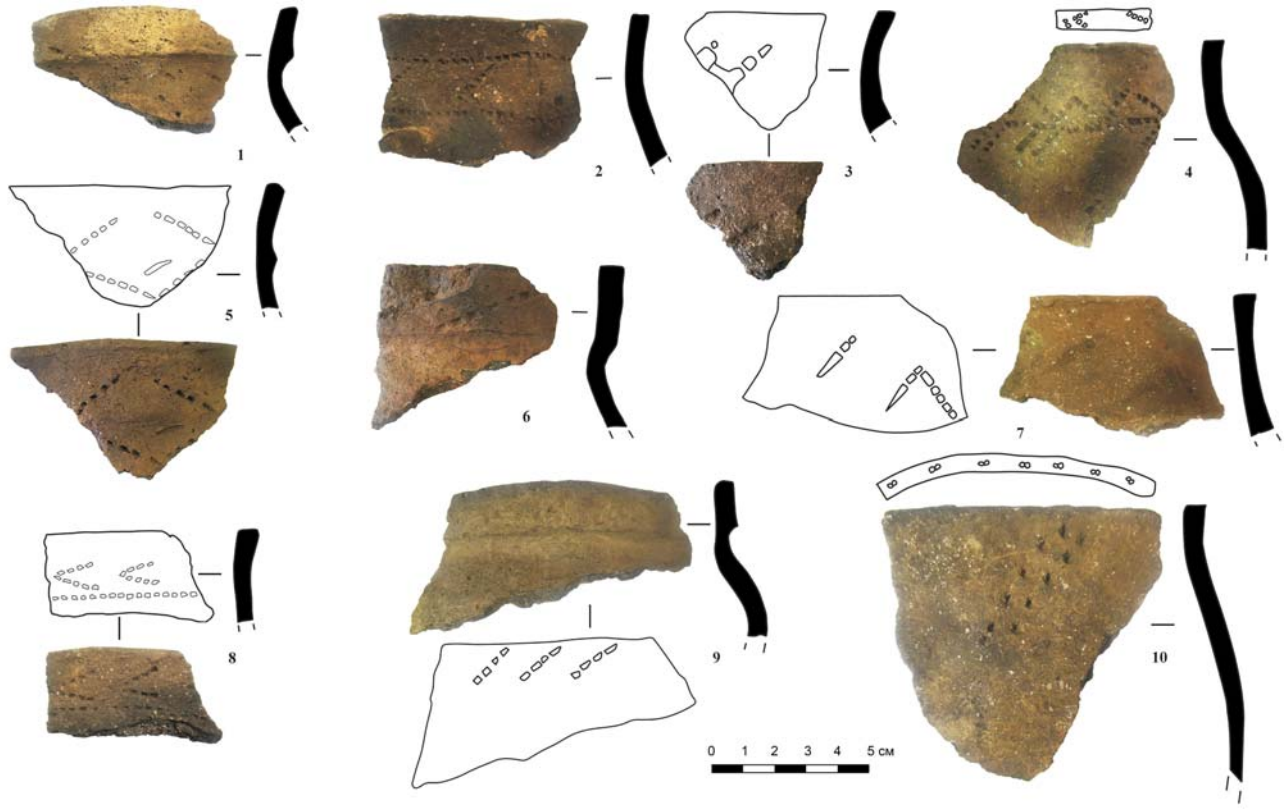


Рис. 5. Кривоборское городище. Керамика позднего периода ананьинской КИО

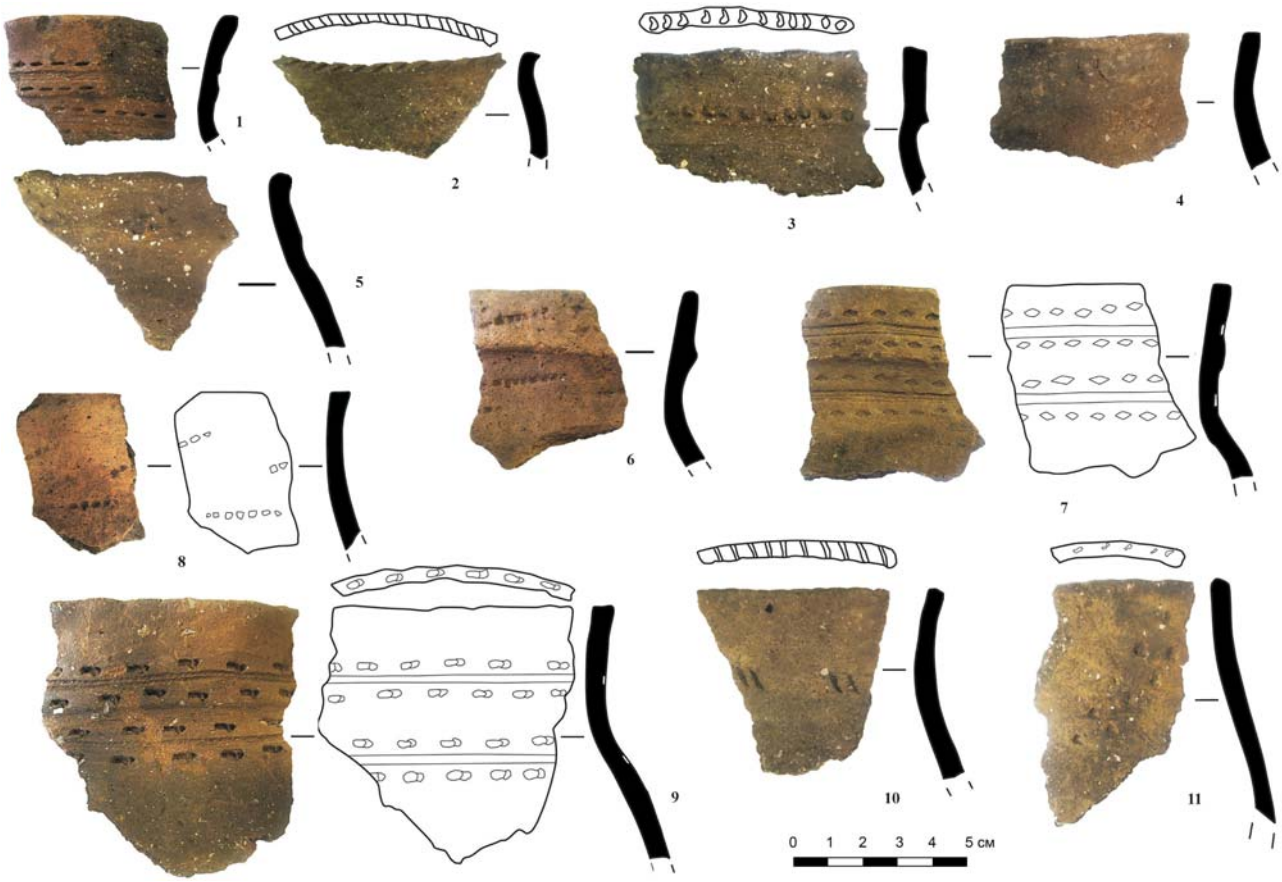


Рис. 6. Кривоборское городище. Керамика позднего периода ананьинской КИО

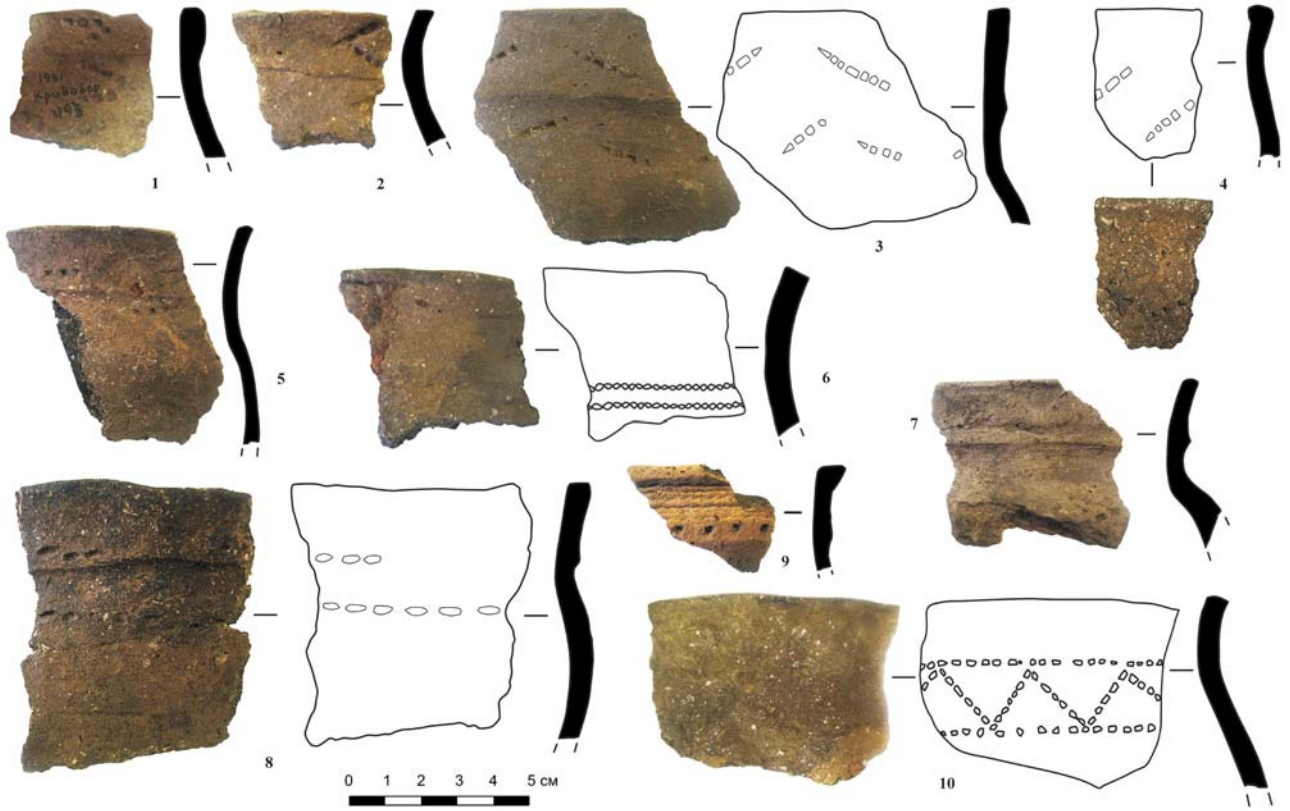


Рис. 7. Кривоборское городище. Керамика позднего периода ананьинской КИО

Рис. 8. Кривоборское городище. Керамика позднего периода ананьинской КИО

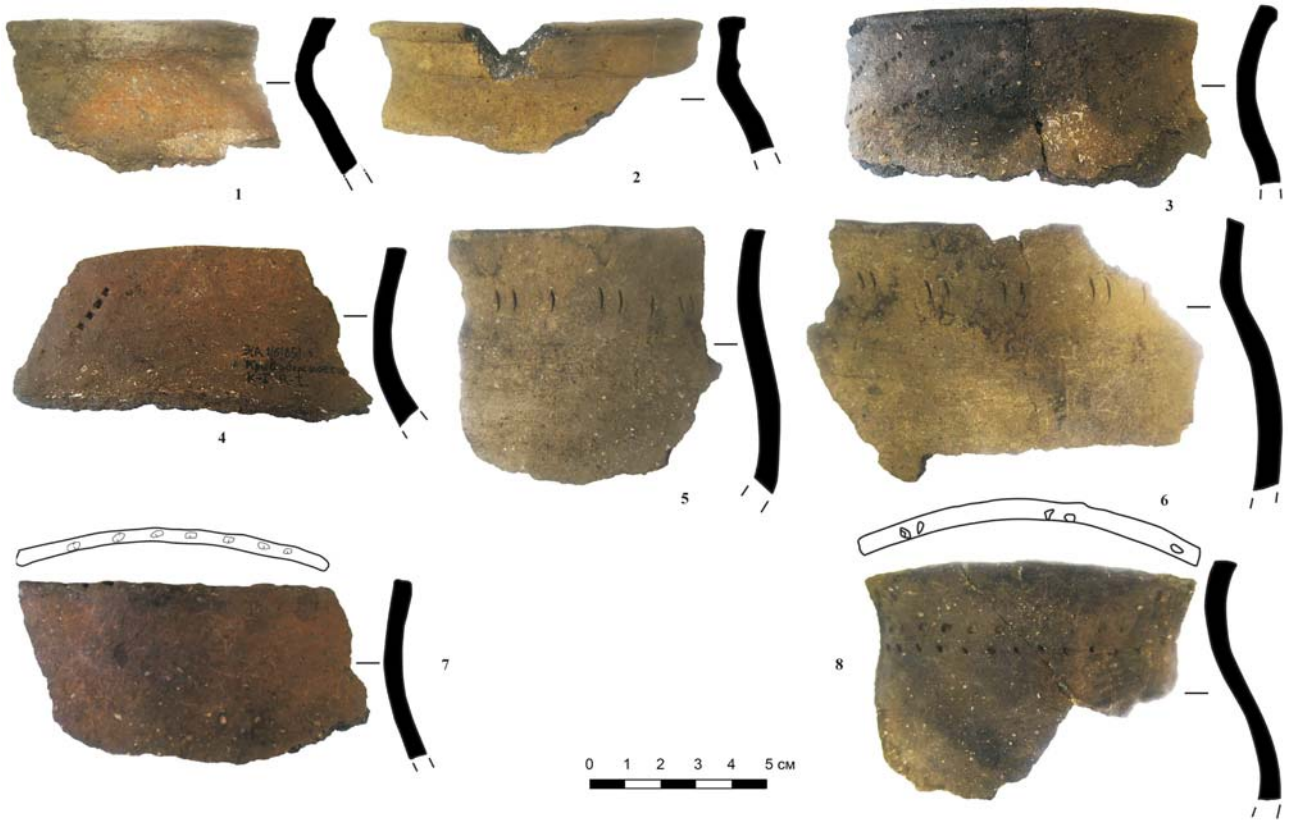


Рис. 9. Кривоборское городище. Керамика позднего периода ананьинской КИО

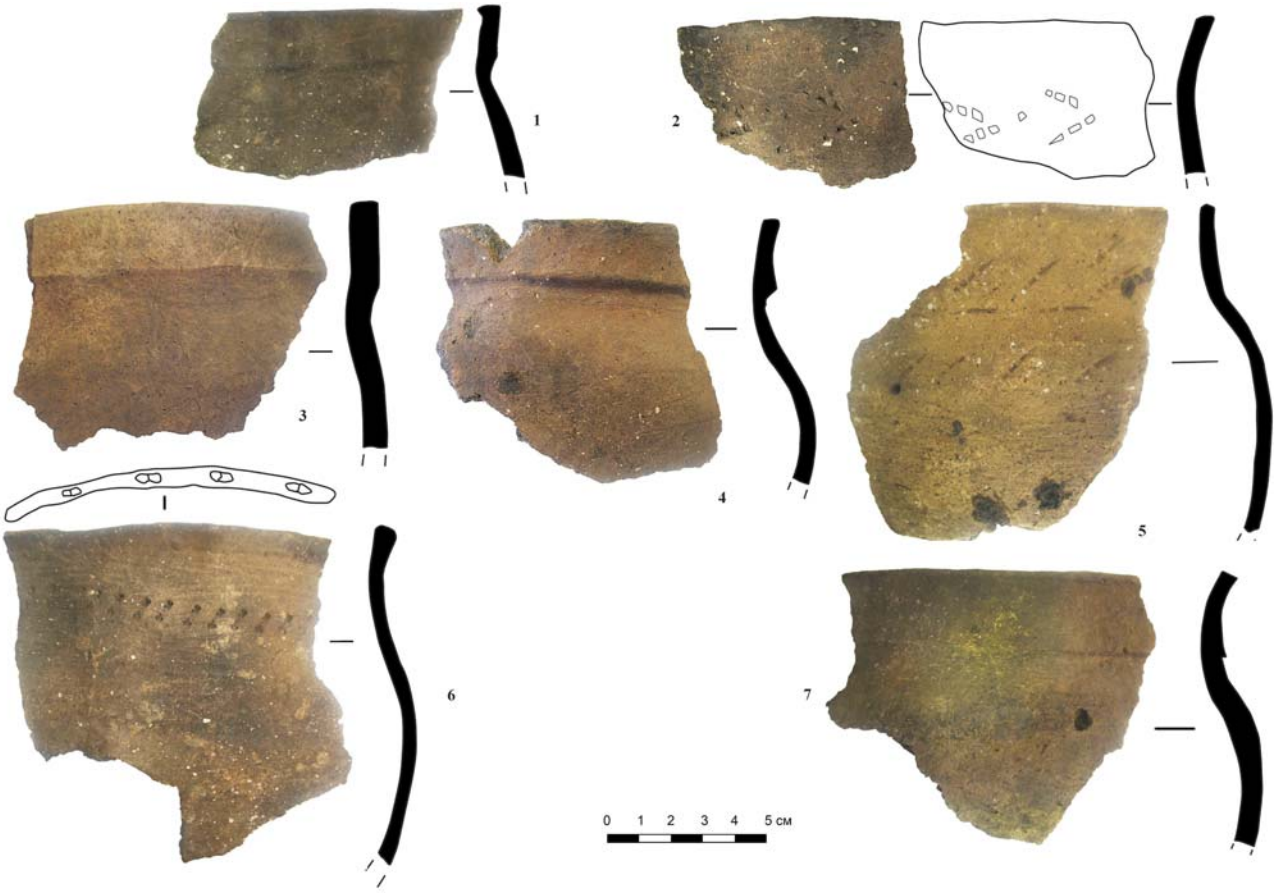


Рис. 10. Кривоборское городище. Керамика позднего периода ананьинской КИО

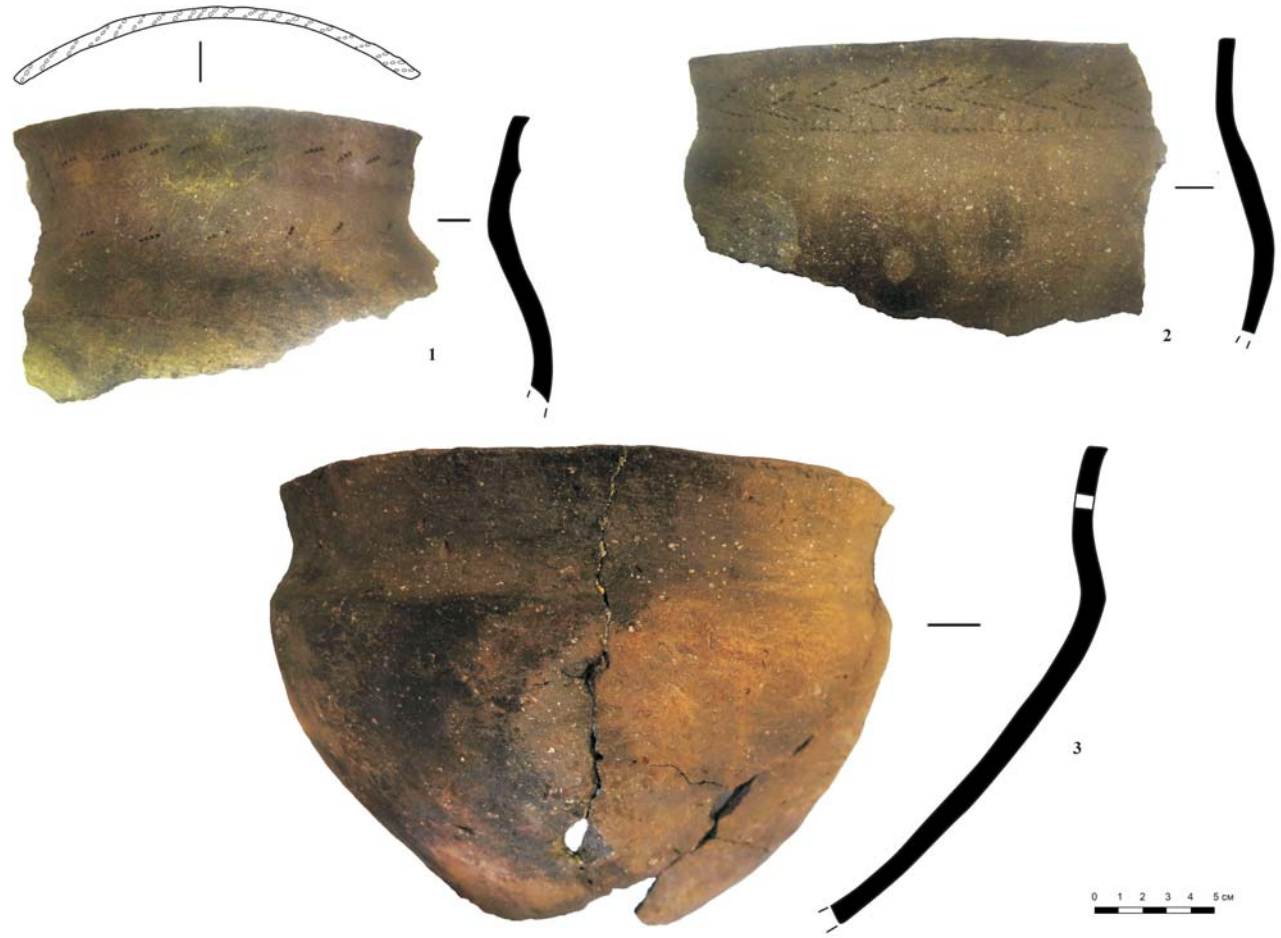


Рис. 11. Кривоборское городище. Керамика позднего периода ананьинской КИО

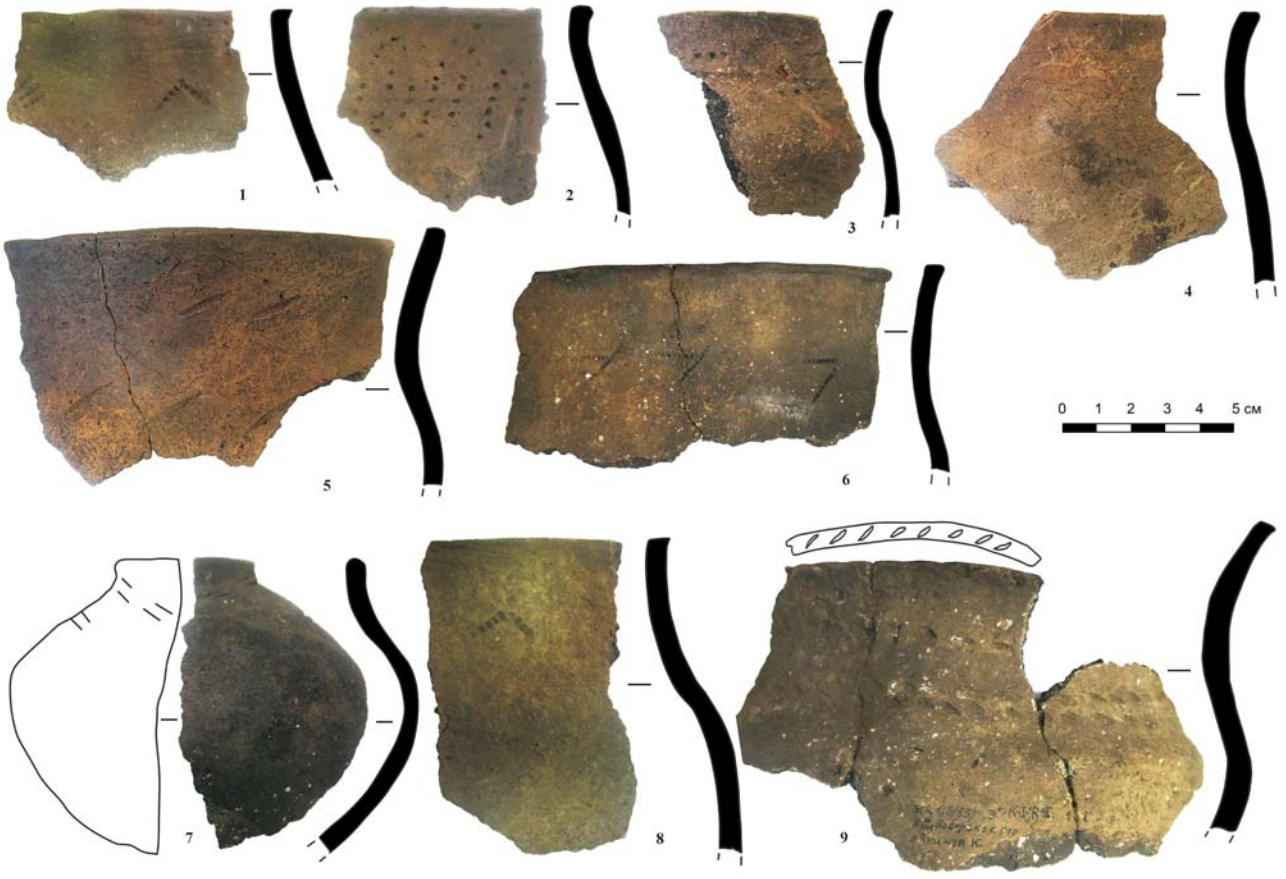


Рис. 12. Кривоборское городище. Керамика первой половины I тыс. н.э.

Рис. 13. Кривоборское городище. Керамика первой половины I тыс. н.э.

Рис. 14. Кривоборское городище. Керамика второй половины I тыс. н.э.

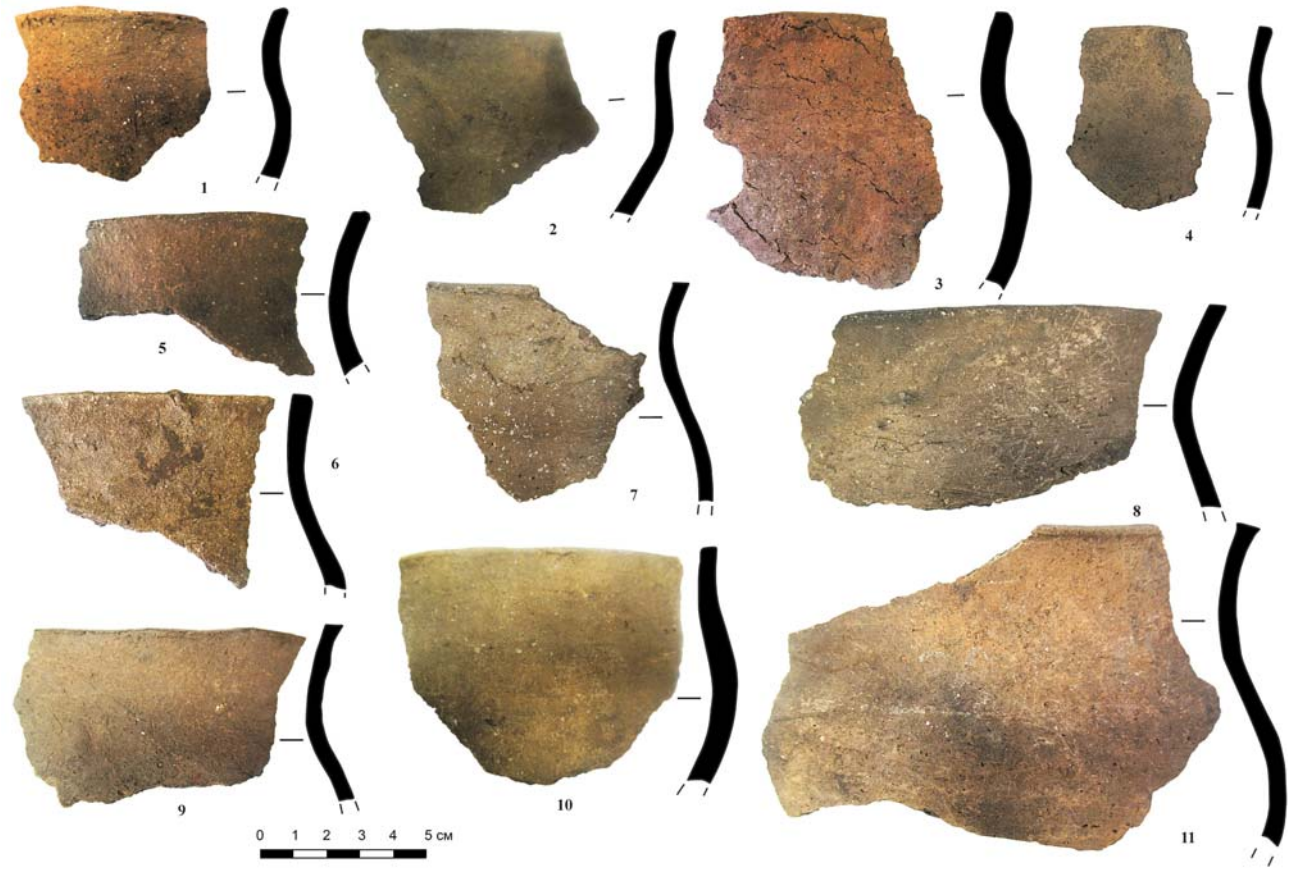


Рис. 15. Кривоборское городище. Керамика второй половины I тыс. н.э.

Рис. 16. Кривоборское городище. Керамика второй половины I тыс. н.э.

Рис. 17. Кривоборское городище. Керамика второй половины I тыс. н.э.

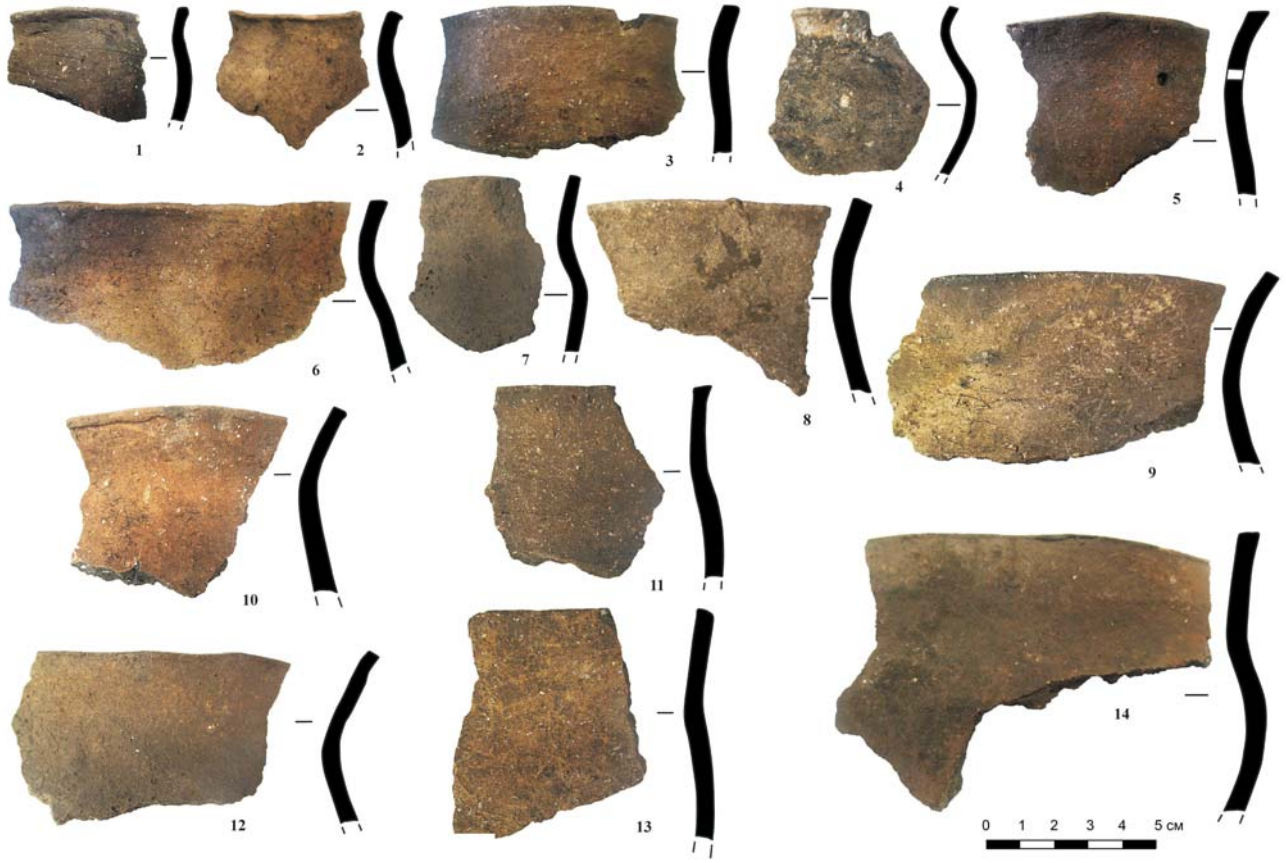


Рис. 18. Кривоборское городище. Керамика второй половины I тыс. н.э.

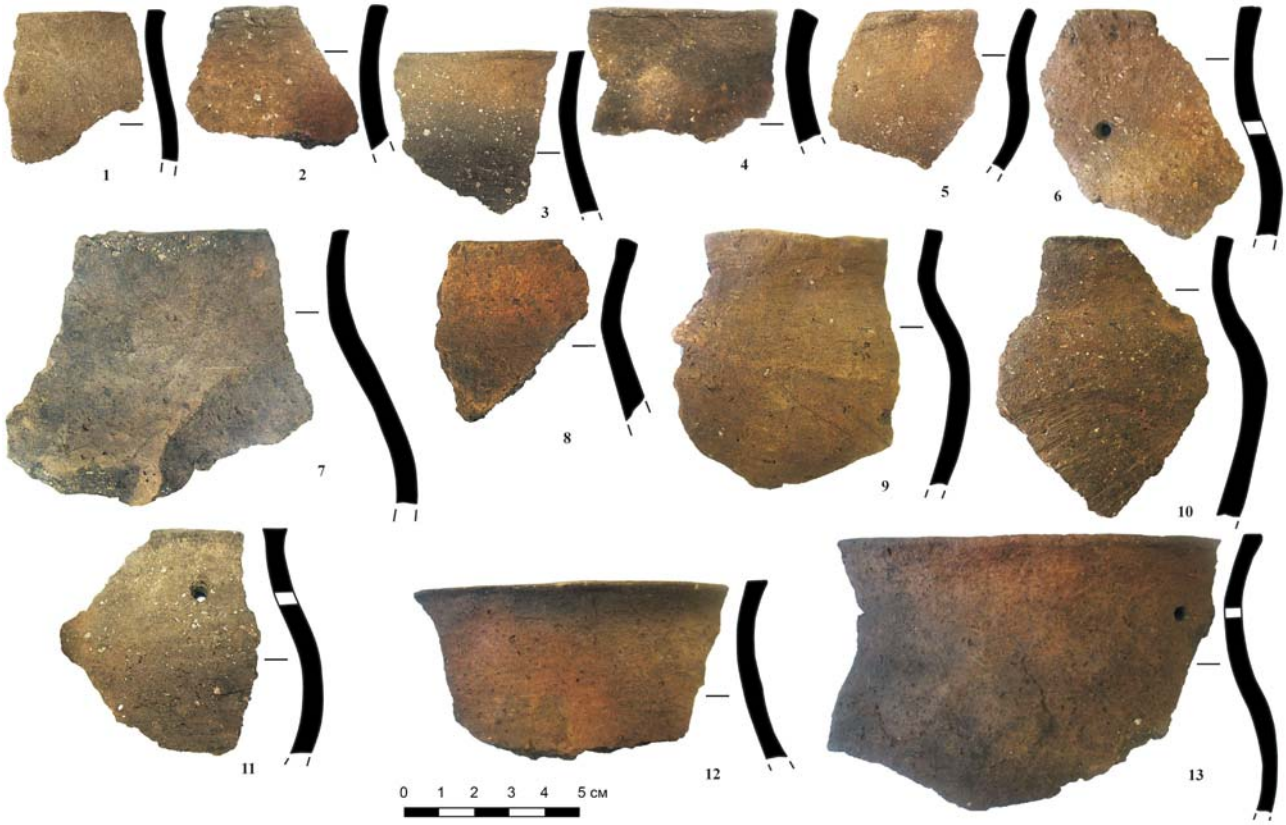


Рис. 19. Кривоборское городище. Керамика второй половины I тыс. н.э.

Рис. 20. Кривоборское городище. Керамика второй половины I тыс. н.э.

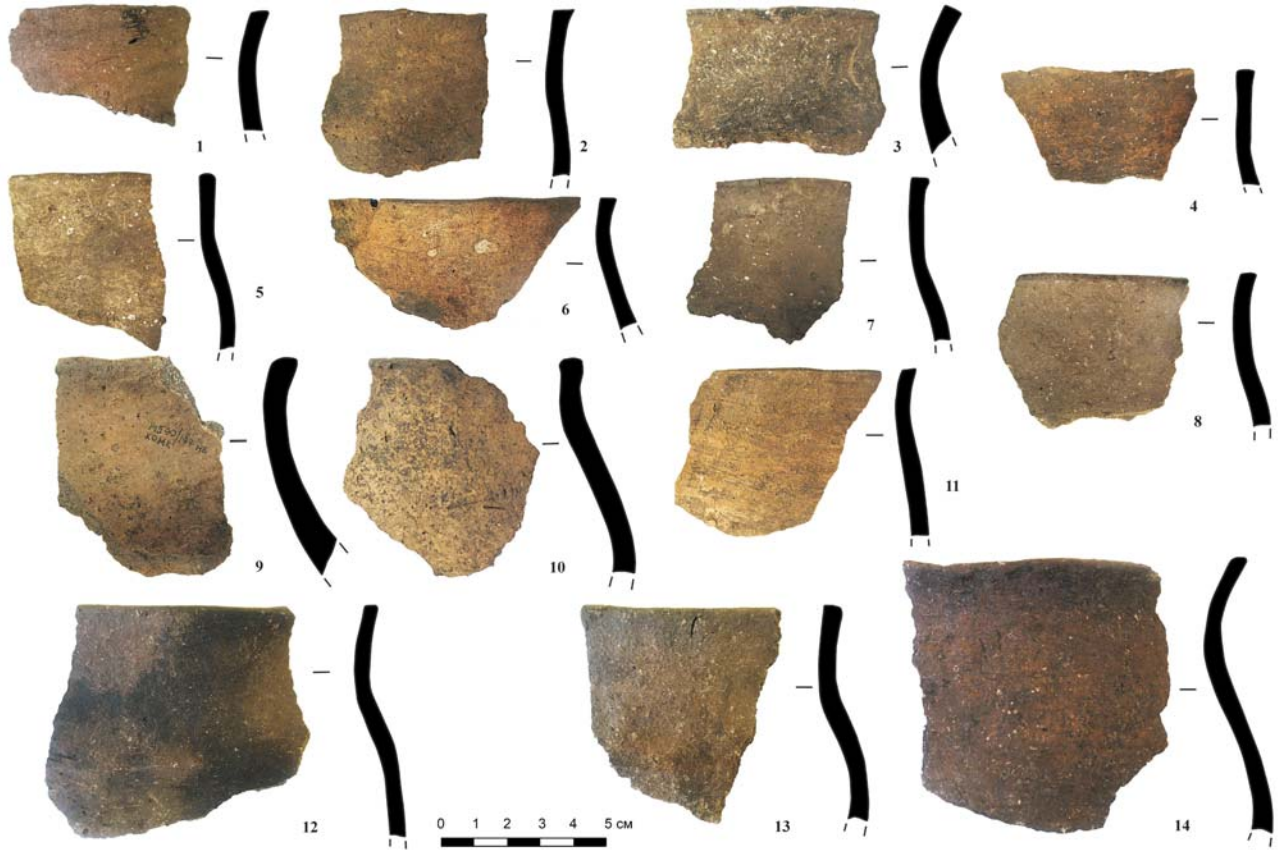


Рис. 21. Кривоборское городище. Керамика второй половины I тыс. н.э.

Рис. 22. Кривоборское городище. Керамика второй половины I тыс. н.э.

Рис. 23. Кривоборское городище. Керамика Кочергинской археологической культуры (IX–XI вв.).

УДК 902/904

АНАНЬИНСКИЕ ДРЕВНОСТИ МАРИЙСКОГО КРАЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОСЕЛЕНИЙ)

© 2017 г. В.С. Патрушев

В статье дана характеристика древностей ананьинской культурно-исторической общности начала эпохи раннего железа Марийского Поволжья (IX/VIII–VI вв. до н.э.), представленных на десяти поселениях (Ардинское, Малахайские, Копаньское, Сиухинское, Токаревское, Васильсурское, Сиухинское, Иваногорское, Мари-Луговское), а также отдельных местонахождениях. Среди вещевых комплексов наиболее многочисленна керамика. Особенности посуды Марийского края отражает коллекция Малахайского поселения (по верхним частям выделено 424 сосуда): лепные, круглодонные, обычно с примесью толченых раковин, тонкостенные, близкие к чашевидным формам. Большинство сосудов украшены шнуровыми оттисками, нередко с ямками и реже с оттисками зубчатого штампа; другая группа украшена ямками и оттисками зубчатого штампа, а третья – только ямками: без орнамента всего 7 экземпляров. Абсолютное большинство сосудов обладают всеми характерными признаками керамики АКИО. В современной классификации они могут быть отнесены к ананьинской культуре гребенчато-шнуровой керамики и постмаклашеевской. Керамика Марийского Поволжья наиболее близка к посуде памятников бассейна р. Ветлуги.

Ключевые слова: археология, ранний железный век, городища, керамика, Среднее Поволжье, ананьинская культурно-историческая общность

Древности ананьинской культурно-исторической общности в Марийском крае относятся к VIII (возможно IX: Кузьминых, Чижевский, 2014) – VI вв. до н.э. (Халиков, 1977; Патрушев, 1984, с. 129–140, 201). Это время следует считать одним из самых важных в истории Марийского края, поскольку начинается господство орудий труда из железа. Распространение железных орудий вызвало невиданное развитие экономики. Коренные преобразования в хозяйстве стали причиной прогрессивного развития общественных отношений. Новые черты в хозяйстве и обществе совпали с важнейшими этническими процессами в крае – сложением этнических основ общности волжских финнов, общих предков мари, мери и муромы (Патрушев, 1984, с. 199, 200; 1988; 1989, с. 76–78, 87, 88; 1992, с. 66). Она складывалась в эпоху развитой бронзы в контактной зоне на основе восточного от Средней Волги населения приказанской (Халиков, 1980) или маклашеевской (Кузьминых, Чижевский, 2009, с. 31–34) культуры и западных племен с «текстильной» керамикой (Патрушев, 1989, с. 67–78). На поселениях и могильниках Марийского края в начальный период эпохи железа прослеживаются признаки обеих групп населения. Поэтому в 1960–1970-х гг. Марийское Поволжье некоторые исследователи относили к западной городецкой культуре (Смирнов, 1948; 1961; Третьяков, 1966; Трубникова, 1953; Гуляев, 1962), а другие – к восточной ананьинской (Халиков, 1962; 1969; 1977; Архипов, 1973). Особым (западноволжским) вариантом ананьинской культуры ранее считал Марийско-Чувашское Поволжье и автор (Патрушев, 1971, с. 5). Однако явное отличие глиняной посуды, металлических предметов, погребального обряда памятников региона заставило пересмотреть вопрос об их культурной принадлежности, и автором они выделены в особую ахмыловскую культуру (Патрушев, 1984, с. 199, 201, 202). Наличие ананьинских и акозинско-меларских кельтов на волжских памятниках привело С.В. Кузьминых к выводу, что «погребения с ананьинскими кельтами и наконечниками копий в Старшем Ахмыловском, Акозинском, могильниках принадлежат ананьинской культуре, погребения с акозинско-меларскими кельтами в тех же могильниках – средневолжской «текстильной» культуре, которую он затем называет акозинской (Кузьминых, 1977, с. 4; 1983, с.157). Но в целом до настоящего времени нет единого мнения о культурной принадлежности памятников Марийского края начала эпохи железа (Кузьминых, Чижевский, 2009, с. 33–35; Патрушев, 2009, с. 65–71; Чижевский, 2008 и др.).

Хотя интерес к ананьинским древностям Марийского края проявляется еще в дореволюционное время и небольшие исследования проводились в 1926, 1930-х и начале 1950-х гг., однако лишь после организации Марийской археологической экспедиции в 1956 г. под руководством крупнейшего специалиста по древней истории Среднего Поволжья А.Х. Халикова исследования памятников эпохи раннего железа принимают система-

тический и плановый характер (Халиков, 1962, 1977, с. 8–11, 21–44). Марийской археологической экспедицией и Археологической экспедицией Марийского государственного университета были проведены широкие разведочные обследования в Марийском Поволжье и прилегающих районах и раскопки Старшего Ахмыловского, Акозинского, Козьмодемьянского могильников (Патрушев, Халиков, 1982; Патрушев, 2013; Большов, 1988), Сиухинского, Токаревского, Копаньского, Малахайского, Васильсурского, Иваногорского, Мари-Луговского поселений (рис. 1) (Халиков, 1962; Патрушев, 1971; 1982; 1986, с. 25–27). Экспедицией Марийского университета совместно с экспедицией Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории исследовано Ардинское городище (Архипов, Патрушев, 1986).

Характеристике материалов раскопок поселений АКИО начала РЖВ Марийского Поволжья и прилегающих районов, причем с наиболее многочисленными комплексами, посвящена данная работа.

Поселения представлены 7 городищами (Копаньское, Васильсурское II, Ардинское, Токаревское, Хмелевское, Звениговское, Ельниковское) и тремя селищами (Малахайское, Сиухинское, Мари-Луговское). Характер двух поселений не определен (Иваногорское, II Акозинское). Городища в основном появились в эпоху раннего железа в результате освоения железа, вызвавшего глубокие перемены в экономике древнего населения. Развитие производительных сил, накопление ценностей стало причиной частых военных столкновений между первобытными общинами. Городища возникли как средство защиты ценностей в виде стад домашнего скота и запасов хлеба (Халиков, 1969, с. 282). Необходимость укрепления поселений отразилась и в выборе места городищ. Для них, в первую очередь, использовались труднодоступные высокие мысы, образованные террасой крупных рек и оврагами с крутыми склонами. Относительно узкая площадка мыса с напольной, не защищенной природой стороны укреплялись глубоким рвом и высоким, насыпанным из вынутой со рва земли валом. Вокруг площадки могли существовать и другие укрепления в виде деревянного частокола или плетня, обмазанного глиной, следы которых не сохранились.

Васильсурское II городище (рис. 1, 2). Городище расположено в 500 м к ЮВ от южной окраины рабочего поселка Васильсурска Воротынского района Нижегородской области на высоком мысу правого берега р. Суры, недалеко от ее впадения в р. Волгу (Халиков, Безухова, 1959; Халиков, 1962, с. 138). Площадка городища подтреугольной формы (80×30 м), площадью 1250 м^2 (Халиков, 1977, с. 8, табл. 1), густо заросшая лиственным лесом, ограничивается крутыми склонами высотой до 80 м, а с северо-востока ограждена высоким шишкообразным валом и глубоким рвом. Поселение было обнаружено и исследовано МАЭ под руководством А.Х. Халикова (1962) в 1958–1959 гг. Всего здесь вскрыта площадь в 836 м^2. Во всех раскопах отмечена характерная деталь – увеличение мощности культурного слоя по склонам площади; центральная часть площадки содержит лишь слой середины 1 тыс. н.э. мощностью 20–30 см. Стратиграфия культурных напластований выявила четыре разновременных памятника. Материал верхнего слоя в виде темно-серой супеси мощностью до 45 см датирован серединой 1 тыс. н.э. Под ним располагался слой коричневато-серой гумированной супеси мощностью до 90 см, содержащий находки I тыс. до н.э. После переходного слоя желтовато-серой супеси идет слабо гумированный суглинок серовато-желтого цвета с находками, характерными для эпохи бронзы. В слое начала РЖВ вместе с многочисленными фрагментами керамики ананьинского облика и посудой с «текстильной» поверхностью обнаружены костяные черешковые наконечники стрел двух типов (четырехгранный в сечении с одним боковым шипом и ромбический в плане с уплощенным черешком), поясной крючок, мотыжка и рукоять ножа из рога. Посуда Васильсурского II городища представлена двумя группами: а) круглодонными сосудами с примесью толченых раковин или иногда песка, с заглаженной поверхностью, орнамент – ряды ямок, нередко в сочетании с горизонтальными зонами шнуровых оттисков и в одном случае – с вертикальными отпечатками мелкозубчатого штампа; б) круглодонными сосудами с примесью песка в тесте, цилиндрическим горлом и плавным переходом шейки в тулово, «текстильными» отпечатками по внешней поверхности; орнамент – один или два ряда круглых ямок или клиновидных углублений (Халиков, 1962, с. 138; Халиков, Безухова, 1959, с. 123–156; Патрушев, 1986, с. 9).

Хмелевское городище (рис. 1: 3). Расположено в 800 м к западу от д. Хмелевки близ рабочего поселка Васильсурск Воротынского района Нижегородской области на узком мысу правого берега р. Волги между двумя оврагами. Площадка городища подчетырехугольной формы (40×10 м) вытянута с юга на север с небольшим отклонением к западу. К югу она поднимается и в наиболее узкой части (ширина 8 м) имеет сильно оплывший шишкообразный вал (14×9 м) высотой около 2 м. Ров прослеживается слабо. Памятник открыт и обследован МАЭ в 1958 г. под руководством

А.Х. Халикова (1962). Тремя траншеями шириной 1 м и шурфом (3×1 м) в юго-восточной части памятника под дерном выявлен слабый культурный слой (5–10 см). По склонам в результате оползней слой увеличивается до 25–40 см. Культурный слой поселения дал две разновременные группы материала: 1 – эпохи бронзы (поздний период балановской культуры) из фрагментов круглодонной посуды с примесью шамота, песка и толченых раковин в тесте, кремневых отщепов, скребка и медного четырехгранного шила; 2 – эпохи раннего железа из фрагментов керамики, аналогичной посуде Васильсурского городища II. По аналогии с посудой Васильсурского II городища керамический материал Хмелевского городища датирован VII–V вв до н.э. (Халиков, 1959, с. 118–122).

Копаньское городище (рис. 1: 5). Расположено в 1 км к СЗ от д. Копани Троицко-Посадского сельсовета Горномарийского района Республики Марий Эл на крутом мысу правого берега р. Волги между двумя глубокими оврагами. Площадка городища подтреугольной формы длиной около 60 м и шириной немногим больше 25 м покато опускается с СВ на ЮЗ, где она переходит в крутой обрыв, разрушаемый весенними водами. Малодоступны также юго-восточные склоны мыса. С северо-восточной стороны площадка ограждена шишкообразным валом шириной около 20 м и высотой до 2 м (рис. 2). Наружный ров заплыл и почти незаметен. Площадка городища хорошо задернована и свободна от древостоя. Южный склон мыса к р. Волге переходит в узкую стрелку и покрыт густым лиственным лесом. С площадки городища открывается широкий вид на волжские просторы.

Первые сведения о Копаньском городище получены в 1928 г. от сотрудников Козьмодемьянского музея. В 1929 г. сотрудником Антропологической комплексной экспедиции МГУ Е.И. Горюновой на площадке городища и на валу были заложены раскопы общей площадью 46 мI (Халиков, 1962). Материал раскопок 1929 г. частично сохранился в Национальном музее Республики Марий Эл им. Т. Евсеева. В 1952 г. на городище небольшие раскопки произвела Р.В. Чубарова (1953), а в 1958 г. городище осмотрено А.Х. Халиковым (1962). В 1964 и 1971 гг. раскопки городища производились автором (Патрушев, 1965; 1972). Четырьмя раскопами и траншеей общей площадью 588 м^2 вскрыта почти вся свободная площадь городища, где содержится культурный слой. По трубчатой пронизке из свернутой медной пластины, бронзовой круглой накладке, аналогичным украшениям головного убора из Акозинского могильника VII–VI вв. до н.э., бронзовой бляшке с четырьмя выпуклинами VI в. до н.э. (по: Либеров, 1956, с. 149), городище еще в 1964 г. датировано VI в. до н.э. Такая дата подтвердилась находками 1971 г. (рис. 3): обломком железного топора (по: Замятнин, 1961, с. 31) и парной бляшкой из бронзы (рис. 3: 4, 10). Тогда же были найдены фрагменты тиглей двух форм – с плоским и уплощенным дном (рис. 3: 7, 8). Высота первых достигает до 4,2–5,2 см, диаметр 3–4 см, толщина 10–13 мм.

Из глины изготовлены пряслица из стенки сосуда, овальное в сечении и одно грибовидное, «дьякова» типа, украшенное по одной широкой поверхности ямками (рис. 3: 3, 4). Обнаружены также фрагменты литейной формы для отливки украшений и глиняной плиты подпрямоугольной формы толщиной 1,6 см, шириной 14 см (рис. 3: 14). Последняя по одной широкой плоскости у края длинных сторон имеет желобки. В тесте присутствует примесь песка. Плита хорошо обожжена. О назначении плиты говорить трудно. Она могла служить, судя по обожженной поверхности, формой для отливки медных пластин. Костяные изделия немногочисленны (рис. 3: 5, 9, 13). Это рукоять ножа, пластинчатый наконечник стрелы с черешком, наконечник мотыги из трубчатой полой кости с отверстием для крепления. Она могла служить, судя по обожженной поверхности, формой для отливки медных пластин. Найдена также низкая тарелочка из человеческого черепа диаметром около 12 см (рис. 3: 12) и костяная лопаточка, возможно, используемая в бортничестве (рис. 3: 9). Все находки относятся к VII–VI вв. до н.э. (Патрушев, 1986, с. 14).

Ардинское городище расположено в 300 м к ЮВ от д. Сенюшкино Килемарского района Республики Марий Эл и занимает мыс длиной 58 м, выступающий с запада на восток от коренной террасы речки Арды, левого притока р. Волги. Ширина заросшей лесом площадки 28–30 м. Площадь около 1600 м^2. Высота площадки от уровня поймы речки 17–18 м (рис. 4). С напольной стороны имеется дугообразный вал высотой около 2 м от прилегающей части площадки городища и 3,5 м от дна рва. Вал расплывчатый, а ров несколько заплывший. Вал и ров каждый имеют ширину около 10–11 м.

Памятник исследовался совместной экспедицией МарГУ и МарНИИ (Архипов, Патрушев, 1976; Архипов, Патрушев, 1982). Три раскопа и траншея общей площадью 456 м^2 выявили два культурных слоя. Верхний, представленный темно-серой гумированной супесью мощностью 10 –20 см, а у вала до 50 см, дал материал древнемарийской культуры: фрагменты плоскодонной керамики серого и коричневого цветов с примесью в тесте шамота без орнамента или реже с ямочными вдавлениями, кости животных, обломки терочных

плит, куски железной крицы и нож с прямой спинкой. Нижний слой городища, относящийся к раннеананьинскому времени, состоял из светло-серой гумированной супеси мощностью от 10 до 75 см. В южной части площадки городища этот слой выклинивается. Количество находок ананьинского времени увеличивалось к северу, где слой подстилается углисто-золистой прослойкой. Возможно, в древнемарийский период площадка разравнивалась и культурный слой более раннего времени оказался по краю площадки городища или же по склонам. Именно в квадратах по склону обнаружено основное число находок. Кроме многочисленных фрагментов керамики и костей животных здесь обнаружены (рис. 5: 1–13): фрагменты пластин из бронзы, одна из них с треугольными узорами, кремневый черешковый наконечник стрелы с подтреугольным пером, железный нож с дуговидной спинкой, фрагменты глиняных тиглей, оселков из плотного коричневатого песчаника, лопаточная кость животного с вырезанными знаками в виде двойных ломаных линий. Интерес представляют крупные фрагменты от двух половинок литейных форм из плотного серого песчаника для отливки наконечников копий ананьинских форм. Подобные бронзовые наконечники характерны для VII–VI вв. до н.э. Этим же временем может датироваться нижний слой городища.

Токаревское городище расположено на узком останце мыса второй террасы правого берега Волги в 1,5 км к ВСВ от д. Токари Кузнецовского сельсовета Горномарийского района Республики Марий Эл (рис. 1: 18). Площадка городища длиной 40 и шириной до 12 м относительно ровная и в настоящее время сильно разрушается. По свидетельству местных жителей, раньше на площадке находился сторожевой двор Токаревского перевоза (в данное время он выстроен западнее) и площадка использовалась под огород. Северо-западный край площадки заканчивается небольшим возвышением – расплывшимися и разрушенными остатками вала. Поселение открыто в 1951 г. Р.В. Чубаровой, в 1958 г. обследовано А.Х. Халиковым (1962). Им установлено наличие на памятнике остатков стоянки волосовской культуры и поселения РЖВ, материал которого близок комплексам Васильсурского II городища VII –V в. до н.э. (Халиков, 1962, с. 102–104). В 1970 г. городище исследовалось автором (Патрушев, 1970). Раскоп общей площадью 92 м^2 дал следующую стратиграфию культурных напластований: 1 – дерн и поддерновая супесь (5 –10 см); 2 – темная гумированная подзолистая супесь, на некоторых участках с угольками (12–25 см), представляющая собой перемешанные слои эпох бронзы и раннего железа, а также содержащая строительный мусор и железные вещи недавнего прошлого. Ниже идет материк – коричневатый суглинок. Разрез вала в северо-западной части раскопа выявил единовременную его насыпку в ананьинскую эпоху, сильно разрушенную при прокладывании дороги. Северо-западная часть вала не сохранилась. Не осталось и следов рва. Прежде вал, вероятно, имел сложную конструкцию, о чем свидетельствуют углистая прослойка в юго-восточном склоне вала, наличие камней и кусочков обожженной глины.

Вещественные материалы эпохи раннего железа представлены фрагментами круглодонной посуды с примесью песка и толченых раковин в тесте. Всего выделено 14 сосудов. Три сосуда с раковинной примесью в тесте содержат «текстильные» отпечатки. Керамический комплекс Токаревского городища имеет близкие аналогии в посуде Васильсурского II городища. Токаревское городище по расположению отличается от остальных рассмотренных городищ. Подобное расположение на невысоких мысах более характерно для селищ.

Звениговское городище, известное как городище Карабаши (рис. 1: 27), расположено на мысу, образованном коренной террасой правого берега р. Волги и оврагом, в 3 км к западу от г. Звенигово Республики Марий Эл (рис. 7) (Патрушев, 1979). В 6 км к ЮВ от городища находится деревня Карабаши (Чувашская Республика).

Площадка памятника (62×28–38 м), вытянутая с ВЮВ на ЗСЗ, хорошо задернована и покрыта лиственным лесом. С напольной стороны четко прослеживается тройная линия укреплений (рис. 6). Первый вал шириной 12, длиной 42 и высотой 2,5 м. К западу от рва имеется свободная площадка шириной 12–14 м. Вторая и третья линии укреплений имеют более узкие и длинные валы и рвы подковообразной формы (рис. 6). Городище известно с 1930-х гг., обследовано в 1977 г. разведочным отрядом и частично раскапывалось в 1978 г. экспедицией МарГУ (О.В. Данилов, В.С. Патрушев). Траншеи в северо-западной и восточной частях площадки выявили стратиграфию: 1 – дерн, перегной – 5–7 см; 2 – темный гумированный суглинок – 10–72 см (культурный слой), 3 – светлый суглинок (материк). В культурном слое, мощность которого возрастает по склону площадки, найдены немногочисленные фрагменты древнемарийской плоскодонной керамики с примесью шамота без орнамента, кости животных и керамика ананьинского облика с примесью толченых раковин в тесте, украшенная шнуровыми оттисками, круглыми, подтреугольными и глазчатыми ямками (рис. 14: 1–11) (Патрушев, 1986, с. 19, 20). Среди находок встречены и

небольшие фрагменты посуды с «текстильными» оттисками. Материал раннеананьинского времени близок керамическим комплексам памятников VII–VI вв. до н. э. Марийского края и может датироваться этим временем.

Ельниковское городище (рис. 1: 21) расположено на правом берегу р. Волги в 2 км севернее д. Ельниково Чебоксарского района Чувашской Республики. Площадка городища (58–20 м) занимает узкий мыс подтреугольной формы между двумя оврагами и возвышается над уровнем р. Волги на 35 м. В юго-восточной части площадка защищена валом высотой 2,5 м и рвом шириной 3,3 м, глубиной 0,5 м. (Каховский, 1960; Третьяков, 1948, с. 66). Остатки расплывшегося вала длиной 8 м и высотой 0,3 м прослеживается также в северо-восточной части площадки. Площадка покрыта лесом. Городище впервые обследовано П.Н. Третьяковым в 1930 г., но разведочные раскопки находок не дали. В 1960 г. В.Ф. Каховским четырьмя раскопами и двумя шурфами вскрыто 76 м^2. Культурный слой мощностью до 25 см в виде гумированного подзола темно-серого цвета залегал под задернованным светло-серым подзолом. В культурном слое на разных участках площадки выявлены очажные пятна диаметром до 45 и мощностью до 30 см, заполненные углем и золой. Вокруг них отмечены скопления фрагментов сосудов и костей животных. В керамическом материале городища преобладают фрагменты тонкостенных лепных сосудов серого цвета с заглаженной поверхностью с примесью толченых раковин, песка, шамота и дресвы в тесте. Дно круглое. Большинство сосудов с плавным переходом прямого, прикрытого или отогнутого горла в слабо выпуклое тулово. В верхней части сосуды орнаментированы круглыми ямками, клиновидными углублениями, горизонтальными зонами шнуровых (на одном – зона коротких вертикальных) оттисков, крупнозубчатым штампом.

Ельниковское городище В.Ф. Каховским отнесено к ананьинской культуре и датировано серединой I тыс. до н.э. Исследователь указывает, что керамика содержит сложный и богатый орнамент, сближающий ее с посудой ветлужских городищ. Однако облик сосудов более близок к западноволжским раннеананьинским памятникам – Малахайскому селищу и Копаньскому городищу, датированным VII–VI вв. до н. э. Отмеченная В.Ф. Каховским сложная и богатая орнаментация посуды, скорее всего, является не территориальным, а хронологическим признаком и указывает на раннюю дату памятника. Поэтому нижнюю дату городища, очевидно, следует ограничить VI в. до н.э.

Малахайские поселения (рис. 1: 15). Поселения расположены в 1,5 км к СЗ от д. Токари Кузнецовского сельсовета Горномарийского района Республики Марий Эл на правом берегу р. Волги (рис. 7). На коренной террасе, возвышающейся над уровнем Волги на 30–40 м, расположено Малахайское городище с двумя линиями укреплений, а за его валами – неукрепленное поселение и под ними на второй террасе – селище.

Все поселения, как показали обширные раскопки автора, в основном дали близкий керамический материал: фрагменты сосудов раннеананьинского восточного облика с заглаженной поверхностью, гребенчато-шнуровым и ямочным орнаментом, и примесью толченых раковин в тесте и небольшое число посуды с ниточно-рябчатыми отпечатками и примесью песка (Патрушев, 1972; 1982).

Вскрытие значительной части памятников позволяет создать более целостную и правильную картину их использования древними племенами. Прежде всего, это касается укрепленного поселения. На раскопанной части памятника не встречена городецкая керамика. Поэтому его культурная принадлежность должна быть пересмотрена: отнесение к городецкой культуре (А.П. Смирнов, П.Н. Третьяков, Н.В. Трубникова, А.Х. Халиков) строилось на ошибочном отождествлении «текстильной» керамики с городецкой посудой. На городище неравномерно представлены три эпохи:

1. Единичными фрагментами керамики чирковско-сейминского облика представлена эпоха развитой бронзы. Стратиграфически слой с находками этой эпохи не выделяется.

2. К РЖВ относится керамика АКИО и обнаруженная в тех же слоях и объектах «текстильная» керамика. Мощность слоя в виде серой супеси по склонам достигает до 80 см.

3. Картину длительного использования городища в железном веке раскрывают многочисленные находки керамики древнемарийского облика. Слой темно-серой супеси с находками этого времени доходит до 40–60 см. В этом же слое найдены два фрагмента булгарской керамики.

Для нас особый интерес представляет жилище ананьинского времени. Судя по углистой массе на месте жилища и стратиграфическим наблюдениям, оно было наземного типа размерами 12,4×3,4 м со слабо углубленным в землю котлованом, деревянными стенами, очевидно, из бревен, поддерживаемых с двух сторон столбами, двускатной крышей, опирающейся на балку и стену.

Внутри жилища находились два очага (один из них был обложен известняковыми и песчаниковыми каменными плитами). Жили-

ще было вытянуто с запада на восток. В жилище можно было попасть с помощью крытого хода, расположенного по южной длинной стене дома. К северной стене с внешней стороны примыкал пристрой или навес.

Кроме многочисленных фрагментов керамики (700 сосудов ананьинского облика и 12 с «текстильной» поверхностью), на городище обнаружены тигли для плавки металла, терочники, песты и растиральные плиты, каменное ядро для пращи, наковальни из плотного песчаника, костяной предмет с отверстием (он напоминает мундштук духовых музыкальных инструментов марийцев), наконечники стрелы из кости. Керамика и другие находки аналогичны материалам VII–VI вв. до н.э. из памятников Марийского края. Этим же временем можно датировать слой начала РЖВ Малахайского городища и отнести его к числу памятников со смешанными восточными (АКИО) и западными (культуры «текстильной» керамики) чертами. В связи с планирующейся подготовкой отдельной работы автора по характеристике вещевых комплексов городища и верхнего селища в данной работе они не привлекаются.

Нижнее поселение практически исследовано полностью. Несмотря на значительные нарушения культурного слоя вследствие процесса берегового разрушения на селище изучены остатки двух жилищ. Это были прямоугольные в плане наземные сооружения шириной 4,7–5,1 м (длина не сохранилась), с углубленным на 15–20 см полом, из горизонтально положенных бревен, скрепленных по углам столбами (Халиков, 1977, рис. 3, *1*, с. 8; Патрушев, 1986, рис. 12, с. 24, 25). Потолок или крыша, очевидно, представляли собой наклонный скат, обмазанный для тепла глиной. Внутри жилища помещался длинный очаг в виде корытообразного углистого пятна. У одного из жилищ в конце по узкой стороне дома имелся вход и рядом с ним выложенный плитками известняка жертвенник (рис. 8). В районе жилищ найдено много обломков глиняной посуды, плоскодонных и чашевидных тиглей, литейных форм, кости диких и домашних животных, бронзовый двухлопастной втульчатый наконечник стрелы с боковым шипом, спиральная височная подвеска из серебра, медная накладка от налобных украшений с орнаментом из точечных линий, налобная накладка и трубчатая пронизка, костяные предметы (рис. 13: 1–25) (Патрушев, 1971, рис. 17). По датам находок селище, очевидно, функционировало одновременно с городищем.

Мари-Луговское селище (рис. 1: 26). На широком мысу надлуговой террасы левого берега р. Волги на юго-восточной окраине д. Мари-Луговая Звениговского района Республики Марий Эл расположен археологический комплекс, состоящий из поселений эпох бронзы, раннего железа, булгарского селища, могильника IV–VI вв. н.э. и кладбище XIV–XVI вв. (Горюнова, 1934, с. 73; Халиков, 1962, с. 158, 159). Потревоженный слой эпохи бронзы и раннего железа в виде серого гумированного песка или супеси дал две разновременные группы керамики. Первая из них А.Х. Халиковым (1962, с. 158) отнесена к числу позднеприказанских и по аналогии с керамикой западных стоянок Казанского Поволжья датирована первой четвертью I тыс. до н.э. Любопытно заметить, что наряду с посудой с заглаженной поверхностью (1200 фрагментов, орнаментированной шнуровыми оттисками в сочетании с ямочными вдавлениями и отпечатками гребенчатого штампа), имеется значительное число фрагментов (около 500) с текстильными отпечатками. Все сосуды круглодонные, с примесью песка и толченых раковин в тесте. Вторая группа сосудов (около 300 фрагментов), генетически связанная с первой, по втульчатому наконечнику стрелы из бронзы с боковым шипом датирована VII–VI вв. до н.э. (Патрушев, 1986, с. 25). По форме и орнаменту эта группа близка к керамике других памятников Марийского края (Малахайских городища и селища, Токаревского городища).

Сиухинское поселение (рис. 1: 6) расположено в 900 м к СЗ от д. Сиухино Троицко-Посадской сельской администрации Горномарийского района Республики Марий Эл на останце коренной террасы правого берега р. Юнга. Место поселения среди местных жителей известно под названием «городище», и исследователи предполагают наличие в древности укреплений. Но в настоящее время следов укреплений не сохранилось. Первые сведения о поселении как городище известны с 1934 г., в 1952 г. поселение посетила Р.В. Чубарова (1953). Поселение впервые исследовано в 1958 г. А.Х. Халиковым (1962, с. 96–98). Раскопом общей площадью 324 м^2 установлено, что здесь кроме поселения РЖВ существовали кузница XII–XIII вв. и мольбище XVIII–XIX вв. Слой поселения в виде темно-серого супесчаника с золистыми включениями зафиксирован в южной части памятника. При осмотре поселения в 1973 г. нами собран интересный комплекс вещей: бронзовая пронизь с подтреугольными узорами на одной поверхности, фрагмент украшения (браслета или гривны), обломки глиняных чашевидных и плоскодонных тиглей, каменных форм для отливки, очевидно, наконечника копья, оселка и абразивного камня уплощенной формы с продольными желобками по широким плоскостям (Патрушев, 1986, с. 26). Поселение посетили также Б.С. Соловьев (1976) и А.И. Михе-

ева (2002). В 2009–2010 гг. Д.Ю. Ефремовой и Б.С. Соловьевым (2014, рис. 3, с. 225–240) исследована вся свободная площадь поселения. Исследователи пришли к выводу, что по керамическому комплексу памятник относится к своеобразной ананьинско-«текстильной» общности, что равнозначно представлению автора данной работы об ахмыловской культуре, тем не менее они оговаривают свою поддержку взглядов С.В. Кузьминых о двух самостоятельных культурах РЖВ на Средней Волге. По вещественным комплексам поселение ранее было датировано VII–V вв. до н.э. Возможно, судя по новым находкам, дату Сиухинского поселения следует ограничить VII–VI вв. до н.э. На раннюю дату указывает и многозонная орнаментация сосудов.

Поселение раннеананьинского времени существовало на месте городища «Иванова гора» (рис. 1: 11), расположенного на мысу коренной террасы в 2 км к СЗ от с. Малый Сундырь Усолинского сельсовета Горномарийского района Республики Марий Эл. Площадка (30×40 м), возвышающаяся над поймой р. Волги на 20–25 м, слабо задернована, а конец мыса выдувается. С напольной стороны площадка укреплена тремя валами и рвами. Памятник открыт Р.В. Чубаровой (1953) в 1952 г. В 1958 г. городище осмотрено МАЭ (Халиков, 1962). Зачисткой обнажения получен материал I тыс. н.э. и небольшое количество фрагментов сосудов с примесью толченых раковин в тесте. В 1960 г. на памятнике Г.А. Архиповым при участии автора проводились раскопки, вскрывшие площадь в 284 м^2 (Патрушев, 1964, с. 83–89). Круглодонная тонкостенная посуда с примесью толченых раковин и орнаментом из шнуровых, зубчатых и ямочных узоров (выделено 5 сосудов) обнаружена на участках по северо-восточному склону площадки городища. Слой с указанной керамикой в виде коричневатой супеси, вероятно, сполз (или сброшен) с площадки городища. Материал ананьинского времени имеет аналогии с керамикой Васильсурского II , Копаньского городищ и Малахайских поселений и может датироваться VII–VI вв. до н.э. (Патрушев, 1986, с. 27).

Очевидно, близкое к рассмотренным поселение существовало на Криушинской дюне Чебоксарского района Чувашской Республики (рис. 1: 29), где в слоях приказанской стоянки обнаружено значительное количество керамики, аналогичной посуде других памятников Марийского края. Кроме керамики, из Криушей происходят 4 кельта (2 с лобным ушком и по одному акозинско-меларского и ананьинского типов; Халиков, 1962, с. 106, 107).

Керамика АКИО обнаружена на открытом автором Сомовском I городище (Патрушев, 1979). Оно расположено в 800 м к ЗЮЗ от западного конца д. Сомовка Фокинского сельсовета Воротынского района Нижегородской области на высоком мысу, образованном коренной террасой правого берега р. Волги и глубоким оврагом. Площадка памятника (118×12–32 м) хорошо задернована и большей частью покрыта лесом. С нее открывается широкий вид на р. Волгу. Первая площадка узкой гривой шириной 2,5–1 м и длиной 83 м соединяется с другой площадкой (50×32 м) на коренной террасе, защищенной с запада валом и рвом. Если все это древняя система укреплений, то мы сталкиваемся с весьма интересным городищем. Впервые памятник был заселен, судя по находкам керамики балановского облика, еще во II тыс. до н.э. Здесь также встречены отдельные фрагменты сосудов позднего этапа приказанской культуры (Халиков, 1980), нередко с «текстильными» оттисками. Довольно многочисленна керамика эпохи раннего железа I тыс. до н.э. с примесью песка, украшенная ямками, зубчатыми или реже шнуровыми оттисками в сопровождении «текстильных» оттисков. Такая посуда известна из ряда поселений – Васильсурского, Ардинского и др., где она встречается в одних слоях с керамикой АКИО. Последняя в единичных экземплярах встречена и на Сомовском I городище. Есть здесь и смешанная керамика – фрагменты с примесью песка, но с гладкой поверхностью, содержащие характерные узоры (горизонтальные оттиски шнура отдельно и в сочетании с зубчатым орнаментом и клиновидными вдавлениями) гребенчато-шнуровой керамики. Очевидно, слой РЖВ следует датировать VII–VI вв. до н.э. Материалы эпох бронзы и раннего железа, не выделяясь стратиграфически, находились в нижнем культурном слое в виде серой подзолистой супеси мощностью 15–30 см. Выше располагался слой темной гумированной супеси мощностью 10–25 см с находками керамики древнемарийского облика. На поселении в настоящее время проводились лишь рекогносцировочные раскопки. Четырьмя небольшими раскопами в разных частях первой площадки вскрыто 196 м^2.

Акозинское II поселение обследовано в 1971 г. (Патрушев, 1972, с. 27–38). Оно располагалось в 450 м к востоку от д. Акозино Усолинского сельсовета Горномарийского района Республики Марий Эл на наклонной площадке у подножия коренной террасы правого берега р. Волги. С южной стороны площадка завершается шишкообразным возвышением и ложбинкой отделена от коренной террасы. Размеры площадки – 60×34 м. Шурф и две зачистки выявили культурный слой мощностью 10–25 см в виде серой зернистой супеси лишь в северной оконечности площадки. Здесь же обнаружены фрагменты

керамики с примесью толченых раковин в тесте, украшенные горизонтальными рядами ямок и шнуровых оттисков. По аналогии с посудой Копаньского и Малахайского поселений памятник можно датировать VII–VI вв. до н.э.

Несмотря на относительно небольшое число поселений раннеананьинского времени в рассматриваемом районе можно наметить некоторые их общие черты. Они располагаются компактными группами вдоль реки по два или четыре в каждой (рис. 1). В них представлены и городища, и селища. Например, четко выделяется западная группа памятников, включающая Васильсурское II, Хмелевское, Копаньское городища и Сиухинское селище. Расстояние между крайними памятниками около 30 км. Вторая группа поселений включает Малахайское селище, Токаревское городище, предполагаемое Иваногорское поселение. Протяженность между крайними памятниками составляет около 15 км. Третья группа памятников представлена Ельниковским и Звениговским городищами, Мари-Луговским, Криушинским неукрепленными поселениями. Подобное расположение поселений в эпоху раннего железа отмечено П.Н. Третьяковым (1941, с. 30): «такая группировка далеко не случайна, она отражает реально существовавшие в ту эпоху родовые и племенные связи, а также указывает на наличие определенных территорий, принадлежавших, по-видимому, отдельным группам». Им же указывается принадлежность отдельного поселения патриархальным большесемейным общинам (Третьяков, 1966, с. 119). В исторической литературе подобное деление известно под термином «патронимия»: семейная община (основная общественная единица в эпоху патриархально-родового строя), занимающая отдельное поселение, при разрастании делится, а группы разделившихся семей сохраняют между собой хозяйственную, общественную и идеологическую связь (Косвен, 1964, с. 6, 7). Очевидно, отдельные группы рассмотренных нами поселений являются патронимическими (или родовыми). Особенно отчетливо выделяются две первые указанные группы (рис. 1). При этом любопытно заметить, что внутри каждой группы выделяются по два, удаленных всего на 2–3 км, поселения (рис. 1): Васильсурское II и Хмелевское городища; Копаньское городище и Сиухинское поселение; Токаревское городище и Малахайские поселения.

Рассмотренные городища и селища по топографическому расположению близки к памятникам АКИО Ветлуги, Вятки и Камы. Городища располагаются на возвышенных местах (за исключением Токаревского), селища на более низких местах. Площади городищ Марийского края небольшие: Копаньское – 900 м^2, Малахайсое – 1105 м^2, Васильсурское – 1250 м^2). В этом отношении они наиболее близки ветлужским (Одоевское – 900 м^2, Богородское – 1280 м^2) (Бадер, 1961, с. 114, 115, 140, 141). Для камских и вятских городищ обычной является площадь в 3–4 и даже более 10 000 м^2, например, Усть-Нечкинское и Мальковское городища на р. Каме (Збруева, 1952, с. 268).

Среди вещевых комплексов раннеананьинских поселений Марийского края наибольшее значение имеет керамика, поскольку она является своеобразным этнокультурным показателем. Оговоримся, что некоторые исследователи в настоящее время в АКИО объединяют отдельные культуры – постмаклашеевскую, акозинскую, ананьинские шнуровой керамики и гребенчато-шнуровой керамики (Кузьминых, Чижевский, 2009, с. 33-54). Автор полагает, что подобная дифференциация не характерна для Марийского края, поскольку стратиграфически разные группы керамики не выделяются. Автор в данной работе характеризует керамические комплексы ананьинского облика ряда поселений в целом. Исследователи на материалах данной работы могут сами определить характерные особенности основных керамических комплексов.

Наиболее массовой является керамика Малахайского поселения. Из многочисленных фрагментов в двух раскопах 1970 г. по верхним частям сосудов удалось выделить 392 сосуда. Для характеристики керамического материала считаю возможным привлечь неопубликованные материалы рекогносцировочных работ 1963 г., проведенных А.Х. Халиковым. Итого из Малахайского поселения происходит 420 сосудов. Абсолютное большинство сосудов обладают всеми характерными признаками керамики АКИО – лепные, круглодонные, в преобладающем большинстве случаев с примесью толченых раковин в тесте, хорошего обжига, тонкостенные, плотные, темно-серого цвета, близкие к чашевидным формам, украшенные по верхней части оттисками веревки, ямочными вдавлениями, нередко зубчатыми оттисками. Наиболее значительна группа сосудов, украшенных шнуровыми оттисками, нередко с ямками и реже с оттисками зубчатого штампа (39,07% из раскопов 1970 г.; рис. 9: 1–8; 10: 1–13). Другая группа украшена ямками и оттисками зубчатого штампа (рис. 11: 1; 12: 1–14). Третья группа украшена только ямками (30,69%; (рис. 11: 2–13). Всего 3,26% посуды не имеют орнаментации. Внешняя поверхность сосудов, как правило, хорошо заглажена. Лишь у 37 сосудов замечены следы штриховой зачистки; 3 сосуда украшены «сеткой», нанесенной полукруглым чеканом, зубчатым

штампом или оттисками веревки. Преобладают сосуды диаметром горла от 15 до 22 см. Но встречены и большие размеры: 50 сосудов имеют диаметр горла от 24 до 30 см, а 4 – до 40 см. Небольшое число сосудов имеет диаметр от 10 до 13 см. Большинство сосудов (62,4% от общего числа) имеют тонкие стенки толщиной 3–5 мм, у остальных толщина стенок достигает 6–9 мм. Принимая во внимание профилировку горла, можно говорить об абсолютном преобладании горшковидных форм сосудов (93%), имеющих или отогнутое (26,7%), или прямое и слегка прикрытое горло (66,4%), лишь 29 сосудов имеют форму закрытых (22 экз.) или открытых (7 экз.) чаш (Патрушев, 1971, табл. 3).

I тип (279 экз., 66,4% из общего числа выборки) представлен сосудами с прямыми или слегка прикрытым горлом. У большинства из них горло плавно переходит в чашевидное тулово (тип I–1). 14 сосудов имеют более резкий переход горла в округлое тулово (тип I–2). Преобладают сосуды с плоским (157 экз.) и округлым (92 экз.) краем венчика. Имеются также сосуды с отогнутым (30 экз.), Г-образным (11 экз.), Т-образным (3 экз.), кососрезанным (5 экз.) краем венчика. У 17 сосудов венчики имеют небольшие наплывы.

2 тип (112 экз., или 26,7%) включает сосуды с отогнутыми горлом. У большинства из них слабо отогнутое горло, плавно переходящее в чашевидное тулово (тип II–1). Лишь 5 сосудов имеют более резкий переход горла в выпуклое тулово (тип II–2). Края венчиков плоские (78 экз.), округлые (31 экз.), отогнутые (3 экз.). К сосудам с плоским краем венчика отнесены сосуды с Г-образным (8 экз.) и Т-образным (3 экз.) венчиком.

3 тип (29 экз., или 6,9%) состоит из чашевидных сосудов закрытых (тип III–1) или открытых (тип III–2) форм. Края венчиков плоские, реже слегка закругленные.

Из общего числа сосудов только 7 не орнаментированы. Остальные сосуды декорированы в верхней части. У 65 сосудов (15,5%) орнамент в виде оттисков зубчатого штампа (48 экз.), насечек или резных узоров (13 экз.), мелких ниточно-хаотичных оттисков (4 экз.) имеется и по краю венчика.

Орнамент, как правило, расположен на сосудах горизонтальными зонами. Из элементов декора чаще всего встречаются ямочные вдавления (на 336 сосудах), причем первое место по частоте употребления занимают клиновидные вдавления, нередко нанесенные зубчатым штампом (141 экз.), второе – круглые ямки (138 экз.), третье – глазчатое (круглые ямки нанесены на косые оттиски зубчатого штампа или клиновидные вдавления (114 экз.). Реже встречены неправильные (50 экз.) и треугольные (15 экз.) ямки. Круглые ямки, почти без исключения, сопровождаются «жемчужинами» с внутренней стороны сосуда. На одном сосуде нередко сочетаются различные ямки. Нанесение узора различным зубчатым штампом отмечено в 190 случаях, из них короткими (3–4 зуба) в 113, длинным (5–7 зубов) в 36, двузубым и однозубым в 41 случае. Двузубый или однозубый оттиск с коротким или короткий с длинным оттиском нередко встречены вместе на одном сосуде. Иногда зубчатый штамп использовался для заглаживания поверхности (найдено 3 венчика и 4 стенки).

Если общее количество ямочных вдавлений и оттисков зубчатого штампа возрастает за счет совместного нанесения различных видов, то количество шнуровых оттисков указывает и на соответствующее число сосудов (158 экз.). Лишь на одном сосуде встречено сочетание ряда мелкого шнура с 3 рядами крупного. Преобладают оттиски среднего шнура (105 экз.), реже встречены отпечатками очень мелкого шнура, а 8 сосудов украшены своеобразными «обратными» оттисками шнура (волокнами слева направо).

Элементы орнамента в виде насечек и резных линий в основном используются для украшения края венчиков. Лишь на 3 сосудах проведены узкие клиновидные полоски, вероятно, костяными остриями. На 17 сосудах встречены различные мелкие наколы, нанесенные или костяным острием, или однозубым штампом.

Каждый из указанных элементов орнамента в чистом виде составляет небольшой процент из общего числа сосудов: рядом ямок украшено 144 сосуда (34,7%), из них круглыми – 44, клиновидными – 63, глазчатыми – 26; косыми или горизонтальными рядами зубчатого штампа орнаментировано 17 сосудов (4,4%). Лишь 4 сосуда содержат одну или две горизонтальные зоны из 3–4 оттисков шнура (0,9%). Для орнаментации большинства сосудов характерно сочетание в одном узоре различных элементов, расположенных горизонтальными зонами. Шнуровые оттиски в сочетании с ямочными вдавлениями встречены на 81 сосуде; 12 сосудов орнаментированы шнуровыми и зубчатыми оттисками; 30 сосудов содержат шнуровые, зубчатые оттиски и ямочные вдавления; на 43 сосудах ямочные вдавления встречены в сочетании с зубчатым штампом.

Узоры в виде зигзагов, треугольников, ромбов из оттисков зубчатого штампа встречены всего лишь на 18 сосудах. Только 4 сосуда содержат волнистый крестовый узор, выполненный однорядным шнуром. Небольшая группа сосудов с примесью песка в тесте по форме и орнаментации весьма близка к первой группе. Два из них орнаментированы одним рядом неправильных ямок.

Керамика Копаньского городища представлена 34 круглодонными сосудами темно-серого цвета с примесью толченых раковин в тесте (кроме одного), в большинстве случаев с заглаженной поверхностью (28 экз.), орнаментированных в верхней части (Патрушев, 1971, табл. Е, XII). Посуда с плавным переходом от слабо профилированного горла к выпуклому тулову (91,1%) с округлым (41,2%), плоским (35,3%) краем венчика, реже с валикообразным утолщением (14,8%), бортиком (5,9%) или утонченным (2,9%) венчиком.

Из элементов орнамента наиболее часто встречаются ямки (26 экз.), из них в чистом виде круглых в один ряд – 3 экз., глазчатых – 2 экз., клиновидных – 1 экз. Ямки в сочетании со шнуровыми оттисками встречены на 5 сосудах, в сочетании с оттисками зубчатого штампа – на 7, а ямка в сочетании со шнуровыми и зубчатыми оттисками – на 8. Шнуровые оттиски в сочетании с другими элементами встречены на 13 сосудах, зубчатые оттиски – на 15. Ни в одном случае не прослежены шнуровые или зубчатые оттиски в чистом виде, а также сочетание шнуровых и зубчатых оттисков.

По форме верхней части среди сосудов Копаньского городищ можно выделить три типа (Патрушев, 1971, табл. Е):

1 тип (27 экз. или 79,1%; Патрушев, 1971, табл. VIII: 3, 5–11) – сосуды с диаметром горла от 10 до 42 см. Большинство сосудов имеет плавный переход горла к тулову. Лишь один сосуд, орнаментированный оттисками зубчатого штампа и одним рядом ямок, имеет выраженные плечики.

В орнаменте остальных сосудов данного типа можно отметить некоторые особенности, не встреченные на сосудах последующих типов. Пять сосудов украшены многозонным узором из 3–5 зон шнуровых оттисков в 3–7 рядов, чередующихся 3–5 рядами круглых, клиновидных ямок. На 4 других сосудах две зоны шнура разделены косыми оттисками зубчатого штампа, а ниже выделяется ряд глазчатых ямок. Три сосуда орнаментированы только рядами круглых, клиновидных или неправильных ямок (в одном случае наряду с круглыми ямками содержатся слабые «текстильные» отпечатки). Один сосуд украшен вертикальными оттисками крупного 6-зубого штампа, под которыми проходит горизонтальный ряд круглых ямок.

II тип (5 экз., или 14,8%; Патрушев, 1971, табл. XIII: 1, 2, 7, 12) – сосуды с отогнутым горлом, плавным переходом от горла к тулову (без выраженных плечиков), плоским (3 экз.) или округлым (2 экз.) краем венчика. Своеобразен орнамент трех сосудов. На двух стенках – у венчика и на внутренней стороне сосуда; в одном случае – косыми оттисками мелкого зубчатого штампа (край венчика украшен круглыми наколами), в другом – полукруглыми ямками, сопровождающимися на внешней поверхности «жемчужинами». На одном сосуде нанесена сплошная зона многорядных оттисков шнура, а на ней – горизонтальный ряд чередующихся круглых и вертикально поставленных клиновидных вдавлений, ниже – короткий зигзаг из клиновидных вдавлений. Под зоной шнуровых оттисков – косые и горизонтальные оттиски зубчатого штампа с втиснутыми между ними по три клиновидными ямками.

III тип представлен двумя (6% от общего числа сосудов) чашами закрытой формы, с округлым краем венчика. Диаметры горла 18–20 см, толщина стенок 6–7 см. Орнамент – один ряд круглых или неправильных ямок и «текстильные» отпечатки.

Облик сосудов Копаньского городища весьма близок керамическим комплексам Малахайского поселения. Также близки к ним немногочисленные находки из других отмеченных выше поселений.

Таким образом, керамика рассмотренных нами памятников достаточно однотипна. Общими для посуды поселений раннеананьинского времени являются следующие черты: в форме – преобладание сосудов без плечиков; в орнаментации – широкое распространение ямок или узоров в сочетании ямок и шнуровых оттисков. К чертам сходства с памятниками АКИО следует прибавить близкие пропорции сосудов (приземистая форма), одинаковые размеры и обработку поверхности: для всей посуды АКИО характерна заглаженная поверхность. Различие в делении на сосуды с прикрытым или отогнутым горлом, с плавным или резким переходом горла в тулово наблюдается лишь в процентном соотношении. То же самое можно отметить по отношению орнаментации сосудов, в частности, элементов орнамента. Поэтому своеобразие керамики Марийского Поволжья следует рассматривать, прежде всего, как локальные особенности единой ананьинской культурно-исторической общности. Исключая уже отмеченные нами черты сходства с городецко-дьяковской керамикой, отметим ряд специфических черт посуды памятников Марийского края.

Преобладающей формой сосудов являются сосуды 1-го типа со слабо профилированным прямым или прикрытым горлом (63% – Малахайское поселение; 76,4% – Копаньское городище). Данный тип преобладает и в памятниках раннеананьинского времени на р. Ветлуге (например, III слой Богородского городища – 74,5%). Сосуды 2-го типа с плавным переходом шейки в тулово составляют, соответственно, 25,5% (Малахайское поселение) и 21,5% (III слой Богородского городища), с

резким переходом горла в тулово – соответственно 1,2% и 4%. В материалах ветлужских городищ нет сосудов 3-го типа, в то время как на волжских поселениях они составляют относительно большой процент (6,9% – Малахайское поселение).

Орнаментация сосудов указанных групп находит различия в соотношении элементов орнамента и узоров. В ветлужской керамике, насколько позволяют судить данные о ней, значительно преобладают оттиски шнура и зубчатого штампа. М.В. Воеводский отмечает 80–95% шнурового орнамента в керамике 1 группы ветлужских городищ. Малахайское поселение дало 37,6% сосудов со шнуровым орнаментом. Зубчатый орнамент среди сосудов ветлужской группы также составляет значительный процент (66,5% – III слой Богородского городища) по сравнению с посудой Малахайского поселения (35,2%). Реже встречается на Ветлуге ямочный орнамент. Круглая глубокая, глазчатая, клиновидная и неправильная ямки вместе взятые составляют всего 18%. Правда, к ямочным можно отнести часть выделенных В.Е. Стояновым в особую группу наколов и мелких круглых ямок (15%). Исследователем отмечена характерная деталь в ямочной орнаментации – отсутствие треугольных ямок и «жемчужин». На Малахайском поселении ямки занимают первое место (80%, их них треугольные – 3,8%; в большинстве случаев ямки сопровождаются «жемчужинами» (42,1%). Наколы здесь встречены редко (4%).

Из орнаментальных узоров на керамике III слоя Богородского городища чаще всего встречено сочетание оттисков шнура и зубчатого штампа (68,5%, или 31,5%). На сосудах Малахайского поселения они занимают соответственно 2,8% и 7,1%. На последних большое число сосудов украшено только ямочными вдавлениями (34,3%). Таковых нет в III слое Богородского городища. Для ветлужской керамики характерны более сложные узоры. Волна, зигзаг, ромбы, треугольники, арочный, Х-образный, кружковый орнамент составляет здесь 24,5% (на Малахайском поселении – 6,2%).

Таким образом, в форме ветлужской керамики прослеживаются такие черты, сближающие их с волжской, как близкое количественное соотношение посуды 1-го и 2-го типов, абсолютное преобладание сосудов с плавным переходом горла в тулово без выраженных плечиков. О.Н. Бадер (1961) указывает также на почти полное отсутствие «воротничка» в Поветлужье, которого нет и в волжских памятниках.

В орнаментации сосудов обеих групп наблюдаются значительные различия, прежде всего в количественном соотношении элементов орнамента. Но и здесь можно заметить общие черты. Например, специфичной чертой орнамента обеих групп является распространение «глазчатых» ямок.

Как видно из изложенного выше, керамический материал памятников Марийского Поволжья раннеананьинского времени имеет существенные черты, отличающие его от других районов АКИО. Этими чертами являются:

а) бытование сосудов с примесью толченых раковин в тесте и сосудов с примесью песка в тесте, в большинстве случаев с «текстильной» обработкой поверхности;

б) абсолютное преобладание сосудов с плавным переходом без плечиков, орнаментированных по горлу преимущественно ямками в сочетании шнура, гребенчатого штампа, отсутствие «воротничков».

Указанные черты своеобразия посуды являются одними из важнейших при выделении особенностей культуры Марийского Поволжья в раннем железном веке.

ЛИТЕРАТУРА

Архипов Г.А. Марийцы IX – XI вв.: (К вопросу о происхождении народа). Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1973. 156 с.

Архипов Г.А., Патрушев В.С. Археологические исследования в Марийской АССР в 1969–1975 годах // Древние и современные этнокультурные процессы в Марийском крае / АЭМК. Вып. 1 / Отв. ред. Г.А. Архипов, Г.А. Сепеев. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1976. С. 52–63.

Архипов Г.А., Патрушев В.С. Отчет о раскопках Ардинского городища в 1975 году. Йошкар-Ола, 1976. 136 с. / Архив ИА РАН. Р-1. № 5866.

Архипов Г.А., Патрушев В.С. Ардинское городище // Поселения и жилища Марийского края / АЭМК; Вып. 6 / Отв. ред. Г.А. Архипов, Г.А. Сепеев. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1982. С. 51–82.

Бадер О.Н. Городища Ветлуги и Унжи // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. III / МИА. № 22 / Отв. ред. В.Н. Чернецов. М.-Л.: АН СССР, 1951. С. 110–158.

Большов С.В. Могильник на острове Мольбищенский. Каталог археологической коллекции. Йошкар-Ола: МРНКМ, 1988. 34 с.

Воеводский М.В. Краткая характеристика керамики городищ Ветлуги и Унжи // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. III / МИА. № 22 / Отв. ред. В.Н. Чернецов. М.-Л.: АН СССР, 1951. С. 159–180.

Горюнова Е.И. Мари-Луговской могильник и селище // ПИДО. 1934. № 9–10. С. 171–179.

Гуляев В.И. К вопросу о связях городецких племен с югом в VII–VI вв до н.э. // Историко-археологический сборник / Отв. ред. Д.А. Авдусин, В.Д. Янин. М.: МГУ, 1962. С. 114–120.

Ефремова Д.Ю., Соловьев Б.С. Сиухинское поселение (предварительные итоги исследований 2009–2010 гг.) // Ананьинский мир: истоки, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 225–240.

Замятнин С.Н. Скифский могильник «Частые Курганы» под Воронежом: (Раскопки Воронежской ученой архивной комиссии 1910–1915 гг.) // СА. 1946. Т. VIII. С. 9–50.

Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. V / МИА. № 30. М.: АН СССР, 1952. 326 с.

Каховский В.Ф. Отчет о работе II отряда Чувашской археологической экспедиции за 1960 г. Чебоксары, 1960 / Архив ИА РАН. Р-1. № 2089.

Косвен М.О. Патронимия и ее роль в истории общества. М.: Наука, 1964. 260 с.

Кузьминых С.В. Бронзовые орудия и оружие в Среднем Поволжье и Приуралье (1 тысячелетие до н.э.): Автореф. дисс. … канд. ист. наук. М.: ИА АН СССР, 1977. 21 с.

Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М.: Наука, 1983. 257 с.

Кузьминых С.В., Чижевский А.А. Ананьинский мир: взгляд на современное состояние проблемы // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / АЕС; Вып. 8 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Елабуга: ИИ АН РТ, ИА РАН, ЕГМЗ, 2009. С. 29–55.

Кузьминых С.В., Чижевский А.А. Хронология раннего периода ананьинской культурно-исторической области // Поволжская археология. 2014. № 3 (9). С. 101–137.

Либеров П.Д. Хронология памятников Поднепровья скифского времени // Вопросы скифо-сарматской археологии: (По материалам конференции ИИМК АН СССР 1952 г.) / Отв. ред. М.И. Артамонов. М.: АН СССР, 1956. С. 132–167.

Патрушев В.С. Древнемарийские поселения второй половины I тыс. н.э. // Археологический сборник: Труды VIII Всесоюзной студенческой конференции / Отв. ред. Т.Д. Белановская. Л.: ЛГУ, 1964. С. 83–89.

Патрушев В.С. Отчет об археологических разведках по левому берегу реки Волги от деревни Кокшамары МАССР до села Михайловское Горьковской области, проведенных в 1964 году. Йошкар-Ола, 1965. 63 с. / Архив ИА РАН. Р-1. № 5227.

Патрушев В.С. Отчет о работах 2-го Марийского отряда Чебоксарской археологической экспедиции Института археологии АН СССР в 1970 году. Москва-Казань, 1970. 124 с. / Архив ИА РАН. Р-1. № 4100.

Патрушев В.С. Отчет о работах 2 Марийского отряда Чебоксарской археологической экспедиции в 1971 году. Москва-Йошкар-Ола, 1972. 262 с. / Архив ИА РАН. Р-1. № 4524.

Патрушев В.С. Отчет о полевых исследованиях в Горномарийском районе Марийской АССР в 1973 году. Йошкар-Ола, 1974. 108 с. / Архив ИА РАН. Р-1. № 5146.

Патрушев В.С. Отчет об исследованиях археологической экспедиции Марийского государственного университета в 1978 году. Йошкар-Ола, 1979. 364 с. / Архив ИА РАН. Р-1. № 7460.

Патрушев В.С. Отчет об исследованиях Малахайского городища в 1982 году. Йошкар-Ола,1982. 88 с. / Архив ИА РАН. Р-1. № 9424.

Патрушев В.С. Отчет об исследованиях Малахайского городища и селища в 1983 году. Йошкар-Ола, 1984. 150 с. / Архив ИА РАН. Р-1. № 10037.

Патрушев В.С. Марийский край в VII–VI вв. до н.э.: (Старший Ахмыловский могильник). Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1984. 230 с.

Патрушев В. С. Начало эпохи раннего железа в Марийском крае: Учеб. пособие. Йошкар-Ола: МарГУ, 1986. 120 с.

Патрушев В.С. У истоков волжских финнов. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1989. 122 с.

Патрушев В.С. Могильники Волго-Камья раннеананьинского времени // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / АЕС; Вып. 8 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Елабуга: ИИ АН РТ, ИА РАН, ЕГМЗ, 2009. С. 64–75.

Патрушев В.С., Халиков А.Х. Волжские ананьинцы: (Старший Ахмыловский могильник). М.: Наука, 1982. 277 с.

Смирнов А.П. Железный век Чувашского Поволжья / МИА. № 95. М.: АН СССР, 1961. 171 с.

Третьяков П.Н. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н.э. / МИА. № 5. М.-Л.: АН СССР, 1941. 150 с. + 71 илл.

Третьяков П.Н. Памятники древнейшей истории Чувашского Поволжья. Чебоксары: Чув. гос. изд-во, 1948. 76 с.

Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.- Л.: Наука, 1966. 308 с.

Трубникова Н.В. Племена городецкой культуры // Археологический сборник / ТГИМ. Вып. XXII / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: ГИМ, 1953. С. 63–96.

Халиков А.Х. Отчет о полевых работах Марийской археологической экспедиции 1958 г. Йошкар-Ола, 1959 / Архив ИА РАН. Р-1. Д. 1874, 1874а.

Халиков А.Х. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // Труды Марийской археологической экспедиции. Т. 2 / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1962. С. 7–187.

Халиков А. Х. Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969. 394 с.

Халиков А. Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н.э.). М.: Наука, 1977. 264 с.

Халиков А.Х., Безухова Е.А. Второе Васильсурское городище // Халиков А.Х, Стоянов В.Е., Хлебникова Т.А., Архипов Г.А., Безухова Е.А. Отчет о полевых работах Марийской археологической экспедиции в 1958 год. Казань-Йошкар-Ола, 1960. С. 123–156 / Архив ИА РАН. Ф-1, Р-1. №1874.

Чижевский А.А. Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках (предананьинская и ананьинская культурно-исторические области) / Археология евразийских степей. Вып. 5. Казань: Школа, 2008. 172 с.

Чубарова Р.В. Археологические экспедиции МарНИИ 1952 г. // УЗ МарНИИ. Вып. V: язык, литература, история. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1953. С. 285–291.

Информация об авторе:

Патрушев Валерий Степанович, доктор исторических наук, профессор, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); valpatr92gmail.com

ANANYINO ANTIQUITIES FROM THE MARI LAND (ON THE BASIS OF SETTLEMENT MATERIALS)

V.S. Patrushev

The paper characterizes the antiquities of the Ananyino cultural and historical community of the Early Iron Age located in the Mari Volga region (9th/8th-6th centuries B.C.) represented by ten settlements (Ardinskoe, Malakhayskie, Kopanskoe, Siukhinskoe, Tokarevskoe, Vasilsurskoe, Siukhinskoe, Ivanogorskoe, Mari-Lugovskoe), as well as other individual locations. The most frequently discovered material of the ware complexes is ceramics. The characteristics of dishware from the Mari region are reflected in the collection from Malakhayskoe settlement (424 vessels determined on the basis of the upper parts): stucco, round-bottomed, typically containing an admixture of crushed shells, thin-walled and similar to cup-shaped forms. Most of the vessels are decorated with cord imprints, frequently with pitting and less frequently with imprints made by a toothed die; another group is decorated with pits and indented die imprints, and the third one - with pits only, whereas not more than 7 specimens feature no ornamentation. The absolute majority of vessels have all the characteristic attributes of ACHR ceramics. According to the modern classification they can be attributed to the Ananyino culture of comb-cord ceramics and the Post-Maklasheevo culture. Ceramics from the Mari Volga region is most similar to the dishware from the sites of the Vetluga basin.

Keywords: archaeology, Early Iron Age, settlements, ceramics, Middle Volga region, Ananyino cultural and historical community

About the author:

Patrushev Valery S. Doctor of Historical Sciences. Professor. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; valpatr92gmail.com

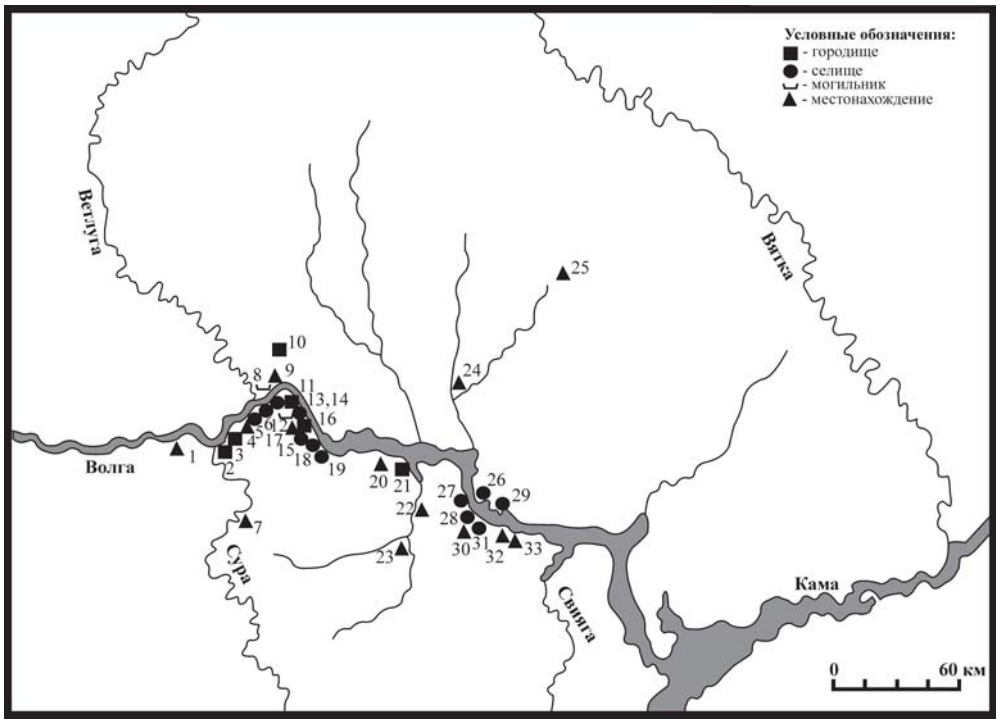


Рис. 1. Памятники начала РЖВ в Марийском крае и прилегающих районах: 1 – Сомовское; 2 – Васильсурское II; 3 – Хмелевское; 4 – Емангашское; 5 – Копаньское; 6 – Сиухинское; 7 – Сареевское; 8 – Старший Ахмыловский; 9 – Ахмыловское; 10 –Ардинское; 11 – Иваногорское; 12 – Носельское; 13 – Акозинский; 14 –Акозинское II; 15 – Малахайское селище; 16 –Малахайское городище; 17 – Малахайские находки; 18 – Токаревское; 19 – Каршлыхское; 20 – Чебоксарское; 21 – Ельниковское; 22 – Акташевское; 23 – Цивильские находки; 24 – Княжнинское; 25 – Юронгинское; 26 – Мари-Луговское селище; 27 – Звениговское (Карабаши); 28 – Карамышевское; 29 – Криушинское; 30 – Криушинские находки; 31 – Карачевское; 32 – Альменевское; 33 – Кувшинское.

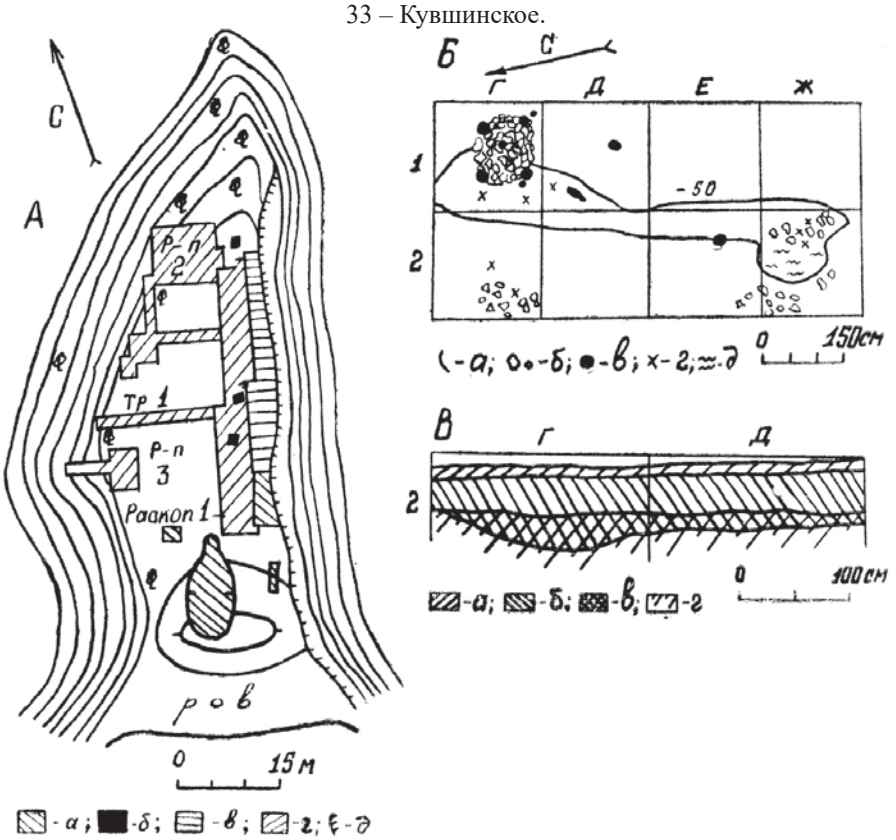


Рис. 2. Копаньское городище: А – план памятника (а – раскопы 1929 г.; б – шурфы 1950-х гг.; в – раскоп 1964 г.; г – раскопы 1971 г.; д – обрыв; горизонтали проведены через 5 м); Б – объекты в раскопе 1971 г. (а – контуры углистого пятна; б – камни; в – столбовые пятна; г – кости; д – зольные включения; в – профиль восточной стенки кв. Г-Д/2 раскопа I 1971 г. (а – дерн, поддерновый слой; б – серая супесь; в – темная гумированная супесь с угольками;г – коричневатый суглинок).

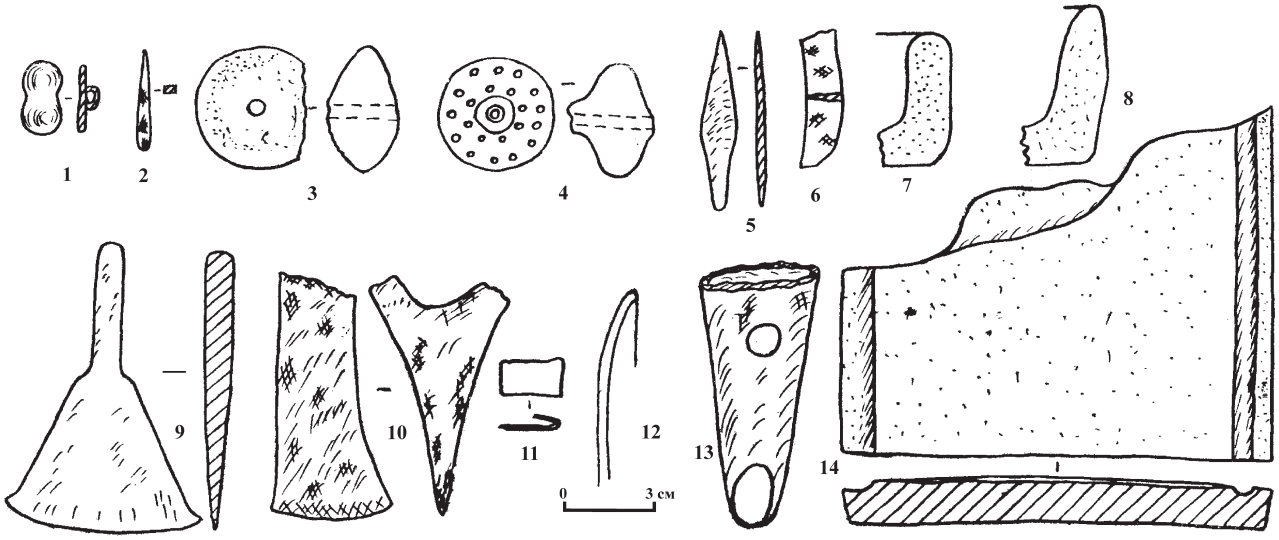


Рис. 3. Копаньское городище. Находки из раскопов 1971 г.: 1 – парная бляшка, 2 – шило, 3, 4 – пряслица, 5 – наконечник стрелы, 6 – нож, 7, 8 – фрагменты тиглей, 9 – лопаточка, 10 – фрагмент топора, 11 – медная пластинка, 12 – фрагмент тарелочки из человеческого черепа, 13 – наконечник мотыги, 14 – глиняная плита (1, 11 – медь, бронза; 2, 6, 10 – железо; 5, 7, 12, 13 – кость; 3, 4, 7, 8, 14 – глина).

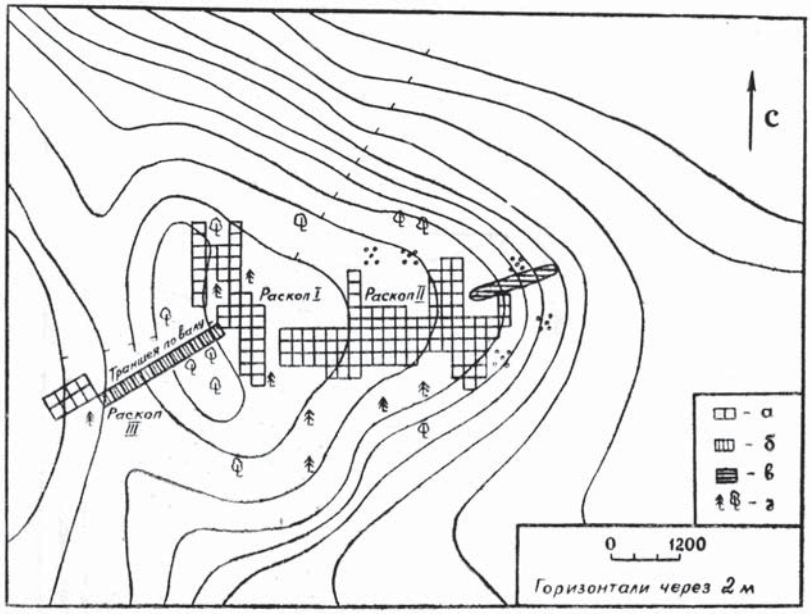


Рис. 4. План Ардинского городища (а – раскопы, б – траншея, в – поздняя траншея, г – деревья).

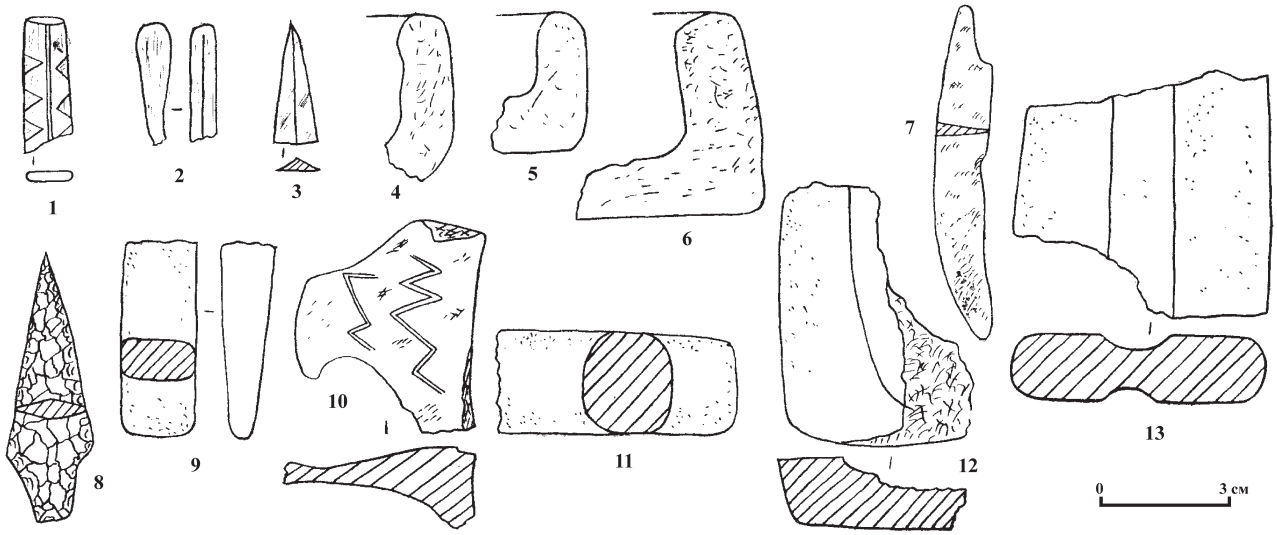


Рис. 5. Ардинское городище. Находки из нижнего слоя: 1, 2 – фрагменты украшений; 3 – наконечник стрелы, 4–6 – фрагменты тиглей; 7 – нож; 8 – наконечник дротика; 9, 11 – фрагменты оселков (точильных плиток); 10 – кость с резными знаками; 12 – фрагмент литейной формы; 13 – фрагмент каменного предмета (1–2 – бронза; 3, 10 – кость; 4–6, 12 – глина; 7 – железо; 8–9, 11, 13 – камень).

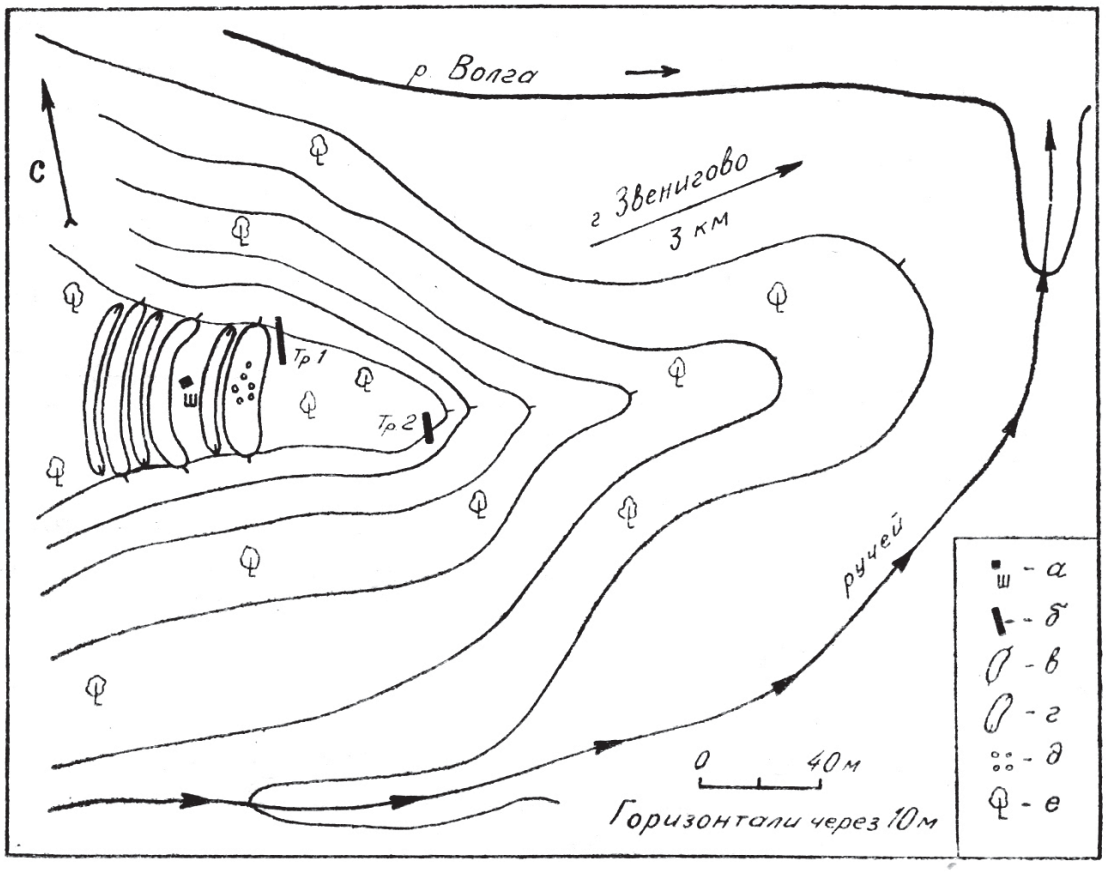


Рис. 6. План Звениговского городища (а – шурф, б – траншеи, в – валы, г – рвы, д – поздние ямы, е – деревья).

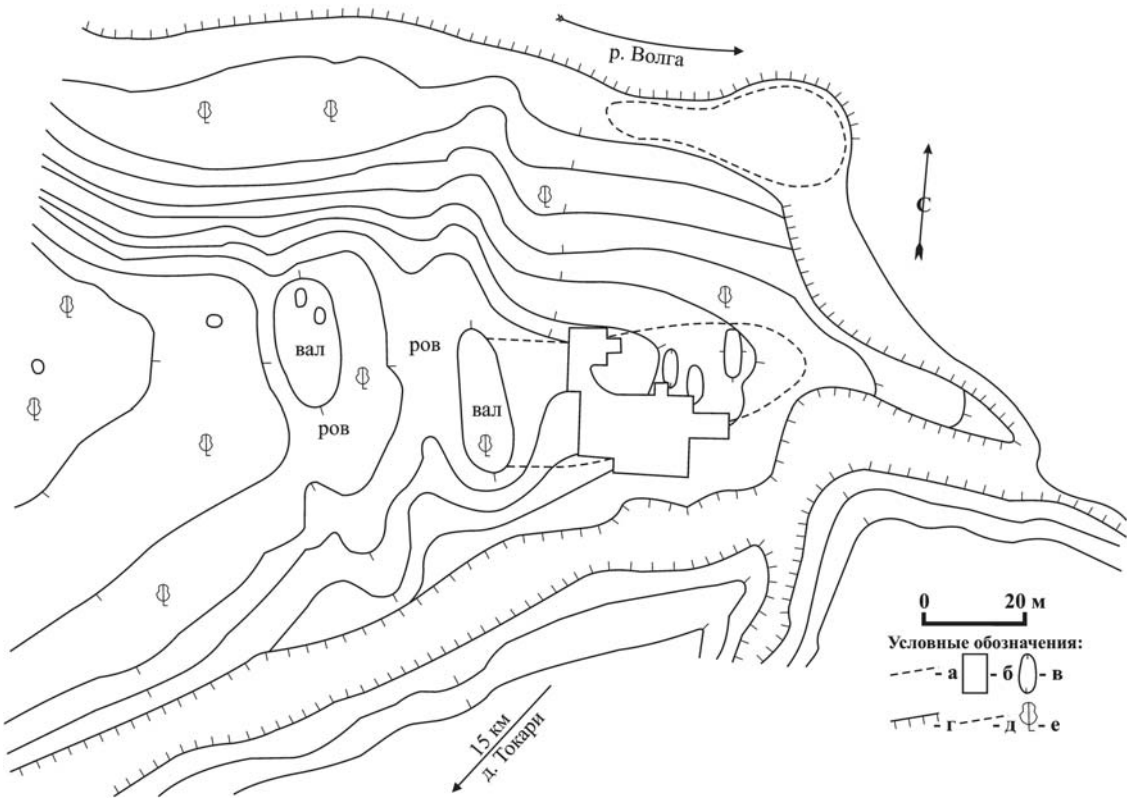


Рис. 7. План Малахайских поселений (а – площадка городища, б – раскоп, в – старые раскопы и шурфы, г – обрыв берега, д – площадка селища, е – деревья).

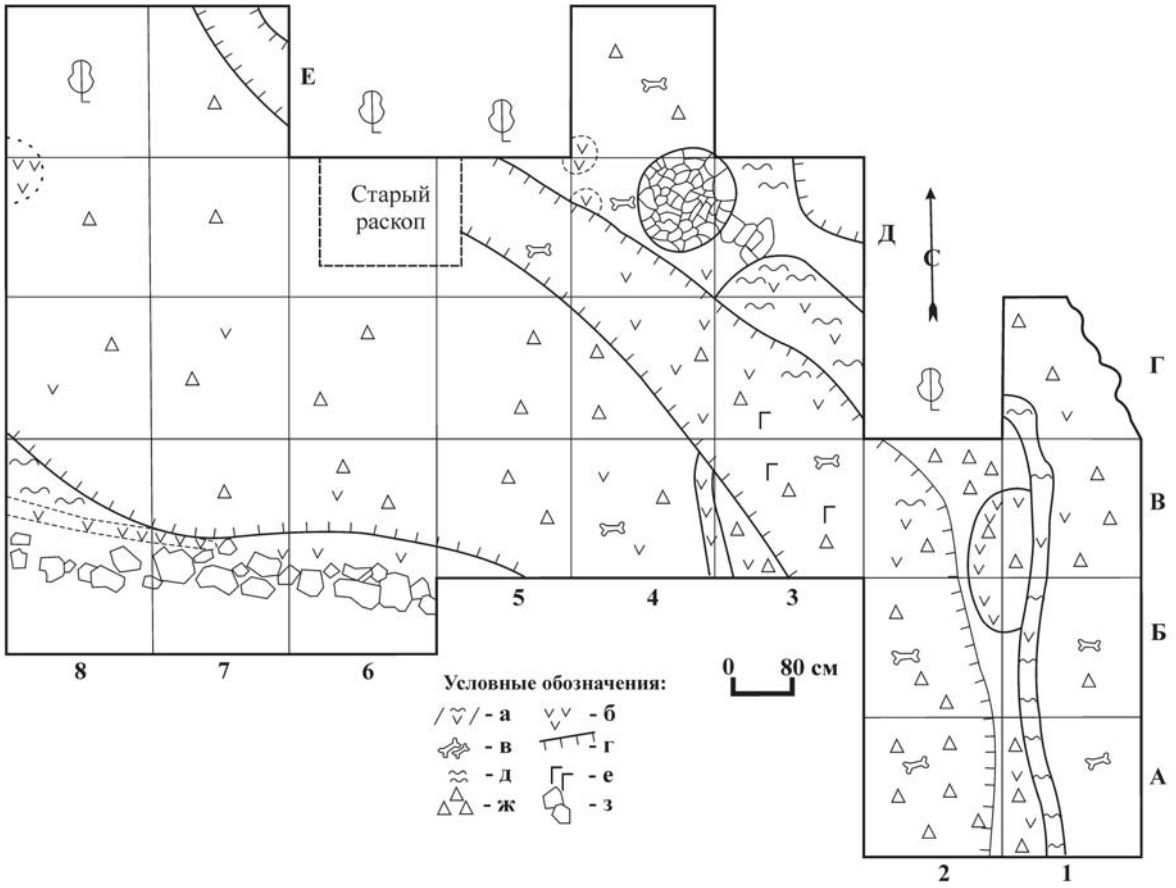


Рис. 8. Малахайское селище. План жилища 1 в раскопе I (а – контуры жилища 1; б – угольки; в – кости; г – граница разлома берега; д – зола; е – гумусные включения; ж – керамика; з – камни).

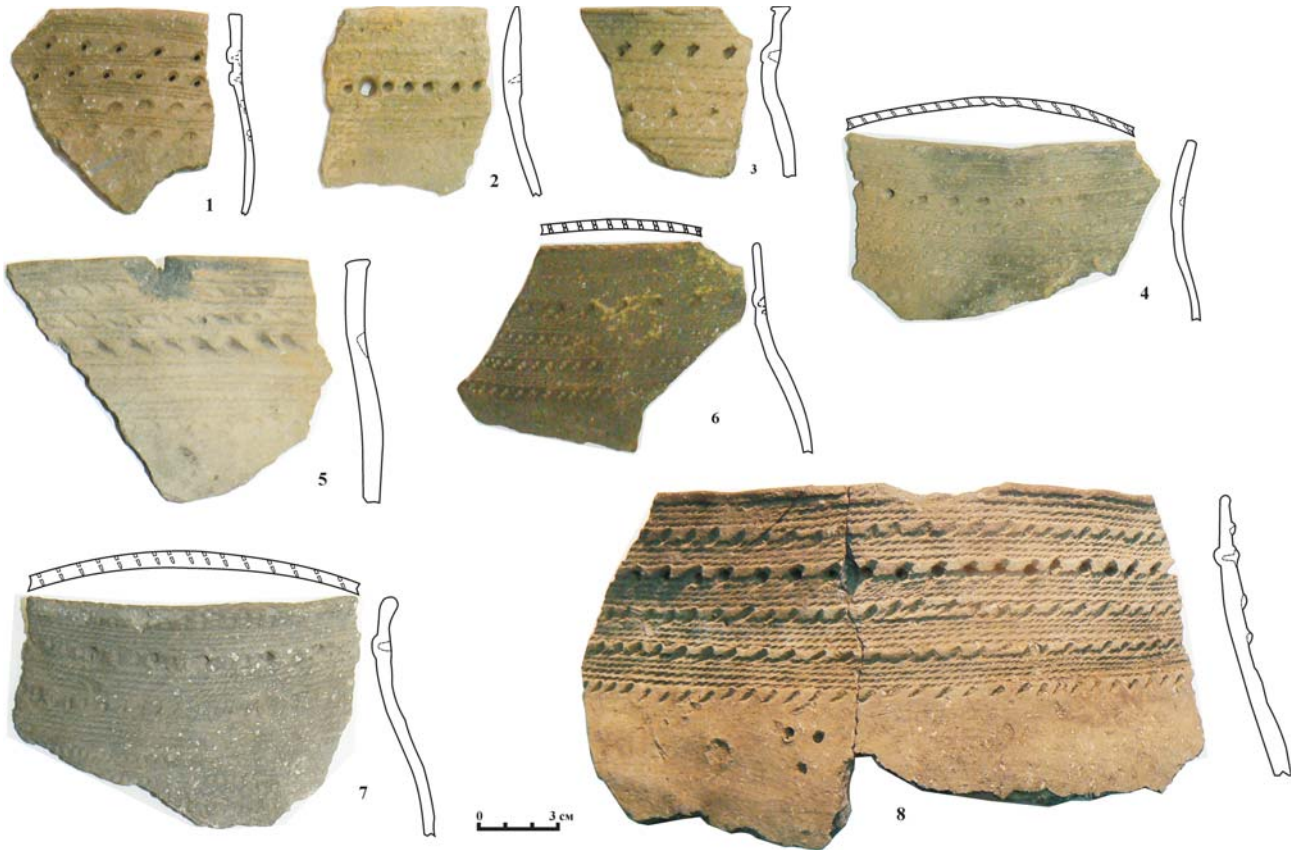


Рис. 9. Малахайское поселение. Гребенчато-шнуровая керамика. Шифр МП-70: 1, 4 – б/н; 3 - 212; 4, 6, 8 – 11; 5 – 140; 7 – 389.

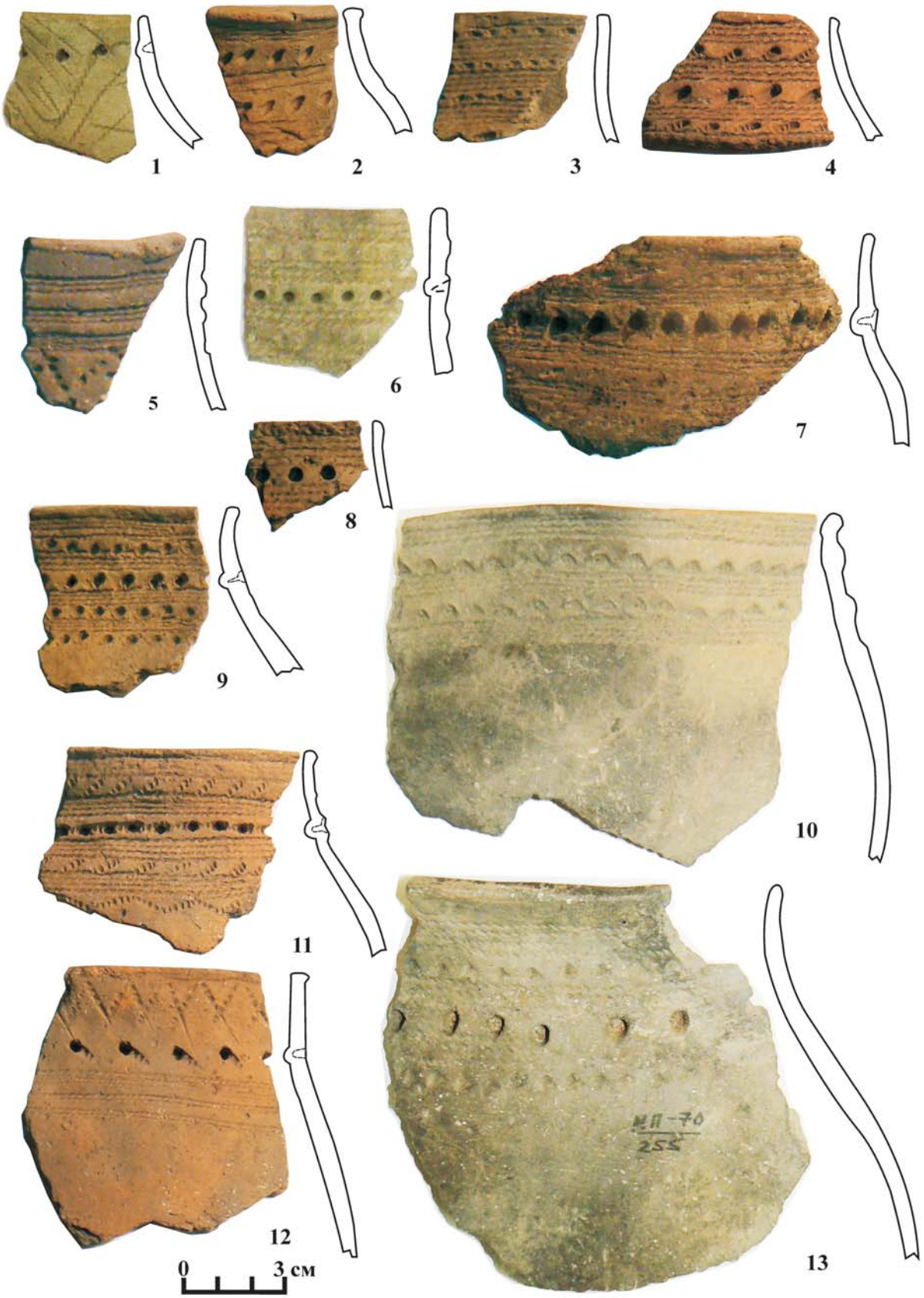


Рис. 10. Малахайское поселение. Гребенчато-шнуровая керамика. Шифр МП-70: 1 – 86; 2 – 393; 3 – 102; 4 – 105; 5 – 52; 6 – 160; 7,8 – б/н; 9 – 70; 10 – 174; 11 – 175; 12 – 180; 13 – 255.

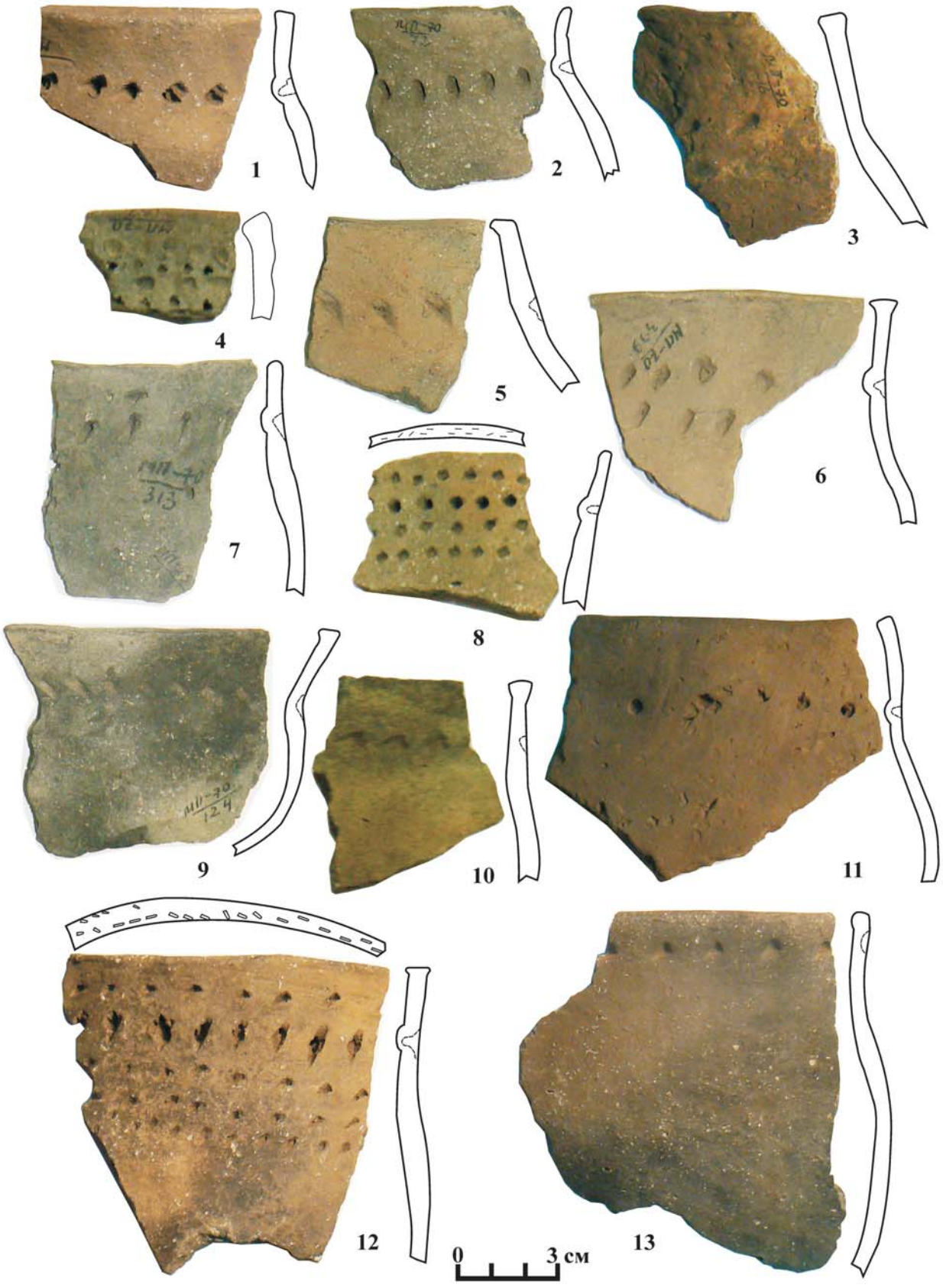


Рис. 11. Малахайское поселение. Керамика с ямочной орнаментацией. Шифр МП-70: 1 – 128; 2 – 72; 3 – 76; 4 – 139; 5 – 188; 6 – 399; 7 – 313; 8 – 50; 9 – 124; 10 – 274; 11 – 8; 12 – 379; 13 – 248.

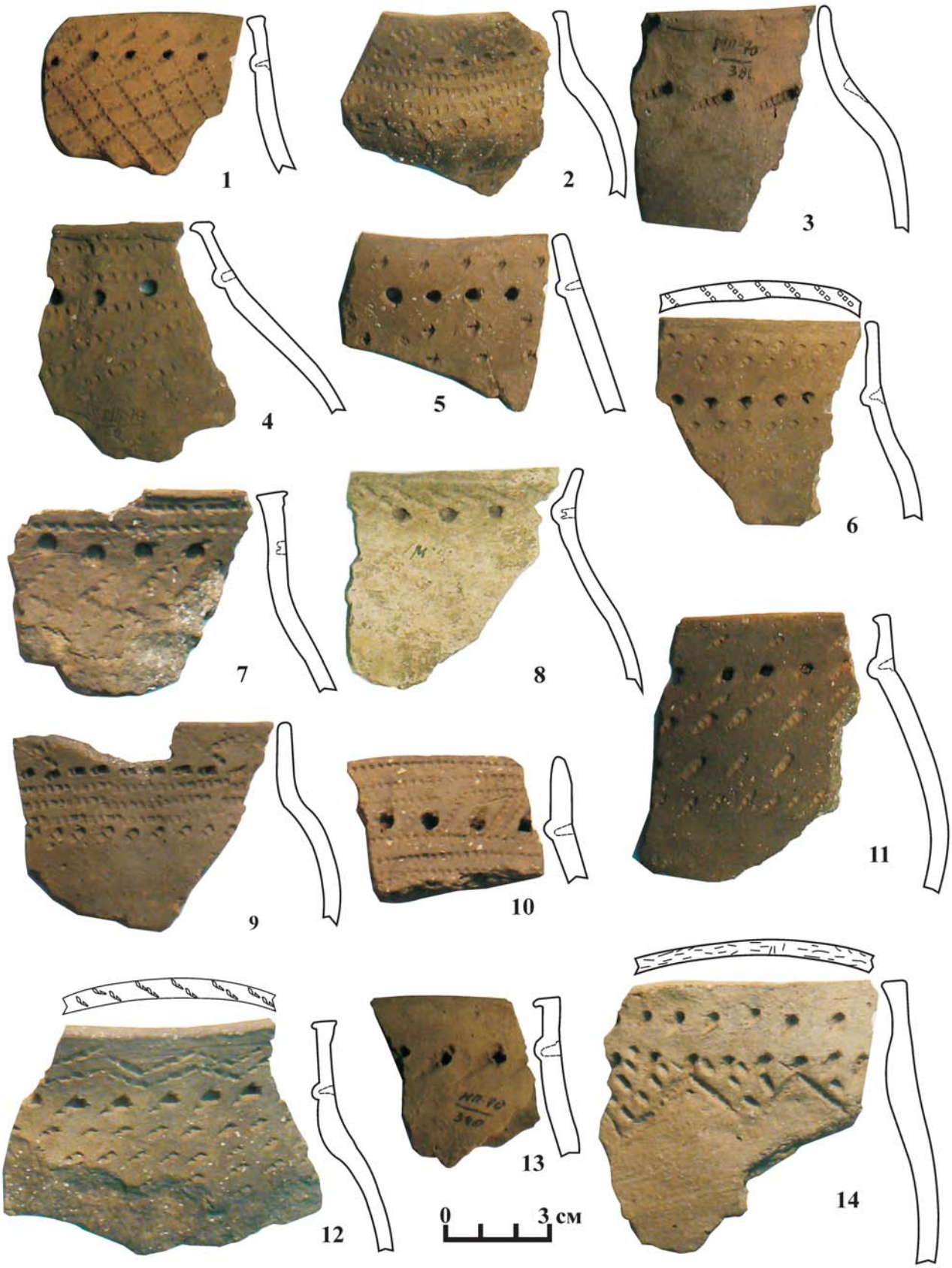


Рис. 12. Малахайское поселение. Керамика с ямочной орнаментацией. Шифр МП-70: 1 – 393; 2 – 175; 3 – 281; 4 – 10; 5 – 170; 6 – 59; 7 – 376; 8 – 131; 9 – 123; 10 – 140; 11 – 202; 12 – 28; 13 – 340; 14 – 193.

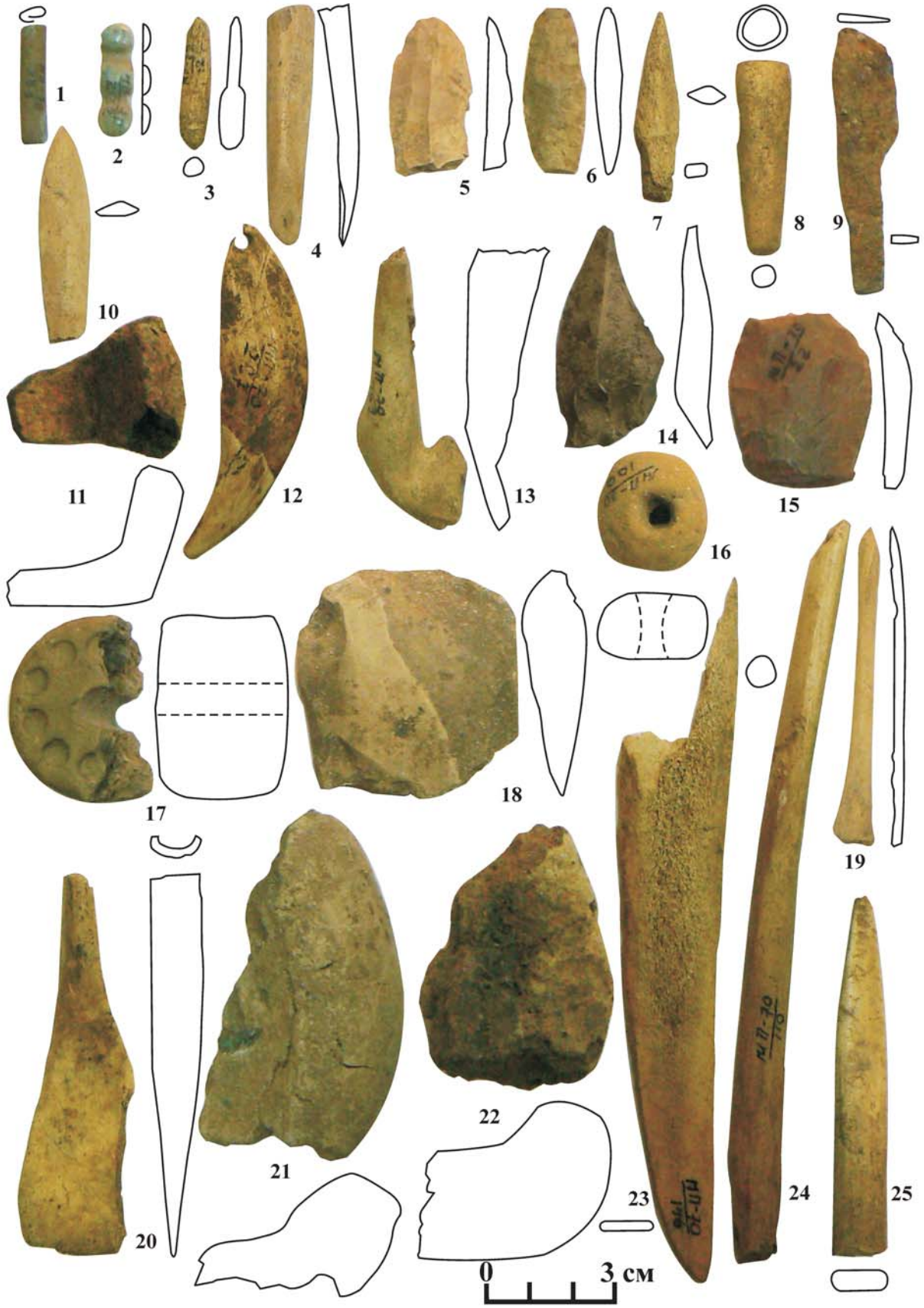


Рис. 13. Малахайское поселение. Индивидуальные находки. Шифр МП-70: 1 – 233; 2 – 232; 3 – 72; 4 – 236; 5,6,14,18 – б/н; 7 – 200; 8 – 240; 9 – 217; 10 – 153; 11 – 62; 12 – 227; 13 – 102; 15 – 22; 16 – 100; 17 – 85; 19 – 126; 20 – 104; 21 – 39; 22 – 184; 23 – 146; 24 – 110; 25 – 133. 1, 2 – бронза; 3, 4, 7, 8, 10, 12, 13, 19, 20, 23–25 – кость; 5, 6, 14, 15, 18 – камень; 9 – железо; 11, 16, 17, 21, 22 – глина.

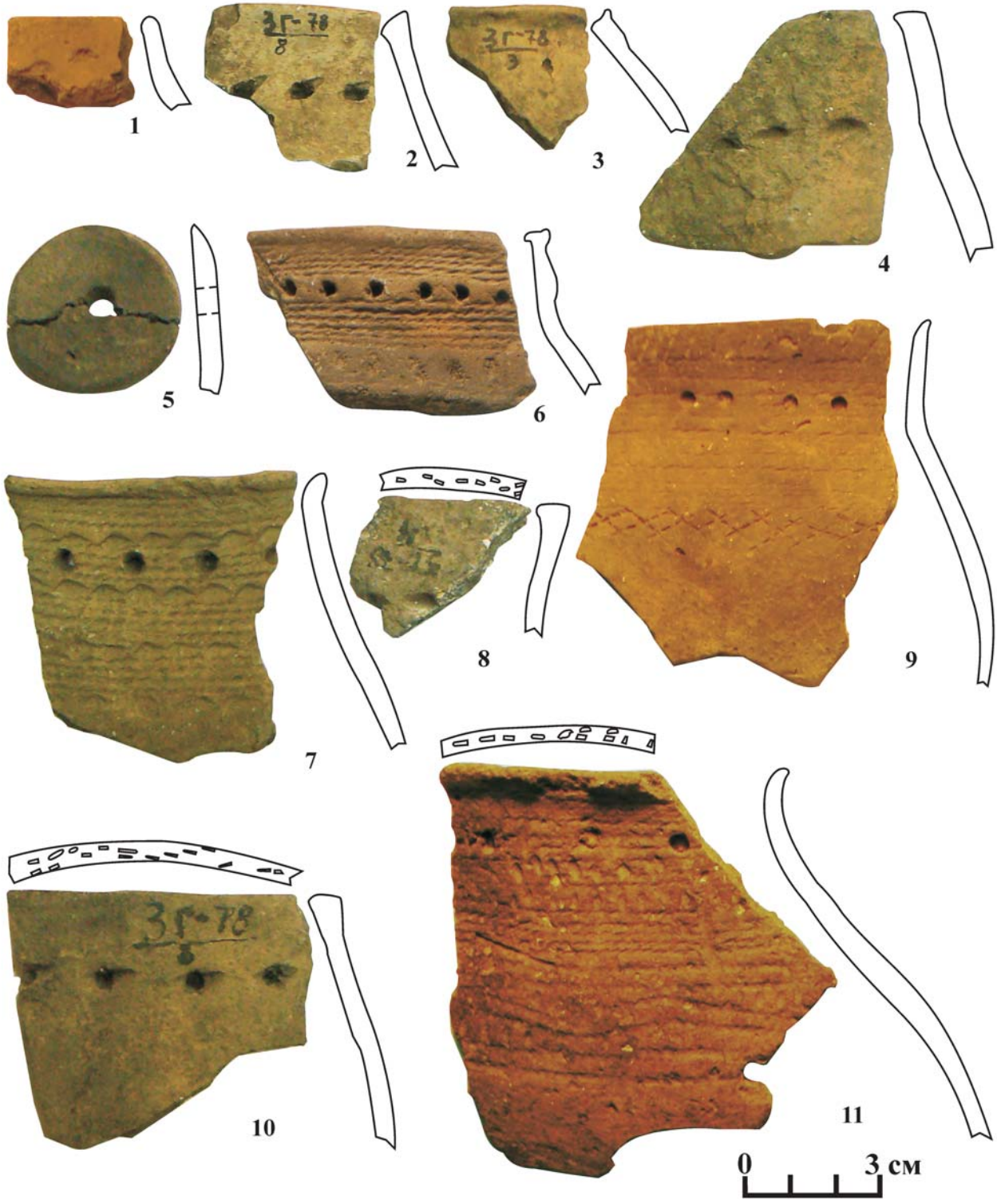


Рис. 14.Звениговское городище. АМ МарГУ, колл. 205, глиняная посуда и пряслице (5): 1 – 111; 2 – 8; 3 – 3; 4 – 1; 5 – 3; 6 – 30; 7 – 2; 8 – 4; 9 – 77; 10 – 8; 11 – 6.

УДК 903 (470.57)

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ КАРА-АБЫЗСКОГО ГОРОДИЩА (ПО МАТЕРИАЛАМ РЕКОГНОСЦИРОВОЧНЫХ РАБОТ 2015 Г.)[1]

© 2017 г. А.С. Проценко

Данная работа вводит в научных оборот материалы, полученные в ходе рекогносцировочных работ на Кара-Абызском городище в 2015 г. В ходе исследований была установлена точная граница распространения культурного слоя в юго-восточной части памятника. Начиная с IV–III вв. до н.э. до II – середины III в. н.э. городище, а именно его укрепленная площадка, была окружена широким кольцом жилых селищ, которые можно условно назвать «предместьями».

Ключевые слова: кара-абызская культура, лесостепное Предуралье, р. Белая, городище Кара-Абыз.

Статья посвящена анализу материалов опорного поселенческого памятника раннего железного века лесостепной зоны Южного Урала – Кара-Абызского городища, давшего название кара-абызской археологической культуре. Носители этой культуры занимали не очень протяженные территории в среднем течении р. Белой, но сумели при этом оставить один из самых крупных могильников в Восточной Европе – Охлебининский, вблизи которого выявлено еще несколько больших некрополей (Шиповский, Биктимировский и др.).

Памятники кара-абызской культуры попали в поле зрения исследователей довольно давно, однако к их осмыслению приступили значительно позже. История изучения данного поселенческого памятника и археологической культуры в целом уже давалась автором (Проценко, 2015; 2016, с. 179), поэтому останавливаться на данном аспекте в настоящей работе мы не будем.

Кара-Абызское городище расположено в 30 км от г. Уфы (Благовещенский район Республики Башкортостан) на высоком мысу коренной террасы правого берега р. Белой (высотой около 40 м), в 0,8 км к СЗ от северной окраины нежилой д. Городок (ныне коллективные сады «Энергетик») и в 3,9 км к западу от поворота с автотрассы Уфа–Благовещенск на коллективные сады «Энергетик». В 2015 г. р. Белая протекала в 500 м от городища. Площадка памятника – подпрямоугольных очертаний – относительно ровная, хорошо задернована, покрыта крупным кустарником, частично залесена. С двух сторон городище ограничено оврагами, с напольной стороны защищено двумя линиями валов и рвов. Они отделяют площадку от плато, которое дальше к востоку постепенно возвышается. Общая площадь памятника составляет около 9600 м².

Предыдущие исследователи указывали на расположение с напольной стороны двух валов и рвов (АКБ, с. 120), но в 2010 г. входе инвентаризации состояния памятников археологии РБ Р.Р. Насретдинов и И.И. Бахшиев (2010) установили, что на момент осмотра фиксировался лишь один прямой вал с загнутыми округлыми концами, перекрывающий площадку городища (ранее – внутренний), общей длиной около 135–140 м, шириной у основания 10–15 м, высотой 0,5–1 м. Фиксируется небольшой разрыв вала шириной 4 м, разделяющий вал на две части (90–100 и 40 м). С внешней стороны параллельно валу проходит ров шириной 13–15 м и глубиной 3–5 м. Второй (внешний) вал визуально практически не фиксируется.

В 2015 г. археологическим отрядом экспедиции БГПУ им. М. Акмуллы были произведены рекогносцировочные работы в юго-восточной части памятника. Объект исследования располагается на мысу, отделенном от основной части памятника дорогой, ведущей от р. Белой к автотрассе Уфа-Благовещенск. Исследования за пределами укрепленных линии городища проводил только А.В. Шмидт в 1928 г., когда им была заложена траншея, местоположение которой в 2015 г. обнаружить не удалось.

При прокладке дороги лог был углублен, при этом была повреждена часть площадки памятника, где расположен раскоп В.А. Иванова. Мыс залесен (кленово-осиновый лес), высота террасы от современной поверхности составляет 30 м, характер склона – обрывистый.

[1] Работа выполнена в рамках проекта РГНФ (№16-31-00010).

Основные результаты исследований. Рекогносцировочные работы на городище Кара-Абыз позволили установить, что культурный слой имеется не только на укрепленной площадке городища (исследования на укрепленной площадке проводились: в 1928 г. А.В. Шмидтом и в 1977 г. В.А. Ивановым) но и за ее пределами. Так, А.В. Шмидт отмечал, что «область распространения культурных остатков к востоку от вала довольно значительна и охватывает площадь примерно 200×80 м, следовательно, около 16000 кв.м. Кроме того, культурный слой имеется на надпойменной террасе непосредственно южнее Кара-Абыза, где на мысу между южным логом городища и обрывом к Белой примерно на 100 м в длину и 70 м в ширину, занимая площадь около 7000 кв.м» (Шмидт, 1929, с. 9).

В 2015 г. главной задачей работ было установление границы распространения культурного слоя в юго-восточной части памятника (рис. 1).

Стратиграфия во всех шурфах практически однотипная: дерн (0,1–0,15 м) – серый, сухой, рассыпчатый, комковато-зернистый слой, пронизанный корнями растений, под ним залегал слой гумуса – темно-коричневый, влажный, супесчаный, бесструктурный (от 0,5–0,55 м до 1,1–1,16 м) и суглинок (в шурфе № 6 были зафиксированы две прослойки темного гумуса, а в шурфе № 7 под гумусом залегали слои: светло-серого цвета с вкраплениями известняка и плотного гумуса).

Исследования показали, что основная часть культурного слоя не потревожена. Характерной чертой данного памятника является высокая насыщенность культурного слоя керамическим и археозоологическим материалом (Проценко, Сатаев, 2016, с. 125–133).

Данные по керамическому материалу сведены в таблицу. Всего получено 615 фрагментов керамики (рис. 2). Наибольшая концентрация материала встречена в 1–3 горизонтах, в нижележащих горизонтах количество материала идет на спад. У большей части сосудов фиксируется примесь толченой раковины, у небольшой – крупного непросеянного песка.

Место нахождения	Подъемный материал		Горизонт 1		Горизонт 2		Горизонт 3		Горизонт 4		Горизонт 5		Горизонт 6		Горизонт 9		Итого
	Стенки	Венчики	Стенки	Венчики	Стенки	Венчики	Стенки	Венчики	Стенки	Венчики	Стенки	Венчики	Стенки	Венчики	Стенки	Венчики	
Шурф №1	16	5	13	2	39	4	69	12	7	2	6	–	–		–		175
Шурф №2	–		19	6	13	1	2	–	11	–	9	–	3	–	10	-	74
Шурф №3	–	16	85	2	81	14	55	6	8	–	–		–		–		267
Шурф №4	–		4	2	–		–		–		–		–		–		6
Шурф №5	7	–	–	2	–		7	–	1	1	–		–		–		18
Шурф №7	–		34	5	29	6	–		–		–	1	–		–		75

Орнамент на керамике чаще всего располагается на основании горла и верхней части плечика. Основная масса керамики украшена пояском круглых ямок либо вдавлений округло-овальной формы (рис. 3, *6-8*). Ряд сосудов орнаментирован насечками различных видов (рис. 2, *8*), у одного сосуда срез венчика также украшен насечками. Орнамент с гребенчатым штампом и шнуровая керамика не выявлены. Каких-либо закономерностей в расположении керамики с различными типами орнаментации по горизонтам не прослежено.

Таким образом, по составу керамического материала культурный слой за пределами укрепленной линии можно считать гомогенным. Отсутствие стерильных прослоек показывает, что поселение использовалось непрерывно на протяжении длительного времени[2].

[2] Полная публикация керамического материала, полученного в ходе исследований 2015 г. будет дана в отдельной публикации.

Датирующим материалом на городище являются индивидуальные находки, полученные в ходе исследований (23 экз.).

В шурфе № 1 обнаружены: железные предмет (игла или шило) и нож с выгнутым серповидным клинком (Иванов, 1984, с. 18, 19) длиной 15 см. В 5 м от шурфа № 1, на стрелки мыса, также обнаружен железный нож прямого типа длиной 14 см (Рис. 4). Обнаруженные железные ножи, по мнению В.А. Иванова, были распространены в пьяноборской и кара-абызской культурах.

Из шурфа № 2 (горизонт 2) происходят поясная зооморфная накладка с противопоставленным изображением голов грифонов IV–III вв. до н.э. (Воробьева, 2014, с. 328) и фрагмент железной фибулы с завитком на конце сплошного пластинчатого приемника – группа 13-10, по А.К. Амброзу (1966, с. 45, 46, табл. 6, *3*) – II – середины III в. н.э. (Мошкова, 2000, с. 190) (Рис. 5). Первый из вышеупомянутых предметов характерен для кара-абызской культуры. В большом количестве зооморфные накладки обнаружены А.Х. Пшеничнюком (1981) на одном из реперных погребальных комплексов кара-абызской культуры – Охлебининском могильнике.

В шурфе № 3 обнаружено десять индивидуальных находок. Во 2 горизонте найдены глиняное пряслице из стенки лепного сосуда в виде диска уплощенно-овального сечения диаметром 5,5 см (Рис. 6, *1*), обломок подвески (Рис. 6, *2*) и железный нож с вытянутым серповидным клинком (Рис. 6, *3*). В 3 горизонте выявлен обломок бронзового предмета (Рис. 6, *4*) длиной 2,4 см.

Бронзовые наконечники ананьинской культурно-исторической области достаточно хорошо изучены, благодаря работам А.Х. Халикова, В.С. Патрушева, С.В. Кузьминых. В настоящее время бесспорным представляется то, что ананьинское население, восприняв многие скифские, а в большей степени савроматские типы бронзовых наконечников, имело собственное производство (Черных и др., 2002, с. 32). Наконечники стрел с Кара-Абызского городища не отличаются разнообразием – все втульчатые, трехлопастные, все найдены в шурфе № 3 и представлены двумя типами.

Тип 1 (4 экз., рис. 6, *5*) соотносится с типом С-34, по С.В. Кузьминых, – наконечники со сводчатым пером с заостренными лопастями и выступающей втулкой. Употреблялись ананьинцами с рубежа VII–VI в. до н.э. по III в. до н.э. Однако позднейшие варианты наконечников IV–III вв. до н.э. представлены в основном в кара-абызских памятниках бассейна р. Белой и сопоставимы с прохоровскими не только по типу, но и по химическому составу (Кузьминых, 1983, с. 107, 108). Подобный бронзовый наконечник стрелы был обнаружен В.В. Овсянниковым, на селище Воронки (Овсянников, 2014, с. 306, рис. 2, *14*). Его вероятной датой исследователь считает VI – начало IV вв. до н.э. (Там же, с. 309). Необходимо отметить, что этот тип наконечников распространен на большинстве памятников кара-абызской культуры.

Тип 2 (2 экз., рис. 6, *6*), соответствует типу С-50, по С.В. Кузьминых, – наконечники со сводчатым и треугольным пером с лопастями, опущенными ниже втулки шипами. В VI–V вв. до н.э. фиксируется появление наконечников данного типа у ананьинцев, на V в. до н.э. приходится пик их использования на Каме, причем употребляются исключительно экземпляры со сводчатым пером. Наконечники IV–III вв. до н.э. более грубые, с нечетким разделением втулки и лопастей, с более узкой «базой», они в основном представлены в кара-абызских памятниках (Кузьминых, 1983, с. 110).

Все найденные бронзовые втульчатые наконечники стрел также укладываются в типологию, разработанную К.Ф. Смирновым для савромато-сарматских бронзовых стрел. По номенклатуре исследователя, это типы VI-А и VI-Б (Смирнов, 1961, с. 32). Все указанные типы стрел у сармат Поволжья и Приуралья в основном бытуют в IV–II вв. до н.э., но в III–II вв. до н.э. на территории современной Башкирии у сарматов Южного Приуралья уже полностью господствуют стрелы с внутренней втулкой, т.е. типы XI–XIII (Мошкова, 1962, с. 81).

В шурфе № 7 обнаружены восемь индивидуальных находок. С 1 горизонта происходят, следующие: глиняное пряслице (рис. 7, *2*) из стенки сосуда с примесью раковины в виде диска уплощенно-овального сечения диаметром 4,5 и толщиной 0,8 см; костяное грузило (рис. 7, *1*) высотой 2 см, диаметром верхней части 1,2 см, нижней – 2 см; бронзовая накладка с ушком на обороте и плоской поверхностью (рис. 7, *3*). Последнее украшение, по мнению С.Л. Воробьевой, является наиболее архаичным, и экземпляры, аналогичные ананьинским, происходят из Шиповского курганного могильника, где они найдены на поясе в комплексе IV–II вв. до н.э. (Воробьева, 2014, с. 321). Также на 1 горизонте были обнаружены два альчика (рис. 7, *4*) (или астрагала, по А.Х. Пшеничню-

ку), один из которых со сквозным отверстием. Данный тип находок характерен для погребений кара-абызской культуры; большое количество их обнаружено А.Х. Пшеничнюком на Охлебининском могильнике.

Таким образом, в древнейшую эпоху укрепленная площадка городища, или «кремль», была окружена широким жилым кольцом, или «предместьями». Границу одного из таких «предместьев» и удалось установить в ходе рекогносцировочных работ в 2015 г. Площадь распространения культурного слоя за укрепленной частью составила 5100 м². Также необходимо отметить, что мощность культурного слоя «предместья» намного меньше, чем на укрепленной площадке. Как и предшественникам, нам не удалось обнаружить признаков землянок или других сооружений. Возможно, права А.В. Збруева, что «жилища до сих пор не обнаружены из-за незначительности раскопанной площади, трудно представить себе, что на столь возвышенных и открытых для холодных зимних ветров местах, легкие шалаши или балаганы могли бы служить достаточной защитой от холода и ветра во время долгой суровой зимы» (Збруева, 1952, с. 302).

Датирующим материалом являются бронзовые втульчатые наконечники стрел, которые укладываются в типологию, разработанную С.В. Кузьминых и бытуют в среде кара-абызского населения IV–III вв. до н.э.

Еще одним датирующим предметов является обломок бронзовой зооморфной накладки – данный вид поясных украшений встречается в погребениях IV–III вв. до н.э. Охлебининского могильника. Достаточно редкой и интересной находкой является фрагмент железной фибулы, которая датируется II – серединой III в. н.э.

Интересен и тот факт, что на исследуемой территории не обнаружено материалов эпохи Средневековья, несмотря на то, что на укрепленной площадки городища они представлены керамикой бахмутинской и чияликской культуры (Проценко, 2016, с. 180).

ЛИТЕРАТУРА

Амброз А. К. Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н.э. – IV в.н.э. / САИ. Вып. Д1-30. М.: Наука, 1966. 140 с.

Археологическая карта Республики Башкортостан. М.: Наука, 1976. 262 с.

Воробьева С.Л. Ананьинский компонент кара-абызской культуры (по материалам костюмного комплекса) // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 314–330.

Иванов В.А. Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа. М.: Наука, 1984. 87 с.

Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М.: Наука, 1983. 257 с.

Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху / Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. V / МИА. № 30. М.: АН СССР, 1952. 326 с.

Мошкова М.Г. О раннесарматских втульчатых стрелах // КСИА. 1962. Вып. 89. С. 77–81.

Мошкова М.Г. Фибулы из позднесарматских погребений Южного Приуралья: вопросы хронологии и производства // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 3 / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ, 2000. С. 186–200.

Овсянников В.В. Селище Воронки – ранний памятник кара-абызской культуры // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 303–313.

Проценко А.С. История изучения кара-абызских древностей в XX веке (начальный этап изучения археологической культуры) // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 17. № 3 (2). С. 559–566.

Проценко А.С. Стратиграфия керамики кара-абызской культуры (по материалам городища Кара-Абыз) // Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX Уральское археологическое совещание) / Гл. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2016. С. 178–181.

Проценко А.С., Сатаев Р.М. К вопросу об основах жизнеобеспечения носителей кара-абызской археологической культуры // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 6 (44). С. 125–133.

Пшеничнюк А.Х. Научный отчет о раскопках Охлебининского могильника (Иглинский район Башкирской АССР) в 1981 г. / Научный архив ИЭИ УНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Ед. хр. 104.

Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов / МИА. № 101. М.: АН СССР, 1961. 170 с.

Насретдинов Р.Р., Бахшиев И.И. Научный отчет об итогах инвентаризации памятников археологии регионального и федерального значения в Благовещенском, Чишминском и Нуримановском районах в Республики

Башкортостан в 2010 г. // Архив НПЦ по охране и использованию недвижимых объектов культурного наследия РБ при МК РБ.

Черных Е.М., Ванчиков В.В., Шаталов В.А. Аргыжское городище на реке Вятке. М.: Институт компьютерных исследований, 2002. 188 с.

Шмидт А.В. Археологические изыскания Башкирской экспедиции Академии Наук: (Предварительный отчёт о работах 1928 г.) // Хозяйство Башкирии. № 8–9. Прилож. № 2. Уфа: Октябрьский натиск, 1929. 28 с.

Информация об авторе:

Проценко Антон Сергеевич, научный сотрудник кафедры отечественной истории Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы (г. Уфа, Российская Федерация); anton.procenko@mail.ru

CERTAIN RESULTS OF STUDYING KARA-ABYZ SETTLEMENT (ON THE BASIS OF THE MATERIALS OF RECONNAISSANCE WORKS CONDUCTED IN 2015)[3]

© 2017 A.S. Protsenko

This paper introduces into scientific discourse the materials obtained during the conduct of reconnaissance works at Kara-Abyz settlement in 2015. The study allowed to establish the exact boundary of the cultural layer in the southeastern portion of the site. Since the 4th-3rd centuries B.C. until the 2nd - mid-3rd century A.D. the settlement, namely its fortified platform, was encircled by dense residential villages which can be conditionally referred to as 'suburbs'.

Keywords: Kara-Abyz culture, forest-steppe Cis-Urals, Belaya river, Kara-Abyz ancient settlement.

About the author:

Protsenko Anton S. Research Scientist of the National History Faculty of Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla (Ufa, Russia); anton.procenko@mail.ru

[3] The work was carried out within the framework of a project of the Russian Foundation for the Humanities (No. 16-31-00010).

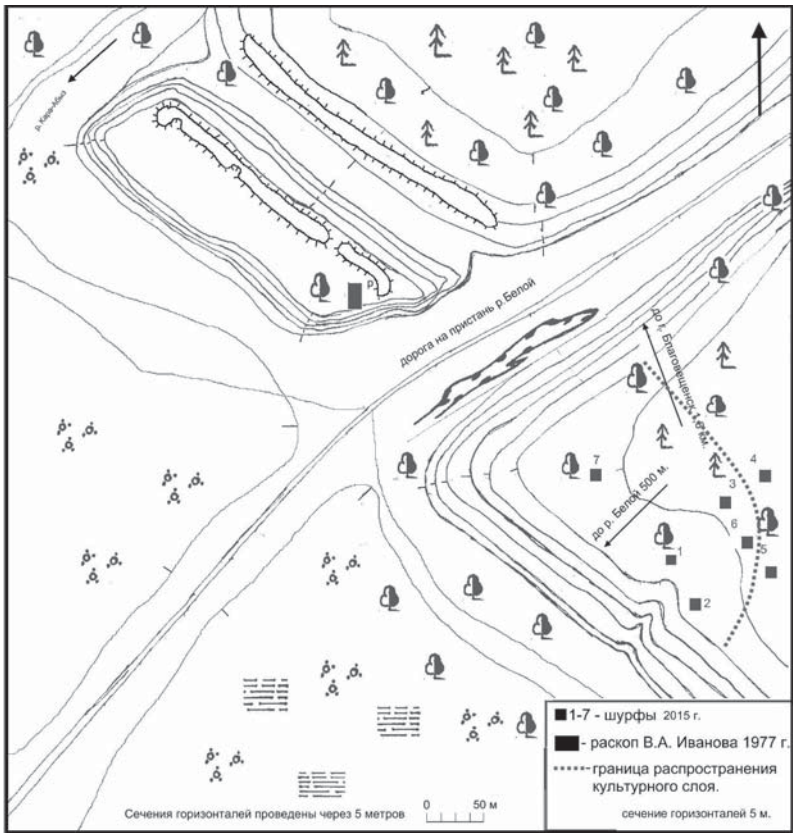


Рис. 1. Топографический план, городища Кара-Абыз.

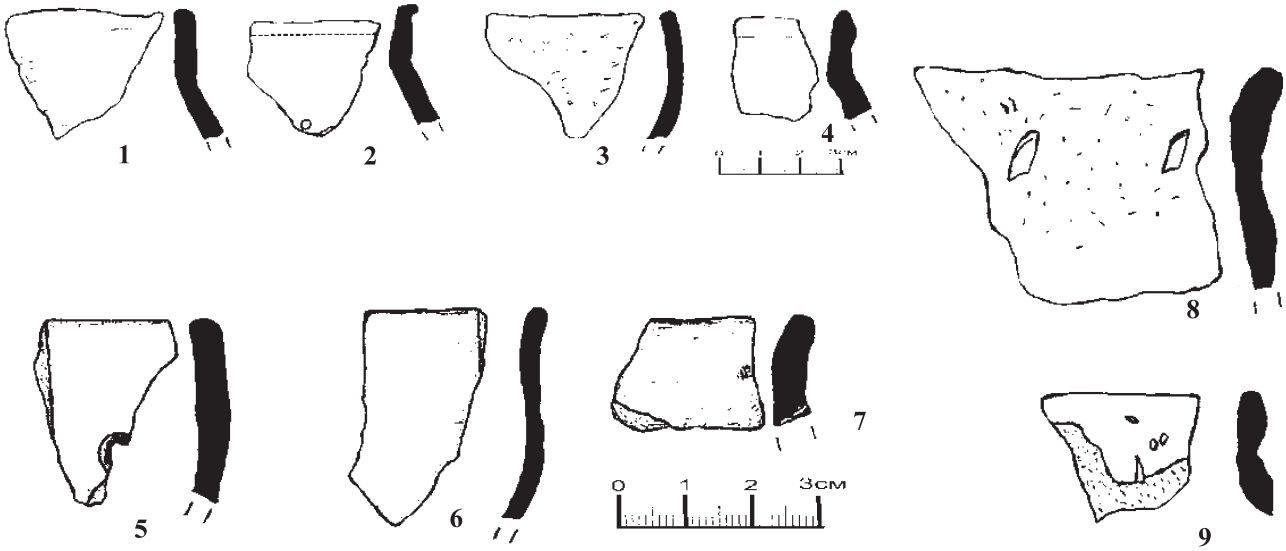


Рис. 2. Фрагменты керамического материала: 1–4 – шурф № 1, подъемный материал; 5–7 – шурф № 1, гор. 2; 8, 9 – шурф № 3, подъемный материал.

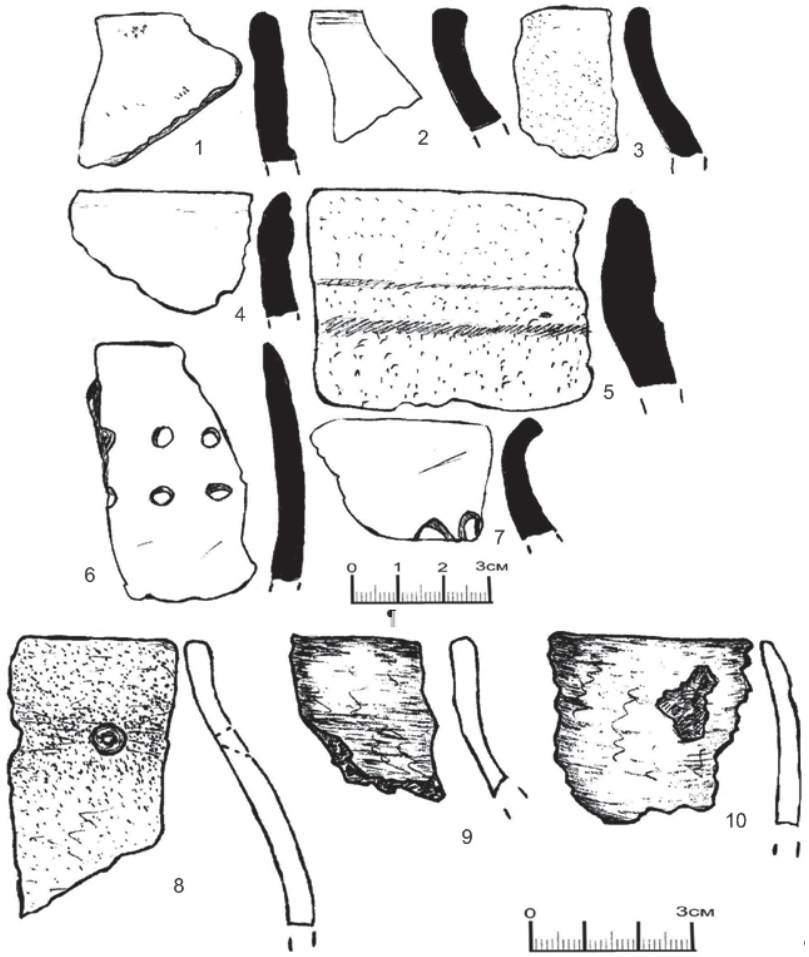


Рис. 3. Фрагменты керамики: 1–7 – шурф №3, гор. 2; 8–10 – шурф № 7, подъемный материал.

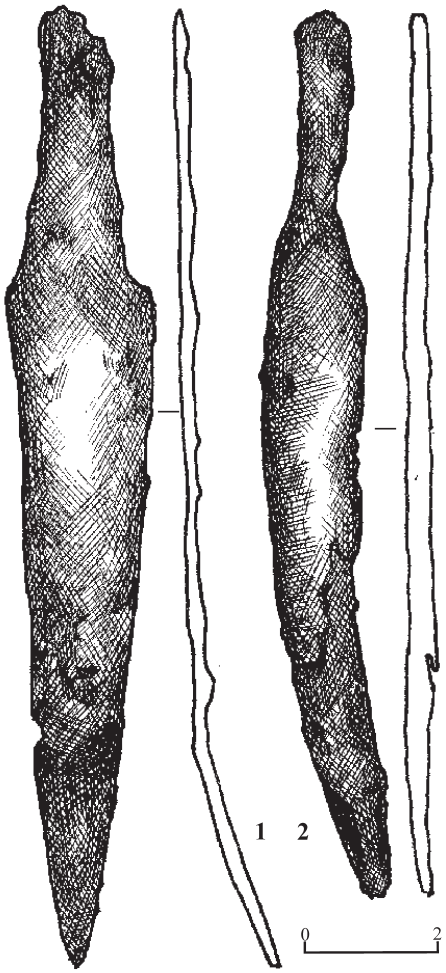


Рис. 4. Железные ножи.

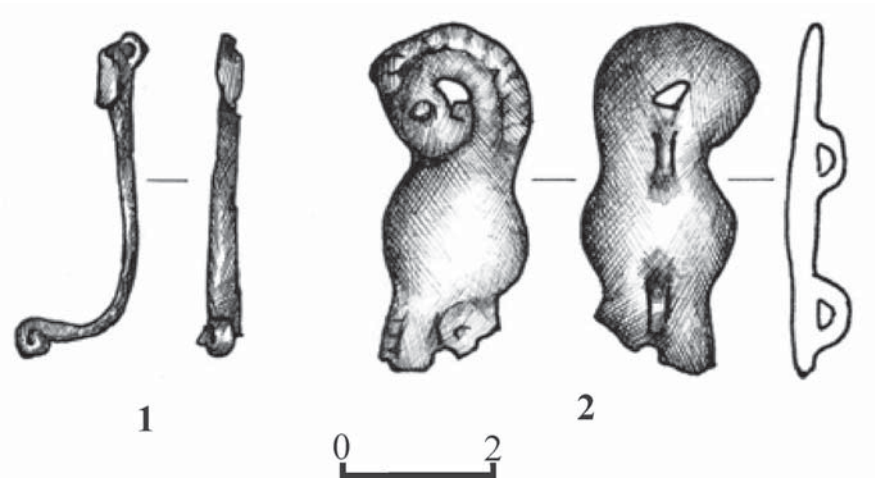


Рис. 5. Индивидуальные находки из шурфа № 2.

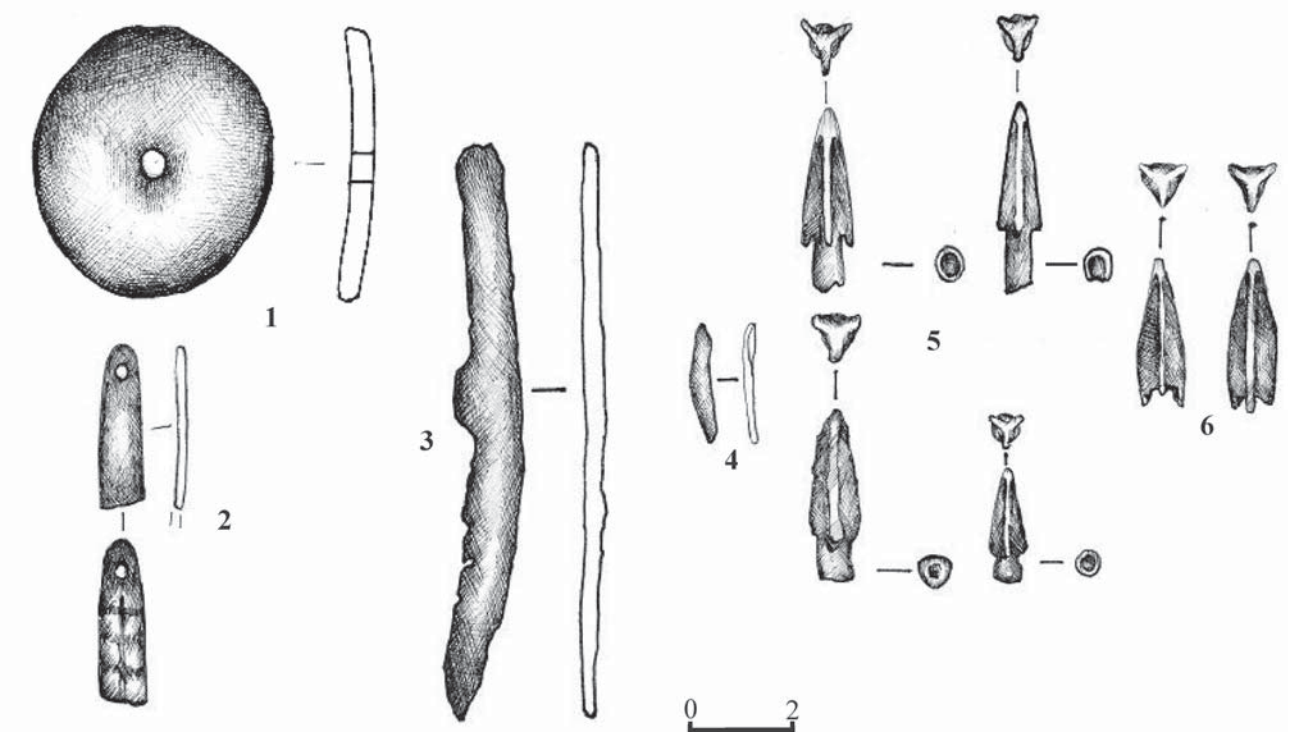


Рис. 6. Индивидуальные находки из шурфа № 3.

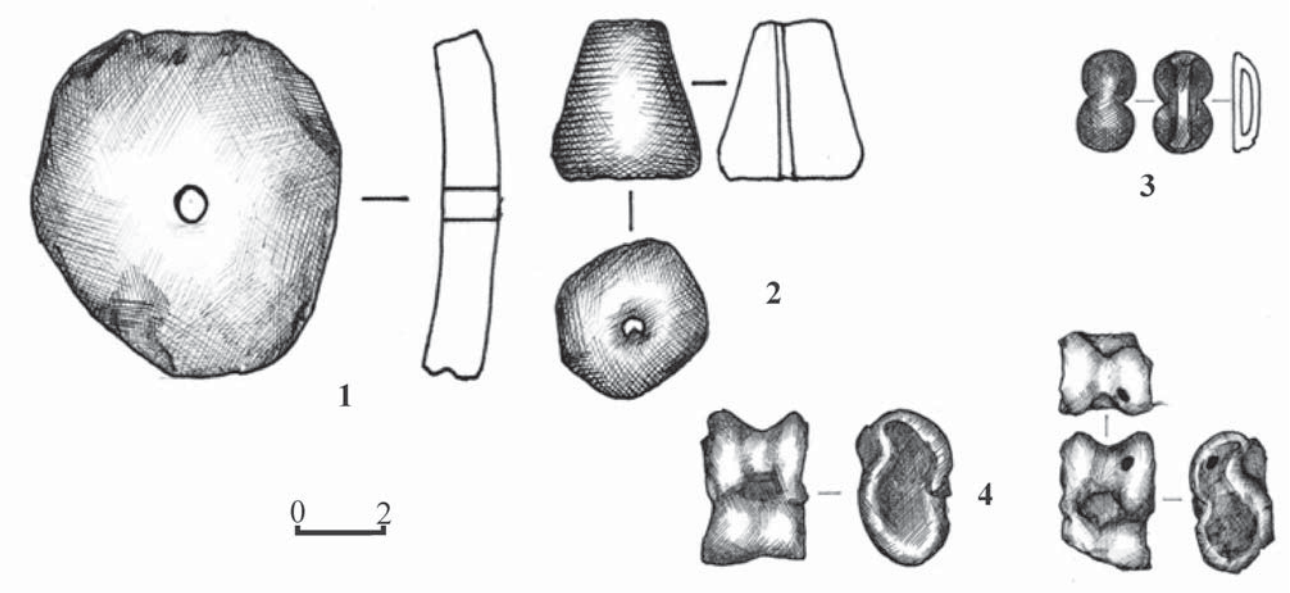


Рис. 7. Индивидуальные находки из шурфа № 7.

АНАНЬИНСКИЙ МИР: ПРОБЛЕМЫ КОНЦА АКИО И ПОСТАНАНЬИНСКОЕ ВРЕМЯ

Вид с северо-запада на Зуево-Ключевское I городище, съемка Е.М. Черных, 2003 г.

Вид с территории Зуево-Ключевского I городища на внутреннюю часть вала, съемка А.А. Чижевского, 2017 г.

УДК 572 71

АНТРОПОЛОГИЯ ГУЛЮКОВСКОГО МОГИЛЬНИКА ПО ДАННЫМ КРАНИОЛОГИИ[1]

© 2017 г. И.Р. Газимзянов, Е.В. Волкова

В статье приводятся результаты краниологического анализа антропологических материалов Гулюковского могильника (Мензелинский р-н РТ). По данным погребального обряда и вещевому инвентарю выделяются две группы захоронений, различающиеся по хронологии и культурным традициям. Первую группу составляют языческие погребения позднесарматского времени (IV в. н.э.), а вторую, более многочисленную, – мусульманские захоронения домонгольского периода, оставленные, по мнению авторов исследования, населением чиаликской культуры периода ее формирования. Черепа позднесарматского времени подростка и молодой женщины характеризуются европеоидными чертами. Они не имеет морфологических аналогий среди местных поволжско-приуральских популяций финала железного века. На женском черепе отмечается искусственная деформация лобно-затылочного типа. Более поздняя краниологическая серия из мусульманских захоронений также характеризуется, в целом, европеоидным комплексом признаков. При этом он наиболее выражен в мужской ее части. На женских черепах отмечается монголоидная примесь в виде некоторой уплощенности лицевого скелета и ослабленном выступание носа. Сравнительный анализ с сериями из более поздних мусульманских некрополей чиаликской культуры (Азметьевский, Такталачукский, Дербешкинский) показал, что мужские черепа из Гулюковского могильника на фоне остальных выглядят более европеоидными, а женские – морфологически близкими к ним.

Ключевые слова: Нижнее Прикамье, позднесарматское время, Волжская Булгария, краниология, антропологический тип.

Гулюковский могильник находится в 1–1,2 км к северу от села Гулюково Мензелинского района РТ, на краю второй террасы левого берега реки Ик, левого притока реки Кама (ныне – Нижнекамского водохранилища), и занимает северную часть междуречья левых притоков Ика – рек Тиргауш и Игат, ближе к устью последней. Расположение могильника совпадает с расположением Гулюковской стоянки эпохи неолита-бронзы, известной с 1979 г. (Археологическая карта, с. 37, № 262). Наличие на площади Гулюковской стоянки разрушающихся погребений обнаружено Н.М. Капленко в 1992 году. В разные годы памятник исследовался А.А. Чижевским (1995–1996), Н.М. Капленко (1997–1999), Д.Г. Бугровым и А.Г. Ситдиковым (2006–2007), Р.В. Матвеевым (2009), А.В. Лыгановым и Р.Р. Валиевым (2012), П.В. Красильниковым (2014).

Всего в Гулюковском археологическом комплексе изучено 122 погребения. Из них 16 захоронений относятся к позднесарматской культуре IV в. н.э., 98 – к раннемусульманским захоронениям домонгольского периода, оставленные, по мнению авторов раскопок, населением чиаликской (?) культуры периода ее формирования (Бугров и др., 2010; Бугров, в печати). Антропологический материал из Гулюковского могильника был разной степени сохранности – от средней и до плохой. После реставрационных работ нам удалось измерить и описать практически по полной краниологической программе только два черепа позднесарматского времени – подростка и молодой женщины (погр. 32 и 35). Учитывая малочисленность антропологического материала этого времени с территории Нижнего Прикамья и их важность для понимания расогенетических процессов на Средней Волге, мы сочли возможным дать краткое морфологическое описание этих двух черепов.

Индивидуальное описание черепа из погребения № 32.

Череп подростка-мальчика (ок. 14 лет) был средней сохранности. Черепная коробка высокая, по поперечно-продольному указателю – резко долихокранная, эллипсоидной формы. Учитывая возраст данного индивида и дальнейшее морфологическое изменения в процессе его онтогенеза, все же можно отметить, что лицевой скелет среднеширокий и средневысокий, по пропорциям – мезенный. Орбиты высокие, гипсиконхные. Нос узкий,

[1] Работа выполнена при частичной финансовой поддержке проектов РФФИ (№ 16-06-00284) и «Этническая антропология тюркских групп Республики Татарстан: комплексное исследование».

средневысокий – лепторинный (узконосый). Нижний край грушевидного отверстия заостренной формы. При общей мезогнатности лица в вертикальной проекции, отмечается его резкая профилировка на уровне орбит и скуловых костей. Носовые косточки несколько уплощены. Угол выступания носа средний.

В целом, череп подростка можно отнести к долихокранным европеоидным типам. Наблюдаемая нами некая ослабленность европеоидных черт в вертикальной профилировке лица и горизонтальной уплощенности переносья (мезогнатность, небольшой угол выступания носа и т.д.) связана, возможно, с возрастом погребенного.

Индивидуальное описание черепа из погребения № 35.

Череп средней сохранности, женский возмужалого возраста (ок. 20 лет). Он характеризуется средним продольным, большим поперечным и большим высотным диаметрами черепной коробки. По черепному указателю – суббрахикранный. По соотношениям высотного диаметра к ширине и длине черепа, он относится к категории высокоголовых. Мышечный рельеф в области лба и затылка развит умеренно. Лобная кость узкая, наклонная и имеет некоторую уплощенность в районе лобных бугров. Затылок широкий и также немного уплощен.

Лицевой скелет по абсолютным величинам – средний по ширине и низкий по высоте, по пропорциям относится к категории, относительно, широколицых. Носовое отверстие среднеширокое и низкое, по указателю – платиранное (широконосое). Нижний край грушевидного отверстия носа антропинной (заостренной) формы. Орбиты широкие и средневысокие, мезоконхные.

В горизонтальной проекции прослеживается резкая профилировка лица, как на уровне орбит, так и на уровне скул, в вертикальной – отмечается некоторая общая мезогнатность лицевого скелета. Носовые косточки в профиль выглядят несколько уплощенными. При этом угол выступания носа достаточно большой.

Антропологический тип, несомненно, европеоидный.

На черепе видны следы искусственной деформации лобно-затылочного типа. Степень деформации незначительная. Давление (дощечек ?) проходило по продольной линии черепной коробки от лба к затылку. Также отмечается след от деформирующий повязки в виде позадивенечного углубления.

Таблица 1.
Индивидуальные измерения черепов из погребений №№ 32 и 35 Гулюковского могильника (позднесарматское время).

Признаки	Погребение 32	Погребение 35
Пол	Подросток	Женский
Возраст	ок. 14 лет	ок. 20 лет
1. Продольный диаметр	189.0	173.5
8. Поперечный диаметр	137.5	140.0
17. Высотный диаметр	135.0	132.0
5. Длина основания черепа	92.0	96.0
9. Наименьшая ширина лба	105.0	94.0
45. Скуловой диаметр	125.0	125.0
40. Длина основания черепа	86.0	89.0
48. Верхняя высота лица	66.5	62.0
55. Высота носа	48.0	45.0
54. Ширина носа	20.0	23.5
51. Ширина орбиты	38.0	44.0
52. Высота орбиты	34.5	34.0
20. Ушная высота	117.0	107.5
77. Назомалярный угол	132.7	135.2
Zm. Зигомаксиллярный угол	125.1	124.0
SS. Симотическая высота	5.0	3.4
DS. Дакриальная высота	-	10.6
32. Угол профиля лба	83.0	73.0

72. Общий лицевой угол	82.0	84.0
75(1).Угол выступания носа	24.0	30.0
8:1. Черепной указатель	72.8	80.7
48:45. Лицевой указатель	53.2	49.6
54:55. Носовой указатель	41.7	52.2
52:51. Орбитный указатель	90.8	77.3
SS:SC.Симотический указатель	38.5	34.0
DS:DC. Дакриальный указатель	-	50.6
Нижний край грушевидного отверстия	Antr.	Antr.

Для сравнительного краниологического анализа и определения возможных морфогенетических истоков погребенной в могиле 35 были привлечены локальные позднесарматские женские группы с деформированными черепами с территории Нижнего Поволжья и Подонья (Балабанова, 2003), а также женские серии из могильников пьяноборской, мазунинской (бахмутинской) культур Нижнего Прикамья (Акимова, 1968; Фаттахов, 1978, 1980, 1981).

Учитывая большую морфологическую вариабельность индивидуальной изменчивости, все же отметим, что женский череп из погребения 35 Гулюковского могильника на фоне позднесарматских групп выглядит более европеоидным и не имеет морфологических аналогий среди местных поволжско-приуральских популяций конца раннего железного века (табл. 2). Для последних характерно выраженное проявление «местных» монголоидных черт в некоторой уплощенности лица и ослабленном выступание носа (табл. 3). Исходя из этого, но с большими оговорками, мы можем говорить, что погребенная в могиле 35 Гулюковского могильника – явно не местного происхождения.

Таблица 2.
Сравнение женского черепа из погребения № 35 Гулюковского могильника с локальными женскими позднесарматскими группами Нижнего Поволжья и Подонья, составленные из деформированных черепов.

Признаки	П.35	Заволжск. группа	Калмыц. группа	Астрахан. группа	Аксайск. группа	Иловлин. группа	Донск. группа
1.	173.5	174.8	174.1	174.2	178.9	177.2	179.3
8.	140.0	132.0	134.7	136.9	129.2	124.5	133.6
17.	132.0	134.9	135.9	135.1	136.6	134.7	139.4
9.	94.0	100.2	99.0	97.1	95.0	94.5	98.8
45.	125.0	129.3	129.1	130.9	129.6	127.0	128.8
48.	62.0	69.9	71.6	71.4	70.7	67.0	72.2
43.	103.0	107.9	106.3	106.3	102.9	105.0	107.0
55.	45.0	51.1	51.8	52.0	51.8	50.0	51.6
54.	23.5	24.4	23.8	24.6	24.4	23.5	24.2
51.	44.0	42.9	42.8	42.7	41.6	41.0	43.0
52.	34.0	35.3	35.3	35.8	34.6	32.0	34.9
77.	135.2	137.2	137.8	139.4	138.2	134.9	141.2
Zm.	124.0	128.9	126.7	129.3	127.9	126.1	128.4
SS.	3.4	3.0	3.9	3.7	4.2	4.8	3.9
DS.	10.6	10.9	11.1	11.3	12.9	13.5	11.9
32.	73.0	79.1	78.9	76.2	80.0	72.0	78.1
72.	84.0	87.0	89.9	89.0	86.4	81.0	87.3
74.	76.0	80.9	83.2	77.1	73.9	81.0	76.2
75 (1).	30.0	24.3	25.4	21.6	25.1	28.0	22.0
8:1.	80.7	75.6	77.7	78.6	72.4	70.4	74.7
17:1.	76.1	76.7	77.5	77.5	76.4	74.5	76.4

48:45.	49.6	54.0	55.0	54.6	54.5	51.2	57.0
54:55.	52.2	47.1	46.0	47.4	47.5	47.0	46.9
52:51.	77.3	82.4	82.5	84.1	83.2	78.5	81.0
SS:SC.	34.0	35.4	38.7	41.1	50.9	45.0	42.9
DS:DC.	50.6	45.6	48.7	49.0	59.3	56.3	48.4

Таблица 3.
Сравнение женского черепа из погребения № 35 Гулюковского могильника с женскими сериями из могильников пьяноборской и мазунинской (бахмутинской) культур.

Признаки	П.35	Чегандинский,	Камышлы-Тамакский	Ст. Чекмакский	Ижевский	Бирский (ранний)	Покровский
1.	173.5	179.2	180.5	180.8	178.9	176.4	180.6
8.	140.0	135.4	130.9	134.0	139.9	139.5	136.4
17.	132.0	130.0	125.6	131.1	129.7	138.0	132.9
9.	94.0	95.6	93.9	91.8	98.7	94.3	96.0
45.	125.0	126.1	122.7	126.4	125.7	133.3	127.8
48.	62.0	65.3	65.5	68.9	66.6	65.0	69.5
55.	45.0	48.5	49.3	49.1	46.5	49.5	49.2
54.	23.5	25.0	25.3	24.9	25.6	26.3	25.1
51.	44.0	41.0	39.6	40.6	40.4	39.1	41.2
52.	34.0	32.0	32.4	32.1	32.4	31.1	32.8
77.	135.2	140.9	141.0	140.0	141.8	143.2	139.4
Zm.	124.0	128.1	126.2	128.4	128.9	132.7	129.5
SS.	3.4	3.3	4.1	3.2	2.9	2.7	3.4
DS.	10.6	10.9	11.3	10.4	10.3	10.2	10.3
32.	73.0	86.0	85.4	86.1	84.4	87.0	86.8
72.	84.0	84.5	85.0	82.6	82.9	82.7	84.0
74.	76.0	74.3	75.5	75.7	74.6	-	73.7
75 (1).	30.0	20.9	18.3	21.4	20.7	19.0	22.4
8:1.	80.7	75.7	75.9	74.4	74.2	78.7	75.5
17:1.	76.1	73.9	69.6	72.8	72.9	78.2*	74.9
48:45.	49.6	51.5	52.7	54.6	52.9	49.8	54.1
54:55.	52.2	51.9	51.4	50.8	55.4	53.1*	50.8
52:51.	77.3	77.9	82.4	78.7	80.2	79.5*	79.6
SS:SC.	34.0	36.1	43.7	39.8	37.8	33.4	39.6
DS:DC.	50.6	46.1	53.1	50.1	52.0	43.7	47.1

* - вычислено по средним

Краниологическая характеристика средневековых мусульманских захоронений Гулюковского могильника.

Серия состояла из 6 мужских и 7 женских черепов различной степени сохранности.

Мужские черепа суммарно характеризуются долихокранной черепной коробкой и высокой высотой свода. Лицевой скелет, в масштабе европеоидных групп, достаточно широкий и высокий, по пропорциям – мезенный. Орбиты средневысокие и среднеширокие, мезоконхные (табл. 4). Носовое отверстие также описывается средними параметрами. Переносье средней высоты, умеренно профилировано. Угол выступания носа – среднее. В вертикальной проекции мужские черепа резко ортогнатны, а в горизонтальной – умеренно профилированы на всех уровнях. В целом мужская часть гулюковской краниологической серии описывается европеоидным комплексом.

Женские черепа, с учетом полового диморфизма, по сравнению с мужскими характеризуются несколько иным краниокомплексом. Они имеют более короткую черепную коробку и меньшую высоту свода. Лицо более низкое и по пропорциям более широкое. Умеренная горизонтальная профилировка лица на уровне орбит сочетается с некоторой уплощенностью его на уровне скуловых костей. Угол

носа небольшой. Таким образом, в составе женской части гулюковской популяции отмечается монголоидный компонент, вероятно, уральского генезиса.

Таблица 4.
Некоторые краниометрические параметры серии черепов из средневековых захоронений Гулюковского могильника.

Признаки	Мужские		Женские	
	N	X	N	X
1. Продольный диаметр	5	187.2	6	171.9
8. Поперечный диаметр	6	138.0	7	137.9
17. Высотный диаметр	6	139.6	6	129.1
5. Длина основ. черепа	6	105.3	5	94.1
9. Наимен. ширина лба	5	99.1	7	96.1
45. Скуловой диаметр	2	139.7	4	129.8
40. Длина основ. черепа	4	102.5	3	97.9
48. Верхняя высота лица	3	73.3	4	62.0
55. Высота носа	4	51.3	4	46.8
54. Ширина носа	3	24.3	4	24.5
51. Ширина орбиты	5	42.6	4	41.8
52. Высота орбиты	5	33.7	5	31.9
20. Ушная высота	6	117.3	7	114.4
77. Назомалярный угол	4	139.8	4	141.9
Zm. Зигомаксилляр. угол	3	129.6	5	134.8
SS. Симотическая высота	5	4.8	4	5.2
DS. Дакриальная высота	2	12.0	2	11.8
32. Угол профиля лба	5	81.8	4	85.8
72. Общий лицевой угол	3	86.3	4	87.8
75(1).Угол выступ. носа	3	27.0	3	21.8
8:1. Черепной указатель	5	74.3	6	79.6
48:45. Лицевой указатель	2	53.0	4	47.9
54:55. Носовой указатель	3	47.4	4	52.2
52:51. Орбитный указ-ль	5	79.4	4	75.9
SS:SC.Симотич. указ-ль	5	47.1	4	50.2
DS:DC. Дакриал. указ-ль	3	51.0	2	56.8
Нижний край грушевид. отверстия (Antr. %)	4	25.0	6	33.3

Для сравнительного анализа были привлечены краниологические серии из более поздних (13–14 вв.) могильников чиаликской культуры: Азметьевский, Такталачукский и Дербешкинский (Газимзянов, 2000). Из представленной таблицы отметим, что мужские черепа Гулюковского могильника занимают крайние позиции среди чиаликских групп по многим признакам (табл. 5). Они более длинноголовы, более высоголовы и высоколицы с более выступающим переносьем, то есть они более европеоидные на фоне более поздних чиаликских групп, для которых характерна некоторая уплощенность лица со слабым выступанием носа в сочетании с широкими орбитами. При этом следует отметить, что данный тезис из-за малочисленности гулюковской серии пока остается открытым.

Женские черепа, в отличие от мужских, по многим краниометрическим параметрам входят в общий морфотип чиаликских популяций (табл. 6). Вероятно, половая морфологическая дисгармония, прослеживаемая в гулюковской серии, связана с разными этногенетическими истоками ее составляющей. Если в женской ее части преобладает «местный» поволжско-приуральский компонент, то в мужской – явно «пришлый», европеоидный, истоки которого пока не совсем ясны. Данный тезис, также из-за малочисленности гулюковской серии, требует дополнительной аргументации.

Таблица 5.
Сравнение мужских краниологических серий из могильников чиаликской культуры.

Признак	Гулюковский		Азметьевский		Дербешкинский		Такталачук	
	N	X	N	X	N	X	N	X
1.	5	187.2	9	180.7	22	181.3	21	187.7
8.	6	138.0	9	143.4	21	140.1	20	145.1
17.	6	139.6	9	133.2	21	132.2	17	135.1
5.	6	105.3	9	101.2	20	101.6	17	102.8
9.	5	99.1	9	95.9	20	96.6	19	100.9
45.	2	139.7	9	134.7	16	136.1	18	140.2
40.	4	102.5	8	97.3	16	98.1	16	101.1
48.	3	73.3	8	70.1	20	67.3	18	70.4
55.	4	51.3	8	51.0	19	52.6	18	52.4
54.	3	24.3	8	24.4	21	24.7	18	26.1
51.	5	42.6	8	43.2	20	43.1	16	43.9
52.	5	33.7	9	32.9	18	33.2	18	34.1
20.	6	117.3	4	115.6	22	112.6	13	116.9
77.	4	139.8	8	142.1	17	140.9	17	140.1
Zm.	3	129.6	7	131.1	6	124.3	17	130.2
SS.	5	4.8	7	3.9	20	4.2	16	4.3
DS.	2	12.0	7	12.0	12	11.5	16	11.2
32.	5	81.8	6	83.8	15	81.3	15	81.9
72.	3	86.3	6	86.8	15	86.3	15	85.8
75(1).	3	27.0	6	25.8	12	20.1	15	25.8
8:1.	5	74.3	9	79.5	21	77.3	20	78.9
48:45.	2	53.0	8	51.7	16	50.9	17	50.0
54:55.	3	47.4	8	47.9	18	47.5	17	49.5
52:51.	5	79.4	8	76.3	18	76.7	17	77.7
SS:SC.	5	47.1	7	48.4	19	48.1	16	46.7
DS:DC.	3	51.0	7	59.8	12	53.8	11	49.3
Ниж. край груше-ого отверстия (Antr. %)	4	25.0	5	62.5	8	50.0	5	26.5

Таблица 6.
Сравнение женских краниологических серий из могильников чиаликской культуры.

Признак	Гулюковский		Азметьевский		Дербешкинский		Такталачук	
	N	X	N	X	N	X	N	X
1.	6	171.9	9	172.3	15	171.1	20	179.3
8.	7	137.9	9	142.0	14	139.3	19	140.4
17.	6	129.1	9	127.7	14	126.0	15	128.9
5.	5	94.1	9	93.2	14	95.6	16	99.1
9.	7	96.1	9	95.4	10	94.1	18	97.3
45.	4	129.8	9	128.3	10	123.9	16	129.1
40.	3	97.9	9	93.4	10	93.8	17	96.6
48.	4	62.0	9	65.4	11	61.8	16	67.5
55.	4	46.8	9	48.8	11	46.8	16	48.5
54.	4	24.5	9	24.3	10	23.9	16	25.1
51.	4	41.8	9	40.7	14	40.2	17	42.4

52.	5	31.9	9	33.1	11	32.5	17	32.3
20.	7	114.4	7	114.4	13	109.2	13	113.1
77.	4	141.9	8	142.1	7	142.6	12	140.2
Zm.	5	134.8	8	129.9	4	130.9	12	128.4
SS.	4	5.2	8	3.1	14	3.2	9	3.5
DS.	2	11.8	6	9.6	9	10.3	9	10.8
32.	4	85.8	7	86.9	9	86.6	12	83.3
72.	4	87.8	7	87.3	8	85.8	11	84.0
75(1).	3	21.8	6	21.5	5	15.0	8	20.4
8:1.	6	79.6	9	82.4	14	81.6	19	78.4
48:45.	4	47.9	9	50.9	8	49.6	15	52.2
54:55.	4	52.2	9	50.0	9	50.7	16	51.9
52:51.	4	75.9	9	81.6	11	80.9	17	76.3
SS:SC.	4	50.2	8	39.0	14	43.5	9	37.1
DS:DC.	2	56.8	6	48.6	9	47.9	9	50.5
Ниж. край груше-ого отверстия (Antr. %)	6	33.3	6	66.7	13	100.0	11	61.1

ЛИТЕРАТУРА

Акимова М.С. Антропология древнего населения Приуралья. М.: Наука, 1968. 119 с.

Археологические памятники Восточного Закамья / Отв. ред. Е.П. Казаков. Казань: КФАН, 1989. 100 с.

Балабанова М.А. Реконструкция социальной организации поздних сарматов по антропологическим данным // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 6 / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: Волгоград ун-т, 2003. С. 174–195.

Бугров Д.Г., Капленко Н.М., Ситдиков А.Г. К вопросу о начале мусульманизации населения восточной периферии Волжской Булгарии // Научный Татарстан. 2010. № 4. С. 19–25.

Бугров Д.Г. Гулюковский комплекс // Археология Татарстана. Энциклопедия. Казань: ИА АН РТ (в печати).

Газимзянов И.Р. Золотая Орда и этногенетические процессы на Средней Волге // Народы России: от прошлого к настоящему. Антропология. Ч. 2 / Отв. ред. Т.И. Алексеева. М.: Старый сад, 2000. С. 189–216.

Фаттахов Р.М. Антропологическая характеристика населения Удмуртского Прикамья середины I тыс. н.э. // Проблемы этнографии и этнической антропологии / Редкол.: А.А. Воронов и др. М.: Наука, 1978. С. 206–215.

Фаттахов Р.М. Новые антропологические материалы со Средней и Нижней Камы // СМАЭ. Вып. 36 / Отв. ред. И.И. Гохман. Л.: Наука, 1980. С. 130–138.

Фаттахов Р.М. Краниологическая характеристика материалов могильника Старый Чекмак // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: КФАН, 1981. С. 94–109.

Информация об авторах:

Газимзянов Ильгизар Равильевич, кандидат исторических наук, заведующий археобиологической лабораторией, Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан (г. Казань, Российская Федерация); g-ilgizar@yandex.ru

Волкова Елизавета Валерьевна, аспирант, Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан (г. Казань, Российская Федерация); erminea.wolf@gmail.com

ANTHROPOLOGY OF GULYUKOVSKY BURIAL GROUND ON THE BASIS OF CRANIOLOGICAL INFORMATION[2]

I.R. Gazimzyanov, E.V. Volkova

The paper features the results of craniological analysis of anthropological materials from Gulukovsky burial ground (Menzelinsky district of the Republic of Tatarstan). Two groups of burials differing in terms of chronology and cultural traditions have been distinguished on the basis of the funeral rite information and grave inventory. The first group consists of pagan burials dating back to the Late Sarmatian period (4th century A.D.), whereas the second and more numerous group is constituted by Muslim burials of the Pre-Mongol period, which according to the authors were left by the population of the Chialik culture during its formation period. Skulls of a boy and young woman dating back to the Late Sarmatian period are characterized by Caucasian traits. They have no morphological analogies among the local Volga-Ural populations of the Final Iron Age. The female skull features artificial deformation of the fronto-occipital type. A later craniological series from Muslim burials is also generally characterized by a Caucasian complex of traits. It is most pronounced in the male sculls. Female sculls are characterized by a Mongoloid infusion in the form of relatively flattened facial skeleton and a less pronounced nose protrusion. A comparison of the sculls with the series from later Muslim necropoleis of the Chialik culture (Azmetevsky, Taktalachuksky, Derbeshkinsky) demonstrated that the male skulls from Gulyukovsky burial ground appear more Caucasian as compared to others, and the female sculls are more similar to them in terms of morphology.

Keywords: Lower Kama region, Late Sarmatian period, Volga Bolgaria, craniology, anthropological type.

About the Authors:

Gazimzyanov Ilgizar R., Candidate of Historical Sciences, Head of the Archaeobiological Laboratory, Gazimzyanov; g-ilgizar@yandex.ru

Volkova Elizaveta V. postgraduate student, Institute of Archaeology maned after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; erminea.wolf@gmail.com

[2] The work was carried out with the partial financial support of the following projects: No. 16-06-00284 of the Russian Foundation for Basic Research and Ethnic Anthropology of the Turkic Groups of the Republic of Tatarstan: a Comprehensive Study.

УДК 903.8

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ НА АНАНЬИНСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ НИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ПРИКАМЬЯ (КОНЕЦ VI – III ВВ. ДО Н. Э.)

© 2017 г. С.Н. Коренюк, А.Ф. Мельничук, Е.М. Черных

В статье анализируются человеческие жертвоприношения на памятниках поздней стадии ананьинской культуры (кон. VI – III вв. до н. э.) Нижнего и Среднего Прикамья. Определяются причины их появления в позднеананьинских социумах. Большинство ритуальных захоронений приурочено к площадкам святилищ (Гремячанское, Гляденовское) или к сакральным объектам крупных поселений (Аргыжское, Зуевоключевское I). Преобладают детские захоронения. Реже кровавым ритуалам подвергались взрослые люди, являвшиеся пленными или рабами. Во второй половине I тыс. до н.э. в ананьинском обществе Прикамья, очевидно, складывался первичный пантеон божеств. Наиболее значимым из них, управляющим природными стихиями, от которых зависела жизнедеятельность людей во время экстремальных событий, очевидно, и посвящались человеческие жертвы.

Ключевые слова: археология, Прикамье, ананьинская культура, человеческие жертвоприношения, святилища, культовые постройки, инфантицид.

В ходе многолетних исследований памятников ананьинской культуры в Прикамье, наиболее широко изученных раскопками (поселения Гремячанское, Половинное I, Заюрчимское I, городища Аргыжское, Зуевоключевское I, Гляденовское и др.), выявлены человеческие захоронения явно ритуального характера. Данные погребения в большинстве случаев приурочены к сакральным объектам – это выкладки черепов лошадей, галечные вымостки, глинобитные площадки, культовые рвы, зольники, в пределах и возле которых найдены выразительные находки в виде жертвенных чаш, костяных предметов (наконечники стрел, резные изделия с образами животных), пряслиц с прочерченными смысловыми изображениями. Меньшая часть людских жертв отмечена в пределах жилых построек.

Впервые следы ритуальных человеческих захоронений были выявлены А.В. Збруевой на Пижемском городище (среднее течение р. Вятки) и поселении Конецгор (устье р. Чусовой), где исследователь отметила разрозненные антропологические останки (Збруева, 1952, с. 157).

С расширением исследований памятников ананьинской эпохи в Прикамье, начиная со второй половины XX в. и по настоящее время, число найденных в их пределах ритуальных захоронений людей значительно возросло. Нами собраны сведения о 49 человеческих жертвах как в одиночных, так и в коллективных погребениях. Охарактеризуем их, следуя материалам полевых отчетов и опубликованных сведений.

Поселение-святилище Гремячанское (Пермский край, Осинский район, нижнее течение р. Тулвы, лев. приток р. Камы). В ходе многолетних раскопок в 1957–63, 1986 гг. А.Д. Вечтомовым и В.А. Обориным, в 1988 г. А.Ф. Мельничуком и В.А. Обориным, в 1991–93 гг. С.Н. Коренюком (Вечтомов, 1962; 1968, с. 79; Коренюк, Оборин, 1988; Мельничук, Оборин, 1989; Коренюк и др., 1994, с. 67–69) выявлено наибольшее число ритуальных человеческих захоронений среди известных прикамских памятников ананьинского мира.

Погребение № 1 – раскоп 1 1959 г., уч. Г/13, гл. 0,75 м. Его очертания в сплошном культурном слое в виде рыхлого тёмного гумусированного суглинка, насыщенного золой и гранулами пережжённой глины, не фиксировались. Кости располагались бессистемно не в анатомическом порядке. От скелета сохранились мелкие фрагменты черепной коробки, рёбер, костей нижних и верхних конечностей. Фрагменты скелета принадлежали ребёнку, возрастом до 4 лет (определение В.П. Алексеева). По расположению фрагментов черепных костей ориентировку жертвенного захоронения следует определить как юго-западную. Близ него отмечено значительное количество обожженных расколотых аллювиальных галек, куски мелкозернистого песчаника, кости животных и обломки речных раковин Unio. Здесь же (гл. 0,7 м) обнаружен маленький (детский) бронзовый пластинчатый браслет со спирально заходящими друг за друга концами. По мнению А.В. Збруевой, подобные украшения появляются в ананьинских древностях Прикамья не ранее IV в. до н. э. (Збруева, 1952, с. 94). Детский костяк распо-

лагался в 15 м к З от края крупного зольника между двумя очагами, состоящими из золы, угля и вкраплений кусочков обожжённой глины.

Погребение № 2 – раскоп 1 1959 г., уч. ЕЖ/15, гл. 0,65 м. Выявлен в 5 м южнее погребения 1. Расчистку погребения проводил будущий академик, антрополог В.П. Алексеев. По его определению, костяк, расположенный в анатомическом порядке и ориентированный головой на ЮВ, принадлежал ребенку в возрасте до года. Так же, как и погребение 1, костяк располагался между двумя очагами. Близ ритуального захоронения отмечены развал поздненаньинского толстостенного сосуда, декорированного по шейке ямочным орнаментом, округлое пряслице из стенки сосуда и железный нож.

Погребение № 3 – раскоп 3 1959 г., уч. Б / 10, гл. 0,3–0,36 м. Севернее погребения 1, в 12 м от края крупного зольника на площади 0,3×0,4 м выявлены разрозненные кости ребёнка младенческого возраста (до года, по В.П. Алексееву). От скелета сохранились мелкие кости и нижняя челюсть. Культурный слой, в котором располагались антропологические остатки, представлял собой серо-коричневый суглинок, насыщенный расколотыми от теплового удара аллювиальными гальками, углистыми линзами и гранулами обожженной глины. Близ фрагментов ритуального захоронения отмечена сломанная в древности костяная пряжка с четырьмя отверстиями.

Погребение № 4 – раскоп 3 1959 г., уч. БВ/12, гл. 0,45–0,5 м. Захоронение принадлежало, по определению В.П. Алексеева, ребёнку 8–10 лет. Оно находилось в пределах кострища на площади до 1 м² в 2,6 м юго-западнее погребение 3. Кости черепа раздавлены и сильно обожжены. Сохранились фрагменты нижних конечностей, кости грудной части скелета. В один из позвонков была продета кость ребра. В пределах погребения обнаружена обожжённая часть нижней челюсти ещё одного ребёнка. Вблизи ритуального захоронения найдены миниатюрный сосуд, бронзовая пронизка и костяная пуговица. Погребение 4 с запада примыкало к крупному объекту (1,3×3 м), который А.Д. Вечтомов рассматривал как развал медеплавильного сооружения, состоящего из крупных сильно прокалённых кусков известняка, расколотых от теплового удара галек и серой золы. Под ним отмечалась подушка из сильно прокалённой красной материковой глины. Основание объекта находилась на одном уровне с погребением 4.

Погребения №№ 1–4, выявленные в СВ части Гремячанского поселения, тяготели к изученному в ходе раскопок крупному сакральному объекту в виде большого зольника, насыщенного пережженными костями (7×40 м). В его пределах, помимо ритуальных детских захоронений, изучены жертвенные комплексы в виде скоплений костей домашних (например, выкладки из черепов лошадей) и диких животных. Жертвенный комплекс был явно связан с металлургической площадкой, к которой отнсены остатки плавильной печи с тяготеющими к ней мощными очагами и находками многочисленных предметов производственного класса (медные и железные шлаки, капли меди, фрагменты тиглей и льячек, литейные формы) (Вечтомов, 1967, с. 145; 1968, с. 79). Эти захоронения А.Д. Вечтомов датировал второй половиной V в. (Вечтомов, 1973, с. 18).

По мнению А.Д. Вечтомова, погребение 4 с обожжёнными костями черепов двух детей является результатом принесения человеческих жертв в связи с началом эксплуатации медеплавильного сооружения (Вечтомов, 1973, с. 19). Человеческие жертвоприношения могли быть связаны и с началом плавки меди из вновь открытых месторождений медистых песчаников, выходы которых известны недалеко от Гремячанского святилища у дд. Верхняя Чермода и Шермейка, где с 1795 по 1862 гг. работал медеплавильный завод господ Яковлевых (Тиунов, 1954, с. 32, табл. I).

Погребение № 5 – раскоп 2 1960 г., уч. ТУ/43–44, гл. 0,7 м (рис. 1, 2). Очертания могильной ямы прямоугольной формы (2×0,98 м) зафиксированы на уровне 0,6 м. Хорошо сохранился костяк взрослого человека, ориентированного головой на З; верхние конечности располагались вдоль туловища; череп был развёрнут на Ю. По определению М.С. Акимовой, погребенный – мужчина длиной свыше 1,7 м, европеоид. Явных следов насильственной смерти умершего не прослеживается. Возможно, захоронение располагалось внутри деревянной конструкции, от которой сохранилась углистая линза шириной 8–9 см, образующая угол в 0,3 м к ЮЗ от головы покойного. На дне погребения также прослежены углистые полосы. Сверху скелет засыпан расколотыми костями домашних животных, причём слой костей покрывал костяк от черепа до таза. Такой же, но менее мощный слой костей находился и ниже погребённого, выстилая дно могильной ямы. Рядом с погребённым обнаружены фрагменты поздненаньинской посуды с воротничком и обломок глиняной статуэтки. Недалеко от него обнаружена яма с костями животных.

Погребение № 6 – раскоп 2 1960 г., уч. СТУ/43–45, гл. 0,7 м (рис. 1, 2). Оно располагалось строго на З в одну линию с погребением 5. Очертания могильной ямы (1,68×0,74 м) прослеживались нечётко, но на уровне 0,75 м отмечено, как была срезана часть находив-

шегося рядом более древнего очага. На его дне отмечены углистые полосы. Скелет человека сохранился хорошо. Верхние конечности вытянуты вдоль туловища. Череп (с европеоидными чертами) покоился на плитке. Длина скелета несколько превышала 1,5 м. По определению М. С. Акимовой, костяк принадлежал подростку 12–14 лет, без следов насильственной смерти (Вечтомов, 1973, с. 23). Его правая плечевая кость была обожжена. На дне могильной ямы отмечались угольки. Рядом с левым бедром выявлены мелкие, плохо сохранившиеся кусочки кожи и прослежено два скопления костей домашних животных

Погребения №№ 5 и 6 выявлены в южной окраинной части поселения-святилища. В непосредственной близости от них (гл. 0,2–0,4 м) найдено 8 сломанных глиняных антропоморфных статуэток, которые могли использоваться в ритуале человеческих жертвоприношений. Близ погребений выявлены открытые очаги. Один из них имел обкладку из плит песчаника. Здесь же прослежены углистые полосы от сгоревшего дерева мощностью 4–7 см и шириной 20–25 см. Они шли параллельно захоронениям и располагались с обеих сторон от них. Возможно, эти остатки сгоревших конструкций являются свидетельством наличия какого-то культового сооружения, в котором находились погребённые. На расстоянии 3,6 м к С от погребений были обнаружены 8 конских черепов и скопление нижних челюстей и целых костей нижних конечностей этих животных. Они были помещены в особую канавку (4,7×0,6×0,25–0,3 м), идущую параллельно человеческим захоронениям. Остеологический материал располагался в этом жертвенном объекте следующим образом. В западном конце канавки лежало несколько сломанных костей нижних конечностей лошади. Затем один за другим в линию были уложены три конских черепа без нижних челюстей. Далее находились три нижних челюсти и целые кости нижних конечностей, а за ними ещё пять конских черепов. Положение черепов было различно. Шесть из них лежали на левой стороне и были направлены лицевым отделом на З; один был перевёрнут так, что свод черепа располагался внизу, но его лицевая часть также была ориентирована на З; восьмой череп лежал на правой стороне и ориентирован на В. По мнению А.Д. Вечтомова, выкладки черепов связаны с человеческими жертвоприношениями. Этот комплекс исследователь датировал финалом ананьинской эпохи – III в. до н.э. (Вечтомов, 1973, с. 24).

Погребение № 7 – раскоп 2 1988 г., уч. Н/19, гл. 0,85 м (рис. 3). В восточной части памятника выявлено погребение грудного ребёнка, в относительно анатомическом порядке, ориентированного головой на С. У нижних конечностей утеряна часть костей. Длина костяка до 0,65 м. Сверху погребённый был перекрыт линзой пережжённой извести и очажным прокалом (гл. 0,7 м). Захоронение приурочено к комплексу из зольников и кострищ, в пределах которых выявлены значительные скопления сырых и обожженных костей животных. К Ю от погребённого найден бронзовый трёхлопастной наконечник стрелы с выступающей втулкой (Мельничук, Оборин, 1989, с. 76).

Погребение № 8 – раскоп 2 1988 г., уч. О/20–21), гл. 0,7 м. В мощном скоплении разрозненных костей различных животных (преобладали остатки лошади) отмечено, судя по сохранившимся молочным зубам, разрушенное погребение младенца. От скелета сохранились черепная крышка и обожжённые фрагменты костей нижних конечностей. К В и З от этого комплекса найдено два бронзовых трёхлопастных наконечника стрел с выступающей втулкой. Не исключено, что тело младенца подверглось частичному трупосожжению.

Погребение № 9 – раскоп 1 1988 г., уч. III–IV/8, гл. 0,32–0,36 м (рис. 3). Его очертания не прослеживались в темном гумусированном слое. Погребение принадлежало грудному ребенку длиной около 0,5 м. Захоронение в вытянутом положении на спине, головой на З с небольшим отклонением к Ю. Отмечается смещение костей грудной клетки. Черепная коробка полностью раздавлена и представлена фрагментами. Значительно смещена к С челюсть погребённого. В пределах захоронения и в непосредственной близости от него найдены кости животных, фрагменты гладкого сосуда, украшенного шнуровым орнаментом, и воротничковой посуды с ямочным орнаментом. В 0,25 м к С от костяка отмечено пятно пережженных костей овальной формы (диаметром до 0,2 м и толщиной до 5 см).

Погребение № 10 – раскоп 1 1988 г., уч. III/8, гл. 0,32–0,36 м (рис. 3). Ориентировка неясна, но разрозненные кости черепной коробки тяготели к З. Захоронение произведено по способу частичного трупосожжения. Сохранились лишь обожженные кости черепной коробки, фрагменты костей грудной клетки, позвоночника и таза. Полностью отсутствовали кости нижних и верхних конечностей, от которых, очевидно, сохранились мелкие кальцинированные кости. Судя по крупным фрагментам антропологического материала, ритуальное захоронение принадлежало подростку. В его пределах отмечены обожжённые кости животных. Здесь же найдены крупный фрагмент керамики с орнаментом из горизонтальных линий шнура и резных насечек. Очевидно, с захоронением связан и развал небольшого гладкого сосуда с резным ногтевидным орнаментом по шейке. В восточной части ритуаль-

ного комплекса обнаружены медные предметы: фрагмент тонкой спиралевидной пронизи и подпрямоугольная бляшка с отверстием.

Погребение № 11 – раскоп 1 1988 г., уч. I/15 гл. 0,3–0,34 м (рис. 3). Захоронение грудного ребёнка длиной до 0,55 м ориентировано на В. Сохранность костяка чрезвычайно плохая: череп разбит, остальные кости сильно разрознены. К В от костей черепной коробки находились два крупных камня светлого известняка, явно связанных с ритуальным захоронением. Около них найдены фрагменты неорнаментированной керамики. Вероятно, с ритуальным захоронением связан крупный фрагмент жертвенной чаши, на поверхности которой отмечаются многочисленные грубые пальцевые вдавления. Важно, что в 1 м к ЮЗ от погребения 10 найден медный антропоморфный идол с ушком на оборотной стороне.

Погребение № 12 – раскоп 1 1988, II/14–15, гл. 0,3–0,34 м (рис. 3). Костяк принадлежал ребёнку грудного возраста. Кости скелета смещены. Черепная коробка разбита на мелкие фрагменты. Ориентировка западная с небольшим отклонением к Ю. Справа от костяка найдена «бабка» с отверстием.

Погребение № 13 – раскоп 1 1988, I/15,гл. 0,3–0,34 м (рис. 3). Ребёнок грудного возраста был уложен в скорченном положении головой на ЮВ. Черепная коробка разбита на мелкие части. Справа от костей отмечен крупный камень светлого известняка.

Погребения №№ 10–12 расположены в южной части раскопа 1 1988 г. Они явно синхронны различным зольникам, каменным выкладкам и скоплениям из костей животных, образующих сложный сакральный комплекс. Характерно, что расколотые отдельные кости (обломки черепных крышек, части грудной клетки) взрослых людей встречались и в восточной части раскопа 1 того года, в стороне от ритуальных захоронений. Не исключено, что это следы ритуального каннибализма.

Погребение № 14 – раскоп 1 1992 г., гл. 0,45–0,55 м (рис. 4, 5). Ритуальное захоронение ребёнка, ориентированного головой на ЮВ, выявлено в культовой постройке № 1 (4,0×5,5 м) напротив (0,2 м) нишеобразного выступа в её СВ стенке. Отмечается смещение скелета, череп разбит. Длина костяка достигает 0,7–0,8 м, что позволяет считать его принадлежащим ребёнку возрастом от 1 до 2 лет. Скелет обложен 7 крупными овальными плоскими гальками. Контур кладки почти повторяет расположенное вблизи овальное скопление из 5 медвежьих клыков и когтя медведя. Здесь же отмечены фрагменты небольшого сосуда с ямочно-шнуровым декором. Восточнее черепа, на глубине 0, 6 м, вскрыта округлая жертвенная яма, диаметром до 0,17 м, котловидное дно которой углублено в материк на 0,4 м. В её зольном заполнении обнаружены 20 круглых плоских галек, фрагменты жертвенной чашечки и кость медведя. Близ черепа захоронения расчищен развал сосуда с ямочным орнаментом.

Погребение № 15 – раскоп 1 1992 г., гл. 0,5 м (рис. 4, 5). В культовой постройке № 2 (4,0×5,2 м) по центральной оси близ СВ стенки расчищены остатки жертвоприношения ребёнка грудного возраста, кости которого сильно перемешаны. Черепная коробка разбита на мелкие фрагменты. Среди человеческих костей выявлены кости жеребёнка, в том числе «бабка». В 0,4 м к ЮВ от захоронения на глубине 0, 6 м зафиксирована округлая жертвенная ямка, заглублённая в материк на 0,26 м. В её заполнении (тёмный супесчаный суглинок) найдены косточки от хвоста новорождённого жеребёнка и лошадиная «бабка».

Погребение № 16 – раскоп 1 1992 г., гл. 0,4–0, 5 м (рис. 4, 5). За пределами культовой постройки № 2 в 0,75м к В расчищено ритуальное захоронение грудного ребёнка длиной 0,55 м. Его останки, ориентированные головой на СЗ, лежали в анатомическом порядке. Отсутствовали нижняя часть костей ног и кости правой руки.

Погребение № 17 – раскоп 1 1993 г., гл. 0,5 м. В культовой постройке № 3 (4,8×5,3 м) кости ребёнка располагались не в анатомическом порядке (рис. 4). От скелета сохранились фрагменты черепной коробки, ребер, костей нижних и верхних конечностей. Поблизости от человеческих костей расчищены череп и челюсть бобра. Кроме того, в постройке встречались кости медведя, череп лошади, а также скопления из 12 красных плоских округлых галек.

Поселение Половинное I (Пермский край и район, приустьевая часть р. Нижней Мулянки, лев. притока р. Камы). Памятник исследовался в 1971, 1974 гг. А.Д. Вечтомовым (1972; 1975), в 1983, 1990 гг. – А.Ф. Мельничуком (1985), в 1984 г. – Н.В. Соболевой. В 1971 А.Д. Вечтомов выявил крупный сакральный объект в виде мощного зольника с глинобитными очагами и скоплениями костей животных, с которым были связаны два ритуальных захоронения людей.

Погребение № 1, гл. 0,45–0,5 м (рис. 6), обнаружено у северного края зольника. Костяк, длиной до 1,6 м, ориентированный на В, принадлежал взрослому человеку и располагался в относительно анатомическом порядке с правильным распределением костей нижних конечностей и таза. Остальные антропологические останки подверглись серьёзному смещению. Сверху на тазовых костях, слева, лежали кости предплечья, а

сбоку, справа, – две кости правой руки. Часть позвоночника в районе поясницы резко отделена от тазовых костей. Верхняя часть позвоночного столба несколько смещена вправо. Также значительно сдвинуты и перемещены кости грудной клетки (рёбра, лопатки, ключицы). Рядом с погребением рассеянно встречались кости левой стопы и фаланги от неё, а также фаланги верхних конечностей и отдельные рёбра. Явно искусственно отделённый от скелета череп (лежал черепной коробкой вниз) без нижней челюсти был обнаружен в культурном слое, ниже уровнем (гл. 0,6 м), справа от костяка. В пределах тазовых костей и нижних позвонков отмечены углистые линзы. Часть костей в этой области скелета обожжена.

Погребение № 2, гл. 0,6–0,75 м (рис. 7), находилось рядом с погребением 1, но несколько ниже уровнем залегания в слое. Кости скелета человека без какого-либо порядка вперемешку с костями домашних животных располагались на площади 0,6×0,7 м. Значительная часть костей нижних и верхних конечностей, таза, грудной клетки отсутствует. Характер костей свидетельствует о преднамеренном расчленении скелета взрослого человека.

Ритуальные погребения были выявлены в центральной части поселения. Рядом с ними отмечены значительные скопления костей животных. Между ритуальными захоронениями выявлена овальная линза, диаметром до 0,2 м, насыщенная медными окислами. Возможно, человеческие жертвы Половинного I поселения были связаны с обрядовыми церемониями металлургов и литейщиков. Характерно, что в восточной части памятника, в канавообразном сооружении, выявлен выразительный позднеананьинский комплекс IV–III вв. до н. э. с остатками металлургического производства – куски медистого песчаника, ладьевидные тигли, фрагменты глиняных литейных форм, среди которых выделяется матрица для отливки бляшек с изображением медведя в жертвенной позе (Мельничук, 1985).

Гляденовское городище-костище (Пермский край и район, приустьевая часть р. Нижней Мулянки, левого притока р. Камы). Памятник исследовался Н.Н. Новокрещенных в 1896–97 гг. (Новокрещенных, 1914), А.Ф. Мельничуком в 1990 г. (Голдобин и др., 1991), А.Н. Лепихиным в 1995–1997, 2001 гг. (Лепихин, 1996; Казанцев и др., 1997), С.Н. Коренюком в 2003–2006 гг.

В ходе исследования нижней площадки Гляденовского городища-костища изучена культовая постройка (7,4×5,8 м). Погребение выявлено на дне постройки (Коренюк, Мельничук, 2016). В профиле могильное углубление (0,81×0,36 м) имело вытянутую овальную форму с уплощённым дном и округлыми стенками (рис. 8). В засыпи ямы найдено 3 фрагмента неорнаментированной керамики. Костяк ребёнка, крайне плохой сохранности, ориентирован на З с отклонением к С. Нижние конечности отсутствовали. Сохранились лишь распавшийся череп, грудная клетка, фрагменты ключиц таза. На нижней челюсти сохранились 4 молочных зуба. К погребению примыкала яма овальной формы (диаметром до 0,8 м) со скоплением костей животных. В заполнении культовой постройки обнаружены развалы трёх ананьинских воротничковых сосудов, декорированных узорами из ямок, шнура и гребенчатого штампа.

Поселение Заосиново I (Пермский край и район, левый берег р. Камы). Изучалось в 1966 г. К.М. Русановой, в 1982, 1984 гг. В.П. Денисовым, в 1986–88 гг. В.П. Мокрушиным (Мельничук и др., 1988; Мокрушин, 1989).

При изучении постройки 2, в её СЗ углу обнаружены фрагменты черепа ребёнка – возможно, следы строительной жертвы. В заполнении сооружения найдены скопления позднеананьинской воротничковой посуды, украшенной ямочным, шнуровым и гребенчатым орнаментом (Мокрушин, 2001, рис. 6: 1–3).

Поселение Заюрчимское I (Пермский край и район, левый берег р. Камы). Памятник изучался в 1956–1960, 1982 гг. В.П. Денисовым, в 1986–1988, 2009 гг. – С.Н. Коренюком (Коренюк, Оборин, 1988; Коренюк, 1989).

Коллективное детское захоронение № 1 (1958 г., гл. 0,48–0,7 м) обнаружено в траншее, в ЮЗ части памятника. Погребение (0,8×0,44 м) располагалось в тёмном гумусированном песчаном слое. При его расчистке отмечено значительное количество мелких пережжённых косточек. Из находок, встреченных непосредственно в пределах захоронения, следует отметить обломок костяного наконечника стрелы, медное шило, а также фрагменты поздненаньинской посуды. В погребении расчищено три костяка (рис. 9).

Погребение № 1а. Костяк располагался на левом боку, с согнутыми нижними и прижатыми к груди верхними конечностями, головой на С. Он принадлежал ребёнку возрастом 9–10 лет. Череп лежал на ступнях погребения 1б, а нижние конечности были уложены на черепную крышку этого же погребенного.

Погребение № 1б было непосредственно под костяком 1а, на правом боку, со скорченными нижними конечностями и прижатыми к груди верхними конечностями, головой на Ю; принадлежало ребёнку 3–4 лет.

Погребение № 1в – в скорченном положении, на правом боку, головой на С – принадлежало ребёнку 9–10 лет.

Таким образом, все погребенные лежали на боку, в скорченном положении с поджатыми

ногами. Они, очевидно, были уложены в один приём в специально подготовленное углубление непосредственно друг на друга. Создаётся впечатление, что тела детей были как бы втиснуты в какую-то деревянную конструкцию, следы от которой не сохранились. Коллективный вид захоронения детей и особенности расположения костяков заставляет предполагать ритуальный его характер.

В ходе раскопок 2009 г. в центральной части поселения, возле очага 7, имевшего вид прокала восьмёркообразной формы (гл. фиксации 1,2 м; размер 1,76×3,74 м), С.Н. Коренюком изучены 3 погребения и выкладки из костей животных. Рядом с очагом найдена капля меди.

Погребение 2 – гл. фиксации 1,31–1,37 м от н.т. (0,54–0,6 м от поверхности) (рис. 10). Костяк взрослого человека, длиной до 1,7 м, сохранял анатомический порядок: вытянуто на спине, руки вдоль тела, головой на С с небольшим отклонением к СЗ; череп лежал на затылочной кости, его крышка, лицевой отдел, нижняя челюсть полностью разрушены более поздней распашкой; кисти рук (не сохранились), очевидно, находились в области таза. Грудная клетка и позвоночный столб отмечались только в виде тлена. Тазовые кости представлены фрагментарно. Нижние конечности сохранились частично. В нижней части диафиза правой малой берцовой кости зафиксирован нарост, вероятно, от неправильно сросшегося при жизни перелома. В пределах погребения выявлен клык медвежонка (амулет?) и каменный оселок. Сразу же под костяком зафиксирована выкладка из двух черепов и конечностей лошадей[1] (гл. фиксации 1,41–1,43 м). Рядом с погребением выявлено ещё одно выразительное скопление костей, среди которых отмечаются конские «бабки» (1,29 м). В нём же найдены камни с признаками воздействия огня. Здесь же отмечены фрагменты позднеананьинской воротничковой керамики, декорированной двузубым гребенчатым штампом.

Погребение № 3 – гл. фиксации 1,32–1,38 м от н.т. (0,55–0,61 м от поверхности) (рис.10). Умерший ориентирован головой на СВ, череп раздавлен, теменная часть разрушена пахотой. Отмечены только кости основания черепа с фрагментами нижней челюсти и 4 сохранившимися зубами. Около нижней челюсти сохранились фрагменты 3 шейных позвонков; еще 3 фрагмента выявлены рядом с тазовыми костями. Сохранились также фрагменты обеих бедренных костей. Находок в погребении не обнаружено. К З от него зафиксирован череп лошади (1,43 м от н.т.).

Погребение 4 – гл. 1,24–1,32 м от н.т. (0,45–0,52 м от поверхности) (рис. 10). Костяк длиной до 1,6 м принадлежал взрослому человеку, ориентирован головой на В с отклонением к СВ. Погребённый лежал вытянуто на спине, руки уложены вдоль тела. Кости черепа повреждены пахотой. Сохранилось лишь фрагменты основания черепа. В виде тлена прослеживались кости грудной клетки и лопаток. Средняя часть позвоночного столба вообще не сохранилась. Крайне плохо фиксировались поясничные позвонки, фрагменты тазовых костей, плечевые и локтевые кости. Остальные части верхних конечностей вообще не сохранились. От нижних конечностей остались фрагменты бедренных и берцовых костей. В пределах погребения отмечена керамика позднеананьинского облика. Рядом с захоронением зафиксировано два черепа лошадей и нижняя челюсть медвежонка. Здесь же найдены фрагменты воротничковой посуды, декорированной двузубым штампом. Исследованный сакральный комплекс, очевидно, может быть соотнесен с пространством культовой постройки (как на Гремячанском и Гляденовском святилищах), очертания которой в однородном культурном слое Заюрчимского I поселения не сохранились.

Зуевоключевское 1 городище (Удмуртская республика, Каракулинский район, прав. берег р. Камы). В ходе раскопок городища детские погребения были выявлены в разных частях площадки и в различных планиграфо-стратиграфических условиях (рис. 11–13). Но все описываемые ситуации связаны с ананьинским культурным слоем и объектами, происхождение которых определяется функционированием городища на позднем этапе АКИО – не ранее V–IV вв. до н.э. (Черных, 2009, с. 81). Три захоронения младенцев связаны с остатками жилых сооружений, еще два погребения находились в межжилищном пространстве и одно – на территории святилища.

Погребение № 1 (рис.12: 1). Детское захоронение изучено в пределах кв. АБ/21 (раскоп 1, 1970 г.), в слое №3 на северной периферии ананьинского укрепленного поселка. Судя по расположению костей, ребёнок был уложен на спине, головой на ЮЗ, в очень неглубокой яме (1,1×0,47 м) глубиной до 8 см. Рядом с костяком, слева, возле черепа и таза обнаружены несколько птичьих косточек (Голдина. Отчёт за 1970 г., с. 9). Для понимания реальных условий захоронения показательно, что слой № 3 представлял собой очень рыхлую супесь. Это позволяет высказать предположение, что захоронение осуществлялось, очевидно, в спешке, при минимальных затратах на устройство специальной могилы. Близкая стратиграфическая ситуация отмечена и для второго погре-

[1] Кости определены О. Г. Богаткиной.

бения, обнаруженного в западной части городища, в непосредственной близости от вала.

Погребение № 2. Захоронение подростка в кв. Ф/10 (рис. 12: 2, 13: 3) фиксировались по очертаниям пятна слоя №3а, чуть более темного цвета, нежели вмещающий зольный слой №3. Уровень фиксации – 20 (от современной поверхности), глубина – 8 см. Размеры пятна 1,42×0,6 м. Кости лежали в анатомическом порядке: умерший был уложен на спине, головой на З. Руки сложены на таз, кости стоп отсутствовали, бедренные перерублены и частично обожжены (Черных. Отчет за 2004 г., с. 12). Некалиброванная абсолютная дата, полученная в лаборатории ИИМК РАН по костному материалу (аналитик Г.И. Зайцева), соответствует возрасту 2420±160 ВР.

Три захоронения младенцев были обнаружены в границах жилых построек в С части площадки городища.

Погребение № 3 (рис. 13: 2). При разборке сооружения XVII обнаружено захоронение младенца между бытовым очагом и ямой, заполненной остатками костра (рис. 13: 4). Контуры могилы в слое, заполнявшем сооружение, не читались, ее размеры (0,5×0,1 м) установлены по костным останкам, уровень фиксации 40 см от современной поверхности. Младенец (в возрасте нескольких месяцев) был уложен на спине, головой на Ю (Черных. Отчет за 1999 г., с. 13).

Погребение № 4. В сооружении XVIII захоронение младенца было устроено вплотную к его СЗ стене (рис. 13: 1). Контуры ямы подквадратной формы (0,53×0,44 м) были прослежены на уровне фиксации очертаний пола жилища. В разрезе она имела наклонные стенки, плавный переход в округлое дно, глубина могилы от уровня фиксации 0,15 м. Заполнение могильной ямы отличалось от вмещающего значительным содержанием золы. Погребенный был уложен на спине, головой на Ю, ноги согнуты в коленях (Черных. Отчёт за 1999 г., с. 17).

Погребение № 5. В сооружении XXV захоронение младенца было обнаружено также вблизи СЗ стенки, ниже уровня поверхности пола, в слое №21. Яма не фиксировалась. Глубина захоронения костей 5 см. Младенец был уложен на спине, судя по расположению костей, с подогнутыми ногами (рис. 13: 4), головой на С. Кости черепа лежали вперемешку с камнями, что, очевидно, послужило причиной их сильной раздавленности.

Еще одно захоронение младенца было обнаружено на территории святилища (рис. 11: 1), в Ю части городища (раскоп VI, кв. ю/32).

Погребение № 6. В научном отчете В.Ф. Генинга дан очень мелкий и весьма условный план погребения (рис. 11: 2) с фотографией (Отчет Генига за 1971 г., рис. 35, 39), на основании которых можно предположить, что младенец был погребен в верхней части заполнения сооружения, близ его Ю стенки, головой на ССЗ (череп сильно раздавлен), возможно, с подогнутыми ногами. В этой части площадки городища изучены остатки позднеананьинского святилища, где среди скопления обожженных костей животных на уч. а/33 найдена также челюсть взрослого человека (Черных, 2013, с. 159).

Ныргындинское II городище (Удмуртская республика, Каракулинский район, прав. приток р. Камы)[2].

Погребение № 1. В ходе спасательных раскопок в 1998 г. детское захоронение обнаружено в слое №3 ананьинского времени, на глубине 31–37 см от современной поверхности (кв. З/22). Очертания ямы не зафиксированы (Голдина. Отчёт за 1998 г.; Голдина, Черных, 2011, с. 73). Ребенок (длина костяка 71 см) был уложен вытянуто на спине, руки вдоль тела, головой на ЗСЗ (рис. 14).

Погребения №№ 2 и 3 обнаружены в кв. Р/32 на гл. 46–48 см. Кости в этом случае имели плохую сохранность, количество костяков выделено авторами раскопок условно, по пятнам слоя. Фрагментированные остатки в виде обломков черепов и трубчатых костей нижних и верхних конечностей были выявлены в пятнах белесоватой супеси, насыщенной золой (слой №7) (рис. 14). Пятна имели в плане неправильную округлую форму (0,38×0,45 м и 0,43×0,51 м, мощностью не более 2 см. Еще несколько обломков черепных и трубчатых костей зафиксированы рядом с пятнами, в слое №3. Среди костей захороненного №2 найдено бронзовое височное кольцо диамет-ром 2,7 см, из гладкой круглой проволоки со слегка заходящими друг за друга концами (рис. 14). Оно соответствует типу 27 височных украшений, получивших широкое распространение у скифов степной группы с IV в. до н.э. (Петренко, 1978, с. 35).

Аргыжское городище (Кировская область, Малмыжский район, лев. берег р. Вятки).

Коллективное погребение №1. Останки ребенка (п. 1а) были найдены вместе с разрозненными костями трех мужчин и женщины (п. 1б, 1в, 1г, 1д) в верхней части слоя, заполнявшего неглубокий котлован постройки III (рис. 15: 1). Скопление костей, включавшее обломки черепов и других частей скелета, занимало площадь 0,60×0,45 м. Кости лежали беспорядочно и были местами обожжены. Вперемешку с костями встречены мелкие

[2] Авторы искренне благодарят Р. Д. Голдину за возможность использовать в статье неопубликованные материалы городища.

обломки ананьинской керамики, в том числе миниатюрного сосудика. Постройка интерпретирована по целому ряду признаков как культовая (Черных и др., 2002, с.16).

Детские захоронения выявлены также в верхней части заполнения сооружения V. Два погребения расчищены вблизи противоположных стенок сооружения, при этом следы могильных ям не фиксировались. В коллективном погребении 4 находились останки трех человек (женщины 20–25 лет (п. 4а) и двух детей 3–4 (п. 4б) и 7–8 лет (п. 4в). Анатомический порядок костей нарушен (рис. 15: 2); часть из них обожжена посмертно, на некоторых имелись следы погрызов, что свидетельствует об открытости останков и отсутствии преднамеренного захоронения. Среди костей найдены фрагменты ананьинской керамики и обожженный зуб животного.

Коллективное погребение 5 принадлежало двум детям в возрасте 4–5 (п. 5а) и 8 лет (п. 5б). Стратиграфическая ситуация погребения та же, что и у предыдущего. Глубина залегания костей 55–80 см от современной поверхности. Умершие были уложены «валетом» (рис. 15: 3). У костяка А, обращенного головой к В, были разрушены кости грудной клетки, отсутствовали кости рук и стоп (при общей удовлетворительной сохранности костей). У костяка Б отсутствовал череп, кости ног были слегка подогнуты в коленях и уложены под черепом костяка А (Черных и др., 2002, с.18).

13. Тарасовское святилище (Удмуртская республика, Сарапульский район, прав. берег р. Камы).

Погребение №522 с площадки Тарасовского некрополя I–V вв. н.э. было вычленено среди прочих захоронений древнего кладбища и сопряжено с остатками святилища, устроенного на вершине тарасовского холма в последние века до рубежа эр (Голдина, Колобова и др., 2013, с. 20, рис. 15). Погребение принадлежало взрослому мужчине 40–50 лет и было совершено в небольшой овальной яме с плоским дном, размерами 1,1×0,62 м, ориентированной по линии СЗ–ЮВ. Под захоронение была выкопана неглубокая яма – 0,08 м. Останки умершего были сложены определенным порядком: кости ног уложены на кости плеч и предплечья, тазовые отсутствовали, голова в анатомическом порядке. Рядом с седьмым шейным позвонком обнаружен медный втульчатый наконечник стрелы (типологически неопределимый обломок).

Таким образом, в Нижнем и Среднем Прикамье на памятниках поздней стадии ананьинской культуры выявлены ритуальные захоронения с явными людскими жертвоприношениями – 49 человек. Значительная их часть (18–37%) приурочены к площадкам памятников, которые, возникнув как поселения на рубеже VI–V вв. до н.э., трансформировались затем в святилища (Гремячанское, Гляденовское,). Остальные человеческие жертвы производились на центральных памятниках ряда ананьинских общинных территорий (Конецгорское, Заюрчимское I, Половинное I, Аргыжское, Зуевоключевское I). Они тяготели к локальным сакральным объектам в виде зольников, очагов и жертвенных ям, располагавшихся на их площадках. Характерно, что существенная часть жертв (16–33%) изучена в культовых постройках, напоминающих удмуртскую куалу (Гремячанское, Гляденовское, Аргыжское), в которых преобладали захоронения детей (64%) по отношению к взрослым погребениям (36%). В жилищах останки детей, которые следует квалифицировать как явные жертвы строительного инфантицида, отмечены только в четырёх случаях – поселение Заосиновское I и городище Зуевоключевское I (8% от всех человеческих или 11% от всех детских жертв).

Среди человеческих жертвоприношений на позднеананьинских памятниках Нижнего и Среднего Прикамья резко превалируют кровавые ритуалы, связанные с детьми (37 человек – 75%). Возраст детей, принесённых в жертву, варьировался от грудного возраста до 12–14 лет. В соответствии с относительно установленными возрастными группами (30 из 36 погребений) исследованные детские захоронения отнесены к следующим периодам жизни: младенчество (до 1 года) – 17 захоронений (57%), раннее детство (от 1 до 7 лет) – 5 захоронений (17%); предподростковый возраст (8 – 11 лет) – 7 захоронений (23%); подростковый возраст (12–16 лет) – 1 захоронение (3%). К сожалению, половая характеристика ритуальных детских захоронений не установлена. Характерно, что крайне мало антропологических остатков, связанных с подростками близкими к инициационному возрасту (12–16 лет).

Почти половина ритуальных захоронений не обладала анатомическим порядком (22 – 45%), что, очевидно, определено неглубоким залеганием их и механическим воздействием грызунов на скелеты людей. Явные следы расчленения скелетов отмечено в трёх случаях. Ряд костяков в жертвенных захоронениях имело следы воздействия огня (12–24%). Из них погребение подростка (Гремячанское поселение-святилище) совершено по обряду частичного трупосожжения. Ориентировка отмечена у 29 ритуальных захоронений (59%). Она крайне неустойчива: З – 8 погр. (28%); В – 4 погр. (14%); С – 3 погр. (10%); Ю – 3 погр. (10%); ЮЗ – 2 погр. (7%); СЗ – 4 погр. (14%); СВ – 2 погр. (7%); ЮВ – 3 погр. (10%). Из них

почти половина (14–48%) имела направление, тяготеющее к западному вектору.

Чем объяснить столь резкое проявление человеческих жертвоприношений в социальной жизни именно позднеананьинских общин Нижнего и Среднего Прикамья? Археологические источники предыдущих и последующих эпох представляют крайне скудные данные об этих кровавых обрядах в регионе. Самые ранние свидетельства о возможных «строительных» человеческих жертвах получены в ходе изучения жилищ эпохи энеолита – поселения Лобань I в бассейне р. Вятки (Гусенцова, Сенникова, 1980, с.120, 121), Симониха II в Удмуртском Прикамье (раскопки В.П. Денисова в 1971 г.). Отдельные следы человеческих жертвоприношений отмечены в жилищах поселений эпохи поздней бронзы низовьев р. Вятки (Збруева, 1950, с. 75). В последующих эпохах их следы отмечены в слоях святилищ гляденовской культуры – Юго-Камском и Усть-Туйском костищах (Поляков, 1967, с. 204; 2001, с. 12).

По справедливому замечанию С.А. Токарева, появление человеческих жертвоприношений и ритуального каннибализма в обрядовой практике древнего населения нередко связаны с социумами, достигшими «относительно высокого уровня общественного развития» (Токарев, 1990, с. 596, 597). Заметное социальное размежевание в древних общинах Нижнего и Среднего Прикамья наблюдается в раннеананьиский период (кон. X – 1 пол. VI вв. до н.э.), когда в связи с милитаризацией общества происходит формирование страт военных вождей и воинов различных рангов (Збруева, 1952, с. 156; Халиков, 1977, с. 94, 95; Иванов, 1984, с. 84; Патрушев, 1993). Однако реальных людских жертвоприношений в раннеананьинских слоях поселений Среднего и Нижнего Прикамья до сих пор не выявлено. В VI в. до н.э. выразительные милитаризированные раннеананьинские некрополи в регионе прекращают своё функционирование. Это явление следует рассматривать как социальное и связывать его с военно-политической стабилизацией в Приуралье. Военная власть вождей постепенно переходит в теократическую форму управления древними общинами (Коренюк, Мельничук, 2007, с. 67).

Этот процесс находит подтверждение в появлении именно в позднеананьинскую эпоху крупных общинных поселений-святилищ (Гремячанское, Конецгорское, Половинное I, Гляденовское, Юго-Камское). Часть из них в последней четверти I тыс. до н.э. трансформируется в своеобразные жертвенные места – костища (Лепихин, Мельничук, 1997, с. 45). Именно на площадках этих эгалитарных святилищ во время культовых церемоний аккумулировались престижные изделия из цветных, а иногда драгоценных металлов и распределялся избыточный ресурс производимых древними общинами продуктов земледелия и животноводства (Коренюк, Мельничук, 2007, с. 67). Причём количество животных, прежде всего, домашнего скота, принесённых в жертву, было весомо. Это свидетельствует о высоком уровне скотоводства в ананьинском и гляденовском обществах. В ходе раскопок жертвенных мест Среднего Прикамья собран палеозоологический материал, содержавший наибольшее число особей домашних животных среди прочих памятников раннего железного века Прикамья. В материалах Гремячанского поселения-святилища (раскопки А.Д. Вечтомова на площади 2463 м²) определены кости от 583 особей домашних животных (Андреева, 1968, с. 122, табл. 1), что является до сих пор непревзойденным количественным уровнем для палеозоологических коллекций из памятников ананьинского мира (Петренко, 2004, табл. 4.).

В связи с огромной ролью животноводства в экономике позднеананьнских общин Нижнего и Среднего Прикамья резко меняются социальные и идеологические представления древнего населения. Это приводит не только к социальной стратификации в ананьинских социумах, но и к зарождению политеистических воззрений, связанных с появлением конкретных божеств-демиургов. Данный процесс хорошо документирован появлением в поздненаньинской и раннегляденовской культовой металлопластике образов, отражающих сложные мифологические представления древних обществ Прикамья, которые можно рассматривать как предтечу знаменитого пермского звериного стиля. Мы имеем в виду антропо-орнитофорные (Скородум, Гляденовское) и антропоморфные (Гремячанское, Гляденовское) идолы, всадники на конях (Гляденовское), всадницы на волках (Гляденовское). Видимо, во второй половине I тыс. до н.э. в Нижнем и Среднем Прикамье складывался первичный пантеон божеств. Наиболее значимым из них, управляющим природными стихиями, от которых зависела жизнедеятельность людей, приносились кровавые жертвы.

Появление человеческих жертвенных захоронений на святилищах раннего железного века Нижнего и Среднего Прикамья убедительно сопрягается с мифом о происхождении народа коми, в котором бог Йомаль посылает к его предкам чёрного коршуна за кровавыми жертвами детей и домашних животных (Фольклор народа Коми, 1937, с. 43). В позднеананьинское и раннегляденовское время на святилищах (в частности, это можно видеть в материалах Гляденовского костища) широко распространяются изображения хищных птиц

в геральдической позе, иногда с человеческой личиной на груди, которые можно рассматривать как ипостась или воплощение божества, близкого к Йомалю. Мелкие и невзрачные изображения пернатых, очевидно, можно интерпретировать как души предков (Коренюк и др., 2013, с. 42).

Характеризуя причины появления людских жертвоприношений в позднеананьинскую эпоху, мы можем обратиться к точке зрения Н.И. Винокурова, детально проанализировавшего практику человеческих жертвоприношений в античное и средневековое время в Крымском Приазовье. Исследователь отмечает, что «жертва выступала как бы видимым медиатором между живущими людьми и божеством, находившимися под землей умершими предками, которые призывались повлиять на урожайность и плодородие земли и на благополучие всего сущего, с ними связанного. *Наиболее «естественными» и угодными богам были жертвы младенцев, которые в языческих религиозных системах представлялись тесно связанными с потусторонним миром и наиболее приближенными к божественным силам, так как занимали некое пограничное положение между миром живых и миром мертвых*… Следует полагать, что человеческие жертвоприношения в цивилизованных древних сообществах могли быть вызваны только какими-то экстраординарными обстоятельствами: войнами, природными катаклизмами, неурожаями, голодовками, эпидемиями, искуплениями за тяжелые преступления» – *курсив авт*. (Винокуров, 2004, с. 82). Связь человеческих жертвоприношений с экстремальными периодами в жизни древних обществ неоднократно отмечали и другие авторитетные исследователи (Фрезер, 1986, с. 540; Тейлор, 1989, с. 480; Рыбаков, 1987, с. 300; Белецкая, 1978, с. 65–68; и др.).

Несколько другой характер, очевидно, могли иметь ритуальные детские захоронения, выявленные в пределах жилищ поздней стадии ананьинской культуры (11% от всех детских погребений). Их следует рассматривать как интрамуральные погребения, которые получили распространение на Южном Урале и в Западной Сибири в культурах энеолита и бронзового века (Потемкина и др., 1995; Чича…, 2004, с. 285–287; Новикова, 2011; Виноградов, Берсенева, 2013; Берсенева, 2014). Данные ритуальные захоронения детей исследователи рассматривают по-разному: 1) как ифантицид – совершение жертвоприношения при закладке строения или его оставлении («строительная жертва»), 2) как естественную смерть детей и погребение их в родном доме, объясняемое причинами религиозного характера. Обычно предпочтения отдаются гипотезам, основанным на идее «возрождения умерших младенцев» в семье или сохранения фертильности проживающих в доме женщин (Алекшин, 1986, с.152).

Погребения под полами жилищ связывают также с проявлениями культа предков и культа плодородия. Подобные случаи в синташтинском обществе эпохи бронзы Южного Урала объясняются исследователями заботой о сохранении или восстановлении фертильности (людей, скота). Дети причислялись в общественном сознании к сонму предков, хотя и занимали низшие или подчиненные места в иерархии социума (Берсенева, 2014, с. 80).

Таким образом, изученные человеческие жертвоприношения на памятниках поздней стадии ананьинской культуры Среднего и Нижнего Прикамья раскрывают всю сложность и противоречивость культовой обрядности древнего населения раннего железного века этого региона. Среди человеческих жертвоприношений резко (73%) преобладают детские. Из них большинство детей младенческого возраста (57%). Остальные жертвы соотносятся с ранним детством (17%) и предподростковым возрастом (23%). Ритуальных захоронений явных подростков инициационного возраста (12–16 лет) обнаружено крайне мало (3%), т.е. дети, готовящиеся к посвящению в полноправные члены своего социума, в жертву приносились редко, по всей видимости, в особенных случаях. Значительно реже (27%) кровавым ритуалам подвергались взрослые люди, возможно, являвшиеся военнопленными или рабами, т.е. чужаками, не прошедшими социальной адаптации в ананьинском обществе (Куббель, 1988, с. 201). Данные жертвоприношения явно приносились в экстремальные периоды жизни поздненаньинских общин (голод, мор, стихийные природные явления, военные конфликты), а также, судя по материалам святилищ Гляденовское и Половинное I, при проведении сложных обрядов, сопровождавших металлургическое производство. В ранний период гляденовской культуры (до первых веков I тыс. н.э.) на святилищах-костищах (Юго-Камское, Усть-Туйское) продолжались человеческие жертвоприношения. Однако к концу гляденовской эпохи (III–IV вв.) они исчезают, о чём свидетельствует отсутствие следов людских жертв в слоях поздних костищ (Ильинское, Слепушка), где прекрасно сохранялся остеологический материал. На памятниках средневековых ломоватовской и родановской культур следов явных человеческих жертвоприношений до сих пор не обнаружено. Более скромными становятся ритуальные обряды, связанные и с жертвованием домашних животных (Голдобин и др., 2016, с. 42). Ближайшие в таёжной Евразии в хроно-

логическом аспекте редкие человеческие жертвоприношения (до 7 случаев) отмечены на памятниках раннего железного века Приобья (Усть-Полуйское святилище, Саровское городище) и раннего средневековья (городище Старый Катыш V–VI вв.). Однако, в отличие от Прикамья детское ритуальное захоронение отмечено в одном случае (Саровское), а среди взрослых отмечаются жертвенные захоронения 3 отдельных черепов (Саровское, Старый Катыш), а также разрозненных костей и двух сохранившихся погребений на Усть-Полуйском святилище (Чиндина, 1984, с. 49; Гусев, Фёдорова, 2012, с. 10, 13, 14, 22; Расторопов, 2014, с. 248).

Отзвуки давних кровавых ритуалов отражены в легендах, фольклоре и обрядности финно-угорского населения нового и начала новейшего времени XIX – начала XX в. Много данных о наличии чаще всего экстремальных

(голод, неурожай, мор и эпидемии) и реже строительных человеческих жертв в древности у населения Прикамья было накоплено профессором Казанского университета И.Н. Смирновым, этнографами-краеведами Н.Н. Блиновым и Г.Е. Верещагиным в ходе изучения обрядовой практики удмуртов второй половины XIX в. (Смирнов, 1889; Блинов, 1898, с. 37, 38, 46, 82, 92; Верещагин, 1911; 1996; 1998). К сожалению, известный Мултанский процесс 1892 г. серьёзным образом сказался на обоснованности ряда этнографических наблюдений указанных исследователей, особо касающихся их взглядов на былое существование человеческих жертвоприношений у предков удмуртов (Коробейников, 2009; Гибадуллина, Гибадуллин, 2012, с. 65, 82–89).

У народа коми в силу ранней русской колонизации и христианизации Перми Старой и Перми Великой (XIV–XV вв.) в легендах и фольклорных источниках известий, связанных с кровавыми ритуалами их далёких предков, зафиксировано немного. Характерно, что они отмечены только у северных (архангельских) коми-зырян (ижемцев) и ненцев, на территории которых монастырская колонизация не получила распространения (Микушев, 1973, с. 78–60). Среди них выделяется, на наш взгляд, достаточно архаичный миф о происхождении народа коми, в котором ярко проявляется сюжет детских жертвоприношений богу Йомалю (Фольклор народа Коми, 1937, с. 43). Привлекает внимание легенда, записанная в 1868 г., о наличии экстремальных людских жертв, в частности в период голода (Коми народный эпос, 1987, с. 553–555).

Учитывая пассивную миссионерскую практику русской православной церкви среди ясачного угорского и самодийского населения в таёжном Зауралье, выразившуюся в незаконченности его христианизации и в отсутствии явных следов евангелизации (Перевалова, 2004, с. 62–84), в обрядовой практике и в мифологии обских ханты и манси, в отличие от приуральских коми, сохранилось намного больше свидетельств о человеческих жертвоприношениях. Кровавые ритуальные человеческие жертвы у обских угров носили явный экстраординарный характер – голод, мор, война (Мифы и предания…, 1990, с. 172; Карьялайнен, 1995, с. 104; Головнёв, 1995, с. 175, 176). Следует отметить упоминания о детских жертвоприношениях, посвященных верховным божествам и духам. Интересно, что ребёнка-сироту, принесённого в жертву Полым-Торэму на святилище, закололи острыми стрелами (Мифы и предания…, 1990, с. 180; Карьялайнен, 1995, с. 105). На святилищах вогулов и остяков, по данным С.В. Бахрушина, в особых случаях человеческие жертвоприношения, чаще всего детей, практиковали наравне с традиционными жертвоприношениями животных в позднем средневековье и новое время (Бахрушин, 1955, с. 105, 107–109.

Справедливо мнение Л.Д. Макарова, что при дальнейшем изучении вопросов интерпретации людских жертв на древних памятниках Приуралья требуется создать «новые методологические разработки, опирающиеся на всесторонний анализ разнообразных источников», что позволит более детально осветить трагические стороны жизни древних обществ этого региона (Макаров, 2000, с. 193).

ЛИТЕРАТУРА

Алёкшин В.А. Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ (по археологическим материалам Средней Азии и Ближнего Востока). Л.: Наука, 1986. 191 с.

Андреева Е.Г. Фауна из раскопок Гремячанского поселения // Труды КАЭ. Вып. IV / УЗ ПГУ. № 191 / Отв. ред. В.А. Оборин. Пермь: ПГУ, 1968. С. 120–132.

Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII вв. // Научные труды. Т. III. М.: АН СССР , 1955. 151 с.

Белецкая Н.Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. М.: Наука, 1978. 235 с.

Берсенева Н.А. Маленькие предки? Детские погребения в контексте синташтинского погребального обряда (эпоха бронзы Южного Зауралья) // Восхождение к вершинам археологии: Сб. матер. международ. конф.

«Древние и средневековые государства на территории Казахстана», посвященной 90-летию со дня рождения К.А. Акишева. Алматы: Институт археологии им. А.К. Маргулана, 2014. С. 76–82.

Блинов Н. Н. Языческий культ вотяков. Вятка: Губ. тип., 1898. 103 с.

Верещагин Г.Е. Человеческие жертвоприношения вотяков // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1911. №№ 10, 12. С. 784–788, 996–1001.

Верещагин Г.Е. Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии // Собрание сочинений. Т. 2. Ижевск: УИИЯЛ, 1996. 204 с.

Верещагин Г.Е. О былом каннибализме у инородцев // Собрание сочинений. Т. 3, кн. 1: Этнографические очерки. Ижевск: УИИЯЛ, 1998. С. 185–190.

Вечтомов А.Д. Раскопки Гремячанского поселения на р. Тулве // Вопросы археологии Урала. Вып. 2 / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск: УрГУ, 1962. С. 85–89.

Вечтомов А.Д. Периодизация и локальные группы памятников ананьинской культуры Среднего Прикамья // Труды IV Уральского археологического совещания / УЗ ПГУ. № 148 / Отв. ред. В.А. Оборин. Пермь: ПГУ, 1967. С. 133 – 155.

Вечтомов А.Д. К вопросу о племенной организации населения Среднего Прикамья в эпоху раннего железного века // Труды КАЭ. Вып. IV / УЗ ПГУ. № 191 / Отв. ред. В.А. Оборин. Пермь: ПГУ, 1968. С. 72–86.

Вечтомов А.Д. Раскопки Половинного I селища // АО – 1971. М.: Наука. 1972. С. 187–188.

Вечтомов А.Д. Идеологические представления ананьинского населения Среднего Прикамья. Рукопись // Архив кабинета археологии ПГНИУ. Пермь, 1973. 45 с.

Вечтомов А.Д. Работы Пермского отряда // АО – 1974. М.: Наука. 1975. С. 141–142.

Виноградов Н.Б., Берсенева Н.А. Интрамуральные захоронения детей на поселениях первой трети II тыс. до н.э. (в Южном Зауралье) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 3. С. 59–67.

Винокуров Н.И. Практика человеческих жертвоприношений в античное и средневековое время: (По материалам ритуальных захоронений Крымского Приазовья) // Opus-2004. Междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 3 / Отв. ред. М.Б. Медникова. М.: ИА РАН. 2004. С. 55–87.

Генинг В.Ф. Отчет об исследованиях Зуево-Ключевского I городища в Каракулинском районе Удмуртской АССР летом 1971 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 4545.

Гибадуллина Н.М., Гибадуллин Р.М. Смирнов И.Н. – профессор Императорского Казанского университета. Казань, 2012. 275 с. Режим доступа: ineka.ru:778›…Гибадуллин Р.М…Смирнов – профессор.

Голдина Р.Д. Отчет об исследованиях Удмуртского отряда Нижне-Камской археологической экспедиции летом 1970 года // Архив ИА РАН. Р-1. № 4098.

Казанцев Р.С., Лепихин А.Н., Мельничук А.Ф. Исследование жертвенных мест в Пермском Приуралье // АО – 1996. М.: Наука, 1997. С. 250–252.

Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов. Т. 2. Томск: Томск. ун-т, 1995. 290 с.

Коми народный этнос. М.: Наука, 1987. 688 с.

Коренюк С.Н. Исследования раннеананьинских памятников в южнотаёжном Прикамье // АО Урала и Поволжья / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: ИЯЛИ, 1989. С. 64–67.

Коренюк С.Н., Лепихин А.Н., Мельничук А.Ф. Исследования культовых памятников раннего железного века в Среднем Приуралье // АО Урала и Поволжья / Отв. ред. В.В. Никитин. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1994. С. 67–70.

Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф. «Переселение народов» в археологии Среднего Приуралья // Вестник Пермского университета. История и политология. Вып. 3 (8). Пермь, 2007. С. 62–71.

Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф. Гляденовский историко-археологический комплекс: проблема сохранения и музеефикации // Археология сокральных мест России: Сб. тез. докл. науч. конф. с междунар. участием (Соловки, 7–12 сентября, 2016 г.) / Отв. ред. А.Я. Мартынов. Соловки: Соловец. музей-заповедник, 2016. С. 127–131.

Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф., Чагин Г.Н. Об «угорском» фоне в этнической интерпретации высокохудожественных изделий пермского звериного стиля // Этнокультурное наследие пермских финнов: МВНПК / Ред., сост. С.М. Аристова. Кудымкар: ПНЦ УрО РАН, 2013. С. 28–51.

Коренюк С.Н., Оборин В.А. Работы Камской экспедиции // АО – 1986. М.: Наука, 1988. С. 174–175.

Коробейников А.В. По кривой дороге, или к чему привело нашу науку забвение трудов о. Николая Блинова // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. № 3. Ижевск, 2009. С. 45–60.

Куббель Л.Е. Возникновение частной собственности, классов и государства // История первобытного общества. Эпоха классообразования / Отв. ред. Ю.В. Бромлей. М.: Наука, 1988. С. 140–269.

Лепихин А.Н. Исследования костищ гляденовского времени в Прикамье // АО – 1995. М.: Наука. 1996. С. 211–273.

Лепихин А.Н., Мельничук А.Ф. Гляденовское костище: Каталог из собрания Пермского краеведческого музея. Вып. 3. Пермь: ПОКМ, 1997. 15 с.

Макаров Л.Д. Человеческие жертвоприношения у народов Прикамья (попытка анализа археологических источников) // Коренные этносы Севера европейской части России на пороге нового тысячелетия: история, современность, перспективы: ММНК / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: ИЯЛИ, 2000. С. 191–195.

Мельничук А.Ф. Исследование памятников железного века в Среднем Прикамье // АО – 1983. М.: Наука, 1985. С. 163–164.

Мельничук А.Ф., Мокрушин В.П., Соболева Н.В. Раскопки Пермского университета // АО – 1986. М.: Наука, 1988. С. 183–185.

Мельничук А.Ф., Оборин В.А. Новые исследования Гремячанского поселения-святилища // АО Урала и Поволжья / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: ИЯЛИ, 1989. С. 75–78.

Мифы, предания, сказки ханты и манси. М.: Наука, 1990. 568 с.

Мокрушин В.П. Археологические исследования на территории Пермского и Кунгурского районов Пермской области // АО Урала и Поволжья / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: ИЯЛИ, 1989. С. 81–83.

Мокрушин В.П. Новые материалы по раннему железному веку Прикамья // Археология и этнография Среднего Приуралья. Вып. 1 / Гл. ред. А.Ф. Мельничук. Березники: Тип. купца Тарасова, 2001. С. 87–94.

Новикова О.И. Интрамуральные погребения эпохи бронзы Западной Сибири: проблемы интерпретации // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. 1 / Отв. ред. Е.Н. Носов и др. СПб. – Великий Новгород – Старая Русса: ИИМК, 2011. С. 261–262.

Новокрещенных Н.Н. Гляденовское костище // Труды Пермской ученой архивной комиссии. Т. XI. Пермь, 1914. С. 19–97.

Патрушев В.С. Общественные отношения в Волго-Камье в VII–VI вв. до н. э. (опыт археолого-социологического анализа материала могильников // Финно-угры России. Вып. 1 / Отв. ред. В.С. Патрушев. Йошкар-Ола: МарГУ, 1993. С. 158–181.

Петренко А.Г. Археозоологические материалы к изучению истории животноводства и охоты у ананьинского населения Волго-Камья и Предуралья // Археология и естественные науки Татарстана. Кн. 2 / Отв. ред. А.Г. Петренко. Казань: ИИ АН РТ, 2004. С. 5–25.

Петренко В.Г. Украшения Скифии VII–III вв. до н. э. / САИ. Вып. Д4–5. М.: Наука, 1978. 143 с.

Перевалова Е.В. Северные ханты: этническая история. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. 414 с.

Поляков Ю.А. Итоги изучения памятников гляденовской культуры в Верхнем и Среднем Прикамье // Труды IV Уральского археологического совещания / УЗ ПГУ; № 148 / Отв. ред. В.А. Оборин. Пермь: ПГУ, 1967. С. 197–215.

Поляков Ю.А. Гляденовская культура // Археология и этнография Среднего Приуралья. Вып. 1 / Гл. ред. А.Ф. Мельничук. Березники: Тип. купца Тарасова, 2001. С. 10–19.

Потемкина Т.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы (по материалам Чудской Горы). М.: ПАИМС, 1995. 151 с.

Расторопов А.В. Исследования комплекса археологических памятников в бассейне Конды у села Старый Катыш // Проблемы сохранения и использования культурного наследия: история, методы и проблемы археологических исследований / Науч. ред. В.А. Борзунов. Екатеринбург: Магеллан, 2014. С. 246–254.

Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М.: Наука, 1987. 783 с.

Смирнов И.Н. Следы человеческих жертвоприношений в поэзии и религиозных обрядах приволжских финнов: (Публичная лекция, читанная 31 марта 1889 г. в пользу Об-ва археологии, истории и этнографии). Казань: Тип. Имп. Казан. ун-та, 1889. 22 с.

Тейлор Э.Б. Первобытная культура. М.: Политиздат, 1989. 447 с.

Тиунов В.Ф. Промышленное развитие Западного Урала: историко-экономический очерк. Кн. 1. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1954. 208 с.

Токарев С. А. Ранние формы религии. М.: Политиздат 1990. 624 с.

Халиков А.Х. Волго-Камье в начале раннего железного века (VIII–VI вв. до н.э.) М.: Наука, 1977. 262 с.

Черных Е.М. Отчет об археологических исследованиях в Каракулинском районе Удмуртской Республики летом 1999 года (Зуевоключевское I городище). Т. II. Ижевск, 2005 // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 355. 99 с.

Черных Е.М. Отчет об археологических исследованиях в Каракулинском районе УР (Зуевоключевское I городище) в 2004 г. Ижевск, 2005 // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 435.

Черных Е.М. Некоторые итоги изучения культурного слоя Зуевоключевского I городища в Удмуртском Прикамье // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / АЕС. Вып. 8 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Елабуга: ИИ АН РТ, ИА РАН, ЕИАМЗ, 2009. С. 76–97.

Черных Е.М. Поздненаньинское святилище на Зуевоключевском I городище (Нижнее Прикамье) // Поволжская археология. 2013. №1 (3). С. 153–165.

Черных Е.М., Ванчиков В.В., Шаталов В.А. Аргыжское городище на реке Вятке. М.: Регулярная и хаотическая динамика, 1988. 188 с.

Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Т. 2 / Отв. ред. В.И. Молодин, Г. Парцингер. Новосибирск–Берлин: ИАЭ СО РАН, 2004. 336 с.

Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. Томск: ТГУ, 1984. 256 с.

Фольклор народа Коми. Т. 1: Предания и сказки / Под ред. И.Н. Новикова. Архангельск: Архоблгиз, 1937. 223 с.

Фрэзер Д.Д. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М.: Политиздат, 1986. 703 с.

Информация об авторах:

Коренюк Сергей Николаевич, научный сотрудник научно-исследовательской части Пермского государственного национального исследовательского университета, заместитель начальника Камской археологической экспедиции (г. Пермь, Россия); korenyuk_sn@mail.ru

Мельничук Андрей Федорович, кандидат исторических наук, доцент кафедры древней и новой истории России, Пермский государственный научно-исследовательский университет (г. Пермь, Россия); dmelnichuk@mail.ru

Черных Елизавета Михайловна, кандидат исторических наук, профессор кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии, Институт истории и социологии, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия); arch@udm.ru

HUMAN SACRIFICES IN ANANYINO SETTLEMENTS OF THE LOWER AND MIDDLE KAMA REGIONS (LATE 6TH-3RD CENTURIES B. C.)

S.N. Korenyuk, A.F. Melnichuk, E.M. Chernykh

The article features an analysis of human sacrifices at the sites of the Late Ananyino culture (late 6th - 3rd centuries B.C.) located in the Lower and Middle Kama regions. The authors determine the reasons for their appearance in Late Ananyino societies. The majority of ritual burials are associated with sanctuary sites (Gremyachanskoe, Glyadenovskoe) or with the sacred sites of large settlements (Argyzhskoe, Zuevoklyuchevskoe I). They are generally represented by child burials. The bloody rituals were less frequently conducted with the involvement of adults represented by prisoners or slaves. Evidently, the initial pantheon of deities developed in the Ananyino society of the Kama region in the second half of the 1st millennium B.C. The most significant of the deities who controlled the natural elements which the life of the population depended on in the case of extreme events, were the ones in whose honour they made human sacrifices.

Keywords: archaeology, Kama region, Ananyino culture, human sacrifices, sanctuaries, cult buildings, infanticide.

About the authors:

Korenyuk Sergey N. Perm State National Research University, Kama Archaeological Expedition. Bukireva St., 15, Moscow, 614990, Russian Federation; korenyuk_sn@mail.ru

Melnichuk Andrey F. Candidate of Historical Sciences. Perm State Scientific Research University. Bukireva St., 15, Moscow, 614990, Russian Federation; dmelnichuk@mail.ru

Chernych Elizaveta M. Candidate of Historical Sciences. Professor. Udmurt State University, Universitetskaya St., 1, Izhevsk, 426034, the Udmurt Republic, Russian Federation; arch@udm.ru

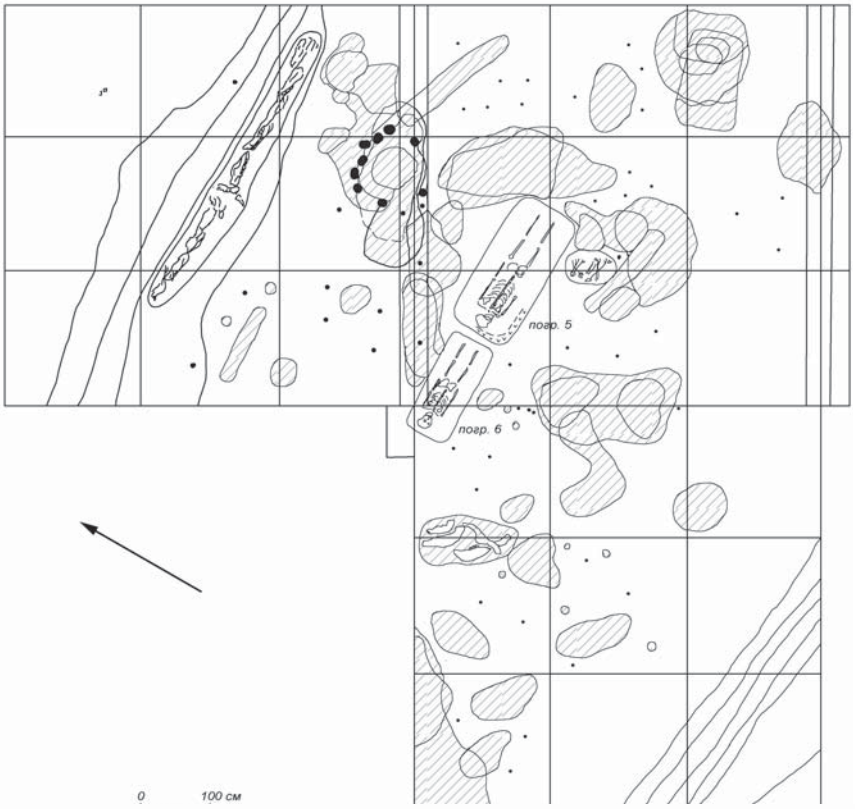


Рис. 1. Гремячанское поселение-святилище. Фрагмент раскопа А.Д. Вечтомова (1960 г.) со схематически обозначенными объектами (прорисовка по чертежам авторского отчета выполнена Л.И. Липиной)

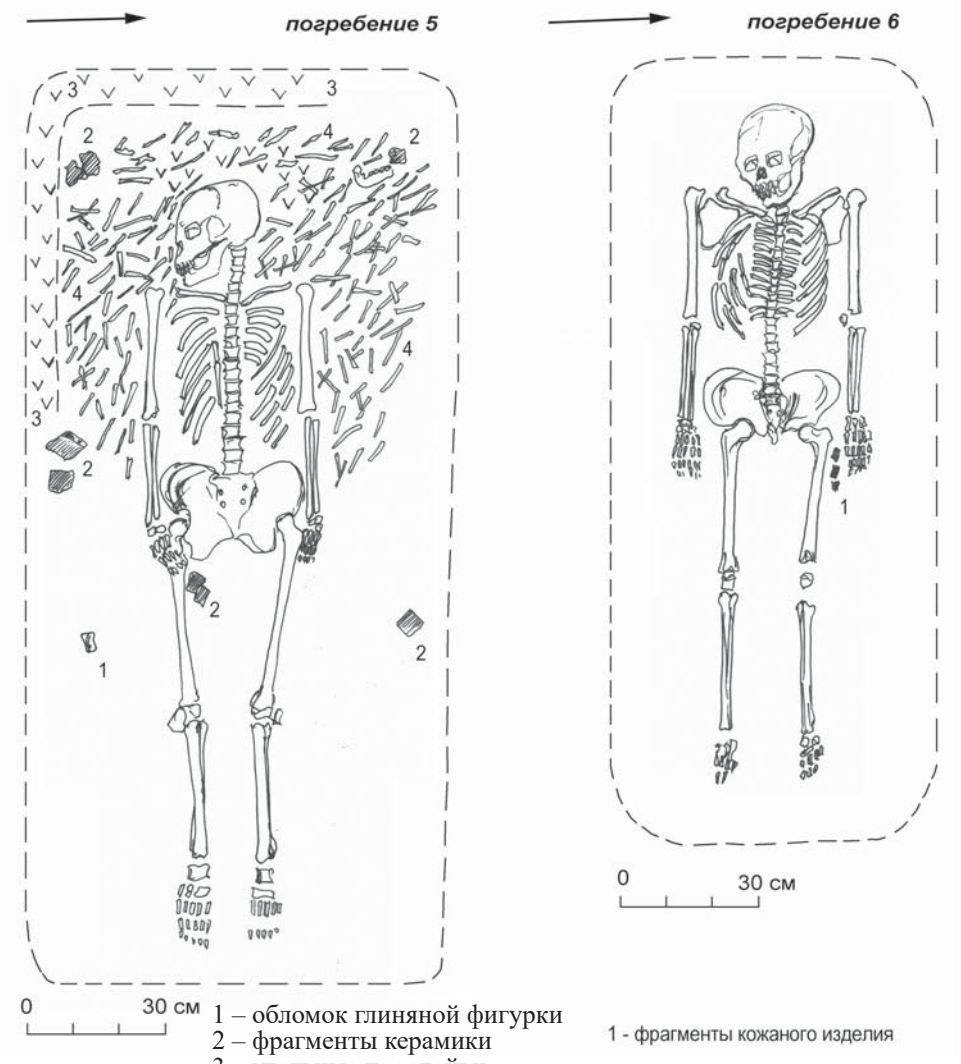


Рис. 2. Гремячанское поселение-святилище. Планы погребений 5 и 6

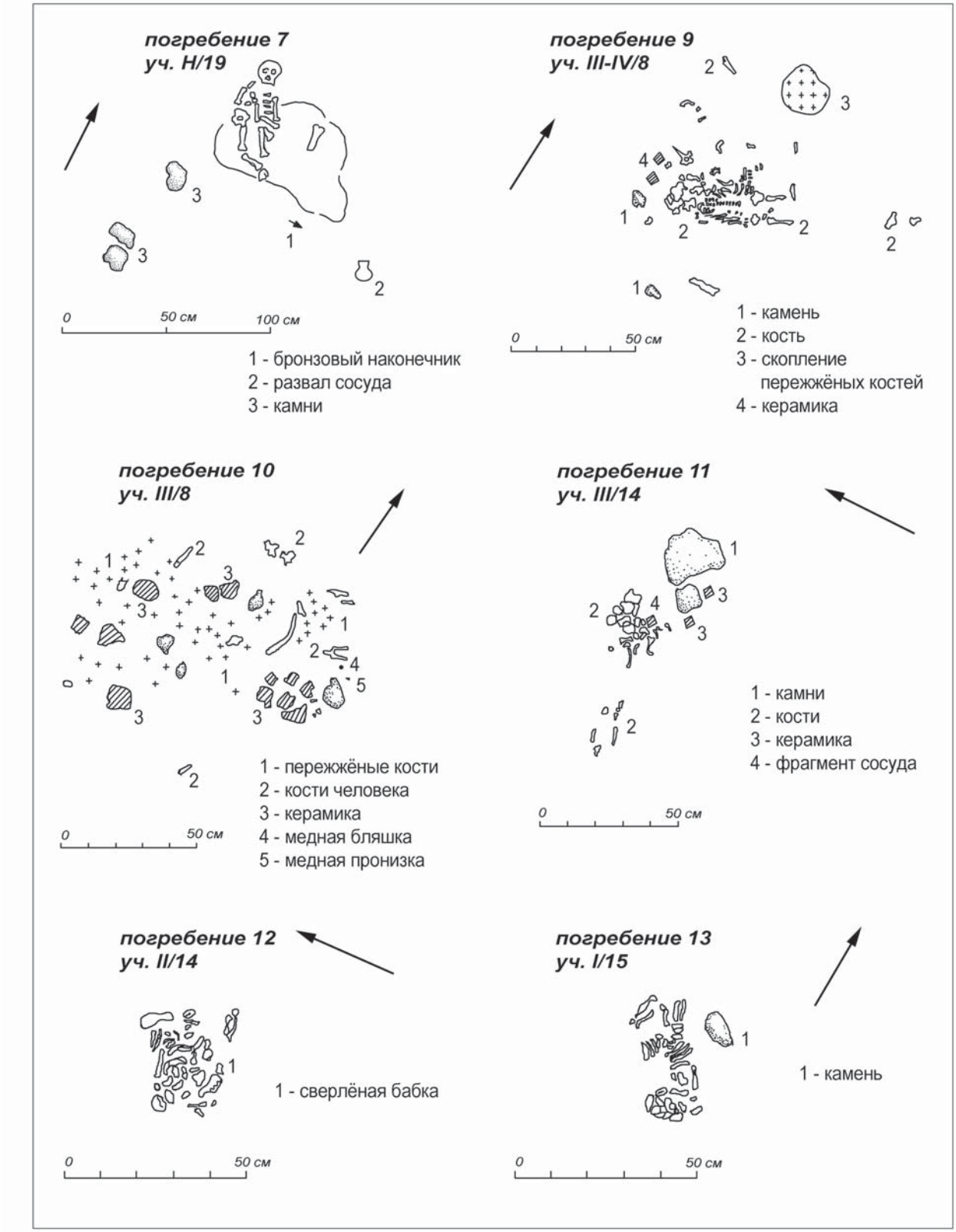


Рис. 3. Гремячанское поселение-святилище. Планы погребений 7, 9–13

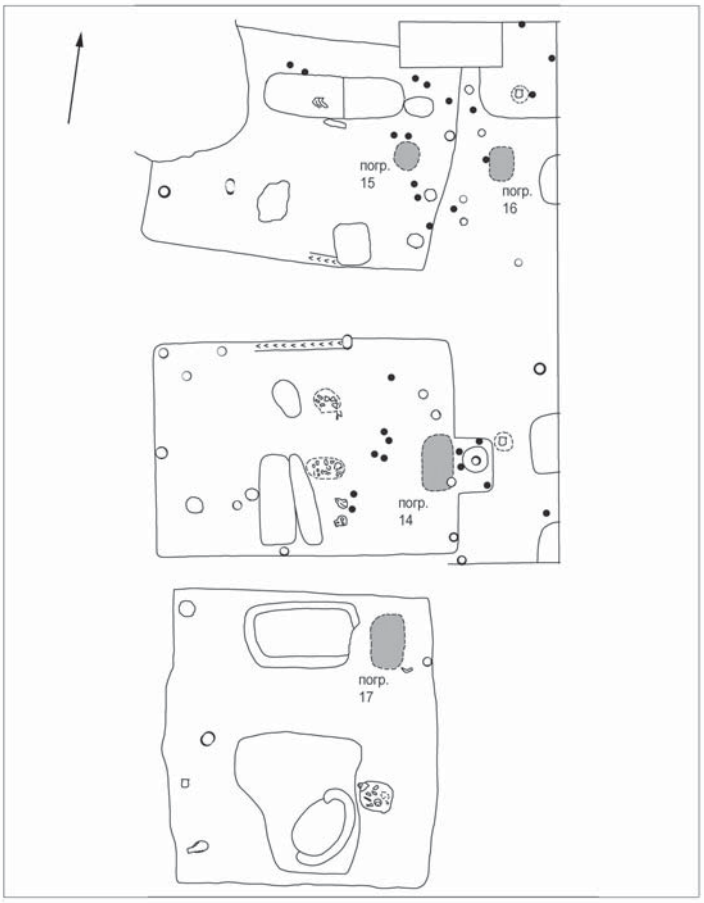


Рис. 4. Гремячанское поселение-святилище. Фрагмент раскопов 1992–1993 гг. со схематически обозначенными культовыми постройками (прорисовка Л.И. Липиной)

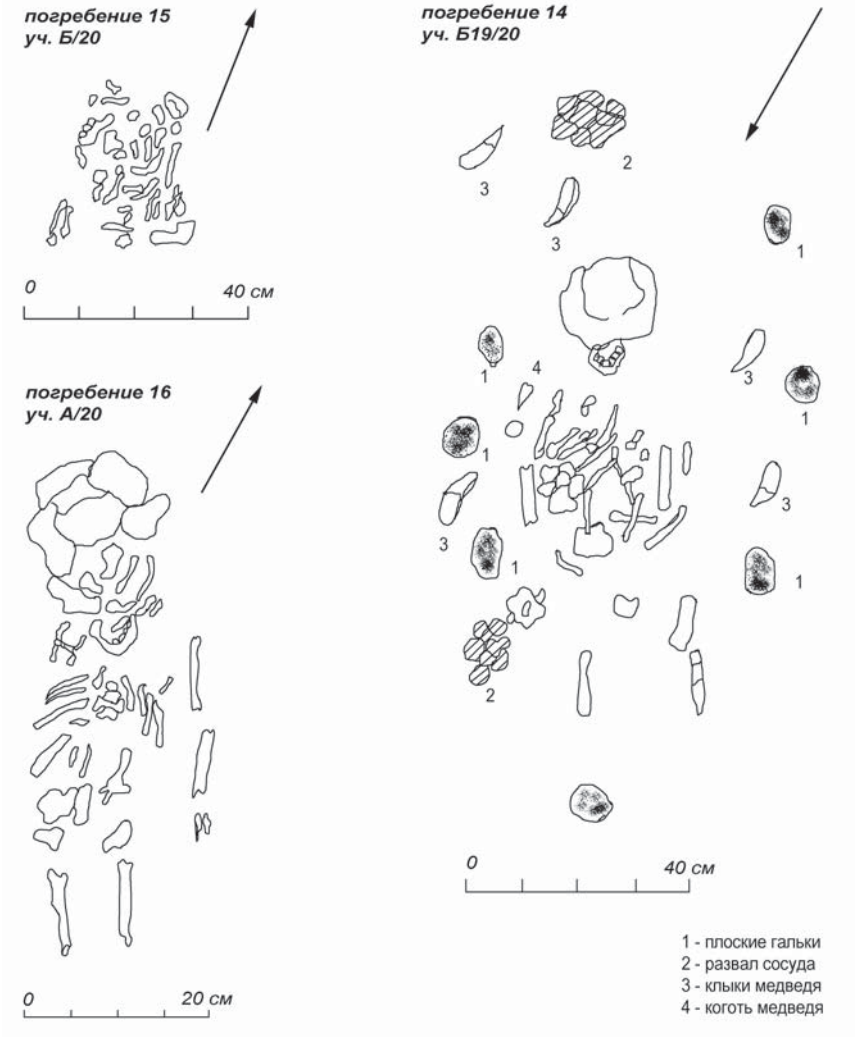


Рис. 5. Гремячанское поселение-святилище. Планы погребений младенцев, погр. 14–16

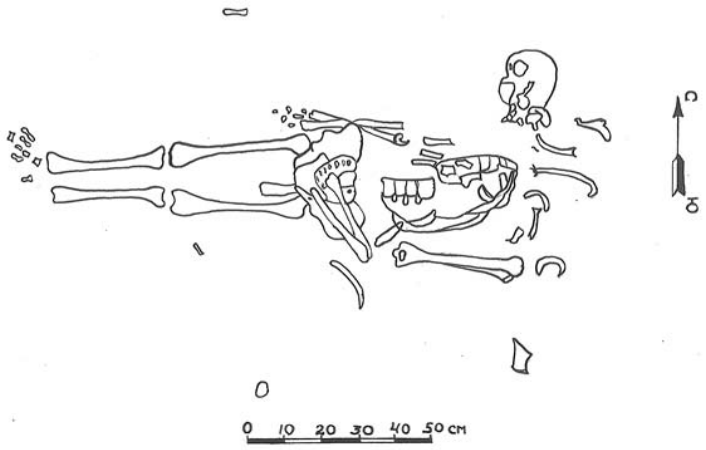


Рис. 6. Половинное I поселение. Погребение 1 (фото и прорисовка)

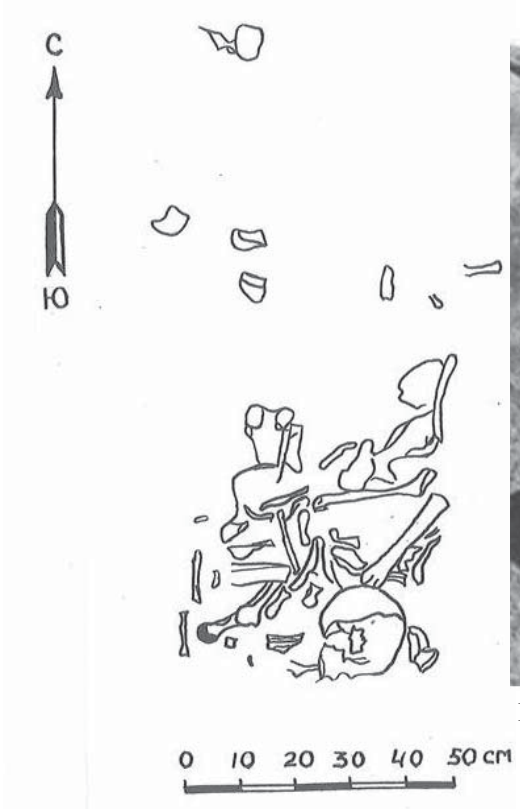


Рис. 7. Половинное I поселение. Погребение 2 (фото и прорисовка)

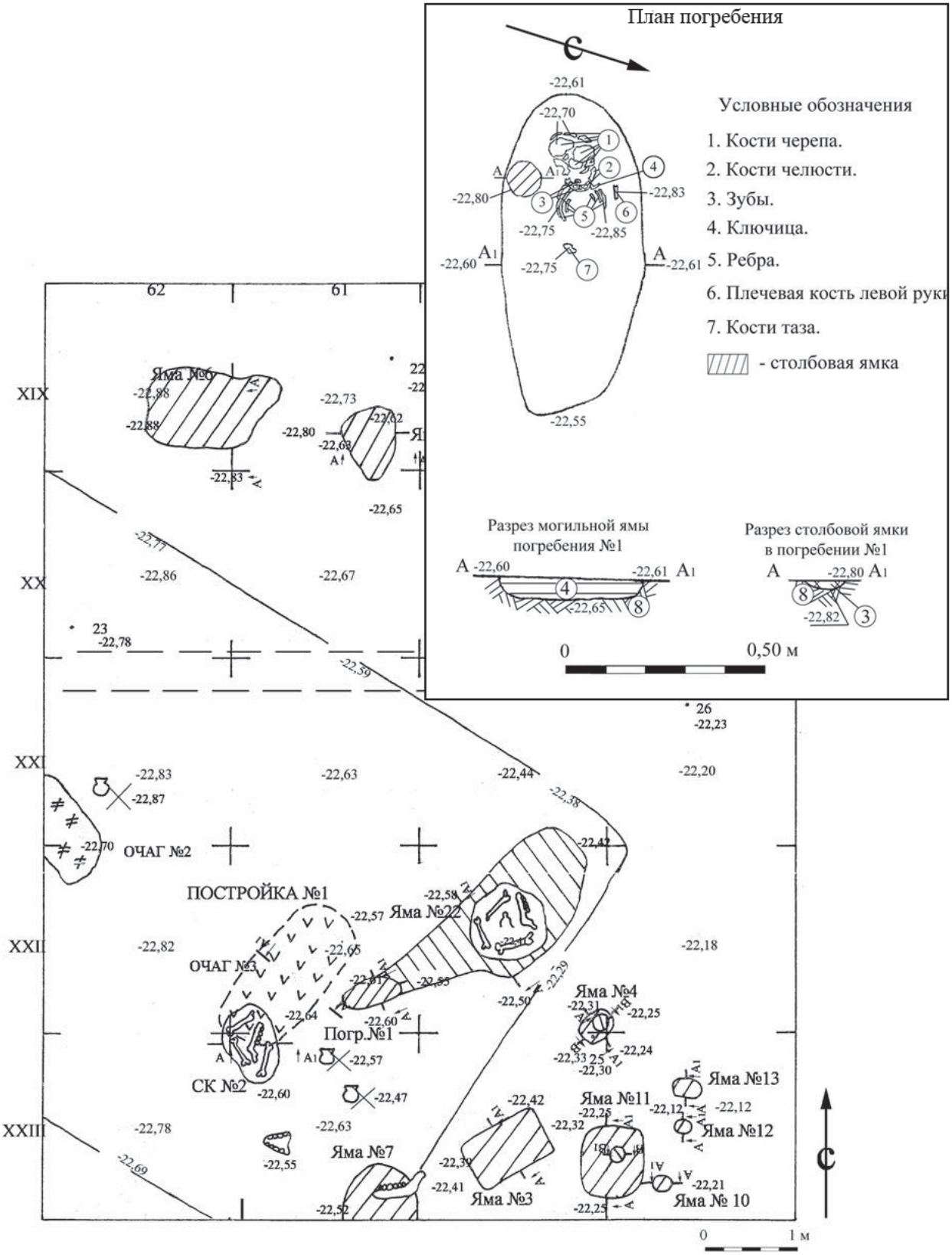


Рис. 8. Гляденовское городище-костище. План культовой постройки и погребения

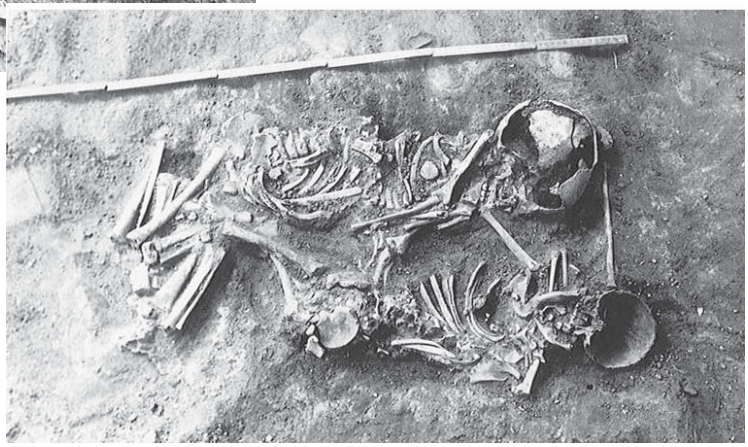


Рис. 9. Заюрчимское I поселение. Коллективное детское погребение 1

Рис. 10. Заюрчимское I поселение. Погребения 2, 3, 4

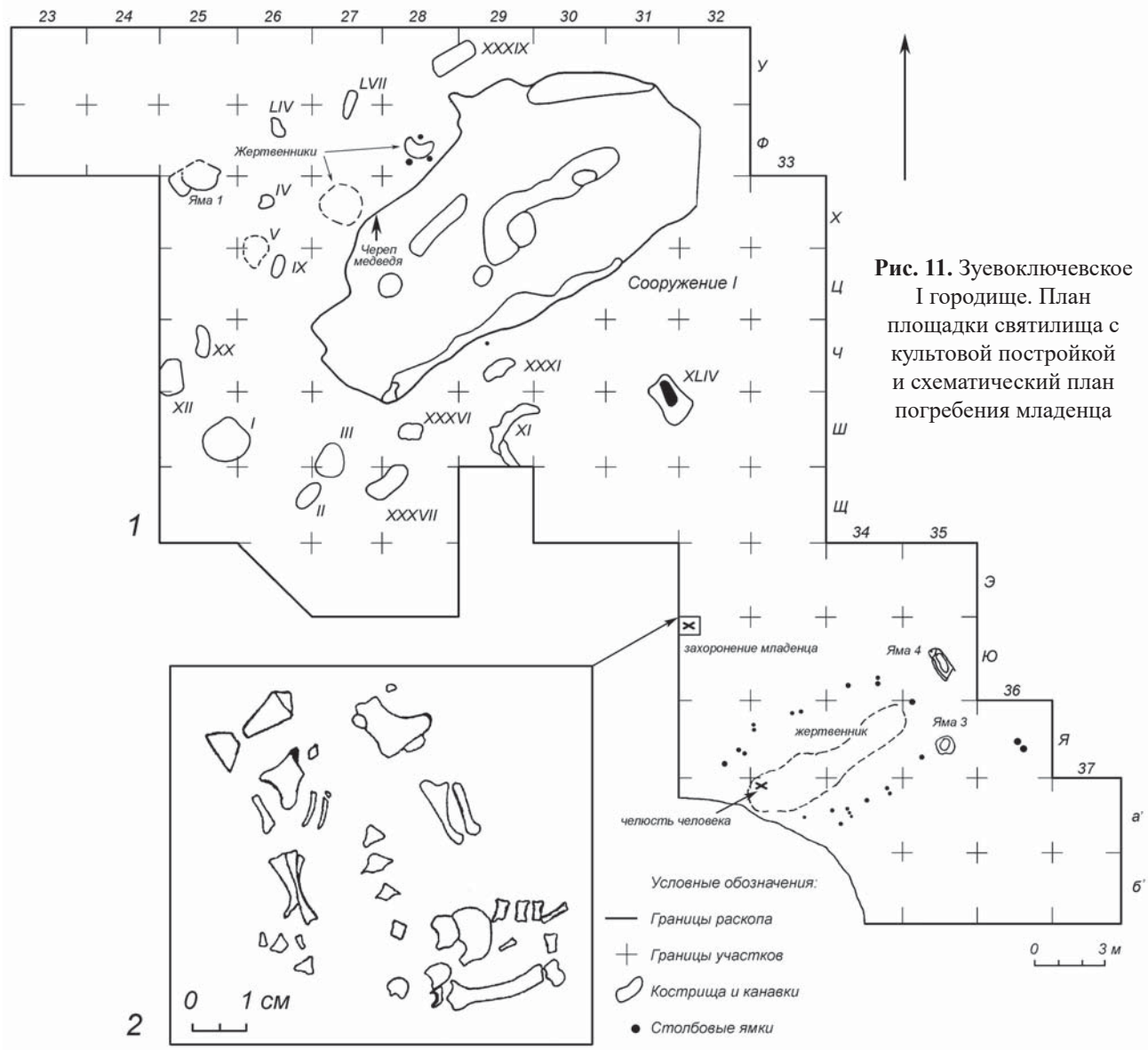


Рис. 11. Зуевоключевское I городище. План площадки святилища с культовой постройкой и схематический план погребения младенца

Рис. 12. Зуевоключевское I городище. 1 – погребение 1 на уч. АБ/21 (раскоп 1970 г.); 2 – погребение на уч. Ф/10 (раскоп 2004 г.)

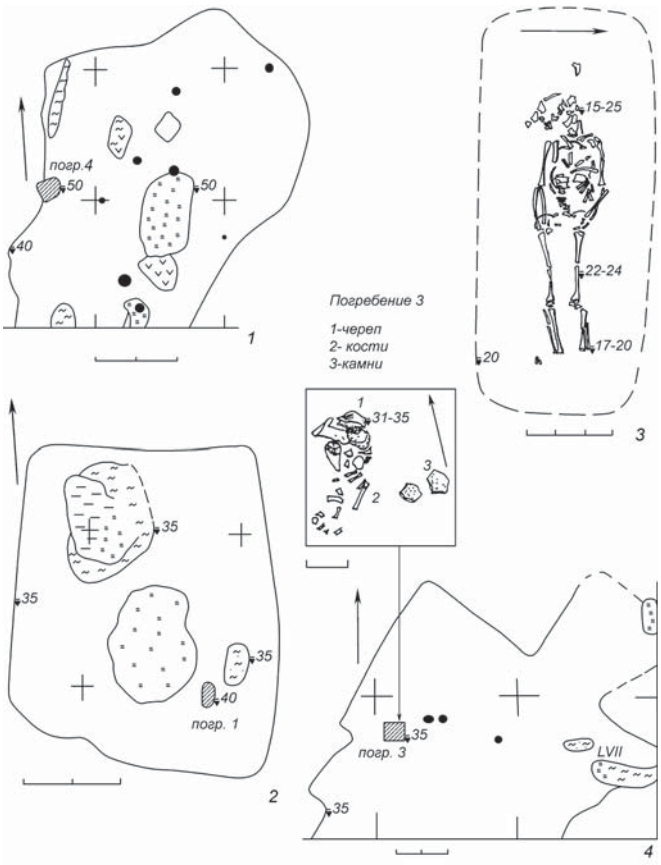


Рис. 13. Зуевоключевское I городище: 1, 2, 4 – планы жилищ с погребениями младенцев; 3 – план погребения 2 в культурном слое (кв. Ф/10).

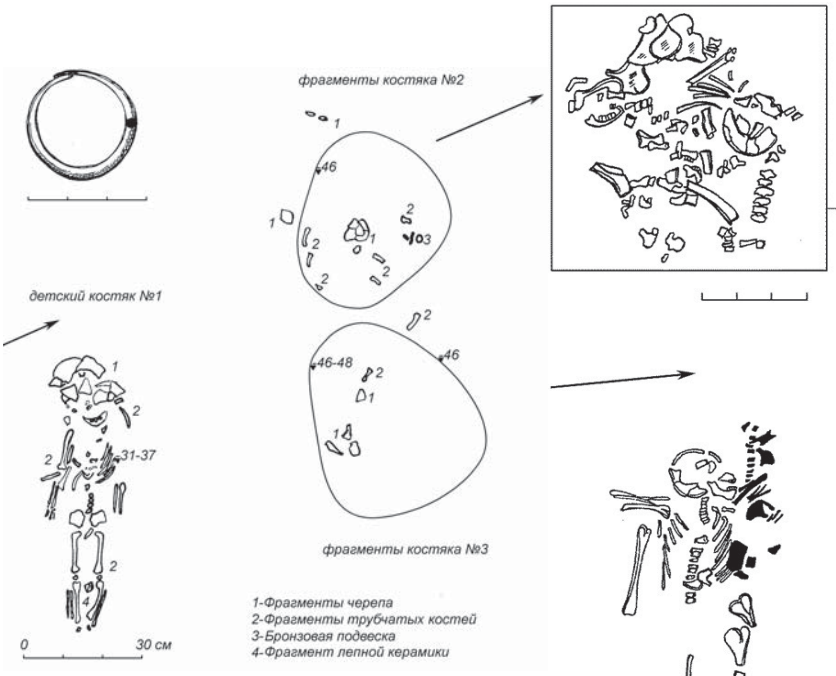


Рис. 14. Ныргындинское II городище. Детские погребения из позднеананьинского культурного слоя

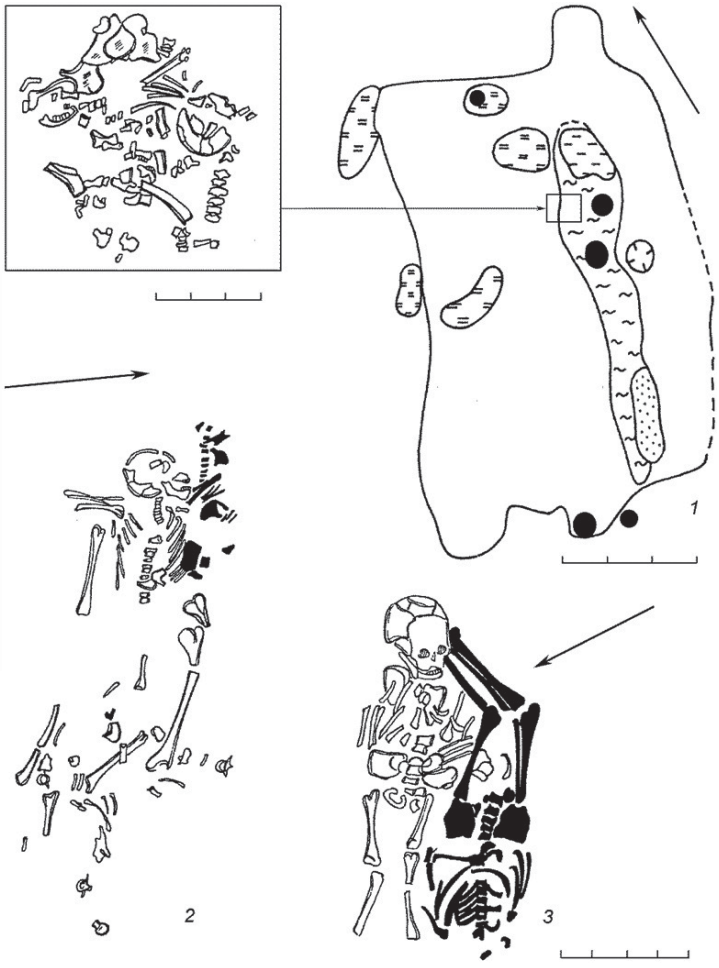


Рис. 15. Аргыжское городище: 1 – план культовой постройки; 2, 3 – погребения из заполнения сооружения V

УДК 902.694

К ВОПРОСУ О РАННЕЙ ДАТЕ ПЬЯНОБОРСКИХ ПАМЯТНИКОВ. Ч. 2: НАХОДКИ ПРЕДМЕТОВ ВООРУЖЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА

© 2017 г. А.А. Красноперов

В статье продолжено рассмотрение вопроса о начальной дате и ранних комплексах пьяноборской культуры. Для датировки часто привлекаются находки мечей, но авторы используют устаревшие оценки и датировки, потерявшие свое значение в сарматской археологии. Мечи рассмотренных типов не позволяют отнести начало пьяноборской культуры ранее II в. до н.э. Второй обсуждаемый аспект – возможные соответствия в погребальном обряде с финалом ананьинской культуры. Специальные исследования достоверно позднеананьинских памятников отсутствуют. Проведенный обзор показал ограниченное сходство погребального обряда, а конкретные погребения могут быть датированы не ранее рубежа эр – 1 пол. I в. н.э. В приложениях публикуются не изданные материалы раскопок А.Д. Вечтомова на Поздеевском оз. и Б.Б. Агеева – на Трикольском могильнике.

Ключевые слова: археология, Прикамье, ранний железный век, ананьинская культура, пьяноборская культура, хронология, меч, погребальный обряд.

Проблемы хронологии археологических культур послескифского времени не уникальны исключительно для Прикамья. Разбирая ситуацию с дьяковской культурой, М.Г. Гусаков (2007, с. 41, 47) указал на несостоятельность (не-хронологичность) избранных хронологических реперов и пагубное следствие – «растяжки хронологической шкалы», вызванные «нарочитым удревнением, чтобы сократить хронологический вакуум» (Там же, с. 45). Для дьяковских памятников ранними назначаются костяные стрелы, «подражающие скифским бронзовым образцам», и находки из погребенного дерна (Там же, с. 41). Для пьяноборских памятников список формально шире – находки мечей, бляхи с фигурами львов, бронзовые втульчатые наконечники стрел и восьмерковидные застежки с неподвижным крючком (без ссылок). Ничтожность таких аргументов специально рассматривалась Б.Б. Агеевым (1976). К этому обязательно необходимо добавить, что именно в сарматской археологии, откуда берутся «аналогии» и датировки, после работ А.С. Скрипкина (1992) и дискуссии по ним случились кардинальные перемены. Поэтому любые ссылки на сарматские датировки, предлагавшиеся до 1990 г., или приводящие к ним при раскрытии цепочки ссылок, бессмысленны.

Однако решать вопрос поиска ранних комплексов нужно. Насколько в этом могут помочь импортные для пьяноборского населения находки, имеющие, предположительно, раннюю хронологию и, в частности, предметы вооружения? С позиций сарматской паноплии тема неоднократно изучена, рассмотрены вопросы хронологии, происхождения, способа ношения. В последнее десятилетие тематика клинкового оружия в железном веке Прикамья рассматривалась В.В. Овсянниковым, С.Э. Зубовым и О.О. Малых. Последний считает, что «распространение связано с легкостью изготовления» (Малых, 2012, с. 186), – обсуждать не будем. Сразу имеет смысл исключить все предметы, не обладающие выразительными признаками (без наверший и перекрестий) и все депаспортизированные и случайные находки. Остается всего две группы: мечи с кольцевым навершием, которые считаются характерными для среднесарматского периода, и меч с серповидным навершием, показательный для раннесарматского времени.

Оружие с кольцевым навершием. По Б.Б. Агеву получается 7 (типы II-В-3,4; II-А-2) находок: Сасыкуль, п. 151, 225, 346, 348, Юлдашево, п. 85, Камышлы-тамак, п. 23, Ныргында II, п. 152 (Агеев, 1992, с. 46, 47). Но в публикации Юлдашевского могильника указано, что кинжалов с кольцевым навершием было два (Пшеничнюк, 1986б, с. 72) – Юлдашево, п. 85, представлен на рисунках (Пшеничнюк, 1986б, рис. 5: *1*), и второй, Юлдашево, п. 75, вычисляется по описанию: «с плохо сохранившимся прямым перекрестьем, и, по-видимому, кольцевым навершием» (Там же, с. 63). В публикации Сасыкульского могильника отмечено, что кинжалы с кольцевым навершием встречены в трех погребениях (Васюткин, Калинин, 1986, с. 115), без указания номеров могил. На рисунках приведено два – Сасыкуль, п. 225, 346 (Там же, рис. 16: *6, 5*). Кинжал Сасыкуль, п. 151 описан и изображен в отчете (Калинин, 1977, с. 35, 36, рис. 85: *5*); по отчету у кинжала из Сасыкуль, п. 225 навершие не сохранилось[1]

[1] Кинжал, совпадающий с изображенным в отчете (рис. 1: 17) опубликован как найденный в с. Урманаево

(Там же, с. 88, 89, рис. 216: *3*), а в публикации (Васюткин, Калинин, 1986, рис. 16: *6*) оно показано. В связи с отличием опубликованного экземпляра от изображенного в отчете есть вероятность, что опубликован экземпляр из Сасыкуль, п. 348. Сведения по Сасыкуль, п. 346, 348 принципиально не проверяемы[2].

К списку добавились лишь мечи из Кипчаково I, п. 43/2012 (Зубов, Сатаров, 2014, рис. 3: *3*) и Ст. Чекмак, п. 36; итого можно говорить о 10 находках (рис. 1), комплексы известны у семи.

Морфологически оружие с кольцевым навершием однообразно (Симоненко, Лобай, 1991, с. 39), различия отмечаются только в длине клинка[3]. Приведенные размеры достаточно условны, т.к. в большинстве своем высчитаны по изображениям; многие навершия и острия обломаны; сомнительны размеры кинжала из Юлдашево, п. 85, возможна ошибка масштаба в публикации. Показательно, что только один из выборки имеет длину, очень незначительно превышающую 70 см. Ниже даются размеры мечей по следующим параметрам (длина рукояти с навершием – длина лезвия – общая длина, в см): Ю 85 (9,2×19,8×29,0), $К_1$ 43/2012 (12,0×17,1×29,1), Ст.Ч 36 (12,9×26,2×39,1), Сас 151 (> 12,1×28,5×> 40,6), Кт 23[4] (11,3×32,7×44,0), Сас 225 (13,2×31,9×45,1), Сас 346 (12,2×> 40×> 52,2), $Н_2$ 152 (11,2×62×73,2), $К_1$ 1990[1991[5]]/к.2/п.3-1 (11,3×> 24,8×> 36,1).

Хронология *длинных*, более 1 м, мечей с кольцевым навершием рассматривалась А.С.Скрипкиным, отметившим их распространение, начиная со II (м.б. с середины) в. до н.э., и бытование в I в. до н.э. (Скрипкин, 2005, с. 171, 182, 183-прим.). Во второй период (I – 1 пол. II в. н.э.) (Там же, с. 184) получают распространение *короткие* мечи, не длиннее 70 см (Сергацков, 2007, с. 61, 63; Симоненко, 2010, с. 39), продолжающие бытовать и в начале позднесарматского времени (Безуглов, 1998, с. 109, 110; Сергацков, 2007, с. 61; Симоненко, 2010, с. 43). В связи с долгим периодом бытования оружие с кольцевым навершием не может служить точно датирующим материалом (Симоненко, Лобай, 1991, с. 39; Сергацков, 2007, с. 63). А.С. Скрипкин и И.В. Сергацков сходятся в определении максимально ранней даты их появления – II в. до н.э., А.В. Симоненко считает, что даже позже – I в. до н.э. (Симоненко, 2010, с. 40).

Комплексы никаких уточнений не вносят, т.к. в них представлены исключительно местные типы вещей. Но можно сказать, что Камышлы-тамак, п. 23 и Юлдашево, п. 85 (рис. 3А), в меньшей степени Юлдашево, п. 75 (рис. 3Б) и Ст. Чекмак, п. 36 (рис. 2) теснее связаны между собой. В наборах устойчиво повторяются находки наконечников копий и удил двух вариантов: без псалиев и со стержневыми псалиями с парой петель (рис. 4А: *2*). Интересно, что застежки с неподвижным крючком, по-видимому, связанные с креплением оружия, представлены двумя близкими типами: с 4 и 6 спицами в круглой рамке. В двух могилах маленькие застежки в виде лепестковой бляшки с высокой дужкой; в двух – простые рамчатые[6].

По находке фибулы в Чертовицком могильнике (Медведев, 1990, рис. 12: *4, 12*), комплексам Усть-Альма, п. 711 (Пуздровский, 2007, рис. 100: *II*), хут. Шевченко, к. 8, п. 2 (Шепко, 1987, рис. 8: *4*), Усьман к. 4, п. 2 (Максименко, 1998, рис. 78: *3*), Неаполь Скифский, конское п. 3 (Зайцев, Мордвинцева, 2007, рис. 11: *3*) стержневые псалии с двумя боковыми петлями датируются I – началом II в. Косвенно дата подтверждается тем, что начиная со II в. стиль конской сбруи резко меняется (Максименко, 1998, с. 137).

Оружие с серповидным навершием. При раскопках Кипчаковского I могильника выявлен еще один экземпляр «раннего» оружия – короткий меч-кинжал с серповидным навершием, Кипчаково I, 1990 [1991], к. 2, п. 3-1 (Тагиров, 1990, с. 28; 1991, рис. 142; Зубов, 2007, рис. 1: *29*). Публикуя его С.Э. Зубов предельно осторожен: «единственная находка», «малочисленный сопроводительный инвентарь – нож и бляшка» и не настаивает на сверхранней датировке (Зубов, 2007, с. 92, 93).

Самые ранние, единичные, находки оружия с серповидным навершием датируются 2 пол. III в. до н.э. (Симоненко, 2010, с. 17), но

в 1940-е гг. и хранящийся в фондах ИИЯЛ УНЦ РАН (Обыденнов, Савельев, 1994, № 36) (рис. 1: 16). В отчете (Сунгатов, 1989, №30, с. 18) приведены следующие сведения: найден М.Н. Миниховым в кон. 40-х гг. на ЮВ окраине села на пашне. Общая длина 45 см, ширина лезвия у перекрестья 4 см, длина перекрестья 6 см, рукоять обломана.

[2] Коллекция (раскопки 1976, 1977, 1979, 1980 гг.) только осенью 2016 г. была сдана раскопщиком в музей и в настоящее время проходит приёмку на ответственное хранение.

[3] А также в его форме (треугольная или с выпуклыми сторонами) и пропорциях (комм. Дмитрия Г.Бугрова).

[4] НМРБ ОФ6156/33, стар. № 63/190а. Благодарю научного сотрудника отдела фондов С.Л. Воробьеву за помощь в работе.

[5] Меч фигурирует в тезисах за 1990 г. (Тагиров, 1990), но в отчете только за раскопки 1991 г. (Тагиров, 1991, с. 33). При дальнейших исследованиях С.Э. Зубовым была изменена нумерация курганов: к. 2/1990 [1991] получил номер к. 41 (Зубов, 1992, с. 5, 13).

[6] В Ныргында II, п. 152 (рис. 5) есть застежка, украшенная псевдозернью, но это отдельная тема.

распространение в Северном Причерноморье они получают во II–I вв. до н.э. (Там же, 2010, с. 19), причем находки I в. до н.э. не исключительны (Там же, с. 40).

Распространение типов оружия существенно отличается. В прохоровское время (здесь подразумеваются мечи с серповидным навершием) группы оседлого («пьяноборцы»[7]) и кочевого (многочисленные случайные находки и могильники в междуречье Демы и Белой) населения не контактировали между собой, а более северные находки – Красноярский (Казанцева, 2004, рис. 91: *11*), Якимково (Тальгрен, 1917, рис. 1; Генинг, 1970, рис. 16: *2*), Илишевский р-н (Исмагилов, 2001, № 46, табл. V: *46*), Бугульма (АПВЗ, 1989, с. 29, № 167), Ямаково (Бугров, 2006, рис. 51Б) (рис. 1: 1–3, 7, 11, 16(?) – оконтуривают пьяноборский ареал по периметру, но не соприкасаются с (Васильев, 1973) более ранним[8] (рис. 6). В среднесарматское время (здесь подразумеваются мечи с кольцевым навершием) несмотря на то, что ареал собственно среднесарматских памятников сместился южнее, в междуречье Уршака и Белой (только некоторые проникают на правобережье Уршака), наблюдается активное продвижение вещей по Ику до среднего течения р. Сюнь, которое тесно связано с Иком (рис. 7). В этом смысле особый интерес представляет находка (рис. 1: *14*) на границе Пермского края и Республики Коми, практически в зоне коми-группы гляденовских памятников. В 1973 г. А.Д. Вечтомовым при раскопках стоянки Поздевское оз. I (устье р. Чирва и Чусовское озеро) были найдены рядом меч с кольцевым навершием и копье, а неподалеку нож. Площадка осваивалась неоднократно: есть находки неолита, РЖВ, родановского времени, погребение XVII в. Несмотря на отсутствие каких-либо очертаний могильной ямы и костей, А.Д. Вечтомов осторожно предполагал, что здесь могло быть погребение (Вечтомов, 1973) (Прил. 1). В любом случае это самая северная находка такого типа оружия. И найдена она приблизительно на середине расстояния между основным массивом гляденовских памятников и северного их ареала.

Все находки с кольцевым навершием укладываются в пределы I–II вв. Только комплекс Кипчаково I, п. 3-1/1990 может убедительно относиться ко времени до н.э., но *не ранее II в. до н.э.* Оружие не дает для пьяноборских памятников более ранней даты.

Чтобы рассуждать о смене/трансформации культурных типов, недостаточно сочинять «я так вижу» (ссылок специально не будет), *нужно пошагово сравнить «что было» и «что стало»*. Для ответа на вопрос: что такое начало какой-либо культуры (как оно выглядит и где его искать), надо посмотреть, чем заканчивается предшествующая культура. Применительно к раннему пьяноборью *вопрос* звучит *– что такое позднее ананьино?*

В обзоре ананьинской хронологии тему предпочитают осторожно обходить (Кузьминых, Чижевский, 2009, с. 36, 37). Определенно о позднеананьинском времени высказывается только С.Н. Коренюк, выделяя 5–6 этапы, кон. V – нач. II вв. до н.э., на основании «раннекараабызских», Чурачикского и Шиховского могильников с датирующими вещами и могильников Устиново II, Протасы и Ремзавод без таковых (Коренюк и др., 2014, с. 117). Исходя из перечисления, надо сравнивать четыре (считая раннекараабызские), или пять (если выделять Чурачикский) групп (рис. 8): пермские позднеананьинские переходные, собственно гляденовские, коми-группа (Новый Бор, Пожемты, Джуджыдъяг, Якэ 8, Шиховской[9]).

Позднеананьинские переходные (Устиново II, Ремзавод, Крюково 5, Протасы) памятники Пермского Прикамья[10] располагаются на относительно плоских, без выраженного уклона террасах коренного берега в глубине площадки (рис. 9). Могильники маленькие (рис. 10), захоронения расположены как рядами, так и «выбиваясь» из них. Форма ям прямоугольная или прямоугольная с сильно округлыми углами, размеры соответствуют телу погребенного. Характерно положение на спине, но встречаются и кремации. Инвентарные (фрагментированная керамика, ножи) погребения редки. Главные особенности переходного времени (рис. 11): подсыпка угля в могилу;

[7] В кара-абызских памятниках найдено всего два клинка с серповидным навершием – меч и кинжал, парой, в Охлебинине, п. 441 (Пшеничнюк, 1993, рис. 5: 1,2). Больше в могиле ничего не было – в хронологическом отношении комплекс бесполезен.

[8] Клинок из сборов на площадке Красноярского могильника нагляднее всего подтверждает тезис о невозможности абсолютно жесткого датирования исключительно на основании находок оружия. Это изделие длиной 105 см имеет прямое перекрестье и серповидное навершие, но технологически совершенно бессмысленно. Авторам металлографического анализа пришлось сочинить термин «меч-шпага» (Казанцева и др., 2003, с. 49, 50). Это какое-то позднее местное подражание внешнему облику (виду) нормальных (функциональных) клинков. Сам памятник относится ко второму периоду гляденовской культуры.

[9] Коми-памятники существенно отличаются от собственно гляденовских, и гораздо ближе к кулайским/усть-полуйским. Но доказательство этого выходит за объемы представленной публикации.

[10] Доступны сведения по ананьинскому могильнику Ремзавод (Изосимов, 2008) и переходному Протасы (Коренюк, 1993).

практически полное отсутствие инвентаря в самих могилах; наличие на площади памятника жертвенных ям круглой формы котлообразного сечения, в центре которых мощная линза жженых костей, вокруг которых расположены сырые кости животных (в основном лошади), по периметру положены вещи (наконечники стрел), амулеты из челюстей куницы, черепа животных (лошадь, куница, заяц, свинья) и расставлены сосуды (Коренюк, 2012). По орнаментации керамика аналогична посуде верхнего горизонта Гремячанского и нижнего слоя Калиновского городищ (Коренюк, 1995).

Ранние гляденовские (Заосиновка I, IV, V, Городок[11]) захоронения расположены на вершинах дюн (рис. 12), совершены в плохо фиксирующихся мелких прямоугольных или со скругленными углами ямах, без инвентаря. Могилы образуют один ряд и 1–2 ямы вне него (Заосиновка I, V) или несколько рядов (Заосиновка IV, Городок), перпендикулярных друг другу (рис. 11). Между ними расположены жертвенные ямы с костями животных, в основном лошади (Варов, 1994), или человека, выкладки конских черепов, очаги, галечная вымостка (Поляков, 1967, с. 211; Мокрушин, 1990, с. 94, 95).

На статус «ранних» могут претендовать памятники, в которых сохраняются основные типические черты предыдущего времени, перечисленные выше. Среди пьяноборских заданным параметрам полнее всего соответствуют Трикольский и Шидалинский могильники[12].

Трикольский могильник раскапывался В.А. Ивановым и Б.Б. Агеевым. Особенностью площадки является сплошная залесенность, что не позволило соединить раскопы и затруднило сведение общего плана. При этом расположение раскопа Б.Б. Агева 1983 г. в отчете не указано и, по-видимому, ошибочно показана ориентировка на север для раскопа 2-1982 г. – она не совпадает с описанием, схемой раскопов и нарушает логику ориентировки могил. Могильник располагается за пределами Серенькиного (Трикольского) городища на относительно ровной террасе. В раскопах общей площадью более 385 м² изучено 60[13] захоронений (Прил. 2). Могильные ямы простой формы, мелкие, размеры соответствуют погребенному, уложенному вытянуто на спине. Особенностями обряда являются плохая сохранность костяков, взаимно перпендикулярная ориентировка могил[14]. В заполнениях ям встречались угли, в нескольких погребениях на дне слой золы. В раскопе 1-1982 г. выявлен круглый в плане зольник, в раскопе 1983 г. – овальной формы кострище со слоистым заполнением. Судя по всему, первоначально на дне ямы был разведен огонь, а потом она несколько раз засыпалась углем, землей и золой (рис. 14Б). Вещевой инвентарь памятника незначителен, многие погребения безынвентарны (рис. 15Б) (Иванов, 1972; 1978; 1979; 1980; 1979; 1980; 2003; Васильев и др., 1973; Агеев, 1982; 1983; 1985).

Без учета ажурных накладок в п. 11 (15[15]) и 32 (35)/1 примерную дату можно определить только у п. 11 (15). В могиле найдены большая бляха с валиками, 3 ажурные накладки (гребневидная, языковидная, прямоугольная с 6 спиралями в два ряда), 3 височные подвески (листовидная золотая и 2 спиральных бронзовых), фрагменты стеклянной чаши с гравированным орнаментом в виде правильных

[11] Количество могил не совсем понятно. В.П. Мокрушин для всех Заосиновских указывает 85 погребений: I – 17, IV – 61, V – 7 (Мокрушин, 1989, с. 81; 1990, с. 95). В Заосинове V их действительно 7 (Мокрушин, 1985). В Заосинове IV на плане за 1960-61 гг. показано только 54 (Поляков, 1978/80, табл. XIV), но в тексте отчета указано 56 (Денисов, 1982, с. 38), еще 4 были вскрыты в 1981 г. (Денисов, 1983; 1982, с. 39). В 1982 г. в тексте названа цифра 10 могил, описаны 9, номеров присвоено 11 (Денисов, 1982, с. 39, 42-47). Итого получается 70 или 71 погребение. В Заосинове I в 1966 г. раскопано 1 (Денисов и др., 1967), в 1981 г. – 4 (Денисов, 1982, с. 16), в 1982 г. – 13 (Денисов, 1982, с. 27-32), в 1986 г. – 1 (Мельничук и др, 1988). Итого не менее 19 захоронений. Всего по Заосиновским могильникам – 96 или 97. В некоторые годы могилы не выявлены: Заосиново I – 1987-88 (Мокрушин, 1989), Заосиново V – 1981 (Мельничук, 1983), 1983-84 гг. В Городке точно 16 (Денисов, 1960).

[12] Много ям с зольным заполнением на площадке Ныргындинского I могильника, но хронологически памятник (Голдина, Красноперов, 2012) заведомо позже. Угли в заполнении могил, прокалы, сырые и кальцинированные кости животных зафиксированы на Кипчаковском I могильнике. Но к настоящему моменту (конец 2016 г.) целостно опубликованы только результаты раскопок 2006 г., частично 1992, 1994 гг.; памятник готовится к изданию; необходимо конкретно представлять точку зрения и полную аргументацию автора раскопок, – поэтому здесь Кипчаковский I могильник не учитывается. Примечательна и относительная схожесть топографической ситуации Трикольского (рис. 13: 3), Кипчаковского I (рис. 13: 5), а также Уяндыкского I могильников. Шидалинский I по этому фактору отличается (рис. 13: 4). Уяндыкский I могильник и Уяндыкское городище полностью уничтожены хозяйственной деятельностью уроженца д. Уяндыково Р.Сафина (Проценко, Бабин, 2014, с. 81).

[13] Нумерация в отчетах не сплошная: 1972 г. – п. 1-4, 1978, 1979, 1980 гг. – п. 1-32; 1982, 1983 гг. – п. 1-24. В публикации по результатам раскопок 1972, 1978-1980 гг. указано 35 погребений (Иванов, 2003, с. 203).

[14] Кстати, бесконечно кочующие из публикации в публикацию утверждения об ориентировке умерших головой/ногами к воде – бессмысленны. И вода со всех сторон, и повернуты они как угодно (рис. 16).

[15] Номер в скобках – по публикации.

пятиугольников, курильница с 3 отделениями из зеленоватого камня, кусочек черного смолобразного вещества и стеклянная бусина с внутренней позолотой.

Большая бляха входит в небольшую, но выразительную группу: это могут быть собственно бляхи с петлями на обороте или части эполетообразных застежек с костылька-ми; диаметр различен – Ст. Чекмак[16], п. 32, Чеганда II, п. 160 (Генинг, 1970/1971, табл. V: *6*), Кушулево III, п. 303 (Агеев, Мажитов, 1985, рис. 4: *15*; 1986, рис. 7: *11*), Кипчаково I, 1991 г., р. II, п. 10 (Тагиров, 1991, рис. 198: *3*, 200: *5*), Уяндык I, п. 38/3 (Пшеничнюк, 1986а, рис. 6: 41), Шидали, п. 9 (Тагиров, 1993, рис. 14: *17*). Ажурные накладки в виде прямоугольной рамки со спиралями внутри редки – Шидали, п. 21 (Там же, рис. 15: *1*), Кипчаково I, 2013 г. (отличается с 6 основными и 2 дополнительными спиралями в рамке; Зубов, 2014, с. 13-справа), Деуково II, п. 42 (Казаков и др., 1972, рис. 5: *1*). Ажурные накладки языковидной формы известны в разных вариантах, с 4 или 3 спиралями, с прорезными треугольниками и без (несколько обособлена в рамках группы: с одной большой и двумя дополнительными спиралями в рамке; Пшеничнюк, 1986б, рис. 6: *28*) – Ст. Чекмак, п. 37, Чеганда, п. 178 (Генинг, 1970/1971, табл. II: *16, 17*), Ныргында II[17], п. 125, Кушулево III, п. 218 (Агеев, Мажитов, 1985, рис. 3: *11*; 1986, рис. 10: *7*), Уяндык I, п. 38/1 (Пшеничнюк, 1986а, рис. 6: *35, 36*), Кипчаково I, 1991 г., р. II, п. 15 (Тагиров, 1991, рис. 214: *8*, 215-бис: *8*).

Датировкам золотостеклянных бусин посвящена обширная литература. Первоначально Е.М. Алексеева датировала их с III в. до н.э. (Алексеева, 1978, с. 28, рис. 10). Специальная ревизия, проведенная В.Ю. Зуевым (2004), раннюю дату уже исключила. Бусины из Трикольского могильника, п. 11 (15) соответствуют самому распространенному типу Алексеева-1а'1978 с интервалом существования от II в. до н.э. по IV в. (Алексеева, 1978, с. 29; Стоянова, 2006д, табл. В-1).

Форма стеклянного кубка является подражанием металлическим и керамическим сосудам, широко распространенным в эпоху позднего эллинизма (Лунин, 1940, с. 49; Кунина, 1997, с. 257; Симоненко, 2011, с. 33). В данном случае – подражание серебряным чашам из Цвятковой могилы близ Шипки, Метрополитен Музея (Симоненко, 2011, рис. 15: *4, 5*), Б. Плоское (Великоплоское) (Одесский археологический музей, 1983, № 131, с. 70, 178; Grosu, 1995, fig. 24, *6, 7*), рубежа III/II в. до н.э. (Зайцев, 2012; Тельнов, Синика, 2014, с. 33, 41) или конца II – I в. до н.э. (Симоненко, 2011, с. 33), бронзовой из Скородумского клада (Коренюк, Майстренко, 2011, рис. 4: *6*); «мегарским» чашам из собрания Одесского музея (Grosu, 1995, fig. 24, *8, 9*), с афинской агоры (Симоненко, 2011, рис. 15: *8*), из Кеп (Усачева, 1978, рис. 2: *5*, с. 105), Танаиса (Книпович, 1949, рис. 24а), Ольвии (Симоненко, 2011, рис. 15: *6*) (рис. 17). Но чаши такой (именно подражания) полусферической формы с гравировкой ниже венчика – гладкие (Колесниченко, 2014, с. 346, 347; Кропоткин, 1970, № 869; Гущина, Засецкая, 1989, № 128, с. 117, табл. XII: *128*), каннелированые (Амиранашвили, 1935, рис. 11, 12, табл. V: *3, 4*; Лунин, 1940, рис. 3, 4, с. 48, 49; Кинжалов, 1955, с. 110; Шилов, 1959, рис. 57: *8*, с. 488), с гравированным зигзагом (Marčenko, Limberis, 2008, taf. 206: *1*, kat. 198-1) (рис. 18) получают распространение позже, с конца II – начала I в. до н.э. по 2 пол. I – сер. II в.

Для курильницы, круглой, мискообразной, разделенной расходящимися от центра перемычками на три сегмента, прямых аналогий пока найти не удаалось. Но сами курильницы, глиняные и других форм, как элемент обряда, характерны для памятников раннe- (Смирнов, 1973) и средне- (Глухов, 2005, с. 30–32, рис. 47–51), единично позднесарматского времени. По форме близка типу Смирнов-VII, среди которого достаточно много каменных и экземпляров с внутренними отделениями (Смирнов, 1973, с. 171, 173). Экземпляры с перегородками (рис. 19) – хронологически самые поздние (Петренко, 1980, с. 283, рис. 3: *VI*, 4: *15*). Круглая глиняная курильница с перегородками (пополам и одну половину еще пополам) найдена в сарматском комплексе Брынзены, п. 5 в Молдавии, отнесенном к I–II вв. н.э. (Гросу, 1985, рис. 4: *7*, с. 137).

«Смолообразное вещество», это, скорее всего, опий (Фоменко, 2015, с. 125; Берлизов, 1993, с. 29) – характерная черта обряда и инвентаря среднесарматского времени.

Шидалинский могильник располагается в глубине полого повышающейся террасы. В раскопах площадью 200 м² изучено 38 погребений. Могильные ямы простой формы, мелкие, размеры соответствуют погребенному, уложенному вытянуто на спине. Особенностями обряда являются меловая подсыпка, разрушения костяков, взаимно перпендикулярная ориентировка могил. На дне четырех погребений – золистая прослойка, а в п. 4 – прокал. Рядом с могилами выявлена треугольная в плане яма, заполненная золой и углями (рис. 14А). Вещевой инвентарь немногочисленный (рис. 15А), но разнообразный, в большинстве случаев – из заполнения могил (Тагиров, 1989; 1990; 1990; 1993).

[16] Материалы памятника готовятся в печать Д.Г. Бугровым.

[17] Материалы памятника готовятся в печать Г.Н. Журалевой.

В п. 4, 9, 18, 21 представлен достаточно выразительный набор ажурных накладок (рис. 20), но если исключить местные типы, основания для датировки есть в двух могилах. В п. 2 и 32 найдены язычковые двусоставные пряжки, в п. 32 – черная/синяя глобоидальная бусина с белыми ресничками от желтого центра в красной обводке. По Е.М. Алексеевой тип 486'1982 датируется I в. н.э. (Алексеева, 1982, с. 43, табл. 49: *1, 2*). А.А. Стоянова (вид VIII, тип 1/2004; вид X, группа VI, тип 1А/2006д; тип 115/2012) указывает на подобные в двух комплексах: Нейзац, мог. 150 (Стоянова, 2004, табл. IV: *9*, с. 285), Опушки, п. 12 (Стоянова, 2012, рис. 6: *7*, 59: *1*, с. 89-табл. 6), – 2 пол. I – II в. (Стоянова, 2006, табл. Б-13-37). Этим же временем датируется набор из Бельбек IV, п. 3 (Столярова, 2001, с. 211). Погребения Усть-Альма, склеп 138, п. 4, склеп 424б, п. 7, склеп 450, п. 13, 14 (Труфанов, 2005-2009, с. 252), мог. 517, п. 1–4 (Там же, рис. 75: *4, 20, 35*), 526 (Там же, рис. 76: *26*) по наборам сопровождающих вещей отнесены ко 2 и 3 хронологическим группам (Там же, с. 287, рис.101а), 2–3 четв. I в. и 3 треть I в. (Там же, с. 277, 292).

Также на памятнике встречено 19 бусин с внутренней позолотой (Тагиров, 1993, с. 182), но не сказано: в каких комплексах. В коллекции[18] золотостеклянные бусы выявлены в Шидали, п. 16, 19, 37[19]. В Шидали, п. 33 бусина (НМРБ, 17017/78), скорее, желтого стекла, чем золоченая.

Простые язычковые пряжки начинают встречаться на Кавказе с I в. н.э. (Абрамова, 1998). В «зубовско-воздвиженских» могилах Предкавказья их еще нет, а в курганах «Золотого кладбища» уже есть, но только со второго периода (Гущина, Засецкая, 1992, с. 51), т.е. со 2 пол. I в. Не ранее I в. круглые язычковые пряжки известны в устье Дона (Косяненко, 2008, с. 138; Горбенко, Косяненко, 2011, с. 91), в Крыму (Труфанов, 2005-2009, с. 218).

Обряд Трикольского и Шидалинского могильников достаточно схож с позднеаньинским и близко соответствует раннегляденовскому. Существенное отличие – плотность могил. Позднеаньинские могильники – небольшие, погребения расположены редко, короткими неровными рядами и изолировано, вне рядов, имеют перпендикулярную ориентировку. Все признаки являются значимыми, потому что стабильно повторяются в раннегляденовских могильниках. Раскопы Трикольского и Шидалинского могильников небольшие и не сплошные, но ряды отчетливо выражены, и могилы, особенно в Шидалинском, расположены очень густо. Но самое существенное несоответствие заключается в хронологии памятников. Поддающиеся датировке категории инвентаря дают интервал в I в. до н.э. – I в. для Трикольского, и I в. для Шидалинского, более вероятно для обоих памятников – рубеж эр – 1 пол. I в.[20] Однако группа в нижнем и среднем течении р. Сюнь является самой ранней в пьяноборском ареале, будучи ядром формирования культуры.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова М.П. Хронологические особенности северокавказских пряжек первых вв. н.э. // МАИЭТ. Вып. VI / Ред., сост. А.И. Айбабин, С.И. Плетнева. Симферополь: ИВ НАНУ, Крым. отд-ние, 1998. С. 209–229.

Агеев Б.Б. К вопросу о нижней дате пьяноборской культуры // Новые материалы и исследования по филологии и истории Башкирии / Ред. Ж.Г. Ураксина. Уфа: БФАН, 1976. С. 9–12.

Агеев Б.Б. Научный отчет об итогах полевых исследований на территории БАССР в 1982 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 9182.

Агеев Б.Б. Научный отчет об итогах полевых исследований в Илишевском р-не БАССР в 1983 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 11176.

Агеев Б.Б. Исследования Трикольского комплекса памятников // АО – 1983 / Отв. ред. Р.М. Мунчаев. М.: Наука, 1985. С. 134.

Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. Уфа: БНЦ, 1992. 140 с.

Агеев Б.Б. <Бумаги> / Архив А.А. Красноперова.

Агеев Б.Б., Мажитов Н.А. Новый памятник пьяноборской культуры в Башкирии. Препринт. Уфа: БФАН, 1985. 40 с.

Агеев Б.Б., Мажитов Н.А. III Кушулевский могильник // Археологические работы в низовьях р. Белой / Отв. ред. А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БФАН, 1986. С. 75–94.

Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. Т. 2 / САИ. Вып. Г1-12. М.: Наука, 1978. 120 с.

Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. Т. 3 / САИ. Вып. Г1-12. М.: Наука, 1982. 104 с.

Амиранашвили А.И. Новая находка в низовьях р.Ингура. Тифлис: Тифлис.ун-т, 1935. 88 с.

[18] НМРБ, колл. ОФ17017. Благодарю научного сотрудника отдела фондов С.Л. Воробьеву за помощь в работе.

[19] В том числе трехчастная пронизь, не находящая соответствия в своде Е.М. Алексеевой.

[20] Пересмотр точки зрения в сторону удревнения под влиянием Д.Г. Бугрова.

Археологические памятники Восточного Закамья / Отв. ред. Е.П. Казаков. Казань: ИЯЛИ, 1989. 100 с.

Безуглов С.И. Позднесарматский меч из ст.Камышевской // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы: VII Донская археологическая конференция: ТД / Ред. В.Я. Кияшко и др. Ростов-на-Дону: Ин-т Открытое общество, 1998. С. 87–88.

Берлизов Н.Е. Сарматы на Великом шелковом пути // Античная цивилизация и варварский мир: Материалы III археологического семинара (Краснодар, 8-11 июня 1999 г.). Ч. II / Отв. ред. Б.А. Раев. Новочеркасск: КГУКИ, 1993. С. 29–37.

Бугров Д.Г. Поселения пьяноборской культуры в Икско-Бельском междуречье / Дисс. … канд. ист. наук. Казань, 2006. 221 с.

Варов А.И. Костные остатки из комплекса археологических памятников Заосиново // Проблемные вопросы истории, культуры, образования экономики северного Прикамья / Отв. редактор В.В. Шилов. Березняки, 1994. С. 23–24.

Васильев И.Б. Сарматский курган на северо-западе Башкирии // СА. 1973. № 4. С. 249–251.

Васильев И.Б., Горбунов В.С., Иванов В.А., Обыденнов М.Ф., Рутто Н.Г. Работы Московского отряда Нижнекамской экспедиции // АО – 1972 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1973. С. 167–168.

Васюткин С.М., Калинин В.К. Ново-Сасыкульский могильник // Археологические работы в низовьях р. Белой // Отв. ред. А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БФАН, 1986. С. 95–122.

Вечтомов А.Д. Отчет о раскопках и разведке верхнекамского отряда КАЭ ПГУ им.А.М.Горького и ОКМ, проведенных в Чердынском, Чайковском, Чусовском и Добрянском р-нах Пермской обл. в 1973 г. / Архив КА ПГНИУ.

Гарустович Г.Н. Научный отчет об археологических разведках в Ишимбайском и Гафурийском р-нах РБ в 2007 г. / Архив Г.Н. Гарустовича.

Генинг В.Ф. История населения удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч. I: Чегандинская культура (III в. до н.э. – II в. н.э.) // ВАУ. Вып. 10; Тр. УАЭ. Т. 4. Свердловск: УрГУ, 1970. 257 с.

Генинг В.Ф. Подготовительные материалы к публикации Ныргындинского II могильника / Архив Г.Н. Журавлевой

Глухов А.А. Сарматы междуречья Волги и Дона в I – 1 пол. II в. н.э. Волгоград: Волгоград. науч. изд-во, 2005. 240 с.

Голдина Р.Д., Красноперов А.А. Ныргындинский I могильник II–III вв. на Средней Каме / МИКВАЭ; Т. 22. Ижевск: Удмурт. ун-т, 2012. 364 с.

Горбенко А.А., Косяненко В.М. Некрополь Паниардиса (Крепостного городища) / Донские древности; Вып. 11. Азов: Азов. музей-заповедник, 2011. 512 с.

Гросу В.И. Сарматский могильник у с.Брынзены // Археологические исследования в Молдавии в 1981 г. / Отв. ред. В.И. Маркевич. Кишинев: Штиинца, 1985. С. 129–142.

Гусаков М.Г. Хронология дьяковской культуры // ТАС. Вып.6. Т. II / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2007. С. 35–50.

Гущина И.И., Засецкая И.П. К вопросу о хронологии и происхождении «Золотого кладбища» в Прикубанье (по материалам раскопок Н.И. Веселовского) // Проблемы хронологии сарматской культуры / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Саратов: СГУ, 1992. С. 45–67.

Гущина И.И., Засецкая И.П. Погребения зубовско-воздвиженского типа из раскопок Н.И. Веселовского в Прикубанье (I в. до н.э. – нач. II в. н.э.) // Археологические исследования на юге Восточной Европы / ТГИМ. Вып. 70 / Отв. ред. М.П. Абрамова. М.: ГИМ, 1989. С. 71–141.

Давудов О.М. Материальная культура Дагестана албанского времени (III в. до н.э. – IV в. н.э.). Махачкала, 1996. 466 с.

Денисов В.П. Отчет о раскопках, произведенных в 1960 г. / Архив КА ПГНИУ.

Денисов В.П. Работы Заосиновского отряда // АО – 1981 / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М.: Наука, 1983. С. 144–145.

Денисов В.П. Отчет о раскопах I Заосиновского отряда КАЭ Пермского госуниверситета, проведенных в сентябре 1982 г. в Пермском р-не Пермской обл. / Архив КА ПГНИУ.

Денисов В.П., Оборин В.А., Поляков Ю.А. Камская археологическая экспедиция // АО – 1966 / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М.: Наука, 1967. С. 100–102.

Журавлева Г.Н. Предварительные итоги изучения Ныргындинского II могильника по раскопкам В.Ф. Генинга // Поволжская археология. 2014. № 1(7). С. 69–91.

Зайцев Ю.П. Латенский бронзовый сосуд из Великоплоского // Евразия в скифо-сарматское время. Памяти И.И. Гущиной / ТГИМ. Вып. 191 / Отв. ред. Д.С. Журавлев. М.: ГИМ, 2012. С. 140–150.

Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. Элитный некрополь 2 в. н.э. у центральных ворот Неаполя Скифского // Древняя Таврика / Ред. Ю.П. Зайцев, В.И. Мордвинцева. Симферополь: Универсум, 2007. С. 81–108.

Зубов С.Э. Отчет об археологических работах на Кипчаковском I могильнике в Илишевском р-не РБ в 1992 г. (открытый лист № 515 от 29 июля 1992 г., форма № 4) / Архив ИА РАН. Р-1. № 18549.

Зубов С.Э. Хроноиндикаторы раннепьяноборских могильников Икско-Бельского междуречья // Проблемы археологии Нижнего Поволжья: II Международная Нижневолжская археологическая конференция: ТД / Отв. ред. А. В. Кияшко, А. С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ, 2007. С. 87–96.

Зубов С.Э. Новые элементы погребальной обрядности раннепьяноборского населения в низовьях р. Белой (по материалам раскопок Кипчаковского курганно-грунтового могильника в 2006 году) // УАВ. Вып.10 / Ред. Г.Н Гарустович и др. Уфа: Гилем, 2010. С. 64–82.

Зубов С.Э. Археологические исследования на северо-западе Башкирии // Изв. АО РБ. Вып. 1 / Отв. ред. С.Л. Воробьёва. Уфа: Наследие, 2014. С. 12–13.

Зубов С.Э., Сатаров Р.Р. Сарматские импорты и заимствования в вооружении племен пьяноборской культуры Икско-Бельского междуречья // Изв. СамНЦ РАН. 2014. Т. 16. № 3. С. 314–320.

Зуев В.Ю. Хронология бусин с внутренней позолотой античной эпохи Северного Причерноморья (по данным свода Е.М. Алексеевой) // Боспорский феномен: Проблемы хронологии и датировки памятников. Ч. 2 / Отв. ред. В.Ю. Зуев. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2004. С. 6–32.

Иванов В.А. Отчет за 1972 г. о раскопках в составе Московского отряда НКАЭ / Архив КА БГУ. КАО-60 / Архив ИА РАН. Р-1. № 4887.

Иванов В.А. Научный отчет о результатах археологических исследований в 1978 г. / НА ИЭИ МАЭ УНЦ УрО РАН. А/АО, 1-18 / Архив ИА РАН. Р-1. № 7004.

Иванов В.А. Исследования памятников раннего железа в низовьях р. Белой // АО – 1978 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1979. С. 173–174.

Иванов В.А. Научный отчет о работе археологического отряда ИИЯЛ БФАН СССР за 1979 г. / НА ИЭИ МАЭ УНЦ РАН. А/АО, 1-19 / Архив ИА РАН. Р-1. № 7809.

Иванов В.А. Раскопки памятников пьяноборской культуры в низовьях р. Белой // АО – 1979 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1980. С. 145–146.

Иванов В.А. Отчет о разведке и раскопках в БАССР в 1980 г. / НА ИЭИ МАЭ УНЦ РАН. А/АО, 1-20, 1-21 / Архив ИА РАН. Р-1. № 8025.

Иванов В.А. Городище Серенькино – памятник пьяноборской культуры в низовьях р.Белой // УАВ. Вып. 4 / Отв. ред. А.Ф. Яминов. Уфа: ИИЯЛ, 2003. С. 199–215.

Изосимов Д.А. Отчет о выполненных НИР по теме: «Проведение охранных археологических мероприятий на памятнике археологии «Ремзавод 1, селище» в Индустриальном районе г. Перми» / Архив МК ПК. Оп. 2. Д. 276.

Исмагилов Р.Б. Клинковое оружие эпохи ранних кочевников из Ю.Приуралья (случайные находки) // УАВ. Вып. 3 / Отв. ред. В.К. Федоров. Уфа: ИИЯЛ, 2001. С. 117–147.

Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х. Деуковский II могильник // ОНКАЭ. Вып. 1 / Отв. ред. О.Н. Бадер. М.: Знание, 1972. С. 105–121.

Казанцева О.А. Каталог археологических памятников Бардымского р-на Пермской области. Ижевск: Удмурт. ун-т, 2004. 178 с.

Казанцева О.А., Перевощиков С.Е., Кондрашин В.В. Меч-«шпага» из Красноярского могильника // Шестая Российская универ.-академ. науч.-практ. конф.: МД. Ижевск: Удмурт. ун-т, 2003. С. 49–50.

Калинин В.К. Отчет об археологических исследованиях Ново-Сасыкульского могильника в 1977 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 7104, 7104а.

Кинжалов Р.В. Об одной серебряной чаше, хранящейся в Эрмитаже // Изв. АН АрмССР. Обществен. науки. 1955. № 9. С. 105–110.

Книпович Т.Н. Танаис. Историко-археологическое исследование. М.; Л.: АН СССР, 1949. 180 с.

Колесниченко А.Н. Позднеэллинистический стеклянный кубок из собрания Одесского археологического музея // Stratum plus. 2014. № 3. С. 343–350.

Коренюк С.Н. Могильник «Протасы» // Археологические памятники Поволжья и Урала: современные исследования, проблемы сохранения и музеефикации / ТКАЭЭЭ; Вып. VIII / Отв. ред. А.М. Белавин. Пермь: ПГГПУ, 2012. С. 143–155.

Коренюк С.Н. Отчет об охранных археологических исследованиях в зоне строительства индивидуального жилья «Протасы» в Пермском р-не Пермской обл. в июле-августе 1993 г. / Архив МК ПК. Оп. 2. Д. 224/2.

Коренюк С.Н. Могильник «Протасы» близ Перми // Проблемы эпохи бронзы и раннего железного века: ТД науч. конф., посвященной памяти А.В. Збруевой / Отв. ред. В.Н. Марков. Казань: ИЯЛИ, 1995. С. 12–13.

Коренюк С.Н., Майстренко Д.А. Скородумский «клад» // Шестые Берсовские чтения / Отв. ред. В.Д. Викторова. Екатеринбург: Квадрат, 2011. С. 139–146.

Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф., Перескоков М.Л. Современное состояние проблем изучения среднего и позднего этапов ананьинской культуры в Прикамье // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 116–131.

Косяненко В.М. Некрополь Кобякова городища (по материалам раскопок 1956–1962 гг.) / Донские древности; Вып. 9. Азов, 2008. 544 с.

Кропоткин В.В. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н.э. – V в. н.э.) / САИ. Вып. Д1-27. М.: Наука, 1970. 280 с.

Кузьминых С.В., Чижевский А.А. Ананьинский мир: взгляд на современное состояние проблемы // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / Археология евразийских степей. Вып. 8 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Елабуга: ИИ АН РТ, ИА РАН, ЕИАХМЗ, 2009. С. 29–55.

Кунина Н.З. Античное стекло в собрании Эрмитажа. СПб.: АРС, 1997. 360 с.

Лунин Б.В. Серебряная чаша с рельефными изображениями и греческой надписью и стеклянная чашка из находок у станицы Даховской // Известия Ростовского областного музея краеведения. Вып. 2. Ростов-на-Дону: РОМК, 1940. С. 27–49.

Мажитов Н.А. Научный отчет археологической экспедиции ИИЯЛ за 1961 г. / НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 533, 534 / НА ИЭИ МАЭ УНЦ РАН. А/АО, 1-41, 1-42 / Архив ИА РАН. Р-1. № 2274, 2274а

Мажитов Н.А., Пшеничнюк А.Х. Камышлы-Тамакский могильник // АЭБ. Т. 3 / Отв. ред. Р.Б. Кузеев. Уфа: БФАН, 1968. С. 33–59.

Максименко В.Е. Сарматы на Дону (археология и проблемы этнической истории) / Донские древности; Вып. 6. Азов, 1998. 304 с.

Малых О.О. К вопросу о типологии длинноклинкового оружия Прикамья II–VII вв. // Археологические памятники Поволжья и Урала: современные исследования, проблемы сохранения и музеефикации / ТКАЭЭ; Вып. VIII / Отв. ред. А.М. Белавин. Пермь: ПГГПУ, 2012. С. 183–190.

Медведев А.П. Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья). Воронеж: Воронеж. ун-т, 1990. 220 с.

Мельничук А.Ф. Раскопки поселений на Заосиновской дюне // АО – 1981 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1983. С. 162–163.

Мельничук А.Ф., Мокрушин В.П., Соболева Н.В. Раскопки Пермского университета // АО – 1986 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1988. С. 183–185.

Мокрушин В.П. Некоторые итоги изучения комплекса археологических памятников д. Заосиновка (в аспекте преемственности и взаимодействия культур) // Взаимодействие древних культур Урала / Отв. ред. В.А. Оборин. Пермь: ПГУ, 1990. С. 90–97.

Мокрушин В.П. Раскопки поселения Заосиновское V // АО – 1983 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1985. С. 165–166.

Мокрушин В.П. Археологические исследования на территории Пермского и Кунгурского р-нов Пермской обл. // Археологические открытия Урала и Поволжья / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: КНЦ УрО РАН, 1989. С. 81–83.

Мокрушин В.П. Новые материалы по раннему железному веку Прикамья // Археология и этнография Среднего Приуралья. Вып. 1 / Глав. ред. А.Ф. Мельничук. Пермь; Березняки: Перм. ун-т, 2001. С. 87–94.

Мокрушин В.П. <Архив> / Архив КАА.

Обыденнов М.Ф., Савельев Н.С. Оружие ранних кочевников: новые находки в Башкортостане // Вооружение и военное дело древних племен южного Урала / Ред. В.С. Горбунова. Уфа: Конкорд-инвест, 1994. С. 100–115.

Одесский археологический музей АН УССР. Альбом. Киев: Наукова думка, 1983. 196 с.

Памятники истории и культуры Пермской области. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1976. 218 с.

Перескоков М.Л. Пермское Приуралье в финале раннего железного века (1 половина – середина I тыс. н.э.) / Дисс. … канд. ист. наук. Йошкар-Ола, 2012/2013. Т.1 – 302 с., Т.2 – 195 с.

Петренко В.А. Об одной разновидности сарматской культовой посуды на среднем Тереке // СА. 1980. № 1. С. 275–283.

Поляков Ю.А. Итоги изучения памятников гляденовской культуры в верхнем и среднем Прикамье // Труды IV Уральского археологического совещания / УЗ ПГУ; № 148 / Отв. ред. В.А. Оборин. Пермь: ПГУ, 1967. С. 197–215.

Поляков Ю.А. Гляденовская культура в среднем и верхнем Прикамье (III в. до н.э. – сер. VI в. н.э.) / Дисс. … канд. ист.наук. Пермь; М., 1978/80. 231 с., LXV табл.

Проценко А.С., Бабин И.М. Итоги археологической разведки в Илишевском р-не РБ в 2013 г. // VII БАСК / Отв. ред. С.В. Сиротин. Стерлитамак: Стерлитамак. ф-л БГУ, 2014. С. 76–82.

Пуздровский А.Е. Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-Информ, 2007. 480 с.

Пшеничнюк А.Х. Памятники ананьинской и пьяноборской культур в низовьях р.Белой // Археологические работы в низовьях р. Белой / Отв. ред. А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БФАН, 1986а. С. 26–44.

Пшеничнюк А.Х. Юлдашевский могильник // Археологические работы в низовьях р. Белой / Отв. ред. А.Х. Пшеничнюк .Уфа: БФАН, 1986б. С. 45–74.

Пшеничнюк А.Х. Хронология и периодизация погребальных комплексов Охлебининского могильника // Хронология памятников Южного Урала / Отв. ред. Б.Б. Агеев. Уфа: ИИЯЛ, 1993. С. 32–61.

Пшеничнюк А.Х. Кальки – планы погребений. Юлдашево, 1971 г. / НА ИЭИ МАЭ УНЦ УрО РАН.

Сергацков И.В. Мечи и кинжалы в среднесарматских памятниках Нижнего Поволжья // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология: Доклады к VI Международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» / Отв. ред. Л.Т. Яблонский. Челябинск: ЮУрГУ, 2007. С. 58–64.

Симоненко А.В. Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ; Нестор-История, 2011. 272 с.

Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб.: Ф-т филологии и искусств СПбГУ; Нестор-История, 2010. 328 с.

Симоненко А.В., Лобай Б.И. Сарматы северо-западного Причерноморья в I в. н.э. Киев: Наукова думка, 1991. 112 с.

Скрипкин А.С. Об уточнении хронологии сарматских культур // Проблемы хронологии сарматской культуры / Отв. ред. Скрипкин А.С.. Саратов: СГУ, 1992. С. 3–24.

Скрипкин А.С. Сарматские мечи с кольцевидным навершием // II Городцовские чтения / ТГИМ; Вып. 145 / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М.: ГИМ, 2005 С. 171–185.

Смирнов К.Ф. Курильницы и туалетные сосудики Азиатской Сарматии // Кавказ и Восточная Европа в древности / Отв. ред. Р.М. Мунчаев, В.И. Марковин. М.: Наука, 1973. С. 166–179.

Столярова Е.К. Бусы могильника Бельбек IV // Поздние скифы Крыма / ТГИМ; Вып. 118 / Отв. ред. И.И. Гущина, Д.В. Журавлев. М.: ГИМ, 2001. С. 194–222.

Стоянова А.А. Бусы и подвески из могильника Нейзац (по материалам раскопок 1996-2001 гг.) // Боспорские исследования. Вып.V / Отв. ред. В.Н. Зинько. Симферополь; Керчь: Деметра, 2004. С. 263–319.

Стоянова А.А. Бусы и подвески населения Крыма III в. до н. э. – IV в. н. э. / Дисс. … канд. ист. наук. Киев, 2006 / НА ИА НАНУ. Ф. 12. № 850.

Стоянова А.А. Детские погребения могильника Опушки (по результатам раскопок 2003–2009 гг.). Симферополь: Доля, 2012. 100 с.

Сунгатов Ф.А. Отчет об исследованиях памятников в Кушнаренковском, Чекмагушевском, Дюртюлинском, Илишевском, Бакалинском, Туймазинском, Ермекеевском р-нах БАССР в 1989 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 14815.

Тагиров Ф.М. Отчет об археологических разведках в Краснокамском и Илишевском р-нах БАССР в 1989 г. / Архив КА БГУ. КАО-129 / Архив ИА РАН. Р-1. № 13862.

Тагиров Ф.М. Научный отчет об археологических исследованиях в Аургазинском и Илишевском р-нах БАССР, произведенных по Открытому листу № 620 (форма № 4) в 1990 г. (Т.I, II) / Архив ИА РАН. Р-1. № 15896, 15897.

Тагиров Ф.М. <Отчет за 1991 г.> [без титульного листа] / Архив НМРБ. б/н.

Тагиров Ф.М. Новые памятники железного века на территории Башкирии // Проблемы археологии Урала и историографии античности: ТД / Ред. Я.В. Зайцев и др. Уфа: БГУ, 1990. С. 25–28.

Тагиров Ф.М. Шидалинский I могильник // Башкирский край. Вып. 3 / Отв. ред. М.И. Роднов. Уфа: МП Литера, 1993. С. 175–203.

Тальгрен А.М. Два железных меча в Сарапульском музее // Известия Общества изучения Прикамского края. Вып. 1. Сарапул: Тип. Т-ва газеты «Кама», 1917. С. 20–24.

Тельнов Н.П., Синика В.С. Скифские памятники в Степном Поднестровье: история изучения и современное состояние источниковой базы // Русин. 2014. № 2 (36). С. 29–54.

Труфанов А.А. Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н.э. – III в. н.э. // Stratum plus. 2005-2009.№ 4. С. 117–328.

Усачева О.Н. Рельефная керамика из Кеп // КСИА. 1978. № 156. С. 100–107.

Фоменко В.А. О находках т.н. стакановидных курильниц сарматского времени на Северном Кавказе // Теория и практика общественного развития. № 22. Краснодар, 2015. С. 124–126.

Шепко Л.Г. Позднесарматские курганы в северной Приазовье // СА. 1987. № 4. С. 158–173.

Шилов В.П. Калиновский курганный могильник // Памятники Нижнего Поволжья: (Итоги работ Сталинградской археологической экспедиции). Т. I / МИА. № 60 / Отв. ред. Е.И. Крупнов. М.; Л.: АН СССР, 1959. С. 323–523.

Grosu V. Sarmaţii în spaţial geto-dacic răsăritean // Arheologia Moldovei, XVIII. Bucuresti, 1995. Pp. 133–186.

Isings G. Roman glass from dated finds. Groningen; Jakarta: J.B.Woltars, 1957. 166 p.

Marčenko I.I., Limberis N.Ju. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes // Simonenko A., Marčenko I.I., Limberis N.Ju. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern / Archäologie in Eurasien. Bd. 25. Mainz am Rhein: Ph. von Zabern, 2008. S. 265–624.

Информация об авторе:

Красноперов Александр Анатольевич, кандидат исторических наук (г. Ижевск, Россия); khaa@udm.ru

DETERMINATION OF THE EARLY DATE OF PYANOBOR MONUMENTS. PART 2: DISCOVERED ARMAMENT AND FEATURES OF THE FUNERAL RITE

A.A. Krasnoperov

The paper continues the study of the issue related to the initial date and early complexes of the Pyanobor culture. Dating is frequently conducted on the basis of discovered swords, but the authors use outdated estimates and dating results having lost their significance in Sarmatian archaeology. The types of swords in question do not allow to date the initial period of the Pyanobor earlier than the 2nd century B.C. The second aspect discussed in the paper is the possible correspondence of the funeral rite to the final period of the Ananyino culture. There have been no dedicated studies of authentic Late Ananyino sites. The review carried out by the authors demonstrates a limited similarity of the burial rite, whereas individual burials can be dated no earlier than the turn of the periods - the first half of the 1st century A.D. The annexes feature previously unpublished materials of excavations conducted by A.D. Vechtomov on Lake Pozdeevskoe and B.B. Ageev at Trikolsky burial mound.

Keywords: archaeology, Kama region, Early Iron Age, Ananyino culture, Pyanobor culture, chronology, sword, funeral rite.

About the Author:

Krasnopeorov Alexander A., Candidate of Historical Sciences, Izhevsk, Udmurt Republic, Russian Federation; khaa@udm.ru

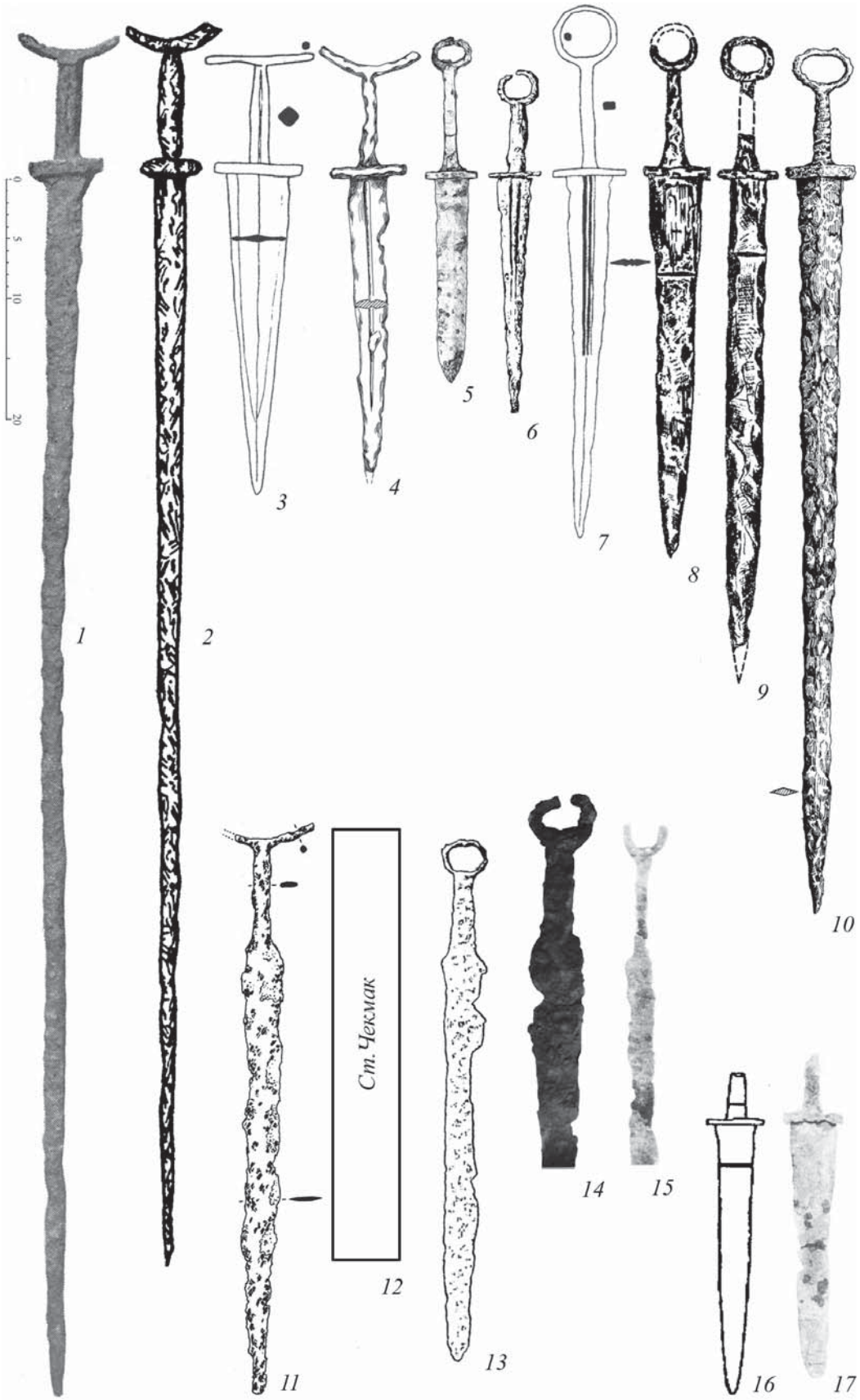


Рис. 1. Мечи. 1 – Якимково (Тальгрен, 1917, рис. 1); 2 – Красноярский, сбор (Казанцева, 2004, рис. 91: 11); 3 – Илишевский р-н (Исмагилов, 2001, табл. V: 46); 4, 5 – Кипчаково I, к. 3, п. 1 1990 г., п. 43 2012 г. (Зубов, Сатаров, 2014, рис. 3: 1, 3); 6 – Юлдашево, п. 85 (Пшеничнюк, 1986б, рис. 5: 1); 7 – Н. Биккино (Исмагилов, 2001, табл. XI: 112); 8, 9, 15 – Сасыкуль, п. 225 или 348, 346 (Васюткин, Калинин, 1986, рис. 16: 6, 5), 151, 225 (Калинин, 1977, рис. 85: 5, 216: 3); 10 – Ныргында II, п. 152 (Журавлева, 2014, рис. 7: 8); 11 – Ямаково (Бугров, 2006, рис. 51Б); 12 – Ст. Чекмак, п. 36 (МАРТ, С.Ч.76/23); 13 – Камышлы-тамак, п. 23 (Мажитов, Пшеничнюк, 1968, рис. 8: 2); 14 – Поздеевское оз. (Вечтомов, 1973, рис. 12); 16 – Урманаево (Обыденнов, Савельев, 1994, № 36).

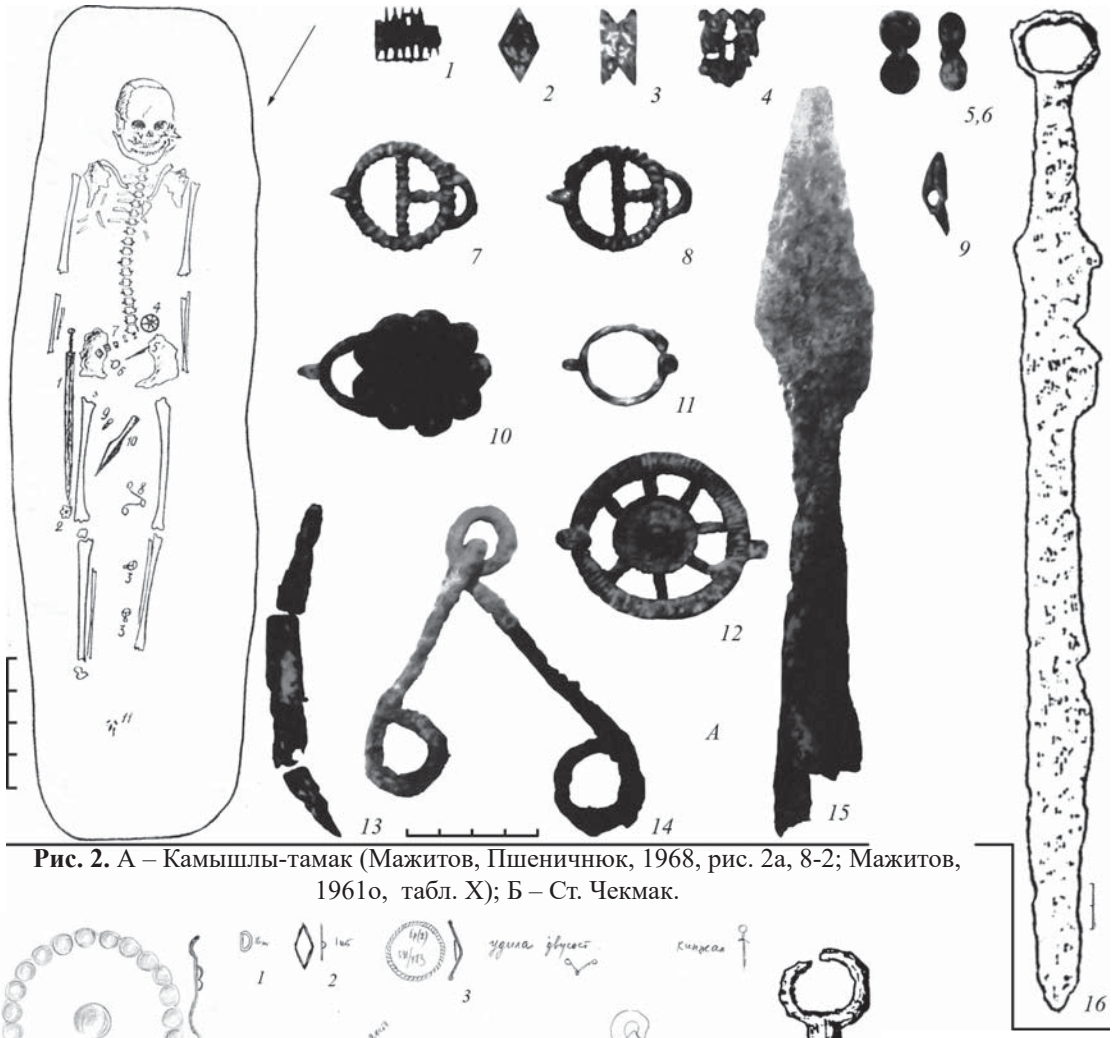


Рис. 2. А – Камышлы-тамак (Мажитов, Пшеничнюк, 1968, рис. 2а, 8-2; Мажитов, 1961о, табл. X); Б – Ст. Чекмак.

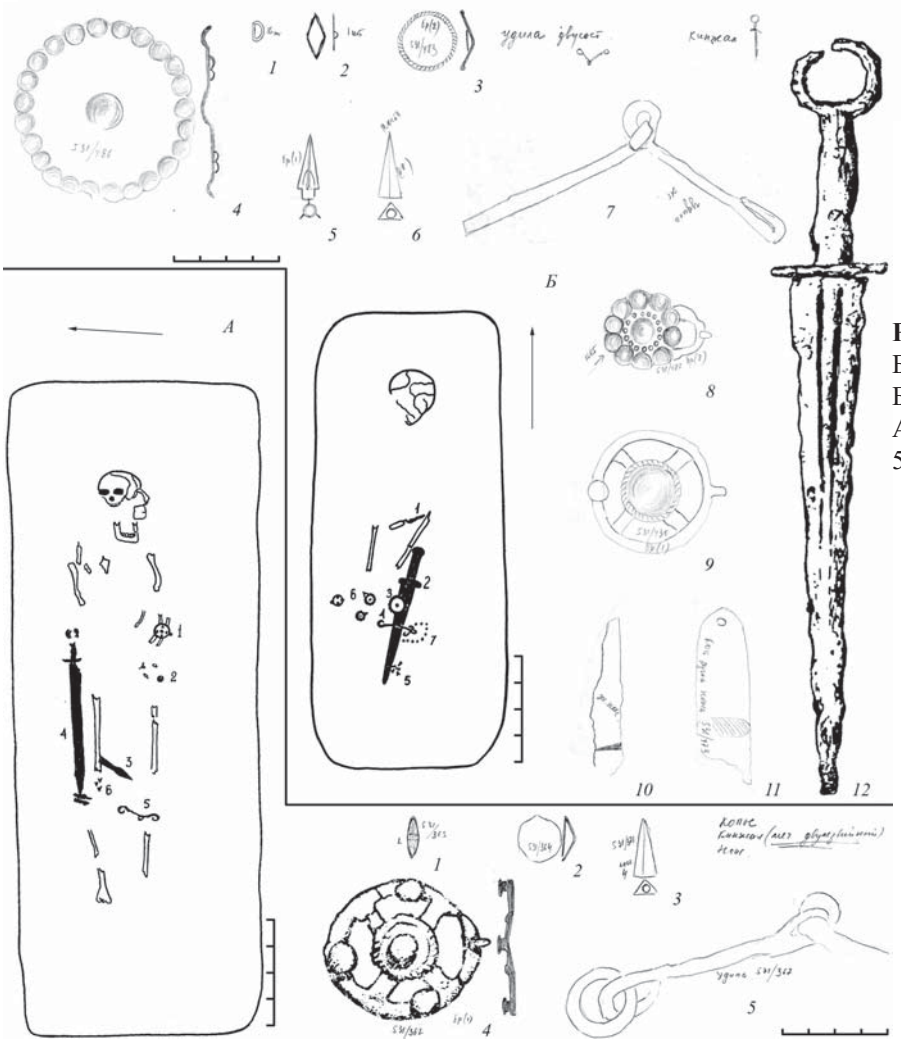


Рис. 3. А – Юлдашево, п. 75 (бумаги Б.Б. Агеева; Пшеничнюк, кальки); Б – Юлдашево, п. 85 (бумаги Б.Б. Агеева; Пшеничнюк, 1986б, рис. 5: 1; Пшеничнюк, кальки).

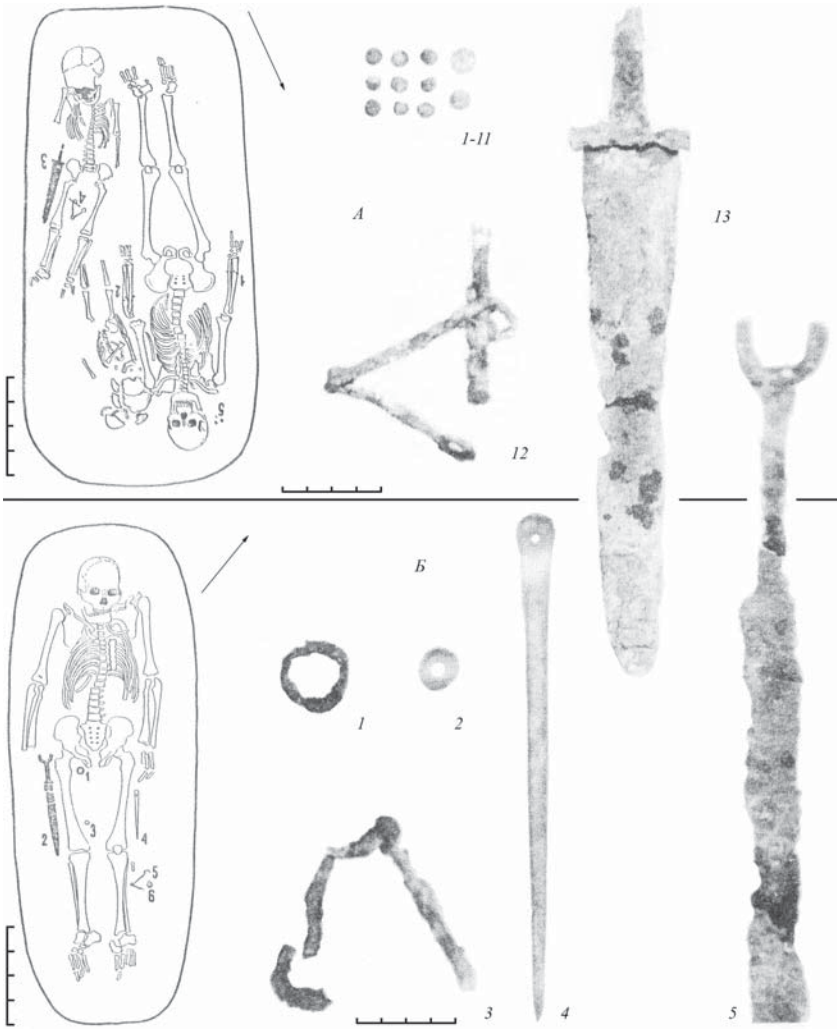


Рис. 4. А – Сасыкуль, п. 225 (Калинин, 1977, рис. 214, 216); Б – Сасыкуль, п. 151 (Калинин, 1977, рис. 84, 85).

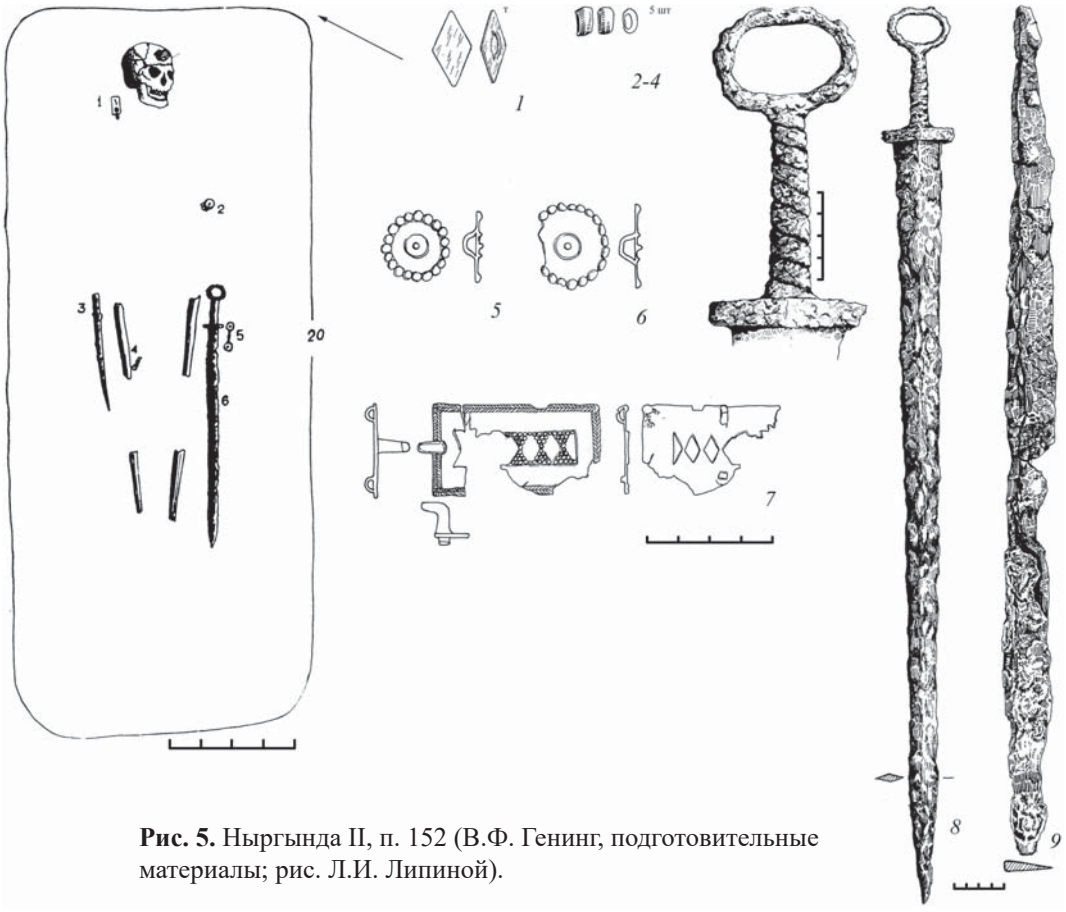


Рис. 5. Ныргында II, п. 152 (В.Ф. Генинг, подготовительные материалы; рис. Л.И. Липиной).

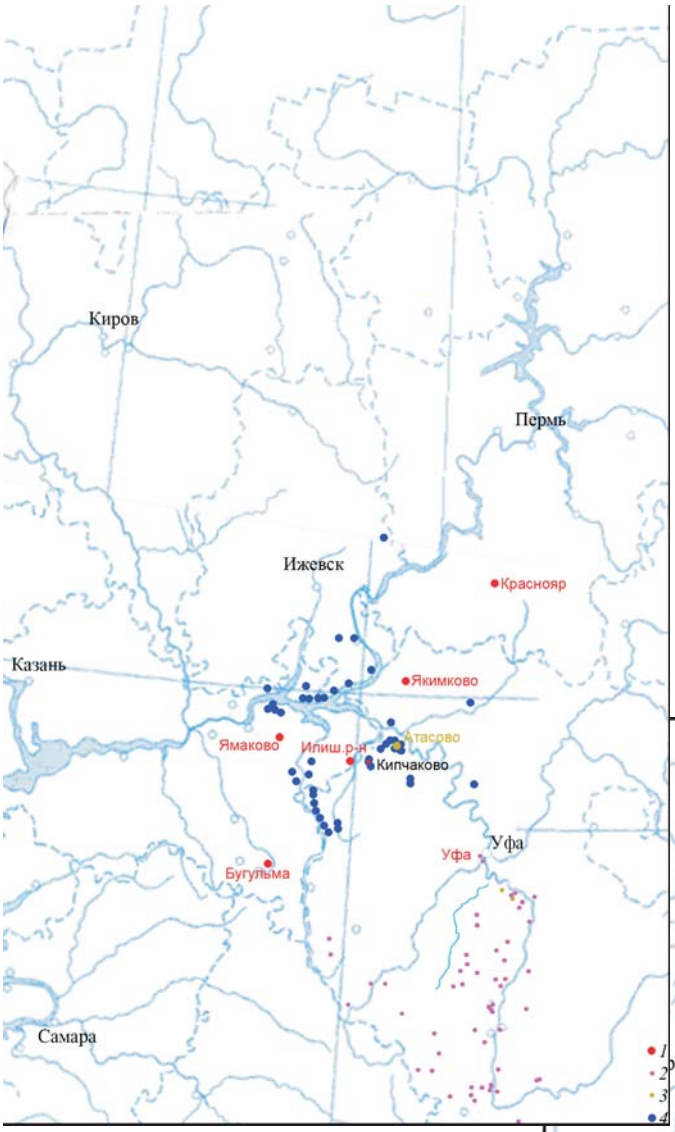


Рис. 6. Карта находок оружия с серповидным навершием. 1 – находки к северу от широты г. Уфы, 2 – случайные находки, 3 – сарматские могильники, 4 – пьяноборские могильники.

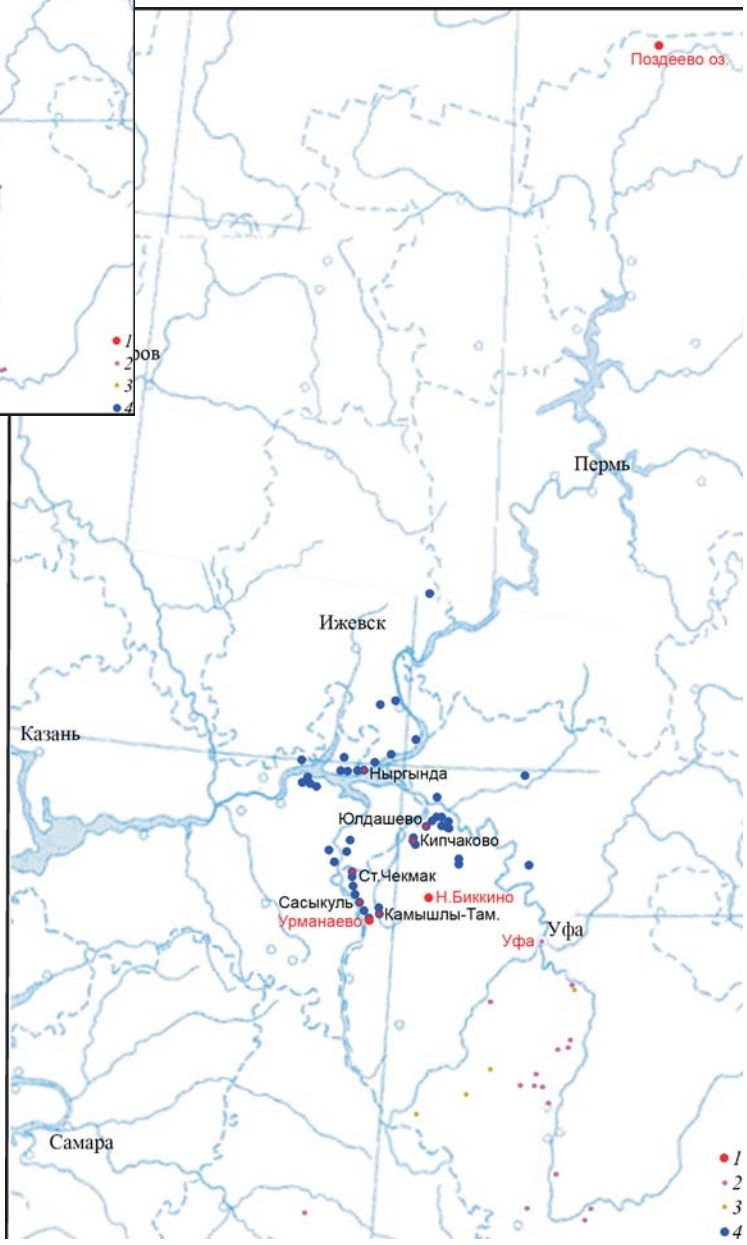


Рис. 7. Карта находок оружия с кольцевым навершием. 1 – находки к северу от широты г. Уфы, 2 – случайные находки, 3 – сарматские могильники, 4 – пьяноборские могильники.

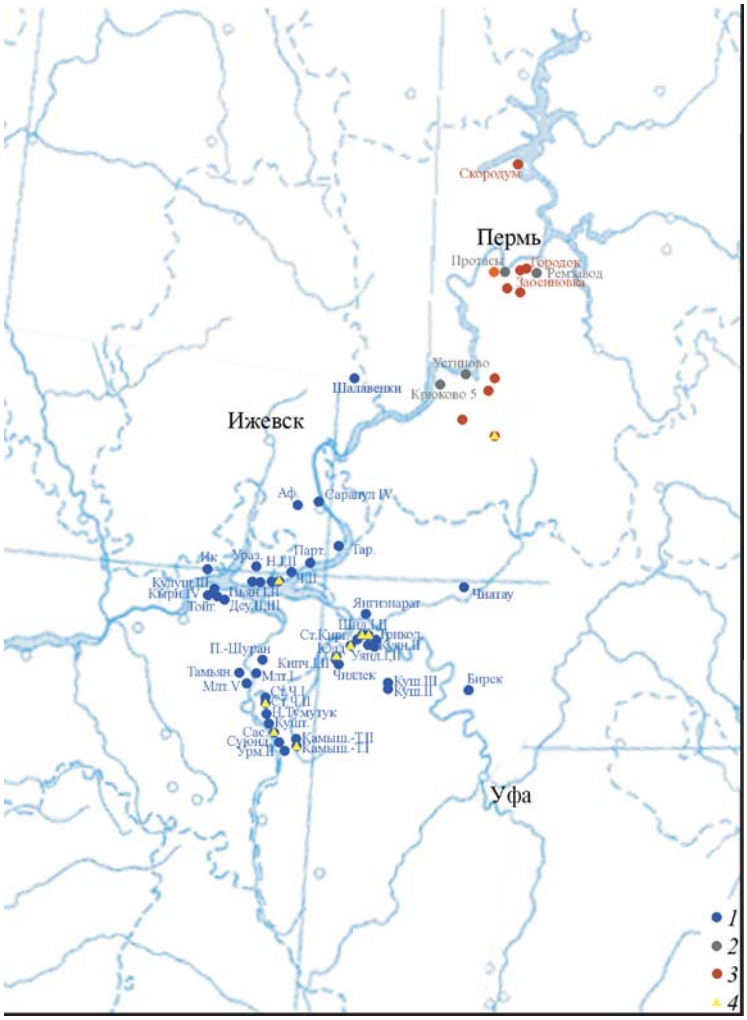


Рис. 8. Могильники оседлого населения раннего железного века. 1 – пьяноборские, 2 – позднеананьинские, 3 – гляденовские, 4 – памятники, обсуждаемые в работе.

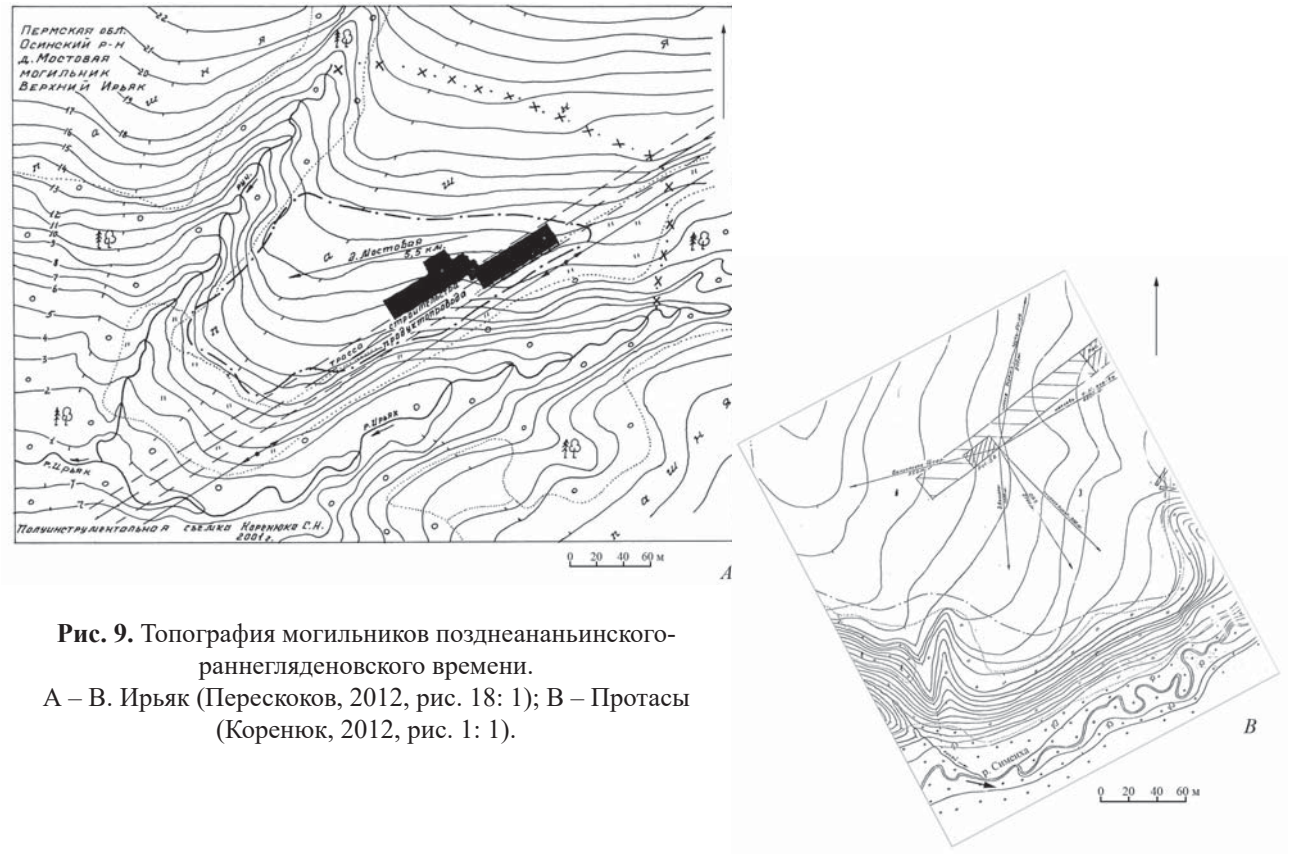


Рис. 9. Топография могильников позднеананьинского-раннегляденовского времени.
А – В. Ирьяк (Перескоков, 2012, рис. 18: 1); В – Протасы (Коренюк, 2012, рис. 1: 1).

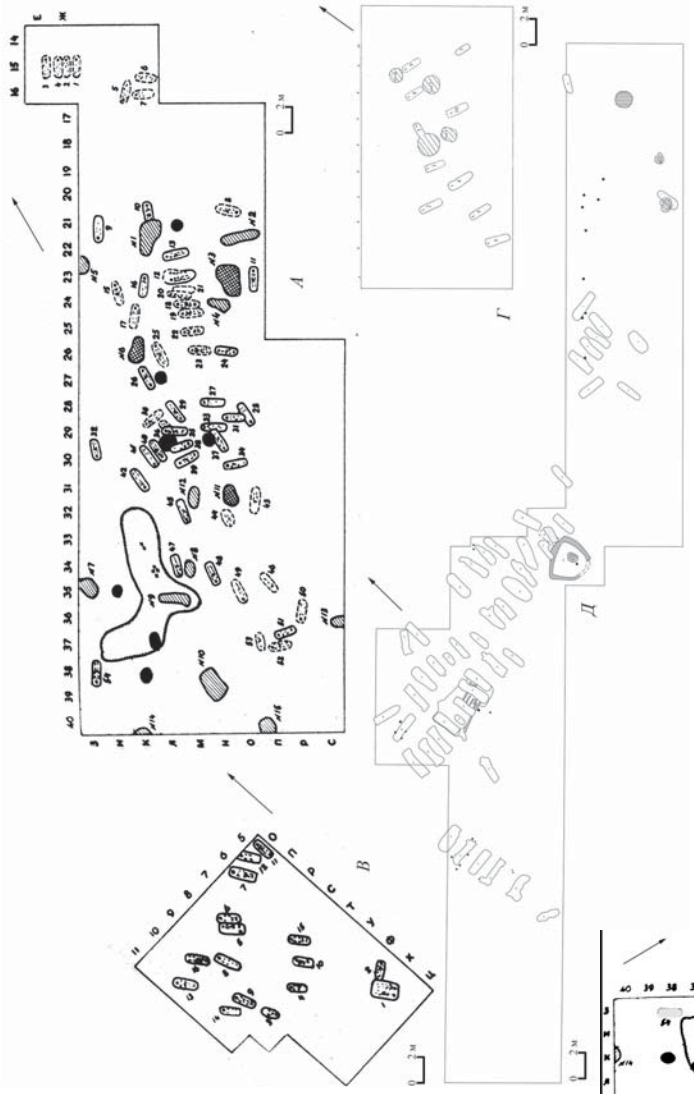


Рис. 10. Планы могильников позднеаньинского-раннегляденовского времени. А – Заосиново IV (Поляков, 1978/80, табл. XIV); В – Городок (Поляков, 1978/80, табл. XIV; Денисов, 1960), Г – Протасы (Коренюк, 2012, рис. 1: 2), Д – В. Ирьяк (Перескоков, 2012, рис. 18: 2).

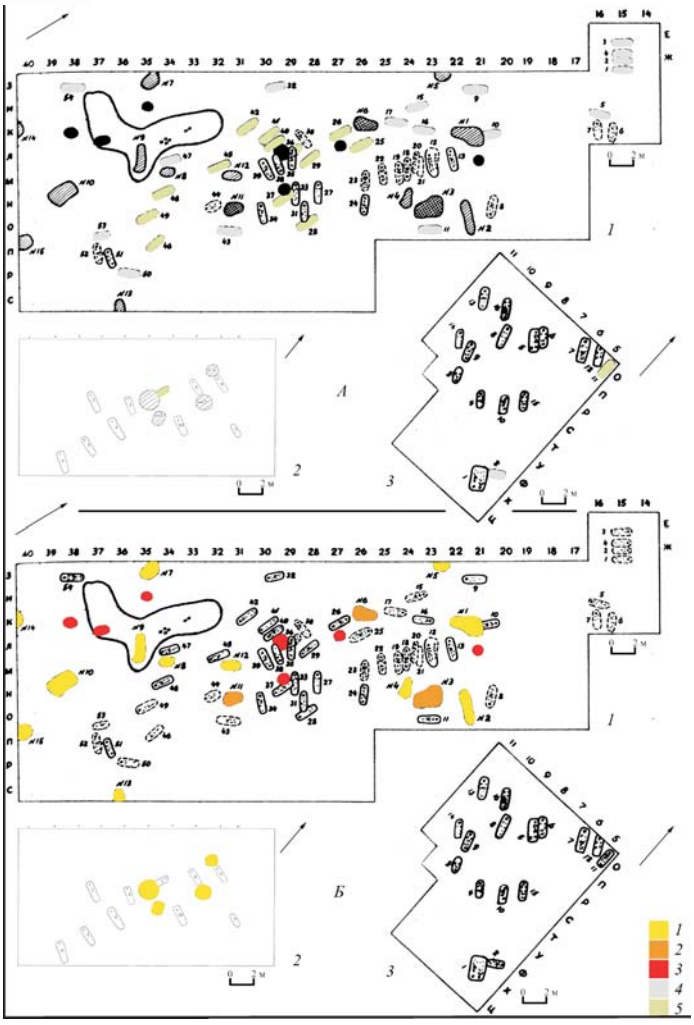


Рис. 11. Особенности погребального обряда могильников позднеаньинского-раннегляденовского времени.
А – ориентировка ям, Б – кострища, ямы с костями животных. 1 – Заосиново IV, 2 – Протасы, 3 – Городок. 1 – ямы с костями животных, 2 – ямы с костями человека, 3 – кострища, 4 – перпендикулярная основной ориентировка, 5 – диагональная основной ориентировка.

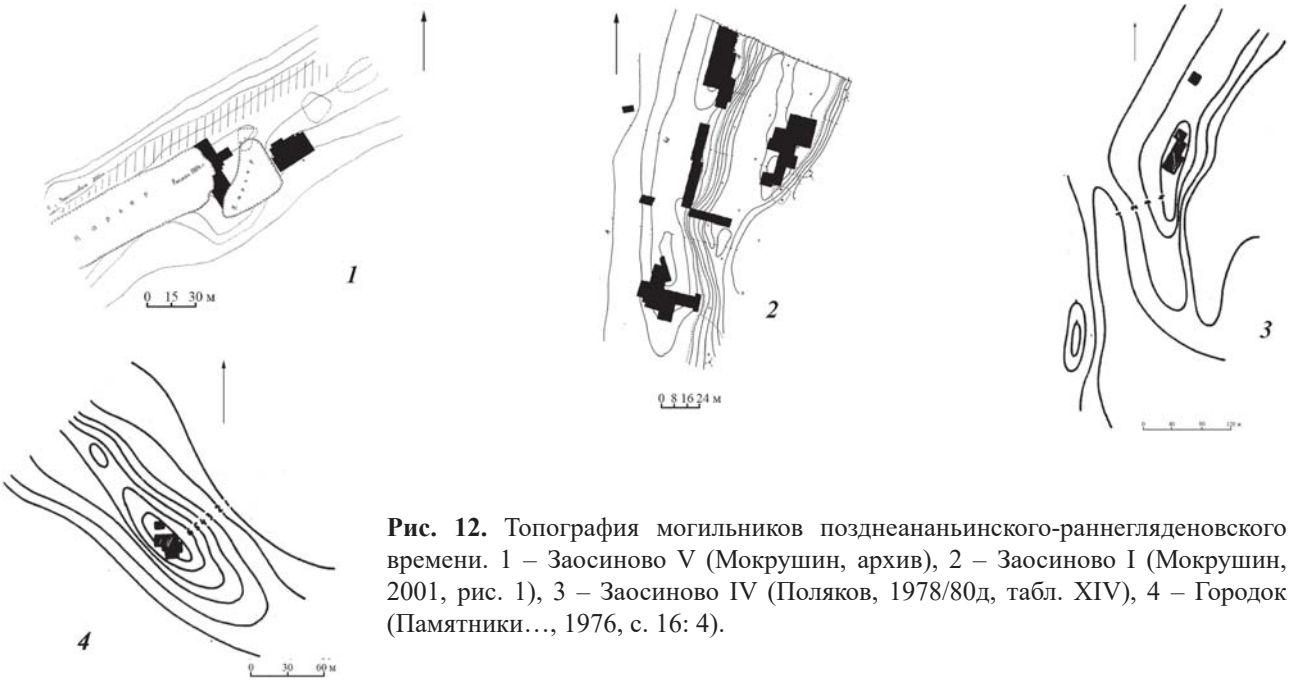


Рис. 12. Топография могильников позднеананьинского-раннегляденовского времени. 1 – Заосиново V (Мокрушин, архив), 2 – Заосиново I (Мокрушин, 2001, рис. 1), 3 – Заосиново IV (Поляков, 1978/80д, табл. XIV), 4 – Городок (Памятники…, 1976, с. 16: 4).

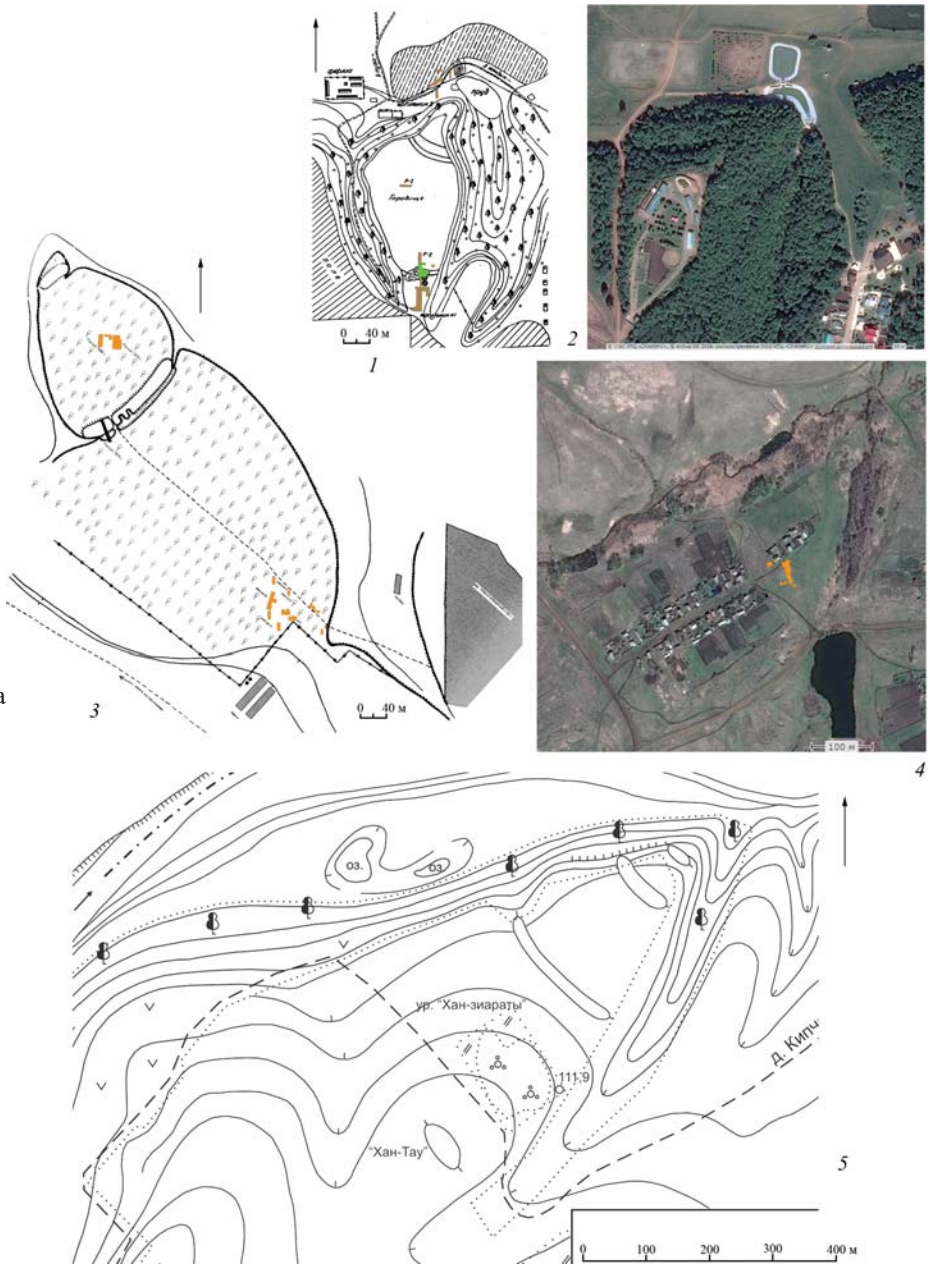


Рис. 13. Топография пьяноборских могильников, рассматриваемых в работе. 1 – Юлдашево (Пшеничнюк, 1986а, рис. 3), 2 – площадка Юлдашевского могильника, полностью уничтоженная застройкой (Яндекс), 3 – Трикольский (Иванов, 2003, рис. 1), 4 – Шидалинский (топооснова – Яндекс), 5 – Кипчаково (Зубов, 2010, рис. 2).

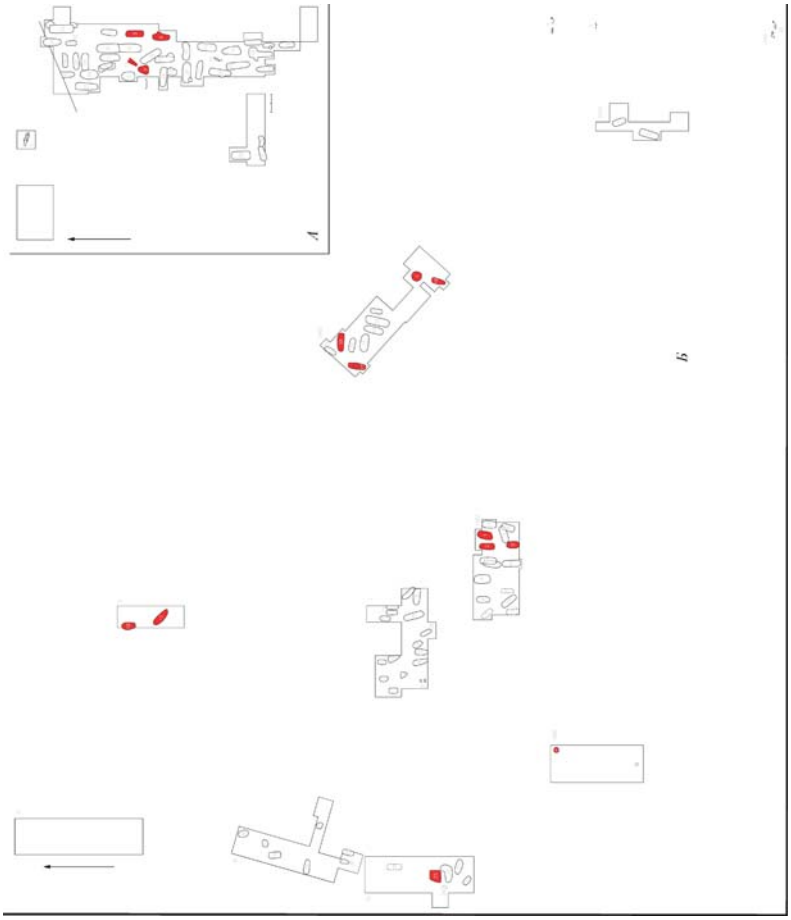


Рис. 14. Особенности погребального обряда пьяноборских могильников, рассматриваемых в работе.
А – Шидалинский, Б – Трикольский.
Использование огня (угли, зола).

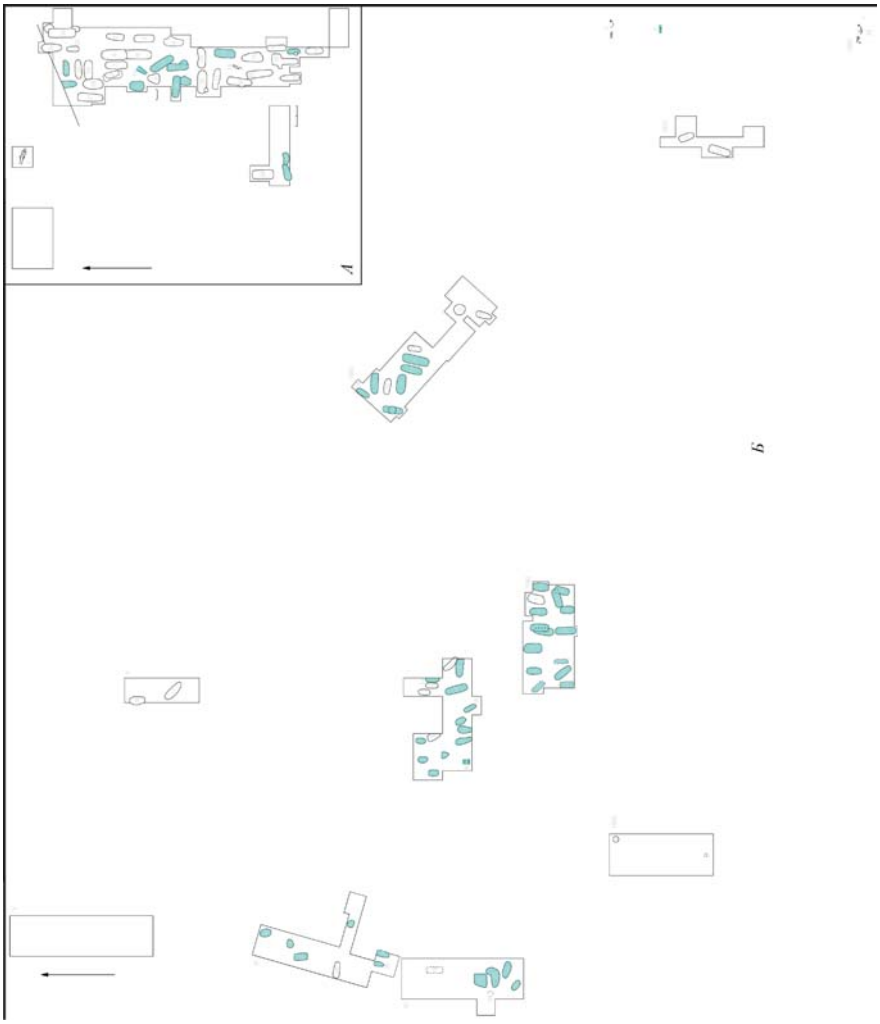


Рис. 15. Особенности погребального обряда пьяноборских могильников, рассматриваемых в работе.
А – Шидалинский, Б – Трикольский.
Безынвентарные могилы.

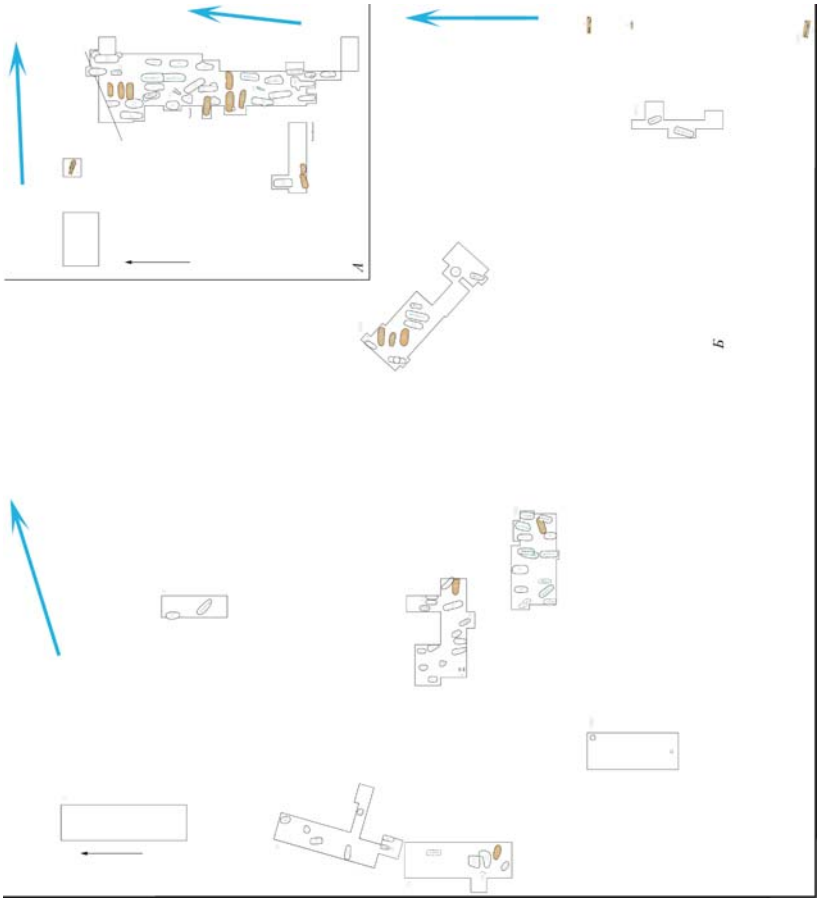


Рис. 16. Особенности погребального обряда пьяноборских могильников, рассматриваемых в работе.
А – Шидалинский, Б – Трикольский.
Перпендикулярная основной ориентировка ям.
Стрелками указано направление водотоков.

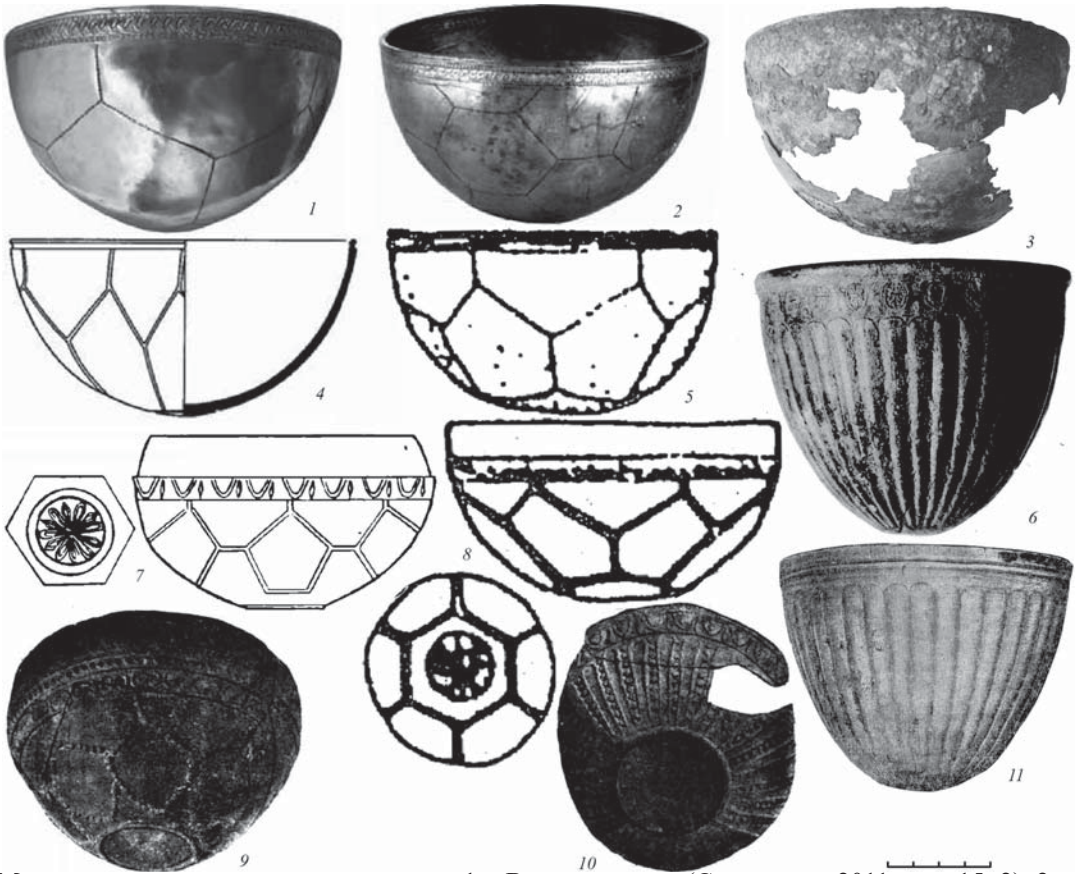


Рис. 17. Металлические и керамические сосуды. 1 – Великоплоское (Симоненко, 2011, рис. 15: 2), 2 – Цвяткова Могила (Там же, рис. 15: 5), 3 – Скородум (Коренюк, Майстренко, 2011, рис. 4: 6), 4 – Афинская агора (Симоненко, 2011, рис. 15: 8), 5, 8 – Одесский археологический музей (Grosu, 1995, fig. 24: 8, 9), 6 – Згудери (Амиранашвили, 1935, табл. V: 3, 4), 7 – Кепы, к. 14, тризна (Усачева, 1978, рис. 2: 5), 9, 10 – Танаис (Книпович, 1949, рис. 2: а, б), 11 – Бандзы (Амиранашвили, 1935, рис. 11).

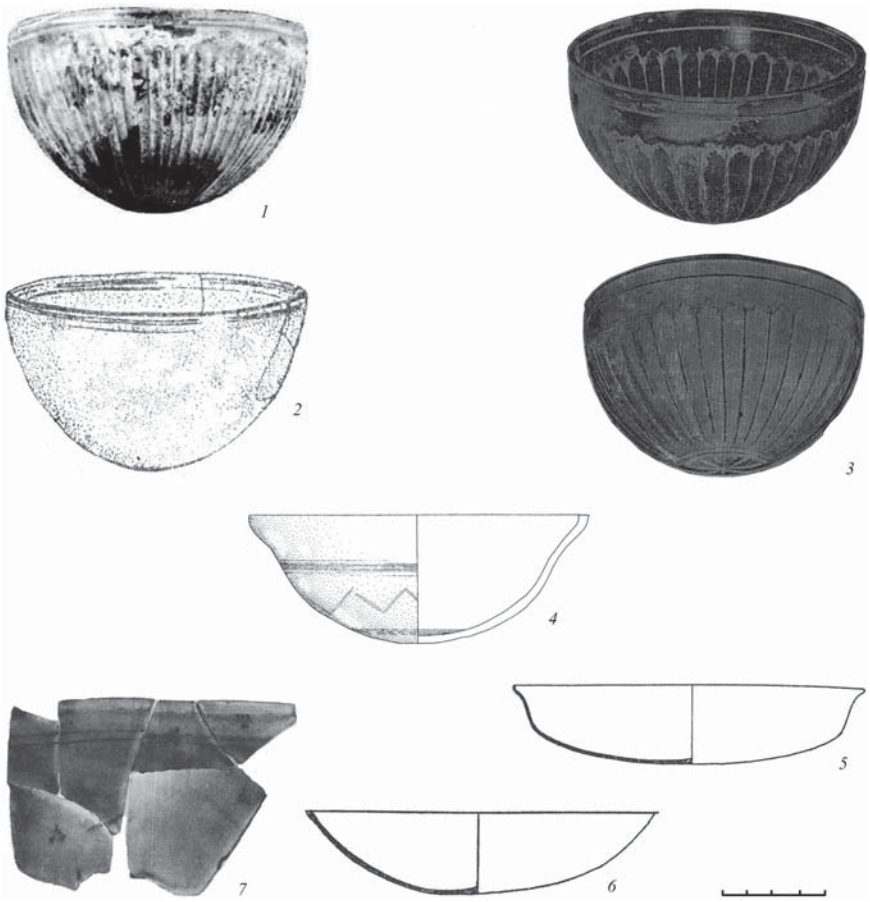


Рис. 18. Стеклянные сосуды. 1 – Калиновский, к. 55, п. 8 (Шилов, 1959, рис. 57: 8), 2 – Зубовский хут, к. 1 (Гущина, Засецкая, 1989, табл. XII: 128), 3 – Даховская (Лунин, 1940, рис. 3: 4), 4 – окрестности Краснодара (Marčenko, Limberis, 2008, taf. 206: 1), 5, 6 – тип Айсингс-116 (Isings, 1957, fig. 116: a, b), 7 – Трикольский, п. 11 (15) (Иванов, 2003, рис. 10, внизу).

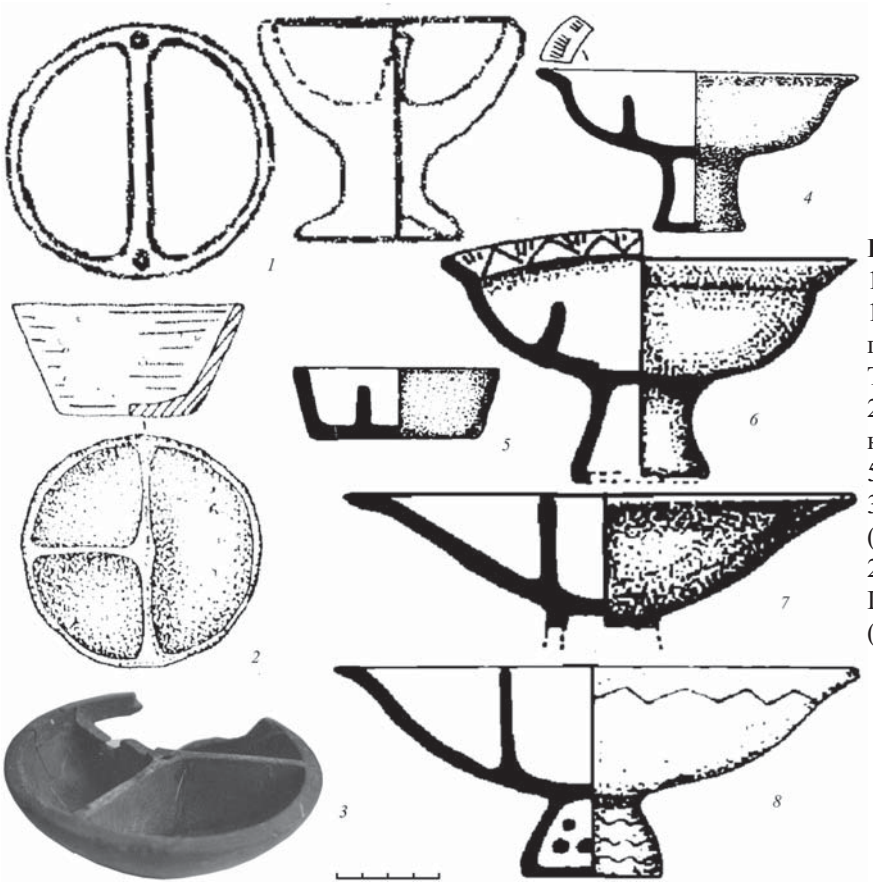


Рис.19. Курильницы с перегородками. 1 – Мамрашский м-к (Давудов, 1996, рис. 40: 11), 2 – Брынзены, п. 5 (Гросу, 1985, рис. 4: 7), 3 – Трикольский, п. 11 (15) (Иванов, 2003, рис. 10, вверху), 4 – Моздокский курган (Петренко, 1980, рис. 2: III-2), 5 – Галайты, кам. ящик (Там же, рис. 3: VI-1), 6 – Моздок, впускн. погр. (Там же, рис. 3: III-1), 7 – Ханкальское 2 г-ще, п. 58 (Петренко, 1980, рис. 3: I-13), 8 – Ханкальское 2 г-ще, п. 53 (Там же, рис. 2: I-1).

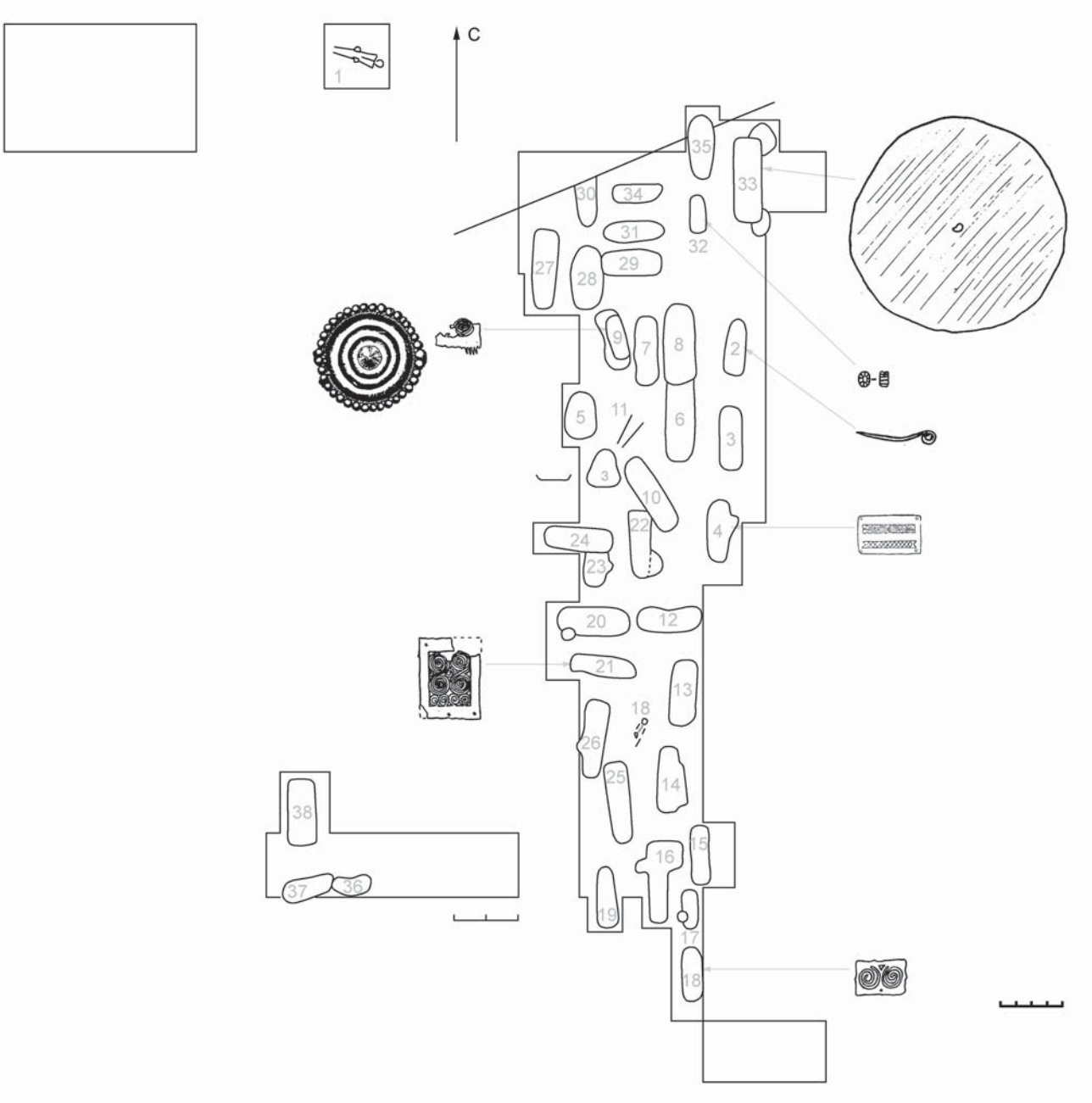


Рис.20. План Шидалинского могильника с рассматриваемыми в работе находками.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Приложени 1

<**Вечтомов А.Д.**> Отчет о раскопках и разведке Верхнекамского отряда КАЭ ПГУ им. А.М. Горького и ОКМ, проведенных в Чердынском, Чайковском, Чусовском и Добрянском р-нах Пермской обл. в 1973 г. [фрагмент[1]]

[л.1] Летом и осенью 1973 года Верхнекамский отряд Камской археологической экспедиции Пермского государственного университета им. А.М. Горького и Пермского областного краеведческого музея проделали значительную работу по исследованию разрушающихся археологических памятников в Чердынском и Чайковском районах Пермской области, а также провел обследование низовьев р. Чусовой с целью выявления разрушающихся археологических памятников, располагающихся по берегам Камского водохранилища от д. Переволоки до Верхне-Чусовских городков.

В работе по исследованию памятников приняли участие выпускник Пермского госуниверситета им. А.М. Горького В.Н. Бочаров, а также студенты исторического факультета университета Т. Кочергина, Ш. Акичев, Н. Денисова и др. В качестве рабочих и лаборантов привлекались студенты и практиканты II курса истфака Пермского госуниверситета и учащиеся школы №8 г. Чайковского. В разведке участвовали студенты старших курсов истфака ПГУ А. Малышкин, А. Поляков, В. Шмыров.

[л.9] Большой интерес вызывают находки железных и медных предметов, встреченных на участке И/36. На этом участке, на глубине 28–35 см от современной поверхности памятника было обнаружено железное копье, меч, железный нож и медная пуговица. Все эти предметы были найдены в западной части квадрата, примерно на одном уровне. Одинаковое направление (ориентировка) и нахождение почти в одной плоскости, дает основание полагать, что эти предметы сопровождали погребенного, костяк от которого, также как и очертания могильной ямы, не сохранились. Учитывая общую ориентировку вещей можно предполагать, что ориентировка погребения была восточная – ногами к реке. Судя по находке копья и меча, весь этот комплекс предметов, связанный с предполагаемым погребением, можно датировать сарматским временем.

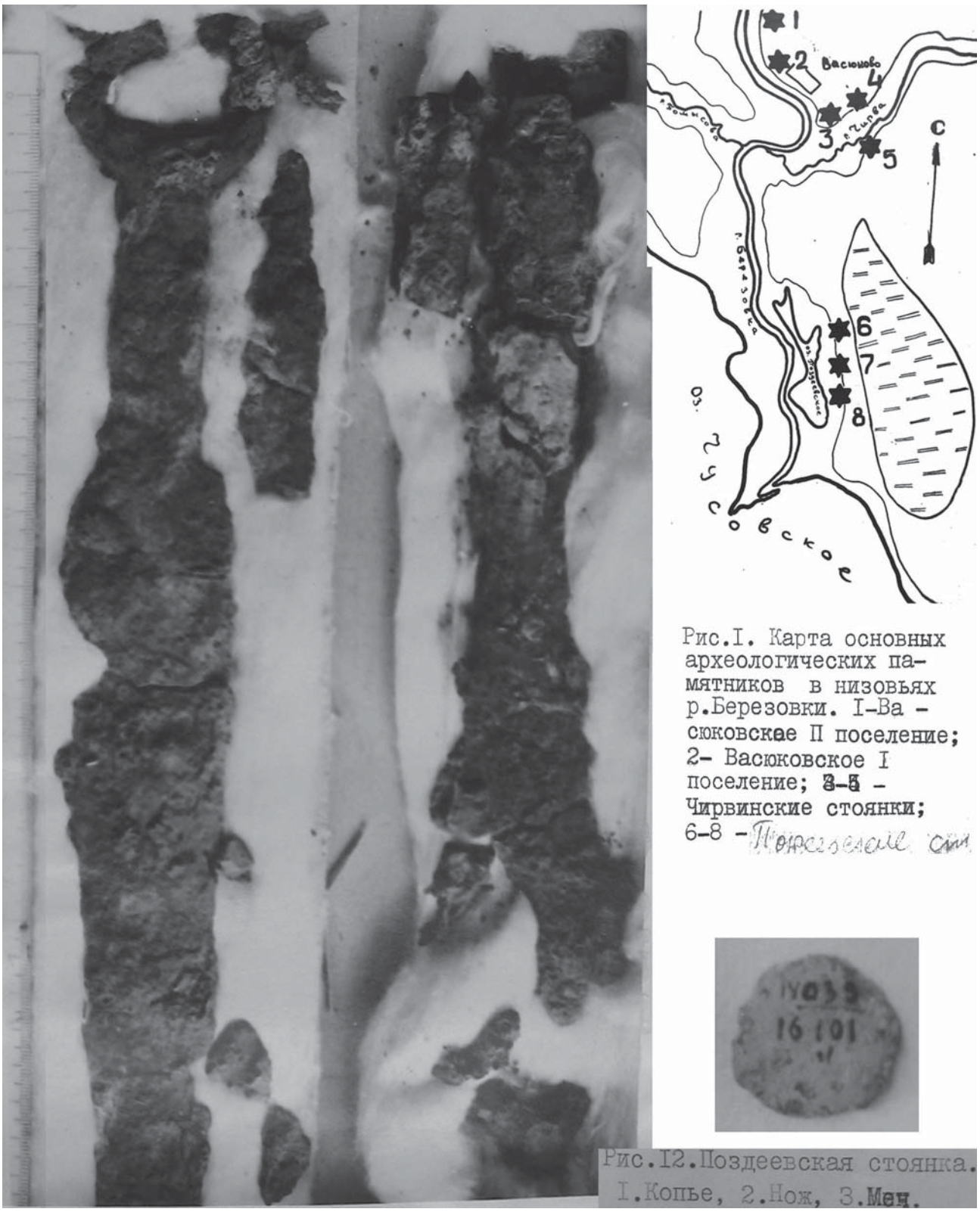
[л.12] Особый интерес представляют железные предметы – втульчатое копье и кольчатый меч, поскольку в Верхнем Прикамье подобные предметы встречаются впервые. Оба они имеют плохую сохранность.

Железный меч с кольцевым навершием был выковал из одного куска железа. Длина его не превышала 40 см, а диаметр навершия, как и ширина верхней части клинка 6 см. К заостренному концу лезвие сужалось. Датировать этот меч можно по имеющимся аналогиям сарматским временем (III–II вв. до н.э.*). Вместе с мечем было обнаружено втульчатое копье с хорошо выраженным плоским листовидным пером. Общая ддина копья не превышала 33–35 см, при этом длина втулки была равна длине пера. Сохранность копья была весьма плохая.

По всей вероятности, датировка копья, судя по аналогии с ранними сарматскими памятниками, совпадает с датой меча.

* А.М.Хазанов. Очерки военного дела сарматов. М., 1971.

[1] Публикуется только фрагмент, относящийся к находке меча. Без изменений и исправлений.



Прил. 1. Рис.1. Поздеевское оз. Схема расположения и находки.

Приложение 2

Агеев Б.Б. Научный отчет об итогах полевых исследований на территории БАССР в 1982 г. [1]

Могильник находится в 100 м к ЗЮЗ от д. Трикол, Андреевского сельсовета, Илишевского района, к северу от свинарника и в 500–600 м от вала городища Серенькино (Прил.2, рис. 1). Памятник был открыт М.Ф. Обыденновым в 1972 г. и в том же году В.А. Ивановым на нем было исследовано три погребения (Иванов, 1972). В течение 1978, 1979 гг. им было исследовано 31 погребение и установлено, что могильник относится к пьяноборской культуре (Иванов, 1978; 1979). Раскопки 1982 г. были продолжены для выяснения перспективности памятника для экспедиции 1983 г. Судя по отчету В.А. Иванова 1972 г., местные жители находили человеческие кости, стрелы, бусы в 30-е гг. во время строительства изгороди, в 1965 г. при рытье силосных ям и поэтому в непосредственной близости от изгороди, на свободной от деревьев территории, было заложено два раскопа.

Раскоп I (Прил.2, рис. 2-1982-1), площадь 40 м². Заложить раскоп по линии С–Ю помешали растущие деревья и поэтому он ориентирован по линии ССЗ–ЮЮЗ[2]. Стратиграфия раскопа следующая: мощный почвенный слой черного цвета толщиной 40–50 см, пронизанный корневищами деревьев и мелкого кустарника, покрывает материк – плотную красноватую глину.

Кв. а/2 – на глубине 50 см от 0, на уровне материка встречены древесные угольки.

Кв. в/2 – на глубине 50 см от 0, на уровне материка выявлен зольник диаметром 25 см и толщиной 5–10 см.

На границе квадратов д/I и д/II на глубине 35 см от 0 и 20 см от современной поверхности найдены лучевые кости человека.

Кв. д/1 – на глубине 57 см от 0 и 30 см от современной поверхности найдена голенная(?) кость человека.

Расширить раскоп I помешали деревья.

Раскоп II (Прил.2, рис.2-1982-2), площадь 50 м². Заложен по линии ССЗ–ЮЮВ, в северо-западном углу современной изгороди[3]. Стратиграфия: 15–20 см современный дерн с небольшими вкраплениями материковой глины, затем неожиданно был зафиксирован слой в 5–10 см красноватой глины, после которого следовал слой в 20–25 см плотного перемешанного грунта серого цвета, переходящего в северо-восточной части, в квадратах а/1, 2 в древнюю почву черного цвета.

Выяснилось, что в 30-е гг. свиноферма, кроме изгороди, была огорожена от площадки городища, на которой находились картофелехранилища, широкой канавой, местами просматриваемой и ныне. Позднее канава на этом участке была засыпана для устройства въезда на территорию городища. Всего нами было исследовано 15 погребений, разрушенных при копке и засыпке канавы. Следствием потревоженности могил являются четкие их контуры на уровне материка, беспорядочное положение костей в яме, отсутствие отдельных частей скелетов, следы на костях от лопат и полное отсутствие сопровождающего инвентаря.

Погребение I (Прил.2, рис.3-1). 2,0×0,85×0,70[4] м. Могила ориентирована по линии ВЮВ–ЗСЗ, глубина в материк 20 см. В заполнении могилы встречались мелкие кусочки угля. В восточной части ямы беспорядочно лежали кости черепа, на одной из которых найдено небольшое бронзовое кольцо (Прил.2, рис.3-1б). В южной половине могилы находились обломки трубчатых костей, одна из которых лежала в вертикальной положении. Рядом с этой костью – небольшой обломок полезного предмета – ножа(?) (Прил.2, рис.3-1а).

---

[1] Материалы предоставлены Н.Г. Рутто. Публикуется фрагмент, относящийся к раскопкам могильника. Без изменений и исправлений (*прим. А.А. Красноперова*).

[2] Так в отчете (*прим. А.А. Красноперова*).

[3] Ориентировка раскопов на топоплане, отдельных планах, планах погребений и в описаниях не совпадает. Здесь и в тексте, и в иллюстрациях, сохранены данные отчета. На сводном плане раскопы сориентированы в соответствии с топографической ситуацией (*прим. А.А. Красноперова*).

[4] Первая цифра означает длину, вторая – ширину могильной ямы, третья – ее глубину от условного 0. Условный 0 в данном случае применим для северо-восточной части раскопа (кв. д/1,2), где древняя почва сохранилась. Для других квадратов в настоящем отчете даются измерения от 0, хотя они и не отражают полноту фиксации находок.

Погребение 2[5]. 1,70×0,83×0,82 м. Глубина от уровня материка 30 см. Могильная яма ориентирована по линии ЗСЗ–ВЮВ. Костяк отсутствовал, вещей нет. В засыпке ямы встречены зола и кусочки угля.

Погребение 3 (Прил.2, рис.3-3). 1,80×0,90×0,65 м, ориентировано по линии ВЮВ–ЗСЗ, глубина в материк 15 см. От костяка сохранились трубчатые кости левой руки, судя по который погребенный лежал головой на ВЮВ. Находок нет.

Погребение 4. 1,65×0,95×0,65 м. Ориентировано по линии ВЮВ–ЗСЗ, глубина в материк 15 см. Костяк отсутствовал, находок нет.

Погребение 5 (Прил.2, рис.3-5). 1,80×0,70×0,65 м. Могила ориентирована по линии З–Ю, глубина в материк на 15 см. Судя по тлену черепа и сохранившимся костям конечностей, погребенный лежал вытянуто на спине, головой на юг. Вещи при костяке отсутствовали.

Погребение 6. 1,40×0,65×0,60 м. Могильная яма ориентирована по линии ВЮВ–ЗСЗ, углублена в материк на 10 см. Костяк не сохранился, находок нет.

Погребение 7 (Прил.2, рис.3-7). Очертание могильной ямы не прослежено, выявлено на глубине 55 см от 0, на уровне материка. Детское. От костяка сохранились кости черепа и трубчатые кости рук и ног. Судя по их расположению, костяк лежал головой на СВ. Находок нет.

Погребение 8 (Прил.2, рис.3-8). 1,50×0,70×0,75 м. Могильная яма ориентирована по линии ВЮВ–ЗСЗ, глубина в материк 25 см. В непотревоженной состоянии находилась голенная кость правой ноги, судя по которой погребенный лежал головой на ВЮВ. Находок нет.

Погребение 9. 1,40×0,80×0,50 м. Выявлено на уровне матерка по тлену и мелким кусочкам угля, происходившим из засыпки ямы. Могила была ориентирована по линии ВЮВ–ЗСЗ. Находок нет.

Погребение 10 (Прил.2, рис.3-10). 2,40×0,65×0,70 м. Могила углублена в материк на 20 см. Судя по сохранившийся костям, погребенный лежал вытянуто на спине, головой на ЗСЗ. В области пояса – обломок железного предмета.

Погребение 11 (Прил.2, рис.4-11). Очертания могильной ямы не выявлены, обнаружено на глубине 40 см от 0 в почвенном слое. Детское. Сохранились обломки черепа, трубчатые кости рук и ног. Находок нет.

Погребение 12 (Прил.2, рис.4-12). 1,80×0,70×0,55 м. Могильная яма ориентирована по линии СВ–ЮЗ, углублена в материк на 5 см. В нетронутом положении сохранились голенные кости ног, судя по которым костяк лежал головой на ЮЗ. Находок нет.

Погребение 13. Очертание могильной ямы не прослежено, выявлено в почвенном слое на глубине 40 см от 0. Сохранились обломки черепа и трубчатые кости ног и рук, которые лежали в куче. Предполагаемая ориентировка ВЮВ–ЗСЗ. Находок нет.

Погребение 14 (Прил.2, рис.3-14). 1,80×0,70×0,75 м. Глубина в материк 25 см. Погребение нарушало могилу 3. Костяк хорошей сохранности лежал вытянуто на спине, головой на ЮВ. Находок нет.

Погребение 15 (Прил.2, рис.4-15). 1,50×0,75×0,70 м. Глубина в материк 20 см. От костяка сохранились кости черепа, предплечевые правой руки и трубчатые кости левой ноги. Судя по ним, погребенный лежал вытянуто на спине, головой на ВЮВ. Находок нет.

Как видно из описания, почти все погребения были разрушены в 30-е, 60-е гг. Раскопки могильника следует продолжить в будущем сезоне на территории свинофермы, где местными жителями было разрушено ряд погребений. Как показали раскопки В.А. Иванова, памятник относится к пьяноборской культуре.

Агеев Б.Б. Научный отчет об итогах полевых исследований в Илишевском р-не БАССР в 1983 г. [6]

В 1982 г. нами было исследовано 15 погребений без сопровождающего инвентаря. В этой году раскопки были продолжены с целью выяснения перспективности памятника.

Методика раскопок. Площадь могильника густо поросла лесом и поэтому не представлялось возможным расширить один из старых раскопов В.А. Иванова для получения четкой картины расположения захоронений на памятнике. По этой же причине заложенный раскоп

[5] Планов погребений 2, 4, 6, 9, 13 – нет (*прим. А.А. Красноперова*).

[6] Материалы предоставлены Н.Г. Рутто. Публикуется фрагмент, относящийся к раскопкам могильника. Без изменений и исправлений (*прим. А.А. Красноперова*).

(Прил.2, рис.2-1983) не ориентирован строго по линии С–Ю. Свободный от крупных деревьев, но густо поросший мелкой порослью участок, был разбит на квадраты размерами 2×2 м. Вскрытая площадь с прирезками, которые делались для полного исследования выявленных погребений, составляет 56 м². Все измерения велись от условного 0, которым является угол одного из квадратов по линии А–Б, в данном случае наиболее высокая точка раскопа. Учитывая то, что 0 все же не дает полного представления о глубине могильных ям (с уклоном местности глубина их от уровня 0 возрастает), нами в отчете одновременно указываются измерения от уровня материка. Работы велись вручную с послойным (20–25 см) снятием грунта и обязательной зачисткой площади раскопа после каждого слоя.

Стратиграфия раскопа следующая: современный дерн в 20–25 см, чернозем в 30–50 см покрывают материк – плотную красноватую глину. На уровне материка выявлено 9 погребений и 1 кострище. На всех могилах, где были следы зольников, расчищалась одна половина погребения, снимался разрез заполнения, а затем расчищалась следующая часть.

Кострище (Прил.2, рис.5-1983). Выявлено на уровне материка на глубине 90 см от 0. Кострище представляет яму овальной формы диаметром 1,15×1,20×1,55 и (0,65 м)[7]. Для фиксации заполнения ямы была оставлена бровка шириной 15 см, ориентированная по линии В-З. Сверху с уровня материка идет линзовидный в сечении слой чернозема с древесным углем, который в центре достигает мощности до 14 см. В центре этого слоя почти круглая в плане яма диаметром 17–18 см и глубиной 11 см, заполненная прокаленной глиной красного цвета. После первого слоя следовало заполнение из чернозема толщиной по центру ямы до 76 см. Мощность заполнения увеличивается по краям ямы и она доходит почти до уровня материка. После слоя чернозема шла прослойка золы в 7-9 см, за которой следовало заполнение из чернозема толщиной до 10 см. Слой чернозема сменялся прослойкой чернозема с древесным углем, под которым следовало заполнение из чернозема в 10 см. Его подстилал слой прокаленной глины красного цвета – дно ямы. Из описания заполнения можно констатировать, что первоначально огонь был разведен на дне ямы, потом она несколько раз засыпалась углем, землей и золой.

Погребение 16 (Прил.2, рис.4-16). Выявлено на уровне материка на глубине 0,95 от 0. Могильная яма прямоугольной формы с округлыми углами, размерами 1,5×0,6 м, глубиной 1,3 м (0,35). Ориентирована по линии В–З с небольшим отклонением на ЮВ. Судя по сохранившимся остаткам зубов, костяк лежал головой на восток. В восточной части ямы найдены стеклянные бусы (Прил.2, рис.4-16а,б), обломки спиральновитых височных подвесок (Прил.2, рис.4-16в,г), обломок железного предмета, и два бронзовых перстня (Прил.2, рис.4-16д,е).

Погребение 17 (Прил.2, рис.4-17). Выявлено на уровне материка на глубине 0,85 и от 0. Могильная яма подтрямоугольной формы ориентирована по линии С–Ю. Размеры 2,0×0,7×1,35 и (0,5) м. В центре ямы зольное пятно диаметром около 0,7 м, под которым шла линзовидная прослойка чернозема, далее до дна ямы слои золы и чернозема перемежались. Костяк не сохранился, находок нет.

Погребение 18 (Прил.2, рис.4-18). Выявлено на уровне материка на глубже 0,9 м от 0. Могильная яма подпрямоугольной формы ориентировал по линии З–В с небольшим отклонением на ЮВ и СЗ. Размеры 2,15×0,75 см, глубина 1,2 и от 0 (0,3 м). В центре могилы находился зольник, содержал прослойки чернозема, вкрапления угля. Находок нет.

Погребение 19 (Прил.2, рис.5-19). Выявлено на уровне материка на глубине 0,75 м и от 0. Могильная яма ориентирована по линии С–Ю с небольшим отклонением на СВ и ЮЗ. Размеры 1,6×0,65×1,4 и (0,65) м. В центре ямы прослежен зольник, состоящий из слоев чернозема, прокаленной глины. У южной стенки находились кости ног, у северной – прослежен тлен черепа. Судя по их положению, погребенный лежал головой на север. Инвентарь: бронзовый трехлопастной наконечник стрелы (Прил.2, рис.5-19а). На дне ямы, в слое прокаленной глины, обломок железного предмета – у северной стенки.

Погребение 20 (Прил.2, рис.5-20). Выявлено на уровне материка на глубине 0,8 м и от 0. Могильная яма ориентирована по линии С–Ю. Размера 2,6×1,0×1,3 и (0,5 м). Ограблено. В первоначальном положении сохранились лишь кости ног у южной стенки, судя по ним, умерший был уложен головой на север. Находок нет.

Погребение 21 (Прил.2, рис.5-21). Выявлено на уровне материка на глубине 0,85 м от 0. Могильная яма ориентирована по линии С–Ю. Размеры: 1,25×0,6×0,95 и (0,1 м). У северной

[7] Цифра в скобках – глубина от уровня материка.

стенки – бронзовая бляшка с ушком на обороте (Прил.2, рис.5-21а). Судя по сохранившейся эмали от зубов, погребенный лежал головой на север.

Погребение 22[8]. Выявлено на уровне материка на глубине 0,8 и от 0. Могильная яма ориентирована по линии С-Ю. Размеры: 2,15×0,65×1,0 и (0,2 м). Находок нет. Костяк не сохранился.

Погребение 23. Выявлено на уровне материка на глубине 0,85 м от 0. Могильная яма подпрямоугольной формы ориентирована по линии В–З. Размеры: 1,95×0,9×1,25 и (0,4) м. Костяк не сохранился. Находок нет.

Погребение 24. Выявлено на уровне материка на глубине 0,9 м от 0. Могильная яма ориентирована по линии С–Ю с небольшим отклонением ЮЗ и СВ. Размеры: 1,35×0,55×1,1 и (0,2 м). Костяк не сохранился. Находок нет.

По погребальному инвентарю (спиральновитые височные подвески, бляшка с перекладиной на обороте) могильник относится к пьяноборской культуре. Бронзовый трехлопастной наконечник стрелы, бусы и элементы погребального обряда (кострища над могилами, кострище на территории могильника) позволяют вскрытые захоронения отнести к ранней ее стадии.

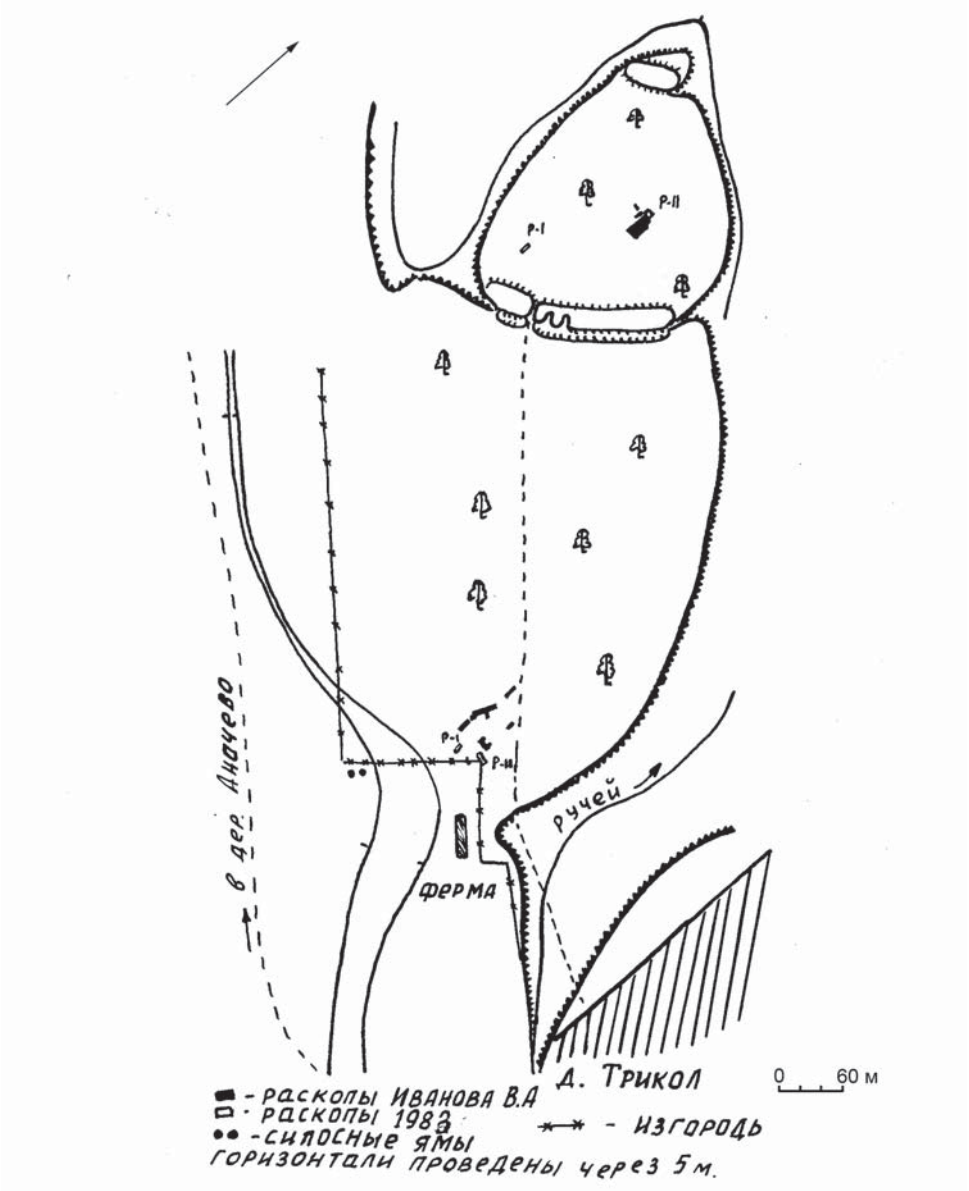


Рис.1. Трикольский могильник. Топографический план.

[8] Планов погребений 22, 23, 24 – нет (прим. А.А. Красноперова).

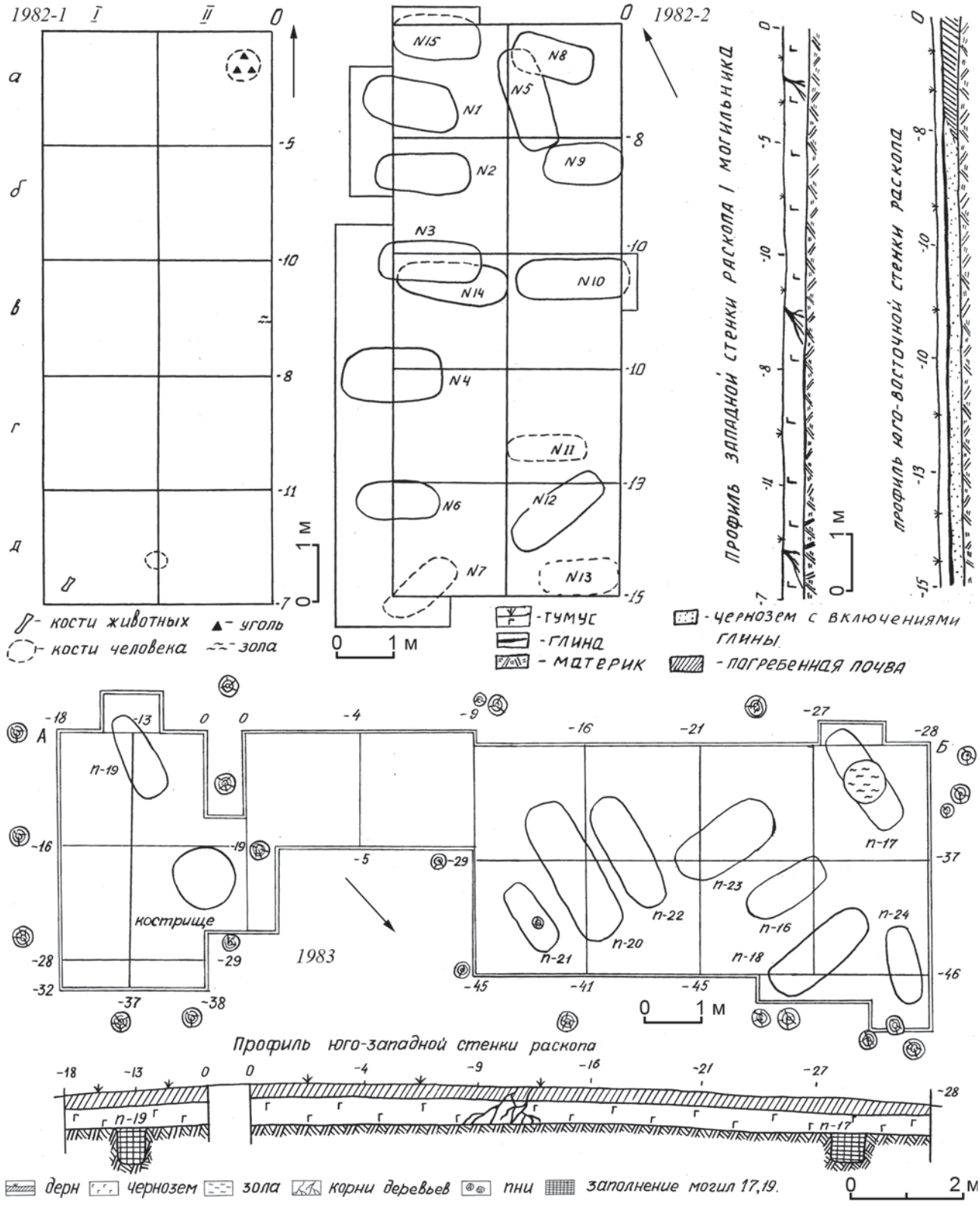


Рис.2. Трикольской могильник. Планы раскопов.

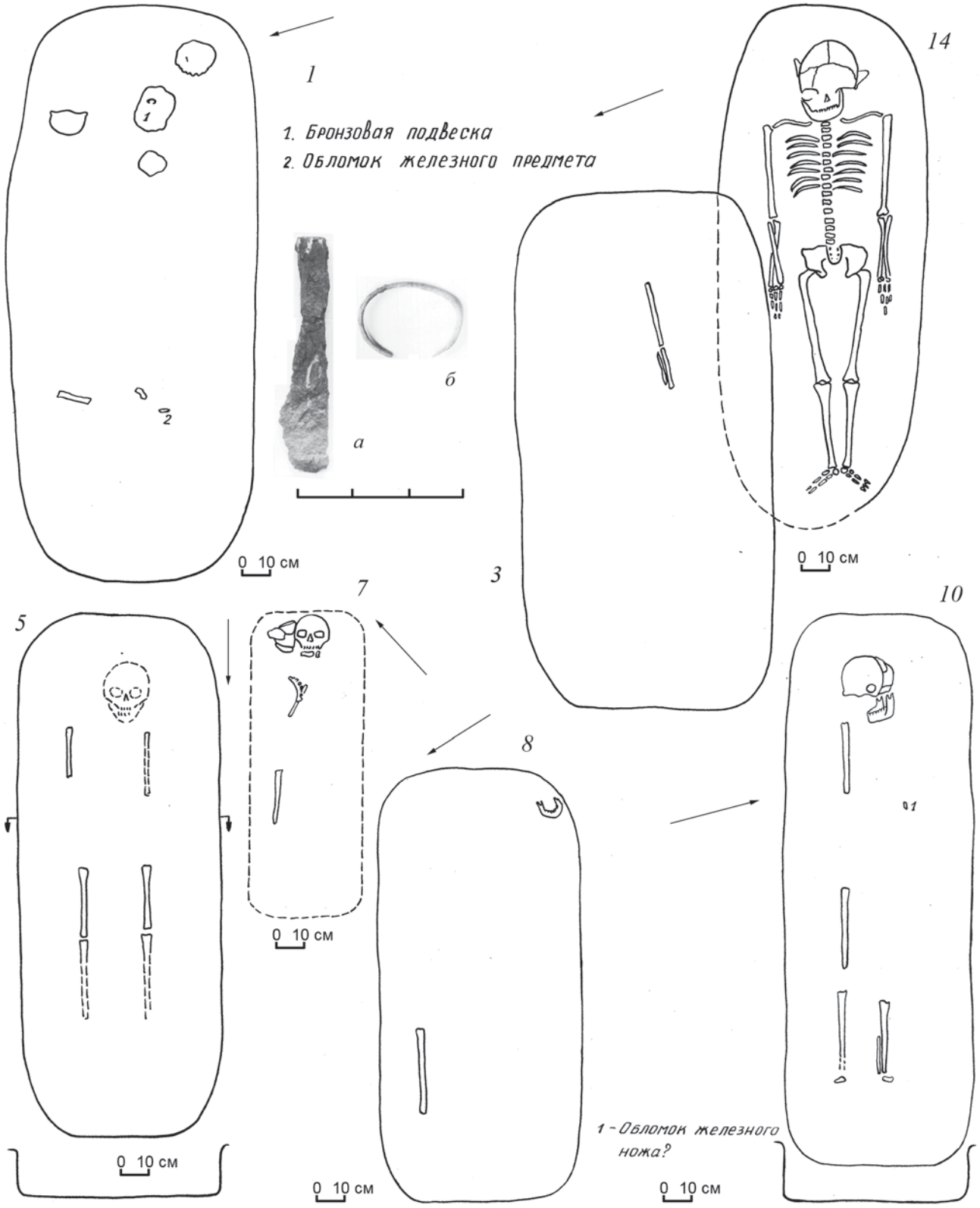


Рис.3. Трикольской могильник. Планы погребений и находки.

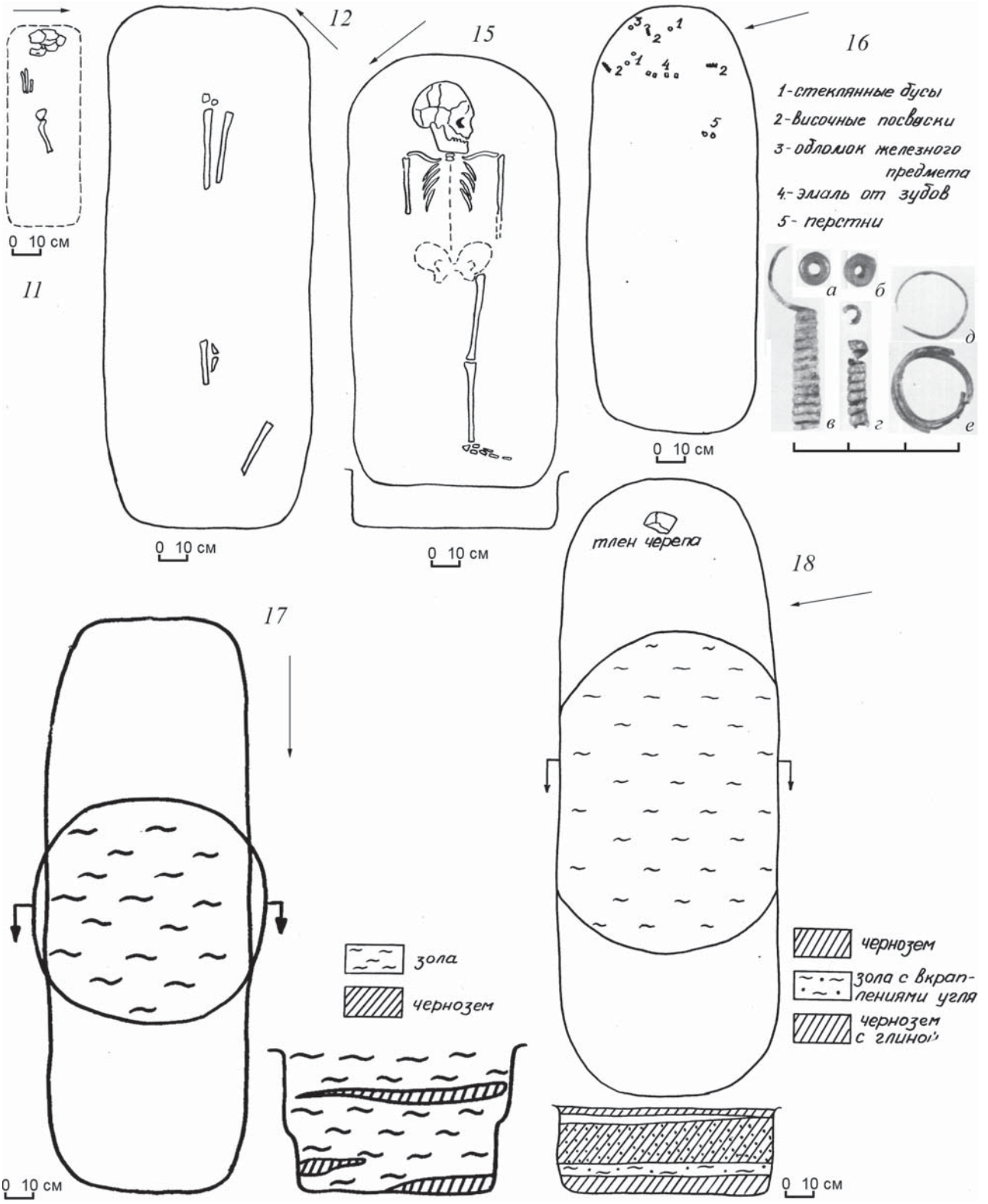


Рис.4. Трикольской могильник. Планы погребений и находки.

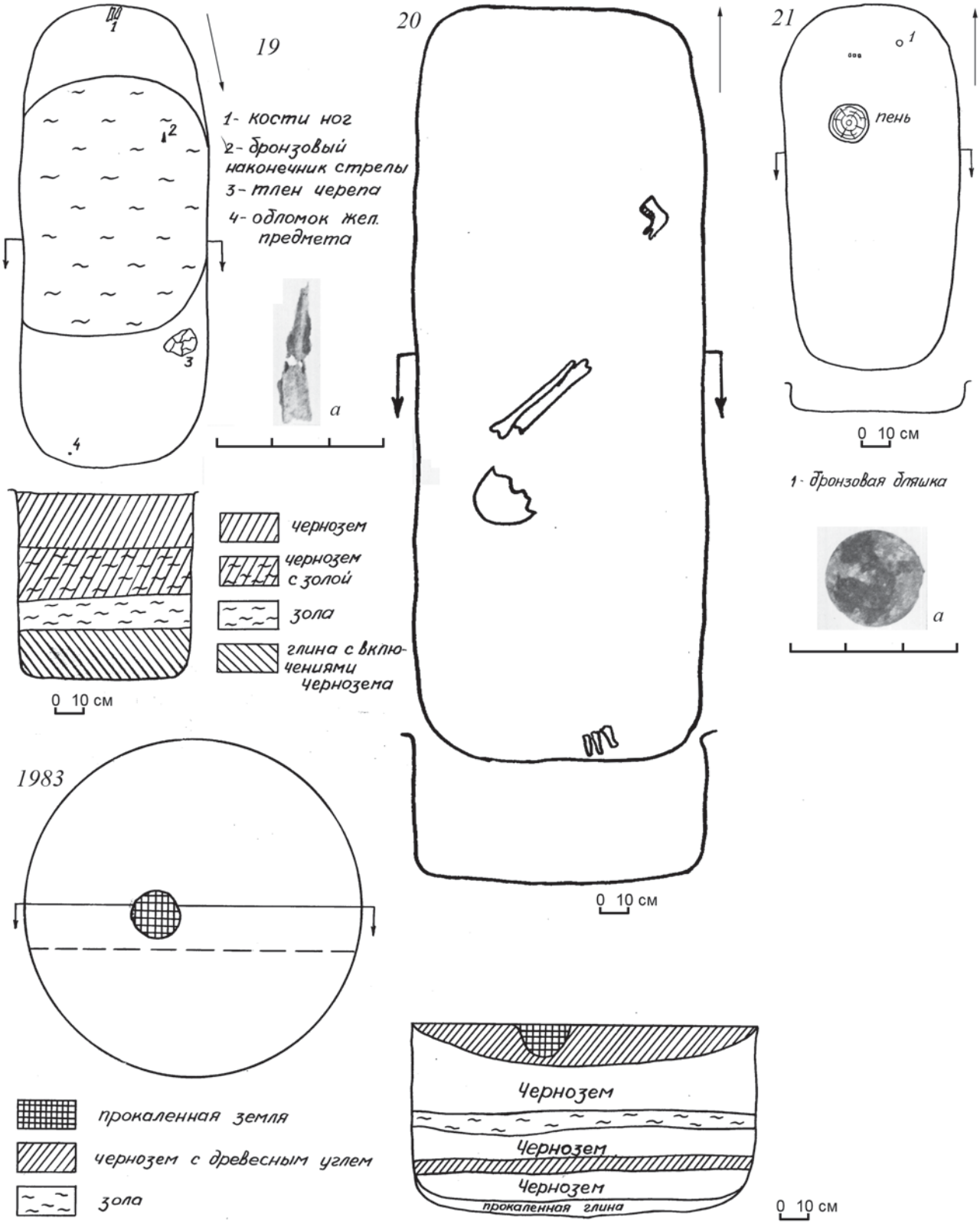


Рис.5. Трикольской могильник. Планы погребений и находки.

УДК 902.6

ПАМЯТНИКИ ПОЗДНЕГО ПЕРИОДА АНАНЬИНСКОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ

© 2017 г. А.А. Чижевский

В статье даны результаты исследования позднего периода ананьинской культурно-исторической области (АКИО), очерчен круг памятников этого времени и произведено обоснование их хронологической позиции. На основании данных радиоуглеродного анализа, предметов-хроноиндикаторов и керамических комплексов определены границы позднего периода АКИО – конец V–III/II вв. до н.э. Предметы импорта, на которых во многом строится хронология, поступали на территорию АКИО со Среднего Дона, Южного Приуралья, Поволжья и Западной Сибири. Наличие в разных регионах ананьинского мира одинаковых украшений, выполненных в зверином стиле, предметов вооружения и импортных изделий из одних и тех же территорий свидетельствует о наличии внутренних связей между культурами и регионами позднего периода АКИО и сохранении единого культурного пространства вплоть до конца существования АКИО.

Ключевые слова: археология, ранний железный век, Среднее Поволжье, Прикамье, хронология, поздний период, ананьинская культурно-историческая область.

Протяженность позднего периода ананьинской культурно-исторической области (АКИО) около 200 лет. В материальной культуре в это время происходят существенные изменения по сравнению со средним периодом АКИО: начинается проникновение импортов из ареала обитания среднедонских скифов, савроматские изделия и их подражания замещаются раннесарматскими. На рубеже V и IV вв. до н.э. происходит трансформация ананьинского очага металлургии, исчезают характерные для АКИО предметы вооружения из бронзы, такие как кельты, наконечники копий и чеканы (Кузьминых, 1981, с. 180).

В среднем течении р. Белой и, частично, на Нижней Каме и Средней Волге эти процессы были усугублены проникновением кочевников с последующей «сарматизацией» материальной культуры ананьинского населения р. Белой (Пшеничнюк, 1967, с. 164–166; Савельев, 2008, с. 70; Ашихмина, 2014, рис. 50: 5, 6, 8; Галимова, 2017; Морозов, 2017, с. 9, рис. 20: 12). Закономерно, что этот процесс привел к трансформации АКИО. В III/II вв. до н.э. ананьинский мир распадается, и на его основе вырастают образования второй фазы раннего железного века, материальная и отчасти духовная культура которых отлична от АКИО (Чижевский, 2013, с. 80–81).

Исследователи, обращавшиеся к позднеананьинской тематике, освещают в основном региональные проблемы, до настоящего времени отсутствует общая характеристика позднеананьинских памятников на всей территории распространения ананьинского мира, а также обоснование хронологической позиции позднего периода АКИО. В данной работе я постарался заполнить эту лакуну, уделяя особое внимание хронологии.

К сожалению, поздний период АКИО в меньшей степени, чем предшествующие, обеспечен датирующими материалами, каковыми являются даты ^{14}C и хроноиндикаторы[1]. Кроме хроноиндикаторов, время существования которых подтверждено источниками вне ананьинского мира, имеются предметы, которые датируются с опорой на стратиграфию и закрытые комплексы памятников АКИО. Их можно назвать хроноиндикаторами второго порядка, которые диагностируют хронологию менее надежно, но все же используются для датирования в регионах, где они получили достоверную атрибуцию и привязку к стратиграфической и хронологической шкале. Таковыми для позднего периода АКИО являются псалии конецгорского типа, глиняные ритуальные фигурки и керамические комплексы.

Псалии конецгорского типа встречаются исключительно на позднеананьинских памятниках, и поэтому их хронологическая позиция как хроноиндикатора позднего периода АКИО безупречна, сложнее дело обстоит с глиняными ритуальными фигурками, близкие типы которых имеются как на позднеананьинских, так и пьяноборских памятниках (Иванов, 1976, с. 312; Голдина и др., 2013, с. 58–65). В этом случае отнесение памятника к позднему периоду АКИО возможно только тогда, когда глиняные фигурки сочетаются внутри одного

[1] Подробнее о хроноиндикаторах см. Кузьминых, Чижевский, 2014, с. 101.

объекта или слоя с керамикой позднеананьинского времени.

Для определения хронологической позиции керамических комплексов, как правило, привлекаются орнаментация и форма сосудов, которые на протяжении всего времени существования АКИО менялись. Хроноиндикаторами второго порядка для керамических комплексов АКИО позднего периода являются три типа керамики: конецгорский, ныргындинский и белогорский, названные так по эпонимным памятникам.

Хронологическая позиция конецгорского типа керамики, распространенного на севере АКИО, обоснована А.В. Збруевой на материалах Конецгорского селища (Збруева, 1952, с. 216–260). Ныргындинская стадия и, соответственно, тип керамики, бытующий в центральных регионах АКИО и на юге, выделен Л.И. Ашихминой на серии памятников Средней и Нижней Камы (Ашихмина, 2014, с. 73, 74). Белогорский тип, распространенный преимущественно на юге АКИО, но встречающийся и в центральных регионах, выделен В.В. Гольмстен, обоснование хронологической позиции выполнено А.А. Чижевским (Гольмстен, 1924, 1925; Чижевский, 2014).

Количество дат, полученных по ^{14}C, для позднеананьинского периода невелико, в настоящее время мы располагаем лишь шестью такими датами для четырех памятников. 67 памятников отнесены к позднему периоду АКИО на основании присутствия в их коллекциях предметов хроноиндикаторов, принадлежность 125 определена по керамике. Общее количество объектов позднеананьинского времени составляет 192, с учетом дублирования датировок некоторых памятников как с помощью хроноиндикаторов, так и дат по радиоуглероду. Конечно же, это не окончательные цифры, это та информация, которую удалось получить из публикаций, археологических карт и постановлений регионов РФ о постановке на гос. учет памятников истории и культуры.

Ареал распространения памятников позднего этапа АКИО включает семь географических регионов: 1. Европейский Северо-Восток, 2. Верхняя Кама (до устья р. Вишера), 3. Средняя Кама (до устья р. Белой), 4. Нижняя Кама (до устья р. Кама), 5. бассейн р. Белой, 6. бассейн рр. Ветлуга и Вятка, 7. Средняя Волга (ниже устья р. Сура до Самарской Луки). Это огромная территория, некоторое представление о которой дают следующие данные. Расстояние между самым северным и самым южным памятниками с севера на юг составляет 1938 км, между самым западным и самым восточным – 931 км (рис. 1).

Присутствуют позднеананьинские древности и к западу от бассейна Камы и Средней Волги, но состояние изученности этих памятников в настоящее время не позволяет с точностью их диагностировать.

Памятники позднего периода АКИО распределены в пределах ананьинского ареала очень неравномерно. Если смотреть на территорию АКИО с севера на юг по основным водным артериям, эта картина будет выглядеть следующим образом.

1. Регион Европейский Северо-Восток

В пределах Европейского Северо-Востока (ЕСВ) выделено 20 памятников, которые отнесены к позднему периоду АКИО.

Наиболее обоснованным выглядит отнесение сюда **Шиховского могильника (13)**[2], датировка которого основывается на двух датах по ^{14}C, полученных по углю, некалиброванные значения которых укладываются в рамки IV–II/I вв. до н.э. (погр. 26 – 2080±49 **ЛЕ5597**; погр. 27 – 2370±60 **ЛЕ6294**), а калиброванные имеют широкий диапазон от VIII–IV/III вв. до н.э. до II в. до н.э.–I в. н. э. (погр. 26 – 160–38 ВС и 184 ВС–6 AD; погр. 27 – 755–385 ВС (одна сигма), 761–235 ВС (вторая сигма)) (Васкул, 2002, с. 15).

Второй опорой датировок Шиховского могильника являются хроноиндикаторы[3]. Самым ярким элементом среди предметов-хроноиндикаторов являются зеркала (всего их 5 экз.), которые происходят из погр. 7, 13, 16, 18, 26 (Васкул, 2002, рис. 14: 23, 16: 1, 2, 4, 5), фрагмент подобного зеркала был найден и на **пос. Вис II (151)** (Буров, 1967, с. 127, табл. XXI: 9).

Зеркала подразделяются на плоские (погр. 13, 16, 18, 26 Шиховской могильник) (рис. 2: 13, 15, 17) и с утолщенным валиком по краю (погр. 7 Шиховской могильник, пос. Вис II) (рис. 2: 14, 16). В погр. 7, 13, 18 выявлены фрагменты, в погр. 16 и 26 отмечены целые зеркала.

Зеркало из погр. 16 (рис. 2: 17) имело боковую ручку, отлитую одновременно с диском. Ручка отделена от диска зеркала двумя

[2] В скобках дан порядковый номер памятника, совпадающий с номером на карте.

[3] Обоснование времени существования предметов-хроноиндикаторов осуществляется по их первому упоминанию в тексте, а в дальнейшем происходит лишь ссылка на это обоснование без повторного обоснования хронологических рамок.

наклонными резными линиями. У остальных фрагментированных зеркал ручка отсутствует, видимо, утраченная при поломке. Ряд зеркал мог иметь ручку, прикрепляющуюся к нему уже после отливки с помощью специальных гвоздиков или штифтов, об этом свидетельствуют отверстия на краях дисков из погр.13 и 26 (рис. 2: 15), впрочем, эти отверстия могут быть следами от крепления костяной или деревянной оправы.

Оборотная сторона зеркал из погр. 7, 13, 16, 18 Шиховского могильника и зеркала из пос. Вис II украшена орнаментом из концентрических окружностей. Кроме того, на зеркалах из погр. 16, 26 Шиховского могильника и пос. Вис II процарапаны изображения (рис. 2: 15, 17). В первом случае это медведь в профиль, стоящий на задних ногах, во втором – сложная сцена из четырех зооантропоморфных фигур (видимо, людей в масках), трое из которых стоят на нижних конечностях, а четвертая расположена в ногах стоящих фигур и лежит или стоит на четырех конечностях. В центральной части зеркала из пос. Вис II также было прочерчено изображение, однако из-за утраты его значительной части восстановить характер изображения не представляется возможным.

Вещевой комплекс большей части погребений с зеркалами Шиховского могильника не имеет датирующего значения, погр. 7 и 16 других находок, кроме зеркал, не имеют, погр. 13 содержит развал глиняного сосуда типа Перный (Васкул, 2002, рис. 18: 3).

В погр. 26 Шиховского могильника кроме зеркала имелись также: развал глиняного сосуда типа Перный, фрагменты железной гривны, круглопроволочные кольца с трубицей-спиралью, бронзовая бусина и пронизи, набор многозвеньевых литых обойм, овальная бляха с центральным отверстием для крепления к основе, плоская крестовидная бляха из бронзы, полые зооморфные подвески с изображениями медведя и бобра, плоская фигурка быка с ушком на спине для подвешивания, профильное изображение хищной птицы с петлей на оборотной стороне, изображение в фас хищной птицы с раскрытыми крыльями (рис. 2: 1–12; 4: 1) (Васкул, 2002, рис. 14: 14, 18, 20, 24, 15: 2, 5, 9, 11, 14, 17: 2, 18: 8).

К сожалению, большая часть этого обширного вещевого комплекса не имеет датирующего значения, исключением здесь является крестовидная бляха.

Бляха из погр. 26 (рис. 2: 1) относится к т. н. крестовидным, подобная находка известна из впускного погребения в Чурачикском кургане ананьинского времени в Чувашии (Каховский, 1963, с. 172, рис. 3: 13; 1964, с. 75, рис. 13: 14), на Южном Урале в одиночном кургане Яковлевка II, погр. 5 (вторая пол. IV – рубеж IV/III вв. до н.э.) (Сиротин, Трейстер, 2014, с. 214, рис. 2: 4). Однако наиболее широко подобные бляхи представлены на Среднем Дону. Они известны в двух вариантах: 1) с выпуклой поверхностью (курган №17 Русская Тростянка, датирован по железным удилам IV в. до н.э.; кург. №4 (конец V–IV вв. до н.э.), кург. №8 и 10 (первая пол. IV в. до н.э.) у с. Колбино; кург. №11 группы Частые курганы, датирован по железным удилам IV в. до н.э.) и 2) с уплощенной поверхностью (кург. №2 у хут. Дубовой (начало/первая четверть IV в. до н.э.), датируются эти бляхи концом V–IV в. до н.э. (Либеров, 1965, табл. IX; Березуцкий, Разуваев, 2004, с. 67, рис. 4: 1–5; Савченко, 2001, с. 56; 2009, с. 241, 279, 280, рис. 16: 4–10, 12–16).

Нашивные бляхи подобной формы встречены в кургане IV в. до н.э. Денисова могила у г. Орджоникидзе (Мозолевский, 1980, с. 71, рис. 68: 3). Известны крестовидные бляхи также в материалах IV/III–II/I вв. до н.э. большереческой и V–III вв. до н.э. новочекинской культур Сибири (Полосьмак, 1987, табл. IX; Троицкая, Бородовский, 1994, табл. LII: 170; Васкул, 2002, с. 15; Савченко, 2009, рис. 16: 4–7). Здесь стоит отметить определенное своеобразие находки из погр. 26. Она плоская, в отличие от выпуклых сибирских и 1 типа среднедонских аналогов. Следуя среднедонским аналогиям, датировку крестовидной бляхи из погр. 26 Шиховского могильника можно определить в рамках IV в. до н.э., остальные аналогии только подкрепляют эту дату.

Аналогии зеркалам из Шиховского могильника прослеживаются в погребальных комплексах прохоровской культуры. Изделия с утолщенным валиком по краю из погр. 7 Шиховского могильника и пос. Вис II (рис. 2: 14, 16) находят свои аналогии среди зеркал III–V типов по классификации А.М. Хазанова, время бытования которых определено в границах конца V–III/II вв. до н.э. (Хазанов, 1963, с. 62). III–II вв. до н.э. датирует зеркала с выступом, украшенные резным концентрическим орнаментом, М.Г. Мошкова (1963, с. 41, табл. 28: 20). Остальные зеркала Шиховского могильника – плоские, аналогии им прослеживаются среди прохоровских зеркал I типа по М.Г. Мошковой (IV–II вв. до н.э.), причем зеркала с орнаментом из концентри-

ческих резных линий (погр. 13, 16, 18) датированы III–II вв. до н.э. (Мошкова, 1963, с. 41, табл.27: 8, 9).

Аналогии зеркалу из погр. 26 Шиховского могильника более широкие, такие зеркала встречались на протяжении всего времени существования прохоровской культуры в IV–II вв. до н.э., однако, учитывая наличие здесь крестовой бляхи, дату этого комплекса можно определить в пределах IV–III вв. до н.э. (Мошкова, 1963, с. 41, табл. 27: 1–7).

Прочерченные изображения на зеркалах из погр. 16 и 26 (рис. 2: 15, 17) имеют интересные параллели в Западной Сибири на зеркалах, найденных на реках Казым и Ляпин. На них были начерчены одиночные изображения медведей, стоящих на задних конечностях, как в фас, так и в профиль, а также многофигурные композиции, изображающие людей в масках или же зооантропоморфов с лежащими или стоящими на четырех конечностях у них в ногах животными (Чернецов, 1953, табл. XIII: 1–4, XIV: 4). В.И. Чернецов относил эти находки к усть-полуйской культуре IV в. до н.э. – I в. н.э. (Чернецов, 1953, с. 150; 1953а, с. 227). Некоторое сходство в орнаменте обнаруживается у зеркала из пос. Вис II (рис. 2: 14) с более поздними зеркалами пьяноборского времени, в центральной части которых присутствует розетка в окружении концентрических кругов (Красноперов, 2006, с. 145, рис. 1: 1, 7). Однако в сарматских памятниках подобные зеркала датируются с рубежа IV/III по I вв. до н.э. (Скрипкин, 1990, с. 95, рис. 44). К тому же оформление висского зеркала более грубое, орнамент читается плохо, и утверждать однозначно, что в центральной части его присутствует лепестковая розетка, нельзя; плоская, а не выпуклая поверхность скорее свидетельствует в пользу более раннего – ананьинского времени изготовления данного предмета.

Таким образом, по аналогиям и другим датирующим предметам зеркала из погребений Шиховского могильника и пос. Вис II датируются IV–III/II вв. до н.э.

В погр. 1 и 23 (рис. 3: 4, 27) отмечены подчетырехугольные бляхи с длинным щитком, покрытым двурядным орнаментом из треугольников и двумя петлями для крепления на обратной стороне (Васкул, 2002, рис. 14: 2, 3).

В то время как набор предметов из погр. 23 не имеет датирующего значения (рис. 3: 5–10; 4: 12), в погр. 1 Шиховского мог. интерес представляет бронзовая зооморфная рукоять с головой хищника (медведя или волка) (рис. 3: 24) (Васкул, 2002, рис. 13: 12), подобная рукоять, но меньших размеров происходит и из погр. 28 (рис. 3: 25) (Васкул, 2002, рис. 13: 10). Прямых аналогий им нет, некоторая близость по орнаменту и форме присутствует с бронзовыми навершиями с изображением головы верблюда из межкурганного пространства (кург. 1) Филипповского мог., датированного второй пол./концом V – IV в. до н.э. (Пшеничнюк, 2012, с. 87 – 89, рис. 39: 1–3; Яблонский, 2013, с. 15, рис. 13).

Не имеет датирующего значения большая часть находок из погр. 28, среди которых навершие кинжала в виде хищной птицы с ухом, смотрящим вниз, фрагменты железных кинжалов и керамики типа Перный (рис. 3: 21–23, 4: 7) (Васкул, 2002, рис.13: 10, 11, 13, 17: 7, 18: 2).

Исключением здесь выглядит бляха в виде хищного животного с массивными лапами и ухом в виде спирали. Верхняя часть бляхи имеет трапециевидное расширение, на конце которого отмечен двурядный орнамент из треугольных вдавлений (рис. 3: 26) (Васкул, 2002. рис. 15: 3). Этот орнамент и две петли на обороте бляхи заставляют сделать предположение о том, что данная бляха должна датироваться в тех же рамках, что и остальные бляхи с двурядным орнаментом из треугольников на длинном щитке и двумя петлями для крепления на обратной стороне. Подобная бляха известна и в материалах Ананьинского могильника (Карпелан, Уйно, 2009, с. 23, рис. В).

Более ранние – однопетельчатые аналоги подчетырехугольным бляхам с длинным щитком, покрытым двурядным орнаментом из треугольников и двумя петлями для крепления на обратной стороне, отмечены в погр. 663, 920 Старшего Ахмыловского могильника и сборах на территории Ананьинского некрополя (Збруева, 1952, табл. XVII: 2; Патрушев, Халиков, 1982, табл. 126: 9а). Судя по датировке погр. 663 и времени существования Старшего Ахмыловского могильника в целом, однопетельчатые бляхи датируются с середины VII и не позднее рубежа VI/V–V вв. до н.э. Наиболее ранняя двупетельчатая бляха с длинным овальным щитком, покрытым двурядным орнаментом из округлых выпуклостей, известна по находке из погр. 2 кург. 9 мог. Мечет-Сай, она датируется V в. до н.э. (Смирнов, 1964, рис. 22: 8).

Датировка подчетырехугольных блях с двурядным орнаментом из треугольников на длинном щитке и двумя петлями для крепления на обратной стороне по аналогиям в ранне-

кара-абызских и прохоровских (Ленинск, кург. №3, погр. 15) памятниках – IV–III вв. до н.э., гороховских древностях (Кадыровский VI могильник, кург. №4, с сардониксовой подвеской) – IV в. до н.э., может быть определена в рамках IV–III вв. до н.э. (Мошкова, 1963, табл. 32: 8; Пшеничнюк, 1973, с. 183, рис. 6: 112; Васкул, 2002, с. 14).

В постананьинскую эпоху традиция изготовления прямоугольных двупетельчатых блях переживает свой расцвет, в погребальных комплексах пьяноборской культуры насчитывается около 400 подобных изделий. Они известны в Афонинском, Ново-Сасыкульском, Ныргындинском I и II, Пьяноборском, Тойгузинском I (сборы Н. М. Капленко 1998 года), Чегандинском II и др. могильниках (Генинг, 1971, табл. III: 11, XIX: 9; Агеев, 1992: с. 43, 116, табл. 8: 19, 21; Голдина, Краноперов, 2012, табл. 239: 11).

Таким образом, датировка двупетельчатых блях с треугольным двурядным орнаментом на длинном подчетырехугольном щитке из погр. 1 и 23 Шиховского могильника может быть ограничена IV–III или же IV–II вв. до н.э., учитывая пьяноборские аналогии.

Еще одним хроноиндикатором, выявленным в погр. 22 Шиховского могильника, является бусина синего стекла с глазками, расположенными по линии максимального диаметра (Васкул, 2002, с. 10, рис.14: 10), датируется она IV–III вв. до н.э. по античным аналогиям – тип 100 (Алексеева, 1975, с.70, табл. 16: 29).

Большой интерес представляет погр. 36 Шиховского могильника, которое содержало большое количество инвентаря, в том числе керамику типа Перный (рис. 4: 3), обломки неопределенных бронзовых и железных предметов, бронзовые стержневидную булавку и макет лыж (рис. 3: 18–20) (Васкул, 2002, рис. 13: 14, 15: 1, 7, 17: 8, 18: 4). Однако, единственным хроноиндикатором в инвентаре данного погребения является бронзовый зооморфный крючок типа 1.1.1[4]. (рис. 3: 17) со скульптурным изображением волкообразных со сдвоенными головами, общей пастью на щитке и крючком в виде головы грифона или хищной птицы.

Ближайшие аналогии крючкам данного типа послежены на Среднем Дону (кург. №3, 10 группы «Частые курганы», кург. №11/16, 32/32 (2 экз.) у с. Мастюгино) (Замятнин, 1946, рис. 10: 1, 27: 3, Либеров, 1965, табл. 32: 2, 3, 6, 16; Гуляев, 1969, с. 121, рис. 3, 4, 5; Пузикова, 2001, с. 66–68, рис. 41: 6, 7; Савченко, 2004, с. 235, 236, рис. 28: 1–5). Судя по датировке наиболее репрезентативных погребений, зооморфные крючки подобного типа на Среднем Дону датируются серединой – второй половиной IV в. до н.э. (Савченко, 2004, с. 234).

Более ранним временем – V, может быть началом IV в. до н.э., по комплексу предметов датирован зооморфный крючок из савроматского кургана №25 Сладковского могильника на Нижнем Дону (Максименко, 1983, с. 30, 31, рис. 14: 7), который, как отмечает Е.И. Савченко, выглядит архаичнее среднедонских и, соответственно, ананьинских образцов (Савченко, 2004, с. 236).

Таким образом, группу крючков АКИО со сдвоенным изображением волкообразных с общей пастью на щитке и стилизованным грифоном (птицей) на крючке (1.1.1.) по среднедонским аналогиям, можно датировать серединой – второй половиной IV в. до н.э., а учитывая нижнедонскую аналогию – концом V–IV в. до н.э.

В погр. 32 выявлен невыразительный набор находок, среди которых интерес представляет литая бронзовая ложечка, видимо, подвеска (рис. 3: 1–3) (Васкул, 2002, с. 12, рис. 14: 25, 26, 15: 15). Датируется она по многочисленным аналогиям на памятниках второй пол. V–II вв. до н.э., которые представлены костяными ложечками, иногда украшенными зооморфным завершением рукояти (Смирнов, 1964, рис. 14: 4, 32: 2б, 3б; 1984, рис. 25: 1; 1989, табл. 66: 45, 50, 57, 69: 60, 61, 74, 75; Берлизов, 2011, табл. 56, отдел 2, тип 1, 2; Пшеничнюк, 2012, рис. 79: 1, 97: 2, 5, 112: 6; Яблонский, 2013, с. 93, №352, с. 116, №1249, с. 160, №1973). Почти полный аналог ложечке из погр. 32 составляет бронзовая ложечка из Табынского гор. кара-кабызской культуры, датированного IV–III вв. до н.э. (Пшеничнюк, 1983, с. 103, рис. 17: 2).

К сожалению, окончание подвески в виде колокольчика из погр. 27 Шиховского могильника не сохранилось (Васкул, 2002, рис. 14: 17), подвески такого типа встречены как в раннеананьинских, так и в позднеананьинских памятниках, но, судя по наличию прорези характерной формы, время её существования сближается с находками из Скородумского клада (см. ниже), и данная подвеска может быть датирована – IV–III вв. до н.э.

Кроме Шиховского могильника и пос. Вис, II хроноиндикаторы известны в **Канинской пещере (81).** Это крупные, до 11 см, трехлопастные наконечники стрел (2 экз.) типа С-54

[4] Типология зооморфных крючков дана по Васильеву, 2002.

(рис. 3: 11, 12) с внутренней втулкой, треугольным и башнеобразным вытянутым пером (Канивец, 1964, рис. 30: 1, 2). Форма пера у данных наконечников имеет вогнуто-выпуклые очертания, лопасти сильно опущены относительно среза втулки и оканчиваются заостренными шипами.

Аналогии наконечникам типа С-54 прослежены в древностях кулайской культуры (городище Барсов городок I/20, Барсовский могильник, гора Кулайка, Мурлинский клад, Степановское городище, поселения Каменный мыс и Степановское I) (Чернецов, 1953, Табл. XI: 1; Чиндина, 1984, рис. 12: 6–11; Чемякин, 2008, рис. 79: 38, 39, 83: 22, 23). По кулайским аналогиям наконечники стрел типа С-54 датируются IV–II вв. до н.э. (Чернецов, 1953, с. 226–229; Чиндина, 1984, с. 35). Кроме того, наконечники данного типа встречены на поселении Абатское саргатской культуры, где датированы III–II вв. до н.э. (Могильников, 1992, табл. 122: 31).

Из Канинской пещеры происходят также 3 экз. трехлопастных наконечников стрел типа С-50 (рис. 3: 13–15) со сводчатым и треугольным пером и с шипами, опущенными ниже среза втулки (Канивец, 1964, рис. 30: 3, 4, 7). Аналоги данного типа наконечников известны у савроматов, реже встречаются в Скифии. Судя по находкам подобных наконечников стрел в кург. 423 Журовского могильника (Мелюкова, 1964, табл. II), распространение данного типа наконечников началось уже в середине – второй половине VII в. до н.э. (Дараган, 2011, с. 596–598), находки в Ольвийском некрополе погр. 52/1911, 66/1911 свидетельствуют об их существовании и в VI в. до н.э. (Скуднова, 1988, с. 79, 80). Они чрезвычайно распространены на савроматских памятниках VI–V вв. до н.э., в IV–III вв. до н.э. встречаются существенно реже, кроме того в позднее время они имеют небольшие размеры и более грубо изготовлены, чем ранние (Смирнов, 1961, с. 50), именно такие грубо изготовленные наконечники мы встречаем в коллекции Канинской пещеры.

Трехгранный наконечник стрелы типа С-94 (рис. 3: 16) с головкой треугольной формы и внутренней втулкой, грани пера гладкие, дуговидные с опущенными вниз шипами, происходит из поселения **Шойнаты III (149)** (Королев, 1988, рис. 1: 5). Аналогии наконечникам данного типа присутствуют в раннесарматских древностях, это наконечники стрел типа XVI по К.Ф. Смирнову и М. Г. Мошковой (кург. 11, 4 у с. Луговое), которые датированы IV – началом III вв. до н.э. (Смирнов, 1961, с. 57, табл. V, Г: 13–16). Близкие наконечники выявлены в материальной культуре скифов (курган №6 в Башмачках, Гайманова могила, Краснокутский курган, Козёл, Огуз, Солоха и др.), в которых они датируются IV–III вв. до н.э. (Мелюкова, 1964, табл. 9, А: 2, 3; Б: 4, 5; В: 4, И: 2, 3, К: 5, 6, О: 9, П: 7; 1981, рис. 18: з; Бидзиля, Полин, 2012, рис. 527: 3, 4; 645: 12). Исходя из приведенных аналогий, наконечники стрел типа С-94 по скифским и раннесарматским аналогиям можно датировать в пределах IV–III вв. до н.э.

Возраст остальных памятников ЕСВ опирается на керамические комплексы, наиболее ярким хронологическим репером здесь является керамика с орнаментом конецгорского типа, который представляет собой короткий наклонный двузубый или трехзубый штамп (Чижевский, Черных, Хисяметдинова и др., 2016, с. 50). Основой для датировки этого типа орнамента является Конецгорское селище, обоснование хронологии которого дано ниже, в разделе – регион Средняя Кама.

Керамика с элементами конецгорского орнамента в регионе ЕСВ присутствует на сосудах типа Перный. Эти сосуды выявлены и в датированных по ^{14}C и предметам-хроноиндикаторам памятниках: Шиховском могильнике (погр. 6, 13, 26, 28, 36 и в межмогильном пространстве) (рис. 4: 1, 3, 6, 7, 9, 12), пос. Вис II, пос. Шойнаты III (рис. 4: 4, 5), а также еще 16 поселениях – Палью IV ст. (26) (рис. 4: 8), Перный пос. (66), Ягу яр пос. (67), Сынявом пос. (68), Сотчемъель пос. (86), Себъяг I пос. (146), Руччой I пос. (147), Дресва-Шор пос. (148) (рис. 4: 2), Шойнаты II пос. (150) (рис. 4: 11), Вис III пос. (152), Топыд-Нюр I пос. (153), Питюяг I пос. (154), Мыелдинская ст. (155), Веслянская I ст. (156), Ус I пос. (157), Джуджидъяг (169) (Буров, 1967, табл. XXVIII: 9; Лузгин, 1972, рис. 24: 21; Канивец, 1974, рис. 45, 46: 4–6, 47: 1, 6, 7, 48: 1–4, 49: 1, 2, 50: 4, 58, 60, 61; Ашихмина, 1977, рис. 3: 5, 8, Королев, 1988, рис. 1: 8, 9; 1997, рис. 12: 2, 13: 2, 18: 5, 9; Ашихмина, Васкул, 1997, с. 329, рис. 9: 1, 10: 13, 14: 3; и др.). В Канинской пещере отмечена керамика ныргындинского типа (рис. 4: 10).

2. Регион Верхняя Кама (до устья р. Вишера)

В пределах данного региона известен только один памятник позднего периода АКИО – стоянка **Усть-Уролка I (145)**, которая отнесена к этому периоду по керамическому комплексу (О государственном, 2000, №1126). Отсутствие других памятников позднего пери-

ода в регионе объясняется слабой изученностью территории и отсутствием развернутых публикаций.

3. Регион Средняя Кама (до устья р. Белой)

Это самый крупный по количеству позднеананьинских памятников регион, всего здесь насчитывается 89 объектов позднего периода АКИО, в том числе и три могильника.

Датировки по радиоуглероду в регионе Средней Камы отсутствуют. По предметам-хроноиндикаторам к данному периоду отнесено 30 памятников: Заюрчимское I сел. (10), Скородумский клад (11), Алтен-Тау гор. (12), Конецгорское сел. (18), Гремячанское сел. (19), Гляденовское костище (20), Юго-Камское костище (21), Заосиновское I пос. (61), Ермаши гор. (63), Половинное I пос. (65), Висимская дача местонах. (73), Юг, пос. (74), Малая Чеганда местонах. (Чегандинское I городище?) (77), Усть-Качка пос. (79), Галкинское гор. (80), Каракулинский мог. (84), Степановское гор. (92), Болгары IX (114), Тарасовское святил. (162), Бор I (170), Турбинский клад (171), Чегандинское I гор. (176), Быргындинское IV пос. (177), Быргындинское II (Каменный Лог) гор. (178), Мало-Никольское I гор. (179), Момылёвское гор. (180), Усть-Сарапульское гор. (181), Яромасское гор. (182), Субботинское I гор. (183), Усть-Нечкинские I, II гор. (187).

Наибольшее количество предметов-хроноиндикаторов выявлено на городище Алтен-Тау, Заюрчимском I и Конецгорском селищах.

Основанием для отнесения **Заюрчимского I селища (10)** к позднему периоду АКИО служат наконечник стрелы С-52, два бронзовых зооморфных крючка, железная уздечная подвеска и глиняные ритуальные фигурки.

С Заюрчимского I селища происходит крупный, длиной около 6 см, трехлопастной наконечник стрелы типа С-52 (рис. 5: 1) (Вечтомов, 1967, табл. 1: 97; Кузьминых, 1983, табл. XLVII: 19). Он имеет башнеобразной формы перо, лопасти вогнуты и образуют дугу с западиной в средней части. Шипы длинные, опущенные, изогнуты к втулке таким образом, что образуют полукруг. Втулка внутренняя, небольшая. Полные аналогии ему неизвестны, однако по деталям оформления (башнеобразная головка; дуговидные лопасти; опущенные, длинные приостренные шипы; крупные размеры) тип С-52 можно сопоставить с наконечниками стрел кулайской культуры, происходящих из Мурлинского клада, Степановского городища, горы Кулайка, поселений Степановского I, Каменный мыс и др. (Чернецов, 1953, табл. XI: 1–4; Косарев, 1969, рис. 23: 7; Чемякин, 2008, рис. 79: 29, 37–39, 41, 83: 22, 23). Основное отличие рассматриваемого наконечника от кулайских – более широкое основание пера и больший изгиб дуги лопасти. Некоторое сходство у данного наконечника имеется и с отдельными тагарскими экземплярами (Членова, 1967, табл. 12: 44). Датировка наконечника типа С-52, по аналогиям с кулайскими, определена в рамках IV–III/II вв. до н.э. (Чернецов, 1953, с. 226–229; Чиндина, 1984, с. 35).

Вторым хроноиндикатором, который позволяет отнести Заюрчимское I селище к позднеананьинскому времени, является железная уздечная подвеска (рис. 5: 2), т. н. «стилизованный налобник» (по Е.И. Савченко), которая была атрибутирована А.Д. Вечтомовым во время публикации как псалий (Вечтомов, 1967, с. 142, табл. I: 99; Васильев, 2002, с. 218, рис. 8). В средней части находки присутствует крупное круглое отверстие. Один из концов стержня подвески приострен и слабо отогнут, второй изогнут почти в виде знака вопроса в противоположную сторону и заканчивается изображением головы хищной птицы с выделенным изогнутым клювом и округлыми глазами.

Близкие к заюрчимской подвески с изображением головки птицы на длинной шее, изготовленные из бронзы и железа, известны на Среднем Дону, где они присутствуют в уздечных наборах кург. №1 могильника «Частые курганы» и кург. №1 мог. Дуровка (конец V – третья четверть IV в. до н.э.) (Замятнин, 1946, рис. 6: 1; Савченко, 2009, с. 259, рис. 10: 1, 2). Конструктивно к заюрчимской близка также подвеска из клада, найденного на территории Бельтинского II могильника в Чеченской Республике, но здесь загнутый конец стержня оформлен в виде головки травоядного животного (Виноградов, 1986, рис. 5). Подвески из железа со стилизованной головкой птицы, в виде шишички, конусовидной или каплевидной формы широко распространены на Среднем Дону, где они датируются с конца V по IV в. до н.э., иногда верхняя часть подвески закольцована (Савченко, 2009, с. 259, 260, рис. 10: 3–23). Железные «стилизованные налобники» известны по материалам Каменского городища, погр. 2, кург. 2 Хомина Могила, кург. №10 у с. Владимировка, погребению коня №3, находке на ритуальной дорожке кургана Огуз и др. (Граков, 1954, с. 138, табл. XIX: 6; Мозолевский, 1973, рис. 34: 9; Фіалко, 1996, рис. 3: 1–12; Савченко, 2008, с. 260).

Наибольший интерес среди этих комплексов представляют Хомина Могила и курган Огуз, возраст которых определен соответственно концом IV – началом III в. до н.э. и 330–325 гг. до н.э. (Мозолевский, 1973, с. 234; Фіалко, 1996, с. 96; Алексеев, 2003, с. 269, 297).

Встречены железные «стилизованные налобники» и у ранних сарматов – кург. №2, погр. 2 мог. Мечет-Сай (Смирнов, 1961, рис. 56: 7), здесь они датируются несколько раньше – первой половиной V/V вв. до н.э. (Берлизов, 2011, с. 184). В Филипповском курганном могильнике они встречены в погр. 1 кург. №11, еще одна подвеска найдена в 150–160 м к западу от кургана №1, датировка некрополя определена в рамках конца V–IV вв. до н.э. (Яблонский, 2013, кат. 1543, 1544, 1547, 3144).

А.Д. Вечтомов относил свою находку к V–IV вв. до н.э. (Вечтомов, 1967, табл. I: 99), однако, учитывая время существования подобных предметов у кочевников, необходимо сделать некоторую корректировку и датировать «стилизованный налобник» в пределах конца V–IV вв. до н.э., на что указывает большая часть аналогий.

Подкрепляют позднеананьинскую позицию времени существования Заюрчимского I селища бронзовый зооморфный крючок из сборов 1977 г. С.Н. Коренюка и А.Ф. Мельничука, который относится к группе 2.1.1. – волкообразные (рис. 5: 5). На этом крючке, на щитке, присутствует изображение волкообразного хищника со сдвоенной головой и общей пастью, непосредственно сам крючок без украшений – простой, на обороте петля для крепления на ремень (Васильев, 2002, с. 77–78). Подобные крючки известны в коллекциях Ананьинского могильника, в том числе и 1 экз., изготовленный из железа. Крючки данной группы, вероятно, являются упрощенной версией крючков группы 1.1.1., в основе композиции которых находятся воолкообразные и грифон. Аналогии группе 2.1.1. прослежены на Среднем Дону. Это железный крючок из кург. №11/16 у с. Мастюгино с сильно стилизованным изображением волкообразного хищника, дата его по железным наконечникам стрел, набору золотых бляшек и другим предметам определена IV в. до н.э. (Либеров, 1965, с. 27, табл. 32: 1; Гуляев, 1969, рис. 6; 2016, рис. 36; Савченко, 2004, с. 238, рис. 27: 6). В соответствии с датировкой мастюгинской находки зооморфные крючки группы 2.1.1. АКИО датированы IV в. до н.э.

Еще одной категорией предметов, которые можно рассматривать в качестве датирующих, являются глиняные статуэтки, которые встречаются лишь на памятниках позднего периода АКИО и в постананьинское время на поселениях пьяноборской культуры (Иванов, 1976, с. 308–312). Датировку всей этой серии предметов, антропоморфных, зооморфных и геометрических, можно ограничить пределами позднего периода АКИО – IV–III вв. до н.э. (Вечтомов, 1967, с. 137, рис. 187, 189; Иванов, 1976, с. 312; Голдина и др., 2013, с. 81, 83).

В коллекции Заюрчимского I селища присутствуют шесть изделий, выполненных в глиняной пластике (Голдина и др., 2013, с. 61, табл. Ж: 24), датировать которые следует в пределах IV–III вв. до н.э.

На основании приведенных выше данных, датировка позднеананьинского слоя Заюрчимского I селища может быть определена в границах конца V–III/II вв. до н.э.

На **Конецгорском селище (18)** также отмечен ряд хроноиндикаторов. Это наконечники стрел типа С-54 и С-92, стеклянная глазчатая бусина, псалии конецгорского типа и глиняные ритуальные фигурки.

Крупные, до 11 см, трехлопастные наконечники стрел типа С-54 с треугольным и башнеобразным вытянутым пером и внутренней втулкой. Известны два наконечника этого типа, первый происходит из Конецгорского селища (рис. 5: 27) (Збруева, 1952, табл. 42: 5), второй со стоянки **Бор I (170)** (Кузьминых, 1983, табл. XLVII: 18, 20). Форма пера наконечника из Конецгорского селища имеет вогнуто-выпуклые очертания, лопасти сильно опущены относительно среза втулки и оканчиваются заостренными шипами, шипы наконечника из стоянки Бор I утрачены. Аналогии наконечнику из Конецгорского селища прослежены в древностях кулайской культуры (городище Барсов городок I/20, Барсовский могильник, гора Кулайка, Мурлинский клад, Степановское городище, поселения Каменный мыс и Степановское I) (Чернецов, 1953, табл. XI: 1; Чиндина, 1984: рис. 12: 6–11; Чемякин, 2008, рис. 79: 38, 39, 83: 22, 23). В кулайских материалах отмечены аналогии и для борского наконечника с пером треугольной формы (гора Кулайка, Степановское I поселение, Саровка) (Чиндина, 1984, рис. 12, 6–11).

По кулайским аналогиям наконечники стрел типа С-54 датируются IV–II вв. до н.э. (Чернецов, 1953, с. 226–229; Чиндина, 1984, с. 35).

Трехгранные с внутренней втулкой сводчатые наконечники второго варианта типа С-92 с дуговидным вырезом базы в количестве 3 экз. (рис. 5: 21) присутствуют в коллекциях Конецгорского селища (Збруева, 1952, с. 237, табл. 42: 4; Кузьминых, 1983, табл. XLVIII: 3). Аналогии им имеются в скифских древностях среди наконечников 9 типа V–IV вв. до н.э. (Мелюкова, 1964, с. 24, табл. III), в том числе кург. 2 Семибратней курганной группы, время существования которой определено в рамках V–IV вв. до н.э. (Мелюкова, 1989, с. 113), или 460–425 гг. до н.э. (старшая группа) и 425–375 гг. до н.э. (младшая группа) (Алексеев, 2003, с. 296); в Казахстане в слое V в. до н.э. пос. Дингельдже (Медведская, 1972, табл. 2) и коллекциях тасмолинской культуры, датируемых V–III вв. до н.э. (Кадырбаев, 1966, рис. 66: 19). В раннесарматских памятниках такие наконечники датируются, в основном, IV вв. до н.э. (Мошкова, 1962, табл. 30). Исходя из принципа территориальной близости, наконечники стрел типа С-92 по раннесарматским аналогиям правомерно датировать IV или же IV–III вв. до н.э.

Из раскопок А.В. Збруевой на Конецгорском селище происходит крупная цилиндрическая бусина низких пропорций из синего стекла, украшенная глазками, в глазках синий диск окружен белым кольцом, подобная бусина известна в коллекции предметов из **Турбинского клада (171)** (Прокошев, 1940, рис. 3: 2). Наиболее близкие аналоги глазчатым бусинам из Турбина и Конецгора относятся к типу 78а (по Алексеевой) античных бус, судя по наличию в глазках следов керамической основы, на которой формировалось ядро; они относятся к ранним экземплярам, датируемым V–III вв. до н.э. (Алексеева, 1975, с. 68, табл. 15: 11).

Четвертым критерием отнесения Конецгорского селища к позднему периоду АКИО служат псалии (3 экз.) (очаг №9 и др.) т. н. «конецгорского» типа (рис. 5: 24), стержневые одно или двудырчатые, которые чаще всего изготовлялись из костей стоп медведя и трубчатых костей. Их объединяет оформление одного или обоих окончаний в виде головы медведя (?), расположенной поперек длинной оси псалия. Второй конец иногда оставался необработанным, сохраняя форму эпифиза (Вечтомов, 1967, с. 142). Эта категория находок встречена только на позднеананьинских памятниках и может служить в качестве дополнительного подтверждения позднего возраста памятника.

Аналогии конецгорским псалиям вне ананьинского мира немногочисленны. Наиболее ранние из изображений головы медведя на псалиях отмечены в скифских древностях Посулья в кург. 505 у с.Броварки, который датирован V в. до н.э. (Ильинская, 1957, с. 238; 1968, с. 132, 153 Галанина, 1977, с. 60, табл. 29: 19). Второй четвертью V в. до н.э. датированы двудырчатые стержневидные псалии из Хошеутова с изображением головы хищника, расположенной поперек длинной оси на одном конце (на втором – изображение головы верблюда) и двух окончаниях (Очир-Горяева, 2012, рис. 208: 4, 5, 211: 9, 10). Здесь же присуствуют псалии с головками травоядных, также расположенных поперек длинной оси (Очир-Горяева, 2012, рис. 209: 6, 7, 210: 8). Близки к конецгорским скульптурные головки хищников на железных двудырчатых псалиях из кургана №491 у г. Макеевка, датировка которых по греческой керамике и колчанному набору определена первой половиной V в. до н.э. (Галанина, 1977, с. 29, табл. 13: 5). Сходство контура головы животного на псалиях конецгорского типа и роговых псалиях кургана «Черная Гора» VI в. до н.э. у с. Абрамовка отмечает К. И. Корепанов (1981, с. 131), но, на мой взгляд, это изображение не имеет к медведю никакого отношения (Смирнов, 1964, с. 234, рис. 9: 2Г).

Непонятна ситуация с находкой костяной скульптурки, по форме аналогичной псалиям конецгорского типа (но без отверстия), на стоянке рязанской неолитической культуры Черная Гора (Цветкова, 1970, с. 150, рис. 26: 7). Возможно, он попал в слой стоянки эпохи неолита в результате позднего перекопа.

Зооморфные изображения на окончаниях двудырчатых псалиев в скифском искусстве распространены, в основном, в V в. до н.э. Немногочисленные находки подобных изделий в лесостепной Скифии связаны с началом – серединой IV в. до н.э., в степной Скифии они почти не известны (Петренко, 1967, с. 37; Алексеева, Булатович, 1990, с. 38, рис. 1: 14; Скорий, 1997, с. 40–41; Полидович, 2004, с. 153–161; Бабенко, 2005, с. 160, 164, рис. 4: 5, 20: 10, 11; Махортих, 2006, с. 63, рис. 11: 11–12; Махортых, 2012, с. 154, рис. 12: 11–12; Савченко, 2009, с. 234, 235, рис. 4: 17; Берлизов, 2011, с. 184; Бидзиля, Полин, 2012, с. 218, 219).

Лишь единичные экземпляры изображений на псалиях начала – середины IV в. до н.э. относятся к хищникам с головой, расположенной поперек длинной оси псалия. Тако-

вы бронзовые двудырчатые S-видные псалии из тризны (комплект №5) Гайматовой могилы (380 г. до н.э.), абрис головы хищников на которых близок к форме головы «медведей» на конецгорских псалиях (Бидзиля, Полин, 2012, с. 218, 219, рис. 313: 2, 314: 1–3). Подобным образом оформлены бронзовые двудырчатые псалии с восьмерковидным расширением в центральной части из кургана №13 у с. Русская Тростянка на Среднем Дону (Савченко, 2009, с. 234, рис. 2: 13). Изображения на окончаниях псалиев в последнем случае атрибутированы как головы «лошадки», но круглая форма ушей заставляет усомниться в этом определении. Датируется данное погребение концом V – первой половиной IV в. до н.э. (Савченко, 2009, с. 234).

Изображения хищников на окончаниях псалиев отмечены также в кургане №5 у аула Уляп, датированного концом V–IV вв. до н.э. (Масленицина, 1992, рис. 3: 16), а также среди находок из с. Мамайка в Ставрополье и из Осетии (Крупнов, 1960, табл. XIII: 6, 8).

Отдельную группу аналогий образуют двудырчатые и однодырчатые псалии из рога. Конструктивно очень схожа с «конецгорскими» псалиями находка из среднего слоя (VI–V вв. до н.э.) Пекшеевского городища на Среднем Дону. Это стержневой однодырчатый псалий, верхнюю часть которого украшает скульптурное изображение головки травоядного животного, расположенное поперек длинной оси (Медведев, 1998, рис. 9: 8; Полидович, 2004, рис. 5: 10). Некоторое сходство по конструкции с «конецгорским» имеют двудырчатые псалии, увенчанные с одной или двух сторон головкой грифона, размещенной поперек длинной оси – они отмечены в окрестностях г. Бийска, кург. №1 мог. Красный Яр на Алтае – и находке из окрестностей Кисловодска (Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 48, рис. 3; Полидович, 2004, с. 153, рис. 5: 4).

Таким образом, основное количество аналогий изображению хищника с головой, расположенной поперек длинной оси двудырчатого псалия, в скифском искусстве приходится на V–IV в. до н.э.

Псалии данного типа, происходящие из коллекции Конецгорского селища, можно датировать по находкам из слоя этого памятника других предметов-хроноиндикаторов и по аналогиям в рамках V/IV–III вв. до н.э.

Коллекция Конецгорского селища, кроме того, насчитывает 17 экз. предметов глиняной пластики (рис. 6: 2, 3) (Голдина и др., 2013, с. 59, табл. Ж: 30), время существования которых определено в рамках IV–III вв. до н.э. В этих же пределах, возможно, с захватом V в. до н.э., можно датировать и позднеананьинский слой Конецгорского селища.

Керамика, полученная А.В. Збруевой в результате раскопок на Конецгорском селище, имеет такие характерные черты глиняной посуды АКИО, как круглодонность, примеси раковины в глиняном тесте, наличие шнуровой орнаментации, присутствие здесь сложношнурового орнамента позволяет отнести часть керамического комплекса памятника к среднему периоду АКИО (Збруева, 1952, с. 254, табл. I: 5, 6, рис. 33). В то же время, значительный массив керамики представлен воротничкой и безворотничкой посудой с небогатой орнаментацией, основным элементом которой является раздельный двух и трехзубый штамп (рис. 7: 10, 12–15) (Збруева, 1952, табл. L: 6–8, табл. LI: 7). К сожалению, точных данных о количестве керамики с этим типом орнамента нет, но, по информации А.В. Збруевой, фрагменты с гребенчатыми оттисками составляли около 40% от всего массива глиняной посуды (Збруева, 1952, с. 256). Опираясь на время существования Конецгорского селища, установленное по предметам-хроноиндикаторам, коллекцию керамики, происходящую из культурного слоя Конецгорского селища, следуют датировать в рамках IV–III вв. до н.э., возможно, с захватом V в. до н.э.

Возраст материалов позднего периода АКИО на **городище Алтен-Тау (12)** определен по следующим категориям предметов-хроноиндикаторов: бронзовым наконечникам стрел С-41, С-50, С-66, С-94, С-98, костяному зооморфному крючку, проволочным кольцевидным подвескам с конусовидным завершением, псалиям «конецгорского» типа и предметам глиняной пластики (Черных, 1959; Борзунов, 1997; 1997а).

Трехлопастные наконечники стрел С-41 (рис. 5: 6) с треугольным пером, выступающей втулкой, доходящей до конца пера и заостренными концами лопастей, известны в пределах АКИО по находкам на городище Алтен-Тау и Юго-Камском костище (Поляков, 1967, с. 210; Борзунов, 1997, рис. 5: 20; 1997а, с. 207). Ближайшие аналогии данным наконечникам прослежены в колчанных наборах раннесарматских могильников среди наконечников стрел типа IXB, датируемых IV–II вв. до н.э. (Смирнов, 1961, с. 49, табл. IIIГ). Они встречаются в позднескифских царских курганах, таких как Краснокутский, Огуз, Чертомлык и др., которые датируются IV – началом III вв.

до н.э. (Смирнов, 1961, с. 49; Мелюкова, 1981, рис. 18: б, е; Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, рис. 64: 9). В пределах данных аналогий IV–III вв. до н.э., видимо, следует датировать и наконечники стрел типа С-41.

Наконечник С-50 датируется в рамках IV–III вв. до н.э. (подробнее см. выше) (Черных, 1959, рис. 7: 8).

Трехгранный наконечник С-66 (рис. 5: 20) с треугольной головкой и выступающей втулкой происходит из раскопок городища Алтын-Тау (1 экз.) (Кузьминых, 1983, табл. XLVII: 35). Аналогии ему прослежены в раннесарматских древностях, причем наиболее близок он IV типу прохоровских наконечников стрел (по К.Ф. Смирнову и М.Г. Мошковой), которые появились еще в конце VII – первой половине VI вв. до н.э. Однако мелкие экземпляры (Алебастрова гора, кург. 3; Бажиган и др.), подобные позднеананьинским наконечникам и в том числе наконечнику из Алтен-Тау, датируются IV–II вв. до н.э. (Смирнов, 1961, с. 52; 1964, рис. 40: 4, 50: 1б). У скифов данные наконечники представлены 1 вариантом типа 3, отдела 3 (по А.И. Мелюковой) (кург. 6 группы Частых курганов, кург. 3 у с. Мастюгино, кург. 2/23 у с. Мастюгино, Кара-Меркит, Волчанск I курган 8 погр. 3 и др.), где они датированы V–IV вв. до н.э. (Мелюкова, 1964, табл. 8: К, 1, Т, 1–3; Полин, Кубышев, 1997, с. 40, рис. 10: 8; Савченко, 2004, с. 188, рис. 11: 1, 22). Исходя из приведенных аналогий, мелкие наконечники типа С-66 можно датировать по скифским и прохоровским аналогиям V–III/II вв. до н.э.

Трехгранный наконечник типа С-94 (рис. 5: 4) с головкой треугольной формы и внутренней втулкой, грани пера гладкие, дуговидные с опущенными вниз шипами, также был выявлен на городище Алтен-Тау (Борзунов, 1997, рис. 5: 21; 1997а, с. 207). Аналогии наконечникам данного типа присутствуют в раннесарматских древностях, это наконечники стрел типа XVI по К.Ф. Смирнову и М.Г. Мошковой (кург. 11, 4 у с. Луговое), которые датированы IV – началом III вв. до н.э. (Смирнов, 1961, с. 57, табл. V, Г: 13 – 16). Близкие наконечники выявлены в материальной культуре скифов (кург. №6 в Башмачках, Гайманова могила, Краснокутский курган, Козёл, Огуз, Солоха и др.), в которых они датируются IV–III вв. до н.э. (Мелюкова, 1964, табл. 9, А: 2, 3; Б, 4, 5; В: 4, И: 2, 3, К: 5, 6, О: 9, П: 7; 1981, рис. 18: з; Бидзиля, Полин, 2012, рис. 527: 3, 4; 645: 12). Таким образом, наконечники стрел типа С-94 по скифским и раннесарматским аналогиям можно датировать в пределах IV–III вв. до н.э.

На городище Алтен-Тау, выявлен и один наконечник стрелы типа С-98 (рис. 5: 7) (Борзунов, 1997, рис. 5: 22; 1997а, с. 207). Он трехгранный, с узкой пирамидальной головкой и внутренней втулкой, грани наконечника гладкие, заточенные, база ровная с небольшими выступами-шипами. Аналогии ему происходят из раннесарматских комплексов IV в. до н.э. (станица Павловская, кург. 2/1888, 4/1888) (Смирнов, 1961, рис. 34: 1, 3, 4; Мошкова, 1963, табл. 15, 16). Данный наконечник также соотносится с четвертой хронологической группой скифских наконечников стрел по А.И. Мелюковой, подобные наконечники отмечены в Гаймановой могиле (первая пол. IV в. до н.э.), кург. 3, Владимировка, кург. 5, погр. 5 Кут, кург. 2, погр. 3 Никопольского могильника, кург. 14, погр. 2 Солоха и др., датированных, в основном, IV в. до н.э. (Мелюкова, 1964, табл. 9, Д: 3, З: 10, И: 5, М: 2; Полин, Кубышев, 1997, с. 40, рис. 3: 2, 8: 2, 10: 10, 21: 12; Бидзиля, Полин, 2012, с. 515, рис. 527: 5, 6). С учетом приведенных аналогий, датировка наконечников стрел типа С-98 определена рамками IV в. до н.э.

Костяной орнитоморфный крючок из коллекции городища Алтен-Тау относится к группе 5.1.1 (рис. 5: 11) (Борзунов, 1997а, рис. 6: 1). Это многочисленная группа крючков АКИО, широко представленная на памятниках АКИО как в кости, так и в бронзе. По распространенному мнению исследователей, прототипом для изготовления крючков этого типа АКИО (костяных и бронзовых) считаются крючки с изображением «летящих грифонов с распростертыми крыльями» из Среднего Подонья (Васильев, 2002, с. 80). Существует и альтернативная точка зрения, рассматривающая крючки группы 5.1.1. как результат более раннего местного развития и утверждающая заимствование этой категории предметов среднедонскими скифами (Ашихмина, Черных, Шаталов, 2006, с. 61). Действительно, такие крючки из бронзы и железа широко распространены в скифской культуре Среднего Дона: кург. №5 Колбино (первая половина IV в. до н.э.); кург. №29/21 (№2, 1906 г.) (IV в. до н.э.), 15/11 (конец V в. до н.э.), 47/30 (середина IV в. до н.э.) Мастюгино; кург. №4 (середина IV в. до н.э.) Русская Тростянка (Либеров, 1965, с. 27, табл. 32: 4, 5; Пузикова, 2001, с. 53, 61, 67, 86, рис. 13: 1, с. 105, рис. 32: 13,

с.148, рис. 7: 1; Савченко, 2001, с. 56, рис. 26: 12; 2004, с. 233–235, рис. 27: 1 – 4).[5]

На Нижней Волге орнитоморфный крючок с изображением птицы с распахнутыми крыльями известен по случайной находке у с. Кише, который отнесен В.С. Ольховским к крючкам с фигурно-пластинчатыми замками, датированными им IV в. до н.э. (Смирнов, 1961, с. 35, рис. 10: 1; Ольховский, 1999, с. 185, рис. II: 8; Савченко, 2004, с. 235).

Таким образом, все аналогии орнитоморфным крючкам группы 5.1.1. относятся к концу V–IV вв. до н.э., в этих же пределах, вероятно, датируются и крючки АКИО, как металлические, так и костяные.

Височная проволочная кольцевидная подвеска с конусовидным завершением из закрученного спиралью конца проволоки, раскованной в плоскую ленту (рис. 5: 8), найденная на городище Алтен-Тау в результате раскопок 1980–1982 гг., также может рассматриваться как хроноиндикатор (Борзунов, 1997, с. 177, рис. 5: 19). Такие подвески зафиксированы на ряде памятников финала АКИО (подобная, но с сомкнутым проволочным кольцом подвеска выявлена в погр. 26 Шиховского могильника), известны такие подвески и в материалах Уфимского мог. (Збруева, 1952, с. 43, прим. 2, табл. VI: 6; Васкул, 2002, рис. 14: 14).

Аналогии данным изделиям отмечены в белореченской культуре, где они известны в погр. №5, кург. 1 могильника Милованово 2, относящегося к березовскому этапу (IV/III–II/I вв. до н.э.) (Троицкая, Бородовский, 1994, табл. XXVIII: 3, 4, LII: 185). В рамках V–III вв. до н.э. датируются височные подвески с конусовидным завершением на Саяно-Алтае (могильник Новотроицкое I) (Шульга, Уманский, Могильников, 2009, рис. 122: 17, 19). Аналогичные подвески известны в Китае в материалах культуры Яньбулакэ в Синьцзяне второй половины VI–III вв. до н.э., причем большая часть этих находок относится к IV–III вв. до н.э. (Шульга, 2010, с. 105, рис. 53: 11, 84: 14).

Близкие височные подвески зафиксированы в пьяноборских могильниках Нижнего Прикамья: Ныргындинском II (погр. 3/1898, 1, 7, 11, 17, 18, 27 – 1954 г.), Уяндык (погр. 4, 17), Чегандинском II (погр. 5, 14–16, 19, 25, 31, 39, 62, 64, 68, 88, 92, 94, 99, 110, 113, 120, 122, 139, 159, 172, 175, 179, 184, 189, 192, 209, 212, 213) и др., где они датируются III в. до н.э. – II в. н.э. (Худяков, 1933, с. 18, табл. IX: 28; Генинг, 1970, с. 91, рис. 20: 22, табл. I: 1, 2; 1971, рис. 44: 1, табл. I: 1, 2; Голдина, 2004, рис. 101: 9).

Судя по массовым находкам подобных изделий в пьяноборских некрополях, распространение проволочных кольцевидных подвесок с конусовидным завершением приходится, в основном, на постаньинское время, а наличие этих подвесок в единичных случаях на аньинских памятниках свидетельствует об их поздней дате, вплотную смыкающейся с самым финалом АКИО. Данному факту не противоречат и аналогии, большая часть которых приходится на IV–III вв. до н.э., подтверждает эту дату комплекс погр. 26 Шиховского мог. с зеркалом прохоровского типа, датированный IV–II вв. до н.э.

Поздняя хронологическая позиция городища Алтен-Тау опирается также на находки псалиев конецгорского типа (3 экз.) – V/IV–III вв. до н.э. (рис. 5: 22, 23) и предметов глиняной пластики (3 экз.) – IV–III вв. до н.э. (Борзунов, 1997а, рис. 6: 2–4; Голдина и др., 2013, с. 60, табл. Ж: 27).

По представленным выше аналогиям дату формирования позднеаньинского слоя городища Алтен-Тау можно определить в границах конца V–III вв. до. н.э.

Одним из эталонных памятников позднеаньинского периода является **Гляденовское городище (костище) (20)**, которое отнесено к этому времени по наличию в его материалах бронзовых наконечников стрел типа С-44, С-46, бронзовой подвески с изображением медведя и предметов глиняной пластики.

Наконечник стрелы С-44 (рис. 5: 26) трехлопастной, длинный, с вытянутым, треугольной формы пером, заточенным бойком, лопасти которого заканчиваются приостренными шипами, длинная втулка далеко выступает за пределы пера. Фрагмент литейной формы для отливки наконечников С-44 найден здесь же, на Гляденовском костище (Спицын, 1901, Табл. XII: 34; Новокрещенных, 1914, с. 63, табл. XII: 30; Кузьминых, 1983, табл. XLVI: 58). Аналогии наконечникам С-44 известны на Нижней Оби на пос. Усть-Полуй, Айдашинской пещере, а также среди случайных находок на р. Печоре и в Западной Сибири на памятниках кулайской культуры (гор. Барсов городок I/20, пос. Каменный Мыс, Шеркалинский могильник, погр.11) (Чернецов, 1953, с. 126, 127, табл. II: *1, 3, 5, 6,* XXIV: 4; Чиндина, 1984, с. 34, рис. 12: 5, 22: 7; Чемякин, 2008, рис. 79: 40). На основании находки подоб-

[5] За основу датировки среднедонских курганов взяты определения Е.И. Савченко.

ного наконечника в Айдашинской пещере, комплекс которой датируется IV в. до н.э., общей датой существования усть полуйской культуры (IV в. до н.э. – I в. н. э.) (Чернецов, 1953а, с. 226, 227), датировкой находки из гор. Барсов городок I/20, которая найдена в колчанном наборе с двумя наконечниками стрел типа С-54 (IV–II вв. до н.э.) (Чемякин, 2008, с. 86, рис. 79: 38, 39), датой комплекса погр. 11 Шеркалинского могильника (II в. до н.э. – II вв. н.э.) (Чиндина, 1984, табл. 4), а также общей датировкой кулайской культуры (IV в. до н.э. – III в. н. э.) (Чемякин, 2008, с. 86, 92), наконечник типа С-44 в АКИО следует датировать не ранее IV в. до н.э. и не позднее II вв. до н.э., времени прекращения существования ананьинской КИО.

В единственном экземпляре известен в АКИО и наконечник стрелы типа С-46 (рис. 5: 10), он также происходит из Гляденовского костища (Спицын, 1901, табл. XII: 23; Кузьминых, 1983, табл. XLVI: 59). Трехлопастной наконечник типа С-46 имеет четко выраженные башнеобразные очертания пера и прямые лопасти, которые заканчиваются острыми опущенными шипами. Втулка выступает ниже шипов пера, ее длина немногим более чем 1/3 от общей длины наконечника стрелы. В средней части втулки отмечены три поперечных валика.

Подобные наконечники известны по находкам в Западной Сибири. Они выявлены в сборах и материалах, полученных в результате раскопок пос. Усть-Полуй В.С. Адриановым в 1935 – 1936 гг. (Мошинская, 1953, с. 72; Чернецов, 1953, с. 126, табл. II: 9, 10). Датируются усть-полуйские находки IV в. до н.э. – I в. н.э. (Чернецов, 1953, с. 227). Наконечник стрелы типа С-46 АКИО в свете этих аналогий правомерно датировать IV–III вв. до н.э., может быть, с охватом начала II в. до н.э., т.е. времени трансформации АКИО в культуры постананьинского времени.

В коллекции городища также присутствует бронзовая подвеска с изображением медведя, стоящего на вытянутых лапах с мощными когтистыми стопами, верхняя часть передних и задних ног украшена спиралями, на спине имеется небольшая петля (рис. 6: 4). По предположению Ст.А. Васильева, данная находка происходит из раскопок Н.Н. Новокрещенных (Васильев, 2002, с. 93, 299), но в публикации 1914 г. она отсутствует. Наиболее близкие аналоги данному изображению имеются на крючках группы 4.1.1. АКИО – IV в. до н.э. (см. ниже) и Новомордовской находке крючка или булавки – IV–III вв. до н.э. (см. ниже). В пределах IV–III вв. до н.э. можно датировать и гляденовскую подвеску.

В составе находок Гляденовского городища (костища) представлены три глиняных ритуальных фигурки (рис. 6: 1) (Голдина и др., 2013, с. 60, табл. Ж: 27), время бытования которых определено IV–III вв. до н.э.

Время формирования позднеананьинского слоя на Гляденовском костище по представленным выше хроноиндикаторам укладывается в рамки IV–III/II вв. до н.э.

Позднеананьинский возраст **Гремячанского I селища (19)** установлен по наличию наконечника стрелы типа С-98 (рис. 5: 9), который датируется IV в. до н.э. (подробнее см. выше), псалиям конецгорского типа (33 экз.) – V/IV–III вв. до н.э. (рис. 5: 16, 25) и глиняным ритуальным фигуркам (33 экз.) – IV–III вв. до н.э. Авторы полевых работ и исследований отдельных категорий предметов определили время существования памятника в рамках конца V/IV–II вв. до н.э. (Вечтомов, 1962, с. 87; 1967, с. 142, табл. I: 87, 153; Кузьминых, 1983: табл. XLVIII: 11; Мельничук, Оборин, 1989, с. 78; Коренюк и др., 2014; Голдина и др., 2013, с. 60, табл. Ж: 4), с нижней границей этой датировки следует согласиться, но верхний рубеж нуждается в дополнительном обосновании, и пока его можно определить III в. до н.э. На памятнике выявлена значительная коллекция позднеананьинской керамики (рис. 7: 1–5).

Хроноиндикаторами, позволяющими отнести **Тарасовское святилище (162)** к позднему периоду АКИО, являются наконечники стрел типа С-50 (1 экз.) – IV–III в. до н.э. (рис. 5: 18), С-66 (1 экз.) – V–III/II вв. до н.э., С-92 (2 экз.) – IV–III вв. до н.э. (рис. 5: 12) и бляшка с изображением животного (лягушки) (рис. 6: 5), которая также может быть датирована IV–III вв. до н.э. (Голдина и др., 2013, табл. 22: 4–6, 24: 1).

Бронзовая бляха выполнена в виде животного с округлой спиной и мощными когтистыми полусогнутыми лапами. Вытянутая голова с закругленой в верхней части пастью, без выделенных ноздрей и глаз, выполненный в виде восьмерковидного украшения с выпуклым шаром глазницы, характерное положение передних ног, а также отсутствие хвоста определяют её сходство с лягушкой. В то же время манера изображения частей тела тарасовской лягушки сближает её с изображениями частей тела медведей позднего периода АКИО, таких как мощные когтистые лапы,

украшение частей тела выпуклыми шаровидными и восьмерковидными изображениями, выпуклая спина. Соответственно и датировка бляшки с изображением лягушки должна лежать в таких же пределах, как и датировка бляшек и фигурок медведя IV–III/II вв. до н.э. Эту дату подтверждают и другие предметы-хроноиндикаторы из культурного слоя Тарасовского святилища.

Кроме того, в коллекции Тарасовского святилища представлено 77 глиняных ритуальных фигурок – IV–III вв. до н.э. (рис. 6: 11, 12) (Голдина и др., 2013, с. 63, табл. Ж: 1).

В пределах конца V–III вв. до н.э. датируют Тарасовское святилище и авторы полевых исследований (Голдина и др., 2013, с. 47).

Скородумский клад (11) является собранием предметов, найденных как археологами, так и местными жителями на размываемой части Скородумского селища. К позднему периоду АКИО Скородумское селище и клад позволяют относить находки бронзового зооморфного крючка, орнитоморфной бляхи и подвесок в виде колокольчика (Коренюк, Майстренко, 2011, рис. 2: 2, 3: 87–90, 93, 94, 4: 1).

Представленный в составе клада крючок типа 6.1.1. (рис. 5: 17) «волкообразный + грифон» (с несколькими «зеркальными» головами животных на щитке) происходит из сборов А.Д. Вечтомова в 1979 г. (Васильев, 2002, с. 81; Коренюк, Майстренко, 2011, рис. 4: 1). Щиток изделия содержит симметричные изображения голов хищников, соприкасающихся нижними челюстями, из шей хищников вырастают изображения голов хищных птиц, также симметричных и соприкасающихся клювами, на шеях хищников присутствуют полосы орнамента с небольшими выступающими квадратами, стержень крючка плоский, простой. Близких аналогий среди зооморфных крючков АКИО и Среднего Дона нет. По оформлению запора и крепления в виде петли данный крючок аналогичен крючкам группы 2.1.1. (IV в. до н.э.).

Крючок со щитком округлой формы и простым стержнем запорного окончания известен по вещевому набору из кург. №1 погр. 1 Шиповского могильника кара-абызской культуры, датированному IV–III вв. до н.э. (Пшеничнюк, 1976, с. 72, рис. 7: 4).

Стилистические особенности, и в частности раздвоенность головы хищника с распахнутой пастью и размещение головок птицы ближе к запору, позволяют соотнести скородумский крючок с зооморфными крючками типа 1.1.1. (конец V–IV в. до н.э.) и большей частью 2.1.1. (IV в. до н.э.). Видимо, в рамках IV–III вв. до н.э. следует датировать и крючок из Скородумского клада.

В составе клада выявлено 7 колоколовидных подвесок, четыре из них, конусовидной формы, с выделенной петлей для подвешивания, имеют прорези в виде завитков (рис. 5: 14, 15), три цельнолитые без прорезей, шлемовидной формы (рис. 5: 13) (Коренюк, Майстренко, 2011, рис. 3: 87–89, 93, 94).

Шлемовидные подвески имеют аналогии в материалах скифских и памирских памятников IV в. до н.э. в Волковцах, Солохе и др., крепление для подвешивания может быть выполнено в виде круглой петли или узкого ушка (Литвинский, 1972, табл. 24: 27; Ильинская, 1973, рис. 4: 20, 21; Мозолевский, 1979, рис. 21: 7, 100: 1, 2; Мелюкова, 1981, рис. 14, 18–21; Манцевич, 1987, с. 108, Кат.100, С.111, Кат.113, С.113, Кат.123, С.114, Кат.131; Тереножкин, Мозолевский, 1988, рис. 106: 8; Ковпаненко и др., 1989, с. 125, рис. 39: 16–18).

Аналогии подвескам с прорезями характерной формы в виде завитка или волны имеется в погр. 2, кург. 9 I группы курганов Шиповского могильника, которые датируются IV–III вв. до н.э. (Пшеничнюк, 1976, с. 74, рис. 6, 9).

Кроме того, в составе клада отмечена объемная фигурка бобра (?) (рис. 6: 10), близкая фигурке из погр. 26 Шиховского могильника, которое датировано IV–III/II вв. до н.э. (см. выше).

Наиболее близкие аналоги орнитоморфной бляхе из Скородумского клада (Коренюк, Майстренко, 2011, рис. 2: 2) присутствуют среди погребального инвентаря погр. 6 Котловского мог. (см. ниже), который датируется IV – началом III вв. до н.э. Вторая орнитоморфная бляха с изображением трехголовой птицы (Коренюк, Майстренко, 2011, рис. 2: 4) относится, по всей вероятности, к постаньинскому времени.

Две бронзовые бляхи в виде женских рельефных фигурок из этого клада и изображения на двух бронзовых трапециевидных подвесках авторы публикации клада отнесли к V–III и IV вв. до н.э. по аналогии с изображением на зеркале из погр. 26 Шиховского могильника (Коренюк, Майстренко, 2011, рис. 1: 2, 4). Это сопоставление, на мой взгляд, неубедительно и не может быть принято без комментариев и дополнительных аналогий.

Юго-Камское костище (21) отнесено к позднему периоду АКИО согласно следующим категориям предметов: наконечнику стрелы типа С-41 – IV–III вв. до н.э. (рис. 5:

3) и глиняной ритуальной фигурке – IV–III вв. до н.э. (Поляков, 1967, с. 210; Голдина и др., 2013, с. 61, табл. 41: 9).

На **городище Ермаши (63)** имеются две категории предметов, которые встречаются лишь в поздний период АКИО, это псалии конецгорского типа (5 экз.) – V/IV–III вв. до н.э. и глиняные ритуальные фигурки (12 экз.) – IV–III вв. до н.э. (Мокрушин, 2009, с. 99–101).

Известным памятником является **Галкинское городище (80)**, датировка позднеананьинского слоя на нем базируется на наконечнике стрелы типа С-50, время бытования которого определено IV–III в. до н.э. (подробнее см. выше) (Збруева, 1940, рис. 7: 1, 19; 1952, Табл.XXVI: 13).

Подкрепляет эту дату бляшка со стилизованным изображением опустившего голову медведя с округлой спиной, стоящего на согнутых передних ногах (рис. 6: 9). Статичность позы животного, в противоположность динамичным ранним изображениям, в ананьинском искусстве свидетельствует о том, что это изделие изготовили не ранее рубежа V–IV вв. до н.э. (Чижевский, Шаталов, 2012, с. 34). Подобная бляшка известна из Уфимского могильника (погр. 1, раскопки В.В. Гольмстен) (Васильев, 2002, с. 202, №45), время существования которого А.В. Збруева относила к переходному периоду от ананьинской эпохи к пьяноборской (IV–III вв. до н.э.) (Збруева, 1952, с. 43; АКБ, 1976, №1021). По своему облику бляшка из Галкинского городища вплотную приближается к бляшкам из Шиповского курганного могильника караабызской культуры, который датируется IV–II вв. до н.э. (Овсянников, 2013, рис. 2: 20), но в отличие от этих бляшек она не имеет дополнительных спиральных элементов в оформлении (АКБ, 1976, №1187). Близка к галкинской по стилистике, позе, выгнутой спине и мощным когтистым лапам бляшка с изображением лягушки (?) из Тарасовского святилища, датированного IV–III вв. до н.э. (Голдина и др., 2013, с. 43, 47, табл. 24: 1).

В пределах региона Средней Камы насчитывается 15 памятников, в составе коллекций которых присутствует лишь по одному хроноиндикатору.

В **Заосиновском I поселении (61)** это подвеска в форме лука с наложенной на него стрелой и круглой петлей для подвешивания в средней части тетивы (рис. 5: 19). Сам автор исследования памятника датировал слой, в котором была найдена подвеска, по керамике с орнаментом конецгорского типа – IV–III вв. до н.э. (Мокрушин, 1989, с. 82). Это не очень типичное для АКИО изображение лука, так как остальные три из Аргыжского и Буйского городищ и находка из Омар имеют бо́льшую детализацию. Обзор известных им украшений с изображением лука делали М.А. Дэвлет (Дэвлет, 1966, с. 70, 71), а затем С.Э. Зубов (Зубов, 2003, с. 12, рис. 1: 7, 10, 13), последний разделил их на две группы: луки в горите и луки с наложенной стрелой.

Наиболее близка по технике изготовления – штамповкой без лишних деталей – накладка из могильника Аймырлыг позднего этапа уюкской культуры в Туве V–III вв. до н.э., однако здесь лук помещен в налуч и не имеет наложенной на него стрелы (Мандельштам, 1992, с. 185, 196, табл. 75: 43).

Украшение в виде натянутого лука без петли для подвешивания происходит из погр. 37 мог. Старая Алейка большереченской культуры, датированного V–III вв. до н.э. (Троицкая, Бородовский, 1994, с. 15, табл. XVI: 3; Могильников, 1997, с. 53, рис. 41: 3). Идентична по композиции подвеска в виде лука с наложенной на него стрелой и петлей для подвешивания из раннесарматского кург. 1, группы VI у пос. Благословенский (Смирнов, 1964, рис. 37: 1ж), она выполнена техникой литья, но является именно подвеской, её датировку – IV в. до н.э. – правомерно использовать и в нашем случае.

Большой интерес представляет дореволюционная находка на **Висимской даче (73)** в Пермской губернии кинжала (рис. 6: 14), навершие которого украшено стилизованным дуальным изображением голов животных (волков, медведей?), обращенных затылком друг к другу. Рукоять кинжала рамчатого типа, боковые части рукоятки рифленые, центральная – покрыта стилизованным орнаментом, перекрестие дуговидное (изогнутое брусковидное) с намеченным переломом в центре (Спицын, 1902, с. 21, табл. XXVII: 8; Збруева, 1952, табл. XXI: 19).

Мечи и кинжалы с перекрестиями подобной формы относятся к мечам т. н. переходного типа и встречаются в раннепрохоровских древностях, где они датированы IV в. до н.э. (Мошкова, 1963, с. 33, табл. 18: 5, 6, 9, 10, 15; Клепиков, 2007, с. 54, рис. 1: 16–26, 28).

Значительно реже встречается оформление навершия в виде дуальных изображений хищных животных. Небольшая серия мечей с подобным изображением, но узким бабочковидным или крыловидным перекрестием

была найдена в Башкирии (Белебей; совхоз «Дёма») и Казахстане (Башкуль), всю эту серию Р.Б. Исмагилов датирует второй пол. V – началом IV вв. до н.э. (Горбунов, Исмагилов, 1976, рис. 1: 6, 12; Имагилов, 1980, с. 227, рис. 2: 1–4). Однако отличие в форме перекрестия заставляют предположить более позднюю хронологическую позицию кинжала из Висимской дачи, который ближе к кинжалам переходного типа, чем к кинжалам с узким бабочковидным перекрестием.

Видимо, кинжал из Висимской дачи следует датировать IV в. до н.э. в рамках времени бытования кинжалов переходного типа.

Второй кинжал или же короткий меч с разнонаправленными изображениями голов животных (рис. 6: 16) обнаружен случайно в поселке **Юг (74)** Пермского района Пермской области (Коренюк, Денисов, 2003, с. 39, рис. 1, 1а). Рукоять рамчатая или псевдорамчатая, в углублении держака с обеих сторон отмечены стилизованные латеральные изображения припавших к земле животных (волков?) по три с каждой стороны. Перекрестие узкое, бабочковидное.

Мечи с изображением противостоящих голов животных на навершии известны по находке в Самарской области у с. Петровка, в Барабинской лесостепи у с. Новотроицкое Новосибирской области, с. Ильинское в Оренбуржье, Минусинской котловине (коллекция И.П. Товостина) (Tallgren, 1917, Pl. III; Исмагилов, Скарбовенко, 1977, с. 90, рис. 3: 4; Соловьев, Мартынов, Теребило, 1987, рис. 1: 1, 4, 5; Денисов, Мышкин, 2008, рис. 3: 8). Они изображают как хищных животных, так и травоядных (телят). Все эти аналогии датируются в пределах V–IV вв. до н.э. (Смирнов, 1961, с. 15, рис. 1: 11; Соловьев, Мартынов, Теребило, 1987, с. 136).

Очень близки по профилю изображения разнонаправленных головок быков на плакированной золотой фольгой рукояти кинжала из кургана Чертомлык, который предположительно был изготовлен в V в. до н.э., а помещен в могилу в IV в. до н.э. (350/340 – 320 гг. до н.э.) (Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, с. 102, 130, 131, рис. 67, кат. 192; Алексеев, 2003, с. 297). Фактически навершие меча из пос. Юг является редуцированным и, видимо, более поздним подражанием чертомлыкскому изделию.

Аналогии изображениям на рамке держака кинжала из пос. Юг также широко представлены в степном мире. Многофигурные изображения хищных «припавших к земле» животных на рукоятях кинжалов известны в Среднем Подонье (кург. №3 ур. «Частые курганы», кург. №7 Колбино) – IV в. до н.э. (Либеров, 1965, рис. 2: 31, табл. 17: 1, 2; Савченко, 2004, рис. 2: 1, 3), Северном Причерноморье (Чертомлык (325–300 гг. до н.э.); кург. №8 из группы «Пять братьев» (350–320 гг. до н.э.); случайная находка из Дубновского района Ровенской обл. Украины) (Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, с. 222, кат. 184; Махортых, Иевлев, 2001, рис. 2: 2; Алексеев, 2003, с. 297; Гуляев, 2004, рис. 6), Южном Приуралье (Новая Богдановка, Петропаловка) – IV в. до н.э. (Смирнов, 1961, рис. 4: 5; 1976, рис. 1: 11; Исмагилов, 1978, с. 238, рис. 3), Северном Казахстане (Башкуль, случайная находка) – вторая пол. V – начало IV вв. до н.э. (Имагилов, 1980, с. 227, рис. 2: 3).

Таким образом, датировка меча из пос. Юг определяется датами его аналогов – IV в. до н.э., V в. до н.э. необходимо исключить, так как все находки непосредственно из погребальных комплексов датированы IV в. до н.э.

Случайные находки железных мечей из урочища **Малая Чеганда** (Чегандинское I городище?) **(77)** (рис. 6: 17) и пос. **Усть-Качка (79)** (рис. 6: 15) представлены изделиями с навершием в виде лап хищных птиц, соединенных поперечной перекладиной (Тальгрен, 1917, рис. 2, 3; Збруева, 1952, табл. XXI: 21; Коренюк, Денисов, 2000, с. 40, рис. 2). В основании навершия располагаются два кружка, навершие – узкое, бабочковидное, рукоять псевдорамчатая. Навершия такого типа иногда называют когтевидными. На хорошо сохранившемся экземпляре из урочища Малая Чеганда на рукоятке отмечено рифление боковых сторон и ряды вертикальных углубленных линий в ложбинке держака. Такие углубленные (гравированные?) линии, заштрихованные короткими поперечными чертами, на чегандинском мече окаймляют по периметру перекрестие, а внутри этого периметра койланогрифом переданы два завитка. Подобными горзонтальными линиями выделена также центральная часть клинка меча.

Ближайшие аналоги мечам с когтевидным навершием встречены в позднесавроматских и прохоровских древностях: в Нижнем Поволжье и Западном Казахстане (кург. №11 мог. Кара-Оба; ур. Исикай Астраханской области), Среднем Поволжье (случайная находка с. Безречье), Южном Приуралье (случайные находки из сс. Акназарово, Воскресенское, Вязовка, Дададановка, Новая Богдановка, Ивановка, Талачево, Тляумбетово, кург. №18

Новокумакского могильника), где они датированы по колчанному набору из кург. №18 Новокумакского могильника IV в. до н.э. (Ростовцев, 1918, табл. VII: 14, 15; Синицын, 1952, рис. 27: 1; Смирнов, 1961, с. 21–22, рис. 4: 3–7; Горбунов, Исмагилов, 1976, с. 241, рис. 1: 9, 10; Исмагилов, 1978, рис. 1: 1–4; Денисов, Мышкин, 2008, с. 65, рис. 4: 6, 8, 10). Известны они также в Зауралье (погр. 1, 4 кург. №V Воробьёвский I могильник) (Стоянов, Фролов, 1961, с. 61, рис. 30: 1, 2).

Однако опорными для датировки мечей с когтевидным навершием следует считать памятники скифского круга, которые датированы по греческому керамическому импорту. Мечи подобного типа встречены во впускном погребении кургана Солоха (400–375 гг. до н.э.), кург. №2 у с. Аксютинцы, кург. №3, погр. 2 Перещепино, кург. №2 Волковцы, кург. №4 в Оснягах, кург. №1 погр. 1 Елизаветовского могильника, погребении на пос. у с. Жаботин, ур. Стайкин верх и других, вся эта группа находок датирована концом V–IV вв. до н.э. (Миллер, 1910, с. 115, табл. V: 23а, 23б; Мерперт, 1948, с. 78, 79, рис. 22: 4; Смирнов, 1961, с. 21; Мелюкова, 1964, с. 58, табл. 20: 6, 8, 9; Манцевич, 1987, кат.48; Ковпаненко, и др., 1989, с. 121, рис. 38: 5; Алексеев, 2003, с. 36, 296; Махортых, 2012, рис. 10: 1, 4).

Исходя из этих аналогий, всю серию мечей и кинжалов с когтевидным навершием с территории АКИО следует датировать в пределах конца V–IV вв. до н.э.

Медалевидное зеркало из **Каракулинского могильника (84)** (рис. 6: 13) получено из дореволюционных раскопок И.Н. Смирнова (1895, с. 264, 265; Збруева, 1952, табл. XVII: 22). Зеркало представляет собой плоский диск, к которому отдельно прилита небольшая ручка подчетырехугольной формы, согнутой в петлю. Остальные предметы из данного погребения (глиняный сосуд, бронзовый наконечник копья и два предмета неопределенного назначения) не имеют датирующего значения. Близкое по форме зеркало, выявленное в погр. 194 Старшего Ахмыловского могильника АКИО (Патрушев, Халиков, 1982, табл. 33: 1б), датируется не позднее V в. до н.э., ввиду прекращения существования некрополя в это время.

«Медалевидный» тип зеркал массово распространен на Алтае (Кубарев, 1987, с. 92, рис. 34: *4, 7, 8;* 1991, с. 98, 99, рис. 25; 1992, с.90, рис. 27), в Забайкалье (Диков, 1958, табл. 1–12), Монголии (Волков, 1967, с. 129, рис. 16: 2, 3, 5), Казахстане, Ордосе и Туве (подробные ссылки Кубарев, 1991, с. 98–100), зеркало из Каракулинского могильника сопоставимо с третьим типом алтайских зеркал по В.Д. Кубареву, датированным V–II вв. до н.э. В тагарских древностях возраст таких зеркал определен более поздним временем III–I вв. до н.э. (Мартынов, 1979, с. 83, табл. 16; Курочкин, 1988, с. 21, рис. 15: 11, 12).

С учетом этих аналогий датировка зеркала из Каракулинского могильника может быть ограничена V–III вв. до н.э., где верхней границей является время прекращения существования АКИО.

Хронологическую позицию **Степановского городища (92)** определяет находка трехлопастного наконечника стрелы типа С-40 с треугольным пером, выступающей втулкой и заостренными концами лопастей (Черных, 2000, с. 8, рис. 5: 8). По сравнению с аналогичными наконечниками С-40 среднего периода АКИО, они имеют более крупные размеры. Судя по аналогиям в раннесарматских и сакских древностях, именно такие крупные наконечники, близкие к С-40, датируются IV–III вв. до н.э. (Смирнов, 1961, с. 49; Акишев, 1963, с. 120, 121, табл. на с. 117, IV–III вв.; Кадырбаев, 1966, с. 380; Медведская, 1972, с. 89, табл. II, IX).

Позднеананьинское время существования стоянки **Бор I (170)** (Кузьминых, 1983, табл. XLVII: 20) основывается на датировке, найденного здесь наконечника стрелы типа С-54, датированного IV–II вв. до н.э.

Турбинский клад (171), обнаруженный в 1926 г., представляет собой случайные сборы на Турбинском селище, часть из этих вещей относится к ананьинскому времени, часть к гляденовкому или ломоватовскому (Прокошев, 1940, 3: 2). Из предметов-хроноиндикаторов, которые относятся к позднему периоду АКИО, можно отметить только синюю глазчатую бусину типа 78а по Алексеевой, время существования которой находится в границах V–III вв. до н.э. (подробнее см. выше).

Кроме того, в составе клада присутствует объемная фигурка медведя с опущенной головой (рис. 6: 7), близкая фигурка была выявлена в погр. 26 Шиховского мог., датированного IV–III/II вв. до н.э. (см. выше), и близкие к скородумским подвески в виде человеческих ног.

Поселение Половинное I (65) отнесено к позднему периоду АКИО согласно наличию псалиев конецгорского типа (4 экз.), время существования которых определено в рамках

V – III/II вв. до н.э., и глиняных ритуальных фигурок (4 экз.).

Усть-Нечкинские I, II городища (94) отнесены к позднему периоду АКИО по находке в основании вала II наконечника стрелы типа С-50, время существования которого определено авторами раскопок в рамках V–III вв. до н.э., и керамикой ныргындинского типа (Перевозчикова, Черных, 2015, с. 129–131, рис. 6–8, 9: 2).

В составе коллекции предметов из селища **Болгары IX (114)** были найдены наконечники стрел типа С-50 (2 экз.), датируемые – IV–III вв. до н.э., и 12 ритуальных глиняных фигурок IV–III вв. до н.э., кроме того здесь отмечена керамика переходного от ананьинского к гляденовскому времени (Васильева, Коренюк, Перескоков, 2015).

Восемь памятников: Юшковское гор. (93) (рис. 6: 6, 8), Чегандинское I гор. (176), Быргындинское IV пос. (177), Мало-Никольское I гор. (179), Момылёвское гор. (180), Усть-Сарапульское гор. (181), Яромасское гор. (182), Субботинское I гор. (183) содержат в составе своих коллекций лишь хроноиндикаторы второго порядка: глиняные ритуальные фигурки и керамику, которые позволяют отнести их позднему периоду АКИО.

Возраст остальных памятников региона Средняя Кама (всего 58) опирается на комплексы с керамикой конецгорского и ныргындинского типа. Большая часть памятников отнесена к этому времени по определениям авторов раскопок и данных археологических карт: Протасы мог. (9) (рис. 7: 6–9, 11), Вятское (Мошкаровское верхнее) гор. (70) (рис. 8: 1–6), Обуховское гор. (83), Гавриловское пос. (90), Кремлевское сел. (91), Усть-Нечкинское I пос. (95), Бардымское I гор. (96), Красноярское II сел. (97), Калиновка I гор. (98), Калиновский пруд I сел. (99), Толстик I пос. (100), Антоновцы I гор. (101), Абрамово II пос. (102), Горы III сел. (103), Верхний Ирьяк II сел. (104),. Устиново III сел. (105), Устиново II мог. (106), Вязники III сел. (107), Вязники IV сел. (108), Баш-Култаево II гор. (109), Болдино V сел. (110), Болгары IV сел. (111), Болгары V сел. (112), Болгары VIII сел. (113), Болгары X сел. (115), Гляденовское I сел. (116), Гляденовское II сел. (117), Городок пос. (118), Дворцовая Слудка I пос. (119), Дворцовая Слудка II сел. (120), Заозерье III пос. (121), Кичаново I сел. (122), Кичаново V сел. (123), Копылы I сел. (124), Косогоры I сел. (125), Малое Савино I сел. (126), Мокино I пос. (127), Мокино III сел. (128), Мокино IV сел. (129), Петровка IV сел. (130), Половинное II сел. (131), Половинное III сел. (132), Половинное IV сел. (133), Полюдово I сел. (134), Полюдово II сел. (135), Чащевка I сел. (136), Шумки I сел. (137), Шумки II сел. (138), Волчья Грива I сел. (139), Крохово I пос. (140), Огурдино I пос. (141), Большая Головниха II пос. (142), Большая Головниха V пос. (143), Большая Головниха VII пос. (144), Ремзавод мог. (158), Юньга II гор. (159) (рис. 8: 7–10), Суботинское I городище (172), Мокино I, поселение-могильник (173) (О государственном, 2000; Казанцева, 2004; Перевозчикова, 2009; Голдина, Черных, 2011; Коренюк, 2012; Ашихмина, 2014).

4. Регион Нижняя Кама (до устья р. Кама)

В регионе Нижняя Кама насчитывается 23 позднеананьинских памятника, в том числе четыре могильника позднего периода АКИО.

Для данного региона было получено четыре даты по ^{14}C, которые характеризуют время существования трех памятников: 1) **Зуевоключевского I гор. (25)** (по дереву из вала получено две даты: 2245±25 (390–350 CalBC) **Ле-6493**; 2280±30 (400–360 CalBC) **Ле-6494**) (Черных, 2009, табл.1, *2, 3*); 2) **пос. Курган (3)** (по керамике получена одна дата: 2348±70 (540–360 CalBC) **SPb-758** (рис. 12: 8); 3) погр.170 **Мурзихинского II мог. (1)** (по керамике получена одна дата: 2277±120 (520–170 CalBC) **SPb-761** (рис. 12: 2).

По предметам хроноиндикаторам к позднему периоду АКИО отнесено 14 памятников: Котловский мог. (3), Кырнышский мог. (4), Ананьинский мог. (6), Грахань гор. (7), Зуевский мог. (24), Зуевоключевское I гор. (25), Омарский починок мест. (62), Каменный Лог (Быргындинское II) гор. (69), Зуевоключевская I находка (85), Ныргындинское I гор. (87), Подгорно-Байларская III ст. (174), Татарско-Суксинское пос. (175), Танайское V сел. (184), Усть-Мензельское гор. (186).

Самый известный памятник АКИО – **Ананьинский могильник (6)**, является одним из наиболее обеспеченных хроноиндикаторами памятников региона, все выявленные здесь предметы позднего периода относятся к случайным находкам.

В коллекции некрополя учтены три экз. трехгранных мелких наконечников стрел С-64 со сводчатой головкой и выступающей втулкой (рис. 9: 10–12) (Кузьминых, 1983, табл. XLVII: 32–34). Они являются продолжением линии развития более ранних – крупных наконечников стрел С-64. Ближайшие аналогии, выявленные на памятниках савроматов и в Казахстане, соответствуют III типу

К.Ф. Смирнова. В Казахстане, Южном Приуралье и Поволжье они датированы IV–II вв. до н.э. (Смирнов, 1961, с. 52; Медведская, 1972, табл. 2: III). На основании этих аналогий датировка мелких наконечников С-64 из памятников АКИО может лежать в пределах IV–III/II вв. до н.э.

На территории могильника была найдена серия зооморфных металлических крючков. Вся серия была разбита на типы согласно типологии Ст.А. Васильева (2002).

Тип 2.1.1. Хищники, волкообразные (со сдвоенными головами животные с общей пастью на щитке и простым крючком). На территории Ананьинского могильника было найдено 3 экз. крючков данного типа (НМФ 1400-351, НМФ 1400-564, ГИМ) (рис. 9: 2, 6, 7). Большая часть крючков изготовлена из бронзы, и лишь один (НМФ 1400-564) железный (рис. 9: 6).

Аналогии данной группе крючков также прослежены на Среднем Дону; это железный крючок из кург. №11/16 у с. Мастюгино, дата которого по железным наконечникам стрел, набору золотых бляшек и др. определена IV в. до н.э. (Либеров, 1965, с. 27, табл. 32: 1; Гуляев, 1969, рис. 6; 2016, рис. 36; Савченко, 2004, с. 238, рис. 27: 6). В соответствии с датировкой мастюгинской находки, зооморфные крючки группы 2.1.1. АКИО датированы IV в. до н.э.

Из сборов на территории Ананьинского могильника происходит один крючок из бронзы типа 3.1.1. (рис. 9: 5) с головой волкообразного животного на щитке и простым крючком (НМФ 1400-352).

Близкий ананьинскому крючок, изготовленный из железа, отмечен в кург. №7 у с. Русская Тростянка, по железному мечу он датируется концом V–IV в. до н.э. (Либеров, 1965, с. 27, табл. 32: 9; Пузикова, 2001, с. 128–130, рис. 10: 8; Савченко, 2004, с. 238, рис. 27: 7; Ворошилов, Медведев, 2007, с. 80, рис. 2: 8; Гуляев, 2016, рис. 35). В этих же пределах возможна и датировка крючка из Ананьинского могильника.

С территории Ананьинского могильника происходят случайные находки S-видных височных подвесок (МАЭ: №1300-I-48; НМФ: 1400-358) (рис. 9: 20, 21). Аналогии данным подвескам отмечены на Среднем Дону. Они известны в кург. №10 могильника Частые курганы, где найдено подобное изделие, выполненное из золота (Замятнин, 1946, рис. 26). В вещевой комплекс этого кургана также входил бронзовый крючок с головами волка, выполненный в стиле т.н. «симметричного удвоения» (Замятнин, 1946, рис. 27: 3), бытовавший в середине – второй половине IV в. до н.э. (Либеров, 1965, табл. 31: 4 – 8, 10, 12, 32: 2, 3, 6, 9, 16; Вольная, 2009, с. 268, рис. 5: 1–7; Савченко, 2004, с. 234). Близкое по форме железное изделие было выявлено и в кург. №20 могильника Дуровка, датированном по греческой амфоре первой пол. IV в. до н.э. (Пузикова, 2001, с. 200, рис. 57: 3).

В коллекциях могильников кара-абызской культуры: Охлебининском, Шиповском, Уфимском – бронзовые S-видные подвески были обнаружены в погребениях, которые датируются большинством исследователей IV–II вв. до н.э. (Пшеничнюк, 1968, рис. 6: 3; 1993, рис. 4: 2; Овсянников, Яминов, 2003, рис. 9: 4; Овсянников и др., 2007, рис. 26: 3; Воробьева, 2014, с. 314, рис. 5: 1, 2, 4; Красноперов, 2014, рис. 2: 1–4, 3: 1).

Аналогии S-видной височной подвеске известны также в материалах постананьинского времени, они встречены в могильниках икской стадии чегандинской (пьяноборской) культуры: Икском I, Чегандинском II (погр.17), Ныргындинском I (уч.Г7, С9) (Генинг, 1970, рис. 20: 20, табл. I: 17; 1971, табл. I: 17; Голдина, 2004, рис. 101: 10). Более точную дату – II в. до н.э. по античным бусам типа 193д[6] для ряда погребений Икского могильника (погр. 28, 31, 66), содержащих S-видные подвески, обосновал А. А. Красноперов (Красноперов, 2014, с.335, рис. 5: 3, 8–10).

Видимо, S-видные височные подвески, также как и проволочные кольцевидные с конусовидным завершением, относятся к самому финалу АКИО и являются одним из тех типов материальной культуры, которые свидетельствует о преемственности между АКИО и пьяноборской общностью.

В коллекции Национального музея Финляндии имеется бляха из сборов на территории Ананьинского могильника (НМФ: 5381: 65) (рис. 9: 4), приобретенная А.М. Тальгреном в 1909 г. (Карпелан, Уйно, 2009, с. 23, рис. В). Бляха изготовлена в виде хищного животного (медведя?) с массивными лапами, в месте перехода передней лапы в туловище отмечен рельефный элемент, образованный выпуклым завитком, пасть животного оскалена, ухо круглое, верхняя часть бляхи имеет трапециевидное расширение, на конце которого отмечен двурядный орнамент из треугольных вдавлений. Близкая бляха выявлена в погр. 28 Шиховского мог., датируются такие

[6] По Е.М. Алексеевой.

бляхи так же, как и простые подчетырехугольные длинные бляхи с двурядным орнаментом из треугольников на щитке и двумя петлями для крепления на обратной стороне – IV–III вв. до н.э. (см. выше).

Из сборов с территории Ананьинского могильника происходит бронзовая пряжка (ГЭ: №1749-42) из округлого прутка, на рамке овальной или деформированной округлой в плане формы, по бокам имеется запорное устройство в виде неподвижного изогнутого язычка или шипа, а с другой стороны присутствует грибообразный выступ, или «шишечка», для крепления к ремню (рис. 9: 22).

Массивные пряжки с шишечкой на рамке появляются у савроматов еще в VI–V в. до н.э., таковы подпружные кольцевые пряжки, изготовленные из бронзы, из мог. Пятимары I (кург. 8), Мечет-Сай (кург. 2) и кург. у пос. Черниговский (Смирнов, 1964, рис. 9: 1б, 21: 2б, 28: 11, 12, 14).

Значительно ближе по размерам, толщине прутка, а иногда и форме бронзовые и железные пряжки с одиночным грибообразным или стержневым фиксатором на рамке из скифских могильников Северного Причерноморья и Среднего Подонья IV в. до н.э.: мог. Ближнее Стояново (кург. 7), кург. Козел, мог. Колбино (кург. I-40), Мелитопольский кург., Толстая могила, Страшная могила, мог. Русская тростянка (кург. 7, , 9, 10, 14, 17, 18, 40) и др. (Ильинская, 1973, рис. 1: 1, 2: 9, 11, 4: 8, 10, 5: 7, 8: 16, 18, 12: 1–7, 13; Алексеев и др., 1991, с. 87; Савченко, 2009, с. 246, рис. 7: 1–14; Шевченко, 2009, рис. 46: 13).

Известны пряжки и с тремя грибообразными фиксаторами, которые в Северном Причерноморье имеют более сложную форму, чем в Среднем Подонье: Днепрорудный (кург. 6), кург. Гайманова могила, мог. Носаки (кург. 4), кург. 8 у с. Редвинцы, мог. Русская тростянка (кург. 10, 14), Чмырева могила и т.д. (Савченко, 2009, рис. 7: 15–17; Бидзиля, Полин, 2012, с. 191–194, рис. 64: 1, 4, 54: 2, 3, 13, 80: 1, 282). С. В. Полин датирует всю эту группу пряжек концом V – первой пол. IV вв. до н.э.

Круглорамчатые пряжки со стержневым фиксатором известны и в раннесарматских древностях в могильниках: погр. 26 кург. 19, погр. 7 кург. 20 мог. Политотдельский, Кара-Оба, у г. Ленинск, Старые Киишки (кург. 11, 13, 14, 20), погр. 7 мог. Тулубай (Исянгильдино I), но здесь они датированы в широких пределах IV–II вв. до н.э. (Мошкова, 1960, рис. 1: 7, 8; Садыкова, 1962, табл. III: 8, 14, IV: 13, VII: 2, 19, IX: 19, XII: 4; Смирнов, 1989, табл. 71: 48, 52, 53; Исмагил, Сунгатов, 2013, с.67, рис. 38: 2).

Интересны восьмерковидные бронзовые пряжки, на которых присутствует неподвижный изогнутый язычок и грибообразные выступы (от одного до трех) в центре и противоположном крае рамки из сарматских: кург. у дер. Ильтуганово, кург. 1, погр. 1 мог. Октябрьское I (по всей вероятности, II–I вв. до н.э. по кинжалу с кольцевым навершием), погр. 6 мог. Тулубай (Исянгильдино I) (сер. III – II вв. до н.э.) и кара-абызских Южного Урала: погр. Биктимировского, погр. 82 Охлебининского памятников, где они датированы III–II вв. до н.э. (Мошкова, 1960, табл. 1, рис. 1: 1–4; Садыкова, 1962, табл. XIII: 1; Пшеничнюк, 1968, с. 87, рис. 16: 6, 7; 1973, с. 187; Исмагил, Сунгатов, 2013, с. 40, 67, рис. 14: 6, 38: 4).

Поздним развитием этой традиции, вероятно, являются круглорамчатые пряжки с неподвижным язычком и тремя грибообразными выступами на противоположной стороне рамки из кара-абызских памятников (Овсянников и др., 2007, с. 70, 71, рис. 29: 3, 4, 30: 1, 4, 31: 11).

Однако наиболее близка к пряжке из Ананьинского могильника овальная пряжка из погр. 3, кург. 7 Быковского мог., датированного автором раскопок II–I вв. до н.э., хотя основания такого датирования неясны (Смирнов, 1960, с. 191, 255, рис. 9: 5; Мошкова, 1960, рис. 1: 6). Близкая по пропорциям пряжка с тремя шпеньками из погр. 26 кург. 19 мог. Политотдельское датирована III–II вв. до н.э. (Мошкова, 1960, табл. 2, рис. 5).

Более поздние пьяноборские образцы (II/I в. до н.э. – II в. н. э.) имеют значительно более массивную круглую рамку и столь же массивный, с плоской головкой шпенек для крепления к ремню (Мошкова, 1960, рис. 3: 1, 2; Генинг, 1971, табл. VII: 1, 2; Голдина, Красноперов, 2012, табл. 20: 8, 86: 1, 210: 1, 2, 15, 17, 18; Голдина, Бернц, 2016, рис. 2: 5, 9).

Таким образом, время бытования бронзовой пряжки с неподвижным запором из Ананьинского мог. ограничено аналогиями из погр. 3, кург. 7 Быковского мог. и погр.26 кург. 19 мог. Политотдельское, конструктивные особенности запорной системы и крепления к ремню сближают её с восьмерковидными пряжками раннесарматского времени. Исходя из этих фактов, находку из Ананьинского мог. следует датировать III–II в. до н.э. По всей вероятности, данная пряжка является еще одним дополнительным свидетельством

преемственности между АКИО и пьяноборской общностью.

Не менее известным памятником, в коллекциях которого были выявлены хроноиндикаторы, является **Зуевский могильник (24)**.

В погр. 123, 155 этого могильника отмечены наконечники стрел типа С-34 (рис. 9: 14–16) в их грацильном варианте, который сменил более крупные, распространенные в более раннее время. Эти наконечники зафиксированы в материалах памятников позднего периода АКИО и в раннекарабызских могильниках (Пшеничнюк, 1976, рис. 5: 4–12; Кузьминых, 1983, с. 108, табл. XLIV: 2, 15, 20, 21, 31–38, 42–83). Аналогии им прослеживаются среди прохоровских наконечников стрел типа VIГ, которые по сравнению с ранним временем становятся более мелкими. Датируются эти «мелкие» наконечники стрел у ранних сарматов IV–III вв. до н.э. (Смирнов, 1961, с. 47, табл. IIГ: 97 – 107; Мошкова, 1962, рис. 27, V, А, Б; 1963, табл. 14, VI, А, Б; 1974, рис. 2: 12, 58).

Наконечники типа С-64 (рис. 9: 13) из погр. 212 Зуевского могильника датируются по аналогиям (см. выше) IV – III/II вв. до н.э.

Второй группой предметов-хроноиндикаторов, выявленных в Зуевском могильнике, являются кинжалы (2 экз.).

Железный кинжал из погр. 27 Зуевского могильника (рис. 10: 4) типа I,2 (по Халикову) с брусковидным или валикообразным навершием не имеет перекрестия (Худяков, 1933, с. 11, табл. II: 15). Наиболее близкие аналогии навершию брусковидной формы с полуовальной верхней частью встречены в материалах могильников Нижнего Поволжья, датируемых второй половиной V – первой половиной IV вв. до н.э. (Скрипкин, 2007, рис. 3: 1, 4–6, 7). На некоторых рукоятях этих мечей отмечена имитация рамчатой рукояти, известна она и на кинжалах с другими навершиями (Скрипкин, 2007, рис. 3: 1, 7, 8).

Железный кинжал из погр.143 Зуевского могильника (рис. 10: 9) имеет узкий длинный клинок – 21,2 см при общей длине 31,4 см, рукоять плоская, с расширением в верхней части (в настоящее время верхняя часть рукояти утрачена), перекрестие бабочковидное, небольшое (Худяков, 1933, с. 13, табл. III: 6, 10; Збруева, 1952, табл. XXI: 10а; Кузьминых, 1983, с. 133, табл. LV: 1).

Кинжал помещен в литые с овальным устьем бронзовые ножны (тип НК-4), верхняя часть их трактована в виде бабочковидного расширения для размещения в нем перекрестия, нижняя часть ножен сужается по отношению к верхней.

Обе стороны ножен оформлены в разном стиле. На одной присутствует сквозной орнамент в виде ажурной решетки с геометрическими фигурами из прямоугольников в верхней части и треугольников в нижней, по центральной линии ножен проходит сплошная линия, разделяющая орнаментальное поле на две равные части. Расширение перекрестия оформлено в виде двух сквозных сегментов, разделенных пополам.

Вторая сторона ножен сплошная, и при первой публикации кинжала никаких изображений на ней не было отмечено. В дальнейшем, вероятно, после расчистки поверхности от окислов, были выявлены изображения, выполненные рельефными линиями. Верхняя часть ножен следует очертаниям перекрестия в виде бабочковидных выпуклостей, ниже отмечена волнистая линия, трактовавшаяся А.В. Збруевой как змея (Збруева, 1952, с. 102). Под волнистой линией отмечено изображение стоящего оленя, повернутого вправо, голова его поднята и смотрит прямо, большие (на всю длину тела) ветвистые рога откинуты назад, под рогами отмечено опущенное вниз ухо с ямкой-углублением в нем. В нижней четверти ножен присутствует изображение второго оленя, оно также повернуто вправо. Олень стоит на прямых ногах, рога длинные, ветвистые, морда расположена прямо, ухо с ямкой-углублением смотрит вниз. А.В. Збруева отмечала открытый рот нижнего изображения оленя.

Традиция изображения оленя в скифском искусстве была распространена, в основном, в VII–V вв. до н.э., но стоящие олени присутствовали на раннем этапе в единичных экземплярах (Королькова, 2006, с. 38, 39; Канторович, 2009, с. 249). Образ оленя из погр. 143 Зуевского могильника по способу передачи, более грубому, чем скифское, статичной позе животного, особому вниманию к изображению рогов, ближе к более поздним савроматским и скифским аналогам.

Наибольшее количество изображений стоящего оленя в статичной позе с ветвистыми рогами выявлено в кург. 1 Филипповского могильника, датированного V–IV вв. до н.э. или же концом V – началом IV вв. до н.э. (Королькова, 2006, с. 40, табл. 2: 2–4, 3: 1, 3–5; 5: 1; 8: 1; Пшеничнюк, 2012, с. 87–89, рис. 11, 15: 2, 19, 20, 34, фото. 3, 4). Характерной особенностью филипповских оленей является именно статичность изображения, акцент

на рогах, сопоставимых или превышающих по размеру тело; многочисленны изображения оленя стоя, с прямо посаженной головой (Пшеничнюк, 2006, с. 28, 34, рис. 4–7).

Изображения т. н. «реалистического» типа стоящего оленя с огромными ветвистыми рогами отмечены на бляхах Биктимировского III, Охлебининского, Шиповского грунтового и курганного I могильников раннего этапа кара-абызской культуры, датирующихся IV–III вв. до н.э. (Королькова, 2006, табл. 8: 3–6; Овсянников, 2006, рис. 1: 1–10, 12; Савельев, 2008, с. 70, рис. 1: 7–13). Однако они более фантастичны, и опущенное вниз ухо с ямкой у них отсутствует. Передача уха ямкой–углублением является характерной чертой «алтайского» звериного стиля, который проникает на запад в V в. до н.э. и заимствуется носителями АКИО (Членова, 1967, с. 141, табл. 25: 21, 24, 34: 2, 6, 8, 9; Чижевский, Шаталов. 2012, с. 33), присутствует этот элемент и на синхронных изображениях оленей Европейской Скифии (Канторович, 2009, рис. 2, 3).

Подобные изображения стоящих оленей с большими раскидистыми рогами известны в скифских древностях, относящихся к т.н. «нимфейско-уляпскому» и «аксютинецко-волковецкому» типам, датированным V – концом IV вв. до н.э. и V–IV вв. до н.э. соответственно (Канторович, 2009, с. 247, рис. 2: 1, 2, 3: 1, 4). Скифские аналоги, по мнению А.Р. Канторовича, могут рассматриваться в качестве возможных прототипов филипповских оленей (Канторович, 2009, с. 252), которые, в свою очередь, являются прототипами для более поздних кара-абызских (Королькова, 2006, с. 41, 42; Савельев, 2008, с. 72; 2008а, с. 116–136; Канторович, 2009, с. 246).

Изображение оленя из погр. 143 Зуевского могильника ближе к более ранним скифским и филипповским аналогам. Уточняет датировку данного погребения форма перекрестия железного кинжала. Кинжалы с навершием, аналогичным зуевскому и с почковидной формой перекрестия, известны в Нижнем Поволжье в кург. 6 и 11 Аксеновского I могильника, датированных второй половиной V – началом IV вв. до н.э. (Скрипкин, 2007, с. 48, рис. 3: 10; Клепиков, 2007, рис. 1: 12). Верхняя граница времени существования мечей с таким перекрестием А.И. Мелюковой определена в границах конца V в. до н.э. (Мелюкова, 1964, с. 60). Учитывая существующие аналогии, дату кинжала из погр. 143 Зуевского могильника можно определить в рамках второй половины – конца V – начала IV вв. до н.э.

S-видные височные подвески из погр. 43, 185 Зуевского могильника (рис. 9: 24) близки подобным подвескам из Ананьинского могильника и могут быть датированы в пределах всего позднего периода АКИО – IV–III/II вв. до н.э.

По всей вероятности, на территории могильника была сделана и **Зуевоключевская I находка (85)** железного кинжала с сильно загнутыми раскованными волютами, рукоять его имеет углубление в средней части, перекрестие брусковидное, согнутое под тупым углом (рис. 10: 3) (Збруева, 1952, табл. XXI, 12). Подобные брусковидные, согнутые под тупым углом, перекрестия появляются еще на кинжалах с брусковидными навершиями Северного Кавказа (Луговой могильник) (Крупнов, 1960, с. 281, рис. 47: 1–3). Серия таких кинжалов с антеновидными навершиями также происходит с Северного Кавказа (Шалушкинские, Николаевский и Мескер-Юртовский курганы) VI–V вв. до н.э. (Махортых, 1991, с. 58).

Подобным образом оформлялись перекрестия кинжалов переходного от савроматского к раннесарматскому типу, но форма навершия, слабоизогнутая, серповидная, резко отличает их от зуевского кинжала (Клепиков, 2007, рис. 1: 16, 18, 19; Пшеничнюк, 2012, с. 88, рис. 27: 1, 66, 127: 15).

Ближайшие аналогии данному кинжалу происходят из городецких (находка под Вольском) и савроматских (с. Осьмушкино на Бузулуке) древностей, датированных второй половиной V – первой половиной IV вв. до н.э. (Смирнов, 1961, с. 19, рис. 3: 4; Скрипкин, 2007, рис. 4: 1). Судя по общей тенденции развития савроматского оружия, переход от бабочковидных перекрестий к брусковидным, перегнутым посередине, происходит во второй половине V в. до н.э. (Гуцалов, 2007, с. 13), на этот промежуток времени падает, вероятно, бытование кинжала из Зуевского могильника, с заходом в начало IV в. до н.э.

Зуевоключевское I городище (25) отнесено к позднему периоду АКИО по наличию следующих предметов хроноиндикаторов: наконечников стрел типа С-40, S-видной подвески, бронзовой бляшки и глиняных ритуальных фигурок (Черных, 2009, рис. 10: 2, 7–9; Голдина и др., 2013, с. 63, 64, табл. Г, табл. 31–34; Ашихмина, 2014, с. 74, рис. 51: 10, 54–56).

Трехлопастные крупные наконечники стрел типа С-40 с треугольным пером, выступающей втулкой и заостренными концами лопастей (Кузьминых, 1983, с. 108) датируются IV–III вв. до н.э. (аналогии см. выше).

Время существования S-видной подвески (рис. 9: 23) определяют аналогии на позднеаньинских, скифских и пьяноборских памятниках (см. выше), которые позволяют её датировать – IV–III/II вв. до н.э.

Редкой находкой является выявленная на Зуевоключевском I городище бляшка в виде двух соединенных клювами стилизованных головок хищных птиц, образующих S-видную фигуру (рис. 9: 9). Аналогии ей встречены на скифских памятниках Среднего Дона в кург. 8 мог. у дер. Дуровка, датированном по чернолаковому флакону IV в. до н.э., и в кург. 10 мог. Частые курганы, также датированном IV в. до н.э. (Замятнин, 1946, с. 37, 48, 49; Пузикова, 2001, с. 188, рис. 25: 14, 15; Савченко, 2004: с. 228, 229, рис. 25: 2, 12, 13). Необходимо отметить, что скифские аналоги отличаются большей схематизацией, чем зуевоключевские.

На Зуевоключевском I городище обнаружены многочисленные глиняные ритуальные фигурки (63 экз.) (рис. 10: 2, 5–7), время бытования которых определено в рамках IV–III вв. до н.э. (обоснование см. выше). С поздним этапом существования (IV–III вв. до н.э.) связаны также находки псалия конецгорского типа (рис. 10: 13) (Ашихмина, 2014, рис. 51: 10) и позднеаньинской керамики (рис. 12: 1, 6, 9, 12, 18).

Особое место среди памятников позднего периода АКИО занимает погр. 6 **Котловского могильника (3)**, в составе погребального инвентаря которого присутствуют: глиняный сосуд, нож типа Н-26, восьмерковидное украшение, бляшка с изображением хищника, литой переходник для ремня с четырьмя отверстиями, две конусообразные височные подвески, бляшка в виде хищной птицы, бляшка с изображением животного, а также бляха с изображением человеческого лица (рис. 11: 1–8). Конусообразные височные подвески, переходник для ремня и керамика не имеют датирующего значения, остальные предметы позволяют определить хронологическую позицию данного вещевого комплекса.

Нож типа Н-26 (рис. 11: 7) с бронзовой рукоятью и железным лезвием из погр. 6 Котловского могильника (Нефедов, 1899, с. 57, рис. 14; Збруева, 1952, с. 63, 140, 161, табл. IV: 13; Кузьминых, 1983, с. 50, 51). На навершии отмечено изображение хищной птицы, ее лапы и крылья располагаются на держаке, а за глазом завитком передано ухо, место перехода к лезвию украшено волнистым выпуклым орнаментом. Ухо расположено наискосок по отношению к клюву, что является признаком птицы в скифском искусстве. Изображения ушастой птицы в скифо-сибирском искусстве датируются в Европейской части России V–IV вв. до н.э. (Канторович, 2010, с. 206; 2012, с. 122). К.И. Корепанов видит ближайшие аналоги изделию из погр. 6 Котловского могильника в «грифоне» на конском налобнике из кургана Чертомлык (Корепанов, 1987, с. 71; Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, с. 152, кат. 17), дата которого определена в рамках середины – второй половины IV в. до н.э. (Алексеев, 2003, с. 297).

Проволочное украшение в виде восьмерковидной фигуры, перетянутой посередине тремя витками (рис. 11: 4). По внешнему контуру предмета размещена наклонная насечка. Подобное восьмеркообразное изделие с разными по размеру кольцами из кург. 2 у с. Аксютинцы было атрибутировано как пряжка, оно датируеся серединой V в. до н.э. по греческому чернолаковому килику (Ильинская, 1968. с. 76, Табл. XVI: 10). Второй половиной IV в. до н.э. датировано восьмеркообразное изделие из железа, выявленное в Краснокутском кургане, в этом случае, как и в подобном ему, из кургана 18 у с. Русская Тростянка оно атрибутировано как часть конской упряжи (Мелюкова, 1981, с. 63, рис. 17: 3; Савченко, 2009, с. 248, рис. 8: 10). Восьмеркообразное изделие из погр. 6 Котловского могильника более изящно и выглядит более декоративно, чем скифские аналоги, оно использовалось в составе женского костюма, а не конской упряжи. Тем не менее, очевидное сходство формы этого украшения и скифских уздечных пряжек заставляет предположить их одинаковую хронологическую позицию. Тем более что случаи использования элементов конской упряжи в женском костюме АКИО нередки, взять хотя бы бронзовые круглые бляхи с петлей. Таким образом, опираясь на скифские параллели данного украшения, его дата может быть установлена в пределах середины V–IV вв. до н.э.

Изображение на бляхе из погр.6 Котловского могильника относится к хищнику, вероятно, волку, но установить точно его видовую принадлежность не представляется возможным (рис. 11: 1). Контур пасти хищника обрамлен выпуклой спиралью, внутри которой присутствуют оскаленные клыки. Верхняя

часть бляхи аналогична нижней, это прием так называемого «симметричного удвоения» (Корепанов, 1987, с. 70), который сложился в скифском и савроматском искусстве и известен, в основном, по изображениям на колчанных крючках IV в. до н.э. (Либеров, 1965, табл. 31: 4–8, 10, 12, 32: 2, 3, 6, 9, 16; Вольная, 2009, с. 268, рис. 5, 1–7). На бляхах приём «симметричного удвоения» головы хищника известен по вещевым комплексам могильника у ст. Елизаветинская в Приазовье, Асиновском могильнике в Ингушетии, могильнике Кривая Лука в Нижнем Поволжье и находкам из Прикубанья (Переводчикова, 1994, табл. 40: 15; Вольная, 2002, рис. 7: 10; Полидович, 2009, рис. 2: 4–7). Несколько ранее датируются бляшки (конец VI – первая половина V вв. до н.э.) с использованием приема симметричного удвоения из могильника Кривая Лука III (кург. 5, погр. 16), однако они выполнены в более реалистической манере, чем котловская бляха (Очир-Горяева, 2012, с. 221, илл. 267: 3a–4d).

Образ хищника на бляхе настолько стилизован, что заставляет вспомнить о появлении в Европейской Скифии и Нижнем Поволжье в V–IV вв. до н.э. стилизованных изображений «хищников вообще» или недифференцированных хищников, когда до конца непонятна принадлежность изображения к тому или иному виду животных (Переводчикова, 1994, с. 45). К.И. Корепанов датирует бляху из погр. 6 Котловского могильника V в. до н.э., отмечая распространение мотива изображения фантастических хищников в АКИО именно в это время (Корепанов, 1987, с. 70, рис. 4: 1). По аналогиям данную бляху можно датировать в пределах V–IV вв. до н.э.

Бляшка в виде хищной птицы с раскрытыми крыльями, массивным клювом, выделенными глазами и круглыми ушами за ними (рис. 11: 6), определяется исследователями как привозное изделие, выполненное в каноне скифского звериного стиля (Чемякин, Кузьминых, 2009, с. 217, рис. 1: 11). В АКИО насчитывается девять орнитоморфных изделий, но наибольшее сходство отмечено с подобной находкой из Скородумского «клада» и случайной находкой из Бельского Шихана (см. ниже) (Чемякин, Кузьминых, 2009, рис. 1: 12; Коренюк, Майстренко, 2011, рис. 2: 2; Мясников, 2017, рис. 2:2).

Распахнутые крылья и наличие над ними двух круглых углублений сближают изображение хищной птицы из погр. 6 Котловского могильника с изображениями на нахрапниках т. н. «фракийского типа», на которых присутствуют фантастические существа. Такие нахрапники известны по находкам в курганах скифской аристократии, таких как Александропольский, Козел, Огуз, Толстая могила, Чертомлык, датированных серединой – второй половиной IV в. до н.э. (Мозолевський, 1979, рис. 25: 9; Тереножкин, Мозолевский, 1988, рис. 155: 7; Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, с. 85, рис. 56: 2, 62; Гуляев, 2001, рис. 15: 2–6).

Близки по форме к орнитоморфной бляхе из погр. 6 Котловского могильника некоторые поясные крючки из Среднего Подонья (кург. №47/30, №2/1906 у с. Мастюгино, кург. 5 Колбинский I могильник) (Либеров, 1965, табл. 31: 14, 32: 4, 5; Гуляев, 2001, рис. 21: 1, 2; Савченко, 2001, рис. 26: 12). Сам крючок изображался в виде клюва хищной птицы, за ним располагались глаза и круглые уши, далее тело крючка переходит в раскрытые крылья, иногда с круглыми завитками, и хвост. Таким образом, основные части и даже форма котловской бляхи сближается с поясными крючками-застежками. Датируются эти крючки IV в. до н.э. (Савченко, 2001, с. 131). В пределах рассмотренных аналогий возможна датировка IV в. до н.э. и орнитоморфной бляхи из Котловского могильника.

Бляшка из тонкой медной пластины со шпеньками для крепления, с изображением стоящего животного с задранным вверх хвостом и согнутыми как будто перед прыжком ногами (рис. 11: 9, 11), найденная в районе пояса костяка из погр. 6 Котловского могильника, по стилю отдаленно напоминает средневековые изделия. Однако в отличие от литых блях VIII–XIII вв. н.э., она изготовлена из тонкой медной пластины, а изображение на ней передано тиснением, таким образом, по технике нанесения изображения данная бляха сопоставима с изделиями раннего железного века, когда этот способ работы с металлом был весьма распространен.

Накладки с изображениями стоящих животных – грифонов, хищников и травоядных с изогнутым хвостом и тонкими полусогнутыми ногами – распространяются в Европейской Скифии с IV в. до н.э. Они известны по вещевым комплексам курганов Гайманова могила, Куль-Оба, Толстая могила, Чертомлык, находкам у с. Верхний Рогачик, Желтокаменка, Мастюгино, Первомайка, некоторые из них имели крепления на обратной стороне, т.е. использовались как бляхи (Либеров, 1965, табл. 33: 3; Мозолевський, 1979, рис. 113: 2, 11, 114, 115; Евдокимов, Фридман, 1983, рис.

8: 3; Мелюкова, 1989, табл. 38: 29, 30, 36; Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, рис. 75, кат. 212: 29, 76, с. 171, кат. 81; Журавлев, Новикова, 2012, рис. 3: 5).

Используются такие сюжеты и в обкладках, изготовленных из тонкой раскатанной пластины, рукоятей кинжалов (курган 3 могильника «Частые курганы» в комплексе рубежа IV–III вв. до н.э.), обкладках горитов и головных уборов типа калафа (Мелитопольский курган и Чертомлык), датированных серединой – второй половиной IV в. до н.э (Либеров, 1965, табл. 17: 1, 2; Тереножкин, Мозолевский, 1988, рис. 140; Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, с. 194, кат. 113, с. 195, кат. 113 деталь, с. 206–211, 213, кат. 128, с. 224–227, кат. 189; Бидзиля, Полин, 2012, рис. 413). В рамках IV в. до н.э. правомерно датировать и рассматриваемую бляху.

Круглая бляха с окантовкой из выпуклого бордюра, содержащая изображение лица человека с крупным мясистым носом и прической, переданной завитками с поворотом в три четверти (рис. 11: 8, 10), по технике и характеру изображения сближается с личинами на круглых бляхах из Северного Причерноморья. Круглые бляхи с изображениями мужского лица или «медузы» на круглой бляхе, как в фас, так и в профиль присутствуют в комплексах скифских курганов Бабина Могила, Гайманова Могила, Денисова Могила, Куль-Оба, Мелитопольском, Первомайка, Песочинский, Толстая Могила, Чертомлык и в «кладе» у с. Бабуечь Кишиневского района Республики Молдова. Во всех случаях на них, так же как на бляхе из погр.6 Котловского могильника, личину по диаметру окружает выпуклый ободок, нос изображенного человека крупный, волосы переданы завитками (Евдокимов, Фридман, 1983, рис. 8: 5; Тереножкин, Мозолевский, 1988, рис. 95: 1, 97, 98: 9, 16; Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, с. 171, кат. 78, 212, кат. 32, 250, кат. 32; Полин, 1992, с. 51–53, рис. 9: 3, 4; Бандуровский, Буйнов, 2000, с. 100, 101, рис. 64: 9; Журавлев, Новикова, 2012, с. 71, рис. 1: 6, 8; Бидзиля, Полин, 2012, рис. 225: 4–7, 18–20, 722, 723: 1–8). Датируются эти бляхи IV в. до н.э. в целом, первой половиной IV в. до н.э. или же его последней третью, клад из с. Бабуечь самый поздний в этой серии, по штампованному фракийскому шлему он датирован IV – началом III вв. до н.э. (Черненко, 1968, с. 87, 184, рис. 47; Мозолевський, 1979, рис. 22: 1–3; Мозолевский, 1980, с. 133, рис. 68: 8; Тереножкин, Мозолевский, 1988, с. 148; Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, с. 130; Алексеев, 2003, с. 296, 297; Бидзиля, Полин, 2012, с. 512; Очир-Горяева, 2012, илл. 23: 13, 14). IV в. до н.э. датируется, видимо, и находка из погр. 6 Котловского могильника.

Исходя из приведенных аналогий, датировка погр. 6 Котловского могильника может быть определена по совокупности датирующих предметов в рамках IV – начала III вв. до н.э.

Городище Грахань (7) в устье р. Вятки географически относится к региону Нижняя Кама, это одно из наиболее широко исследованных городищ. К позднему периоду АКИО его позволяют отнести две категории хроноиндикаторов: наконечник стрелы и зооморфный крючок (Збруева, 1947, рис. 21: 1, 2).

Грацильный наконечник стрелы типа С-34 (рис. 9: 19) из раскопок Ф.Д. Нефёдова свидетельствует о существовании городища в IV–III вв. до н.э. (аналогии см. выше).

Бронзовый зооморфный крючок из раскопок Ф.Д. Нефёдова в 1894 г. относится к группе 1.1.1 (рис. 9: 3), датируется он концом V–IV в. до н.э. (аналогии см. выше).

Датировку **Ныргындинского I городища (87)** определяют находки наконечников стрел С-40 (IV–III вв. до н.э.) (рис. 9: 17), С-66 (V–III/II вв. до н.э.) (рис. 9: 18) и позднеаньинской керамики т. н. ныргындинского типа (рис. 12: 5, 7, 13, 15, 17) (Кузьминых, 1983, с. 108, табл. XLVI: 53; Ашихмина, 2014, рис. 72: 1–11, 73: 4).

Ныргындинский тип керамики выделен Л.А. Ашихминой по керамике из верхнего горизонта городища Каменный Лог, а также керамическим комплексам Зуево-Ключевского I, Верхне-Мошкаровского, Ныргындинского I, II и IV городищ (Ашихмина, 2014, с. 71–74).

Данный тип характеризуется круглодонной посудой с примесями раковины в глиняном тесте, сосуды в основном безворотничковые, но встречается керамика с воротничком. В отличие от глиняной посуды ранних периодов АКИО, орнаментация на керамике ныргындинского типа бедная, чаще использовались неглубокие ямки, которые не оставляли полушарных выпуклостей на внутренней стороне сосудов, реже – шнуровые отпечатки из двойных горизонтальных шнуровых оттисков, поставленных в один – три ряда, орнаментальные композиции располагались на плечиках и в нижней части шейки (Ашихмина, 2014, с. 72). Хронология существования ныргындинского типа керамики (IV–III вв. до

н.э.) обоснована Л.А. Ашихминой по материалам вышеперечисленных памятников и не нуждается в дополнительном обосновании (Ашихмина, 2014, с. 74).

Остальные памятники с хроноиндикаторами региона Нижняя Кама имеют по одному датирующему предмету.

Кырнышский могильник (4) отнесен к позднему периоду АКИО на основании обнаруженной на его территории случайной находки бронзового крючка группы 4.1.1. (рис. 9: 1) с изображением хищника (медведь) и птицы, (с головой животного на щитке и крючком в виде головы животного), подобные находки сделаны на Чурачикском могильнике (Каховский, 1963, рис. 3: 17; 1964, рис. 13: 18; 2006, с. 191, рис. 18; Васильев, 2002, с. 79; Волкова, Капленко, 2014, рис. 1, 2). Кырнышская находка несколько отличается от чурачикских, к тому же у неё утрачена голова и запорное окончание крючка, но Е.В. Волкова и Н.М. Капленко довольно убедительно доказали, что скульптурное изображение на щитке крючка все же является медведем (Волкова, Капленко, 2014.). Близок у чурачикских и кырнышской находок и способ крепления к основе. Передача шеи птицы гофрированными кольцами также весьма распространена на зооморфных крючках раннего железного века (Гуляев, 1969, рис. 5, 7: 1, 8; Савченко, 2004, рис. 26: 8, 10, 27: 1, 28: 1), в силу этих причин кырнышский крючок включен в группу 4.1.1.

Интересные параллели крючкам этой группы найдены на Среднем Дону, где они выявлены в кург. №11 (вторая пол. IV в. до н.э.) и 11/11 урочища «Частые курганы» (сер. – вторая пол. IV в. до н.э.), кург. №4 (конец V–IV вв. до н.э.) Терновое, кург. №9 (1 пол. IV в. до н.э.) и 17 Колбино, кург. №1 Русская Тростянка (IV в. до н.э.), кург. №38 Староживотинное (Замятнин, 1946, рис. 27: 2; Либеров, 1965, с. 25, 27, табл. 31: 16, 17; Гуляев, 1969, с. 111, 112, рис. 1, 2; Савченко, 2001, с. 56, 60, рис. 7: 26; 2004, рис. 26: 1–6; Шевченко, 2009, рис. 21: 1).

Близка по своему оформлению к крючкам группы 4.1.1. АКИО находка из разрушенного погребения у с. Бажиган, датированная IV–III вв. до н.э. (Крупнов, 1960, рис. 17: 7; Гуляев, 1969, с. 118).

В кургане у с. Кащеевки в междуречье Северского Донца и Дона также отмечены близкие крючки с изображением медведя (2 экз.), курган датируется второй пол. IV в. до н.э. (Максименко и др., 1984, с. 156, рис. 69: 10, 11; Савченко, 2004, с. 231).

Таким образом, датировка основных аналогий крючков группы 4.1.1. АКИО приходится на IV в. до н.э., в этих же пределах, по всей вероятности, существовали и сами ананьинские крючки.

Из д. **Омарский починок (62)** происходит случайная находка изображения сложного лука, помещенного в горит или налуч (рис. 9: 8), выполненная литьем из бронзы (Халиков, 1977, с. 198, рис. 75: 2). Она имеет петлю для подвешивания и может рассматриваться как подвеска. Фрагментом аналогичной подвески, возможно, является находка из Аргыжского городища на р. Вятке (Митряков, Черных, 2014, с. 169, рис. 12: 8, 10). Окончания кибитей луков на находках из Омар и Аргыжского городища оформлены в виде головок хищных птиц.

Украшения такого рода существовали с VII–V вв. до н.э. (находка из Ольвии, выполненная в виде кибити сложного лука без тетивы и бляшка в виде лука со стрелой в натянутом положении из Дербента) (Мелюкова, 1989б, с. 92, табл.31: 2, 3), вплоть до II–III вв. н.э. (золотая подвеска со вставками из пасты голубого цвета из позднесарматского погребения могильника Высочино V) (Беспалый, 2000, с. 161, 163, рис. 2: 15). Одними из самых поздних являются подвески в виде лука в налуче, которые происходят из пьяноборских могильников: Старокиргизовского погр. 28 (2 экз.) (Васюткин, 1982, с. 142, табл. I: 51, 52) и Кипчаковского (2 экз.) (Зубов, 2003, с. 11, 12, 14, рис. 1: 19, 20), датировка которых врядли опускается ниже II в. до н.э. Самые ранние и самые поздние изделия по форме лука или налуча, размерам и/или отсутствию петли для подвешивания отличаются от ананьинских украшений.

Аналогии подвескам в виде сложного лука в горите отмечены в уже упоминавшемся могильнике Аймырлыг в Туве, который датирован V–III вв. до н.э. (Мандельштам, 1992, табл. 75: 43, 77: 51).

Подобные украшения найдены в Биктимировском, Охлебининском и Шиповском могильниках кара-абызской культуры Приуралья. В Биктимировском могильнике выявлено 6 изделий такого рода, 4 экз. из них относятся к подвескам (из погр. 40 в виде лука (2 экз.), ещё 2 экз. в виде лука в налуче найдены в погребении, номер которого не указан автором публикации), 2 экз. (погр. 3) относятся к бляшкам или накладкам, погребения с украшениями в виде лука датированы

А.Х. Пшеничнюком III–II вв. до н.э. (Пшеничнюк, 1964, с. 226, 228, рис. 4: 6, 7).

Подвески в виде лука (4 экз.) происходят также из погр. 1, кург. 5 Шиповского могильника. Это погребение входит в I хронологическую группу данного могильника, датированную IV–III вв. до н.э. (Пшеничнюк, 1973, с. 183, рис. 6: 56, 59; 1976, с. 42, рис. 6: 13; Зубов, 2003, с. 14).

2 экз. сильно стилизованных подвесок найдены в погр. 126 Охлебинского могильника, которое отнесено к погребениям второго этапа развития могильника (III–II вв. до н.э.).

Подобная подвеска была найдена в прохоровском некрополе на Нижней Волге в погр. 8, кург. 6 мог. у с. Верхнее Погромное (в виде лука в горите), дата которого укладывается в рамки III–II вв. до н.э. (Мошкова, 1963, табл. 32: 27).

О распространенности сюжета изображения миниатюрного сложного лука свидетельствует рисунки на различных артефактах, таких как рельефное изображение сложного лука в натянутом положении на наконечнике стрелы из погр. 2 а, б кургана 6 Мечетсайского мог. прохоровской культуры, датированного второй пол. IV–III вв. до н.э. (Смирнов, 1975, с. 106, 108, 115, рис. 37: 9); изображения сложных луков с загнутыми окончаниями кибити на перстне IV в. до н.э. из гробницы на горе Митридат в Керчи, на пекторали из Толстой могилы (350/340–320 гг. до н.э.), на чаше из Гайматовой могилы (первая пол. IV в. до н.э.), сосуде из Куль-Обы (350–300 гг. до н.э.) (Черненко, 1981, с. 23, 24, рис. 14: 1, 2, 65, 77; Мелюкова, 1989, табл. 31: 29, 30; Алексеев, 2003, с. 296; Бидзиля, Полин, 2012, с. 510, рис. 149, 150).

Отдельную группу аналогий образуют античные монеты Северного Причерноморья, на которых изображен лук с натянутой стрелой в налуче: Пантикапей (325–300 гг. до н.э.), Ольвия (ок. 290–270 г. до н.э.), Ольвия (вторая треть III в. до н.э.), Пантикапей (200–121 гг. до н.э.), Пантикапей II в. до н.э.), Ольвия (вторая пол. II в. до н.э.), Ольвия (конец II в. до н.э.); иногда луки изображались с загнутыми наружу окончаниями, видимо, имитацией головки хищной птицы: Ольвия (ок. 290–270 г. до н.э.), Пантикапей (200–110 гг. до н.э.) (Зограф, 1951, табл. XXXII: 14–21; XXXIII: 10, 18; XLI: 3, 22, XLII: 1–3, 5, 8, 26). В ряде случаев на монетах присутствует лишь изображение натянутого лука: Пантикапей (начало 2 пол. III в. до н.э.), Ольвия (конец II в. до н.э.) (Зограф, 1951, XXX: 19, XLII: 15).

Выделяется еще одна группа монет, которая имеет совершенно другой сюжет – стрела помещалась под натянутым луком: Пантикапей (325–300 гг. до н.э.), Пантикапей (300–250 гг. до н.э.), Пантикапей (первая пол. III в. до н.э.) (Зограф, 1951, табл. XL: 30, XLI: 4; 1954, с. 60, 61).

Исходя из приведенных аналогий, можно утверждать, что подвески АКИО в виде миниатюрного лука в налуче и без него необходимо датировать в рамках IV–III/II вв. до н.э. – времени наибольшего распространения подобных изображений и подвесок данной категории.

Каменный Лог (Быргындинское II) городище (69) отнесено к позднему этапу АКИО по наличию в его коллекциях глиняных ритуальных фигурок – 2 экз. (рис. 10: 11, 12) – IV–III вв. до н.э. (обоснование см. выше) и керамике ныргындинского типа (рис. 12: 11, 14, 16) (Голдина и др., 2013, с. 63, табл. Г, табл. 47: 1, 2; Ашихмина, 2014, рис. 61: 8, 9, 67: 1–17, 85: 117, 119, 120, 125–134).

Подгорно-Байларская III стоянка (174) отнесена к позднему этапу АКИО по наличию в коллекции глиняных ритуальных фигурок – 2 экз. (рис. 10: 10) – IV–III вв. до н.э. и позднеананьинской керамике типа городища Ныргында I (Генинг, 1971, с. 139, рис. 41: 15, 46: 9–11; Голдина и др., 2013, с. 64, табл. 48: 18; Беляев, Хуснутдинов, 2016, рис. 3).

Татарско-Суксинское поселение (175) также отнесено к позднему этапу АКИО по наличию в коллекции глиняной ритуальной фигурки – IV–III вв. до н.э. (рис. 10: 8) (Беляев, Хуснутдинов, 2016, рис. 1).

Датировка **Танайского V селища (184)** определена по находке бронзовой двупетельчатой длинной бляхи с треугольным однорядным орнаментом на щитке подчетырехугольной формы (рис. 10: 1) и позднеананьинской керамике типа городища Ныргында I и Конецгор (Генинг, Халиков, 1959). Аналогичная конструкция и схожий орнамент характерны для позднеананьинских длинных двупетельчатых блях с треугольным двурядным орнаментом на щитке, по всей вероятности, и даты существования этих изделий также близки (IV–III или же IV–II вв. до н.э.).

Усть-Мензельское городище (186) датируется поздним периодом АКИО по наличию в её коллекциях фрагментов глиняных ритуальных фигурок – IV–III вв. до н.э.[7] и позднее-

[7] По устному сообщению Д. Г. Бугрова, фрагменты антропоморфных фигурок происходят из его раскопа 2007 г. на Усть-Мензельском городище.

ананьинской керамике (типа гор. Ныргында I) (Генинг, 1971, рис. 46: 9–11).

По керамике белогорского и ныргындинского типа к позднему периоду АКИО отнесены восемь памятников: пос. Курган (3) (рис. 12: 3, 10), Сорочьегорское гор. (38) (рис. 12: 4), Биостанция V ст. (41), Ныргындинское IV гор. (82), Ныргындинское II гор. (88), Елабужское (Чёртово) гор. (178), Танайское I сел. (183), Светло-Ключинское гор. (185), кроме того поздняя керамика выявлена на большинстве памятников с предметами-хроноиндикаторами (Генинг, Халиков, 1959; Археологическая, 1981, табл. X: 7, 8; Шаталов, Чижевский, Губайдуллин, 2011, рис. 4: 1–3, 6, 7, 20; Ашихмина, 2014; Голдина, Черных, 2011; Чижевский, 2014).

5. Регион бассейна р. Белой

Бассейн р. Белой – один из наиболее сложных регионов для атрибуции памятников позднего периода АКИО, это обусловлено, прежде всего, тем, что позднеананьинские и раннекара-абызские памятники во многом остаются не разграниченными, и зачастую исследователи относят их к той или иной культуре на основании своих предпочтений. Это касается прежде всего поселений, но иногда затрагивает и могильники. В связи с этим вопрос о верхней границе АКИО в регионе решается довольно просто – время появления могильников с гафурийской керамикой означает и окончание существования АКИО, хотя этому и противоречат смешанные культурные слои многих поселений IV–III вв. до н.э.

Керамика АКИО, которая наличествует в коллекциях этих памятников, имеет следующие признаки: заглаженная поверхность, сосуды, как правило, без воротничков, шейка изогнута, венчик плоский; орнамент бедный и состоит из ямок, которые по сравнению с ямками более раннего времени не имеют полушарных выпуклин на внутренней стороне сосуда; реже используются шнуровые отпечатки из одной – трех полос, но наносятся они очень небрежно, и иногда линия шнура даже не замыкается при нанесении её вокруг тулова; кроме того шнур наносился, в основном, на нижнюю часть шейки и плечики, а не на всю шейку сосуда, как на ранней керамике; встречаются сосуды, украшенные поясками треугольных вдавлений в один – два ряда, иногда присутсвует гребенчатая орнаментация.

Глиняная посуда с такими признаками присутствует в керамических комплексах позднеананинских поселений Нижнего и Среднего Прикамья и обычно связывается с керамикой ныргындинской стадии АКИО (Ашихминой, 2014, с. 72), иначе говоря, с керамикой ныргындинского типа, а также с керамикой белогорского типа, распространенной в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье (Чижевский, 2014). Время существования этих типов керамики определено в границах VI–III и IV–III вв. до н.э.

Таким образом, можно утверждать, что в пределах этого промежутка времени носители АКИО и раннекара-абызской культуры сосуществовали на одной территории. К настоящему моменту в бассейне р. Белой насчитывается 14 позднеананьинских памятников.

Датировки по радиоуглероду для памятников АКИО бассейна р. Белой отсутствуют.

По предметам-хроноиндикаторам к данному периоду отнесено четыре памятника: селище Курман-Тау (28), Касьяновское гор. (30), Саузовское (Бельский Шихан) гор. (78), Аначевское гор. (187).

Селище Курман-Тау (28) отнесено к позднему периоду АКИО, исходя из наличия в коллекциях памятника крупного наконечника стрелы типа С-40 – IV–III вв. до н.э. и керамики позднеананьинского времени (конецгорский тип) (Кузьминых, 1983, с. 108; Пшеничнюк, 1983, рис. 3: 2, 4, 7, 8).

Датировку **Касьяновского городища (30)** определяют находки наконечника стрелы С-40 (IV–III вв. до н.э.) (рис. 13: 12) и железного кинжала (рис. 13: 19) с утраченным навершием конца V – начала IV вв. до н.э. (Юсупов, 1959, табл. II: 7, 11; Смирнов, 1961, рис. 3: 5). Характерное перекрестие крыловидной формы позволяет установить его однотипность с раннесарматскими кинжалами, известными по находкам в кург. 1 Филипповского могильника и других раннесарматских некрополях (Скрипкин, 2007, рис. 4: 3, 5; Пшеничнюк, 2012, с. 88, рис. 97: 8, 113: 1). Кроме того, в коллекциях городища присутствует позднеаньинская керамика (рис. 13: 23, 25) (Пшеничнюк, 1973, рис. 23: 2, 5; 1983, рис. 8: 6–8), близкая керамика встречена на Скорняковском городище и др. (Чижевский, Черных, Хисяметдинова и др., 2016).

Саузовское (Бельский Шихан) городище (78), один из самых известных памятников АКИО бельского региона, открыто и впервые исследовано в конце XIX в. Ф.Д. Нефедовым (Нефедов, 1899; Голдина, Черных, 2011, с. 76). К памятникам позднеананьинского периода АКИО его позволяют относить выявленные здесь наконечники стрел: грацильные типа

С-34 – 8 экз. (рис. 13: 1, 3–5, 7–10) – IV–III вв. до н.э., крупные наконечники стрел С-40 – 2 экз. (рис. 13: 11) – IV–III вв. до н.э., С-50 (рис. 13: 6) – IV–II в. до н.э. и С-90 – 1 экз. (Кузьминых, 1983, табл. XLV: 31–38, XLVI: 14, 15, 78, XLVII: 80). На последнем наконечнике следует остановиться подробнее.

Трехгранные наконечники типа С-90 (рис. 13: 2) (Кузьминых, 1983, табл. XLVII: 80) имеют треугольную головку, внутреннюю втулку, обрез базы прямой, ровный, крылья пера заканчиваются на уровне среза втулки. Вдоль крыльев до середины головки располагаются П-образные ложки, высотой около 1/3 от высоты головки. Кроме городища Шихан, наконечники данного типа отмечены в бассейне р. Белой на кара-абызских могильниках в погр. 4, кург. 5 Шиповского могильника (1 экз.) (Пшеничнюк, 1976, рис. 5: 3; Кузьминых, 1983, табл. XLVII: 81, LII: 73). Аналогии данному типу наконечников отмечены также у савроматов и ранних сарматов (тип XIII). Они появляются у кочевников в конце VI в. до н.э. и существуют вплоть до конца IV в. до н.э. (Алебастрова гора кург. 2/1928) (Смирнов, 1961, с. 56, рис. 35Б: 10). У скифов подобные наконечники встречены в вещевом комплексе Гайматовой могилы первой половины IV в. до н.э., кург. №5 и 6 у с. Терновое, кург. №14 у с Колбино (Савченко, 2004, рис. 12: 2, 5, 29; Бидзиля, Полин, 2012, с. 508–510, 512, рис. 499: 5, 648: 6). Исходя из кара-абызских датировок и отсутствия на территории АКИО наконечников данного типа в более ранних комплексах, дату наконечников типа С-90 следует ограничить IV в. до н.э.

В 2017 г. появилась информация о случайной находке на территории городища Бельский Шихан бляшки в виде хищной птицы[8]. По своему оформлению она наиболее близка к орнитоморфам из Скородумского клада и, особенно, из погр. 6 Котловского мог. (см. выше). Датируется она, как и другие бляшки подобного типа, IV в. до н.э.

Аначевское городище (187) отнесено к позднему периоду АКИО на основании наличия в его коллекции глиняных ритуальных фигурок (рис. 13: 13–18, 20), датируемых – IV–III вв. до н.э. и керамики ныргындинского типа (Иванов, 1976, рис. 1: 4, 6, 7, 2: 1–7; Голдина и др., 2013, табл. 35: 1–7; Ашихмина, 2014, рис. 79: 2, 4, 80: 8, 9).

По керамике белогорского и ныргындинского типа к позднему периоду АКИО отнесены десять памятников: **Камышинское I гор. (27)** (рис. 13: 21, 14: 10) (Овсянников, Каюмов, Бабин, 2015, с. 88, рис. 7: 2, 4), **Кипчаковское гор. (29)** (рис. 14: 15) (Гарустович, Тагиров, 2012, рис. 2: 2, 4, 13, 7: 1, 2, 5, 6), **Петер Тау (Юлдашевское) гор. (71)** (рис. 13: 22, 24) (Ашихмина, 2014, рис. 78: 2, 4–6), **Какры-Куль гор. (72)** (рис. 14: 17) (Овсянников, Тагиров, 2000, рис. 5: 1, 2, 4, 6: 1–3; Ашихмина, 2014, рис. 78: 3, 7–9), **Ново-Кабановское гор. (89)** (рис. 14: 19) (Ашихмина, 2014, рис. 79: 6, 10, 80: 1), **Воронки сел. (160)** (рис. 14: 1–4, 6, 7, 11, 14) (Пшеничнюк, 1964, рис. 1: 1, 3; 1973, 22: 1, 2; Овсянников, 2014, рис. 2: 1, 2, 6, 7, 10, 11, 15, 3: 9, 11, 13, 14, 4: 1–3, 5, 6), **Андреевское сел. (163)** (рис. 14: 9, 13) (Пшеничнюк, 1973, рис. 31: 1, 2, 4, 6), **Камышинское II гор. (164)** (рис. 14: 8, 12, 16, 18) (Агеев, Овсянников, 2000, рис. 2: 4–7, 9, 10); **Михайловское гор. (165)** (Троицкая, 1959, табл. 1: 1, 2, 8–10, 12, 12, 17), **Дудкино сел. (166)** (рис. 14: 5) (Пшеничнюк, 1973, рис. 22: 8, 9).

Кроме того, в состав памятников позднего периода АКИО в дальнейшем, по всей видимости, можно будет включить Уфимское (Чортово) (Морозов, 2000, рис. 7: 7) и Биктимировское городища (Савельев, 2014, 7: 10–12, 16–18, 21), в коллекциях которых встречаются отдельные фрагменты с керамикой белогорского и ныргындинского типов, для этого необходимо более детальное изучение коллекций данных памятников.

Иногда в качестве ананьинского рассматривают погр. 4 Охлебининского могильника на основании присутствия в составе его инвентаря кельта КАН-51, но этот кельт по своей форме и орнаментации не имеет параллелей в ананьинском мире, а все известные аналогии указывают на его западносибирское происхождение (Чернецов, 1947, рис. 23: 4; Сальников, 1965, рис. 2: 8; Кузьминых, 1983, с. 65, табл. VIII: 20).

6. Регион бассейнов рр. Ветлуга и Вятка

Регион бассейнов рек Ветлуга и Вятка объединен занимающими эту территорию памятниками ананьинской культуры гребенчато-шнуровой керамики. В бассейне р. Ветлуги позднеананьинские памятники не известны, в бассейне р. Вятки насчитывается шесть позднеананьинских памятников.

[8] Личная страница Е.М. Черных в Facebook. Доступно по URL https://scontent.fhel2-1.fna.fbcdn.net/v/t1.0-9/18425027_506045922852820_33932791630764 62639_n.jpg?oh=8a9310de6028b450d09ad14e23ec ddaa&oe=5A47A000. Благодарю Е.М. Черных за любезное разрешение на размещение информации о неопубликованном предмете в данной статье.

Датировки по радиоуглероду в регионе бассейнов рек Ветлуга и Вятка отсутствуют. По предметам-хроноиндикаторам к данному периоду отнесено четыре памятника: Пижемское гор. (16), Аргыжское гор. (22), Буйское гор. (23), Каравашек (Свиногорское) гор. (64).

Работы П.А. Пономарева в 1887 г., А.А. Спицына в 1893 г. и А.С. Лебедева в 1906 г. на **Пижемском городище (16)** выявили целую серию костяных изделий: рукоятей и орнитоморфных и зооморфных крючков, которые являются основанием для отнесения памятника к числу позднеананьинских.

Среди них наиболее многочисленны костяные орнитоморфные крючки группы 5.1.1. – 5 экз. (рис. 15: 16–20) с крюком в виде головы птицы (Спицын, 1893, табл. IX: 6; Лебедев, 1908, табл. I: 9; Васильев, 2002, с. 80; Ашихмина, Черных, Шаталов, 2006, с. 60, рис. 76: 3–5, 77: 1, 3). Время существования этих крючков в АКИО конец V–IV вв. до н.э. (аналогии см. выше).

К другой группе относятся костяные зооморфные крючки (группа 5.2.1.) с крючком в виде головы лося – 2 экз. (рис. 15: 21, 22) (Спицын, 1893, табл. IX: 10, 11; Васильев, 2002, с. 80). По оформлению щитка крючки 5.2.1. схожи с крючками предыдущей группы, запорная часть также близка, но изображение головы птицы на ней заменено на изображение лосиной головы.

Аналогов вне АКИО не известно, видимо, это полностью ананьинская традиция. Не затрагивая вопрос происхождения данного типа изображений на зооморфных крючках, отмечу, что в скифском мире аналогом лося мог быть олень, играющий большую роль в религиозных культах. Так, на Среднем Дону выявлены зооморфные крючки с полнофигурными изображениями оленя (кург. №12 урочище «Частые курганы», кург. №29/21 (№2, 1906 г.) (2 экз.), 34/39 Мастюгино), которые датируются IV в. до н.э. (Замятнин, 1946, рис. 27: 1; Савченко, 2004, с. 236–238, рис. 26: 7–10). Причем в одном случае изделие изготовлено из кости (кург. №34/39 Мастюгино), что сближает его с ананьинскими крючками. Изображение стилизованного полнофигурного травоядного животного с чертами хищника присутствует также на крючке из ст. Старо-Минской в Восточном Приазовье, датированного концом IV – началом III вв. до н.э. (Смирнов, 1964, рис. 81: 5; Гуляев, 1969, рис. 7: 7; Савченко, 2004, с. 237).

Таким образом, датировка крючков 5.2.1. АКИО может опираться на дату крючков с изображением оленя Среднего Подонья. Время существования крючков группы 5.2.1. укладывается, таким образом, в промежуток между концом V – началом III вв. до н.э.

Еще одной группой костяных крючков (5.3.) являются выявленные на Пижемском городище (раскопки А.А. Спицына) костяные крючки с неопределенной видовой принадлежностью животного. В оформлении этих крючков прослежены черты птицы (2 экз.) и млекопитающего (2 экз.), однако точная их видовая атрибуция не представляется возможной (Спицын, 1893, табл. IX: 4, 8; Васильев, 2002, с. 81; Ашихмина, Черных, Шаталов, 2006, рис. 76: 6, 78: 1, 2, 4). Невозможность точной атрибуции затрудняет датирование этих крючков, однако можно предположить, что они существовали в тот же промежуток времени, что и другие костяные крючки АКИО, в оформлении которых присутствуют птичьи и звериные черты, то есть в пределах второй половины/конца V – начала III вв. до н.э.

Второй категорией предметов-хроноиндикаторов на Пижемском городище являются костяные рукояти в виде голов лося: одна целая, вторая в виде фрагмента (рис. 15: 11, 14) (Спицын, 1893, табл. VIII: 3; Збруева, 1952, XXVI: 10, XXXI: 29; Васильев, 2012, с. 284, 382, 502, рис. 18: 4, 5; Ашихмина, Черных, Шаталов, 2006, рис. 70: 1). На целом экземпляре, изготовленном из трубчатой кости, на голове лося изображены уши, нос и открытая пасть с тщательно отрисованными зубами. В районе шеи, перпендикулярно морде лося, находится рельефное изображение медведя, спина его выгнута, морда опущена, уши и верхняя часть плеча и бедра переданы завитками, стопы крупные, с тщательно переданными мощными пальцами и когтями. Окончание рукоятки украшено фризом из выпуклых кругов. На втором фрагменте часть рукояти с изображением морды лося утрачена, Ст.А. Васильев упоминает, что изображение нанесено на костяную пластину (Васильев, 2002, с. 382). На пластине резными линиями изображен медведь, по стилистике подобный первому.

В отличие от более ранних изображений медведя, таких как клевец из Сарабаихи (конец VII – начало VI вв. до н.э.), плечо и бедро на всей поздней серии изображений медведя трактованы в виде завитка, кружка или шаровидной выпуклости. Другим отличием от более ранней серии является округлая

спина, в то время как на ранних изображениях медведя спина животного прямая.

Датируются костяные рукояти из Пижемского городища по аналогичным бронзовым полым и плоским скульптурным изображениям медведя: из погр. 26 Шиховского мог., Гляденовского и Галкинского гор., Турбинского клада; а также по изображениям на длинных двупетельчатых бляхах из погр. 28 Шиховского и сборов из Ананьинского мог., по резному изображению на зеркале из погр. 17 Шиховского мог. – IV–III в. до н.э.

Аргыжское городище (22) отнесено к позднему периоду АКИО по следующим категориям предметов: наконечникам стрел С-40, С-50, подвеске в виде лука, фрагменту рукояти с зооморфным изображением и костяному орнитоморфному крючку (Вараксина, 1929, табл. 7: 12; Tallgren, 1937, fig. 19; Збруева, 1952, табл. XXVI: 6, 10, LIII: 5; Васильев, 2002, с. 284; Черных и др., 2002, с. 32, рис. 36: 3, 4, 7, 16; Ашихмина, Черных, Шаталов, 2006, рис. 75: 6; Митряков, Черных, 2014, с. 169, рис. 12: 3, 10, 12).

Крупные наконечники стрел типа С-40 – 3 экз. (рис. 15: 3–5) и мелкий наконечник стрелы типа С-50 (рис. 15: 6) датируют памятник в рамках IV–III вв. до н.э.

В коллекции Аргыжского городища имеется фрагмент бронзовой подвески с изображением сложного скифского лука, помещенного в горит или налуч, окончание кибити скульптурно оформлено в виде головки хищной птицы (рис. 15: 1). Аналогичная, но целая подвеска известна по находке из д. Омарский Починок, датируются подвески этой группы – IV–II вв. до н.э. (см. выше).

Ст.А. Васильев убедительно доказал, что обломок трубчатой кости с зооморфным изображением (рис. 15: 15) является фрагментом рукояти, аналогичной пижемской (Васильев, 2002, рис. 18: 4, 5). Часть рукояти с изображением морды лося утрачена, сохранился только его глаз, у окончания рукояти перпендикулярно её оси вырезано рельефное изображение медведя, передняя нога со стопой повреждена, однако задняя стопа с мощными изогнутыми пальцами и когтями сохранилась. Плечо, бедро и пятка украшены рельефными кружками и завитками, ухо круглое. По стилю изображения и форме рукоять из Аргыжского городища является аналогом рукояти из Пижемского гор. и может датироваться в таких же границах, как и она т.е. IV–III в. до н.э.

Завершает серию предметов-хроноиндикаторов из Аргыжского городища костяной орнитоморфный крючок группы 5.1.1. (рис. 15: 13), датировка которого укладывается в рамки конца V–IV вв. до н.э.

Представленные в коллекции городища предметы глиняной пластики очень невыразительны и не могут привлекаться для датирования (Черных и др., 2002, рис. 57: 4, 5, 7). Позднеананьинская посуда (рис. 16: 10–17), выявленная в верхних слоях Аргыжского городища, позволяет датировать завершающий этап существования памятника в ананьинское время – IV–III вв. до н.э.

Позднеананьинское время существования **Буйского городища (23)** определяют находки: наконечников стрел С-40, С-50, S-видной височной подвески с привеской, подвески с изображением сложного лука и псалия конецгорского типа (Спицын, 1893, табл. IX: 10, 12; XII: 22; Ашихмина, Черных, Шаталов, 2006, рис. 76: 3–6, 78: 3; 83: 9; Митряков, Черных, 2014, с. 169, рис. 12: 3, 8, 9, 12).

Крупный наконечник стрелы типа С-40 и мелкий наконечник стрелы типа С-50 (рис. 15: 7, 12) датируют памятник в рамках IV–III вв. до н.э.

Другим хроноиндикатором является проволочная S-видная височная подвеска с зооморфной привеской (рис. 15: 10). Судя по тому, что ее верхняя, проволочная, часть по форме полностью совпадает с распространенными в позднеананьинских памятниках S-видными височными подвесками без привесок, эти подвески можно рассматривать как однокатегорийные и датировать в пределах IV–III/II вв. до н.э. (аналогии см. выше). Е.М. Черных, вслед за С.Л. Воробьевой, датирует это изделие III–II вв. до н.э. (Воробьева, 2010, с. 48–51; Митряков, Черных, 2014, с. 169).

Литая подвеска с изображением натянутого сложного скифского лука с наложенной стрелой и петлей для подвешивания (рис. 15: 2) по сюжету близка к подвеске из Заосиновского I поселения и датируется IV–III/II вв. до н.э. (аналогии см. выше).

С памятника происходит также заготовка псалия конецгорского типа (рис. 15: 8), которая датируется – V–III/II вв. до н.э.

Городище Каравашек (Свиногорское) (64) отнесено к позднему периоду АКИО по наличию в его коллекции псалия конецгорского типа (рис. 15: 9) (Спицын, 1893, табл. XI: 39). В отличие от большинства подобных псалиев, скульптурное окончание его тщательно проработано и отличается более

тонкой, чем обычно, мордой без выпуклого лба. Датируется псалий – V–III/II вв. до н.э. (аналогии см. выше).

Слабая изученность региона бассейнов рек Ветлуги и Вятки определила и немногочисленность памятников, которые отнесены к позднему периоду АКИО по наличию в них позднеананьинской керамики, в настоящее время учтено **Скорняковское (17)** (рис. 16: 1–9) и **Кривоборское городища (168)** (Чижевский, Черных, Хисяметдинова и др., 2016, с. 50, 51, рис. 42: 5, 6; Оруджов, 2017), кроме того позднеананьинская керамика присутствует и на памятниках с предметами-хроноиндикаторами.

7. Регион Средняя Волга (ниже устья р. Сура до Самарской Луки)

Бассейн реки Волга ниже устья р. Сура и до южного края Самарской Луки геоморфологи называют Средней Волгой, это территория располагается «между границей максимального оледенения и районом наибольшего распространения ингрессии Каспия в четвертичный период» (Дедков, 1991, с. 10).

В регионе Средняя Волга насчитывается 41 позднеананьинский памятник, в том числе два могильника позднего периода АКИО.

Датировки по радиоуглероду в регионе Средняя Волга отсутствуют. По предметам-хроноиндикаторам к данному периоду отнесено 12 памятников: Новомордовский I мог. (5), Большая Таяба местонах. (8), Чурачикский мог. (14), Климкинское местонах. (15), Тюлькой местонах. (31), Питишевское гор. (32), Царев Курган гор. (50), Петровка местонах. (75), Студеный овраг местонах. (76), Мариинско-Посадская находка (190), Нов. Чурашевское местонах. (191), Андреево-Базарская находка (192).

Новомордовский I могильник (5) начал функционировать около середины VIII в. до н.э., с ним связаны первые находки каменных стел вне Ананьинского могильника, и здесь же обнаружены предметы, свидетельствующие о том, что он продолжил свое существование вплоть до позднего периода АКИО. К числу этих предметов относятся выявленные на размываемой части некрополя: бронзовый зооморфный крючок (группа 1.1.1. (рис. 17: 6), датирующийся концом V–IV в. до н.э., и фрагмент украшения, по всей вероятности крючка или булавки, в зверином стиле (рис. 17: 10). Медведь (?) или кошачий хищник на данном изделии стоит в статичной позе на вытянутых лапах; они мощные, когтистые, уши круглые, пасть раскрыта, в месте перехода ног в туловище располагаются рельефные элементы, образованные выпуклыми кольцами, внутри которых находятся выступающие круги. Датировка данного украшения основывается на статичности позы изображенного животного – не ранее рубежа V–IV вв. до н.э. (Чижевский, Шаталов, 2012, с. 34) – и аналогиям – крючкам из Кырныша (IV в. до н.э.) и из погр. 1948 г. у с. Бажиган, датированного IV–III вв. до н.э. (Крупнов, 1960, рис. 17: 7; Смирнов, 1961, рис. 50: 1а; Гуляев, 1969, с. 118). В пределах IV–III вв. до н.э. может быть принята и датировка украшения из Новомордовского I могильника.

Орнитоморфный крючок, найденный у с. **Большая Таяба (8)** (Tallgren, 1918, p. 9; Збруева, 1952, табл. XXXI: 2; Смирнов А.П., 1961, рис. 20: 6; Гуляев, 2016, илл. 61), относится к группе 5.1.1. (рис. 17: 1) и датируется в АКИО концом V–IV вв. до н.э. (аналогии см. выше).

Принадлежность **Чурачикского могильника (14)** к АКИО иногда оспаривается, основным аргументом в такого рода оценках являются, выявленные в составе погребального инвентаря фрагменты плоскодонной посуды с примесью песка и дресвы в глиняном тесте. Однако имеются здесь и фрагменты керамики с примесью раковины, украшенные орнаментом в виде двузубого штампа, характерного для АКИО[9]. Последнее обстоятельство заставляет все же относить памятник к АКИО или смешанному с его носителями населению. Предметами-хроноиндикаторами, которые позволяют относить могильник к позднему периоду, являются крестовидная бляха и зооморфные крючки.

Крестовидная бляха из впускного погребения[10] в кургане, раскопанном в 1960–1961 гг. (рис. 17: 7) (Каховский, 1963, рис. 3: 13), относится к первому варианту (с выпуклой поверхностью) подобных блях. Датируется она IV в. до н.э. по среднедонским аналогиям (кург. №17 Русская Тростянка; кург. №4, 8, 10 у с. Колбино; кург. №11 группы Частые курганы) (Савченко, 2001, с. 56; 2009, с. 241, 279, 280, рис. 16: 4 – 10, 12 – 16; подробные аналогии см. выше).

Бронзовые зооморфные крючки (2 экз.) с изображением хищника (медведь) и птицы (с головой животного на щитке и крючком в виде

[9] Не опубликовано, керамика экспонируется в археолого-этнографическом музее Чувашского государственного педагогического университета

[10] К сожалению, В.Ф. Каховский в статье 1963 г. не опубликовал номера впускных погребений

головы птицы), выявленные на памятнике, относятся к группе 4.1.1. Они были найдены в погр. 1/1963 г. (рис. 17: 3) и погр. 77/2003 г. (рис. 17: 2) (Каховский, 1963, рис. 3: 17; 1964, рис. 13: 18; 2003, с. 191, рис. 18), датируются крючки данной группы IV в. до н.э. (аналогии см. выше). К этой же группе, вероятно, относятся и сильно коррозированные железные крючки из погр. 81/2003 г. (Каховский, 2006а, с. 192, рис. 12: 8) и погр.94/2005 г.[11] (Каховский, 2006б, с. 98).

В насыпи кург. 1 Климкинского могильника (III вв. н. э.), расположенного в Горномарийском районе Марий-Эл, выявлен бронзовый поясной крючок (рис. 17: 4), который можно выделить в **Климкинское местонахождение (15),** так как по своей морфологии и контексту находки он выпадает из числа артефактов памятников писеральско-андреевского типа (Зубов, Михеев, 2006, с. 206, 212, рис. 5: 7).

Крючок, по всей видимости, происходит из более раннего, чем Климкинский могильник, разрушенного погребения АКИО. На щитке крючка, судя по позе (припавший к земле перед прыжком зверь), и длинной морде, типичной для волков в изобразительном искусстве времени классической Скифии и ранних сарматов (Смирнов, 1964, рис. 29: 4а, 4в, 32: 1з, 36: 2в, 78: 2, 80: 8; Королькова, 2006, с. 79–83, табл. 32: 3–6, 11–13, 15, 17), размещен волкообразный хищник с раскрытой пастью. Сам крючок простой, без украшений, в дополнение к типологическому ряду Ст. А. Васильева его можно выделить в группу 7.1.

Наиболее близок к климкинской находке железный крючок с золотой обкладкой из Нижнего Дона (случайная находка), здесь также присутствует фигура хищника с раскрытой пастью в сходной с климкинским крючком позе (Гуляев, 1969, с. 119, рис. 7: 8). Целая фигура животного – травоядного (кург. 34/39 (1 экз.), находка из грабительских раскопок 1905–1906 гг. (1 экз.), случайная находка (1 экз.) у с. Мастюгино, кург. 12/1914 группы «Частые курганы» (1 экз.)) или стилизованного хищника-травоядного (погр. у ст. Старо-Минской) иногда размещалась на зооморфных крючках, которые фиксируются на памятниках Среднего Дона и в Приазовье, датируются эти крючки IV–III вв. до н.э. (Замятнин, 1946, рис. 27: 1, Либеров, 1965, табл. 32: 8, 10, 11, 12, 15; Гуляев, 1969, с. 115, 118, рис. 7: 1–4, 7). Изображение хищника (медведя?), близкого старо-минскому происходит из погр.6 Биктимировского II могильника на р. Белой (карабабызская культура), также датированного IV–III вв. до н.э. (Овсянников, Тагиров, 2011, с. 51, рис. 1: 1).

Судя по донским и бельским аналогиям, бронзовый крючок из насыпи кург. №1 Климкинского курганного могильника следует отнести к IV–III вв. до н.э.

Из местонахождения **Тюлькой (31)**, расположенного в Чувашской Республике, происходит бронзовая ложка со скульптурным изображением на окончании ручки головы коня (рис. 17: 5) (Мясников, 2014, с. 276, рис. 1: 2).

Прямых аналогий не известно, однако на памятниках региона Ветлуги и Вятки АКИО встречаются черпаки из кости, иногда украшенные на окончании рукояти зооморфными изображениями (Спицын, 1893, табл. I: 13, XI: 23; Вараксина, 1929, табл. 4: 6; Ашихмина, Черных, Шаталов, 2006, рис. 61: 4, 6, 62: 4–6). Данная категория предметов не имееет значения как хроноиндикаторы, однако их присутствие свидетельствует о знакомстве носителей АКИО с использованием подобных приспособлений.

Серебряный черпак подобной конструкции, но с более длинной ручкой, заканчивающейся головой собаки или волка известен в кург. Чертомлык, время сооружения которого определено в рамках 350/340 – 320 гг. до н.э. (Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, с. 174, 187, кат. 93; Алексеев, 2003, с. 297). Серебряные черпаки с изогнутыми длинными ручками с орнитоморфным окончанием известны на территории Фракии, где они датируются IV–III вв. до н.э. (Фракийское, 2013, с. 121, 122 кат. 36).

Наибольшая близость с находкой из Тюлькой наблюдается у ложки из билона со скульптурным изображением лошади с Пургасова городища городецкой культуры, расположенного в Республике Мордовия (Артёмова и др., 1972, с. 219; Мясников, 2014, с. 278), и ложки из бронзы с изображением головы козла на окончании ручки из курганного могильника прохоровской культуры у с. Старица Астраханской области (Смирнов, 1989, табл. 66: 53). Датируется по находкам из могильника у с. Старица и кург. Чертомлык – IV–II вв. до н.э.

На **Питишевском городище (32)** в Чувашской Республике найдена случайная находка бронзовых литых ножен. Лицевая сторона

[11] Изображение не опубликовано, сам крючок экспонируется в археолого-этнографическом музее Чувашского государственного педагогического университета

ножен сплошная, с рельефным изображением медведя в верхней части у устья, тыльная сторона не имеет сплошного покрытия, а ограничивается четырьмя поперечными полосами (рамками) (рис. 17: 9) (Мясников, 2014, с. 276, рис. 1: 1).

Ножны близкой конструкции (сплошная лицевая часть и рамчатая тыльная) происходят: из погр. 143 Зуевского мог., однако конструктивно они значительно сложнее, датируются эти ножны второй половиной/концом V – началом IV вв. до н.э. (см. выше); и из погр. 45 Икского мог. пьяноборской культуры, которое датируется II в. до н.э. (Красноперов, 2014, с. 344, рис. 5: 2), но конструктивно последняя находка значительно проще, и форма её отлична от питишевской.

Изображение медведя на ножнах сходно с изображением на вышеупомянутой находке из Новомордовского I могильника и подвеске из Гляденовского костища, но сильно стилизовано и более напоминает изображения на крючках из погр. 1, кург. 4 и погр. 1, кург. 5 Шиповского могильника, погр. 85 Охлебининского могильника (Пшеничнюк, 1968, рис. 6: 11; 1976, рис. 7: 1, 3) и особенно на крючках группы 4.1.1. АКИО (аналогии см. выше). В пределах этих аналогий ножны из Питишевского городища датируются IV–III вв. до н.э.

Материалы трех ранее неизвестных местонахождений позднеананьинского времени впервые опубликованы Н.С. Мясниковым в данном издании (Мясников, 2017, с. 44–48). Это Мариинско-Посадская находка (190), Нов. Чурашевское местонах. (191), Андреево-Базарская находка (192). Основные аналогии, позволяющие определить хронологические позиции этих объектов, приведены автором публикации, поэтому в данной статье даны лишь дополнения и некоторые уточнения к публикации Н.С. Мясникова.

К позднему периоду АКИО на основании аналогий отнесена найденная в Чувашской Республике **Мариинско-Посадская находка (190)** (Мясников, 2017, рис. 3: 2). Это бронзовая орнитоморфная бляшка с прочерченным изображением хвоста и крыльев, с крючком в виде птичьей головы на лицевой стороне и петлей на обороте. Кроме приведенных Н.С. Мясниковым аналогий, следует упомянуть орнитоморфную бляшку из погр. 26 Шиховского мог., на основании датировки этого погребения и погр. 6 Котловского мог. (см. выше) Мариинско-Посадская находка датирована IV–II вв. до н.э.

Нов. Чурашевское местонах. (191) (Мясников, 2017, рис. 3: 55, 56). Среди других находок, объединенных случайным находчиком в поясной набор, выявлены два предмета по аналогиям, отнесенные Н.С. Мясниковым к позднему периоду АКИО. Это круглая выпуклая бляшка с отверстием посередине и с полусферическими фигурами по периметру – IV – III вв. до н.э. (аналогии см. Мясников, 2017) и поясной орнитоморфный крючок, который относится к группе 5.1.1. по Ст. Васильеву. По оформлению данный крючок близок к находке из с. Большая Таяба (8). Месторасположение этих объектов также очень близко, можно предполагать, что они сделаны на территории одного еще не выявленного археологами могильника. Датируется крючок из Нового Чурашева, как и остальные крючки группы 5.1.1., концом V–IV вв. до н.э.

Андреево-Базарская находка (192) (Мясников, 2017, рис. 4). Бронзовая зооморфная подвеска в виде скульптурно оформленной морды кабана в верхней части (рот кабана оформлен рельефной полосой в виде головки хищной птицы) и рельефным изображением хищного животного (медведя ?) в нижней, с мощными лапами, суставы переданы завитками или кольцами, датируется – IV – III вв. до н.э. по многочисленным аналогиям изображений медведя, выполненных в таком стиле.

Царев Курган городище (50) отнесено к позднему периоду АКИО благодаря наличию в составе её коллекции наконечника стрелы типа С-50 (рис. 17: 8), датирующегося IV–II в. до н.э., и керамики белогорского типа (рис. 18: 5, 7, 15, 16) (Чижевский, 2014, рис. 3: 11–11, 21).

Белогорский тип керамики выделен В.В. Гольмстен в 1925 г. на основании изучения поселений раннего железного века полуострова Самарская Лука (Гольмстен, 1925, с. 5–14).

Сосуды белогорского типа круглодонны, плечики хорошо выражены, много цилиндрошейных сосудов, в глиняном тесте присутствует дробленая раковина и известняковая крошка. Орнамент размещается на шейке сосуда, но иногда опускается на плечики, основные элементы орнамента – подтреугольные вдавления, которые группируются в один – два ряда, а на плечиках в ряде случаев располагаются треугольные фестоны, сформированные неглубокими вдавлениями. Время существования керамики белогорского типа по находкам предметов-хроноиндикаторов в культурных слоях поселений и страти-

графии определено VI–III вв. до н.э. (Чижевский, 2014, с. 211, 222).

Биметаллический меч из **местонахождения Петровка (75)** с навершием в виде противостоящих голов животных, обращенных друг к другу затылками, сплошной рукоятью и с бабочковидным перекрестием (рис. 17: 12) найден в бассейне р. Самара (Денисов, Мышкин, 2008, с. 66, рис. 3: 8). На территории АКИО ему наиболее близок меч из пос. Юг (см. выше), кроме того подобные предметы известны в Барабинской лесостепи у с. Новотроицкое Новосибирской области, с. Ильинское в Оренбуржье, Минусинской котловине (коллекция И.П. Товостина) (Tallgren, 1917. Pl. III; Исмагилов, Скарбовенко, 1977, с. 90, рис. 3: 4; Соловьев, Мартынов, Теребило, 1987, рис. 1: 1, 4, 5; Денисов, Мышкин, 2008, рис. 3: 8). Меч из пос. Юг датируется IV в. до н.э., остальные – в пределах V–IV вв. до н.э. (Смирнов, 1961, с. 15, рис. 1: 11; Соловьев, Мартынов, Теребило, 1987, с. 136).

В **местонахождении Студеный овраг, (76)**, выявленном в г. Самаре, обнаружен короткий меч с когтевидным навершием и бабочковидным перекрестием (рис. 17: 11) (Денисов, Мышкин, 2008, с. 66, рис. 4: 7). На территории АКИО известно ещё два таких меча, которые происходят из урочища Малая Чеганда (77) и пос. Усть-Качка (79), подробные аналогии мечам этого типа даны при характеристике последних (см. выше). Датируются мечи с когтевидным навершием в рамках конца V–IV вв. до н.э.

Время существования остальных памятников региона Средняя Волга, а к ним относится 29 поселений, основывается на керамических комплексах, включающих глиняную посуду белогорского и конецгорского типа: Маклашеевское II гор. (33) (рис. 18: 11), Зольное пос. (34) (рис. 18: 1), Черки-Кильдуразы V ст. (35) (рис. 18: 2), Гулькинская ст. (36), Гулькинский мог. (37) (рис. 18: 6) (Збруева, 1954, рис. 7), Старомайнское гор. (40) (рис. 18: 8, 17), Займищенская IIIа ст. (39) (рис. 18: 18), Карташихинская I ст. (42), Казанка I гор. (43) (рис. 18: 13, 14), Молодецкий курган гор. (44), Усинский курган гор. (45), Задельная Гора гор. (46) (рис. 18: 19), Лысая Гора гор. (47) (рис. 18: 20), пос. у с. Федоровка (48), пос. у Поповой Горы (49), Коптево гор. (51), Студеный Овраг пос. (52), Белая Гора гор. (53) (рис. 18: 4, 12), Манчиха гор. (54), Торновское гор. и сел. (55), Вислокаменное гор. (56), Каменная Коза гор. (57), Лбище гор. (58), Новинковское сел. (59), Студеный Овраг сел. (60), Новая Беденьга I сел. (161), Мантовское местонах. (167), Пестречинская II ст. (188), Малахайское пос. (189) (Чижевский, 2014, рис. 2: 1–24, 3: 1–20, 5: 7, 8, 14–16, 6: 1–7, 9–11, 13–19; 7: 4, 8–18; Патрушев, 2017, рис. 11: 1, 3, 5, 7, 9, 10, 13).

На фоне остальных выделяются керамические комплексы гор. Казанка I (43) и Пестречинская II ст. (188), в которых, кроме позднеананьинской, отмечена и прохоровская керамика (рис. 18: 9, 10)[12]. Рассматриваемые фрагменты относятся к венчикам сосудов с цилиндрошейной горловиной и шаровидным наплывом в верхней части, орнамент в виде горизонтального зигзага (гор. Казанка I) и горизонтальных каннелюр (Пестречинская II ст.), в глиняном тесте примеси органики и шамота. В Южном Приуралье подобная керамика получила название гафурийской и относится исследователями к «сарматоидной» (Пшеничнюк, 1973, рис. 24: 7; 26: 3–5, 7, 8; Генинг, 1988, с. 85, рис. 21: 13, 14, 16; Овсянников и др., 2007, рис. 5: 10, 14: 12; Яблонский, 2012, рис. 57: 8, 9, 67: 2, 69: 8; Савельев, Яблонский, 2014, рис. 15: 5, 6, 8, 9). Некоторые отличия проявляются в технике нанесения орнамента – гребенкой (гор. Казанка I), но этот факт можно объяснить влиянием местной традиции, когда по форме и примесям сосуд изготавливался как раннесарматский, а техника нанесения орнамента близка к ананьинской (Мошкова, 1963, Табл.13: 8–10, 13; Смирнов, 1975, 18: 3, 6, 34: 4, 35: 3, 37: 7, 38: 9).

Датируется гафурийская и прохоровская керамика IV–III/II вв. до н.э. (Пшеничнюк, 1973, с. 206; Овсянников и др., 2007, с. 81; Яблонский, 2012, с. 82).

Выводы

1. Начало позднего периода АКИО датируется по разным оценкам в пределах конца V в. до н.э. или рубежа V–IV вв. до н.э.

2. Завершение существования АКИО также не имеет устойчивой границы, несмотря на то, что основная масса датировок относится к III в. до н.э., некоторые даты указывают на продолжение существования отдельных памятников АКИО и во II в. до н.э.

3. Основная масса памятников позднеаньинского времени сосредоточена в регионе Средней Камы (89 из 192). Здесь наблюдается наибольшая концентрация поселений и в том числе городищ.

[12] Выражаю благодарность М.Ш. Галимовой и В.В. Морозову за любезное разрешение использования неопубликованных материалов.

4. Остальные памятники позднего периода АКИО распределены очень неравномерно, больше их отмечено на Средней Волге, Нижней Каме и Европейском Северо-Востоке, меньше на притоках Камы – Белой и Вятке.

5. Неравномерность распределения позднеананьинских памятников по регионам обусловлена как разной степенью изученности этих территорий, так и разной разработанностью хронологии керамических комплексов, на которых основывается датировка большей части памятников АКИО.

6. По сравнению с предшествующими периодами АКИО, наблюдается процесс унификации и обеднения орнаментальных мотивов на керамике в разных регионах АКИО при выделении двух основных традиций нанесения орнамента: гребенкой и в виде ямок. Первая традиция связана с северными регионами (ЕСВ, северная часть Средней Камы, Вятка), вторая – с южными регионами (южная часть Средней Камы, Нижняя Кама, Белая (большей частью), Средняя Волга). Количество сосудов со шнуровой орнаментацией либо существенно сокращается, либо они вовсе исчезают из керамических комплексов поселений и могильников.

7. Наличие в разных регионах АКИО одинаковых украшений, выполненных в зверином стиле, предметов вооружения и импортных изделий из одних и тех же территорий степи, свидетельствует о наличии внутренних связей между культурами и регионами позднего периода АКИО и сохранении единого ананьинского мира вплоть до конца его существования в III/II вв. до н.э.

ЛИТЕРАТУРА

Агеев Б. Б. Пьяноборская культура. Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. 140 с.

Агеев Б. Б., Овсянников В. В. Камышинское городище // УАВ. №2. Уфа: НМ РБ, 2000. С. 155–164.

Археологическая карта Татарской АССР. Предкамье / Отв. ред. А.Х. Халиков. М.: Наука, 1981. 212 с.

Акишев К. А. Культура саков долины р. Или (VII–IV вв. до н.э.) // Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины р. Или / Отв. ред. А. Х. Маргулан. Алма-Ата: АН КазССР, 1963. С. 9–137.

Алексеев А. Ю., Мурзин В. Ю., Ролле Р. Чертомлык (скифский царский курган IV в. до н.э.). Киев: Наукова думка, 1991. 416 с.

Алексеев А. Ю. Хронография Европейской Скифии. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2003. 416 с.

Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья / САИ. Вып. Г1-12. М.: Наука, 1975. 120 с.

Алексеева И. Л., Булатович С. А. Два кургана на левобережье Днестровского лимана // Охранные историко-археологические исследования на юго-западе Украины / Вестник Черноморской ассоциации археологов и любителей древности. Вып. 1 / Ред. Г.Н. Тощев и др. Одесса; Запорожье: Запорож. гос. ун-т, 1990. С. 35–48.

Артёмова В. Д., Ледяйкин В. И., Матюнина Ю. М., Петербургский И. М. Раскопки Пургасова городища // АО–1971 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1972. С. 218–220.

Археологическая карта Башкирии / Отв. ред. О.Н. Бадер. М.: Наука, 1976. 263 с.

Ашихмина Л. И. Раннеананьинские поселения на Верхней Мезени // Археологические памятники Печоры, Северной Двины и Мезени. Вып.6 / Отв. ред. В.С. Стоколос. Сыктывкар: КФ АН СССР, 1977. С. 37–47.

Ашихмина Л. И., Васкул И. О. Памятники ананьинской культурно-исторической общности // Археология Республики Коми / Отв. ред. Э.А. Савельева. М.: ДиК, 1997. С. 314–348.

Ашихмина Л. И., Черных Е. М., Шаталов В. А. Вятский край на пороге железного века: костяной инвентарь ананьинской эпохи (I тыс. до н.э.). Ижевск: УдГУ, 2006. 220 с.

Ашихмина Л. И. Генезис ананьинской культуры в Нижнем Прикамье (по материалам керамики и жилищ) / Археология евразийских степей. Вып. 19. Казань: ИА АН РТ, 2014. 300 с.

Бабенко Л.И. Песочинский курганный могильник скифского времени. Харьков: Райдер, 2005. 284 с.

Беляев А.В., Хуснутдинов Э.А. Глиняная фигурка из Татарско-Суксинского поселения // ПА. 2016. №3. С. 161–167.

Березуцкий В.Д., Разуваев Ю.Д. Курганный могильник скифского времени у хут. Дубовой на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху / Труды Донской (б. Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН / Отв. ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2004. С. 53–68.

Берлизов Н.Е. Ритмы Сарматии. Савромато-сарматские племена Южной России в VII в. до н.э. – V в. н.э. Ч. I. Краснодар: КГУКИ, Парабеллум, 2011. 320 с.

Беспалый Е.И. Позднесарматское погребение из могильника Высочино V на водоразделе между Кагальником и Доном // Сарматы и их соседи на Дону / Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 1 / Отв. ред. Ю.К. Гугуев. Ростов-на-Дону: Терра, 2000. С. 156–168.

Бидзиля В.И., Полин С.В. Скифский царский курган Гайманова Могила. Киев: Скиф, 2012. 752 с.

Борзунов В.А. Городище Алтен-Тау и проблема реконструкции ананьинских фортификаций // СА. 1997. №1. С. 163–180.

Борзунов В.А. Новые материалы по раннему железному веку Прикамья (городище Алтын-Тау // СА. 1997а. №2. С. 197–210.

Буров Г.М. Древний Синдор. М.: Наука, 1967. 218 с.

Васильев Ст.А. Искусство древнего населения Волго-Камья в ананьинскую эпоху (истоки и формирование). Дисс. … канд. ист. наук. СПб.: СПбГУ, 2002. 513 с. № 61:03 – 7/198–3.

Вараксина Л.И. Костеносные городища Камско-Вятского края // ИОАИЭ. 1929. Т. 34, вып. 3–4. С. 83–112,

Васильева А.В., Коренюк С.Н., Перескоков М.Л. Болгарское IX селище – памятники финала ананьинской культуры в окрестностях г. Перми // Поволжская археология. 2015. №2. С. 136–159.

Васкул И.О. Шиховской могильник раннего железного века (первые результаты исследований) / Научные доклады КНЦ УрО РАН. Вып. 451. Сыктывкар, 2002. 52 с.

Васюткин С.М. Исследования пьяноборских могильников в Западной Башкирии // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа. Уфа: БФАН СССР, 1982. С. 125–144.

Вечтомов А.Д. Периодизация и локальные группы памятников ананьинской культуры Среднего Прикамья // Труды IV Уральского археологического совещания / УЗ ПГУ. №148 / Отв. ред. В.А. Оборин. Пермь: ПГУ, 1967. С. 133–155.

Виноградов В.Б. Клад второго Бельтинского могильника // КСИА. 1986. Вып. 186. С. 84–87.

Волков В.В. Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии. Улан-Батор: АН МНР, 1967. 148 с.

Волкова Е.В., Капленко Н.М. Крючок с зооморфным оформлением из Кырнышского археологического комплекса // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 281–285.

Вольная Г.Н. Прикладное искусство населения Притеречья середины I тыс. до н.э. Владикавказ: Иристон, 2002. 145 с.

Вольная Г.Н. К вопросу о параллелях в зооморфном искусстве ананьинской и кобанской культур // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / АЕС. Вып. 8 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Елабуга: ИИ АН РТ, ИА РАН, ЕИАХМЗ, 2009. С. 261–272.

Воробьева С.Л. К вопросу об особенностях восьмерковидных височных подвесок кара-абызского населения Южного Приуралья эпохи раннего железа // Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность / Отв. ред. А.И. Тузбеков. Уфа: ИЭИ УНЦ РАН, 2010. С. 48–51.

Воробьева С. Л. Ананьинский компонент кара-абызской культуры (по материалам костюмного комплекса) // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / АЕС. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 314–330.

Ворошилов А.Н, Медведев А.П. Вооружение населения лесостепного Подонья в скифо-сарматской время // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология: Докл. к VI междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории» / Отв. ред. Л.Т. Яблонский, А.Д. Таиров. Челябинск: ЮУрГУ, 2007. С. 76–87.

Галанина Л.К. Скифские древности Поднепровья (эрмитажная коллекция Брандербурга) / САИ. Вып. Д1-33. Л.: Наука, 1977. 68 с.

Галимова М.Ш. Отчет о раскопках Пестречинской II стоянки в Пестречинском районе Республики Татарстан. Казань, 2017 / НФ МАРТ РТ ИА АН РТ. Ф. 4. Оп. 1.

Гарустович Г.Н., Тагиров Ф.М. Новые находки с Кипчаковского городища на северо-западе Башкортстана // УАВ. Вып. 12 / Ред. Г.Н. Гарустович и др. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. С. 124–135.

Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Материалы к отчету о полевых работах археологической экспедиции ИЯЛИ за 1959 г. / НФ МАРТ РТ ИА АН РТ. Ф. 1. Оп. 1. Ех. 22.

Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч. I: Чегандинская культура III в. до н.э. – II в. н.э. / ВАУ. Вып. 10. Свердловск: УрГУ; Ижевск: УИИЯЛ, 1970. 225 с.

Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч. II: Чегандинская культура III в. до н.э. – II в. н.э. / ВАУ. Вып.11. Свердловск: УрГУ; Ижевск: УИИЯЛ, 1971. 190 с.

Генинг В.Ф. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры. М.: Наука, 1988. 240 с.

Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: УдГУ, 2004. 422 с.

Голдина Р.Д., Черных Е.М. Археологическая карта Каракулинского района Удмуртской Республики. Ижевск: Сарапул. тип., 2011. 168 с.

Голдина Р.Д., Красноперов А.А. Ныргындинский I могильник II–III вв. на Средней Каме / МИКВАЭ. Т. 22. Ижевск: УдГУ, 2012. 364 с.

Голдина Р.Д., Колобова Т.А., Казанцева О.А., Митряков А.Е., Шаталов В.А. Тарасовское святилище раннего железного века в Среднем Прикамье / МИКВАЭ. Т. 26. Ижевск: УдГУ, 2013. 184 с.

Голдина Р. Д., Бернц В. А. Хронология погребений I–II вв. Тарасовского могильника // ПА. №1. 2016. С. 41–89.

Гольмстен В. В. Доисторическое прошлое Самарского края // Краеведение. Самара, 1924. Ч. 1. С. 159–173.

Гольмстен В. В. Материалы по археологии Самарской губернии. 2. Керамика древних мест поселений Самарской Луки // БОИИЭ. 1925. №3. С. 5–16.

Горбунов В.С., Исмагилов Р.Б. Новые находки мечей и кинжалов савромато-сарматского времени в Башкирии // СА. 1976. №3. С. 229–247.

Граков Б.Н. Каменское городище на Днепре / МИА. №36. М.: АН СССР, 1954. 240 с.

Гуляев В.И. Зооморфные крючки скифского периода // Население Среднего Дона в скифское время / МИА. №151 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Наука, 1969. С. 109–127.

Гуляев В.И. Еще раз к вопросу об этнокультурной ситуации в Среднем Подонье в скифское время (V–IV вв. до н.э.) // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху / Труды Донской (Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН, 2001–2003 гг. / Отв. ред. В. И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2004. С. 7–24.

Гуляев В.И. Зооморфные металлические крючки скифского времени в Евразии: каталог и описание. М.: ИА РАН, 2016. 104 с.

Дараган М.Н. Начало раннего железного века в Днепровской Правобережной лесостепи. Киев: КНТ, 2011. 848 с.

Дедков А.П. Долина Средней Волги // Средняя Волга. Геоморфологический путеводитель / Науч. ред. А.П. Дедков. Казань: КГУ, 1991. С. 10–23.

Денисов А.В., Мышкин В.Н. Клинковое оружие населения бассейна р. Самары в VII – IV вв. до н.э. // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 9 / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ, 2008. С. 62–75.

Диков Н. Н. Бронзовый век Забайкалья. Новосибирск: СО АН ССР, 1958. 106 с.

Дэвлет М.А. Бронзовые бляшки в форме сложного лука из Хакасии // КСИА. 1966. Вып. 107. С. 70–74.

Евдокимов Г.Л., Фридман М.И. Скифские курганы у с. Первомайка на Херсонщине // Скифы Северного Причерноморья / Отв. ред. Е.В. Черненко. Киев: Наукова думка, 1987. С. 85–115.

Замятнин С.Н. Скифский могильник "Частые курганы" под Воронежем: (Раскопки Воронежской ученой архивной комиссии 1910–1915 гг.) // СА. 1946. Т. VIII. С. 9–50.

Збруева А.В. Галкинское городище // Археологические памятники Урала и Прикамья / МИА. №1 / Отв. ред. П.Н. Третьяков. М.; Л.: АН СССР, 1940. С. 83–96.

Збруева А.В. Городище Грохань // КСИИМК. 1947. Вып.16. С. 52–64.

Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху / Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. V / МИА. №30. М.: АН СССР, 1952. 326 с.

Збруева А.В. Гулькинский могильник // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. I / МИА. №42 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1954. С. 247–258.

Зограф А.Н. Античные монеты / МИА. №16. М.; Л.: АН СССР, 1951. 264 с. + 50 табл.

Зубов С.Э. Подвески-обереги в форме скифского лука в раннем железном веке Евразии // Поволжские финны и их соседи в эпоху средневековья, проблемы хронологии и этнической истории / Отв. ред. В.В. Гришаков. Саранск: МГПИ, 2003. С. 11–16.

Зубов С.Э., Михеев А.В. Этнокультурные процессы в Западном Поволжье на рубеже раннего железного века и раннего средневековья (проблемы хронологии и этнической атрибуции памятников писеральско-андреевского типа) // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время: Сборник статей к 70-летию Анатолия Харитоновича Пшеничнюка / Отв. ред. Г.Т. Обыденнова, Н.С. Савельев. Уфа: Гилем, 2006. С. 204–225.

Журавлев Д.В., Новикова Е.Ю. Коллекция из кургана Куль-Оба в собрании Государственного исторического музея // Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирина Ивановны Гущиной / ТГИМ. Вып. 191 / Отв. ред. Д.В. Журавлев, К.Б. Фирсов. М.: ГИМ, 2012. С. 70–76.

Иванов В.А. Глиняные антропоморфные фигурки ананьинско-пьяноборского времени // СА. 1976. №3. С. 308–312.

Ильинская В.А. Памятники скифского времени в бассейне р. Псел // СА. 1957. Т. 27. С. 232–249.

Ильинская В.А. Скифы днепровского лесостепного левобережья (курганы Посулья). Киев: Наукова думка, 1968. 267 с.

Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Киммерийское время (9 – первая половина 7 вв. до н.э.) // Археология Украинской ССР. Т. 2 / Ред. И.И. Артеменко и др. Киев: Наукова думка, 1986. С. 8–43.

Исмагил Р. Б., Сунгатов Ф. А. Памятники яицкой культуры последне четверти V–IV вв. до н.э. на Южном Урале / Материалы охранных раскопок и исследований по археологии Южного Урала. Т. III. Уфа: Белая река, 2013. 223 с.

Исмагилов Р.Б., Скарбовенко В.А. Новые находки савроматского оружия в междуречье Волги и Урала // Средневолжская археологическая экспедиция / Ред. С. Г. Басин и др. Куйбышев: КГУ, 1977. С. 77–91.

Исмагилов Р.Б. Кинжалы позднесавроматского времени из Башкирии // СА. 1978. №4. С. 229–238.

Исмагилов Р.Б. Приуральские акинаки с навершием в виде ушастого грифона и хищного животного // СА. 1980. №1. С. 219–228.

Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана / Отв. ред. А.Х Маргулан. Алма-Ата: Наука КазССР, 1966. С. 303–433.

Казанцева О.А. Каталог археологических памятников Бардымского района Пермской области / МИКВАЭ. Т. 14. Ижевск: УдГУ, 2004. 176 с.

Канивец В.И. Канинская пещера. М.: Наука, 1964. 136 с.

Канивец В.И. Печорское Приполярье. Эпоха раннего металла. М.: Наука, 1974. 152 с.

Канторович А.Р. Истоки и вариации образов грифона и грифоноподобных существ в раннескифском зверином стиле VII–VI вв. до н.э. // Изобразительное искусство в археологическом наследии / Археологический альманах. №21. Донецк: Лебедь, 2010. С. 189–224.

Карпелан К., Уйно П. Очерк о коллекции вещей из Ананьинского могильника близ Елабуги в Национальном музее Финляндии // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / АЕС. Вып. 8 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Елабуга: ИИ АН РТ, ИА РАН, ЕИАХМЗ, 2009. С. 13–23.

Каховский В.Ф. **Чурачикский могильник в Чувашии // СА. 1963. №3. С. 169–177.**

Каховский В.Ф. **Чурачикский могильник //** Археологические работы в Чувашской АССР в 1958–1961 годах / УЗ ЧувНИИ. Вып. 25 / Отв. ред. В. Д. Дмитриев. Чебоксары: ЧувНИИ, 1964. С. 73–98.

Каховский Б.В. Археологические исследования Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева на Чурачикском могильнике в 2002–2003 гг. // Исследования по древней и средневековой археологии Поволжья / Ред. Е.П. Михайлов. Чебоксары: ЧГИГН, 2006а. С. 175–227.

Каховский Б.В. Исследования Чурачикского могильника в 2001–2005 гг. // Проблемы археологии и этнографии / Цивилизации народов Поволжья и Приуралья. Т. 1 / Отв. ред. Б.В. Каховский. Чебоксары: ЧГПУ, 2006б. С.94–102.

Клепиков В. М. Раннесарматские мечи в Нижнем Поволжье // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология: Докл. к VI междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории» / Отв. ред. Л.Т. Яблонский, А.Д. Таиров. Челябинск: ЮУрГУ, 2007. С. 51–57.

Ковпаненко Г. Т., Бессонова С. С., Скорый С. А. Памятники скифской эпохи днепровского лесостепного Правобережья. Киев: Наукова думка, 1989. 336 с.

Коренюк С.Н., Денисов В.П. Находки мечей ананьинского времени в Пермском Прикамье // Пермское Прикамье в истории России и Урала: МВНК / Сост. В.В. Шилов. Березники: Тип. купца Тарасова, 2000. С. 39–42.

Коренюк С.Н., Майстренко Д.А. Скородумский «клад» // Шестые Берсовские чтения: МВНПК / Отв. ред. В.Д. Викторова. Екатеринбург: Квадрат, 2011. С. 139 – 146.

Коренюк С.Н. Могильник «Протасы» // Труды Камской археологической экспедиции. Вып. VIII / Отв. ред. А.М. Белавин. Пермь: ПГГПУ, 2012. С. 143–155.

Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф., Перескоков М.Л. Динамика эволюции керамических комплексов среднего и позднего этапов ананьинской культуры в Осинском Прикамье (на примере Гремячанского поселения-святилища) // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 292–302.

Корепанов К.И. Изображение медведя в искусстве Прикамья второй половины I тыс. до н.э. // ВАУ. Вып. 15 / Отв. ред. В.Е. Стоянов. Свердловск: УргУ, 1981. С. 130–136.

Корепанов К.И. О локальных различиях в искусстве «звериного» стиля Среднего Поволжья и Прикамья VII–III вв. до н.э. // Скифо-сибирский мир / Отв. ред. А.И. Мартынов, В.И. Молодин. Новосибирск: Наука, 1987. С. 63–75.

Королев К.С. Памятники эпохи раннего железа в долине Средней Вычегды // Памятники эпохи камня и металла Северного Приуралья / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: КНЦ УрО АН СССР, 1988. С. 64–75.

Королев К. С. Население Средней Вычегды в древности и средневековье. Екатеринбург: УрО РАН, 1997. 194 с.

Королькова Е. Ф. Звериный стиль Евразии: (Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н.э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. 272 с.

Косарев М. Ф. К вопросу о кулайской культуре // КСИА. 1969. Вып. 119. С. 43–51.

Красноперов А.А. Зеркала пьяноборской культуры // Пятые Берсовские чтения. К 100-летию Е.М. Берс: МВНПК / Отв. ред. В.М. Морозов. Екатеринбург: Квадрат, 2006. С. 144–148.

Красноперов А.А. Погребение №28 Икского могильника: к вопросу о ранней лате пьяноьборских памятников // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 331–351.

Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М.: АН СССР, 1960. 520 с.

Кубарев В. Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск: Наука, 1987. 300 с.

Кубарев В. Д. Курганы Юстыда. Новосибирск: Наука, 1991. 190 с.

Кубарев В. Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск: Наука, 1992. 220 с.

Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М.: Наука, 1983. 257 с.

Кузьминых С.В., Чижевский А.А. Хронология раннего периода ананьинской культурно-исторической области // Поволжская археология. 2014. №3. С. 101–137.

Кузьминых С.В., Чижевский А.А. Финал бронзового и ранний железный век на северо-востоке Европы: культурогенез, границы и контакты археологических культур // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований: Сборник статей к 70-летию профессора Ю.Ф. Кирюшина / Ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Алт. ун-т, 2015. С. 44–54.

Курочкин Г.Н. Тагарские курганы в зоне Новоселовской оросительной системы // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири / Отв. редактор В.М. Массон. Л.: Наука, 1988. С. 5–22.

Лебедев А.С. Пижемское городище // ИОАИЭ. 1907. Т. XXIII, вып. 6. С. 448–457.

Либеров П.Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону / САИ. Вып. Д1–311. М.: Наука, 1965. 113 с.

Лузгин В.Е. Древние культуры Ижмы. М.: Наука, 1972. 128 с.

Максименко В.Е., Смирнов К.Ф., Косяненко В.М. Курган у хут. Кащеевка // Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии / Отв. ред. В.В. Кропоткин, М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1984. С. 148–156.

Мандельштам А.М. Ранние кочевники скифского периода на территории Тувы // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время: Археология СССР / Отв. ред. А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1992. С. 178–205.

Манцевич А.П. Курган Солоха. Публикация одной коллекции. Л.: Искусство, 1987. 143 с.

Мартынов А.И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск: Наука, 1979. 208 с.

Масленицына Е.С. Некоторые стилистические группы памятников в искусстве Прикубанья в конце V–IV вв. до н.э. // Граковские чтения на кафедре археологии МГУ 1989–1990 гг. / Отв. ред. Ю.Л. Щапова, И.В. Яценко М.: МГУ, 1992. С. 57–68.

Махортих С.В. Пам'ятки типу Новочеркаського скарбу // Археологія. 1992. №1. С. 23–30.

Махортых С.В. Иевлев С.М. Скифские мечи и кинжалы из собрания Национального музея истории Украины // Древности Северского Донца. Вып. 5 / Ред. В.О. Манько. Луганск: Шлях, 2001. С. 100–107.

Махортых С.В. Хронология Перещепинского курганного могильника близ Бельска // Stratum plus. 2012. №3. С. 145–160.

Медведев А.П. К вопросу о происхождении среднедонской культуры скифского времени (по материалам городищ) // РА. 1998. №2. С. 22–40.

Медведская И.Н. Некоторые вопросы хронологии бронзовых наконечников стрел Средней Азии и Казахстана // СА. 1972. №3. С. 76–89.

Мельничук А.Ф., Оборин В.А. Новые исследования Гремячанского поселения-святилища // АО Урала и Поволжья / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: КНЦ УрО АН СССР, 1989. С. 75–78.

Мелюкова А.И. Вооружение скифов / САИ. Вып. Д1–4. М.: Наука, 1964. 91 с.

Мелюкова А.И. Краноскутский курган. М.: Наука, 1981. 112 с.

Мелюкова А.И. Оружие, конское снаряжение, повозки, навершия // Степи европейской части СССР в скифо–сарматское время: Археология СССР / Отв. ред. А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова М: Наука, 1989б. С. 92–100.

Мелюкова А.И. Скифское искусство звериного стиля // Степи европейской части СССР в скифо–сарматское время: Археология СССР / Отв. ред. А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова. М: Наука, 1989. С. 100–104.

Мелюкова А. И. Хозяйство, быт, торговля // Степи европейской части СССР в скифо–сарматское время: Археология СССР / Отв. ред. А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова. М: Наука, 1989в. С. 113–120.

Мерперт Н.Я. Акинак с когтевидным навершием // КСИИМК. 1948. Вып. 22. 1948. С. 74–79.

Миллер А.А. Раскопки в районе древнего Танаиса // ИАК. 1910. №35. С. 86–124.

Митряков А.Е., Черных Е.М. Вятские древности начала железного века: полтора столетия после открытия культуры «костеносных городищ» // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / АЕС. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 174–191.

Могильников В.А. Саргатская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время: Археология СССР / Отв. ред. А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1992. С. 292–311.

Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н.э. М.: Пущин. науч. центр РАН, 1997. 196 с.

Мозолевский Б.Н. Скифские погребения у с. Нагорное близ г. Орджоникидзе на Днепропетровщине // Скифские древности / Отв. ред. А.И. Тереножкин. Киев: Наукова думка, 1973. С. 187–234.

Мозолевський Б.Н. Товста могила. Київ: Наукова думка, 1979. 251 с.

Мозолевский Б.Н. Скифские курганы в окрестностях г. Орджоникидзе на Днепропетровщине (раскопки 1972–1975 гг.) // Скифия и Кавказ / Отв. ред. А.И. Тереножкин. Киев: Наукова думка, 1980. С. 70–154.

Мокрушин В.П. Археологические исследования на территории Пермского и Кунгурского районов Пермской области // АО Урала и Поволжья / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: КНЦ УрО АН СССР, 1989. С. 81–83.

Мокрушин В.П. Изучение городища Ермаши на территории г. Перми // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / АЕС. Вып. 8 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Елабуга: ИИ АН РТ, ИА РАН, ЕИАХМЗ, 2009. С. 98–107.

Морозов В.В. Отчет о разведочных работах в г. Казань в Республике Татарстан в 2016 г. Казань, 2017. 74 с. / НФ МАРТ РТ ИА АН РТ. Ф. 4. Оп. 1.

Морозов Ю.А. Исследования Уфимского городища // УАВ. Вып. 2 / Отв. ред. В.К. Федоров. Уфа: НМ РБ, 2000. С. 145–154.

Мошкова М. Г. Раннесарматские бронзовые пряжки // МИА. №78. М.: АН СССР, 1960. С. 293–307.

Мошкова М.Г. О раннесарматских втульчатых стрелах // КСИА. 1962. Вып. 89. С. 77–82.

Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры / САИ. Вып. Д1–10. М.: АН СССР, 1963. 56 с., 32 табл.

Мошинская В.И. Материальная культура и хозяйство Усть-Полуя // Древняя история Нижнего Приобья / МИА. №35 / Отв. ред. А.В. Збруева. М.: АН СССР, 1953. С. 72–106.

Мясников Н.С. Новые находки ананьинского времени с территории Чувашии // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / АЕС. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 276–280.

Мясников Н.С. Новые случайные находки ананьинского времени с территории Чувашии // Археология евразийских степей. 2017. №4. С. 44–48.

Нефедов Ф.Д. Археологические исследования в Южном Приуралье и Прикамье в 1893–1894 гг. // МАВГР. Т. III. М.: Тип. Н.Н. Шарапова, 1899. С. 42–74.

Новокрещенных Н.Н. Гляденовское костище Пермской губ., на р. Каме // Труды ПУАК. Вып. XI. Пермь, 1914. С. 19–97.

О государственном учете недвижимых памятников истории и культуры Пермского края регионального значения. Распоряжение Губернатора Пермской области от 05.12.2000 N 713-р.

Овсянников В.В., Тагиров Ф.М. Городище Какры-Куль (Старо-Муштинское) // УАВ. Вып. 2 / Отв. ред. В.К. Федоров. Уфа: НМ РБ, 2000. С. 165–178.

Овсянников В.В., Яминов А.Ф. Исследование могильника у Чортова городища в Уфе (1911–1912 годы) // УАВ. Вып. 4 / Отв. ред. А.Ф. Яминов. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2003. С. 16–46.

Овсянников В.В., Савельев Н.С., Акбулатов И.М., Васильев В.Н. Шиповский могильник в лесостепном Приуралье. Уфа: Гилем, 2007. 166 с.

Овсянников В.В. К вопросу о происхождении сюжета «медведь в жертвенной позе» в пермском зверином стиле // Вестник Пермского университета. Вып. 1. Пермь: ПГУ, 2013. С. 77–83.

Овсянников В.В. Селище Воронки – ранний памятник кара-абызской культуры // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / АЕС. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 303–313.

Овсянников В.В., Каюмов И.Х., Бабин И.М. Новые материалы с поселений кара-абызской культуры // УАВ. Вып. 15 / Отв. ред. В.В. Овсянников. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2015. С. 85–110.

Ольховский В.С. О поясных крючках эпохи раннего железа // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (к 100-летию Б.Н. Гракова) / Отв. ред. Г.Н. Тощев. Запорожье: ЗГУ, 1999. С. 182–187.

Оруджов Э.И. Керамический комплекс Кривоборского городища // Археология евразийских степей. 2017. №4.

С. 89–104.

Очир-Горяева М.А. Древние всадники степей Евразии. М.: Таус, 2012. 472 с.

Патрушев В.С., Халиков А.Х. Волжские ананьинцы: (Старший Ахмыловский могильник). М.: Наука, 1982. 278 с.

Патрушев В.С. Ананьинские древности Марийского края (по материалам поселений) // Археология евразийских степей. 2017. №4. С. 105–126.

Переводчикова Е.В. Язык звериных образов. Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. М.: Вост. лит., 1994. 206 с.

Перевозчикова С.А. Историко-культурное наследие национального парка «Нечкинский» // Самарская Лука: проблемы региональной и глобальной экологии. 2009. Т. 18, № 3. С. 30–37.

Перевозчикова С.А., Черных Е.М. Усть-Нечкинские городища в Среднем Прикамье на этапе ананьинской культуры (топография, планировка, инвентарь) // ПА. 2015. №2. С. 114–133.

Петренко В.Г. Правобережье Среднего Приднепровья в V–III вв. до н.э. / САИ. Вып. Д1–4. М.: Наука, 1967. 179 с.

Полидович Ю.Б. Зооморфно оформленные псалии как феномен скифской эпохи // Псалии. Элементы упряжи и конского снаряжения в древности /Археологический альманах. №15 / Отв. ред. А.Н. Усачук. Донецк: ДОКМ, 2004. С. 143–165.

Полидович Ю.Б. Рукояти с изображением хищников и некоторые особенности ананьинского «звериного» стиля // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / АЕС. Вып.8 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Елабуга: ИИ АН РТ, ИА РАН, ЕИАХМЗ, 2009. С. 239–244.

Полин С. В. От Скифии к Сарматии. Киев: ИА НАНУ, 1992. 201 с.

Полин С.В., Кубышев А.И. Скифские курганы Утлюкского междуречья (в северо-западном Приазовье). Киев: ИА НАНУ. 1997. 87 с.

Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука, 1987. 144 с.

Поляков Ю.А. Итоги изучения памятников гляденовской культуры в Верхнем и Среднем Прикамье // Труды IV Уральского археологического совещания / УЗ ПГУ. №148 / Отв. ред. В.А. Оборин. Пермь: ПГУ, 1967. С. 197–215.

Прокошев Н.А. Селище у дер. Турбино // // Археологические памятники Урала и Прикамья / МИА. №1 / Отв. ред. П.Н. Третьяков. М.; Л.: АН СССР, 1940. С. 111–120.

Пшеничнюк А.Х. Биктимировский могильник // АЭБ. Т. II / Отв. ред. Р.Г. Кузеев, К.В. Сальников. Уфа: ИИЯЛ БФАН СССР, 1964. С. 215–231.

Пшеничнюк А.Х. О периодизации кара-абызских памятников // Труды IV Уральского археологического совещания / УЗ ПГУ. №148 / Отв. ред. В.А. Оборин. Пермь: ПГУ, 1967. С. 156–170.

Пшеничнюк А.*Х.* Охлебининский могильник // АЭБ. Т. III / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: ИИЯЛ БФАН СССР, 1969. С. 59–104.

Пшеничнюк А.Х. Кара-абызская культура (население Центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // АЭБ. Т. V / Ред. Н.В. Бикбулатов и др. Уфа: ИИЯЛ БФАН СССР, 1973. С. 162–243.

Пшеничнюк А.Х. Шиповский комплекс памятников (IV в. до н.э. – III в. н.э. // Древности Южного Урала / Отв. ред. А.Х. Пшеничнюк. Уфа: ИИЯЛ БФАН СССР, 1976. С. 35–131.

Пшеничнюк А.Х. Новые материалы с поселений Гафурийского района // Поселения и жилища древних племен Южного Урала / Отв. ред. А.Х. Пшеничнюк, В.А. Иванов. Уфа: ИИЯЛ БФ АН СССР, 1983. С. 77–103.

Пшеничнюк А.Х. Хронология и периодизация погребальных комплексов Охлебининского могильника // Хронология памятников Южного Урала / Отв. ред. Б.Б. Агеев. Уфа: УНЦ РАН, 1993. С. 32–61.

Пшеничнюк А.Х. Филипповка. Некрополь кочевой знати IV в. до н.э. на Южном Урале. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. 280 с.

Пузикова А.И. Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья (публикация комплексов). М.: Индрик, 2001. 272 с.

Ростовцев М. И. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма / МАР. №37. Пг.: 9-я гос. тип., 1918. 81 с.

Савельев Н.С. Кара-абызский олень: истоки образа и его трансформация // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. III / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров. М: ИА РАН, 2008. С. 69–72.

Савельев Н.С. Сарматизация лесостепи Южного Приуралья: предпосылки, основные этапы, характеристики, следствия // Сарматы и внешний мир / УАВ. Вып. 14 / Гл. ред. В.В. Овсянников. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014. С. 191–206.

Савельев Н.С., Яблонский Л.Т. Степь и лесостепь на начальном этапе раннесарматской культуры Южного Урала // АЕС. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 478–504.

Савченко Е.И. Могильник скифского времени «Терновое I – Колбино I» на Среднем Дону (погребальный обряд) // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху / Труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН, 1993–2000 гг. / Отв. ред. В.И. Гуляев. М: ИА РАН, 2001. С. 53–143.

Савченко Е.И. Вооружение и предметы снаряжения населения скифского времени на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху / Труды Донской (Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН, 2001 – 2003 гг. / Отв. ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2004. С. 151–277.

Савченко Е.И. Снаряжение коня скифского времени на Среднем Дону, как исторический источник // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху / Труды Донской археологической экспедиции ИА РАН, 2004–2008 гг. / Отв. ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2009. С. 221–328.

Садыкова М. Х. Сарматский могильник у дер. Старые Киишки // АЭБ. Т. I / Отв. ред. Р.Г. Кузеев, К.В. Сальников. Уфа: ИИЯЛ БФ АН СССР, 1964. С. 88–122.

Сальников К.В. Кельты Южного Зауралья // Новое в советской археологии / МИА. №130 / Отв. ред. Е.И. Крупнов. М.: Наука, 1965. С.160–164.

Синицын И.В. Археологические исследования в Саратовской области и Западном Казахстане // КСИИМК. 1952. Вып. 45. 1952. С. 62–73.

Сиротин С.В., Трейстер М.Ю. Погребение с ближневосточными (?) и центрально-азиатскими импортами из кургана Яковлевка II // Сарматы и внешний мир / УАВ. Вып. 14 / Гл. ред. В.В. Овсянников. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014.С. 207–217.

Скрипкин А.А. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов: СГУ, 1990. 300 с.

Скорий С.А. Стеблев: скифский могильник в Поросье. Киев: Киев. тип. ФНПУ, 1997. 173 с.

Скуднова В.М. Архаический некрополь Ольвии. Публикация одной коллекции. Л.: Искусство, 1988. 183 с.

Смирнов А.П. Железный век Чувашского Поволжья / МИА. №95. М.: АН СССР, 1961. 171 с.

Смирнов И.Н. Каракулинский могильник // ИОАИЭ. 1895. Т. XII, вып. 4. С. 263–272.

Смирнов К. Ф. Быковские курганы // МИА. №78. М.: АН СССР, 1960. С. 168–268.

Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов / МИА. №101. М.: АН СССР, 1961. 162 с.

Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.: Наука, 1964. 379 с.

Смирнов К.Ф. Сарматы на Илеке. М.: Наука, 1975. 176 с.

Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического могущества в Скифии. М.: Наука, 1984. 184 с.

Смирнов К.Ф. Савроматская и раннесарматская культуры // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время: Археология СССР / Отв. ред. А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1989. С. 165–177.

Соловьев А.И., Мартынов А.И., Теребило Г.И. Меч скифского времени из Барабы // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология / Отв. ред. А.И. Мартынов, В.И. Молодин. Новосибирск: Наука. 1987. С. 133–139.

Спицын А.А. Приуральский край. Археологические разыскания о древнейших обитателях Вятской губернии / МАВГР. Вып. I. М.: **Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа**, 1893. 192 с.

Спицын А.А. Гляденовское костище // Записки Русского археологического общества. Нов. серия. Т. XII, вып. 1–2. СПб., 1901. С. 228–269.

Спицын А.А. Древности камской чуди по коллекции Теплоуховых. Атлас рисунков / МАР. №26. СПб.: Тип. В. Безобразова и Ко, 1902. 70 с., 40 табл.

Стоянов В.Е., Фролов В.Н. Курганные могильники у д. Воробьево // ВАУ. Вып. 4 / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск: УрГУ, 1962. С. 53–87.

Тальгрен А.М. Два железных меча в Сарапульском музее // Известия общества изучения Прикамского края. Вып. 1. Сарапул: Тип. газеты "Кама", 1917. С. 20–24.

Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н. Мелитопольский курган. Киев: Наукова думка, 1988. 264 с.

Троицкая Т.Н. Раскопки Михайловского городища в Башкирии // Башкирский археологический сборник / Отв. ред. А.П. Смирнов, Р.Г. Кузеев. Уфа: БФАН, 1959. С. 88–96.

Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск: Наука, 1994. 184 с.

Фракийское золото из Болгарии: ожившие легенды. Каталог / Науч. ред. Д.В. Журавлев, К.Б. Фирсов. М.: Кучково поле, 2013. 360 с.

Фіалко О.Е. Скіфські вуздечки з залізними нахрапниками // Археологія. 1996. №4. С. 94–100.

Цветкова И.К. Племена рязанской культуры // Окский бассейн в эпоху камня и бронзы / ТГИМ. Вып. 44 / Отв. ред. В.М. Раушенбах. М.: Сов. Россия, 1970. С. 97–154.

Хазанов А.М. Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. 1963. №4. С. 58–71.

Халиков А. Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н.э.). М.: Наука, 1977. 264 с.

Худяков М.Г. Древности Камы по раскопкам А.А. Спицына в 1898 г. / МГАИМК. Вып. 2. Л.: ГАИМК, 1933. 27 с., 11 л. илл.

Чемякин Ю.П. Барсова гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут-Омск: Омск. дом печати, 2008. 224 с.

Чемякин Ю.П., Кузьминых С.В. Металлические орнитоморфные изображения эпохи раннего железа Восточной Европы и Урала // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / Археология евразийскх степей. Вып. 8 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Елабуга: ИИ АН РТ, ИА РАН, ЕИАХМЗ, 2009. С. 216–238.

Черненко Е.В. Скифский доспех. Киев: Наукова думка, 1968. 190 с.

Черненко Е.В. Скифские лучники. Киев: Наукова думка, 1981. 168 с.

Чернецов В.Н. Опыт типологии западносибирских кельтов // КСИИМК. 1947. Вып. 16. С. 65–78.

Чернецов В. Н. Бронза усть-полуйского времени // Древняя история Нижнего Приобья / МИА. №35 / Отв. ред. А.В. Збруева. М.: АН СССР, 1953. С. 121–178.

Чернецов В. Н. Усть-полуйское время в Приобье // Древняя история Нижнего Приобья / МИА. №35 / Отв. ред. А.В. Збруева. М.: АН СССР, 1953а. С. 220–241.

Черных Е.М. Степановское городище – новый памятник раннего железного века в Среднем Прикамье. Ижевск: ИИКНП, 2000. 32 с.

Черных Е.М., Ванчиков В.В., Шаталов В.А. Аргыжское городище на реке Вятке. М.: Ин-т компьютер. исследований, 2002. 188 с.

Черных Е.М. Некоторые итоги изучения культурного слоя Зуевоключевского I городища // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / Археология евразийских степей. Вып. 8 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Елабуга: ИИ АН РТ, ИА РАН, ЕИАХМЗ, 2009. С. 76–97.

Чижевский А.А., Шаталов В.А. Псалий из Луговского могильника: к вопросу об образе всадника и коня в ананьинском искусстве // РА. 2012. №1. С. 26–35.

Чижевский А.А. Проблема распада ананьинской культурно-исторической области // Переходные эпохи в археологии: МВАК с международным участием «XIX Уральское археологическое совещание» / Отв. ред. И.О. Васкул. Сыктывкар: ИЯЛИ КНЦ УрО РАН, 2013. С. 80–82.

Чижевский А.А. Керамика белогорского типа в Самарском Поволжье // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / АЕС. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 211–224.

Чижевский А.А., Черных Е.М., Хисяметдинова А.А., Митряков А.Е, Спиридонова Е.А., Кочанова М.Д., Алешинская А.С. Скорняковское городище на Вятке / АЕС. Вып. 22. Казань: Казан. недвижимость, 2016. 156 с.

Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск: Томск. ун-т, 1984. 256 с.

Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука, 1967. 300 с.

Шаталов В.А., Чижевский А.А., Губайдуллин А.М. Исследования Танайского I селища // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 13, №3 (2). Самара, 2011. С. 540–548.

Шевченко А.А. Новые материалы к изучению курганного могильника скифского времени Колбино I на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху / Труды Донской археологической экспедиции ИА РАН, 2004–2008 гг. / Отв. ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2009. С. 26–111.

Шелов Д.Б. Чеканка монет и денежное обращение на Боспоре в III в. до н.э. // Материалы и исследования по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. Т. 2 / МИА. №33 / Отв. ред. М.М. Кобылина. М.: АН СССР, 1954. С. 58–70.

Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А. Новотроицкий некрополь. Барнаул: АлтГУ, 2009. 329 с.

Шульга П.И. Синцзян в VIII–III вв. до н.э.: (Погребальные комплексы. Хронология и периодизация). Барнаул: АлтГУ, 2010. 238 с.

Юсупов Г.В. Древнейшие поселения Гафурийского района БАССР // Башкирский археологический сборник / Отв. ред. А.П. Смирнов, Р.Г. Кузеев. Уфа: БФАН, 1959. С. 58–87.

Яблонский Л.Т. Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка 1 (по материалам раскопок 2004–2009 гг.). Каталог коллекции. Кн. 1. М.: ИА РАН, 2013. 232 с.

Яблонский Л.Т. Прохоровка. У истоков сарматской археологии / МИАР. № 12. М: Таус, 2012. 384 с.

Tallgren A.M. Collection Tovostine des antiquités préhistoriques de Minoussinsk conservées chez le Dr Karl Hedman à Vasa. Hesingfors, 1917. 93 p.

Tallgren A.M. Collection Zaussaïlov au Musée National de Finlande a Helsingfors. Monographie de la section de l'âge du fer et l'epoque dite de Bolgary. Helsinki, 1918. Vol. II. 59 p.

Tallgren A.M. The Arctic Bronze Age in Europe // ESA. 1937. Vol. XI. Pp. 1–48.

Информация об авторе:

Чижевский Андрей Алексеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А. Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); chijevski@mail.ru

MONUMENTS OF THE LATE ANANYINO CULTURAL AND HISTORICAL REGION

A.A. Chizhevsky

The article features the results of a study of the late period of the Ananyino cultural and historical region (ACHR), outlines the range of monuments dating back to this historical period, and substantiates their chronological sequence. On the basis of radiocarbon analysis results, chronological indicators and ceramic complexes the researchers determined the boundaries of the late ACHR period as the late 5th-3rd/2nd centuries B.C. Imported items which the chronology is largely based upon, were brought to the territory of the ACHR from the Middle Don region, the Southern Urals, the Volga region and Western Siberia. The presence of identical adornments in various regions of the Ananyino world, which were crafted in the animal style, as well as armament and goods imported from the same territories, testifies to the existence of internal relations between the cultures and regions of the late ACHR period and the preservation of a single cultural space until the period when the ACHR ceased to exist.

Keywords: archaeology, Early Iron Age, Middle Volga region, Kama region, chronology, late period, Ananyino cultural and historical region.

About the Author:

Chizhevsky Andrei A. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; chijevski@mail.ru

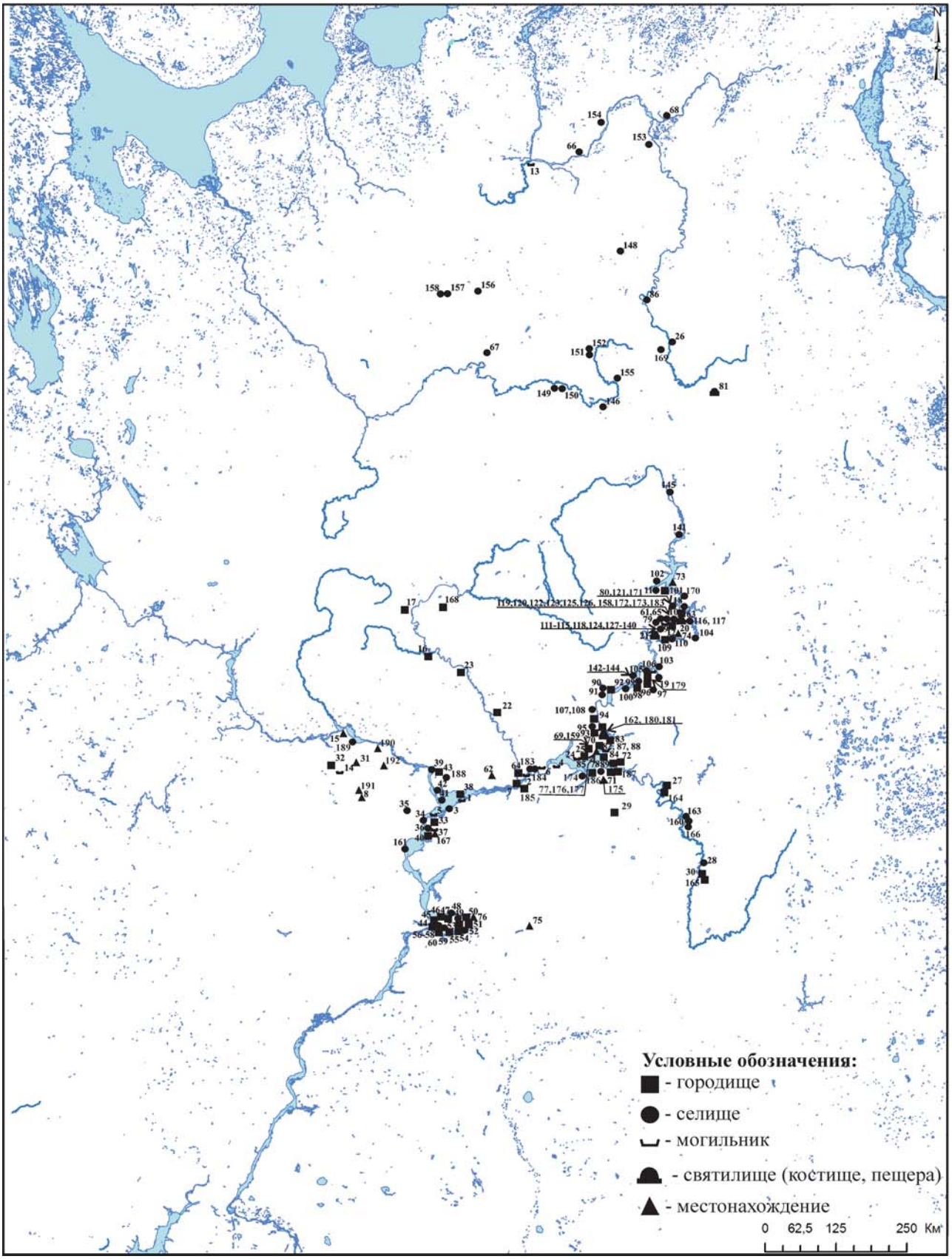

N
Условные обозначения:
- городище
- селище
- могильник
- святилище (костище, пещера)
- местонахождение
0 62,5 125 250 Км

Рис. 1. Ареал распространения памятников позднего периода АКИО:
1. Мурзихинский II мог., 2. Котловский мог., 3. пос. Курган, 4. Кырнышский мог., 5. Новомордовский I мог., 6. Ананьинский мог., 7. гор. Грахань, 8. Большая Таяба местонах., 9. Протасы мог., 10. Заюрчимское I сел., 11. Скородумский клад, 12. гор. Алтен-Тау, 13. Шиховской мог., 14. Чурачикский мог., 15. Климкинское местонах.,16. Пижемское гор., 17. Скорняковское гор., 18. Конецгорское сел., 19. Гремячанское I сел., 20. Гляденовское костище, 21. Юго-Камское костище, 22. Аргыжское гор., 23. Буйское гор., 24. Зуевский мог., 25. Зуевоключевское I гор., 26. Палью IV ст., 27. Камышинское I гор., 28. Курман-Тау сел., 29. Кипчаковское гор., 30. Касьяновское гор., 31. Тюлькой местонах., 32. Питишевское гор., 33. Маклашеевское II гор., 34. Зольное пос., 35. Черки-Кильдуразы V ст., 36. Гулькинская ст., 37. Гулькинский мог., 38. Сорочьегорское гор., 39. Займищенская IIIа ст., 40. Старомайнское гор., 41. Биостанция V ст., 42. Карташихинская I ст., 43. Казанка I гор., 44. Молодецкий курган гор., 45. Усинский курган гор., 46. Задельная Гора гор., 47. Лысая Гора гор., 48. пос. у с. Федоровка, 49. пос. у Поповой Горы, 50. Царев Курган гор., 51. Коптево гор., 52. Студеный Овраг пос., 53. Белая Гора гор., 54. Манчиха гор., 55. Торновское гор. и сел.,56. Вислокаменное, 57. Каменная Коза, 58. Лбище гор., 59. Новинковское сел. 60. Студеный Овраг сел., 61. Заосиновское I пос., 62. Омарский починок мест., 63. Ермаши гор., 64. Каравашек (Свиногорское) гор., 65. Половинное I пос., 66. Перный пос., 67. Ягу яр пос., 68. Сынявом пос., 69. Каменный Лог(Быргындинское II) гор., 70. Вятское (Мошкаровское верхнее) гор., 71. Петер Тау (Юлдашевское) гор., 72. Какрыкульское гор., 73. Висимская дача местонах., 74. Юг, пос., 75. Петровка местонах., 76. Студеный овраг местонах., 77. Малая Чеганда местонах. (Чегандинское I гор.?), 78. Саузовское (Бельский Шихан) гор., 79. Усть-Качка пос., 80.Галкинское гор., 81. Канинская пещера, 82. Ныргындинское IV гор., 83. Обуховское гор., 84. Каракулинский мог., 85. Зуевоключевская I находка (кинжал), 86. Сотчемъель пос., 87. Ныргындинское I гор., 88. Ныргындинское II гор., 89. Ново-Кабановское гор., 90. Гавриловское пос., 91. Кремлевское сел., 92. Степановское гор., 93. Юшковское гор., 94. Усть-Нечкинские I, II гор., 95. Усть-Нечкинское I пос., 96. Бардымское I гор., 97. Красноярское II сел., 98. Калиновка I гор., 99. Калиновский пруд I сел., 100. Толстик I пос., 101. Антоновцы I гор., 102. Абрамово II пос., 103. Горы III сел., 104. Верхний Ирьяк II сел., 105. Устиново III сел., 106. Устиново мог., 107. Вязники III сел., 108 Вязники IV сел., 109. Баш-Култаево II гор., 110. Болдино V сел., 111. Болгары IV сел., 112. Болгары V сел., 113. Болгары VIII сел., 114. Болгары IX сел., 115. Болгары X сел., 116. Гляденовское I сел., 117. Гляденовское II сел., 118. Городок пос., 119. Дворцовая Слудка I пос., 120. Дворцовая Слудка II сел., 121. Заозерье III пос., 122. Кичаново I сел., 123. Кичаново V сел., 124. Копылы I сел., 125. Косогоры I сел., 126. Малое Савино I сел., 127. Мокино I пос., 128. Мокино III, IV сел., 129. Мокино IV сел., 130. Петровка IV сел., 131. Половинное II сел., 132. Половинное III сел., 133. Половинное IV сел., 134. Полюдово I сел., 135. Полюдово II сел., 136. Чащевка I сел., 137. Шумки II сел., 138. Шумки II сел., 139. Волчья Грива I сел., 140. Крохово I пос., 141. Огурдино I пос., 142. Большая Головниха II пос., 143. Большая Головниха VII пос., 144. Большая Головниха VII пос., 145. Усть-Уролка I ст., 146. Себъяг I пос., 147. Руччой I пос., 148. Дресва-Шор пос., 149. Шойнаты II пос., 150. Шойнаты III пос., 151. Вис II пос., 152. III пос., 153. Топыд-Нюр I пос., 154. Питюяг I пос., 155. Мыелдинская ст., 156. Веслянская I ст., 157. Ус I пос., 158. Ус III пос.,159. Юньга II гор., 160. Воронки сел., 161. Новая Беденьга I сел., 162. Тарасовское святилище, 163. Андреевское сел., 164. Камышинское II гор., 165. Михайловское гор., 166. Дудкино сел., 167. Мантовское местонах., 168. Кривоборское гор., 169. Джуджидъяг пос., 170. Бор I пос., 171. Турбинское сел., 172. Суботинское I гор., 173. Мокино I поселение-могильник, 174. Подгорно-Байларская III ст., 175. Татарско-Суксинское пос., 176. Чегандинское I гор., 177. Быргындинское IV пос., 178. Елабужское (Чёртово) гор., 179. Мало-Никольское I гор., 180. Момылёвское гор., 181. Усть-Сарапульское гор., 182. Яромасское гор., 183. Танайское I сел., 184. Танайское V сел., 185. Светло-Ключинское гор., 186. Усть-Мензельское гор., 187. Аначевское гор., 188. Пестречинская II ст., 189. Малахайское пос., 190. Мариинско-Посадская находка,
191. Нов. Чурашевское местонах, 192. Андреево-Базарская находка.

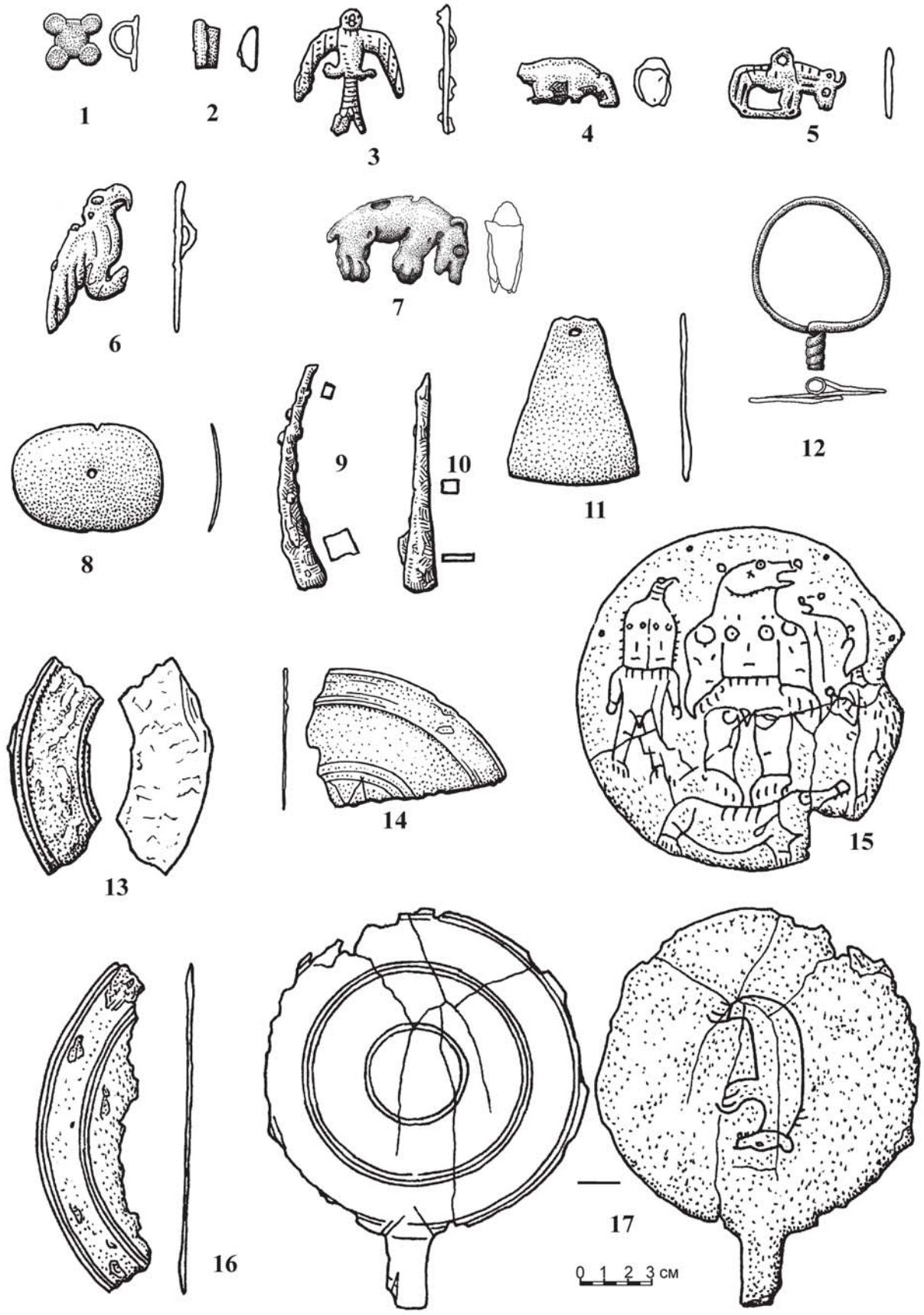


Рис. 2. Комплексы погребений Шиховского могильника с предметами-хроноиндикаторами (1–13, 15–17) и хроноиндикаторы из памятников позднего периода АКИО Европейского Северо-Востока (14): 1–12, 15 – погр. 26; 13 – погр. 18; 14 – пос. Вис II; 16 – погр. 7; 17 – погр. 16. 1–8, 11–17 – бронза, 9, 10 – железо (по: Васкул, 2002). Рисунки Р.Р. Садыкова.

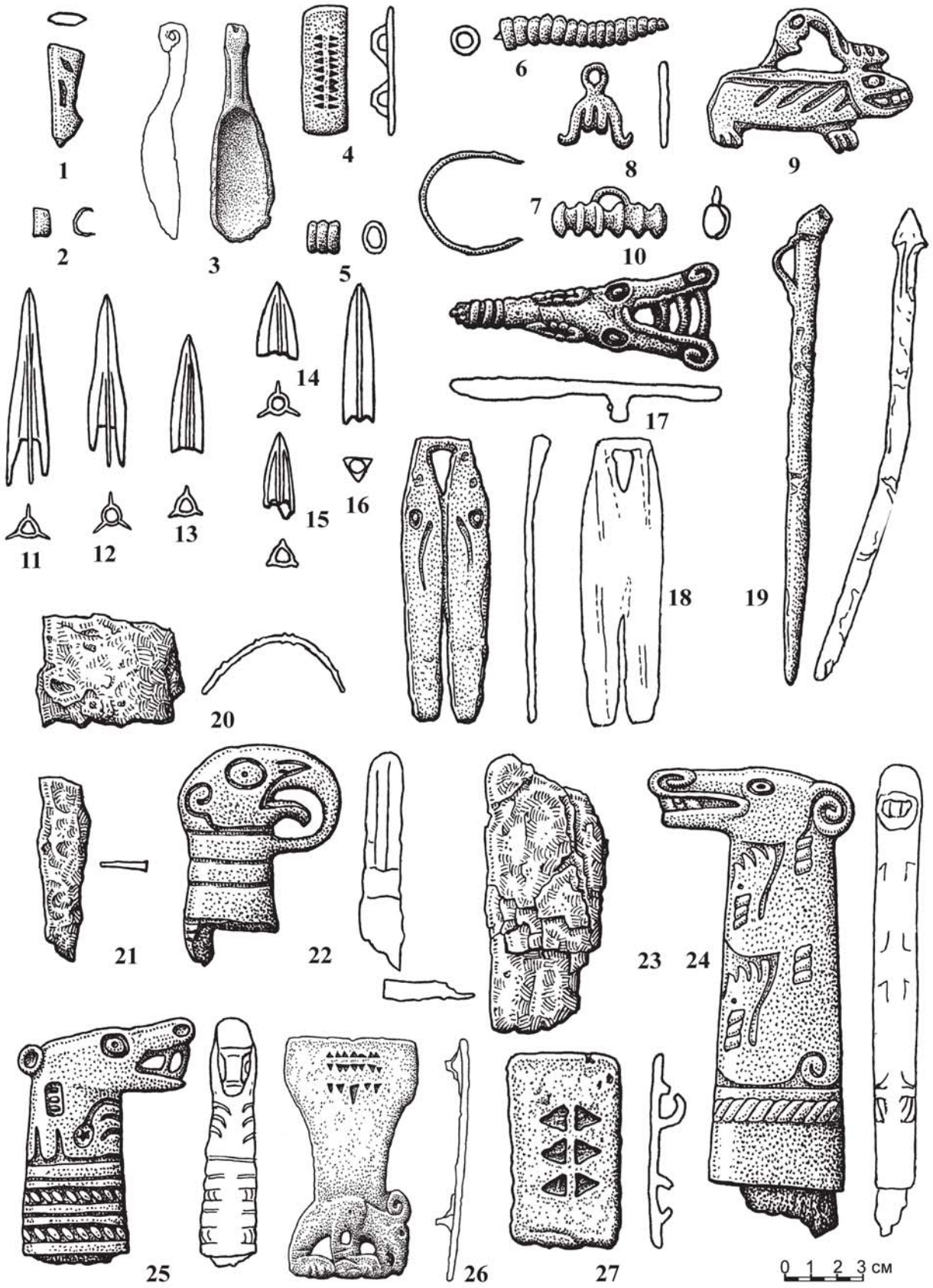


Рис. 3. Комплексы погребений Шиховского могильника с предметами-хроноиндикаторами (1–10, 17–27) (по: Васкул, 2002) и хроноиндикаторы из памятников позднего периода АКИО Европейского Северо-Востока (11–16): 1–3 – погр. 32; 4–10 – погр. 23; 11–15 – Канинская пещера (по: Канивец, 1964), 16 – пос. Шойнаты II (по: Королев, 1988), 17–20 – погр. 36; 21–23, 25, 26 – погр. 28; 24, 27 – погр. 1. 1–19, 22, 26, 27 – бронза; 20, 21, 23 – железо; 24, 25 – бронза и железо. Рисунки Р.Р. Садыкова.

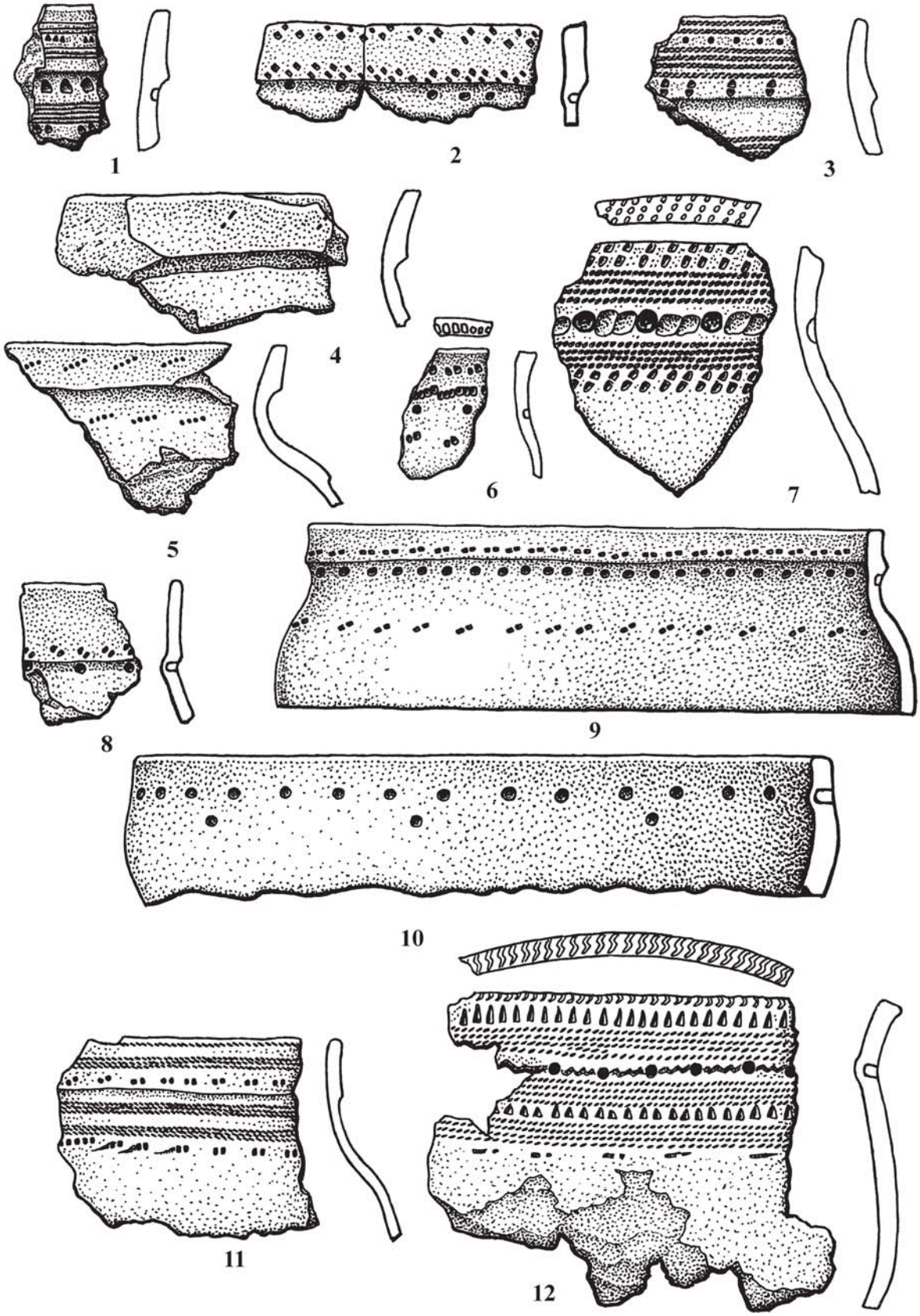


Рис. 4. Керамика из памятников региона Европейский Северо-Восток позднего периода АКИО: 1 – погр. 26 Шиховской мог. (по: Васкул, 2002); 2 – пос. Дресва-Шор (по: Лузгин, 1972); 3 – погр. 36 Шиховской мог. (по: Васкул, 2002); 4, 5 – пос. Шойнаты III (по: Королев, 1988); 6 – погр. 6 Шиховской мог. (по: Васкул, 2002); 7 – погр. 28 Шиховской мог. (по: Васкул, 2002); 8 – ст. Палью IV (по: Ашихмина, Васкул, 1997); 9 – межмогильное пространство, Шиховской мог. (по: Васкул, 2002); 10 – Канинская пещера (по: Канивец, 1964), 11 – пос. Шойнаты II (по: Королев, 1988), 12 – пог. 23 Шиховской мог. (по: Васкул, 2002). Масштаб разный. Рисунки Р.Р. Садыкова.

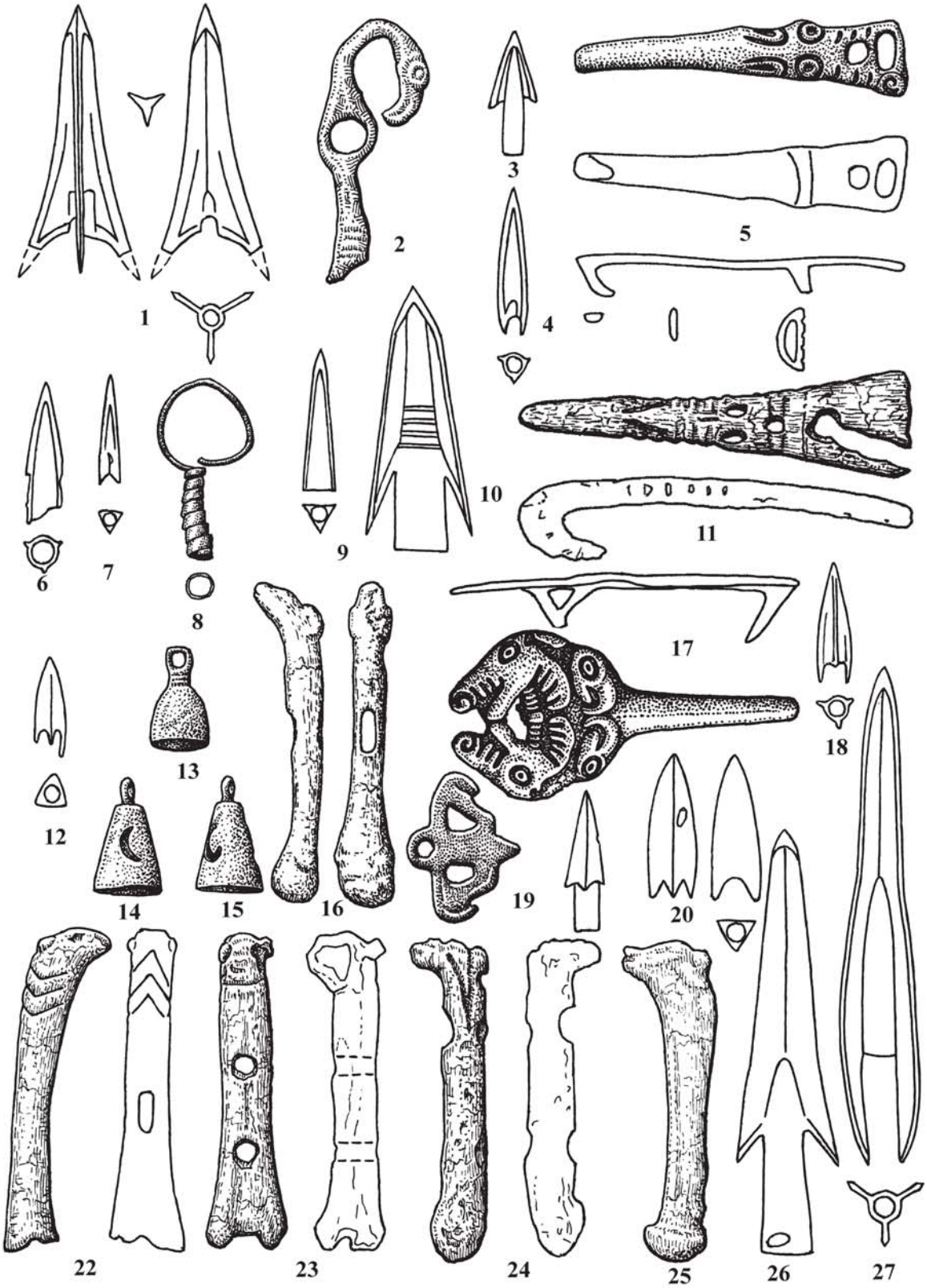


Рис. 5. Регион Средняя Кама. Предметы хроноиндикаторы позднего периода АКИО: 1, 2, 5 – Заюрчимское I сел. (по: Кузьминых, 1983; Васильев, 2002); 3 – Юго-камское костище (по: Кузьминых, 1983); 4, 6, 7, 8, 11, 20, 22, 23 – Алтен-Тау гор. (по: Черных, 1959; Борзунов, 1997; 1997а); 9, 16, 25 – Гремячанское сел. (по: Кузьминых, 1983; Васильев, 2002); 10, 26 – Гляденовское костище (по: Кузьминых, 1983); 12, 18 – Тарасовское святил. (по: Голдина и др., 2013); 13–15, 17 – Скородумский клад (по: Коренюк, Майстренко, 2011); 21, 24, 27 – Конецгорское сел. (по: Збруева, 1952; Кузьминых, 1983); 19 – Заосиновское I пос. (по: Мокрушин, 1989). 1, 3–10, 12–15, 17–21, 26, 27 – бронза; 2 – железо; 11, 16, 22–25 – кость. Масштаб разный. Рисунки Р.Р. Садыкова.

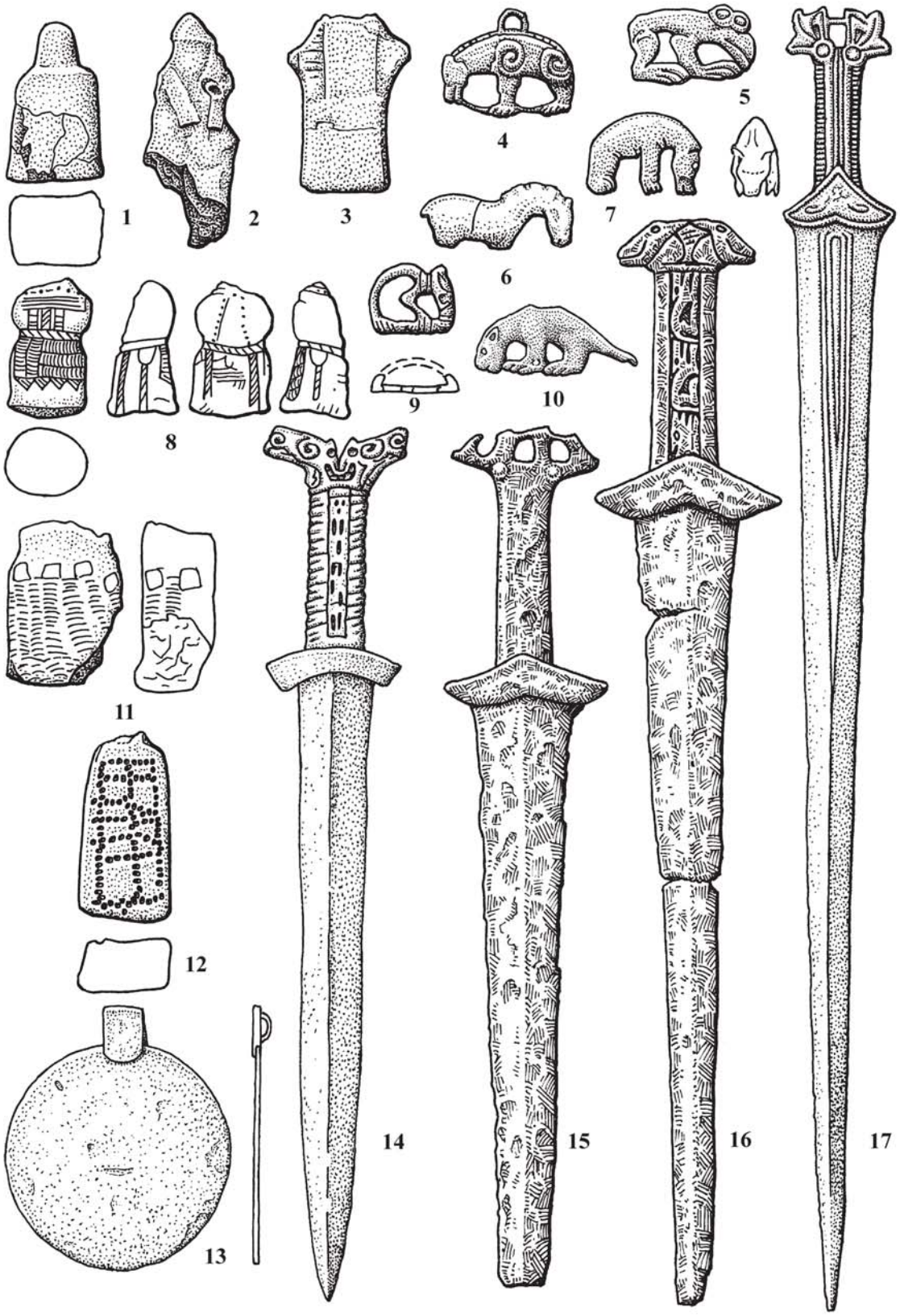


Рис. 6. Регион Средняя Кама. Предметы хроноиндикаторы позднего периода АКИО: 1, 4 – Гляденовское гор. (по: Голдина и др., 2013); 2, 3 – Конецгорское сел. (по: Голдина и др., 2013); 5, 11, 12 – Тарасовское святил. (по: Голдина и др., 2013); 6, 8 – Юшковское гор. (по: Збруева, 1952; Голдина и др., 2013); 7 – Турбинский клад. (по: Прокошев, 1940); 9 – Галкинское гор.) (по: Збруева, 1940; 1952); 10 – Скородумский клад (по: Коренюк, Майстренко, 2011); 13 – Каракулинский мог. (по: Збруева, 1952); 14 – Висимская дача (по: Збруева, 1952); 15 – Усть-Качка (по: Коренюк, Денисов, 2000); 16 – поселок Юг (по: Коренюк, Денисов, 2003); 17 – урочище Малая Чеганда (по: Тальгрен, 1917). 1–3, 6, 8, 11, 12 – глина; 4, 5, 7, 9, 10, 13, 14 – бронза; 15–17 – железо. Масштаб разный. Рисунки Р.Р. Садыкова.

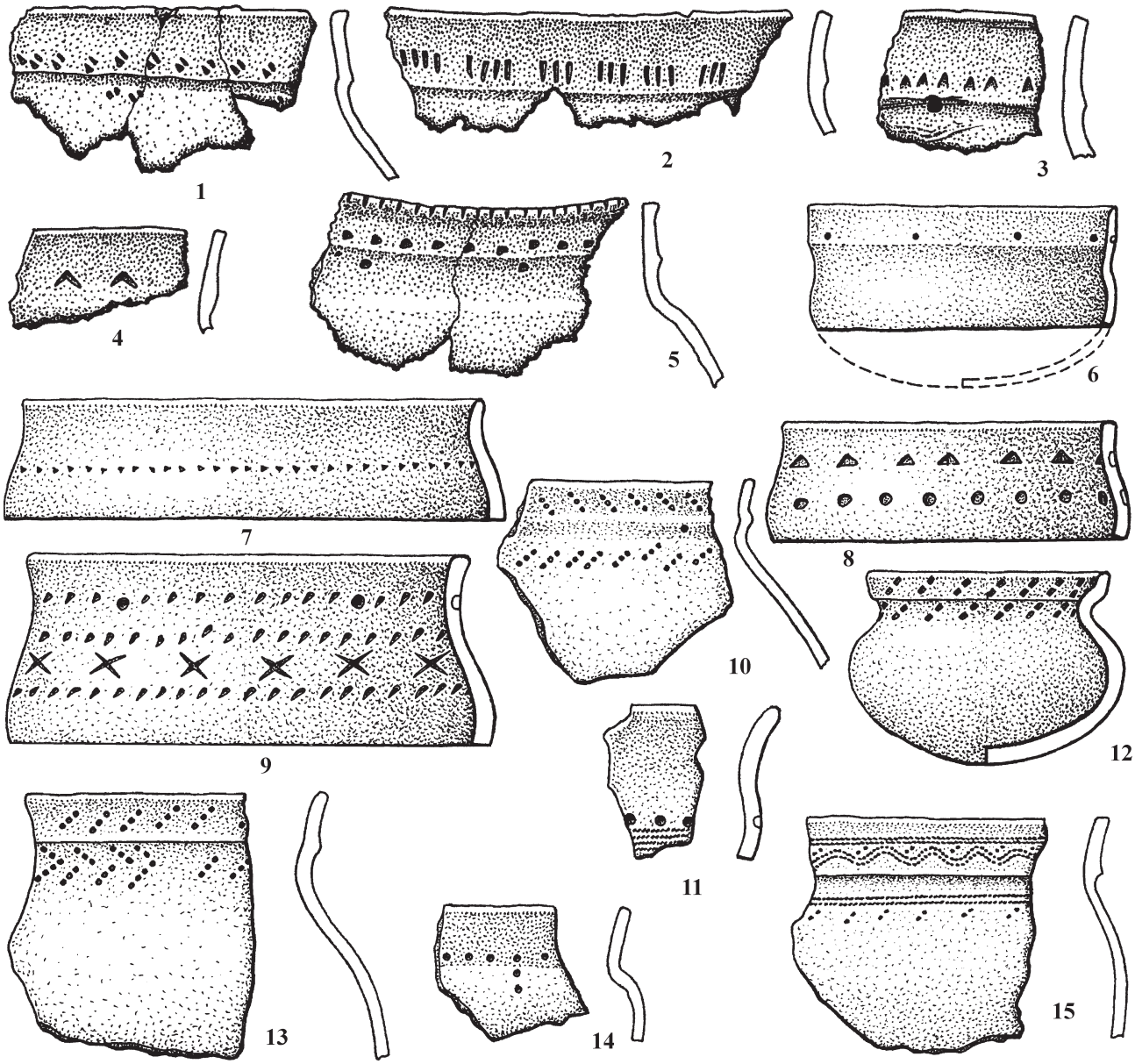


Рис. 7. Керамика из памятников позднего периода АКИО региона Средняя Кама, в пермском течении р. Кама: 1–5 – Гремячанское пос. (с оригинала); 6 – Протасы мог., яма №3 (по: Коренюк, 2012); 7 – Протасы мог., яма №2 (по: Коренюк, 2012); 8, 9, 11– Протасы мог., яма №1 (по: Коренюк, 2012); 10, 12–15 – Конецгорское селище (по: Збруева, 1952). Рисунки Р.Р. Садыкова.

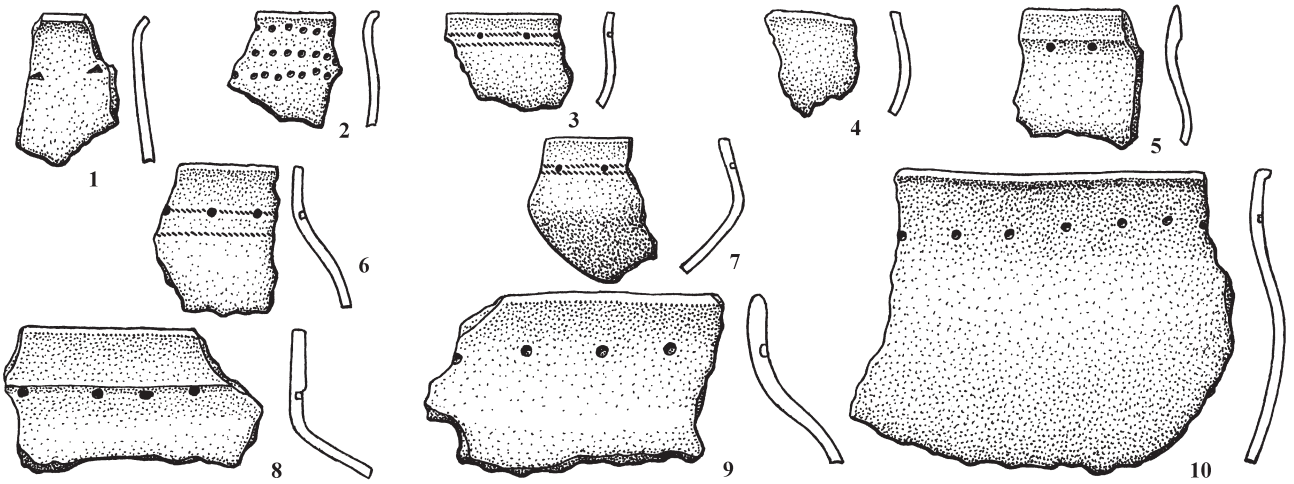


Рис. 8. Керамика из памятников позднего периода АКИО региона Средняя Кама, в удмуртском течении р. Кама: 1–6 – Вятское (Мошкаровское верхнее) гор.; 7–10 – Юньга II (по: Ашихмина, 2014). Масштаб разный. Рисунки Р.Р. Садыкова.

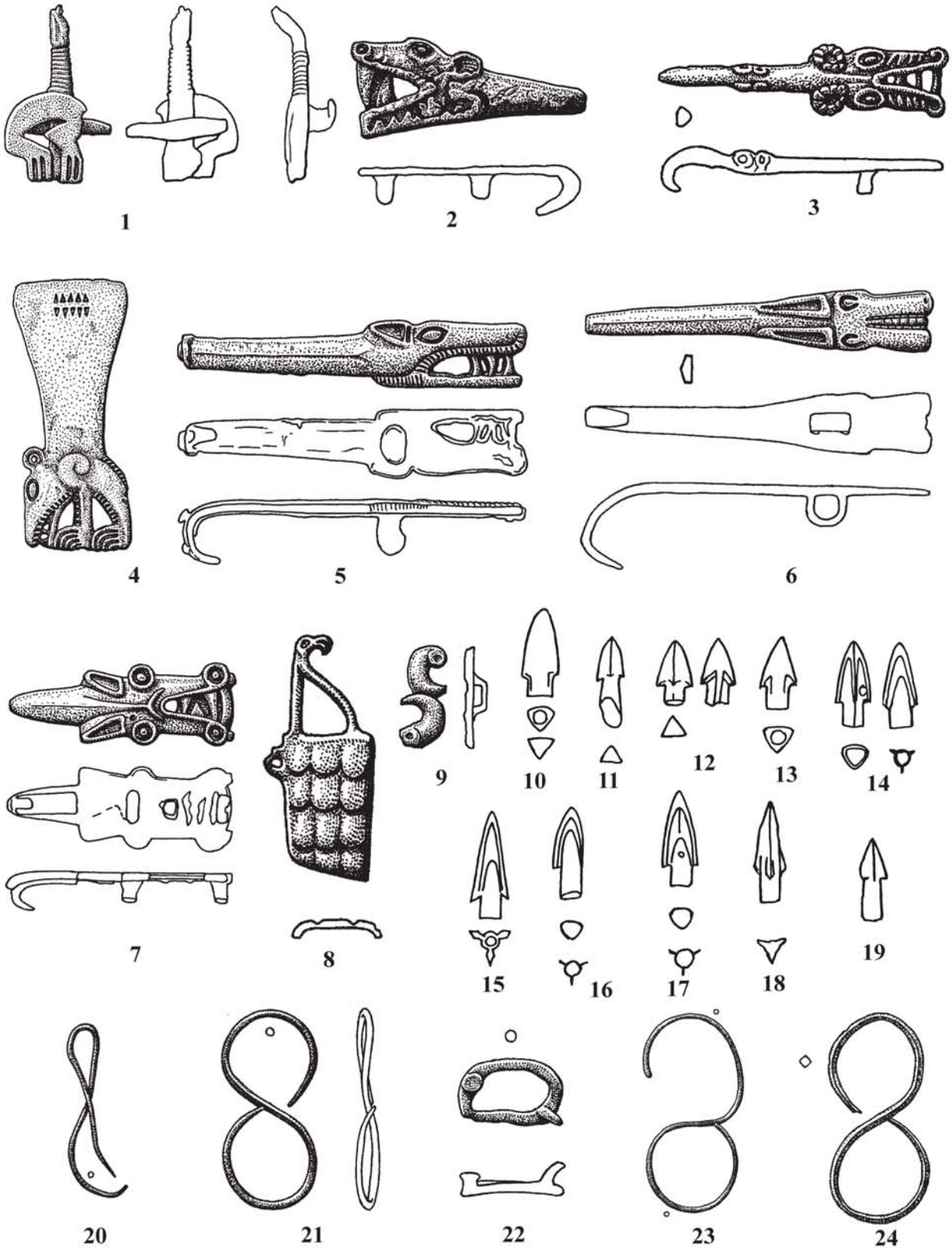


Рис. 9. Регион Нижняя Кама. Предметы хроноиндикаторы позднего периода АКИО:
1 – Кырныш мог. (с оригинала); 3, 19 – Грахань гор. (по: Збруева, 1947); 2, 4–7, 10–12, 20, 21, 22 – Ананьинский мог. (по: Збруева, 1952; Кузьминых, 1983; Васильев, 2002; Карпелан, Уйно, 2009; из личного архива С. В. Кузьминых); 8 – Омарский починок местонах. (по: Халиков, 1977); 9, 23 – Зуевоключевское I гор. (по: Черных, 2009); 13 – Зуевский мог погр. 212 (по: Кузьминых, 1983); 14 – Зуевский мог. погр.123 (по: Кузьминых, 1983); 15, 16 – Зуевский мог. погр.155 (по: Кузьминых, 1983); 17, 18 – Ныргындинское I гор. (по: Кузьминых, 1983, с. 108; Ашихмина, 2014); 24 – Зуевский м-к, погр. 43 (по: Худяков, 1933). 1–5, 7–24 – бронза; 6 – железо. Масштаб разный. Рисунки Р.Р. Садыкова.

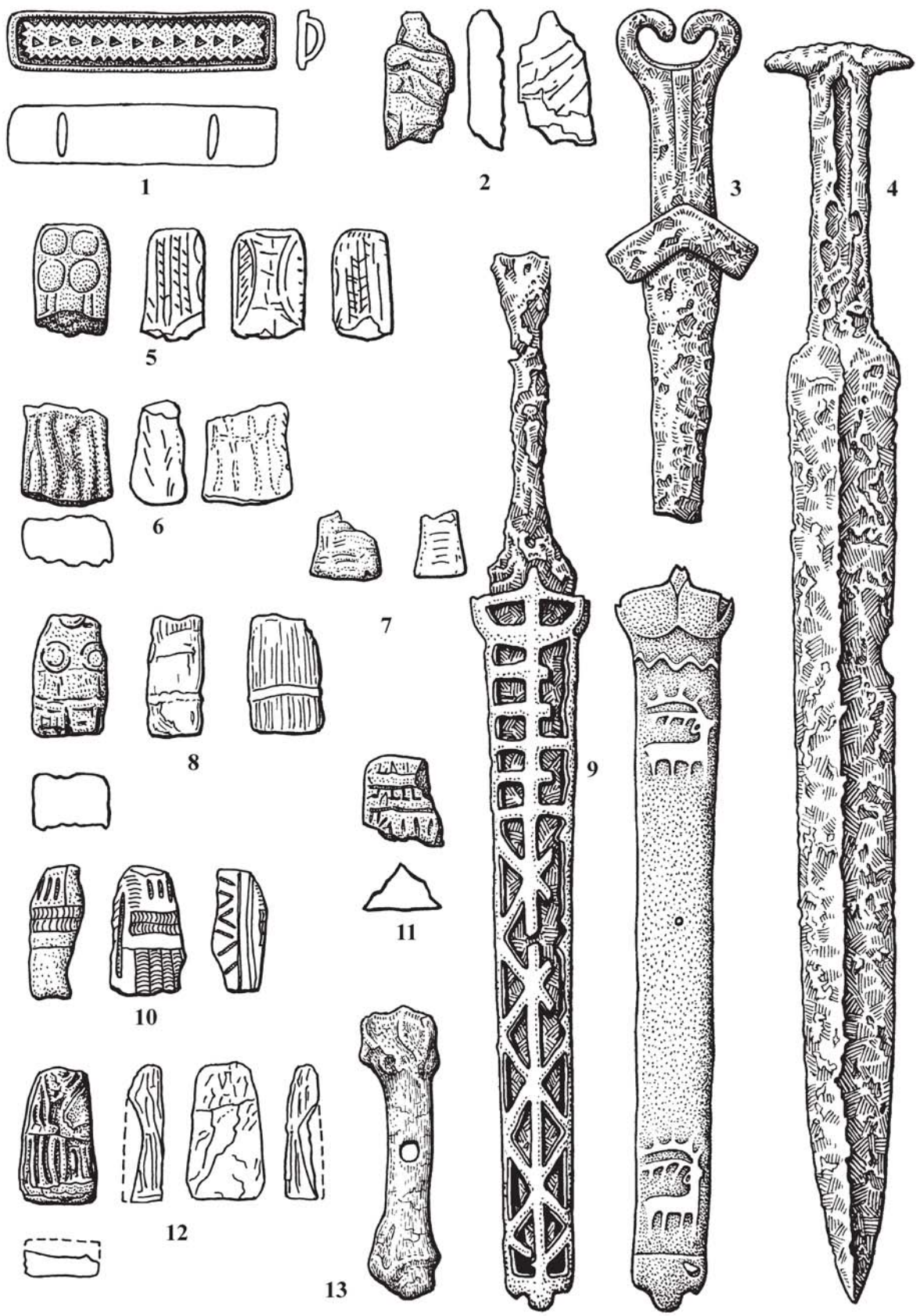


Рис. 10. Регион Нижняя Кама. Предметы хроноиндикаторы позднего периода АКИО: 1 – Танайское V сел. (по: Генинг, Халиков, 1959); 2, 5–7, 13 – Зуевоключевское I гор. (по: Голдина и др., 2013; Ашихмина, 2014); 3 – Зуевоключевская I находка (Збруева, 1952); 4 – Зуевский мог. погр. 27 (по: Худяков, 1933); 8 – Татарско-Суксинское пос. (с оригинала); 9 – Зуевский мог. погр.143 (по: Худяков, 1933); 10 – Подгорно-Байларская III ст. (Генинг, 1971); 11, 12 – Каменный Лог (Быргындинское II) гор. (по: Голдина и др., 2013; Ашихмина, 2014). 1 – бронза; 2, 5–8, 10–12 – глина; 3, 4 – железо; 9 – железо и бронза; 13 – кость. Масштаб разный. Рисунки Р.Р. Садыкова.

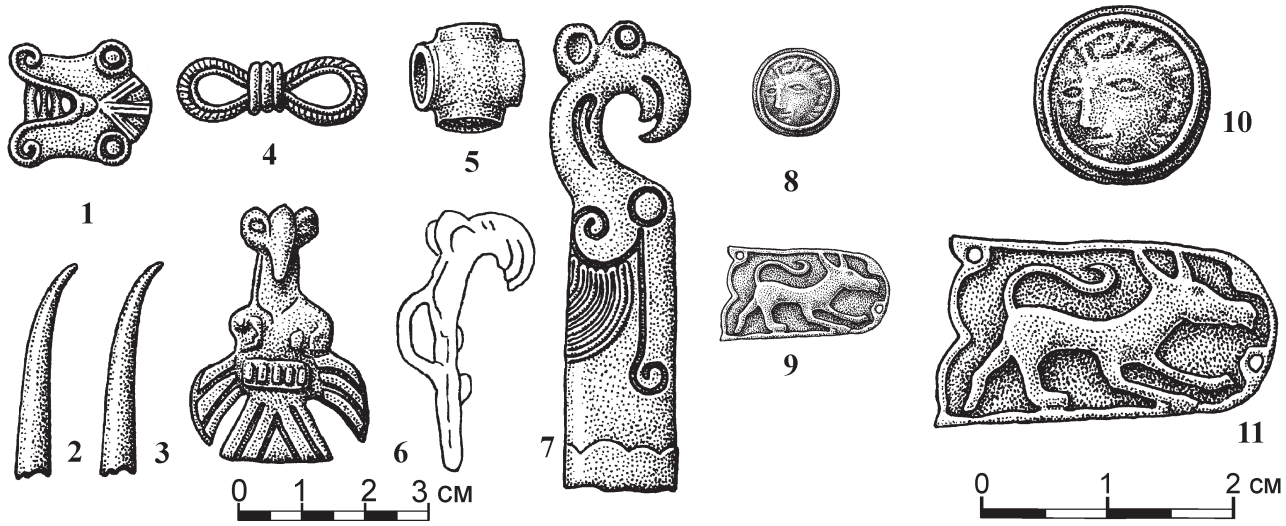


Рис. 11. Регион Нижняя Кама. Комплекс погр. 6 Котловского могильника (по: Нефедов, 1899; из личного архива С. В. Кузьминых). 1–6 – бронза. Масштаб разный. Рисунки Р.Р. Садыкова.

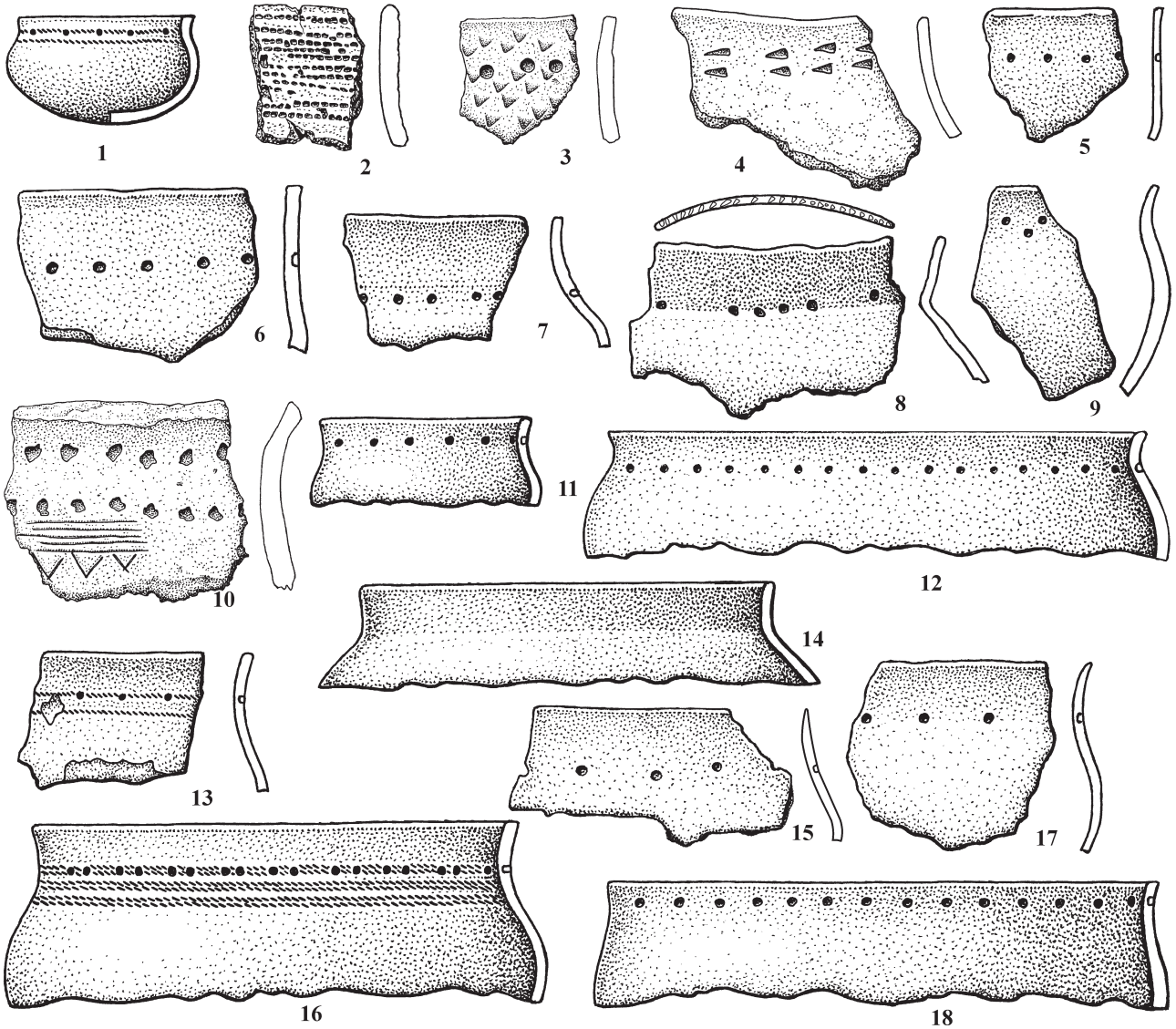


Рис. 12. Керамика из памятников позднего периода АКИО региона Нижняя Кама: 1, 6, 9, 12, 18 – Зуевоключевское I гор. (по: Черных, 2009; Ашихмина, 2014); 2 – погр. 170 Мурзихинский II мог. (с оригинала); 3, 8, 10 – Курган пос. (с оригинала); 4 – Сорочьегорское гор. (с оригинала); 5, 7, 13, 15, 17 – Ныргындинское I гор. (по: Ашихмина, 2014); 11, 14, 16 – Каменный Лог (Быргындинское II) гор. (по: Ашихмина, 2014). Масштаб разный. Рисунки Р.Р. Садыкова.

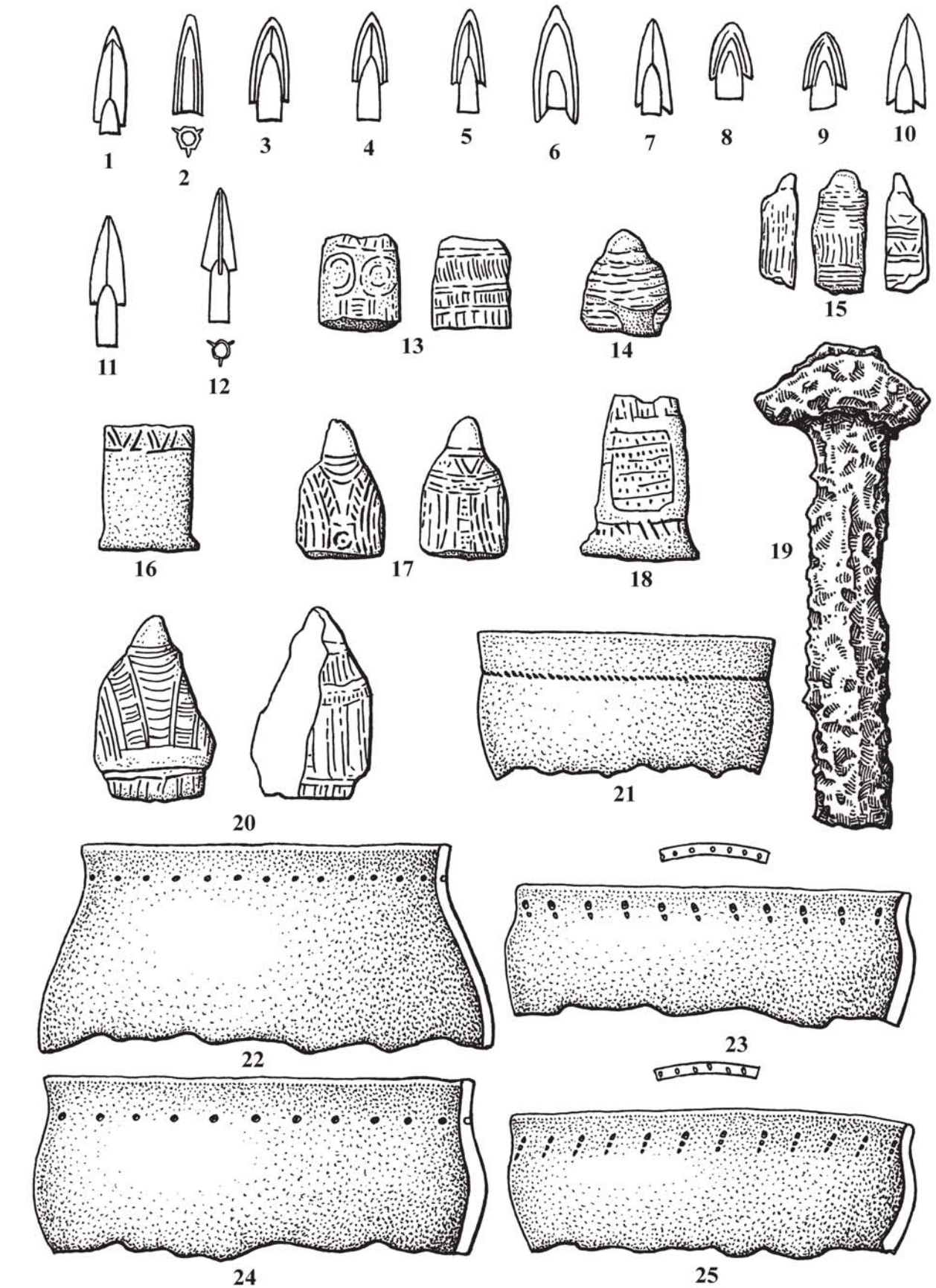


Рис. 13. Бассейн р. Белой. Предметы хроноиндикаторы позднего периода АКИО: 1, 2,–6, 11 – Саузовское (Бельский Шихан) гор. (по: Кузьминых, 1983); 12, 19 – Касьяновское гор. (по: Юсупов, 1959); 13–18, 20 – Аначевское гор. (по: Иванов, 1976; Ашихмина, 2014); 21 – Камышинское II гор. (по: Агеев, Овсянников, 2000); 22, 24 – Петер-Тау гор. (по: Ашихмина, 2014); 23, 25 – Курман-Тау сел. (по: Пшеничнюк, 1983). 1–12 – бронза; 13–18, 20–25 – глина; 19 – железо. Масштаб разный.
Рисунки Р.Р. Садыкова.

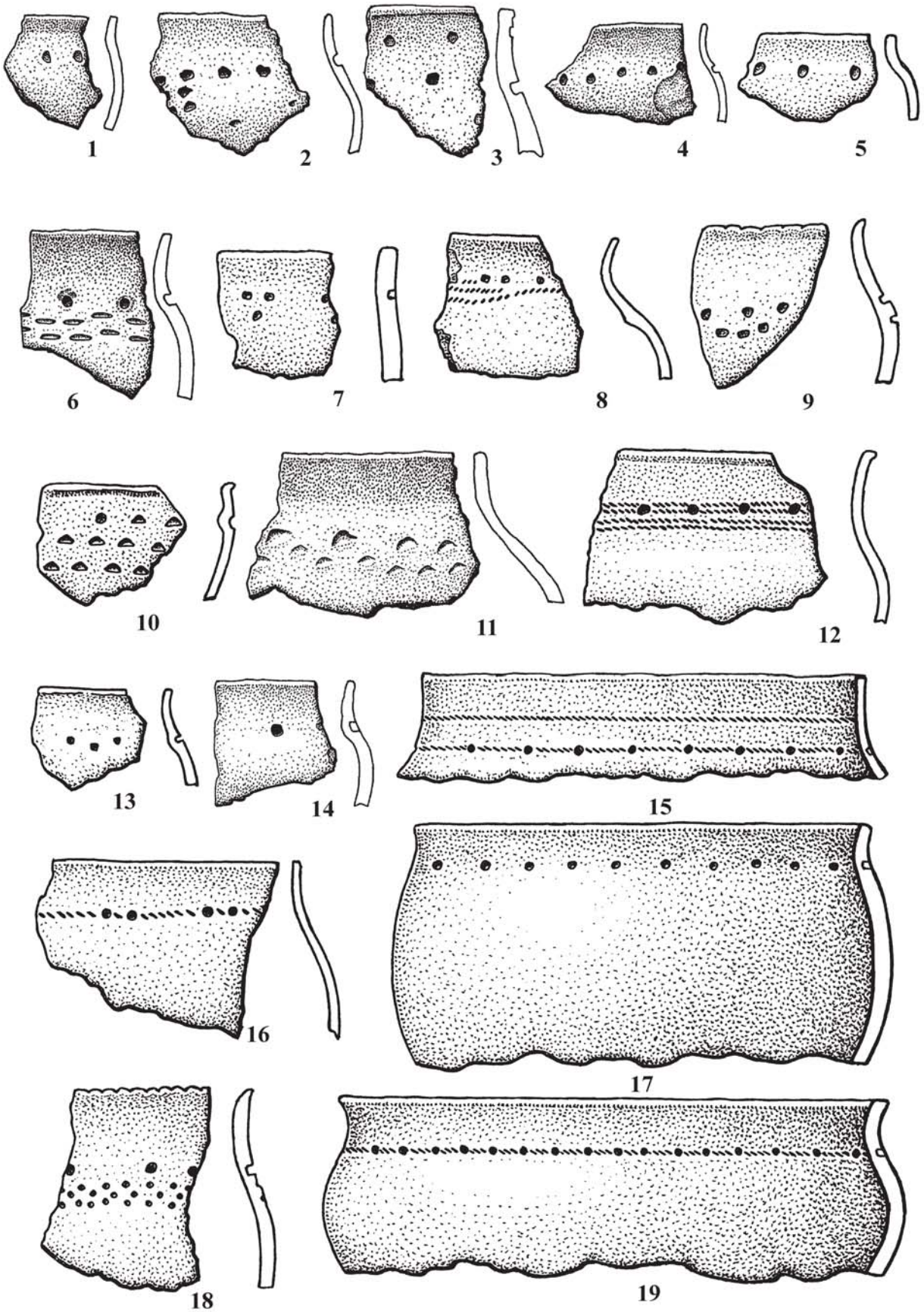


Рис. 14. Керамика из памятников позднего периода АКИО региона бассейна р. Белой: 1–4, 6, 7, 11, 14 – Воронки сел. (по: Пшеничнюк, 1964; Овсянников, 2014); 5 – Дудкино сел. (по: Пшеничнюк, 1973); 8, 12, 16, 18 – Камышинское II гор. (по: Агеев, Овсянников, 2000); 9, 13– Андреевское сел. (по: Пшеничнюк, 1973); 10 – Камышинское I гор. (по: Овсянников, Каюмов, Бабин, 2015); 15 – Кипчаковское гор. (по: Гарустович, Тагиров, 2012); 17 – Какры-Куль гор. (по: Ашихмина, 2014); 19 – Ново-Кобановское гор. (по: Ашихмина, 2014). Масштаб разный.
Рисунки Р.Р. Садыкова.

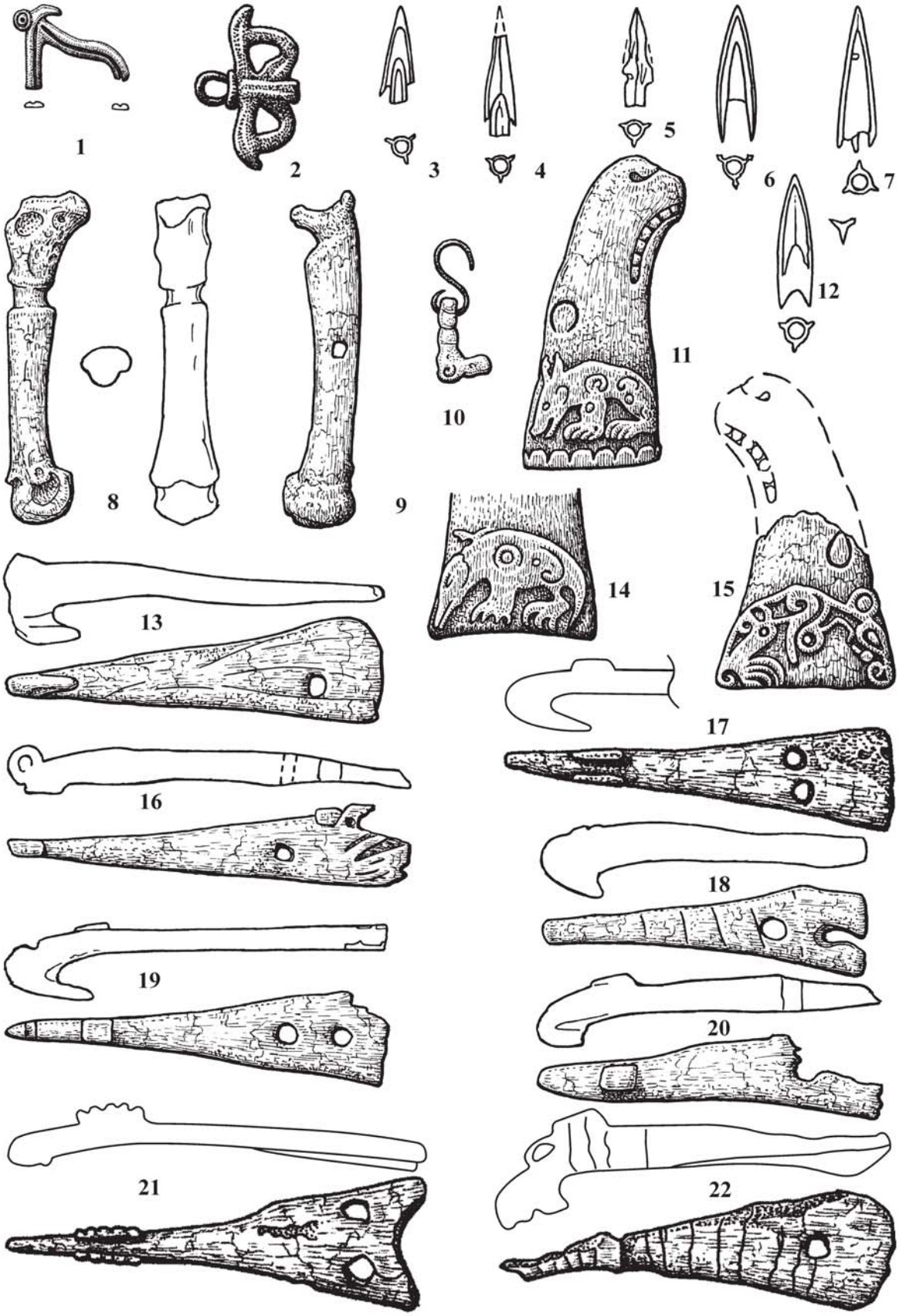


Рис. 15. Регион бассейнов рр. Ветлуга и Вятка. Предметы хроноиндикаторы позднего периода АКИО: 1, 3–6, 13, 15 – Аргыжское гор. (по: Вараксина, 1929; Васильев, 2002; Черных и др., 2002; Ашихмина, Черных, Шаталов, 2006); 2, 7, 8, 10, 12 – Буйское гор. (Спицын, 1893; Ашихмина, Черных, Шаталов, 2006; Митряков, Черных, 2014); 9 – Каравашек (Свиногорское) гор. (по: Спицын, 1893); 11, 14, 16–22 – Пижемское гор. (по: Спицын, 1893; Ашихмина, Черных, Шаталов, 2006; Митряков, Черных, 2014). 1–7, 10 – бронза; 8, 9, 11–22 – кость; масштаб разный.
Рисунки Р.Р. Садыкова.

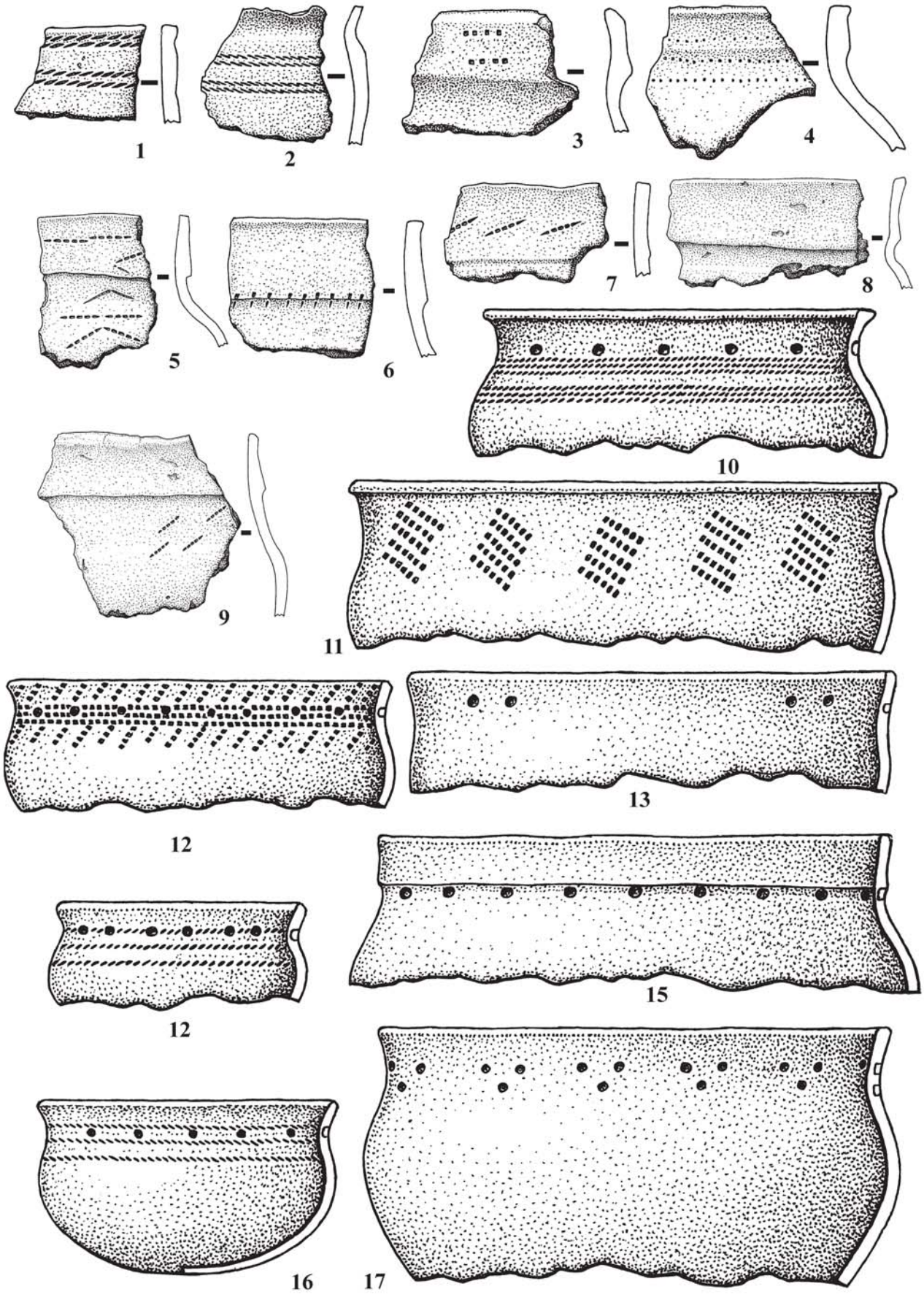


Рис. 16. Керамика из памятников позднего периода АКИО региона бассейна рр. Ветлуга и Вятка: 1–9 – Скорняковское гор. (с оригинала); 10–17 – Аргыжское гор. (по: Черных и др., 2002). Масштаб разный. Рисунки Р.Р. Садыкова.

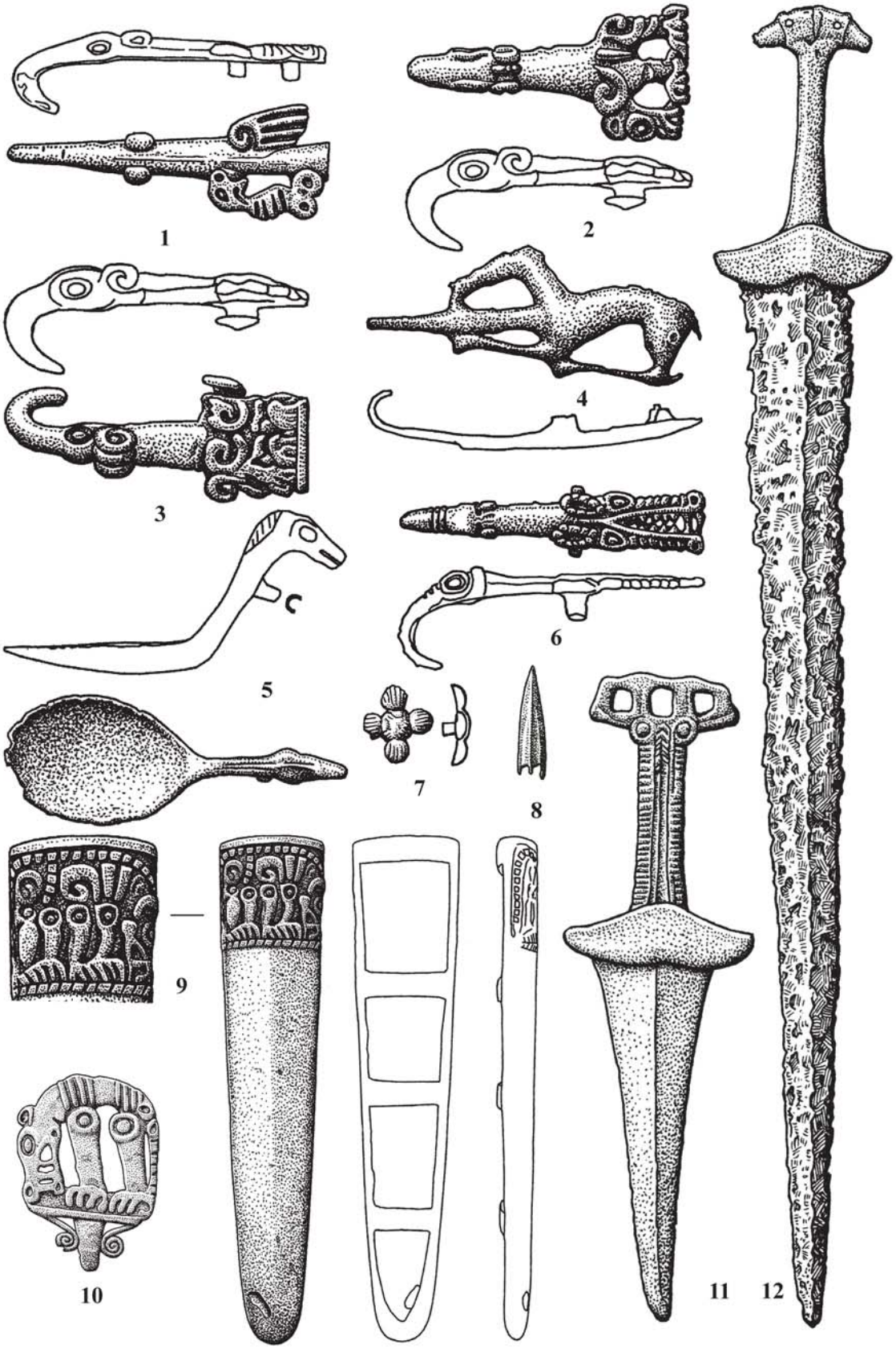


Рис. 17. Регион Средняя Волга. Предметы хроноиндикаторы позднего периода АКИО: 1 – Большая Таяба местонах. (по: Tallgren, 1918; Збруева, 1952); 2, 3, 7 – Чурачикский мог. (по: Каховский, 1963; 2003); 4 – Климкинское местонах. (по: Зубов, Михеев, 2006); 5 – Тюлькой местонах. (по: Мясников, 2014); 6, 10 – Новомордовский I мог. (с оригинала); 8 – Царев Курган гор. (по: Чижевский, 2014); 9 – Питишевское гор. (по: Мясников, 2014); 11 – Студеный овраг местонах. (по: Денисов, Мышкин, 2008); 12 – Петровка местонах. (по: Денисов, Мышкин, 2008). 1–11 – бронза; 12 – бронза и железо; масштаб разный. Рисунки Р.Р. Садыкова.

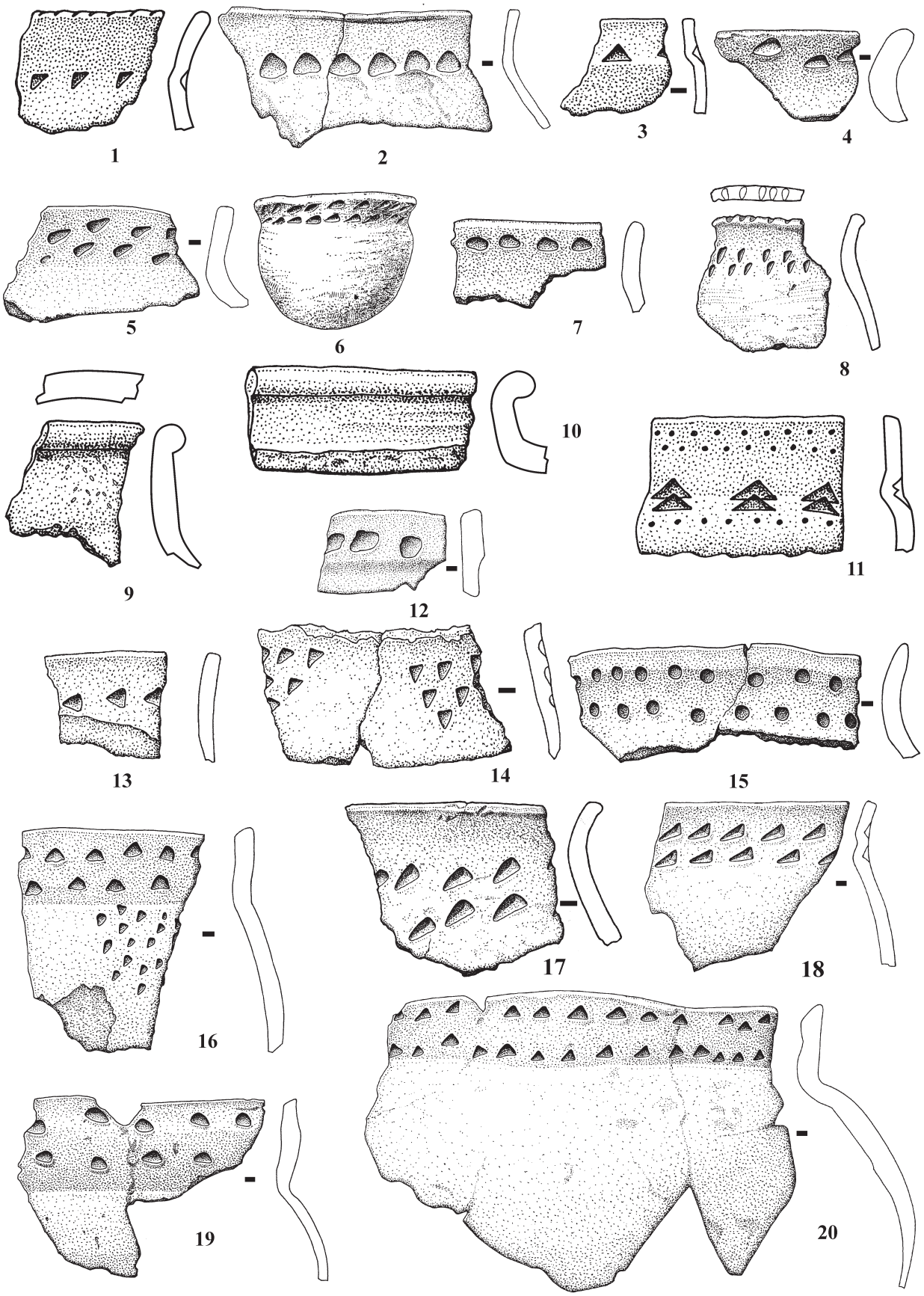


Рис. 18. Керамика из памятников позднего периода АКИО региона Средняя Волга: 1 – Зольное пос.; 2 – Черки-Кильдуразы V ст.; 3 – Гулькинская ст.; 4, 12 – Белая Гора гор.; 5, 7, 15, 16,– Царев Курган гор.; 6 – Гулькинский мог.; 8, 17 – Старомайнское гор.; 9, 13, 14 – Казанка I гор.; 10 – Пестречинская II ст.; 11 – Маклашеевское II гор.; 18 – Займищенская IIIа ст.; 19 – Задельная Гора гора гор.; 20 – Лысая Гора гор. 1–5, 7–18 – с оригинала; 6 – Збруева, 1954; масштаб разный.
Рисунки Р.Р. Садыкова.

АНАНЬИНСКИЙ МИР И ПАМЯТНИКИ С ТЕКСТИЛЬНОЙ КЕРАМИКОЙ

УДК 902/904

К ВОПРОСУ О ПОЗДНЕЙ СТАДИИ ДЬЯКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

© 2017 г. А.Г. Векслер, М.Г. Гусаков

В статье рассматриваются вопросы, связанные с поздним этапом развития дьяковской культуры. Долгое время среди специалистов бытовало два мнения: 1 – хронологические рамки дьяковской культуры – от VIII в. до н.э. по VIII–IX вв. н.э. (до прихода славян); эту идею высказывали К.А. Смирнов и И.Г. Розенфельдт; 2 – дьяковская культура закончила свое существование в V–VI вв. н.э. в результате стагнации; эта идея принадлежит П.Н. Третьякову, её поддержал Н.А. Кренке. В данной статье авторы попытались вернуться к первой версии, опираясь на материалы раскопок А.Г. Векслера, которые долгое время оставались не опубликованными. Речь идет о памятниках дьяковской культуры: городищах Боровский курган, Кунцевское и Луковня 1 (два последних раскопаны практически полностью) и селище Жуковка.

Ключевые слова: дьяковская культура, сетчатая и лощёная керамика, мощинская культура, поздние древности, памятники Москвы и Подмосковья.

О дьяковской культуре написано достаточно много – одних монографий около десятка, однако нет уверенности, что все сказано и что мы хорошо знаем эту археологическую культуру. И это не преувеличение. При анализе сделанного за последние 10–15 лет в области изучения дьяковской культуры серьёзного научного «прорыва», на наш взгляд, не произошло. Количество объектов, подвергшихся достаточно серьёзным археологическим раскопкам, и последующих за тем публикаций, судя по изданиям, мало. Отметим ещё одно немаловажное обстоятельство – все монографии и коллективные работы в большинстве своем посвящены публикации материалов раскопок, а вот аналитических работ на удивление мало, особенно в наши дни. Иногда складывается впечатление, что уже всё решено и более здесь нечего делать. На наш взгляд, это ошибочное мнение.

Дьяковская культура (ДК) – название кабинетное, полученное по городищу у бывшего села Дьяково, которое стало на долгие годы научным «полигоном» для многих исследователей и любителей старины. Основная территория распространения дьяковской культуры – междуречье Оки и Волги, включая р. Москву и Подмосковье.

По своим археологическим характеристикам ДК относится к т.н. «городищенским» культурам Восточной Европы. На западе, в зоне правобережья Верхнего Поднепровья, располагалась культура **штрихованной керамики,** на севере, в зоне междуречья Западной Двины и Верховьев Днепра, – **днепро-двинская культура** и на востоке, как отмечено выше, в междуречье Волги и Оки, – **дьяковская культура**. Есть ещё несколько культур раннего железного века (РЖВ): **милоградская** (в междуречье Днепра и Припяти), **юхновская** (нижнее течение р. Десны), **верхне-окская** (верхнее течение р. Оки). Все названные культуры «стартуют» в VIII в. до н.э. и испытывают археологически фиксируемый период «застоя» в первые века н.э.

Археологическое изучение памятников этих культур шло в двух направлениях: одни исследователи брались за изучение только городищ (раскопки селищ в археологической практике началось только в послевоенное время), другие – только за курганы, реже – кто раскапывал и городища, и курганы. Одному из авторов этих строк повезло – он вел раскопки всех видов археологических памятников (городищ, селищ, курганов), а также копал городские слои Москвы. В его послужном списке значится более 1000 археологических памятников Москвы и Подмосковья (Археология Москвы... 2012).

В 1960-е гг. Институт археологии АН СССР наиболее полно исследовал дьяковские городища в Московской области: Троицкое, Бородинское в Можайском р-не, Щербинское, Кузнечики в Подольском р-не (Дьяковская… 1974). Они были раскопаны почти полностью. В конце 90-х гг. сравнимые по масштабам

работы были проведены на Настасьинском городище Коломенского р-на (Энговатова, 2001). Аналогичную работу по изучению городищ и селищ ДК провел в 1960–1989 гг. А.Г. Векслер, тогда сотрудник Музея истории и реконструкции Москвы, исследовавший городища Боровское (Раменский р-н), Кунцевское (Москва), Луковнинское (Подольский р-н) и селище Жуковское, а в 2000–2004 гг. – Дьяково городище. Все памятники, кроме Дьякова городища, были раскопаны почти полностью.

В изучении ДК есть один «темный» период – это середина I тыс. н.э. Его поворотный пункт – V в. н.э. После катастрофического падения Рима начались многочисленные локальные войны и перемещения племен в пространстве Европы **(Илл. 1, Б). Войны или вооруженные столкновения, пандемии, эпизоотии и разного рода природные катаклизмы порождают бегство населения.** По мнению П.Н. Третьякова, «…процесс смены укрепленных поселений неукрепленными был повсеместным и в лесной зоне Восточной Европы он протекал в середине I тыс. н.э.» (Третьяков, Шмидт, 1963, с. 7, 26). Казалось бы, многочисленные факты не позволяют сомневаться в таком выводе. Но нельзя не заметить, что этот процесс сопровождался в Верхнем Поднепровье, Подвинье, на Оке и Москве-реке сменой культур, изменением керамического комплекса, появлением новых типов вещей и приемов домостроительства. Процесс смены типов поселений – явление, несомненно, стадиальное, но это не снимает проблемы генетической и культурной преемственности между ними и, тем более, не должен подменять реконструкцию конкретных процессов культурогенеза в лесной зоне Восточной Европы. С чем был связан такой крутой поворот, давший мощный толчок к движению в истории племен лесной полосы Восточной Европы? Единого мнения здесь нет, и причина кроется, на наш взгляд, в характере материала. На рубеже IV–V в. в пределах ДК появляются носители принципиально новой традиции в изготовлении керамики и украшений из бронзы – речь идет о т.н. «мощинской» культуре.

На сегодняшний день количество памятников, которые мы можем без колебаний отнести к ДК, уже перевалило за 700 (707 объектов)[1] – это городища (288), поселения (85), селища (324). Однако до сих пор неизвестны погребальные памятники (за исключением милоградской и юхновской культур). Есть догадки, предположения, гипотезы, но полной уверенности – нет (Кренке и др., 2010). Погребения, обнаруженные на городищах ДК П.Н. Третьяковым (Березняки) и Ю.А. и Н.А. Красновыми (Саввино-Сторожевское) относились к более поздней эпохе – V–VII вв. (Третьяков, 1966; Краснов, Краснов, 1978). В связи с этим обстоятельством картина «дьяковской» этнографии явно не полная. Правда, в одной из работ Н.А. Кренке пытался представить в качестве дьяковских погребальных памятников погребения на городище Дютьково, однако доказательной уверенности, что они относятся к ДК, нет (Кренке и др., 2010).

Заметим, если степь и её пространства являлись большой дорогой, то лесные пространства становились на долгие годы своеобразными «заповедниками». Мы должны заметить, что север и юг Восточной Европы были четко поделены на две части. Север – лесная зона, с мало различимым культурным обликом археологических культур со скудным инвентарем, которые иногда называют «городищенскими», и южная – лесостепная и степная – с поселениями, городищами и могильниками.

Проблема периодизации и хронологии ДК давно интересовала исследователей. Ранний этап развития ДК датируется VIII–VII или VII–VI вв. до н.э. Относительно её верхней даты существуют различные точки зрения: V–VII вв. (Дубынин, 1970а, с. 94; 1970б; Кренке, 2011, с. 227), VII–VIII вв. н.э. (Краснов, Краснов, 1978, с. 150). Однако И.Г. Розенфельдт доводила верхнюю дату до X – начала XI

[1] М.Г. Гусаков в процессе многолетнего изучения памятников дьяковской культуры и других культур Восточной Европы периода РЖВ, Латена, Римского времени и Раннего средневековья, составил таблицу в электронном виде, в которой было зарегистрировано 2758 памятников по 57 признакам. В качестве источника для составления таблиц послужили периодические выпуски сборников «Археологическая карта России» (АКР) по областям: Брянская, Владимирская, Ивановская, Калужская, Костромская, Курская, Московская, Орловская, Рязанская, Смоленская, Тверская, Тульская, Ярославская, вышедшие в 1994–2006 гг. В свою очередь, для составления выпусков АКР основными источниками послужили публикации в специальной литературе, отчеты о полевых археологических исследованиях, хранящиеся в архивах Института археологии РАН и других научных учреждений, а также первичная учетная документация на археологические памятники (паспорта памятников), составлявшаяся для Московской области А.Г. Векслером, М.Г. Жилиным, А.Е. Кравцовым, Х.И. Крис, Р.Л. Розенфельдгом, В.В. Сидоровым, И.Л. Чернаем, А.А. Юшко и др. авторами. При работе над текстом использована также рукопись Р.Л. Розенфельдта «Материалы к археологической карте Московской области», переданая автором в архив Отдела археологических сводов и карт ИА РАН для хранения и использования. Данные о местоположении археологических памятников проверялись и уточнялись по современным топографическим картам.

в., т.е. до прихода на эту территорию славян (Розенфельдт, 1982, с. 176). Правда, единства мнений на исторические судьбы носителей дьяковских древностей до сих пор нет.

Если в восточной части междуречья Волги и Оки на археологическом материале на протяжении многих веков прослеживается последовательная история местного населения и памятники раннего железного века (городецкая культура) здесь смыкаются с раннесредневековыми (поселения и могильники известных по летописям крупных финно-угорских племенных образований), то вопрос о развитии дьяковских племен, занимавших с начала I тыс. до н.э. западную часть междуречья, остаётся до сих пор открытым. Нет ничего удивительного в том, что отсутствие единого мнения о поздней дате привели к тому, что получила распространение гипотеза о переходе населения с укрепленных городищ на поселения (селища) в силу изменения хозяйственного уклада (перехода от подсеки к перелогу).

В 1974 г. вышла из печати коллективная монография о раскопках на Щербинском городище, где И.Г. Розенфедьдт, К.А. Смирнов и А.Ф. Дубынин дали развернутую характеристику археологическому инвентарю и периодизации ДК (Дьяковская… 1974). Относительно хронологии культуры мнения авторов разделились: А.Ф. Дубынин и К.А. Смирнов пришли к выводу, что верхние слои дотягивают до VII в. и население уходит на селища, И.Г. Розенфельд считала, что культура доживает до прихода славян (Розенфельдт, 1974, с. 189–197; Смирнов, 1974, с. 76–89). Двадцать лет спустя К.А. Смирнов (1994) опубликовал новую версию периодизации ДК с учетом поступления новых археологических материалов, датировав поздний этап со II–III по V–VI вв., который характеризовался укрепленными городищами и разнообразными жилищами. Он отметил, что появилось большое количество вещей, имеющих аналогии в Прибалтике и именно к этому времени прекращается жизнь на городищах. Экономическая база – скотоводство, охота (добыча мехов), рыболовство; земледелие носит подсобный характер. Посуда гладкая, появляются прямые ножи, кузнечные клещи, большой топор, коса-горбуша. Наблюдается проникновение вещей с запада, в основном украшений (пастовые бусы, фибулы). Исчезают грузики типов 5а, 5б, 6, 7, бытуют только грузики 1, 2, 3а, 3б, 4. Земледелие – господствующая форма хозяйства. Происходит уход с городищ на поселения. Среди жилищ преобладает сруб, рассчитанный на одну семью (Смирнов, 1994, с. 85–97). Период с конца VI по IX век К.А. Смирнов выделил как заключительный период, как последний этап существования ДК. В итоге спустя 20 лет он согласился с мнением И.Г. Розенфельдт.

Так думали практически все археологи, занимавшиеся изучением археологических культур железного века до раскопок Н.А. Кренке. Именно он возобновил дискуссию о хронологии археологических материалов ДК после своих раскопок 1985–1987 гг. Дьякова городища (Кренке, 2011). Об этом городище мало сказать, что оно было изрядно «перекопано» в прошлые времена и не всегда корректно с точки зрения археологической методики, в результате чего значительная часть площадки городища была испорчена. Но мы отметим одну особенность этого городища: из всех городищ ДК оно обладало огромной и достаточно «изощренной» стратиграфией, которая с трудом поддавалась и поддается расшифровке. Благодаря хорошо поставленной методике (в основном зачисток) Кренке успешно справился с труднейшей задачей и получил достаточно представительный исследовательский материал, который позволил ему решать вопросы не только стратиграфические, но и хронологические. Именно хорошо стратифицированный материал позволил ему поставить новые вопросы по хронологии вещей и сооружений.

Н.А. Кренке точку отсчета начала ДК определил как рубеж IX–VIII в. до н.э., а финал – с VI–VII вв. По его мнению, финал является результатом запустения культуры и не связан с переходом на селища (Кренке, 2011). Основанием его периодизации послужили изменения стратиграфии культурного слоя Дьякова городища, и, в частности, стерильные прослойки, в которых не было археологического материала. Свои выводы Кренке подтверждает радиоуглеродными датами, «новой» классификацией дьяковской керамики и относительной хронологией всего вещевого материала как самого Дьякова городища, так и материалов из других городищ бассейна Москвы-реки.

В данной статье мы обсудим иной взгляд на периодизацию ДК. Начнем с общей картины состояния культур лесной полосы во второй половине I тыс. н.э. В нашем распоряжении есть статистический материал по городищам и селищам не только самой дьяковской культуры, но и ее соседей. Попробуем рассмотреть их под углом зрения хронологии и продолжительности бытования. Всего мы учли 2695 памятников семи археологических культур центра Русской равнины и 3229 памятников из Белоруссии **(Табл. 1-7)**.

Начнем с **городецкой культуры** (далее ГК), территориально она занимает самое восточное положение в нашей выборке, это среднее течение р. Оки. Всего в нашем распоряжении 348 памятников: 146 городищ, 69 поселений и 133 селища **(Табл. 1).** Жизнь поселений

начинается в VII в. до н.э., пик подъема относится к рубежу IV–III вв. до н.э., когда одновременно действует 347 памятников, и вот с этого времени начинаете резкий спуск вниз до полного исчезновения в III в. – это точка резкого спада. Но нам важно отметить начальную точку падения и подчеркнуть, что после прохождения через нее наблюдается только постепенное исчезновение памятников этой культуры. Нам хорошо известно, что со II–III вв. на территории ГК начинает действовать культура рязано-окских могильников (АКР… 1993, с. 26, 27) **(Табл. 1)**.

Вторая археологическая культура, к западу от ГК, – **дьяковская** (далее ДК), занимает часть среднего течения Оки и весь бассейн Москвы-реки и Верхней Волги. Здесь известно 707 памятников: 29 городищ, 85 поселений, 332 селища (АКР, 1994; 2003) **(Табл. 2).** Подъём начинается с VIII в. до н.э., кульминация приходится на III–II вв. до н.э., в I в. н.э. начинается резкий спад, который длится до начала IV в. Однако в это время наблюдается небольшой подъем с кульминацией в V в. и спустя два века – падение в VII в., но к этой ситуации мы ещё вернемся.

Третья археологическая культура – **верхнеокская** (далее ВОК), представленная 202 памятниками[2]: 52 городища, 13 поселений, 136 селищ **(Табл. 3).** Начиная свое развитие в VI в. до н.э., она резко поднимается вверх и в III–II вв. до н.э. и набирает свой максимум, после чего на рубеже эр резко сокращает свое присутствие в верхнем течении Оки и на её притоках, сводя свое существование до небольшого количества памятников, доживающих до VI в.

Четвертая археологическая культура – **днепро-двинская** (далее ДДК) с запада соседствует с ДК, занимая всю Смоленскую область (АКР, 1997). Хронология ДДК – VI в. до н.э. – IV в. н.э. Нами учтено 388 памятников: 320 городищ, 3 поселения, 65 селищ **(Табл. 4).** Начало культуры приходится на VI в. до н.э. (330 памятников); все эти памятники существуют в течение пяти веков, практически находясь на одном уровне. По-видимому, это был стабильный период развития ДДК, но с I в. н.э. начинается затяжной спад, который заканчивается в VIII в. Нет сомнения, что эта ситуация отражает распад культуры, который связан с проникновением с юга на территорию ДДК памятников культур зарубинецкого круга – Чечерск-Кистени, Грини II (II–I вв. до н.э. – I в. н.э.) до памятников типа Абидня III–IV вв. Другими словами, в начале нашей эры на эту территорию вступают памятники средне-тушемлинской культуры Подвинья (Чечерск-Кистени) и за ними следом памятники киевского типа (типа Абидня) – Заозерье-Узмень (Лопатин, Фурасьев, 2007, с. 89–91).

Аналогичную картину показывают памятники **юхновской культуры** (далее ЮК), которые расположены в Брянской области южнее памятников ДДК. Хронология культуры – VII в. до н.э. – II в. н.э. (АКР, 1992). Учтено 350 памятников: 200 городищ, 20 поселений, 129 селищ **(Табл. 5).** Заметим, что среди памятников ЮК есть погребальные, тогда как в вышеназванных их нет. На графике все достаточно очевидно, и сходство хронологического поведения памятников ЮК практически совпадает с ДДК.

Совершенно иную картину дают памятники **культуры штрихованной керамики** (далее КШК), расположенные в Белорусском Поднепровье, западнее памятников ДДК **(Табл. 6).** Учтен 291 памятник: 251 городище, 48 селищ. Хронология КШК – первая версия VIII–VII вв. до н.э. – IV в. н.э. (Шмидт, 1992, с. 116–120); вторая версия –1 тыс. до н.э. по IV–V вв. (Егорейченко, 2006, с. 118, 119). С VIII в. до н.э. происходит медленный трехступенчатый подъем с кульминацией в III–IV вв. и далее наблюдается резкий спад.

По всей видимости, в данном случае мы имеем дело не с монокультурной средой, как в описанных выше случаях, а с довольно разнородной картиной сложного исторического процесса, который происходил на протяжении почти тысячелетнего заселения огромного пространства от междуречий рек Немана и Вилии до Березины и Днепра. Истоки этого культурного формирования уходят в эпоху бронзы (Егорейченко, 2006). Достаточно большое количество памятников, относящихся к КШК, представлены не одной, а несколькими культурами; таких памятников, по нашим данным, – 176. В их числе памятники со слоями милоградской (79), днепро-двинской (43), зарубинецкой (18) и других культур. Нет сомнения в том, что время от времени часть населения милоградской и зарубинецкой культур уходили в северные земли, скрываясь от столкновений с другими племенами (достаточно сказать о постоянных движениях по южным районам Украины сарматских и других кочевых племен).

И последняя культура, о которой необходимо сказать в данном контексте, это **милоградская** (далее МК), которая предшествовала зарубинецкой, была современницей поморской и подклёшевой культур Польши и располагалась в бассейне Припяти и Среднем Поднепровье (Рассадин, 2005). Известно 409 памятников: 182 городища, 27 могильников, 200 селищ (**Табл. 7**).[3] Общая хроно-

[2] По последним данным озвучена цифра – 253 памятника (Столяров, 2013, с. 30-51).

[3] Археолог А.Ю. Почерников по схеме,

логия памятников МК укладывается в рамки VI–II вв. до н.э. Основной датирующий материал относится к V–IV вв. до н.э. В МК есть погребальные памятники, погребения в основном совершены по обряду кремации. В конце эпохи Латена её сменяет зарубинецкая культура (далее ЗК). Если построить график поведения во времени городищ и селищ МК, то отражается картина, аналогичная выше изложенным с той лишь разницей, что период упадка приходится на последние века до нашей эры **(Табл. 7**).

Итак, что показывает хронологическое «поведение» памятников РЖВ на территории лесной полосы Восточной Европы на протяжении тысячелетия – от VIII в. до н.э. до VIII в. н.э. Ответ прост: мы наблюдаем общий процесс подъема культур от начала их функционирования до рубежа эр и постепенного падения к началу средневековья. Этот процесс затронул все «лесные» культуры. Со II–III вв. очевидна тенденция к деградации или постепенной замене первобытных культурно-материальных традиций и замены их более современными социальными отношениями, что привело к замене подсеки перелогом, активному развитию черной металлургии и металлообработки, появлению новых, неизвестных ранее вещей и предметов быта: фибул, многочисленных типов украшений из бронзы, ряда керамических новаций, в частности техники лощения, начинов, появление новых комбинаций рецептов изготовления формовочных масс глины.

В качестве одной из причин, приведших к значительным изменениям в ландшафтной топографии древних племен Европы, часто звучит тезис, почерпнутый археологами из области изучения палеоклимата, что начиная с I в. н.э. на Европейском континенте происходит смена климата. Вспомним сетования поэта Овидия, оказавшегося в ссылке на краю «земного диска» в городе Тире на Черном море. У него постоянно звучит явное преувеличение суровости климата здешних мест. Первые века вызвали многочисленные перемещения племен центральной Европы, особенно значительными были движения с севера на юг. Пути Висла–Днестр, Неман–Березина–Днепр и Припять–Днепр стали магистральными дорогами передвижений. Эти перемещения естественно заставили часть племен уходить в «глухие районы».

В конце IV – начале V в. н.э. произошло сильное похолодание климата. Резко повышается увлажненность земли, что связано с низкими температурами и увеличением осадков. Заметно повысился уровень воды в реках и озёрах, произошел подъём грунтовых вод, увеличилась площадь болот, затапливаются поймы многих рек (Борисенков, Пасецкий, 1988; Седов, 1994; Behringer, 2007). Кульминация суровости климата приходится на V в. н.э. (Седов, 1994, с. 297). Но мы далеки от этой темы, чтобы настаивать на её глобальном значении в истории Европы. Здесь ясно главное, что изменения климата были частью многочисленных факторов, приведших к массовому перемещению племен в середине тысячелетия, и к новой расстановке сил в Европе. Смена мест обитания неминуемо повлекла к столкновениям. Подобное явление не могло не повлиять на «милитаризацию» местного населения, что естественно отразилось в погребальном обряде (Ахмедов, Казанский, 2004).

Лесная зона значительно уступала по своей заселенности южным районам, где плотность памятников была много выше. В данный момент речь идет о демографии. Попробуем остановиться на археологическом материале, который и дал не только хронологию памятников, но и гипотетическое представление о демографии (Гусаков, 2005). В этих случаях естественно звучит вопрос – сколько человек ДК принимало участие в историческом процессе? Нам не важно, сколько было реально, нам важен порядок цифр. Есть давнее представление, что на городище или поселении скапливалось не более 100 человек, есть и другая цифра от 40–60 человек (Там же). А теперь представим, сколько человек могло составлять население в наших раскладах по векам? По таблице видно, что в точке максимума мы имеем 538 поселений **(Табл. 2).** Это 53 800 человек – это достаточно внушительная цифра, но на территорию в 200 000 км², что немногим уступает Великобритании или Польше в современных границах. Тогда как в V в. н.э. – 28 800 чел. Практически вдвое меньше. Ну как здесь оценить – много это или мало? Ясно, что население здесь есть, и никуда оно не делось. Часть населения осталась на своих местах.

Надо отметить, что в данной работе мы частично использовали материалы из раскопок, произведенных А.Г Векслером в прошлые годы и пока не опубликованных, – это памятники финала дьяковской культуры (городища Боровский курган, Кунцево, Луковня 1, Дьяково, селище Жуковка). Городище Луковня 1 – классический поздний памятник, при его исследовании было найдено большое количество украшений, имеющих аналогии как на других городищах, так и в могильниках других культур. Без материалов этого памятника, решение рассматриваемой проблемы в настоящее время, вряд ли возможно.

предложенной М.Г. Гусаковым, сделал аналогичную таблицу по памятникам железного века Белоруссии, куда вошло 3229 памятников.

В начале 80-х гг. XX в. работа И.Г. Розенфельдт о хронологии вещей ДК стала своеобразным этапом в изучении культуры, за которым в науку вышло новое поколение исследователей. После выхода книги не оставалось сомнений, что большинство городищ было обитаемо и во второй половине I тыс. н.э. По её мнению, к «поздней» эпохе относится 541 предмет (Розенфельдт, 1982, табл. VIII) – остатки деталей костюма и украшения (278), фрагменты наборов от поясов (144), оружие (17), орудия труда (77) и остатки конской сбруи (25). Наибольшим количеством представлены предметы костюма и туалета.

А теперь поставим вопрос: много ли этого материала для культуры в 700 с лишним памятников? Около 600 предметов на 300 памятников в период от IV–VII – X вв., другими словами, за период от 300 до 600 лет. Скорее всего, мы имеем дело с очень консервативной культурой, находящейся в «медвежьем углу» Восточной Европы, отгороженной от мира огромными лесами, реками и болотами. Однако если внимательно приглядеться к материалу, то мы увидим, что городищ и селищ с большим набором вещей не так много – это те городища и селища, которые подверглись значительным раскопкам. Таких памятников в пределах ДК не более двух десятков. Впрочем, и в других культурах на городищах не так много находок украшений и деталей костюма.

С момента выхода книги И.Г. Розенфельдт прошло 34 года. Это большой срок для археологии, естественно, что за это время произошло изрядное накопление материала, может быть, не в самой ДК, но, прежде всего, у её соседей. И это обстоятельство требует провести своеобразную «инвентаризацию» наших знаний, особенно в вопросах хронологии. Именно эту тему и разрабатывал в последнее время Н.А. Кренке (2011; 2014).

Н.А. Кренке начинает свою статью с утверждения, что последняя работа И.Г. Розенфельдт (1982) изрядно устарела (Кренке, 2014). По его мнению, на поздней стадии развития позднедьяковского времени примерно с IV в. н.э. продолжалось **эволюционное развитие** материального комплекса ДК, и оно прослеживается в наборе бронзовых украшений. По его мнению, в это время существовала очень сильная локальная **ювелирная традиция,** в ряде случаев подчинявшаяся внешним влияниям. На наш взгляд, говорить о такой традиции у достаточно примитивной и плохо экипированной вещевым материалом археологической культуры несколько «фальшиво».[4] Все «ювелирные» изделия ДК представлены предметами из бронзы, меди и глины. Это сугубо ритуальные вещи, связанные с брачными и погребальными обычаями. Но вернемся к ювелирным изделиям.

«Производственная мощность» ювелирного дела ДК достаточно аргументировано разобрана И.А. Сапрыкиной (2006). По её разработкам 80% изделий сделаны по формам, которые после изготовления разрушались. Это формы «однодневки». Все «простые» украшения (бляшки, браслеты) сделаны в период от VII–V вв. до н.э. по рубеж эр. А с I–VII вв. самые сложные вещи по конструкции (накладки, привески, застежки) уже сделаны в «стационарных» мастерских. Причем заметим, из-за того что вещей мало, археологи вынуждены давать широкие диапазоны бытования вещей. Если бы в нашем распоряжении были вещи из могильников, то можно было бы выстраивать датировки в более узких рамках. Надо сказать, что большие хронологические интервалы – это серьёзная проблема археологии, особенно культур с малым количеством датирующего инвентаря. Опять же, наличие достаточно большого количества вещей (речь идет об «украшениях») позволило бы расширить поисковую базу аналогий, т.е. увеличить количество наблюдений, а, следовательно, можно было бы точнее датировать. В то же время очень важно иметь сырьевую базу, а в ДК нет необходимых материалов. Сапрыкина уточняет, что в поздний период II–I вв. до н.э. по V–VI вв. вещи и сырьё поступают как с запада (Польша, Белоруссия), так и с востока (Прикамье). Это – сюльгамы, фибулы, накладки и т.д.

С появлением новых серий украшений, таких как накладки, гривны, привески, застежки, кольца, перстни и браслеты, вырабатывается новое направление в изготовлении украшений – литье в составных формах и литье в составных формах с кузнечной обработкой литой заготовки, по сути, косметической правкой (Там же). Высокое содержание олова и свинца в сплавах исключало возможность применения горячей ковки. О чем это может говорить? О том, что либо не было сырья, либо о недостаточном уровне развития самого кузнечного дела, хотя кузнецы и были знакомы со сложными технологическими приемами, но не могли сделать качественные изделия из-за отсутствия навыков определения правильного температурного режима ковки. Об этом свидетельствуют результаты исследования железных предметов Троицкого и Щербинского городищ (Хомутова, 1978). По её мнению, для второго хронологического периода (II–I до н.э. – V–VI вв.) характерно сосуществование двух типов производственных сооружений, т.е. мастерских на городищах в «длинных домах» и на краю

[4] Ювелир, (нем. Juwelir. Juwel = драгоценный камень) – человек, мастер, изготавливающий изделия из драгоценных металлов и камня.

жилых площадок. Их расположение в системе жилой застройки не изменяется. На городищах, в скученном пространстве, присутствие «огненной» мастерской, выглядит странно. Не исключено, что когда городище забрасывалось из-за подсеки, в это время оно служило для ремесленных дел.

Основой составления сплавов в начале I тыс. н.э. – V–VI вв. (городища Троицкое и Боршева) становится латунь, в том числе высоко цинковая, к которой добавляли оловянную и свинцовую бронзу или «чистые металлы» (медь, олово, свинец). В выборке этого периода доминируют многокомпонентные сплавы (22%), что свидетельствует о широком использовании в качестве сырья лома цветного металла и многочисленных переплавках вышедших из употребления украшений. Как вероятный источник сырья для позднего периода дьяковской металлообработки рассматриваются Прибалтика и Восточная Пруссия. В эти регионы, благодаря контактам с провинциальными римскими мастерскими, поступали медно-цинковые сплавы (сырьё) и сами изделия, которые служили тем же сырьём. Допустим, что это так, но сколько вещей поступило оттуда и за какой период? Мало.

Для нас ясно, что подобные изменения во втором периоде могли произойти в случае прихода нового населения, по-видимому, «мощинского» или «балтского». Тем не менее, И.Т. Сапрыкина считает, что уровень развития ювелирного производства не был высоким на всех этапах развития ДК (Там же), в то время как в комментариях Н.А. Кренке (2011) «ювелирное дело» дьяковцев окрашено исключительно в «розовых» тонах.

В V–VI вв. наблюдается новый импульс проникновения вещей с запада и юго-запада. В частности, на памятниках ДК появились в достаточно большом количестве лощеные миски и горшки мощинской культуры. Наряду с лощёной посудой проникают сковородки. Позднее в керамических формах начинают доминировать формы со сложным профилем и заглаженной поверхностью, верёвочный орнамент вытесняет (почти вытесняет) все другие виды декора, «внешность» посуды явно имеет «роменские» прототипы или напоминает их. В качестве возможного направления, откуда могли поступать эти предметы (точнее их изготовители) – это юго-запад, верховья Оки, Десны и Сейма.

В качестве хронологического индикатора, указывающего на поздний период, могут выступать сковородки с невысоким краем и глиняные диски, которые часто воспринимают как крышки (Гусаков, 2005). И.Г. Розенфельдт считала, что они появились в памятниках ДК в период с VIII по IX век из районов бывшей городецкой культуры – в частности, речь идет о материалах из раскопок на мысу городища Старая Рязань (Розенфельдт, 1974, с. 131, 132). В более ранних датировках этих материалов И.Г. Розенфельдт сомневается. Однако сковородки, как бытовой предмет, возникают ещё в недрах культуры киевского типа, если не сказать раньше, а именно: в зарубинецкой культуре (Третьяков, 1974; Максимов, Терпиловский, 1978; Обломский, Терпиловский, 1991). Представлены они и в материалах позднего периода почепской и мощинской культур (Никольская, 1951). Наиболее широко представлены сковородки в материалах культур Прага-Корчак (Русанова, 1976). Когда появился этот тип посуды в ДК? По совокупным данным западного и юго-западного направления, проникновение этого типа посуды происходит в III–V вв., а не в VIII в., как утверждала И.Г. Розенфельдт. Таким образом, появление сковородок мы можем увязывать с приходом населения (или части населения) из области распространения мощинской культуры.

Н.А. Кренке в своей критике И.Г. Розенфельдт также обратил внимание на материалы, сделанные из глины, в частности, на «грузики дьякова типа», сковородки и мощинскую лощеную керамику. Он заявил, что появление мощинской керамики было «модой». Отметим, что говорить о моде на керамику «мощинского стиля» в IV–V вв. абсурдно. О какой моде можно говорить, когда эта керамика могла быть сделана только «мощинцами», а не «дьяковцами». Это два совершенно разных технологических уровня в изготовлении керамики. Для того, чтобы делать такую посуду, нужно, по меньшей мере, 3–4 поколения (если не больше) совместного проживания, чтобы научить людей (до этого дьяковцы делали посуду в технике выбивания и лоскутным налепом) изготавливать посуду с другим начином, с лощеной поверхностью и ещё научить их обжигать посуду в горнах в восстановительном режиме, без доступа кислорода! Для того, чтобы доказать тезис о «моде», надо привести наблюдения: по примесям в тесте, по начинам и по технике изготовления полого тела, как это было у А.А. Бобринского (1978). Говорить о внешнем виде сосудов на уровне «похожи – не похожи» бездоказательно. Вступая в дискуссию с И.Г. Розенфельдт, археологом, прекрасно владевшим типологическим методом Монтелиуса-Городцова, надо предлагать типологию и классификацию керамики более совершенную, чем ранее предложенная.

И еще одно наблюдение. Оглядываясь на прошедшие годы, можно смело утверждать, что классификация дьяковской керамики, сделанная И.Г. Розенфельдт, многим археологам «не далась»: да – она сложна (впрочем, как и методика работы А.А. Бобринского), но лучшего и более совершенного пока никто не

предложил, а прошло уже 42 года! Естественно хочется получить результат быстро и без больших усилий, но, увы, с керамикой быстро не получается.

Археологический инвентарь, полученный из раскопок А.Г. Векслера, прекрасный источник по относительной и абсолютной хронологии ДК, особенно финала ее развития. Отметим главные моменты, характерные для периода от II–III до V–VI вв., – в керамическом ассортименте появляются формы лощеной керамики, а также фибулы, имеющие западные прототипы. В этот период полностью исчезает сетчатая керамика **(Таблицы 8-16).** В этой статье мы не сможем максимально развернуть материал, полученный А.Г. Векслером, но некую часть все же введем в научный оборот (Векслер, Отчеты, 1961–1982) .

Боровский курган городище 1960 г. (Илл. 2, 12-14; Табл. 8-10), раскопано около 200 м². Мощность культурного слоя на площадке до 1 м, а на склонах – до 1,5 м. Керамика лепная с сетчатыми отпечатками и штриховкой на внешней поверхности, гладкостенная, лощеная «мощинского» типа. Найдены грузики «дьякова типа», железные серп и наконечник стрелы I–**III** вв., костяные иглы, проколки, наконечники стрел, среди которых есть одношипный V в. до н.э., литейная форма из сланца. Среди украшений: привеска с крестообразными концами и выемчатой красной эмалью III в.; височные ажурные подвески, в т. ч. с колечками для шумящих привесок; бронзовые бляхи – круглая с косой насечкой II–I вв. до н.э. и выпуклая с ушком; прямоугольная накладка с двумя дужками; спиральная пронизка; разнообразные пастовые и стеклянные бусы. Исследованы остатки металлургической мастерской IV–V вв. Зафиксированы также древнерусские и позднесредневековые материалы (Векслер, Отчет, 1960; 1961).

Кунцевское городище 1960–1970 гг. (Илл. 3, 12–14; Табл. 11–13). Раскопками была охвачена практически вся верхняя площадка городища (около 1600 м²). Однако они велись не только на ней, но и на террасах городища. К сожалению, стратиграфия площадки была нарушено средневековым кладбищем. Дьяковский слой был снивелирован ещё в XII–XIII вв. В литературе кладбище датировалось XVI в., но, судя по находкам, оно функционировало уже в XIV в. Гладкостенная керамика с орнаментом находит широкие аналогии в верхних слоях дьяковских городищ III–IV вв. Дата лощеной керамики, по И.Г. Розенфельдт (1974), – IV–V вв. Среди находок первых лет отметим глиняную женскую фигурку, покрытую точками, имитирующими детали костюма. В нижней части сделано отверстие для подвешивания. Прямых аналогов этой находке нет. Женские статуэтки обнаружены при раскопках ряда городищ ДК (Дьяково, Борисоглебское, Кузнечики). На ряде раскопов полностью отсутствовала шнуровая, штрихованная, текстильная керамика ранняя. Судя по керамике, поселение существовало без значительных перерывов весь период ДК. Славянский комплекс может быть датирован X–XI вв. Древнерусский слой дал ряд замечательных находок (Векслер, Отчеты, 1963–1968, 1970–1973).

Луковнинское городище 1970-1983 гг. (Илл. 4–5, 12–14; Табл. 14–16). Исследовано 1050 м², прорезан внешний ров, проводилась магнито-электроразведка. Культурный слой в южной части площадки толщиной до 0,4 м, в центре и в северной части – до 1,0 м. Здесь выявлены напластования дьяковской и древнерусской культуры XI–XIII вв.

Дьяковский комплекс: керамика лепная с текстильными отпечатками, гладкостенная и лощеная, миниатюрные сосудики, костяные наконечники стрел, иглы, шилья, проколки, глиняные грузики «дьякова типа», пряслица, бусы, обломки «рогатых кирпичей», женские статуэтки, льячки, тигли, сопла от плавильных печей и кузнечных горнов, медные и бронзовые украшения, каменные формы для их отливки, железные наконечники стрел, серпы и т.п., характерные для позднего этапа дьяковской культуры (III–VII вв.). Уникальные находки – железный умбон щита, привозные украшения с выемчатой эмалью III–V вв., детали поясного набора VI–VII вв. Выявлены остатки нескольких жилых и производственных сооружений. Одна из жилых построек – наземная, столбовой конструкции, размерами 6,0×7,0 м, двухкамерная, со следами очагов внутри. Производственное сооружение – столбовой конструкции, длиной около 9,0 м; среди находок – обломки тиглей, льячек, литейных форм (в их числе уникальная, для отливки подвески-лунницы), готовые и бракованные бронзовые украшения. Пол постройки был сильно прокален. Исследование валов геофизическими методами показало существенное различие между их северными и южными рядами. Южные валы насыпались, вероятно, из материкового грунта. Использовалась облицовка известняковым камнем, а также бутовая кладка с уплотненным материалом между камнями (возможно, обожженная глина). Насыпь северного внутреннего вала содержала, по-видимому, остатки деревянных конструкций, и была создана на уже отложившемся культурном слое до 1,0 м (Векслер, Отчеты, 1969–1976, 1982).

Жуковское селище 1966–1968 гг. (Илл. 6–7, 12–14). Исследовано 960 м², культурный слой толщиной 0,5–0,6 м содержит напластования ДК и древнерусские IX–X и XI–XIII вв.

Одной из достопримечательностей Жуковского селища является наличие горелого слоя в северо-западной части селища толщиной до 1,2 м. Здесь четко прослеживался горизонт сооружения 2 пол. I тыс. н.э., т.е. периода, наименее изученного на территории Подмосковья. Это сооружение располагалось на мысу (отмечено в раскопах 1, 2, 5). Выявлены остатки округлой в плане постройки диаметром до 12 м – предположительно остатки святилища, яма с отходами металлургического производства и жертвенный комплекс позднедьяковского времени (в лепном гладкостенном сосуде, накрытом перевернутым вверх дном другим крупным лепным сосудом, лежали челюсть и кости лошади). Более поздние материалы селища относятся к роменской культуре и древнерусскому времени.

Верхняя граница сооружения первоначально наметилась по контуру полосой угля. Ниже был расчищен развал деревянной, сгоревшей стенки в два ряда обугленных плах, вкопанных вертикально и при этом, несомненно, соединенных горизонтальными конструкциями. В одной из сгоревших плах оказался железный двушипный черешковый наконечник стрелы (Илл. 7, *7)*. Это позволяет предполагать, что пожар был вызван нападением врагов. Круговая планировка, значительные размеры столбового сооружения, местоположение на мысу приводят к мысли, что оно могло быть языческим святилищем.

В основании непотревоженного слоя постройки обнаружен ряд датирующих находок, среди которых интересна сердоликовая круглая монетовидная бусина, битрапециевидная в разрезе, со скошенными гранями (Илл. 7, *4)*. Аналогичные бусы в изобилии встречены в не нарушенных пластах горизонта «Д» Старой Ладоги, относящегося ко второй половине IX–X в. (Равдоникас, 1949, с. 40). В заполнении столбовой ямы найдена бронзовая трапециевидная подвеска с ушком, оформленным плетенкой и тремя парными шариками ложной зерни по краю пластины (Илл. 7, *2)*. Подвески такого типа в верхних слоях москворецких городищ обычно датируются серединой – началом 3 четв. I тыс. н.э. По материалам могильников возможна и более поздняя датировка – вплоть до X в. (Резенфельдт, 1974). Отметим также медное спиральное кольцо (Илл. 7, *3*) и железную трубку с продольным пазом (рис. 1,9), вероятно, для фитиля. Подобные трубки обнаружены на москворецких городищах и многочисленны в инвентаре раннесредневековых финно-угорских могильников (Дубынин, 1966; 1970). В слое позднедьяковского времени найдены ножи нескольких типов. Обращает на себя внимание небольшой нож с закругленным лезвием, срезанным у острия (Илл. 7, *8)*. Форма и размер его полностью совпадают с экземплярами из древних могильниках Финляндии начала 3 четв. I тыс. н.э. Среди находок можно отметить медную поясную подвеску, пронизку и круглые бляшки; аналоги последних есть в Щербинском и Березняковском городищах (Третьяков, 1941). Особый интерес представляет биллоновая фигурная бляшка-накладка (Илл. 7, 1). Стилистически она близка находкам в Саркеле (хазарский слой) 1 пол. X в. (Артамонов, 1958).

Изделия из глины в позднем комплексе представлены грузиками «дьякова типа», пряслицами, тиглями, льячками. Типы грузиков характерны для верхнего слоя Троицкого городища (по классификации К. А. Смирнова, типы 1, 2, 4, 5а, 6, 7). Крупные тигли с внутренним объемом ковша 63×55×60 мм при длине желобчатой рукоятки 130 мм показывают значительное развитие обработки цветного металла на селище. Такие тигли характерны для 2 пол. I тыс. н.э. (Розенфельдт, 1972). В той же яме найдены характерные для позднего дьяковского комплекса лощеные горшковидные сосуды тюльпановидной формы, с широким устьем, отогнутым наружу венчиком, расширенным туловом и резко суженным дном. Подобные сосуды на Троицком городище относятся к верхнему горизонту верхнего культурного слоя, который датируется VI–VII вв. (Розенфельдт, 1971). Здесь были зафиксированы: пряслица, тигли, льячки, железные ножи, двушипный наконечник стрелы, бронзовые трапециевидная привеска, спиралевидные пронизки, бляшки округлой формы, наконечник пояса и другие предметы, датированные от II–I вв. до н.э. до VII–VIII вв. (Векслер, Отчеты, 1966–1968).

Дьяково городище 2001–2004 гг. (Илл. 8–11). Археологические исследования этого знаменитого памятника были связано с благоустройством и с последующей музеефикацией археологического комплекса «Дьяково городище». Было заложено несколько раскопов как на самом городище (96 м²), так в пойме (100 м²) и на рву (52 м²) при максимальной мощности культурного слоя 4,0 м. В группу памятников входят: Дьяково городище, селища «Чертов городок», «Дьяково-пойма», «Выгон», Дьяково южное 1, а также открытые в 2001 г. Дьяково южное 1-А, Дьяково южное 2, Дьяково-ров. Раскопки велись на всех перечисленных объектах, за исключением селища «Чертов городок» (Векслер, Отчеты, 2000, 2001, 2003, 2004).

Проведённые исследования позволили выявить строительные горизонты, связанные с существованием разновременных столбовых конструкций. В нижнем культурном слое, представленном серым суглинком, были зафиксированы остатки древнейших оборо-

нительных сооружений в виде столбовых ям и канавок. В слое были обнаружены фрагменты керамики, относящейся ко времени перехода от бронзы к железу. Здесь же был найден кремневый черешковый наконечник стрелы, относящийся к бронзовому веку. Этой же эпохой датируется фрагмент каменного черешкового топора, обнаруженный в переотложенном состоянии в верхнем культурном слое. Типологическая характеристика керамики, а также полученные по древесному углю радиоуглеродные датировки позволяют датировать слой серого суглинка VIII–VI вв. до н.э. В это время началось активное освоение площадки городища. Коллекция индивидуальных находок в 2004 г. пополнилась уникальным предметом – фрагментом глиняной зооморфной фигурки, украшенной точечным орнаментом. Кроме того, на западном участке раскопа выявлены фрагменты черепных костей человека. Полученные в результате раскопок южного оборонительного рва Дьякова городища материалы позволяют сделать вывод, что этот объект, впервые обнаруженный в 2001 г. в основании южного склона, был засыпан после пожара остатками фортификационных сооружений. По всей видимости, это произошло в III–V(VI) вв. В 2004 г. на северном краю площадки выявлены фрагменты ещё двух оборонительных рвов.

На селище «Дьяково-пойма» изучен культурный слой периферийного участка памятника. Культурный слой – гумусированная темно-серая супесь, которая является частью погребенной почвы. Все артефакты залегали в толще этого слоя, никак не стратифицированного. Зафиксированы хозяйственные ямы древнерусского времени, впущенные в подстилавшие темно-серую супесь слои. Установлено, что культурный слой селища «Дьяково-пойма» образовался в результате наложения древнерусского слоя на дьяковский. Культурный слой железного века рассматривается как краевой участок, вероятно производственного назначения, связанного с обработкой металлов. В нем обнаружены фрагменты льячек, а также железных наконечников стрел. Проведённые раскопки позволили получить информацию, уточняющую представления о характере освоения данного участка местности древними поселенцами от 1 пол. I тыс. до н. э. до XI–XII вв.

Поздний этап жизнедеятельности на городище зафиксирован в отложениях слоев 2–12, начало которого связано со слоем серой супеси, содержавшей лощеную мощинскую керамику. Указанные выше слои, судя по археологическим материалам, датируются (II) III – VII (VIII?) вв.

И последнее, что бы хотелось отметить. Мы тщательно вели отбор керамики с каждого пласта; иногда они были по 5–10 см, что сравнимо с зачисткой. Приведем здесь одну таблицу подсчета керамического материала из слоев Кунцевского городища. Далеко не секрет, что практически все слои на городищах перемешаны. Если посчитать наличие фрагментов керамики дьяковской культуры и древнерусской, увидим, что соотношение почти равное: дьяковская керамика ни в чем не уступает средневековой, а это значит, что это было либо совместное существование не только двух разных традиций изготовления керамики, но и населения, делавшего её **(Табл. 13).**

И ещё одно наблюдение, в котором мы солидарны с Г.А. Массалитиновой, – появление в составе т.н. «гладкой» дьяковской керамики форм с плавно отогнутым венчиком, с округлыми боками (Розенфельдт, 1974, рис. 24, *14–20***), которые очень похожи на мощинские, аналогичные горшки по построению (Массалитинова, 2010, с. 10–12, рис. 5, 6). Откуда появилась эта форма, как и лощеная керамика? Ответ известен. К сожалению, до сих пор нет общей концепции по анализу керамики этого времени «лесных культур», и здесь есть о чем подумать.**

Распределение типов форм керамики позволяет проанализировать хронологическое распределение по основным фазам жизни городищ. Если обратиться к Боровскому городищу, по распределению типов форм можно четко представить, что ранний период оставил 853 фрагментов сетчатой керамики, второй период, «мощинский», – 1380 и очень полно представлен поздний период – 12897. Раннесредневековый период был более продолжительным, чем «сетчатый» – 1406 **(Табл. 10).** Был ещё и средневековый с керамикой красной и белой – 1781.

Наиболее полно картина хронологического распределения представлена в **таблице 13** (Кунцевское городище). Сетчатая керамика – 1347 экз.; лощеная «мощинская» – 409; гладкая керамика позднедьяковского периода – 7995; «серая» керамика раннего средневековья – 1413; красная и белая – 7044.

Керамика Луковнинского городище дает совершенно иную картину: сетчатой практически нет (7 фрагментов); мощинская керамика – 8677; гладкая керамика третьего позднедьяковского периода – 2741; серая раннесредневековая керамика –260 **(Табл. 14-16)** (Векслер, Отчеты, 2001-2004).

И ещё одно замечание. Все хорошо знают, что характерным признаком позднего периода ДК является т.н. «гладкая керамика», часть которой несет специфический орнамент (Розенфельдт, 1974). Но это не только керамика позднего периода, но и времени прихо-

да славян на эту территорию. Вопрос – как встретились и интегрировались эти две культурные традиции – остается нерешенным. Но эта керамика лежит в одном слое. Четкого ответа до сих пор нет, но Р.Л. Розенфельдт и В.Н. Трубачев считали, что носители этих традиций встретились и жили вместе, но об этом ниже.

Итак, сделаем несколько замечаний.

Импорты вещей в ДК являются редкими, больше похожи на «случайное попадание» в дьяковскую среду. Речь идет о фибулах (которых не более десятка) – и это на 700 с лишним памятников и на площадь ДК в 200 000 км^2). Конечно, мы имеем в виду, что не все памятники раскапывались.

Экспансия или «мирное вхождение» мощинской культуры имело достаточно глубокие последствия для существования ДК. И это явление нуждается в серьёзном и всестороннем анализе, прежде всего, керамического материала. Заметим, что на раскопанных А.Г. Векслером городищах и селищах наряду с украшениями с эмалью «мощинская» керамика представлена достаточно представительно.

О военной экспансии в конце IV–V в., о которой писали И.Р. Ахмедов и М.М. Казанский (2004), можно говорить только предположительно. В нашем распоряжении нет четких свидетельств (речь идет только о ДК) о пожарах и стрелах в валах как доказательствах разорения и запустения памятников ДК. При такой разреженности поселений, малочисленности, огромных пространствах и возможности скрыться, говорить о военных столкновениях вряд ли возможно. Судьбу рода, клана, а может быть и племени могла решить дуэль или поединок вождей или руководителей данного сообщества. Но это всего лишь предположение. По нашей информации, часть городищ и селищ продолжают жить дальше, после V в. Авторы пишут об исчезновении «мощинцев» на Верхней Оке в это время, но они появились в дьяковской среде. Из более 300 памятников ДК Московской области около 50 памятников и около 30 памятников в восточных пределах днепро-двинской культуры имеют следы «мощинцев», а сколько их появилось в пределах севера ДК (Тверской обл.), никто не считал (АКР, 1994; 1997). По-видимому, аналогичная ситуация происходит и с другими культурами.

На наш взгляд, речь может идти не о войне, а о локальных столкновениях на отдельных памятниках, особенно ключевых – за обладание или контроль над водными путями. В это время важную роль стал играть Окский путь: он стал востребованным в трансъевропейской торговле и политике. Меха и самое главное цветной металл стали нужны южанам: Киеву и его округе. Путь от слияния Камы и Волги до верховьев Оки и Сейма стал проходим. Конечно, были и варианты, сокращающие это расстояние (Ахмедов, 2010). Отсюда бегство «мощинцев» из мест их обитания, оказавшихся на этом пути. В то же время, на наш взгляд, бывшие «городецкие» жители превращаются в «охранников» речного пути по Оке (хотя бы в пределах рязанского маршрута). Для этого достаточно посмотреть на карту резано-окской культуры, чтобы увидеть берега Оки, усеянные могильниками (Там же). А если представить, что каждый могильник означает деревню, то перед нами «станции» или, точнее, «пристани дневного пути» на веслах, где есть еда и прочее. Эту дорогу надо беречь. Вот и возник новый тип – воин-охранник, стерегущий свое пространство, а когда надо и гребец. Соответственно, возникает отражение его статуса в погребально-похоронных обрядах, в случае утраты кормильца. Это всего лишь рабочая версия. Зато дьяковский «угол» (Москва-река и выше) остался «заповедным». Сюда, возможно, сбежали все недовольные «новыми временами», но примечательно, что могильников здесь, как и не было раньше (Там же).

Подводем итог нашей полемике с Н.А. Кренке. Его последняя работа (Кренке, 2014) направлена на уточнение хронологии финала ДК, предложенного И.Г. Розенфельдт. По нашему мнению, эта попытка не удалась.

Во-первых. Материал раскопанных городищ и особенно селища Жуковка, о которых речь шла выше, на наш взгляд, свидетельствует о «непрерывном» существовании этих памятников. Из 400 памятников ДК в Москве и Подмосковье 175 представлены сетчатой (ранней) и гладкой (поздней) керамикой, при этом в верхнем слое содержится раннесредневековая керамика курганного типа. Для нас это верный признак непрерывного проживания на данной территории.

Во-вторых. Не в середине V в., может быть несколько раньше, на рубеже III–IV вв., начинается длительная по времени, по всей видимости, уложившаяся в два поколения, экспансия «мощинских» племен с верховьев Оки, с территории изначального проживания – на север и северо-запад. Накопление людского ресурса на ограниченном пространстве привело к активному переселению в зону размещения днепро-двинских племен и на северо-восток, в среднее течение Оки и Москворечье. На изначальной территории расселения «мощинцев» в пределах Калужской и Тульской областей известно 182 памятника, из них городищ – 45, могильников – 2, поселений – 8, селищ – 127. К ним надо прибавить ещё 52 памятника – 30 в ареале дьяковской культуры и 22 – днепро-двинской. Другими словами, на территории ДК и ДДК на уже хорошо обжитых памятниках, таких как

Дьяково, Луковня, Кунцево, Жуковка, Троицкое, Щербинское и т.д., в период, когда эти городища были временно оставлены в связи с подсекой, их стали использовать «мощинцы» (Гусаков, 2010, с. 491–507).

Но мы здесь не увидим погребальных памятников, которые известны как курганные могильники (тип Шаньково-Почепок). Может быть «домики мертвых» на позднедьяковских городищах Савино-Сторожевском и Березниках и есть «новая страница» (Третьяков, 1966; Краснов, Краснов, 1978). Тогда как настоящие погребения дьяковцев, о которых мы до сих пор мало что знаем, могут быть похожи на погребения в Лужках или в раскопках А.С. Сыроватко? (АКР, 1997, с. 162, 163; Сыроватко, 2014, с. 42–56; Потемкна и др., 2014, с. 57–63). Правда, известен факт из раскопок Векслера в Жуковке. Буквально в последние дни раскопок на 40 м от южной границы раскопа в небольшом шурфе 2,0×2,0 м был зафиксирован сразу под дерном большой лощеный горшок мощинского типа, который накрывал дьяковский грубый горшок, меньших размеров, с орнаментом по венчику и с костями, остатками угля и золы внутри. Что это? В отчете сказано – ритуальное захоронение пищи (Векслер, Отчет, 1967). В горшке была зафиксирована челюсть животного (по определению В.И. Цалкина, коня). Но анализ других костей не был проведен. Было ли это погребение по типу подклешевого? Вопрос. Как известно, в быт дьяковцев и днепро-двинцев «мощинцы» принесли новые приемы гончарства: лощеную керамику, сковородки и крышки. Иное дело, использовали ли они в дальнейшем эти новации – по-видимому, нет, как не прижились у них и фибулы. Не прижился у дьяковцев и обряд погребения с кремацией в урнах. Уж наверняка за 170 лет изучения культуры были бы найдены грунтовые могильники, но их нет.

Итак, тема участия «мощинцев» в дальнейшей жизни дьяковцев остается до сих пор не решенной, но то, что между ними не было столкновений и конфликтов, по-видимому, факт неоспоримый.

В-третьих. В связи с этой достаточно дискуссионной темой мы хотели бы вспомнить о высказываниях археолога Р.Л. Розенфельдта и лингвиста В.Н. Топорова, которые в те далекие времена приняли деятельное участие в дискуссии. Вначале обратимся к мнению Розенфельдта.

Время прихода славян на территорию Подмосковья не отражено в письменных источниках, но определяется относительно точно по археологическим материалам. Для этого широко привлекаются находки, полученные при раскопках славянских поселений и могильников, которые в то время у славян были курганными. До 988 г. (времени принятия христианства) у восточные славяня хоронили погребенных по обряду кремации (трупосожжения), но после принятия христианства он был запрещен как языческий и вместо него повсюду распространился обряд трупоположения. Погребения в курганах с сожжениями, совершенные до 988 г., хорошо регистрируют находки лепной славянской керамики. Распространение круговой керамики у восточных славян, по-видимому, происходит в середине X в., о чем можно судить по материалам поселений раннеславянской роменско-боршевской культуры (Розенфельдт, 1976). Характер погребального обряда и керамика четко датируют поселения и погребения, даже если не были найдены точно датированные вещевые находки. После принятия христианства распространение обряда трупоположения было, процессом достаточно быстрым (Там же). Кремация, как языческий обряд, был запрещен, но несмотря на возможные наказания глушь, «укрытость» от постороннего взгляда, ландшафтная изолированность могли способствовать сохранению языческого обряда. В Московской области курганы с трупосожжениями, которые можно было бы датировать временем до 988 г., обнаруживаются в южных районах, на правобережье Оки, но их число ограничено.

Из всего сказанного следует, что славянские селища и городища (возможные будущие прообразы городов), могли появиться на правобережье Оки в пределах Московской области незадолго до 988 г., а на левобережье Оки – основной территории Московской области – только после 988 года.

В дославянский период в Подмосковье проживали финноязычные и балтоязычные племена. Основной формой поселения у них были укрепленные родовые поселки-городища, которые возникли на этой территории в ранних модификациях еще в VII–VI вв. до н.э. (Там же). Население занималось подсечным земледелием, пойменным скотоводством, охотой, рыболовством, собирательством. При этом на территории Московской области не найдено ни одного пашенного орудия, ни одного жернова, относящихся к дославянскому времени. Сравнительно многочисленные серпы примитивной конструкции были предназначены для заготовки травы и веток для зимнего стойлового содержания скота. Большая часть селищ дославянского времени — это в основном летние поселения, связанные с выпасом скота, охотничьими лагерями, местами рыболовства. Среди них есть как ранние, которые датируются концом I тыс. до н.э. – началом I тыс. н.э., так и поздние, относящиеся к последним векам I тыс. н.э. Культурный слой на селищах, как правило,

небольшой, что еще раз говорит о сезонном характере поселений. Ориентировочно считается, что на средних по размерам городищах железного века проживал коллектив людей, связанных родственными узами – это патриархальная община, насчитывающая в среднем 50–70 человек. Полностью исследованные поселения, как, например, Троицкое городище под Можайском, Неждинское под Рузой, Кузнечики и Луковня под Подольском, были застроены десятком небольших бревенчатых жилищ. Такую же картину дало и сравнительно позднее целиком исследованное городище Березняки на Волге (Третьяков, 1966). Если полагать, учитывая не сохранившиеся и не найденные пока городища, что таких поселений (существовавших одновременно) в Подмосковье было 200–250, то в среднем дославянское население Московской области в V–VIII вв. насчитывало примерно 10–20 тыс. человек. Это было то количество людей, которое могло существовать за счет подсеки, выпаса скота на пойменных лугах (площадь которых в Подмосковье была ограниченной), собирательства, рыбной ловли и охоты. Численность населения в Подмосковье определялась уровнем развития и характером хозяйствования этих племен.

У славян, занимавшихся пашенным земледелием, основной формой поселения стали селища. Каждому поселению домонгольского времени соответствовала своя курганная группа, в которой погребали жителей определенного поселка. На территории Подмосковья известно около 700 курганных групп домонгольского времени (АКР, 1994). Учитывая, что не все курганные группы сохранились, нужно полагать, что в домонгольское время на территории Московской области было их не менее 1000–1200 и, следовательно, примерно таким же было и число славянских поселений. Конечно, не все они существовали одновременно. Большая часть этих курганных групп, а, следовательно, и селищ возникла относительно поздно; они в основном датируются XII–XIII вв. В более ранний период, в конце X–XI в., славянских поселений было гораздо меньше. По-видимому, к XI в. может быть отнесено не более 200–300 таких поселений. Подавляющее большинство славянских селищ X–XI вв. в Подмосковье размещается на новых необжитых местах, в их основании нет напластований железного века. Эти селища располагаются на небольшой высоте (в среднем примерно в 3,0–5,0 м) по отношению к уровню реки, на участках с плавным и малопересеченным рельефом. Новый вид хозяйствования, пашенное земледелие, привел к колоссальному росту славянского населения в Подмосковье. Постепенно возрастает не только численность людей в деревнях, но и происходит постепенное их распространение вширь. В славянских курганах XI–XIII вв. нередко встречаются предметы, преимущественно женские (украшения, амулеты, части одежды и головного убора), которые с полным основанием могут быть связаны по происхождению с местным неславянским населением, что является свидетельством о смешанных браках. Появляются славянские и смешанные славяно-балтские и славяно-финские поселения на территории городищ железного века с характерной круговой керамикой.

С установлением княжеской власти у вятичей и кривичей появляются первые настоящие крупные города, время сооружения которых можно отнести к концу XI в. или к самому началу XII в. Нет сомнения в том, что такие города в Подмосковье возникали на густозаселенных сельским населением территориях (Розенфельдт, 1976).

В.Н. Топоров в статье, посвященной балтам, проживавшим в Москве и Подмосковье, опираясь на достаточно солидный гидронимический и топонимический материал, «наложил» на него археологические наблюдения Р.Л. Розенфельдта, подчеркивая, что в конце X в., к моменту славянской колонизации этих земель, к северу от Оки появляются совместные славяно-балтские поселения, что число совместных поселений не превышало 200–300 (данные Р.Л. Розенфельдта). Автор сообщает, что балто-славянское сосуществование в Верхнем Поднепровье носило мирный и длительный характер. Балтское население не отступило из Подмосковья после прихода славян и осталось на своих местах. Резкой смены традиций не произошло, и это позволило балтскому этническому элементу сохранить основные черты своей культуры и, главное, язык, по крайней мере, до начала II тысячелетия н.э. Без этого сохранение огромной массы балтских гидронимов было бы совершенно невозможно.

Дикость, запущенность, труднодоступность и изолированность этой территории создавала особо выгодные условия сохранения здесь (прежде всего в глухих поселениях по маленьким речкам) балтской речи. Исследователи указывают, что при раскопках поселений местного населения в Подмосковье не обнаруживается следов пожаров или разгрома, сопровождающих немирную смену старого населения. Точно также на городищах конца IX–X в. отсутствуют клады, обычно зарываемые в землю в условиях вторжения неприятеля. Особенно ярко культурно-хозяйственная преемственность проявляется в ряде городищ, где дьяковский слой постепенно эволюционизирует к славянскому слою (вятичскому) уже летописного времени (Топоров, 1982, с. 12).

Мы знаем из «Повести временных лет», что верховья Оки занимали вятичи, а верховья Днепра, Западной Двины и Волги – кривичи. В восточных областях, на Волге и в нижнем течении Оки, обитали восточно-финские племена, при этом на озерах помещались меря, впоследствии слившаяся со славянским населением. Названные в «Повести временных лет» имена племен вскоре затем исчезают, поэтому время образования этих племен следует отнести к гораздо более раннему времени, вероятно, ко второй половине I тыс. н.э.. Трудно сказать, можем ли мы напрямую отождествлять позднедьяковские слои V–VII вв. Москвы и Подмосковья с вятичами и кривичами, но не подлежит сомнению, что упомянутые племена были тесно связаны с автохтонным населением, оставившим культурные слои середины I тысячелетия на городищах и селищах.

ЛИТЕРАТУРА

Артамонов М.И. Саркел – Белая Вежа // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. I / МИА. № 62 / Отв. ред. М.И. Артамонов. М.-Л.: АН СССР, 1958. С. 7–84.

Археологическая карта России. Калужская область / Сост. А.В. Кашкин, Ю.А. Краснов, Г.А. Массалитина, О.Л. Прошкин, А.С. Смирнов, А.Н. Сорокин, А.С. Фролов. М.: ИА РАН, 2006. 526 с.

Археологическая карта России. Московская область. Ч. 1. / Сост. Г.Г. Король, Ю.А. Краснов, Т.Д. Николаенко, Б.Е. Янишевский. М.: ИА РАН, 1994. 320 с. 1997. 352 с.

Археологическая карта России. Московская область. Ч. 2 / Сост. Г.Г. Король, Т.Д. Николаенко, Б.Е. Янишевский. М.: ИА РАН, 1995. 240 с.

Археологическая карта России. Московская область. Ч. 3. / Сост. Г.Г. Король, Т.Д. Николаенко, С.З. Чернов, Б.Е. Янишевский. М.: ИА РАН, 1996. 272 с.

Археологическая карта России. Московская область. Ч. 4. / Сост. Г.Г. Король, Т.Д. Николаенко, Б.Е. Янишевский. М.: ИА РАН, 1997. 352 с.

Археологическая карта России. Смоленская область. Ч. 1 / Сост. Ю.А. Краснов, С.Е. Михальченко, Г.П. Патрик, В.С. Нефедов. М.: ИА РАН, 1997. 304 с.; 1997. 262 с.

Археологическая карта России. Смоленская область. Ч. 2 / Сост. Ю.А. Краснов, С.Е. Михальченко, В.С. Нефедов, Г.П. Патрик. М.: ИА РАН, 1997. 262 с.

Археологическая карта России. Тверская область. Ч. 1 / Сост. Г.Г. Король, при участии М.Г. Жилина, Н.В. Жилиной, А.Д. Максимова, А.В. Энговатовой. М.: ИА РАН, 2003. 528 с.

Ахмедов И.Р., Казанский М.М. После Аттилы. Киевский клад и его культурно-исторический контекст // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем Средневековье / Труды ИИМК; Т. 11 / Отв. ред. В.М. Горюнова, О.А. Щеглова. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. С. 168–183.

Ахмедов И.Р., Проблема «финального» периода культуры рязано-окских финнов (к современному состоянию вопроса) // Археология Восточной Европы в I тысячелетии н.э. Проблемы и материалы / Раннеславянский мир; Вып. 13 / Отв. ред. И.В. Исланова, В.Е. Родинкова. М.: ИА РАН, 2010. С. 7–34.

Бадер О.Н. Материалы к археологической карте Москвы и её окрестностей // Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. 1 / МИА. № 7 / Отв. ред. А.В. Арциховский. М.-Л.: АН СССР, 1947. С. 88–167.

Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М.: Мысль, 1988. 523 с.

Векслер А.Г. Отчет об археологических раскопках на территории Большой Москвы и в Раменском районе Московской области (гор. Боровский курган) в 1960 г. / Архив РАН. Р-1. № 2182.

Векслер А.Г. Отчет об археологических раскопках в Московской области (Боровский курган) в 1961 г. / Архив РАН. Р-1. № 2342.

Векслер А.Г. Отчет об археологических раскопках Кунцевского городища в городе Москве в 1963 году / Архив РАН. Р-1. № 2701.

Векслер А.Г. Отчет об археологических раскопках Кунцевского городища в городе Москве в 1964 году / Архив РАН. Р-1. № 2982.

Векслер А.Г. Отчет об археологических работах в г. Москве и Подмосковье в 1965 г. / Архив РАН. Р-1. № 3088.

Векслер А.Г. Отчет об археологических раскопках в Одинцовском районе Московской области в 1966 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 3277.

Векслер А.Г. Отчет об археологических раскопках в Одинцовском районе Московской области в 1967 г. / Архив РАН. Р-1. № 3552.

Векслер А.Г. Отчет об археологических раскопках городищ в г. Москве и Московской области в 1968 г. / Архив РАН. Р-1. № 3794.

Векслер А.Г. Отчет об археологических раскопках городища Луковня в Подольском р-не Московской обл. в 1969 г. / Архив РАН. Р-1. № 4049.

Векслер А.Г. Отчет об археологических раскопках Кунцевского городища в г. Москве и Луковнинского городища в Московской обл. в 1970 г. / Архив РАН. Р-1. № 4196.

Векслер А.Г. Отчет об археологических раскопках Кунцевского городища и Одинцовского могильника в 1971 г. / Архив РАН. Р-1. № 4516.

Векслер А.Г. Отчет об археологических раскопках Кунцевского городища в Москве в 1972 г. / Архив РАН. Р-1. № 4810.

Векслер А.Г. Отчет об археологических раскопках Кунцевского городища в г. Москве и Луковнинского городища в Московской области в 1973 г. / Архив РАН. Р- 1. № 5089.

Векслер А.Г. Отчет об археологических работах в Московской области в 1974 г. / Архив РАН. Р-1. № 5425.

Векслер А.Г. Отчет об археологических раскопках городища Луковня в Подольском районе Московской области в 1975 г. / Архив РАН. Р-1. № 5453.

Векслер А.Г. Отчет об археологических раскопках городища Луковка в Подольском районе Московской области в 1976 г. / Архив РАН. Р-1. № 6898.

Векслер А.Г. Позднедьяковские находки на Жуковском селище под Москвой // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы / Отв. ред. В.И. Козенкова и др. М.: Наука,1978. С. 153–158.

Векслер А.Г. Отчет об археологических раскопках городища "Луковня" в Московской области и Чертановского могильника в г. Москве в 1982 г. / Архив РАН. Р-1. № 9831.

Векслер А.Г., Археология Москва – линия жизни // Сборник статей и материалов в связи с 80-летием А.Г. Векслера / Отв. ред. Л.В. Кондрашев. М.: Т-Принт Групп, 2012. С. 284–287.

Гусаков М.Г. Поселения дьяковской культуры как источник изучения социально-экономических отношений древних обществ: Автореф. дисс. … канд. ист. наук. М.: ИА РАН, 2005. 26 с.

Гусаков М.Г. Хронология дьяковской культуры // Тверской археологический сборник. Вып. 6. Т. II / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2007. С. 35–50.

Гусаков М.Г. Глиняные грузики и таблички дьяковской культуры (к вопросу о назначении) // Тверской археологический сборник. Вып. 6. Т. II / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2007. С. 51–64.

Гусаков М.Г. Подсечное земледелие в железном веке в Восточной Европе // Человек в древности: Памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009) / Отв. ред. И.С. Каменецкий, А.Н. Сорокин. М.: Гриф и К, 2010. С. 491–507.

Дьяковская культура / Отв. ред. Ю.А. Краснов. М.: Наука, 1974. 284 с.

Дубынин А.Ф. Троицкое городище // Древнее поселение в Подмосковье/ МИА; № 156 / Отв. ред. Ю.А. Краснов. М.: Наука, 1970а. С. 5–98.

Дубынин А.Ф. Городище Кузнечики в Подмосковье // СА. 1970б. № 1. С. 154–156.

Дубынин А.Ф. Щербинское городище // Дьяковская культура / Отв. ред. Ю.А. Краснов. М.: Наука, 1974. С. 198–281.

Егорейченко А.А. Культура штрихованной керамики. Минск: БГУ, 2006. 207 с.

Исланова И.В. Опыт классификации керамики поселений дьякова типа // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. I / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ, 2001. С. 61–66.

Корзухина Г.Ф., Предметы убора с выямчатыми эмалями V – первой половины VI в. н.э. в Среднем Поднепровье / САИ. Вып. Е1-43. Л.: Наука, 1978. 94 с. + 31 табл.

Краснов Ю.А., Краснов Н.А., 1978. Погребальное сооружение на городище «дьякова типа» // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы / Отв. ред. В.И. Козенкова и др. М.: Наука, 1978. С. 140–153.

Кренке Н.А., Лазуткин А.В., Елкина И.И., Ершов И.Н., Леонова Е.В., Чернов С.З. Исследования памятников эпохи бронзы – раннего железа в районе Звенигорода // Археология Подмосковья. Вып. 6 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2010. С. 34–50.

Кренке Н.А. Дьяково городище: Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М.: ИА РАН, 2011. 546 с.

Кренке Н.А. Финал дьяковской культуры в Подмосковье // КСИА. 2014. Вып. 235. С. 342– 362.

Лопатин Н.В., Фурасьев А.Г. Северные рубежи раннеславянского мира в III–V вв. н.э. / Раннеславянский мир. Вып. 8). М.: ИА РАН, 2007. 252 с.

Максимов Е.В., Терпиловский Р.В. Поселения киевского типа близ Чернигова // Проблемы этногенеза славян / Отв. ред. В.Д. Баран. Киев: Наукова думка, 1978. С. 91–107.

Массалитина Г.А. К вопросу о связях Верхней Оки и Северо-запада Восточной Европы в I тысячелетии н.э. // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. II / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ, 2001. С. 11–13.

Массалитина Г.А. Керамика нижнего слоя городища Серенск // Лесная и лесостепная зоны восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Ч. 1 / Отв. ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Тула: МЗКП, ИА РАН, 2010. С. 9–29.

Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел (VIII–XIV вв.) / САИ. Вып. Е1-36. М.: Наука, 1966. 184 с.

Никольская Т.Н. 1959. Культура племен бассейна Верхней Оки в I тысячелетии н.э. / МИА. № 72. М.: АН СССР, 1952. 152 с.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В. Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в первые века нашей эры. М.: ИА АН СССР, 1991. 175 с.

Потемкина О.Ю., Сыроватко А.С., Добровольская М.В., Свиркина Н.Г. Раскопки 2012 года в Соколовой Пустыни: новое погребение или новый могильник? // Археология Подмосковья. Вып. 10 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2014. С. 57–63.

Равдоникас В.И. Старая Ладога: (Из итогов археологического исследования 1938–1947 гг.). // СА. 1949. Т. XI. С. 5–54.

Рассадин С.Е. Милоградская культура: ареал, хронология, этнос. Минск: ИИ НАНБ, 2005. 106 с.

Розенфельдт И.Г. Керамика Троицкого городища // Древнее поселение в Подмосковье / МИА. № 184 / Отв. ред. Ю.А. Краснов. М.: Наука, 1971. С. 6–79.

Розенфельдт И.Г. Об относительной хронологии дьяковских городищ (по керамическому материалу) // КСИА. 1973. Вып. 133. С. 108–115. .

Розенфельдт И.Г. Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура / Отв. ред. Ю.А. Краснов. М.: Наука, 1974. С. 189–197.

Розенфельдт И.Г. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв. М.: Наука, 1982. 179 с.

Розенфельдт Р.Л. Новые находки на городищах железного века у г. Подольска // СА. 1972. №2. С. 194–197.

Розенфельдт Р.Л, Юшко А.А. Список археологических памятников Московской области / Рукопись Отдела сводов ИА РАН. М., 1973. 265 с.

Розенфельдт Р.Л. Древнейшие города Подмосковья и процесс их возникновения (по археологическим материалам) // Русский город: Историко-методологический сборник / Отв. ред. В.Л. Янин. М.: МГУ, 1976. С. 5–16.

Русанова И.П. Славянские древности VI–VII вв. Культура пражского типа / САИ; Вып. Е1-25. М.: Наука, 1973. 216 с.

Седов В.В. Балтская гидронимика Волго-Окского междуречья // Древнее поселение в Подмосковье / МИА. № 184 / Отв. ред. Ю.А. Краснов. М.: Наука, 1971. С. 99–113.

Седов В.В. Славяне в древности. М.: Фонд археологии, 1994. 344 с.

Смирнов А.П., Трубникова Н.В. Городецкая культура / САИ; Вып. Д1-14. М.: Наука, 1965. 40 с. + 21 л. табл.

Смирнов К.А. Дьяковская культура: (Материальная культура городищ междуречья Оки и Волги) // Дьяковская культура / Отв. ред. Ю.А. Краснов. М.: Наука, 1974. С. 7–89.

Смирнов К.А. К вопросу о связях племен городецкой и дьяковской культур с населением степи и лесостепи // СА. 1991. № 4. С. 53–61.

Смирнов К.А. Проблема периодизации памятников городецкой и дьяковской культур // РА. 1994. № 4. С. 85–97.

Столяров Е.В. Динамика освоения территории бассейна Верхней Оки в эпоху раннего железного века (VI век до н.э. – I век н.э.) // Археология Подмосковья. Вып. 9 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2013. С. 30–51.

Сыроватко А.С. Юго-восточное Подмосковье в железном веке: к характеристике локальных вариантов дьяковской культуры. М.: CheBuk, 2009. 352 с.

Сыроватко А.С., Трошина А.А., Гольева А.А., Шишков В.А. Скопление «кремированных» находок на Щуровском могильнике: деталь обряда или случайность? // Археология Подмосковья. Вып. 10 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2014. С. 42–57.

Топоров В.Н. Древняя Москва в балтийской перспективе // Балто-славянские исследования 1981 г. / Отв. ред. Вяч. Вс. Иванов. М.: Наука, 1982. С. 11–15.

Третьяков П.Н., Шмидт Е.А. Древние городища Смоленщины. М.-Л.: АН СССР, 1963. 198 с.

Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.-Л.: Наука, 1966. 347 с.

Третьяков П.Н., Древности второй и третьей четверти 1 тыс. н.э. в Верхнем и Среднем Подесенье // Раннесредневековые восточнославянские древности. / Отв. ред. П.Н. Третьяков. Л.: Наука, 1974. С. 40–118.

Хомутова Л.С. Металлообработка на поселениях дьяковской культуры // СА. 1978. № 2. С. 62–77.

Шмидт Е.А. Племена верховьев Днепра до образования Древнерусссского государства. Ч. 1: Днепро-двинские племена (VIII в. до н.э. – III в. н.э.). М.: Прометей, 1992. 207 с.

Энговатова А.В. Хронология городища Настасьино по данным радиоуглеродного анализа // Археология Подмосковья. Вып. 1 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2004. С. 142–152.

Behringer M.W. Kulturgeschichte des Klimas. Von der Eiszeit bis zur globalen Erwärmung. Miinchen: C. H. Beck, 2007. 352 s.

Информация об авторе:

Гусаков Михаил Георгиевич, консультант ООО «Археологические изыскания в строительстве Москвы».

THE LATE STAGE OF THE DYAKOVO CULTURE

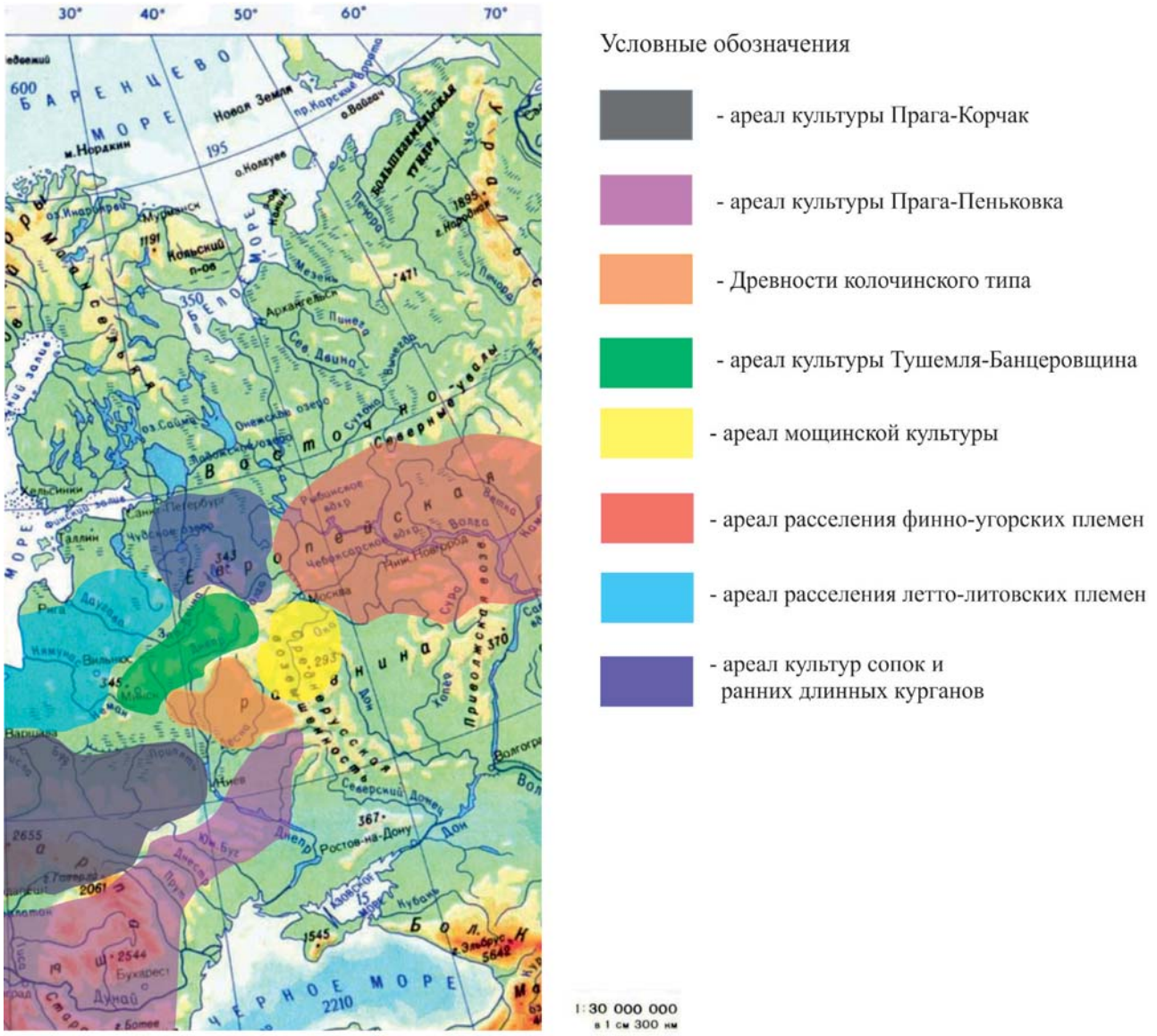
A.G. Veksler, M.G. Gusakov

The article considers the issues related to the late development stage of the Dyakovo culture. For a long time, there were two opinions among the specialists: 1 - chronological framework of the Dyakovo culture - since the 8th century B.C. until the 8th-9th centuries A.D. (before the arrival of the Slavs); this idea was expressed by K.A. Smirnov and I.G. Rosenfeldt; 2 - the Dyakovo culture ceased to exist in the 5th-6th centuries A.D. as a result of stagnation; the author of this idea is P.N. Tretyakov, it was supported by N.A. Krenke. The authors of this article attempted to return to the original version, relying on the materials of excavations by A.G. Veksler which remained unpublished for a long period of time. The point in question is the monuments of the Dyakovo culture: Borovsky Kurgan, Kuntsevskoye and Lukovnya 1 settlements (the latter two have been almost completely excavated) and Zhukovka ancient village.

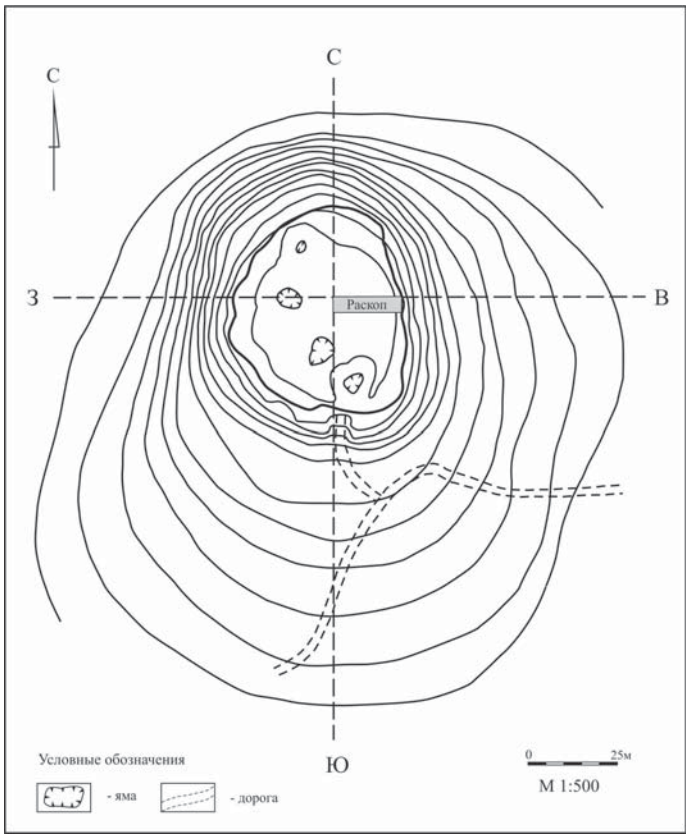
Keywords: Dyakovo culture, reticulated and glazed ceramics, Moschino culture, late antiquities, monuments of Moscow and Moscow region.

About the Author:

Gusakov Mikhail G., Consultant at Arkheologicheskie izyskaniia v stroitelstve Moskvy, LLC.

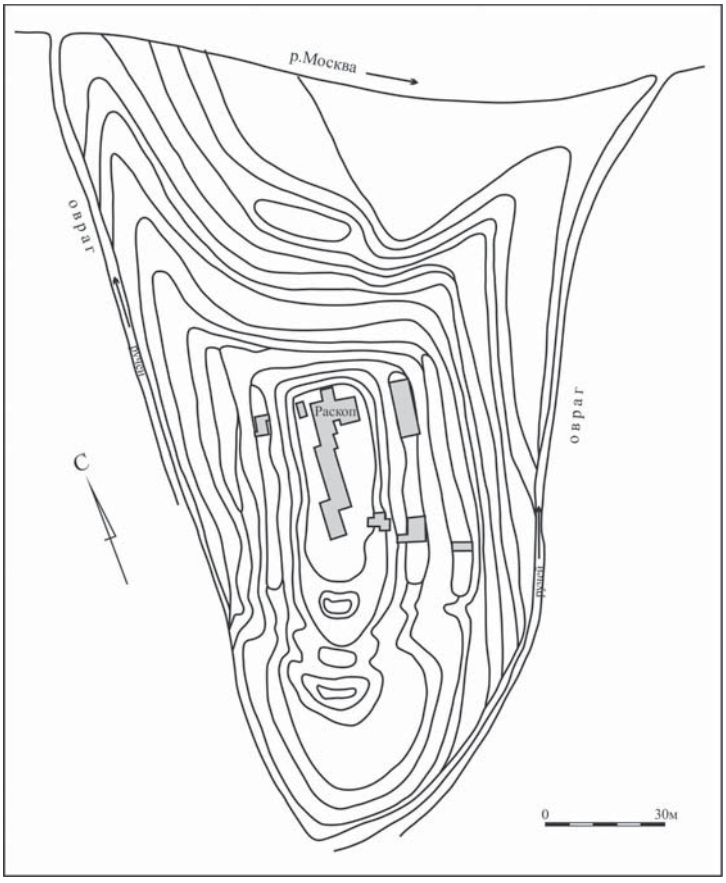


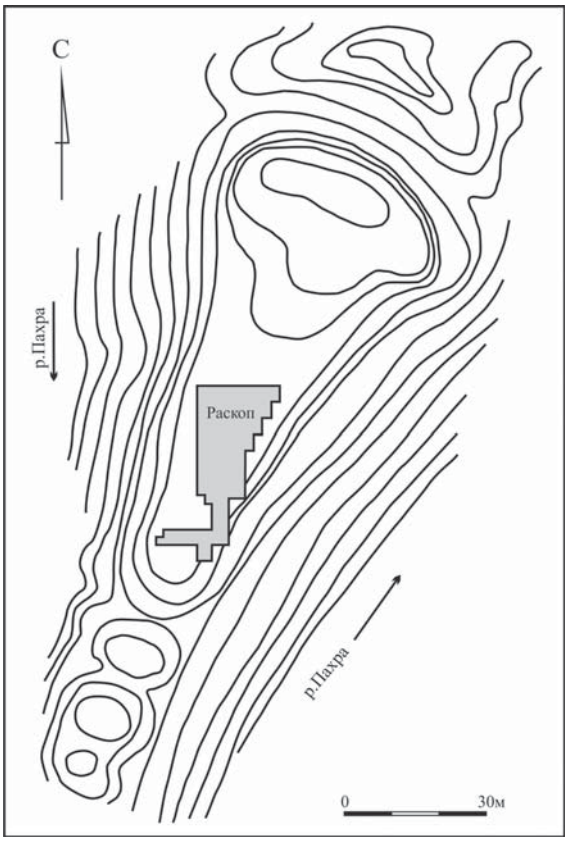
Илл. 1. Археологические культуры Восточной Европы в V–VII вв. н.э.



Илл. 2. План городища Боровский Курган (Боровск), раскопки 1960 г.

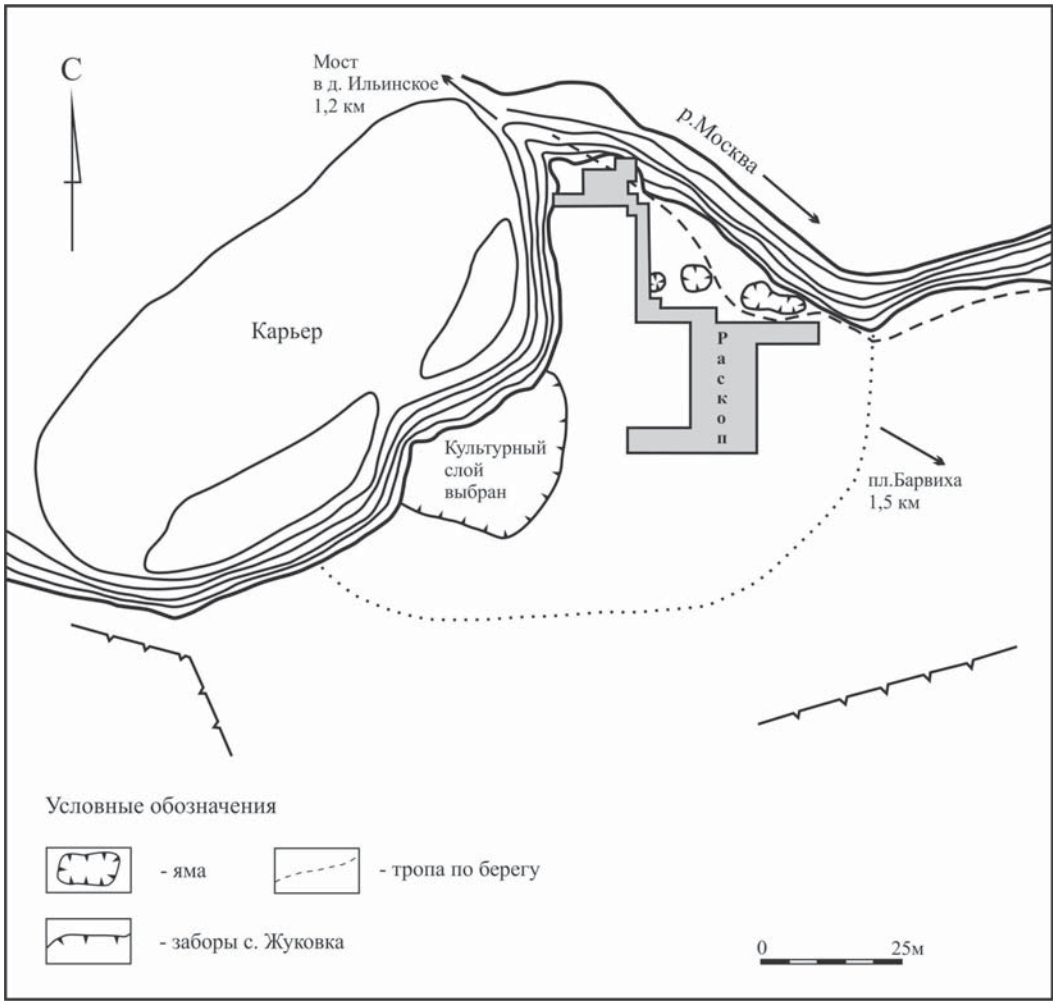
Илл. 3. План Кунцевского городища, раскопки 1960–1970 гг.





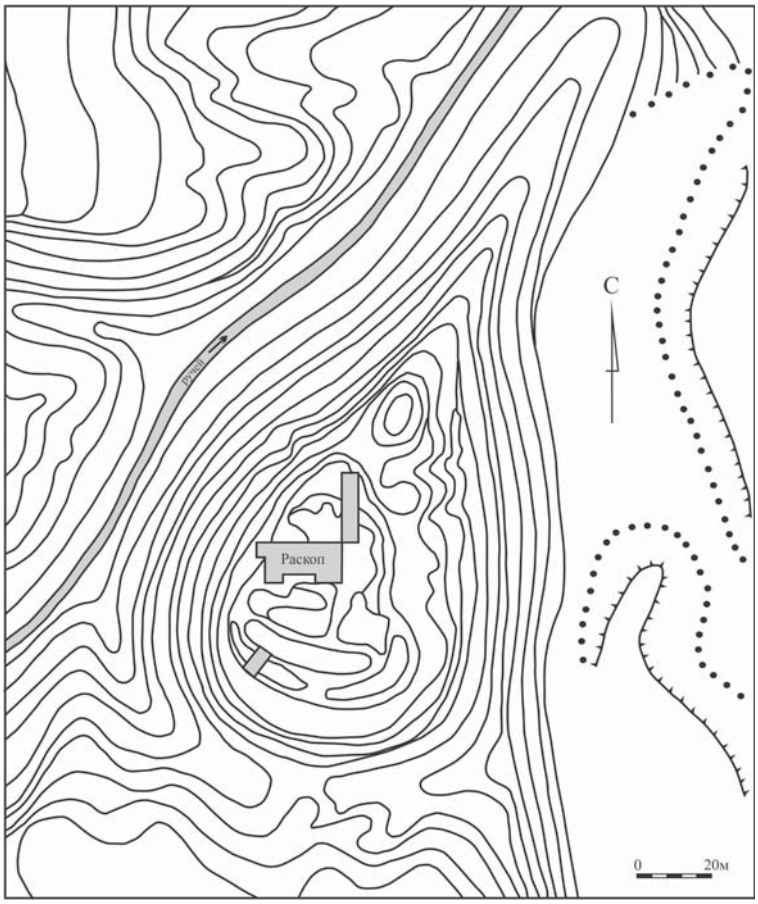
Илл. 4. План городища Луковня 1, раскопки 1970–1983 гг.

Илл. 5. Вид площадки городища Луковня 1 с юго-запада. Фото.

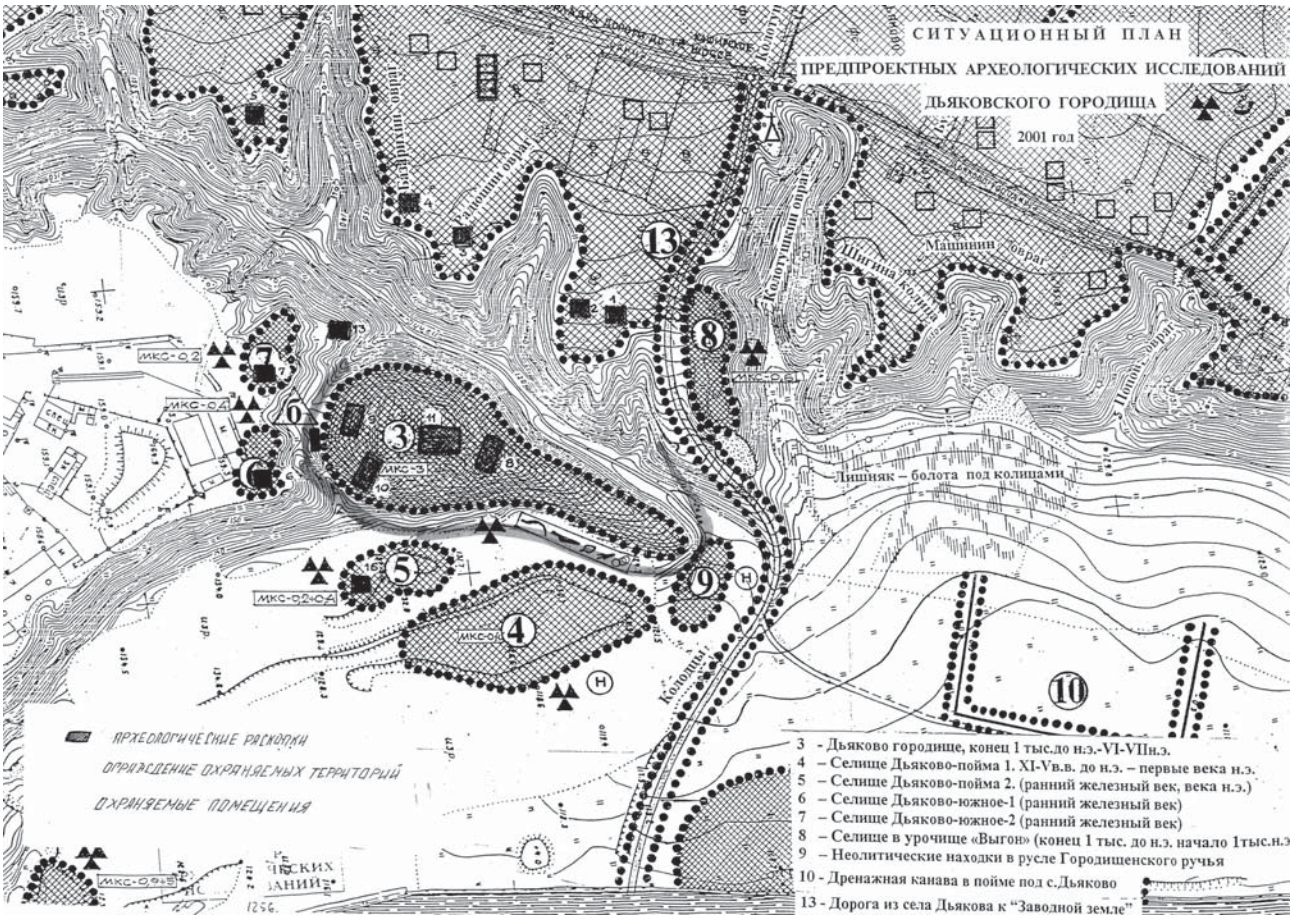


Илл. 6. План селища Жуковка, раскопки 1966–1968 гг.

Илл. 7. Некоторые вещи из раскопок Жуковского селища: 1 – билоновая фигурная бляшка; 2 – трапециевидная подвеска; 3 – спиральное кольцо (медь); 4 – битрапециевидная бусина (сердолик); 5 – поясная привеска (медь); 6 – фибула (бронза); 7 – двушипная стрела (железо); 8 – нож закругленным лезвием; 9 – трубка, с пазом (железо); 10 – грузик, тип 4 (поздний).

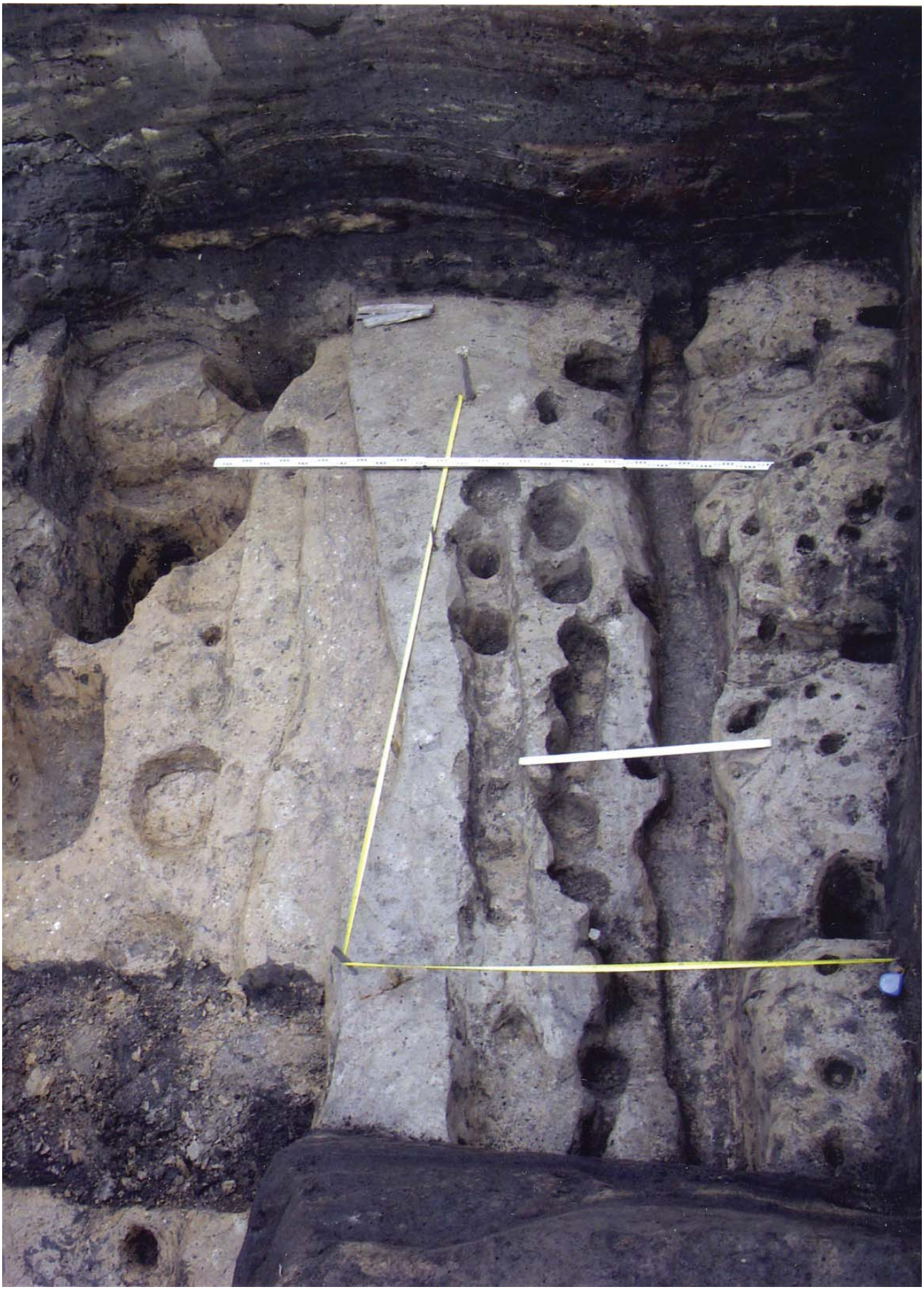


Илл. 8. Жуковка: сосуды 1 и 2 из «жертвоприношения».

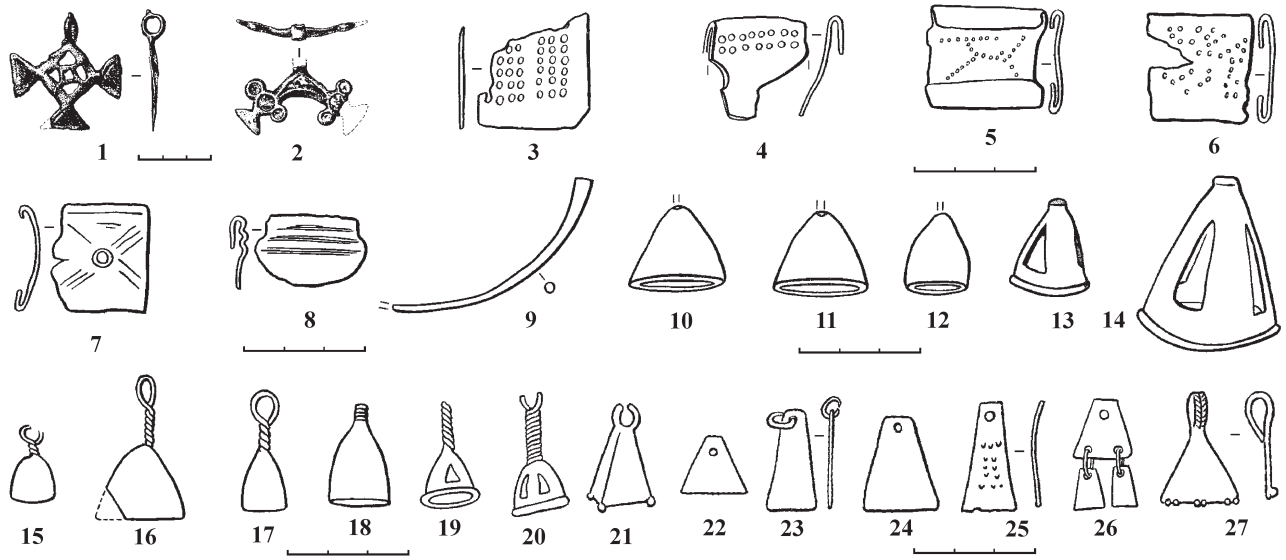


Илл. 9. План Дьякова городища, раскопки 2001–2004 гг.
(серым раскопки А.Г. Векслера, черным – Н.А. Кренке, 1981–1987 гг.).

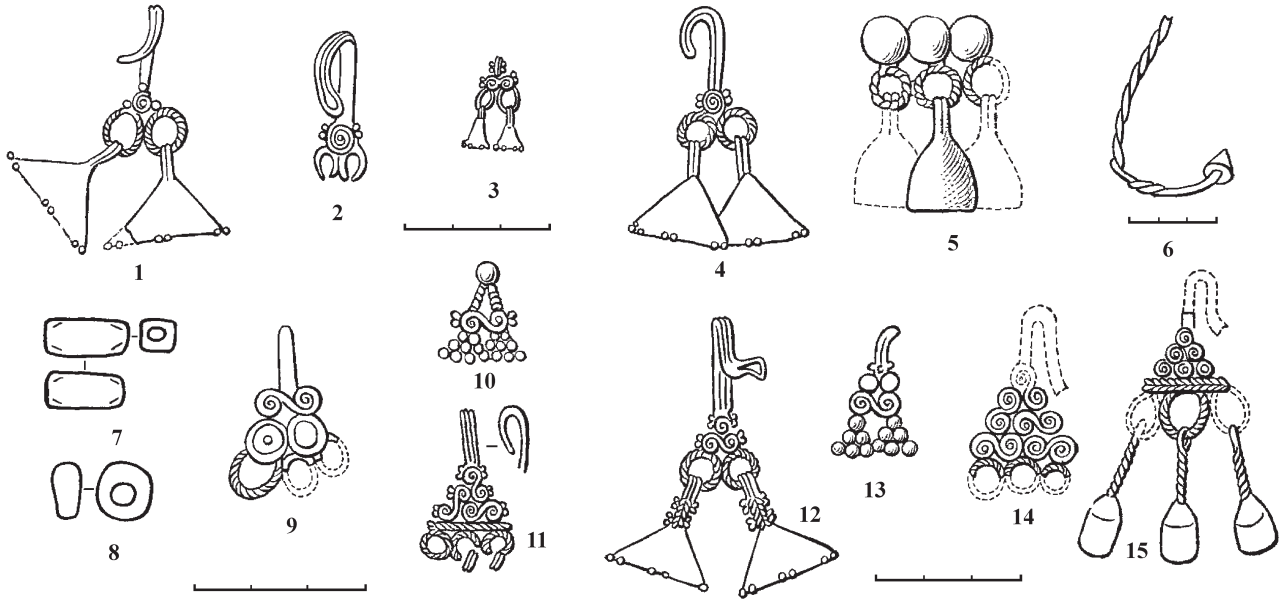
Илл. 10. Вид Дьякова городища с юго-запада, осень 2003 г. Фото.



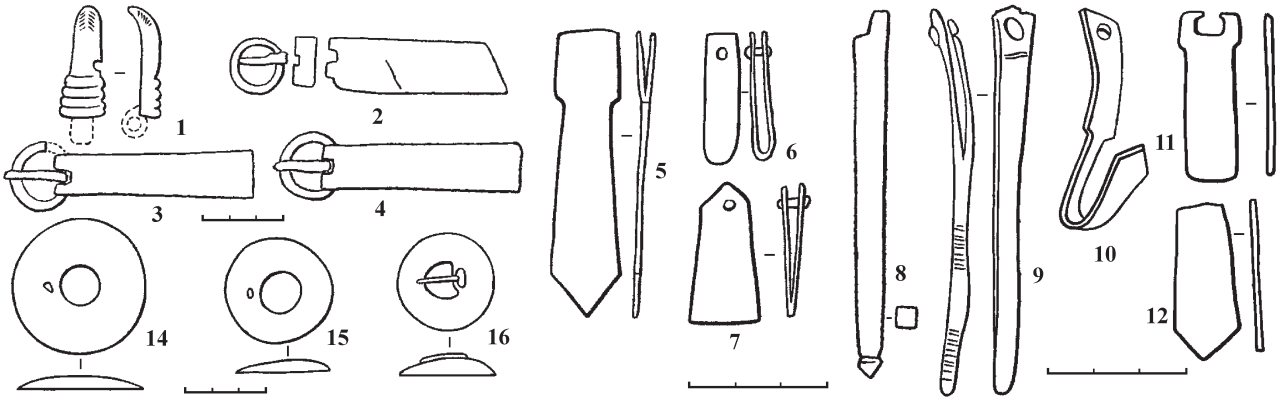
Илл. 11. Общий план раскопок Дьякова городища и его округи.



Илл. 12. Украшения с эмалью бронза (1, 2); детали обойм с точечным орнаментом (3–8); височное кольцо, фрагмент (9); привески колокольчатые без петли (10–14); привески колокольчатые с петлей (18–20); трапециевидные привески из тонкого листа бронзы (21 –27); 1–14, 18 – 21, 24, 25 – Луковня; 15, 16, 22, 23 – Боровский курган; 17, 26 – Кунцево; 27 – Жуковка.



Илл. 13. Подвески.
1 – Кунцево; 2–6, 8, 14, 15 – Луковня; 7, 9, 11 – Боровский курган.



Илл. 14. Детали пояса: 1–10, 12 – Луковня; 11 – Боровский курган. Фибулы: 14, 15 –Кунцево; 16 – Боровский курган.

Таблица 1.
Городецкая культура. Хронология поселений.

Эпоха	Гальштат			Латен					Римское время				Раннее Средневековье			
№№	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Век	VIII	VII	VI	V	IV	III	II	I	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
городище	85	85	85	140	145	145	62	61	27	25						
поселение	62	62	62	66	69	69	7	7	4	4						
селище	92	92	92	131	133	133	40	40	13	13						
ИТОГ	239	239	239	337	347	347	109	108	44	42	0	0	0	0	0	0

Таблица 2.
Дьяковская культура. Хронология поселений.

Период	Гальштадт			Ранний Латен		Поздний Латен			Римская империя				Раннее Средневековье			
Века	VIII	VII	VI	V	IV	III	II	I	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
городища	170	172	174	217	218	218	234	225	93	91	95	95	135	124	124	70
поселения	50	55	56	63	63	63	66	57	17	12	13	13	17	12	12	8
селище	167	167	169	232	232	232	238	218	99	93	101	101	136	130	128	71
ИТОГ	387	394	399	512	513	513	538	500	209	196	209	209	288	266	264	149

Таблица 3.
Верхнеокская культура. Хронология поселений.

Период	Гальштадт			Латен					Римская империя				Раннее Средневековье			
№№	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Века	VIII	VII	VI	V	IV	III	II	I	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
городища				31	43	45	45	44	2	1	4	9	9	6	5	
поселения		1	1	10	10	10	10	1		1	1	1				
селища			3	104	134	134	134	131	8	5	5	6	6	4	4	
ИТОГ	0	1	4	145	187	189	189	176	10	7	10	16	15	10	9	0

Таблица 4.
Днепро-двинская культура. Хронология поселений.

Период	Гальштадт			Латен					Римская империя				Раннее Средневековье			
№№	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Века	VIII	VII	VI	V	IV	III	II	I	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
городища				293	293	294	294	291	47	45	29	25	25	9	9	3
поселения				2	2	2	2	2	1	1	1					
селища				35	35	36	36	30	10	10	10	10	9	2	2	1
ИТОГ	0	0	0	330	330	332	332	323	58	56	40	35	34	11	11	4

Таблица 5.
Юхновская культура. Хронология поселений.

Период	Гальштадт			Латен					Римская империя				Раннее средне-вековье			
№№	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Века	VIII	VII	VI	V	IV	III	II	I	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
городища		175	176	176	191	196	188	132	25	13	9	2	25	24	24	23
поселения				15	18	18	17	8	2	2	3	2	2	2	2	
селища				103	115	115	110	40	7	9	10	6	1	1	1	
ИТОГ		175	176	294	324	329	315	180	34	24	22	10	28	27	27	23

Таблица 6.
Культура штрихованной керамики. Хронология поселений.

Период	Гальштадт			Латен					Римская империя				Раннее Средневековье			
Века	VIII	VII	VI	V	IV	III	II	I	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
городища		2	3	4	14	16	17	15	37	35	33	35	11	2	2	2
селища	3	5	5	5	3	3	4	5	4	4	5	5	6	2	2	2
ИТОГ	3	7	8	9	17	19	21	20	41	39	38	40	17	4	4	4

Таблица 7.
Милоградская культура. Хронология поселений.

Период	Гальштадт			Латен					Римская империя				Раннее Средневековье			
Века	VIII	VII	VI	V	IV	III	II	I	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
городища	0	0	147	149	148	148	148	148	132	28	23	22	13	20	20	20
селища	4	4	169	170	170	167	148	148	132	58	59	59	57	41	40	40
ИТОГ	4	4	316	319	318	315	296	292	264	86	82	81	70	61	60	60

Таблица 8.
Боровское городище. Индивидуальные находки. Цветной металл (1960 г.).

		цветной металл													ср.в.
		м	м	м	м	м	бр.	м	м	м	м	бр.	бр.	бр.	л
Раскоп	Пласт	Фибула подкова	Пронизка спиральн.	Проволока	Подвеска колокол	Подвеска бантик	Подвеска ажурная	Подвеска ттрапеция	обоймица	предметы	шлак	кольцо	Накладка бронза	Бляшка скорлупка	Височное кольцо 7 л.
I	1														
I	2				1										
I	3				1							1			
I	4					1	2						1	2	
I	5		3									1			1
I	6	1	6	1					1	13	17			3	2
I	7	1			2	1	1			1	11			1	
I	8							1							
I	9														
I	10				1										1
ИТОГ		2	9	1	5	2	3	1	1	14	28	2	1	6	4

Таблица 9.
Боровское городище. Индивидуальные находки. Железо, кость, стекло.

общие		Дьяковские											Средние века				
		железо				кость					стекло		камень		железо		
		серп	Двурогая стрела	Стрела шиловид.	предметы	стрела	копьё	заготовки	гребень	Бусина пастовая	бусина стекл. золото	Бусина зонная					
I	1														1		1
I	2				3												
I	3											1				1	
I	4									1	1			1			
I	5										1						
I	6		1	1								2			1		
I	7					4						1	1				
I	8	1	1						1								
I	9				1	1		1									
I	10						1										
ИТОГ		**1**	**2**	**1**	**4**	**5**	**1**	**1**	**1**	**1**	**2**	**4**	**1**	**1**	**2**	**1**	**1**

Таблица 10.
Боровское городище. Керамика.

Раскоп	Пласт	Керамика											
		Дьяковская									Сред. века		
		пряслице биконус	Грузик дьякова ипа	тигль	льячка	Текстиль рани.	Штрихо-ванная	Шнуров.	лощеная	Гладкая грубая	серая	красная	белая
I	1					13			213	192	124	115	122
I	2		**1**			32			233	1726	198	117	437
I	3		1		1	43		2	681	515	182	112	394
I	4		1			62			200	1180	370	146	140
I	5	1	1			81	2		30	3124	237	4	79
I	6					140	11		9	2304	123	3	45
I	7		1			157	3	1	6	1517	39		27
I	8	1				119	17	2	5	619	66	1	13
I	9		4		1	99	8			914	46		13
I	10		3	1		107	13	4	3	806	21		13
ИТОГ		**2**	**12**	**1**	**2**	**853**	**54**	**9**	**1380**	**12897**	**1406**	**498**	**1283**

Таблица 11.
Кунцевское городище. Индивидуальные находки из металла.

		Цветной металл										Изделия железа								
		м	м	м	м	м	м	м	м	бр	бр	ж	ж	ж	ж	ж	ж	ж	ж	
Раскоп	Год	Умбон.. подв	Булавка	Пронизка	Бляшка	Подвеска	Пряжка	пинцет	игла	Кол-чик пирамида	накладка	Шило	булавка	пробой	нож	стремя	коса	серп	Стрела	предметы
1	**1960**																	1		
2	**1962**			1	1		1								1					
3	**1962**														2					
4	**1963**	1		1											2					
5	**1963**				1	1									2		1			
7	**1963**			1								1			1					
8	**1964**			1		1		1							3				2	
9	**1964**					1						1			4					
скат	**1964**														2		1		1	3
10	**1965**	1			1				1		1			1	4	1		1	1	2
11	**1965**																			1
14	**1970**		1										1		7	2				5
15	**1970**									1					1				2	
Итог		2	1	4	3	3	1	1	1	1	1	2	1	1	29	3	2	2	6	11

Таблица 12.
Кунцевское городище. Индивидуальные находки из кости, камня, глины.

		кость											камень						ст.	изделия из глины										
		к	к	к	к	к	к	к	к	к	к	к								гл.	гл.	гл.	гл.	гл.	гл.	гл.	гл.	гл.	гл.	гл.
Раскоп	Год	стрела	стрела втулка	стрела остролист	стрела пулевидн.	пряжка	игла, шило	рукоять	проколка	кочедык	клык медведь	заготовки	бусы	грузило	жернов	точило брусок	бусина цилинд. Сдвоен.	бусина пастовая	бусина стекло золото	Фигурка	пряслице зонное	пряслице биконус	погремушка	плитка с точками	грузик дьяковаТипа	лепешка, подвеска?	шар	тигль	льячка	грузило
1	1960															1									1					
2	1962																								1					
3	1962												2												1					
4	1963	1	1	1	1						1		1	1								2		1	7					
5	1963	2					3	1	3																4			1		
7	1963																													
8	1964												1									3			9		1	3		4
9	1964					1	1		2										1						8					
скат	1964	4			1					1									1											
10	1965							1		1					1	1									3	1	1			
11	1965																	1	1	1	1				3				1	1
14	1970	1						3	2			3				1			1	1	1		1		3				3	1
15	1970																1										3			
ИТОГ		8	1	1	2	1	4	5	7	2	1	3	4	1	1	2	1	1	4	3	2	5	2	1	42	1	5	4	6	6

Таблица 13.
Кунцевское городище. Керамика.

Раскоп	Год	Дьяковская керамика							Средневековая керамика							Итог	Итог
		Пласт	сетка крап.	сетка ранняя	трихованная	шнуровая	лощен	гладкая грубая	серая	краснас-н	белая	красн. лощен	черн. лощен	ангоб	морё-ная	Дьяковская	Средневековая
I	1960	1	10					77		38	24		1			87	63
I	1960	2	13					81		19	16		5			94	40
II	1962	1	6				1	313	5	125	102					320	232
II	1962	2	13					334	3	51	19					347	73
IV	1963	1	17				2	495	57	272	146	1			1	531	477
IV	1963	2	10				2	443	91	177	112	4			6	455	390
IV	1963	3	11				8	312	9	85	16	5				331	115
V	1963	1	94		12	1	7	111	15	403	405	8			24	226	855
V	1963	2	194		18		2	235	15	212	148	4			24	466	403
V	1963	3	134		12		5	393	9	294	169	5			9	560	486
V	1963	4	38		12	1		156	13	43	15				3	211	74
V	1963	5	43					69		19					2	112	21
VIII	1964	1	34		2	9		411	56	381	312	6	14			456	769
VIII	1964	2	36		1	3	5	571	82	175	180	20	2			621	459
VIII	1964	3	79		1	4	12	653	136	263	226	11	1			751	637
VIII	1964	4	17		4	13		373	84	262	54	25				407	425
IX	1964	1	16				21	120	48	63	95					157	206
IX	1964	2	10				32	126	75	104	123					168	302
IX	1964	3	25				45	268	18	41	39					120	98
IX	1964	4	10				28	163								201	
IX	1964	5	17				10	93								120	
IX	1964	6	5				25	268								298	
IX	1964	7	7				14	83								104	
IX	1964	8	6				6	76								88	
IX	1964	9	4				15	115								134	
IX	1964	10	24				8	83								115	
X	1965	1	68	10	13		21	126	37	206	121	30				238	394
X	1965	2	95		15		6	230	16	145	41	4				346	206
X	1965	3	33		10			126	9	25	14					169	48
X	1965	4	14		9			43	13	8						66	21
X	1965	5	16					42								58	
XIV	1970	1	2				5	21	50	72	38	11				28	171
XIV	1970	2	2				4	32	43	59	43	31	3	1		38	180
XIV	1970	3	1		1		1	62	113	167	58	20	1	1		65	360
XIV	1970	4	1		1		7	61	87	121	23	8		1		70	240
XIV	1970	5	14				17	118	122	140	46	4		1		149	313
XIV	1970	6	7				10	106	33	134	25	7				123	199
XIV	1970	7	11				11	100	54	113	19	2				122	188
XIV	1970	8	13				9	122	48	90	14	2				144	154
XIV	1970	9	30				10	84	29	44	1	11				124	85
XIV	1970	10	46				9	75	19	12	1					130	32
XIV	1970	11	31				10	62	19	27	1	1				103	48
XIV	1970	12	50				28	110	4	1	1	6				188	12
XIV	1970	13	40	1			13	53	1	5	1					107	7
ИТОГ			1347	11	111	31	409	7995	1413	4396	2648	226	27	4	69	9748	8783

Таблица 14.
Луковнинское городище. Индивидуальные находки. Цветной металл (1970 г.).

		колок..пир.	височ. подв.	фибула	умбон. подв.	литое укр. м	обоймица	браслет	подвеска крест эмаль	накладка	дрот с головкой	кольцо	пронизка	подвеска треуг.	пряжка	бляшка прямоуг	бляшка бант	поделка	накладка бронза
V	**1**				1											1			1
V	**2**	1						2						1					1
V	**3**	2						1						1			1	1	
V	**4**		2												1				
V	**5**	2				1			1										
V	**6**												1						
V	**7**																		
coop. 1							1			1									
coop. 2								1	1										
coop. 3																			
coop. 4		1							1								1		
coop. 5		1		1										1					
coop. 6		1												1					
VI	**1**			2						1	1								
VI	**2**											1					1		
VI	**3**	1											2		1			6	
VI	**4**			1				3				2		1					
VI	**5**								1								1		
VI	**6**																	1	
VI	**7**																		
VI	**8**			1															
VI	**9**																		
coop. 7		2								1		1	1						
ИТОГ		**11**	**2**	**5**	**1**	**1**	**1**	**7**	**4**	**3**	**1**	**4**	**4**	**5**	**2**	**1**	**4**	**8**	**2**

Таблица 15.
Луковнинское городище. Индивидуальные находки. Железо, кость, камень.

общие		железо								кость							камень							ст.
		пряжка	Шило	стамеска	булавка	нож	серп	Стрела чер	предметы	стрела двурог	стрела втулка	стрела остролист	рукоять	проколка	клык кабан	заготовки	мтыжка рог	бусы зонные	грузило	точило брусок	листов. копье	бусина паст.	ложи.брасл.	бусина стекло золото
V	**1**																	1						
V	**2**							1	19	1		1		2		2		13						
V	**3**					3	1		7				1	2		5								
V	**4**	1				1										4		6			1			1
V	**5**					1	1											3				1		1
V	**6**															1								
V	**7**																							
coop. 1			2			2																		
coop. 2						1																		
coop. 3																								
coop. 4																						2		
coop. 5						4																1		
coop. 6						2	1															1		
VI	**1**						1											1						
VI	**2**					1			2		1	1						3		1		1	1	
VI	**3**	1	1	1		3			4						1		1	6	1	1				
VI	**4**	1	1		1	3						1				1						1		1
VI	**5**					1			1															
VI	**6**								1					1										
VI	**7**																							
VI	**8**															1								
VI	**9**						1				1					1								
coop. 7			1	1		1																		1
ИТОГ		**3**	**5**	**2**	**1**	**23**	**5**	**1**	**34**	**1**	**2**	**3**	**1**	**5**	**1**	**15**	**1**	**33**	**1**	**2**	**1**	**7**	**1**	**4**

Таблица 16.
Луковнинское городище. Керамика (1970 г.).

Раскоп	Пласт	изделия из глины																	
												дьяковская посуда							
		Фигурка	пряслице зонное	пряслице биконус	погремушка	плитка с точками	грузик дьяковаТипа	бусина	шар	тигль	льячка	сетка крап.	текстиль ранн.	штрихованная	шнуровая	лощеная	гладкая грубая	серая
V	**1**			1		2	**6**	**3**								570	311	44
V	**2**	6	4	2		6	**6**	**9**								1069	1125	62
V	**3**	4	4			2	5	5		2						1448	231	
V	**4**	1			2	3	6	6	9	2						685	50	18
V	**5**					1	6	1	1							181	22	
V	**6**			1	1	1					3					91	30	
V	**7**				1				1							82	22	
соор. 1		2		1		1	4	7	4		1					455	69	
соор. 2						1	5		5							318	27	7
соор. 3						1	2	2	2							338	26	4
соор. 4		4				2		5	6							616	75	
соор. 5		1	4			3	2	5								173	272	20
соор. 6		1			1	1	6									298	296	
VI	**1**			2			1			1						186	46	14
VI	**2**	2			1	2	3					1				564	31	45
VI	**3**				3	1	4				1	1				839	5	43
VI	**4**	1		1		2	3	2	3		3	1				354	48	3
VI	**5**					1			1			2				233	36	
VI	**6**	1		1			2					1				88	10	
VI	**7**											1				42	4	
VI	**8**								1							26		
VI	**9**						1									21	5	
соор. 7				1	1	2	4	5	2		2							
ИТОГ		**23**	**12**	**10**	**10**	**32**	**66**	**50**	**35**	**5**	**10**	**7**				**8677**	**2741**	**260**

УДК 902/904

РЕЛЬЕФНОЕ ПРОКАТЫВАНИЕ ПОВЕРХНОСТИ КАК ПРИЕМ СОЗДАНИЯ ТАК НАЗЫВАЕМЫХ «ТЕКСТИЛЬНЫХ» ОТПЕЧАТКОВ НА ДРЕВНЕЙ КЕРАМИКЕ

© 2017 г. О.А. Лопатина

Статья посвящена исследованию приемов нанесения так называемых «текстильных» отпечатков на поверхность керамики дьяковской культуры раннего железного века. Ранее автором было показано, что «текстильные» отпечатки возникали в результате прокатывания поверхности сосудов рельефными штампами. Предпринят трасологический анализ «текстильных» отпечатков, исследованы особенности их морфологии, расположения на поверхности, перекрывания и деформаций. Были реконструированы инструменты, которыми наносились некоторые виды «текстильных» оттисков на поверхности дьяковских сосудов. В статье приводится обзор этих инструментов. Показаны результаты экспериментов с их использованием. Обзор дополнен данными о реконструкции инструментов для прокатывания, полученными по материалам других культур с «текстильной» керамикой. Проводится сравнение древних и современных инструментов для прокатывания, существующих в традиционном африканском гончарстве. Автор связывает использование различных инструментов для прокатывания с существованием разных культурных традиций в гончарстве древнего населения.

Ключевые слова: дьяковская культура, гончарство, технология, «текстильная» керамика, эксперимент, прокатывание, культурные традиции

В данной статье изложены полученные к настоящему времени результаты реконструкции приемов и инструментов, которые использовались гончарами дьяковской культуры для создания так называемых «текстильных» отпечатков на поверхности сосудов. В качестве сравнения привлекаются данные об аналогичных приемах, зафиксированных в других археологических культурах и по этнографии.

Возможными способами нанесения «текстильных» отпечатков, которые так или иначе обсуждались в исследовательской литературе, являются: 1) конструирование в рельефной емкости, 2) выбивание, 3) прокатывание, 4) штампование (Лопатина, 2017). Выделение именно этих способов стало возможным с позиций предложенного А.А. Бобринским подхода к изучению гончарного производства как системного образования, обладающего определенный структурой. Любое гончарное производство А.А. Бобринский рассматривал как системно организованный процесс, как обязательный и последовательный набор действий, направленных на создание сосуда. Эти действия решают ряд необходимых узких технологических задач, таких как отбор, добыча и обработка исходного сырья, составление формовочной массы, конструирование начина и полого тела сосуда, придание сосуду формы, обработка поверхности, придание сосуду прочности и устранение влагонепроницаемости. Способы реализации этих задач могут существенно различаться и регулируются теми культурными традициями, которыми обладают гончары (Бобринский, 1978; 1999, с. 8, 9).

Возможный набор узких технологических задач и приемов их осуществления, которые могли приводить к появлению «текстильных» отпечатков на поверхности сосудов, представляется в следующем виде.

1) Конструирование внутри рельефной формы-емкости связано с решением задачи формообразования сосуда. В этом случае «текстильные» отпечатки являются следствием отпечатывания на поверхности сосуда рельефа самой формы или прокладки (например, текстиль, кожа рубца желудка и т.п.).

2) Выбивание колотушкой с рельефной поверхностью либо гладкой колотушкой через рельефную прокладку, в результате которого могли решаться различные задачи – формообразование, обработка поверхности, декорирование.

3) Рельефное прокатывание круглым в сечении инструментом в виде цилиндра с рельефной поверхностью могло решать задачу как обработки поверхности, так и декорирования.

4) Штампование связано только с задачей декорирования поверхности сосуда.

Результаты экспериментальных исследований позволили установить, что наиболее вероятным приемом создания «текстильных»

отпечатков на керамике дьяковской культуры являлось прокатывание (Лопатина, 2009; 2015а; 2015б). Были выделены специфические признаки этого приема, которые позволяют отличать его от выбивания. Самый явный из этих признаков – *расположение элементов «текстильных» отпечатков относительно протяженными рядами, образующими не только прямые, но дуговидные линии, часто повторяющие профилировку сосуда.* Различение следов выбивания и прокатывания на керамике представляется важным этапом для историко-культурных реконструкций. Эти два приема изначально направлены на решение разных технологических задач, связаны с разными гончарными традициями, соответственно с разными группами населения, носителями этих традиций. Представляется ошибочным подход И.Г. и Т.Н. Глушковых, которые объединяют прокатывание и выбивание в рамках одного технологического типа (1 тип – «прокат жгута и выбивка со жгутом», 2 тип – «резной прокат и выбивка специально нарезанной колотушкой» (Глушков, Глушкова, 1992, с. 102). В материалах дьяковской культуры следы рельефного выбивания мною не зафиксированы.

Основное место в данной статье хотелось бы уделить обзору инструментов для прокатывания, которые к настоящему времени удалось реконструировать на материалах дьяковской культуры. Приведенные реконструкции являются результатом трасологического изучения отпечатков на керамике и подтверждаются экспериментальными исследованиями. Экспериментальная база образцов с отпечатками реконструированных инструментов была создана на базе лаборатории «История керамики» ИА РАН. Наблюдения за особенностями инструментов и отпечатков велись под бинокулярным микроскопом МБС-10.

Предлагаемый обзор дополнен данными по реконструкциям инструментов для прокатывания, которые были получены другими исследователями на материалах иных археологических культур с «текстильной» керамикой. Речь идет о поздненеолитической керамике Восточной Прибалтики и керамике позднего неолита и бронзового века Западной Сибири.

Для сравнения приведен краткий обзор инструментов для прокатывания, известных в традиционном западноафриканском гончарстве.

Дьяковкая культура

1. Шишки ели с частично удаленными чешуями.

В отношении одного из видов «рябчатых» отпечатков, которые представляют собой сравнительно тонкие дуговидные следы, напоминающие след ногтя, предложена реконструкция инструмента, представляющая собой еловую шишку с частично удаленными чешуями (Лопатина, 2015в). Частично или целиком утраченные чешуи могут являться либо результатом выедания семян различными животными, такими как мышевидные грызуны или белки, либо специальной обработки шишек человеком.

Следы частично удаленных чешуй еловых шишек весьма специфичны. Очертания элементов отпечатков представляют собой чаще всего дугу с различной степенью выраженности, до практически прямой линии. Один или оба конца дуги могут быть слегка отогнутыми. Иногда очертания края имеют s-видную форму или вид квадратной скобки. Как правило, разные очертания элементов сочетаются на одном сосуде. Внутри элементов отпечатков бывают хорошо заметны мельчайшие ячейки – отпечатки изломов волокон чешуй. С внутренней стороны очертаний дуги часто наблюдается небольшой выступ – отпечаток внутреннего ребра чешуйки. Эти специфические признаки позволяют с большой степенью уверенности диагностировать следы подобного инструмента.

При наличии перечисленных отличительных черт диапазон морфологического разнообразия следов елово-шишечного инструмента достаточно широк и зависит от ряда факторов. К их числу относятся: 1) способы удаления чешуй с шишек, 2) особенности работы инструментом, 3) особенности морфологического строения еловых шишек (например, возможность чешуй расслаиваться, что ведет к образованию отпечатков типа «двойной штрих» по терминологии И.Л. Черная (1981, с. 72, 73), 4) особые свойства еловых шишек, такие как способность смыкать или распускать чешуи в зависимости от влажности (рис. 1). Когда чешуи начинают смыкаться при повышении влажности, отпечатывается не только их излом, но и часть поверхности чешуй, за счет чего отпечатки становятся более широкими (рис. 1: 5).

Среди «текстильной» керамики дьяковской культуры следы такого инструмента зафиксированы массово.

2. Валик, обмотанный нитями или веревочками.

Так называемые «ниточные» отпечатки на исследованной керамике дьяковской культуры оставлены прокатыванием инструмента, представляющем собой основу, обмотанную веревочками или нитями. Особенности следов именно «ниточных» оттисков на дьяковской керамике послужили основанием для выделения признаков прокатывания (Лопатина, 2015а). Были обобщены наблюдения, позволяющие отличать следы прокатывания валика, обмотанного нитями, от следов выбивания колотушкой, также обмотанной нитями.

В рамках рассматриваемого вида оттисков существует также определенный диапазон морфологического разнообразия (рис. 2), который объясняется следующими факторами. Это особенности наматывания нитей на основу (равномерно-регулярное или беспорядочное), плотность наматывания (редкая в один слой или в несколько слоев с наложениями), особенности основы (твердая или мягкая). На облик отпечатков также влияет вид материала, намотанного на основу (веревочка или нить). Нить представляет собой продукт прядения, а веревочка – результат свивания двух или более нитей. Отчетливые следы витков могут быть оставлены именно веревочками, а не нитями, следы которых больше напоминают бороздки (рис. 2: 7–9).

Следы рассматриваемого вида инструмента массово отмечены в керамике дьяковской культуры. В других археологических культурах с «текстильной» керамикой прокатывание валиком, обмотанным нитями или веревочками, также имело широкое распространение. Исследователями отмечено использование такого инструмента по керамике финала ПБВ – начала РЖВ Среднего Поочья (поселение Тюков городок) (Фоломев, 1975, с. 164). Прием прокатывания палочкой обмотанной шнуром отмечен И.Г. и Т.Н. Глушковыми на керамике ботайской культуры и керамике эпохи раннего металла Прииртышья (Глушков, Глушкова, 1992, с. 75–81).

3. Цилиндрические штампы с бороздчатой поверхностью.

Одной из разновидностей «текстильных» отпечатков на керамике дьяковской культуры являются бороздчатые оттиски, которые, однако, встречаются здесь не настолько массово, как предыдущие. Бороздчатые отпечатки представляют собой бороздки с ровными или слегка волнистыми краями (рис. 3: 3, 4). Дно борозд может быть как ровным и плоским, так и неровным. На дне часто прослеживаются следы продольных микробороздок, передающих волокнистую структуру материала. При этом следов скручивания волокон не наблюдается. Волокнистая структура может и не прослеживаться. Часто следы бороздок деформированы наложением одних отпечатков на другие. По описанию Б.А. Фоломеева, это «параллельные, плотно примыкающие друг к другу рельефные полосы шириной 5–8 мм, имеющие слабо волнистые края и неровное дно» (Фоломеев, 1994, с. 151). Судя по всему, этот вид отпечатков характерен в большей степени для городищ РЖВ Рязанского Поочья, относимых к городецкой культуре. Так, по данным Т.В. Сарапулкиной (2012, с. 72–75), бороздчатые отпечатки по массовости занимают второе место после рогожных на городищах Канищевское, Вышгородское, Городецкое и Троице-Пеленицкое.

Морфологически этот вид отпечатков занимает как бы промежуточное положение между «текстильными», штрихованными и рогожными отпечатками. Это обстоятельство стало причиной того, что разные исследователи относили подобные отпечатки к разным морфологическим группам. Так, Б.А. Фоломеев рассматривал их в рамках рогожных, справедливо обращая внимание на то, что «от рогожных отпечатков они отличаются отсутствием поперечных перегородок на бороздах» (Фоломеев, 1994, с. 146, 151, рис 6). Н.А. Кренке описывает развал такого сосуда из основания верхнего слоя А Дьякова городища, обозначая его как штрихованный (Кренке, 2011, с. 115). При этом автор отмечает, что характер отпечатков «отличается от бороздчатого заглаживания древней дьяковской керамики». Судя по фото, отпечатки на поверхности этого сосуда могут быть не связаны со штриховкой (Там же, с. 490, рис. 192: 78). Т.В. Сарапулкина при описании городецкой керамики Рязанского Поочья относит бороздчатые отпечатки к группе сетчатых (Сарапулкина, 2012, с. 72–75).

Керамика с бороздчатыми отпечатками может быть спутана со штрихованной керамикой, с которой она имеет некоторое внешнее сходство, но отличается принципиально (рис. 3: 1, 2). Так, штриховка поверхности осуществлялась заглаживанием зубчатым инструментом. При этом внутри бороздок остаются следы протаскивания зубцами мелких минеральных примесей. На керамике с бороздчатыми отпечатками подобных следов нет.

Наблюдения за бороздчатыми отпечатками позволяют заключить, что большинство из них несут признаки приема прокатывания,

которые ранее были установлены для ниточных отпечатков (Лопатина, 2015а). Очертания борозд относительно протяженны, часто повторяют профилировку стенок сосудов, могут иметь слегка дуговидные очертания. Можно полагать, то инструментом для прокатывания служили *цилиндрические штампы с бороздчатой поверхностью*. Таковыми могли являться, например, цилиндрическая деревянная основа с вырезанными на ней кольцевыми бороздками или основа, обмотанная материалами нетекстильного происхождения (полоски кожи, сухожильные нити, кора и т.п.).

Экспериментальное прокатывание такими инструментами показало, что бороздки с относительно ровными краями и плоским дном получаются прокатыванием деревянного валика с резными кольцевыми бороздками или инструмента обмотанного толстыми полосками кожи (рис. 3: 7, 8). Отпечатки борозд с неровными краями и неровным дном были получены в результате эксперимента по прокатыванию палочки обмотанной тонкими полосками невыделанной рыбьей кожи, при высыхании ставшей жесткой и бугристой. Скорее всего, борозды с неровными краями могут получиться также прокатыванием инструмента обмотанного сухожильными нитями или какими-то грубыми растительными волокнами, которые не подвергались скручиванию.

4. Деревянный валик с ячейками подквадратной или подпрямоугольной формы. Данный вид штампа был реконструирован А.А. Бобринским по отпечаткам на так называемой рогожной керамике городецкой культуры (рис. 4). Аргументами в пользу использования деревянного штампа с вырезанными ячейками послужили следы волокон, наблюдаемые внутри ячеек и характерные для дерева, и трапециевидные очертания ячеек в профиле (Бобринский, 1978, с. 231–235). Как известно, керамика с рогожными отпечатками в виде небольших серий встречается и среди материалов дьяковской культуры.

Восточная Прибалтика

1) Плетеный шнур. Реконструкция данного вида инструмента предложена Б. Думпе (Dumpe, 2006, l. 71–84) по результатам изучения «текстильных» отпечатков на керамике поздненеолитического поселения Абора 1 (Латвия). Отпечатки представляют собой вытянутые ромбовидные или в виде овала ячейки, регулярно выстроенные в двух направлениях (рис. 5: 1–4). Исследовательница предполагает возможность использования разных видов узелковых или плетенных шнуров. По ее мнению, разные способы изготовления шнуров могут объяснять наблюдаемое разнообразие «текстильных» отпечатков на керамике поселения. Убедительным доказательством в пользу высказанного автором предположения являются отпечатки объемного контура подобного шнура, наблюдаемые на керамике (Ibid, att. 7, l. 77).

2) Витой шнур. Как и предыдущий вид отпечатков, следы прокатывания витого шнура отмечены Думпе на материалах поселения Абора 1 (рис. 5: 5–8). Отпечатки представляют собой линии близко расположенных овальных ямок. Думпе выдвинула предположение о трех вариантах скручивания двужильных шнуров (из нитей одного диаметра, из нитей разного диаметра и из 2-жильного жгута, скрученного вместе), а также об использовании грубых растительных материалов (лен, лыко) или материалов животного происхождения (сухожилия) для их изготовления.

Западная Сибирь

1) Витой шнур. По данным И.Г. и Т.Н. Глушковых следы в виде коротких жгутиков-«гусеничек», отмеченные единично в материалах поселения Одино бронзового века (бассейн р. Ишим), также можно интерпретировать как отпечатки витого шнура (рис. 6: 1). Сходные отпечатки были получены авторами при прокатывании экспериментального инструмента. Он представлял собой жгут из двух витых шнуров левой крутки, каждый из которых был свит из двух скрученных крапивных нитей (Глушков, Глушкова, 1992, с. 73).

2) Резной штамп «под текстиль». Данный вид инструмента реконструирован И.Г. и Т.Н. Глушковыми по отпечаткам на керамике поселений Крохалевка 4 и Инголь. Судя по приведенным иллюстрациям (Там же, рис 1, 6), оттиски на древней керамике представляют собой тонкие слегка дуговидные и прямые ячейки (рис. 6: 2). Предложена реконструкция инструмента для прокатывания в виде деревянного валика с часто вырезанными на нем ячейками подтреугольной формы (Там же, с. 92, 93, рис. 20, 23).

Традиционное африканское гончарство

Прием рельефного прокатывания как способ декорирования поверхности широко распространен в традиционном западноафриканском гончарстве. Как известно, «текстильная» керамика в Африке известна с позднего неолита (южная Сахара) вплоть до современности. Существует довольно обширная исследовательская литература на стыке археоло-

гии и этнографии, посвященная различным аспектам исследования древней и современной «текстильной» керамики (Drost, 1967, s. 164–210; Soper, 1985; Gallay, Huysecom, Mayor, 1998, p. 23–87; African Pottery Roulette… 2010).

По данным Д. Дроста прокатывание поверхности сосудов рельефными штампами является одним из самых распространенных приемов декорирования посуды. Он распространен на огромной территории, включающей в себя большую часть Западной Африки и северную часть Центральной Африки, чрезвычайно пестрой в этническом отношении. У различных народов конкретные способы декорирования поверхности с помощью прокатывания существенно различались. Могла украшаться либо вся поверхность целиком, либо только некоторые зоны поверхности сосуда. Определенное разнообразие имела и траектория прокатывания – по диагонали, в горизонтальном направлении, «крест накрест», т.е. сначала по вертикали, затем по горизонтали (Drost, 1967, s. 164–172). Большим разнообразием отличались инструменты для прокатывания (рис. 6: 3; 7).

В исследовательской литературе имеются различные систематизации инструментов для прокатывания, построенные на разных основаниях. Например, Д. Дрост классифицирует их по категориям (Drost, 1967, s. 164–172), Р. Сопер – по качествам: 1) немодифицированные, т.е. не специально изготовленные, 2) жесткие, 3) мягкие и 4) композитные (Soper, 1985, p. 31–40). Систематизация по категориям Д. Дроста создает наиболее общее и конкретное представление об имеющихся видах инструментов. Она приводится ниже в кратком изложении. Дополнительно в качестве иллюстраций представлены материалы исследований швейцарской миссии в Мали, которая изучала местное традиционное гончарство внутренней дельты р. Нигер в течение 1988–1993 гг. (Gallay, Huysecom, Mayor, 1998).

1. Веревки и плетенки являлись самыми многочисленными видами орнаментиров. Представляли собой кусочки обычных веревок (рис.6: 3), а также специально сплетенные орнаментиры, округлые или 4-гранные в сечении (рис. 7: 1). Сделаны исключительно из растительных волокон (солома, различные травы, тростник, папирус, волокна коры деревьев, листья масличной пальмы). Максимальная длина – 10 см, но обычно менее (длиной в ладонь). Известны орнаментиры из расщепленного пальмового стебля вокруг которого намотана нить.

2. Специально изготовленные валики обычно из дерева с резными узорами в виде линий, зубчиков, насечек, ромбов, спиралей (рис. 7: 2). Кроме того, известны и металлические валики из чугуна или меди с насечками (рис.7: 3). Некоторые плоды фруктовых деревьев с нанесенными на них насечками также использовались в качестве орнаментиров.

3. Растения. Колосья, из которых удалено зерно, початки кукурузы также без зерен (рис. 7: 4а), стебли растений с рельефной поверхностью, в частности, с удаленными соцветиями (рис. 7: 4б).

4. Металлические кольца. Представляли собой медные и железные браслеты с зубчиками или насечками или с гравированным узором. Также использовались и просто железные кольца, не являвшиеся браслетами, с гравировкой ромбами, кругами, волнами.

5. Штампы в виде колесика. В качестве примера исследователи приводят вырезанные кружки из стенки тыквы-калебаса с зубцами по краям без отверстия (рис. 7: 4в) или с отверстием посередине.

Сравнение инструментов для прокатывания по категориям по данным археологии и этнографии показывает их существенное сходство. Как в древности, так и в современном гончарстве существенное распространение имели штампы, во-1-х, из материалов, имеющих отношение к текстильной продукции, во-2-х, штампы из растений, в-3-х, резные деревянные валики. Вполне естественно, что набор реконструированных по древней керамике инструментов гораздо скромнее. Результаты приведенных здесь исследований «текстильных» отпечатков на древней керамике показали саму возможность реконструкций древних инструментов для прокатывания на основании их тщательного трасологического изучения. Универсальность общих особенностей приема прокатывания дает основания полагать, что в дальнейшем этнографические данные помогут указать направление поиска для реконструкции особенностей приема прокатывания и у древнего населения.

Данные о разных видах инструментов для прокатывания содержат потенциальную информацию для суждений об особенностях взаимодействия разных культурных традиций древних гончаров, характерных для определенных человеческих коллективов.

ЛИТЕРАТУРА

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография). Самара: СамГПУ, 1999. – 233 с.

Глушков И.Г., Глушкова Т.Н. Текстильная керамика как исторический источник. Тобольск: ТобГПИ, 1992. 130 с.

Кренке Н.А. Дьяково городище. Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М.: ИА РАН, 2011. 548 с.

Лопатина О.А. Опыт технологического изучения «текстильных» отпечатков (на примере дьяковской керамики) // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / Археология евразийских степей Вып. 8 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Елабуга: ИИ АН РТ, ИА РАН, ЕГМЗ, 2009. С. 204–212.

Лопатина О.А. К различению приемов прокатывания и выбивания на дьяковской «текстильной» керамике (экспериментальное изучение) // Современные подходы к изучению древней керамики в археологии: Сборник материалов конференции / Отв. ред. Ю.Б.Цетлин. М.: ИА РАН, 2015а. С. 43–53.

Лопатина О.А. К изучению приемов нанесения «текстильных» отпечатков на керамике дьяковской культуры // Самарский научный вестник. 2015б. № 3 (12). С. 105–114.

Лопатина О. А. О происхождении одного вида отпечатков на поверхности «текстильной» керамики // КСИА. 2015в. Вып. 240. С. 163–172.

Лопатина О.А. Текстильные отпечатки на древней керамике: проблемы интерпретации // РА. 2017. № 1. С. 168–179.

Сарапулкина Т.В. Керамический комплекс городецкой культуры в Рязанском Поочье (предварительное сообщение) // Материалы по истории и археологии России. Т. 2 / Отв. ред. Д.А. Иванов и др. Рязань: Александрия, 2012. С. 67–80.

Фоломеев Б.А. Тюков городок // СА. 1975. № 1. С. 154–170.

Фоломеев Б.А. Шишкинское городище // Древности Оки / ТГИМ. Вып 85 / Отв. ред. Г.Ф. Полякова. М.: ГИМ, 1994. С. 138–157.

Чернай И.Л. Выработка текстиля у племен дьяковской культуры // СА. 1981. № 4. С. 70–86.

African Pottery Roulette Past and Present: Techniques, Identification and Distribution / Ed. A. Haour et al. Oxford, Oakville: Oxbow Books, 2010. 208 p.

Drost Dietrich. Topferei in Afrika. Technologie. Berlin: Akademie-Verlag, 1967. 289 s.

Dumpe Baiba. Agras tekstilas keremikas fakturu veidosanas ipatnibas // Arheologija un etnografija XXIII. Riga: Latvijas Vestures Instituta Apgads, 2006. L. 71-84.

Soper R. Roulette decoration in African pottery: technical consideration, dating and distributions // The African archaeological Review. 1985. Vol. 3. P. 29–51.

Gallay Allan, Huysecom Eric, Mayor Anne. Peuples et ceramiques du delta interieur du Niger (Mali): un bilan de cinq annees de mission (1988–1993) / Terra archaeological; T. 3. Mainz am Rhein: Zabern, 1998. 133 p.

Информация об авторе:

Лопатина Ольга Анатольевна, младший научный сотрудник Отдела теории и методики, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); lopatina.olga@gmail.com

TEXTURE ROLLING OF THE SURFACE AS A TECHNIQUE FOR THE CREATION OF SO-CALLED ‘TEXTILE’ PRINTS ON ANCIENT CERAMICS

O.A. Lopatina

The paper is dedicated to the study of methods of applying the so-called ‘textile’ imprints on the surface of ceramics corresponding to the Dyakovo culture of the Early Iron Age. As previously demonstrated by the author, the ‘textile’ imprints appeared as a result of rolling a relief die over the surface of vessels. The author conducted a trace evidence analysis of the ‘textile’ imprints and studied the features of their morphology, arrangement on the surface, overlapping and deformations. The tools used for the application of the certain types of ‘textile’ imprints on the surfaces of Dyakovo vessels were reconstructed. The paper features an overview of these tools. It also contains the results of experiments conducted with the use of the tools. The overview is supplemented by information on the reconstruction of rolling tools obtained on the basis of materials corresponding to other cultures with ‘textile’ ceramics. The paper also presents a comparison of ancient and contemporary rolling tools applied in traditional African pottery. The author relates the use of various rolling tools with the existence of different cultural traditions in the pottery of the ancient population.

Keywords: Dyakovo culture, pottery, technology, ‘textile’ ceramics, experiment, rolling, cultural traditions

About the Author:

Lopatina Olga A. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ul’yanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; lopatina.olga@gmail.com

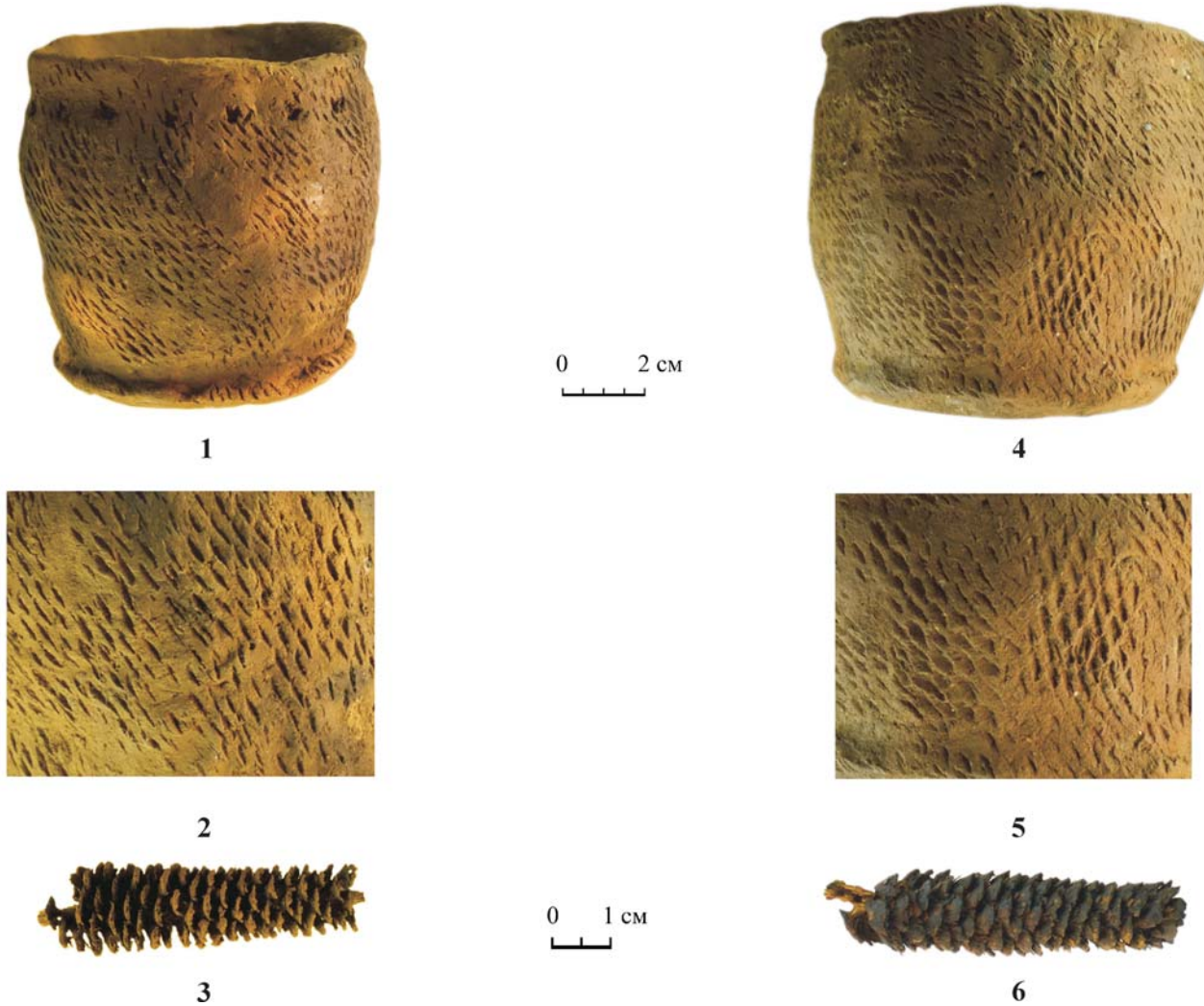


Рис. 1. Прокатывание инструментом из еловой шишки с частично удаленными чешуями, эксперимент: 1-3 – инструмент в сухом состоянии, 4-6 – во влажном состоянии.

Рис. 2. Образцы прокатывания инструментами в виде стержня, обмотанного нитями или веревочками: 1, 3 – инструмент в виде стержня, плотно обмотанного веревочкой в один слой, и его отпечаток, двукратное прокатывание; 5, 6 – инструмент в виде стержня, неравномерно обмотанного веревочкой в несколько слоев, и его отпечаток, двукратное прокатывание; 7, 8 – инструмент в виде стержня, редко обмотанного нитью, и его отпечаток, однократное прокатывание; 2, 4, 9 – керамика дьяковской культуры с Мутенковского (2) и Дьякова (4, 9) городищ.

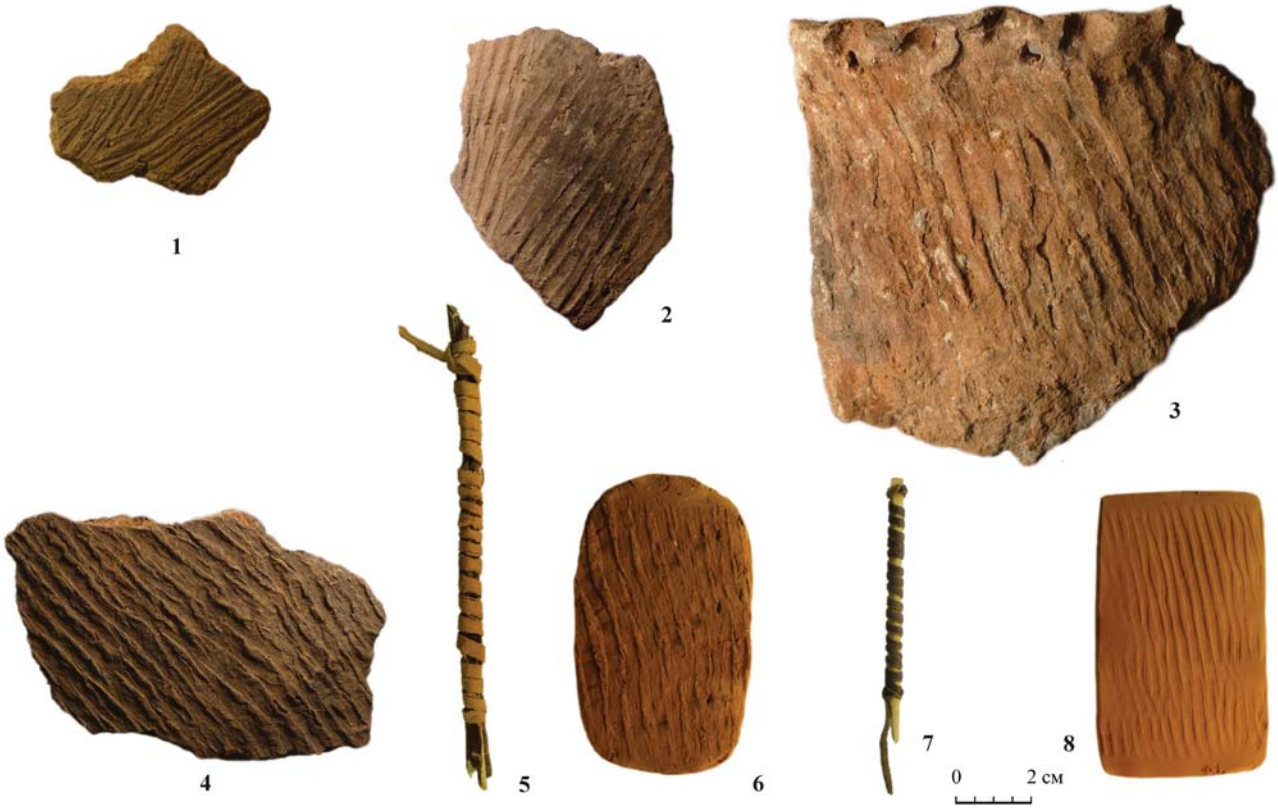


Рис. 3. Штрихованные и бороздчатые отпечатки на поверхности керамики: 1, 2 – штрихованная керамика дьяковской культуры с городищ Графская гора (1) и Кропотовское (2); 3, 4 – бороздчатая керамика с Троице-Пеленицкого городища городецкой культуры; 5, 6 – инструмент в виде стержня, обмотанного полосками липовой коры, и его отпечаток, двукратное прокатывание; 7, 8 – инструмент в виде стержня, обмотанного полосками кожи, и его отпечаток, двукратное прокатывание. 1 – МА МГУ; 3, 4 – ГИМ.

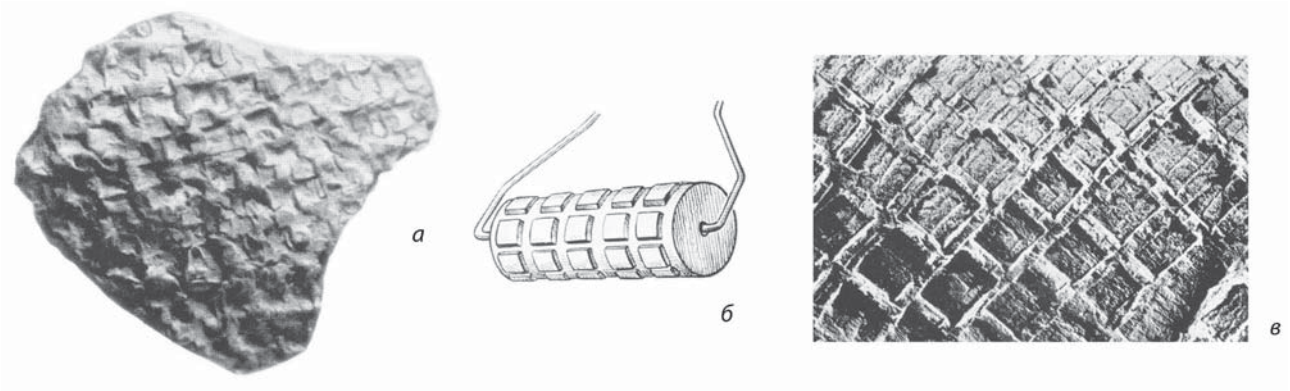


Рис. 4. Керамика со следами прокатывания ячеистым штампом (по: Бобринский, 1978, с. 235): а – фрагмент керамики с «рогожным» орнаментом; б – инструмент, использованный в эксперименте; в – поверхность экспериментального образца.

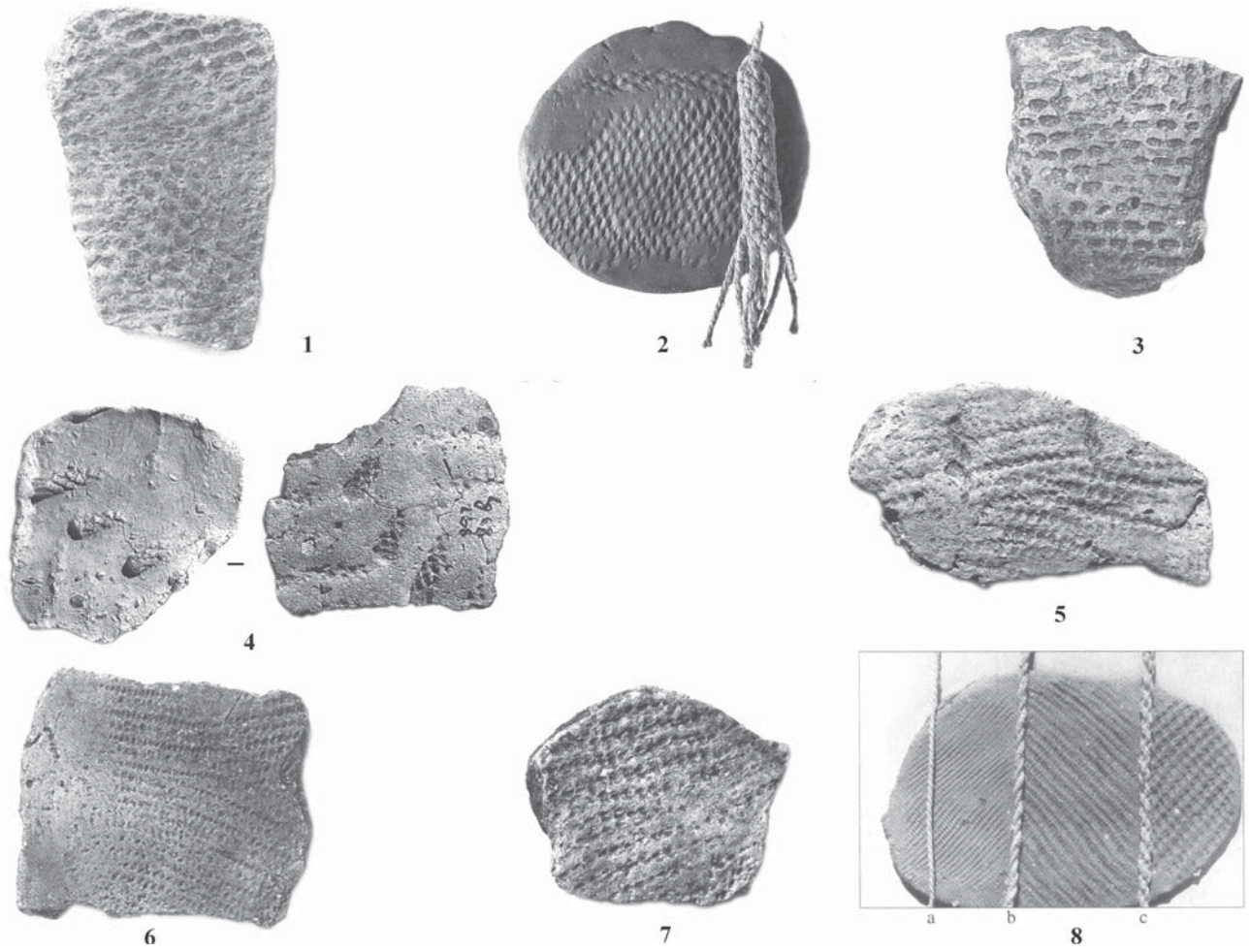


Рис. 5. Образцы керамики со следами прокатывания плетёных и витых шнуров (по: Dumpe, 2006): 1, 3 – археологическая керамика с отпечатками плетеных шнуров; 2 – плетеный шнур, эксперимент; 4 – отпечатки плетеного шнура на археологической керамике и слепки с них; 5–7 – археологическая керамика с отпечатками витых шнуров; 8 – витые шнуры, эксперимент.

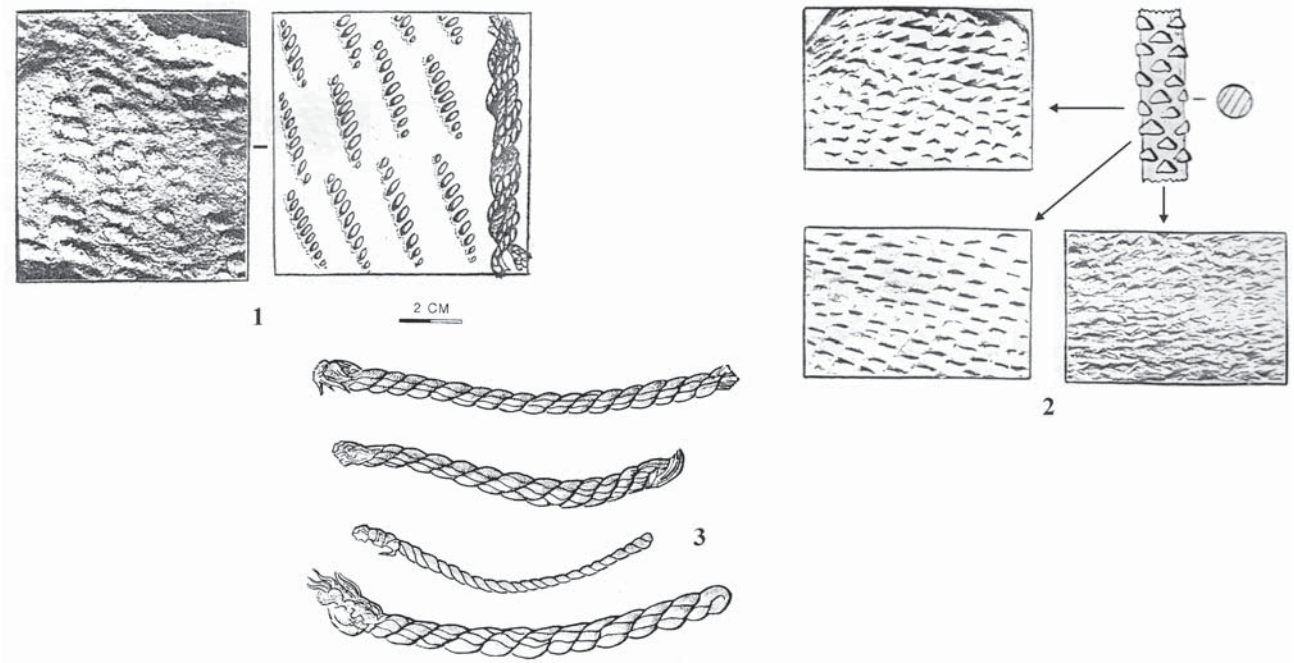


Рис. 6. Следы прокатывания на западносибирской керамике и инструменты для прокатывания: 1 – витой шнур; 2 – резной деревянный штамп с треугольными ячейками (по: Глушков, Глушкова, 1992, рис.18, 23); 3 – витые шнуры для прокатывания в традиционном гончарстве Мали (по: Gallay, Huysecom, Mayor, 1998, p. 76).

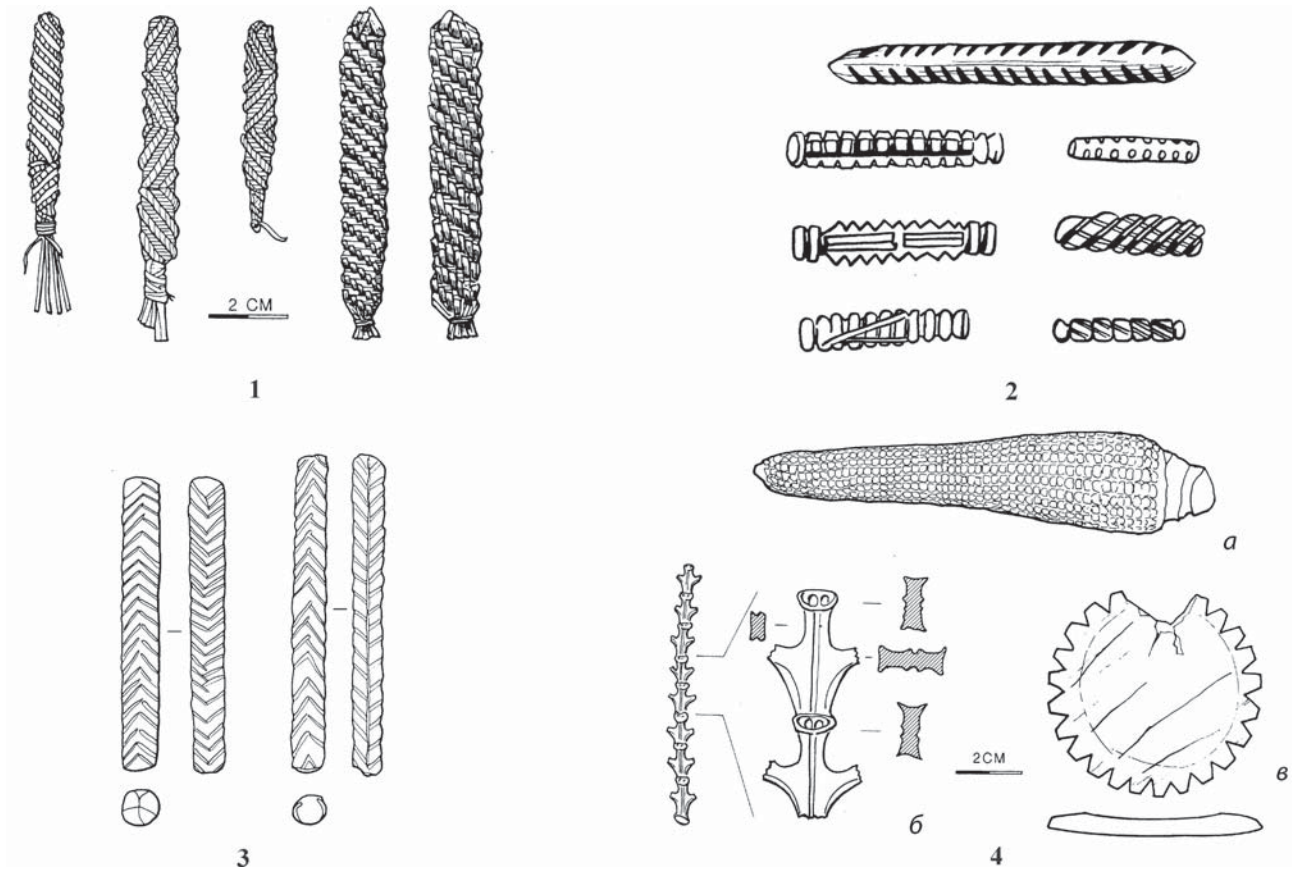


Рис. 7. Инструменты для прокатывания в традиционном африканском гончарстве: 1 – плетенки, Мали; 2 – резные деревянные штампы, Западная Африка; 3 – металлические валики с гравировкой, Мали; 4 – растения, Мали (а – початок кукурузы без зерен; б – стебель растения с удаленными соцветиями; в – диск с вырезанными зубцами из тыквы-калебаса. 1 – по: Gallay, Huysecom, Mayor, 1998, p. 51, 58, 61, 76; 2 – по: Drost, 1967, s. 168,170.

УДК 903.04

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ТЕКСТИЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ У НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ НАЧАЛА ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА НА ОСНОВЕ ДИЗАЙН-АНАЛИЗА КЕРАМИЧЕСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

© 2017 г. М.М. Савенкова

В данной работе проведен анализ формы археологических находок эпохи раннего железа: грузил для ткацкого станка, грузиков «дьякова типа», «рогатых кирпичей» с точки зрения возможности их использования в качестве составляющих частей орудий текстильного производства и предпринята попытка реконструкции процесса тканеобразования на них.

Ключевые слова: эпоха раннего железа, ткацкий станок, археологические находки, «рогатые кирпичи», грузики «дьякова типа».

В настоящее время в археологии возрос интерес к данным, полученным в результате технологической реконструкции и исторического эксперимента. Экспериментальная археология может помочь в изучении видов деятельности, не оставивших после себя материальных следов, к которым относится в первую очередь текстильное производство. Помощь в воссоздании способов изготовления тканей в древности может оказать изучение керамических составляющих текстильных орудий, использование которых сопровождало историю человечества с неолита до эпохи средневековья. Для воссоздания текстильных отраслей хозяйства археологических культур начала железного века применяется метод экспериментальных реконструкций, проведенных на базе дизайн-анализа керамических находок с целью изучения их свойств и характеристик. При создании реконструкций ткацких станков использовался способ отбора оптимальных вариантов.

Для эпохи раннего железа на территории Восточной Европы характерны приспособления для ткачества с включением в конструкцию деталей из глины. Глиняные изделия несут в себе информацию, связанную с их применением, а, следовательно, могут служить источниками для реконструкций текстильного производства. Цель исследования – произвести возможные реконструкции технологий, связанных с производством изделий из нитей на основе дизайн-анализа формы керамических находок. Дизайн-анализ – эффективное средство для помощи в приобретении знаний о свойствах предметов, понимания эволюции окружающего человека предметного мира. Он дает, в том числе, ответы на вопросы: почему изделие имеет ту или иную форму, каково назначение изделия, насколько хорошо изделие выполняет свое предназначение?

История дизайна неразрывно связана с эволюцией предметного окружения человека, в особенности с историей развития техники. Формы орудий труда подвергались на протяжении тысячелетий многократным модернизациям, связанным с открытием новых материалов и технологий. При этом во многих случаях принципиальная конструктивная схема созданных в древности приспособлений остается неизменной до настоящего времени. Основа дизайна – обусловленность формы функцией. Функциональные характеристики изделий, обеспечивающие процесс их использования, дают возможность понять принцип работы. Керамические изделия, предназначенные для осуществления процесса ткачества и плетения, должны обладать определенным набором физических свойств. Это не могло не наложить отпечаток на специфику формы данных предметов. Единство конструктивной формы с технологическим процессом ее использования позволяет соотнести изделия из глины с определенными видами текстильных приспособлений.

Наиболее изученным является процесс работы на вертикальном станке с керамическими грузами для выработки тканей полотняного и саржевого переплетений. Исследователи отмечают длительное употребление глиняных грузил для оттягивания нитей основы в конструкции вертикального ткацкого станка, имеющего у родственных и не родственных народов одинаковый принцип работы. Изображение вертикальных станков с грузами присутствуют на античных вазах, примеры подобных конструкций сохранились в этнографическом материале.

Грузила пирамидальной, конической, реже дисковидной формы для вертикальных ткацких станков были обнаружены в античных городах северного Причерноморья (Гайдукевич, 1952), на поселениях черняховской (Рикман, 1967), зарубинецкой (Максимов, 1982), киевской (Обломский, Терпиловский, 1998), городецкой культур (Козмирчук, Разуваев, 2001), со второй половины VI – начала III вв. до н.э у населения Левобережной лесостепи Украины (Щербань, 2005), на верхнедонских памятниках первых веков нашей эры (Савенкова, Чекменев, 2006).

Вид и модификация ткацкого станка зависят от способа образования зева – главного технологического признака. В наиболее простой архаичной конструкции станка пучки нитей основы натягивались грузиками, которые делили нити на верхние и нижние. Для смены зева применялась нитченка – горизонтальная палка, соединенная при помощи нитяных петелек с нижними нитями основы. Перемещением палки в направлении ткача нижним нитям сообщается верхнее положение – таким образом производится смена зева. В этнографическом материале станок с половиной движущихся нитей основы является наиболее древним по сравнению с другими видами. В более совершенной конструкции станка подвижными являются все нити основы, для поднятия которых используется несколько нитченок. В данной конструкции станка форма грузил не играет принципиальной роли, так как они служат только для оттягивания нитей основы. Для этой цели могли использоваться даже необработанные камни.

Дизайн-анализ формы пирамидальных грузил дает возможность реконструировать виды текстильных устройств, использовавшихся для изготовления шнуров, поясов и циновок. Целесообразность конструкции грузил основывается на способах их применения. Вытянутая форма грузил объясняется необходимостью компактного их распределения в пределах станка и весом, достаточным для натяжения нитей основы. Форма грузил имеет горизонтальную плоскость в нижней части, которая является основанием, следовательно, в процессе работы грузила могли стоять на горизонтальной поверхности. Членение грузил на грани указывает на возможность их перемещения относительно друг друга.

В станке для выработки шнуров с перевитой основой грузила выступают в качестве приспособлений для образования зева. В грузила заправляется нить, которая входит в отверстие с одной стороны пирамидки и выходит с другой. Грузила на нитяных петлях подвешиваются на вертикальную плоскость (рис. 1) или же устанавливаются таким образом, чтобы основание находилось на горизонтальной плоскости, которая предотвращает их самопроизвольное поворачивание (рис. 2). Ткацкий зев образуется непосредственно на грузилах между передними и задними нитями основы. Смена зева происходит при помощи поворотов грузил на 180°. Каждое грузило свивает две нити между собой в жгуты, которые нитью утка соединяются в одно изделие. Отпечатки аналогичных шнуров с перевитой основой, состоящих из двух-трех жгутов, в большом количестве встречаются на керамических сосудах различных культур. От порядка вращения грузил зависит рисунок получаемого переплетения. Изложенный способ плетения шнуров можно использовать для изготовления циновок, а также неширокой тесьмы, полосы которой могли сшиваться затем в одно изделие.

Исследователями выделяются находки грузил, которые использовались в конструкции горизонтальных ткацких станков в памятниках раннего железного века лесостепного Днепро-Донского междуречья, Курского Посеймья (Пряхин, Разуваев, 1995; Пузикова, 1981), **Левобережной лесостепи Украины** в VII – первой половине VI в. до н.э **(Щербань, 2005)**. Наличие узкого центрального отверстия у грузиков, а также следов от трения нитей в центральном канале свидетельствует, что грузики применялись в станках с горизонтальным расположением нитей основы (рис. 3).

И.Л. Чернай, исследуя керамические находки Марицкого городища (Курское Посеймье) выделил из всего материала находок глиняные грузила для выработки тканей на горизонтальном станке, имеющие общие черты: вертикальный канал, форма тел вращения, высота, превышающая диаметр, отношение отверстия к внешнему диаметру 1/5 (Чернай, 1981а, с. 111). В результате технологического эксперимента И.Л. Чернаю удалось установить, что грузики подвешивались на горизонтальных нитях с провисом, располагаясь ближе к одному из концов, и служили для натяжения нитей основы и для перемены нитей четных и нечетных, т.е. смены зева.

В основу реконструкции горизонтального станка с грузами автором положено сопоставление сходных процессов рационального освоения человеком технологии ткачества.

Конструкция горизонтального станка не могла сильно отличаться от конструкции вертикального, так как очевидно, что эти два вида устройств развивались параллельно. На ряде поселений были обнаружены грузила как для вертикального, так и для горизонтального станков.

Так как для образования зева на вертикальном станке использовалась одна нитченка, то этот же принцип был применен в реконструкции горизонтального станка с одной ремизкой и половиной движущихся нитей основы. В ходе технологического эксперимента было установлено, что грузик в горизонтальном ткацком станке мог применяться для оттягивания одной нити. Неподвижные четные нити основы занимают верхнее положение. Нечетные нити основы, заправленные в грузики, занимают нижнее положение. Для того, чтобы поднять их наверх, используются нитяные петельки, соединяющие нити с горизонтальной палкой (рис. 4). Было отмечено, что легкие грузила оттягивают нити недостаточно сильно. Это является препятствием к четкому образованию зева, так как нити из нижнего ряда попадают наверх. Чем меньше высота грузика, тем он легче и более подвижен, т. е. способен к перепутыванию нитей.

Наиболее стабильными, способствующими параллельному распределению нитей в станке, являются грузила биконической и усеченно-конической формы с вытянутой осью. Усеченно коническая форма способствует максимальному сближению нитей основы, и в связи с этим более рациональному использованию их длины (рис. 5). В конструкции станка порядок расположения грузиков относительно друг друга не имеет значения. Они не выстраиваются в ряд (как в реконструкции Черная), что невозможно осуществить практически, но могут висеть свободно, способствуя увеличению плотности ткани.

Было выяснено, что в зависимости от способа подвязывания нитченок можно изготовить текстиль различных переплетений. Привязав вторую нитченку за нижние нити основы со сдвигом на одну нить, можно получить переплетение с перевитой основой. В этом случае сначала поднимается первая нитченка, прокидывается уток, затем вторая. Нижние нити вытягиваются наверх то слева, то справа от соответствующих им верхних нитей.

Археологические находки – грузики «дьякова типа» были распространены на довольно обширной территории Волго-Окского междуречья на рубеже I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. До сих пор не ясна функция этих предметов. Наиболее вероятной является версия об использовании грузиков в текстильном ремесле, основанная на наличии потертостей от нитей в центральном канале изделий (Савенкова, 2013).

Впервые предположение об использовании грузиков для выработки кругового текстиля при помощи перевивания нитей было высказано И.Л. Чернаем (1981б, с. 77). Однако с предложенными им реконструкциями ткацких станков при использовании одновременно большого числа грузиков в одном приспособлении нельзя согласиться (Там же, с. 75, рис. 3: *8, 10, 11*). Грузики «дьякова типа», имеющие одинаковые конструктивные составляющие, являются различными по форме, высоте, размеру и, главное, по количеству зубчиков и не могут быть частью одного ткацкого станка. Технологический эксперимент показал, что перекладывание нитей с одного предмета на другой физически осуществить невозможно.

Все изделия, атрибутированные как грузики «дьякова типа», представляют собой тела вращения, обладающие осевой симметрией со сквозным каналом в центральной части. Признак, свойственный всем грузикам, – это насечка, нанесенная по периметру широкого диска. В конструкции грузиков определяющим признаком является количество углублений, расположенных по периметру широкого диска, единственно возможного места расположения нитей, участвующих в тканеобразовании. Грузики «дьякова типа» можно отнести к классу неподвижных текстильных приспособлений**,** при работе на которых нити перемещаются вручную. Структура переплетения ткани могла образовываться путем соединения нитей способом перевивки или перекладывания из одной насечки в другую.

Нити, задействованные в производстве ткани, распределяются в углубления широкого диска, вся конструкция натягивается и закрепляется неподвижно. Количество используемых нитей соответствует количеству углублений: чем меньше размер углублений, тем соответственно нити должны быть тоньше. Плетение осуществляется перевиванием между собой двух рядом расположенных нитей. Чем большее количество зубчиков имеет пряслице, тем большее количество нитей участвует в работе, тем шире получается диаметр готового изделия, которое может иметь вид круглой сетки (рис. 6) или шнура (рис. 7).

Материалы этнографии дают примеры аналогичных приспособлений для выработки шнуров. В Японии с 550 г. до настоящего времени популярно плетение шнуров – кумихимо, которые использовались для скрепления частей доспехов воинов и лошадей, для завязывания женских поясов кимоно – оби. Примитивный станок для кумихимо представляет собой диск с насечкой по периметру. Отличительная особенность заправки – нитями заполняются не все прорези. Текстиль образуется путем перекладывания нитей в пустые прорези. Готовый шнурок выводится в центральное отверстие и подтягивается по мере изготовления снизу. На грузиках «дьякова типа» можно вырабатывать шнуры путем перекладывания нитей в свободные прорези аналогично японскому плетению кумихимо.

Второй способ заправки реконструирован на основе расходящихся от центрального отверстия по радиусам тонких желобков на грузиках, протертых выходившими из отверстия нитями, преломлявшимися под прямым углом. На некоторых грузиках имеются желобки между зубчиками края, которые направляются всегда к центру и составляют продолжение радиально расходящихся желобков у отверстия (Бадер, 1950). Следы потертостей указывают на способ заправки нитей в грузик. Нити пропускаются через центральный канал. От центрального отверстия они расходятся радиально по периметру грузика и заправляются в углубления большого диска (рис. 8). При этом способе заправки грузик удерживается левой рукой, правой рукой производится перекладывание нитей в определенной последовательности. Готовое изделие с плоскости большого диска втягивается внутрь канала.

Еще одна часто встречающаяся археологическая находка на территории Восточной Европы эпохи раннего железа – «рогатый кирпич» или блок из глины квадратной или подтрапецевидной формы с расширенным нижним основанием и вогнутостью на верхнем торце. Повсеместны находки «рогатых кирпичей» на городищах дьяковской, городецкой, юхновской культур, скифских поселениях. Вопрос о назначении этих предметов также является дискуссионным. Наиболее распространена точка зрения, что подобные предметы могли использоваться в очагах в качестве подставок для горшков или для крепления вертелов (Кренке, 2011; Падин, 2004; Сыроватко, 2003). Обнаружение необожженных и не имеющих повторного обжига экземпляров (Сыроватко, 2003, с. 76), позволяет выдвинуть предположение о применении кирпичей в ткацких станках.

Несмотря на отличия находок по пропорциям и конфигурации, конструкция изделий остается неизменной на протяжении веков (Кренке, 2011, с. 73). Из особенности формы кирпичей следует, что их устанавливали на широкий торец. Высота кирпича приблизительно равняется его ширине или может быть чуть меньше. По краям площадки в верхней части расположены выступы, напоминающие рога, послужившие причиной для названия предметов. В середине изделия находится отверстие, которое возможно имело конструктивное значение.

Для реконструкции ткацкого станка была использована форма простейшей рамы для плетения, состоящей из двух параллельных палок, между которыми натягивались нити основы. Способ ткачества на раме с круговой основой использовали все народы на примитивной стадии развития.

Так как кирпичи стоят на горизонтальной плоскости, то и предполагаемая конструкция станка была размещена параллельно плоскости земли. В реконструированном текстильном приспособлении кирпичи используются для образования ткацкого зева, служат для разделения нитей основы на четные и нечетные. Между двумя горизонтальными палками, закрепленными колышками на земле натягиваются нити основы, в образовавшийся зев прокладывается нитеразделитель – палка. Справа и слева от натянутой основы устанавливаются кирпичи, которые соединяются между собой деревянной палкой, закрепленной в центральные сквозные отверстия, не дающей основе провисать до земли.

На верхнюю площадку в углубление между рогами кирпичей укладывается нитеразделитель – палка, которая делит нити на четные и не четные. Таким образом, открывается зев, в который прокидывается уток (рис. 9). Второй зев открывается при помощи нитченки, к которой подвязываются нечетные нити. Нитеразделитель вынимается и укладывается вниз за кирпичи, в результате четные нити основы опускаются на поперечную перекладину. Нитченка поднимается вверх и размещается между рожками на кирпичах (рис. 10).

Пространство между рожками обработано лучше остальных поверхностей кирпичей, зашлифованность могла возникнуть на рабочей поверхности приспособления. Площадка большого размера, расположенная между рожками на некоторых изделиях, возмож-

но, служила для одновременного поднятия нескольких нитченок, требующихся при изготовлении более сложных саржевых переплетений.

Многие исследователи относят текстиль с петлями в начале кромки к выработанному на вертикальном станке, но и на горизонтальном станке данной конструкции также образуются начальные петли. Достаточно после окончания ткачества вынуть каркасные палки, не разрезая нитей основы.

Как на вертикальных, так и на горизонтальных ткацких станках можно было вырабатывать ткани с плетеными кромками. Использование кромок было оправдано целесообразностью придания прочности изделию, так как край одежды наиболее подвержен износу. Кромки выполняли также функцию растягивания ткани в стороны, так как на станке с нитченками без берда нити основы обладают способностью «сбегаться», от чего ширина ткани сужается. Для преодоления этого недостатка применялись специальные кромки, выравнивающие ширину ткани. Текстиль с боковыми кромками можно изготовить на вертикальном станке с пирамидальными грузами, в центральной части которого грузила подвешиваются на несколько нитей для изготовления полотна, по краям на одну нить для производства витой кромки (Савенкова, 2015).

В экспериментальном горизонтальном станке с «рогатыми кирпичами» по краям текстиля полотняного переплетения были закреплены нити с заправленными в них грузиками «дьякова типа». Одновременно выполняется плетение круглых кромок и ткачество полотна, в процессе которого шнуры прикрепляются к ткани утком.

Домашние производства текстиля у населения Восточной Европы конца I тыс. до н.э. – начала I тыс. н.э. развивались в сложной обстановке, в которой главную роль играли процессы культурной и этнической интеграции. Для эпохи раннего железа характерно повсеместное использование керамических предметов в конструкциях текстильных приспособлений. Идентичные универсальные приспособления с керамическими составляющими использовались для выработки текстиля различных переплетений у народов целого ряда археологических культур.

На основе проведенного исследования можно сделать следующие выводы. В процессе эволюции текстильного ремесла происходила не последовательная смена одного вида устройств другим, но различные виды ткацких приспособлений использовались параллельно. Автором представлена оригинальная методика реконструкции орудий текстильного производства, основанная на дизайн-анализе археологических находок. В результате исследования формы керамических изделий удалось реконструировать различные текстильные приспособления, способы и приемы выработки тканей.

ЛИТЕРАТУРА

Бадер О. Н. Древние городища на Верхней Волге // Материалы по археологии Верхнего Поволжья / МИА. № 13 / Отв. ред. П.Н. Третьяков. М.-Л.: АН СССР, 1950. С. 90–132.

Гайдукевич В.Ф. Раскопки в Тиритаки в 1935–1940 гг. // Боспорские города. Ч. 1. Итоги археологических исследований Тиритаки и Мирмекия в 1935–1940 гг. / МИА; № 25 / Отв. ред. В.Ф. Гайдукевич, М.И. Максимова. М.; Л.: АН СССР, 1952. С. 300–317.

Козмирчук И.А., Разуваев Ю.Д. Городище Малый Липяг у с. Крутогорье на Верхнем Дону // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 2 / Отв. ред. А.А. Бессуднов. Липецк: Успех-Инфо, 2001. С. 71–88.

Кренке Н.А. Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н. э. – I тыс. н.э. М.: ИА РАН, 2011. 548 с.

Максимов Е.В. Зарубинецкая культура на территории УССР. Киев: Наукова думка, 1982. 185 с.

Обломский А.М. , Терпиловский Р.В. Поселение Седелки и его место среди памятников позднеримского времени Днепровского Левобережья и лесостепного Подонья. Хлевенский р-он. Липецкой обл. // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тыс. н.э. / Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 12 / Отв. ред. А.Д. Пряхин. Воронеж: ВГУ, 1998. С. 124–156.

Падин В. А. Среднее Подесенье (Трубчевская округа) в VI–V вв. до н.э. – X–XII вв. н.э. по материалам археологических исследований / Очерки по истории археологии Брянской области. Вып. 2. Брянск: Клинц. гор. тип., 2004. 152 с.

Пряхин А.Д., Разуваев Ю.Д. Семилукское городище позднескифского времени на р. Дон (основные результаты раскопок 1984–1993 гг.) // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 4 / Отв. ред. В.П. Челяпов. Рязань: НПЦ, 1995. С. 43–68.

Пузикова А. И. Марицкое городище в Посеймье (VI–V вв. до н.э.). М.: Наука, 1981. 119 с.

Рикман Э.А. Черняховское селище Делакеу X–XIII вв. (Молдавия) // История и археология юго-западных областей СССР начала нашей эры / Отв. ред. Б.А. Рыбаков, Э.А. Сымонович. М.: Наука, 1967. С. 165–196.

Савенкова М.М., Чекменев Ю.А. Реконструкция процесса ручного ткачества и плетения с использованием керамических грузил позднеримского времени // Археологические памятники Восточной Европы. Вып. 12 / Отв. ред. А.Т. Синюк. Воронеж: ВГПУ, 2006. С. 184–195.

Савенкова М.М. Реконструкция технологии выработки текстиля на грузиках «дьякова типа» // Тверской археологический сборник. Вып. 9 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2013. С. 409–417.

Савенкова М.М. Реконструкция процесса ткачества на вертикальном станке с керамическими грузилами // Тверской археологический сборник. Вып. 10. Том II Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2015. С. 140–148.

Сыроватко А.С. Орнаментированные «рогатые кирпичи» с дьяковских городищ Москворечья // РА. 2003. № 2. С. 72–79.

Чернай И.Л. Глиняные грузики городища Марица // А.И. Пузикова. Марицкое городище в Посеймье (VI–V вв. до н.э.). М.: Наука, 1981а. С. 111–120.

Чернай И.Л. Выработка текстиля у племен дьяковской культуры // СА. 1981б. № 4. С. 70–86.

Щербань А.Л. Прядение и ткачество у населения Левобережной Лесостепи Украины VII – начала III в. до н. э. (по керамическим материалам): Дисс. … канд. ист. наук. Киев: ИА НАНУ, 2005 / Архив ИА НАНУ.

Информация об авторе:

Савенкова Марина Михайловна, кандидат искусствоведения, доцент Воронежского государственного педагогического университета (г. Воронеж, Россия); savenkova-m@yandex.ru.

EXPERIMENTAL RECONSTRUCTION OF TEXTILE TECHNOLOGIES OF THE POPULATION OF EASTERN EUROPE IN THE EARLY IRON AGE ON THE BASIS OF DESIGN ANALYSIS OF CERAMIC ARCHAEOLOGICAL MATERIAL

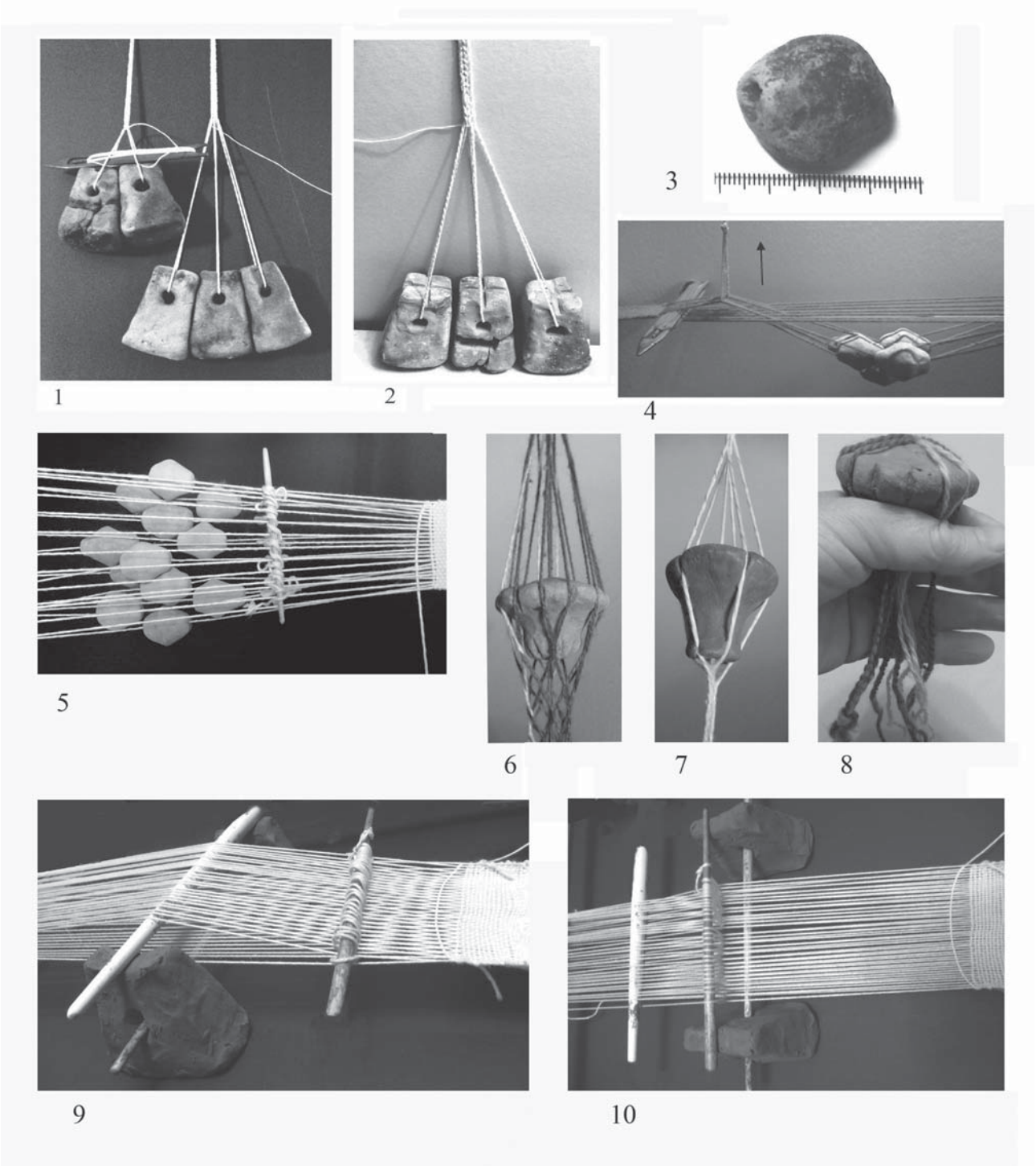
M.M. Savenkova

The paper features an analysis of the following form of archaeological findings corresponding to the Early Iron Age: loom weights, ‘Dyakovo’ weights and ‘horned bricks’ from the perspective of their possible use as constituent parts in textile production, and the authors attempted to reconstruct the process of fabric formation on the basis of the findings.

Keywords: Early Iron Age, loom, archaeological findings, ‘horned bricks’, ‘Dyakovo’ weights, ‘horned bricks’

About the Author:

Savenkova M. M., Candidate of Art Criticism, Voronezh State Pedagogical University, Lenina str., 86, Voronezh, 394043, Russian Federation, E-mail: savenkova-m@yandex.ru.



Илл. 1. Реконструкции приспособлений для выработки текстиля с использованием керамического материала эпохи раннего железа. Станки для плетения шнуров в технике с перевитой основой с пирамидальными грузилами: 1 – крепление на вертикальной плоскости; 2 – расположение на горизонтальной плоскости; 3 – грузик для горизонтального ткацкого станка, лесостепное Подонье, скифское время; 4, 5 – горизонтальный ткацкий станок с грузами.
Станки для плетения шнуров на грузиках «дьякова типа»: 6 – плетение круглых сеток; 7 – плетение шнура; 8 – плетение шнура в технике перекладывания нитей в свободные прорези.
Горизонтальный станок с использованием «рогатых кирпичей»: 9 – образование первого зева; 10 – образование второго зева.

УДК 902/904

СЕТЧАТАЯ КЕРАМИКА

© 2017 г. В.В. Сидоров

Все виды фактуры поверхности керамики, объединяемые в категорию «сетчатая керамика», наносились на уже сформированный сосуд, которому придавалась рябая поверхность. Этот прием не связан с технологией формовки сосуда и является декором. Разные виды штампов использовались в одной культуре и функционально составляют единую группу. Древнейший тип делался зубчатым штампом, позднее появляются естественный штамп, дающий оттиски в виде рядов дуг, и штамп с навитой нитью или шнуром и ряд других штампов. Эта техника декора формируется в волосовской культуре в конце Ш тыс. до н.э., после интеграции в нее пришлых групп, определяемых по фатьяноидной или чирковско-сейминской керамике. Сетчатая керамика применялась у всех прафинских народов и является индикатором связей, охватывающих лесную зону Восточной Европы.

Ключевые слова: сетчатая керамика, технология керамики, классификация, бронзовый век, железный век, волосовская культура, фатьяноидная керамика, дьяковская культура

Сетчатая фактура керамики – рябая фактура поверхности сосуда – легко узнаваемый признак. В Восточной Европе он существует 2,5 тыс. лет в эпоху бронзы и в раннем железном веке. Похожая фактура известна также на неолитической керамике Восточной Сибири и Дальнего Востока, но технология ее там совсем иная: здесь она получается при формовке сосуда выбивкой с применением рифленой или обмотанной шнуром колотушки. Согласованными действиями колотушки снаружи и гладкого камня-наковальни внутри сосуд формуется. Для отпечатков на дальневосточных сосудах характерна повторяемость расстояний между рядами углублений от рельефа штампа-колотушки. При выколачивании нет необходимости (да и возможности) выравнивать поверхности расчесом. Глиняные ленты, жгуты, лоскуты, а также формовка поверхностей расчесом и заглаживанием для этой технологии не требуются. При выколачивании не происходит наложения отпечатков колотушки на предыдущий слой – каждый оттиск дает первичный отпечаток, полностью сминая предшествовавшие. На восточносибирской керамике с нитчатой (Белькачи) и вафельной (Ымыяхтах) фактурой наложение повторных отпечатков не бывает, на восточноевропейской оно обычно.

Европейская сетчатая керамика выполнялась наложением штампов на уже сформованный сосуд, лепленный из лент. При повторяемости оттисков зубцов в разных рядах меняют расстояние и угол между рядами как в полях и полосах, заполненных оттисками зубчатого штампа. Часть таких полей сформирована прокатыванием штампа. Значительная часть сетчатых фрагментов восточноевропейского ареала имеет следы расчеса поверхности внутри, что не совместимо с техникой выколачивания. Отсутствие признаков выбивки сосудов дьяковской культуры показала массовая пососудная разборка керамических коллекций городищ Настасьино (ок.1400 сетчатых сосудов) (рис. 7, 7а), Круглица (рис. 8), Кузнечики, насчитывающих суммарно 150 тыс. черепков. Материалы стоянок эпохи бронзы Липовка1, Песошня 1, Варос, городище Филимоново, Ловцы 1 и 6 на озёрах Неро и Ловецком, Тростенском (Никольская 2) (рис. 3б), Заболотском (Сулать 1, 2, 3) (рис. 6: 3, 4, Удомля (Троица, Стан 1), Еськи на р. Мологе (рис. 5), поселения на Оке тоже дали тысячи фрагментов.

Природа сетчатой керамики может быть рассмотрена по двум направлениям – технологическому и историческому. В первом случае описаны наблюдения как над керамикой эпохи бронзы, так железного века (**как** это делалось), во втором – выясняются условия ее появления и особенности распространения (как это **происходило**).

Классификации фактуры должна выявить способ получения рябой поверхности – реконструировать штампы и способ их применения. Удается заметить повторяющиеся приемы, которые как элемент культуры предполагается использовать для выявления локальных и хронологических особенностей. Фактура на всём сосуде создавалась одним инструментом, и отличия отпечатков в разных частях сосуда показывают вариабельность одного и того же штампа. Один и тот же штамп порой используется для оформления венчика и строчных

орнаментов и сетчатой фактуры. Классифицированным оттискам экспериментально подбираются максимально похожие естественные штампы, но доказывать их тождество можно, только пронаблюдав их варианты. Полная повторяемость видов оттисков в разных регионах доказывает, что использовался какой-то естественный штамп[1].

Термин «текстильная керамика» неудачен. Он строится на умозрительной гипотезе об использовании мягких ёмкостей для формовки в них сосудов (А.Я. Брюсов). Подобная формовка технически возможна, но доказательств ее применения в западном ареале сетчатой керамики не существует. Плетеная емкость имеет свои особенности, никогда не встречаемые на фактуре поверхности сосудов. Древнейшими оказываются сосуды с рябой поверхностью, сформированной зубчатым штампом, а не нитью. Но подобное оформление поверхности характерно и для волосовской керамики. Оттиски нити еще не означают использования текстиля, который представляет собой плетение. При переплетении меняется направление каждой нити, а на керамике с нитчатыми оттисками они после пересечения с другой нитью направления не меняют. Пересечение оттисков нитей – это результат повторных наложений, но не их переплетения. Случайные оттиски тканей, встречающиеся на средневековой и дьяковской керамике, не имеют ничего общего с сетчатой фактурой.

Я использую термин «сетчатая керамика» как условный. Он объединяет все способы создания рябой поверхности сосуда. Более точно было бы – «рябая керамика», но он близко совпадает с одним из терминов видов сетчатой фактуры, введенных В.А. Городцовым (1910). Он разделял сетчатую фактуру на нитчатые (текстильные) и рябчатые (ложнотекстильные) и рогожные. Эти же виды фиксировали И.Г. Розенфельдт (1974) и К.А. Смирнов (1974).

Профиль сосуда криволинеен, и оттиски в разных частях отличаются по направлению, глубине, полноте воспроизведения. Способствует определению природы оттисков то, что оформление сосуда велось ограниченным набором инструментов (обычно одним), и оттиски в разных его частях повторяются, пусть и поставленные под разными углами. Наблюдения необходимо вести над сотнями, лучше тысячами фрагментов, подвергшимся пососудной разборке, чтобы были представлены оттиски от разных частей одного сосуда (в этом и заключается различие в методике моей и Ю.Б. Цетлина, работающего с отдельными черепками).

Фактура сетчатой поверхности однородна на каждом сосуде. Зубчатые, щепочные, нитчатые, рябчатые (скобчатые), бобовидные, точечные и рогожные фактуры никогда не сочетаются друг с другом. Может меняться густота оттисков и незаполненных пятен, зоны расчеса, наклон и повторность оттисков, выдерживаться определенная орнаментальная упорядоченность оттисков и их полей – в один слой выше максимального диаметра, многослойно – внизу, глубина вдавливания (а с ней и размер оттиска), но не виды оттисков. Достоверно определить тип сетки не всегда возможно, но это связано с сохранностью поверхности черепка. Это не промежуточная группа, а просто не информативная, и ее стоит исключить из статистических оценок (то есть количество неопределенных отражает только сохранность поверхности черепка). Заглаживания сетчатой фактуры не делалось.

Подавляющее большинство сетчатых сосудов эпохи бронзы имеет фактуру поверхности, выполненную тем же самым узким гребенчатым оттиском, каким орнаментирована полоса по венчику и плечику. М.Г. Косменко (1996а) определяет их как твердый штамп, наиболее вероятно – деревянный. Ни одного каменного и костяного штампа в комплексах сетчатой керамики не найдено, даже в тех, где гребенчатый геометрический орнамент занимает значительные площади сосудов. Встречаются участки оттисков, поставленных группами подряд (полями), но при этом расстояние между повторяющимися группами (цепочками) углублений (зубцов) меняется. Оттиски ставятся сериями – под одним углом, в том числе ритмично – ромбами, зигзагом, паркетно (то есть группы оттисков располагаются перпендикулярно друг другу), но также и хаотично, и с переходом в расчес поверхности, выполнявшийся этим же штампом.

Густое заполнение поверхности узким гребенчатым штампом, аналогичное ранней сетчатой керамике, изредка встречается на волосовской посуде (Ловецкая 1 на р. Саре) (рис. 2). Когда такой сосуд входит в мешаный комплекс, определить его принадлежность к волосовской или сетчатой керамике затруднительно (Еськи на р. Мологе) (рис. 2а, 5; 6: 1, 2).

[1] Из массива керамики отбираются фрагменты конкретных сосудов, не обязательно аппликированные: для этого достаточно особенностей теста, обработки поверхности, штампов.

Древнейшая сетчатая керамика Волго-Окского бассейна, Прибалтики и Карелии делалась тем же зубчатым штампом, что и орнамент (а также расчес поверхности). Эта фактура – плотное заполнение широких полей оттисками, установленными под одним углом, но поля местами налагаются друг на друга. Лепные сосуды имеют неровную поверхность. Вмятины трактуются как следы колотушки. Но как раз во вмятинах обычно отсутствуют оттиски сетчатой фактуры, которые четко читаются на выпуклых участках. С колотушками вмятины не связаны. Если штамп плоский, а не линейный, то оттиснуть его в вогнутых поверхностях шейки сосуда затруднительно. В этом случае отсутствие оттиска показывает, что сетчатая фактура ставилась уже по полностью сформированной поверхности, так что вдавливание поверхностно, оно не вело к деформации стенок. Сосуд был не только сформован, но и слегка подсушен. После орнаментации и нанесения рябой фактуры никакой подправки формы поверхности уже не допускалось.

Нитчатая керамика появляется на Верхней Волге позднее – это оттиски штампа, обмотанного нитью (тонким шнуром). Нити разной толщины – от 1 до 5 мм. Замерять толщину не рационально – она очень зависит от того, как глубоко в глиняное тесто был утоплен шнур.

Нитчатые оттиски на дьяковской керамике разнообразны. Нитка может быть разной толщины, плотности кручения, глубины оттискивания, степени натяжения, в том числе на одном сосуде. Это естественно – характер рыхлой нити (из неплотной пряжи) может меняться по ходу кручения. Б.А. Фоломеев (1998) разделял правое и левое кручение нитей, считая этот признак хронологическим индикатором. Классифицировать оттиски по характеру нити можно только в крайних позициях – очень тонкие и очень толстые, что несет информацию о характере пряжи, но не орнамента.

Вопросом является способ оттискивания нитей. Это может быть круглый стержень с поперечной или косой навивкой разной плотности. Такой штамп можно прокатывать по поверхности, получая параллельные оттиски нитей. Может использоваться плоская дощечка, обмотанная шнуром – она оставит группы повторяющихся параллельных оттисков шнура. Таким же плоским инструментом для оттискивания нитей оказывается ладонь, обмотанная шнуром. При этом натяжение нитей на ней может быть переменным и неравномерным (отдельные витки не параллельны, образуют фестоны). В некоторых случаях можно говорить об отрезках нитей, порой весьма длинных – на большую часть высоты сосуда, утопленных в глину. Они не извлекались из сосуда после сушки, а выгорали. Это обычно, довольно толстые шнуры, края которых нависают над дном оттиска. Речь идет не об обматывании сосуда нитями, что вызвало бы его деформацию, особенно венчика, а именно об утопленных в глине декоративных шнурах.

Рябчатая фактура – цепочки скобчатых углублений, ориентированных одинаково. При одинаковой форме размер их различен. Материал явно растительного происхождения, возможно, ставился прокатыванием или сблокирован. К ним примыкает группа оттисков с прямым неровным краем, похожих на оттиск торца щепки, а также из цепочек мелких щелевидных ямок. Особую узнаваемую группу составляют бобовидные оттиски, нанесенные более мягким штампом.

Техника нанесения рябчатой фактуры достоверно не определена. Способ нанесения рябчатой фактуры тот же, что у нитчатой, не отличаются размеры, формы, глубина, комбинирование с рисующим орнамент штампом. Б.А. Фоломеев (1998) и В.С. Патрушев (1989) разработали классификацию рябчатых оттисков, но это только уточнило описание, не добавив понимания характера этого штампа. В разные классы попадают оттиски, входящие в один штамп, встреченные на одном сосуде, по-разному оттиснутые.

Интересный случай имитации сетчатой фактуры встречен на городище Мутенковское под г. Каширой. Поверхность сосуда неравномерно истыкана острием. Здесь в нижних слоях сетчатая керамика отсутствует – она появляется в средних слоях как результат контактов с дьяковской культурой и количество ее возрастает в верхнем слое.

Экспериментальные поиски естественного орнаментира строятся на повторяемости деталей оттисков на самых разных памятниках – это предполагает именно естественный характер штампа. Экспериментальные образцы, полученные А.А. Бобринским (2006, с. 413–421) при выколачивании с прокладкой из стенки желудка жвачных (рубца), напоминают некоторые реальные черепки, но такие образцы крайне редки. О.А. Лопатина (2002, с. 494, 495) предложила использование вылущенной еловой шишки с прокатыванием по сосуду как штампа. Но несмотря на то, что

сходство в отдельных случаях есть, результат неустойчив: состояние шишек, их чешуек очень разное, гораздо разнообразнее того, что мы видим на керамике. Большинство шишек не дают похожих оттисков. То есть должны были бы использоваться шишки строго в определенном состоянии (зрелость, сухость). Эксперименты со стержнями шишек, оставшихся после шелушения их белкой, дали значительно больше случаев совпадений, но далеко не большинство. Многие детали рябчатых оттисков не объяснены и не зафиксированы. Но даже выявляемое сходство отдельных оттисков не является доказательством: необходимо, чтобы оно носило системный характер, объясняло бы наличие вариантов. Угол отклонения скобчатых оттисков в пределах одного ряда постоянен, повторяется скобчатая форма, расслаивание ее, но разнообразны размеры. Сериями встречается волнистый характер строчек скобчатых оттисков, никак не восходящий к огрызку шишки.

Другой, более мягкий материал, но тоже естественный и с прокатыванием, использовался в виде штампа, оставившего относительно крупные бобовидные ямки, характерные для позднего сетчатого комплекса городища Настасьино (рис. 7, 7а). Встречаются такие оттиски на сетчатой керамике каширских городищ. Часто такая сетка на городище Настасьино ставится на горло горшка с двух сторон, то есть фактически внутри сосуда. Все подобные сосуды профилированы, с высоким горлом, что указывает на относительно поздний возраст (1–3 вв. н.э.). Каширские не имеют такой профилировки и относятся к нижней части среднего слоя (6–5 вв. до н.э.) (Сидоров, 2004; Лопатина, 2005). То есть использование естественных штампов не дает оснований для датировки.

«Щепочные» оттиски в дьяковской керамике включаются в тип рябчатых. Иногда оттиск напоминает щепку с неровным краем, оставляющим острые зубцы разного размера. Они учитываются среди дьяковских рябчатых. На памятника Москвы-реки редки, но преобладают на городищах Верхней Волги.

Сетчатые оттиски ставятся также на плоском горизонтальном верхнем срезе венчика в том случае, если не используется какой-то иной орнамент верхнего обреза. Они заполняют внешнюю поверхность, встречаются также на дне как снаружи, так и внутри.

С рябчатой фактурой сочетается использование как орнаментира «розетки» (интерпретируемые иногда как оттиски узла), которая включает такие же, как у рябчатой фактуры, полулунные оттиски. Возможно, это тот же самый штамп, но в свернутом виде, оттиснутый торцом.

«Рогожный штамп» – это не рогожа, как предполагал В.А. Городцов; штамп не имеет волокнистой структуры. И не резная колотушка, прокатываемая по поверхности, как предполагает Ю.Б. Цетлин (2008). Боковые стороны квадратиков оттисков всегда вогнутые, то есть оставлены эластичным материалом. Если это луб, кожа, то натяжение полосок луба слабое – стороны прямоугольных оттисков, составлявших штамп, прогибаются. Оттиски плетеной бересты есть на донышках льячек, они не растягиваются, и переплетение их не вызывает никаких сомнений и не тождественны «рогожным» оттискам.

Одновременное существование в одной культуре разных типов сетчатой фактуры, использование разных сетчатых фактур для одинаковых форм сосудов, сочетание их с одинаковыми орнаментами показывает, что мы имеем дело с разными формами одного явления и рассматривать их надо вместе. Вместе с сетчатыми используются сосуды со штрихованной и гладкой поверхностью.

Орнаментация поверхности дна с двух сторон встречается у поздняковской и сетчатой керамики (рис. 3а, 7), но она делалась или наколами, ямками, или зубчатым штампом. Дьяковская сетчатая орнаментация дна дает ключ для понимания техники нанесения рябчатых отпечатков. Почти всегда она очень четкая и нанесена без повторов, в один слой (рис. 8). Её нанесение на дно не ведет ни к какой деформации, то есть оно наносилось на плоский диск начина донышка, никогда – на донно-ёмкостный начин. Диск дна, орнаментированный сеткой обычно с двух сторон, сохранил четкость отпечатка и после того, как на нем сооружен весь сосуд, то есть он был достаточно твердым. Первая лента стенок устанавливалась на диск, в желобок, смоченный жидкой глиной, и примазывалась к дну без повреждения сетчатой фактуры. Ширина полосы заглаживания – ровно в палец. Эта полоска не пересекается сетчатыми оттисками, никаких следов соприкосновения со штампом нет на основании стенок. То есть вся обработка донышка штампом была проведена до монтажа стенок.

Оттиски нитей дали основание для введения термина текстильная керамика. И.Л. Чернай (1981) пытался реконструировать сами текстильные материалы на основании

нитчатых оттисков на дьяковской керамике. Н.А. Кренке (2011) принимает опыты И.Л. Черная за доказательные. Но пересечения нитей как результат наложения штампа, обмотанного нитью, на «текстильной» керамике есть, а переплетений не обнаруживается.

Нитчатые оттиски в фактуре поверхности на поселениях эпохи бронзы на верхневолжских поселениях редки (1–2%). Они отсутствуют на сосудах, сохраняющих черты фатьяноидной (сейминской) керамики, в том числе на сосудах с примесью раковины нитчатая фактура отсутствует.

Значительно чаще нитчатая фактура встречается на окских поселениях[2]. Возможно, это связано с наследием верхнеднепровской (дубровичской) лапчатой традиции[3] (рис. 4, 4а), но переход к сетчатой посуде здесь произошел позднее, чем на Волге. Сетчатая посуда встречается в поздняковских комплексах, но как показатель контакта с миром такой традиции. На Средней Оке в течение второй половины II тыс. до н.э. продолжается развитие поздняковской культуры, трансформировавшейся под влиянием воронежской культуры в бондарихинскую. Памятники этого времени с сетчатой керамикой, однако, существуют и на Верхней Оке (вплоть до Белёва).

В Волго-Окском междуречье и Заволжье лапчатая керамика встречается в единичных группах (максимум ее в Языково, есть в верхнем слое Полецкой в верховье р. Нары, на озерах Центральной Мещеры в системе р. Пры). На Оке она встречается крупными поселениями: Большой Лес у г. Белоомута, Ибердус 1 у Касимова (Сидоров, 2003). Оттиски перевитого шнура наносились не только углом, но и плашмя, создавая поле заполнения поверхности. Прокатывание такого штампа могло бы давать нитчатый вариант сетчатой фактуры. Простые шнуровые оттиски тоже использовались в орнаменте, но фактуры фона (заполнения поля вне орнамента) не образовывали.

Поселение Дубровичи у г. Рязани (раскопки В.П. Челяпова, 2008 г., В. Конова, 2012 г.) показало, как комплекс лапчатой керамики трансформируется под воздействием иванобугорской. Значительная часть керамики становится тонкостенной, в орнаменте используется угол и торец перевитого шнуром штампа, но он не образует полей ямок, а воспроизводит мотивы воронежской керамики. Шагарская культура – это смешение ее с волосовской, но волосовская примесь в Дубровичах малозначительна.

Сосуды, характерные для эпохи бронзы, имеют плавный переход от дна, так что внутреннее пространство имеет округлое (или яйцевидное, параболоидное) сечение, даже при плоскодонности. Стенки креплены дополнительным вмазыванием дополнительного жгута на стык дна и стенок.

Откуда возникла традиция сетчатости? Д.А. Крайнов в ямочных орнаментах отнюдь не самых ранних сетчатых сосудов видел продолжение традиций ямочно-гребенчатой керамики, ранее тысячу лет никак себя не проявлявшей, и усматривал в неровной поверхности редкоямочных сосудов проявление сетчатости фактуры (Крайнов, 1991, с. 66–72). Не более реалистично предположение о заимствовании из ранненеолитической Сибири. Даты около 3900 л.н. сетчатой керамики Лубанской низменности позволяли предполагать здесь источник диффузии, тем более что на Валдае была зафиксирована вполне прибалтийская сетчатая керамика (Лозе, 1979), но становление самой традиции это не объясняло. Далее появились серии дат сетчатой керамики начала П тыс. до н.э. в Верхнем Поволжье (Песошня 1) (Воронин, 2013).

Центра возникновения сетчатой керамики не было, как и миграций из такого центра. Сама модель центричности архаичных культур не представляется реалистичной, так как никаких инструментов влияния какой-либо культуры на полностью независимые общности не просматривается. К тому же хаотичные связи, пронизывавшие Русскую равнину, делают центрические модели излишними. Они возникают в головах исследователей, а не в археологическом материале как аберрация аналитического мышления, требующего постоянства и определенности элементов анализа, в том числе подхода к археологической культуре как гносеологической категории. Но комплекс – это след конкретной

[2] Нитчатая фактура – хаотично расположенные изогнутые оттиски толстых нитей есть на сосуде с яйцевидным туловом и высокой прямой шейкой, который может быть отнесен к примокшанским из комплекса Логинов Хутор (Попова, 1974) – древнейшем поздняковском памятнике (современная датировка), конец III тыс. до н.э.

[3] "Лапчатый" штамп представлял собой стержень, на который плотно навит тонкий шнур так, что конец стержня почти всегда торчит из обмотки, первые витки пересекаются, а далее плотно уложены параллельными витками, ставится обычно наклонно, углом, но могут и торцом, и боком, без острия.

живой культурной среды, не признававшей жесткого разграничения культур. Пронизывающие лесную зону связи с середины II тыс до н.э. показывают свободное просачивание любых признаков по всей территории, где такие связи поддерживались.

Близость форм, одинаковая направленность развития сетчатой керамики во всей ее области показывает существование общности, в пределах которой циркулировала информация, то есть единство культуры, наличие интеграционных процессов. Единство – налицо. Но для определения локальной специфики требуется знать обстоятельства возникновения этого единства. Во второй половине III тыс. до н.э. вся область была занята волосовской культурой. Вторжения фатьяновцев никак не сказались на ней – культурное взаимодействие их отсутствовало. Фатьяновцы так и не закрепились в лесной зоне. В Волго-Окском междуречье они занимали экологическую нишу, не востребованную волосовцами – луговые поймы малых рек. Кости домашнего скота найдены в могилах, есть медные украшения и оружие, но рабочий инструмент оставался каменным. На их костяных изделиях есть только следы кремневых скребков. Фатьяновская культура оказалась не приспособлена к условиям лесной зоны и не закрепилась здесь.

Но в конце III тыс. до н.э. облик волосовской культуры начинает быстро меняться под влиянием контактов с лесостепными культурами. Вероятно, это были брачные связи, но не миграции и набеги. Где-то на территории волосовской культуры мигранты все же осели. Так, шагарская культура – это, видимо, небольшой регион, захваченный примокшанской культурой (рис. 3б) (Челяпов, 1993). Волосовская культура уходит с Оки (Ибердус 1) – здесь прочно обосновалась имеркская, которую теснит примокшанская.

Около 22 в. до н.э. по волосовской территории рассеяна вышедшая с Оки группа, узнаваемая по фатьяноидной керамике (рис. 3, 3а). Её можно именовать и чирковско-сейминской, и просто сейминской. А.Х. Халиков (1960) обозначил этот компонент в чирковско-сейминской культуре как «керамику типа Сейминской дюны». Но в ее основе нет волосова и фатьяновской, как предполагал Б.С. Соловьев (2000). Ее родственные связи на юге – примокшанская и балановская, но в лесной зоне она появилась именно на волосовских стоянках. С Оки её вытеснила, но и частично ассимилировала поздняковская культура, имевшая корни в культурах Дона (среднестоговская, репинская, катакомбная) (Сидоров, 2014). В отличие от катакомбной – это культура земледельцев, и именно в таком качестве они заняли берега Оки. Часть людей с фатьяноидной (сейминской) керамикой вошла в их состав, но большая часть ушла в леса и оказались среди волосовцев, где мы их узнаем по фатьяноидной керамике. Эта же культура восточнее определяется как чирковско-сейминская, здесь она смешивается с балановской, что хорошо видно на Васильсурском городище (Халиков, Халикова, 1963).

Необходимо отметить, что средневолжское и волго-окское волосово – это разные культуры, разного происхождения, но длительно контактировавшие. И именно с момента расселения фатьяноидов волосовская культура меняются так, что мы перестаем ее узнавать. Меняется и каменная техника. Это естественно: мигранты хорошо знакомы с металлом. Меняется образ жизни, видимо, с появлением скотоводства. Но территория и система связей остаются те же – волосовские (рис. 1).

Меняется и керамика – появляется выделенное горло. Технология керамики как у фатьяноидов – сосуды тонкостенные, с раковиной в тесте, но без птичьего пуха. Орнаменты горла как у фатьяноидов (рис. 3), но попроще. А вот тулово становится сетчатым. Дело в том, что в традиции, от которой развивалась фатьяноидная керамика, орнамент на тулове ниже плечиков не полагался, а у волосовцев – весь сосуд надо «одеть» орнаментом. Видимо, появление сетки – это компромисс между этими культурами: бессмысленного (с точки зрения фатьяноидов) орнамента на тулове нет, и пустота не раздражает аборигенов. Сетчатая керамика стала общим свойством посуды лесной зоны.

Следующий шаг – проникновение в лесную зону поздняковской культуры (Сидоров, 2014). Видимо, им дорогу проложила в леса породненность с фатьяноидами. К тому же они были не только земледельцы, но и скотоводы, а скотоводство в ранних формах более приспособлено к лесной зоне. Поздняковские группы, породненные с лесными племенами через фатьяноидный компонент, проникают, располагаясь в волосовской среде, вплоть до Волги (Сокольская 2 в Костромской низине). Но облик их поселений иной, не земледельческий – они не столь капитальны, располагаются в борах на неплодородных почвах, у них отсутствуют зернотерки. В их культуре уже есть абашевские и срубные черты и, конечно,

происходит смешение с культурой сетчатой керамики. По-видимому, именно с момента переселения в леса некоторых поздняковских общин на Оке, в свою очередь, появляются поселения с сетчатой посудой. Таким образом, воспроизведение старой системы родственных связей в лесной зоне включило в них еще и поздняковцев. Сетка появляется и на Оке, и к югу от Оки. И здесь вполне земледельческое поселение исследовано под Каширой – Колтово 7 (Сидоров, 1999). Оно уже не поздняковское, а сетчатое, но с отдельными поздняковскими сосудами.

Сетчатая керамика – основной признак культур, в основе которых лежит пласт волосовской общности. Там, где нет волосовской подосновы, в постпоздняковских комплексах аким-сергеевского и бондарихинского типов не возникает и сетчатой керамики. В железном веке – это территория культур дьяковской, городецкой, лууконсаари (в Финляндии и Карелии) (Косменко, 1996б). Это территории волжско-окских финнов: мордвы – эрзи и мокши, мари, мери, а также муромы, мещеры, но и прибалтийских финнов: вепсов, карел, ливов, ижоры, эстонцев, суоми. Не сохранилось имя туземцев Валдая, тоже связанных с прибалтийскими культурами с начала неолита, если не раньше. Мы не знаем этнонима дьяковцев. Это не меря: существует граница между дьяковской культурой и памятниками восточнее – в Ярославской, Костромской, Ивановской областях. Культуры камско-волжского происхождения можно называть финно-уграми (Напольских, 1997). В их основе ананьинская и пьяноборская культуры – удмурты, коми, возможно, чуваши до того, как были тюркизированы. Прямо и однозначно связывать археологические культуры эпохи бронзы с этнографическими реалиями XV–XIX вв. нет возможности. В первые века н.э. происходило формирование этнополитических союзов с переориентацией направлений связей. Но колебания этого времени вокруг систем родственных связей частично воспроизводят картину этнических связей многотысячелетней давности.

ЛИТЕРАТУРА

Бобринский А.А. Данные технологии о происхождении гончарства // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. Памяти И.Б. Васильева (1948-2004) / Отв. ред. И.Н. Васильева. Самара: НТЦ, 2006. С. 413–421.

Городцов В.А. Бытовая археология: Курс лекций, читанных в Московском Археологическом Институте. М.: Тип. А.И. Снегиревой, 1910. 474 с.

Воронин К.В. Комплексы бронзового века поселений Песочное 1 и Дмитриевская слобода 2 // Тверской археологический сборник. Вып. 9 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада,2013. С. 329–344.

Косменко М.Г. Культура сетчатой керамики // Археология Карелии / Отв. ред. М.Г. Косменко, С.И. Кочкуркина. Петрозаводск: КНЦ РАН, 1996а. С. 185–215.

Косменко М.Г. Культура лууконсаари // Археология Карелии / Отв. ред. М.Г. Косменко, С.И. Кочкуркина. Петрозаводск: КНЦ РАН, 1996б. С. 238–252.

Крайнов Д.А. К вопросу о происхождении культур с ямочно-гребенчатой керамикой// Археология Верхнего Поволжья. Вып. 1: Материалы к Своду памятников истории и культуры РСФСР / Отв. ред. Ф.В. Васильев. Нижний Новгород: НГГУ, 1991. С. 66–72.

Кренке Н.А. Дьяково городище: Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М.: ИА РАН, 2011. 546 с.

Лозе И.А. Поздний неолит и ранняя бронза Лубанской низины. Рига: Зинатне, 1979. 204 с.

Лопатина О.А. Некоторые особенности технологии керамического производства населения городища дьяковской культуры Настасьино // Тверской археологический сборник. Вып.5 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ, 2002. С. 494–502.

Лопатина О.А. 2005. Керамика Старшего Каширского городища и её культурно-хронологический контекст // II Городцовские чтения: МНК, посвященной 100-летию деятельности В.А. Голродцова в ГИМ (апрель 2003 г.) / ТГИМ; Вып. 145 / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М.: ГИМ, 2005. С. 216–226.

Напольских В.В. Введение в историческую уралистику. Ижевск: УдмИИЯЛ, 1997. 268 с.

Патрушев В.С. У истоков волжских финнов. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1989. 124 с.

Попова Т.Б. Исследование памятников эпохи бронзы на Канищевских дюнах под Рязанью // Археология Рязанской земли / Отв. ред. А.Л. Монгайт. М.: Наука, 1974. С. 222–235.

Розенфельдт И.Г. Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура / Отв. ред. Ю.А. Краснов. М.: Наука, 1974. С. 189–197.

Сидоров В.В. Мутёнковское городище // Археология Подмосковья. Вып. 1 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2004. С. 108–127.

Сидоров В.В. Колтово 7: комплекс эпохи бронзы // Тверской археологический сборник. Вып. 6. Т. I / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2006. С. 343–349.

Сидоров В.В. Керамика поселения Ибердус 1 (из раскопок Б.А. Куфтина) // Археология восточноевропейской лесостепи: Сб. материалов. Всерос. науч. конф., посвященная 100-летию со дня рождения А.Е. Алиховой / Отв. ред. Г.Н. Белорыбкин, В.В. Ставицкий. Пенза: ПГОКМ, ПГПУ, 2003. С.179–195.

Сидоров В.В. Поздняковская культура // Тр. IV (XX) Всероссийского археологического съезда. Т. 1 / Отв. ред. А.Г. Ситдиков и др. Казань: Отечество, 2014. С. 646–649.

Смирнов К.А. Дьяковская культура: (Материальная культура городищ междуречья Оки и Волги) // Дьяковская культура / Отв. ред. Ю.А. Краснов. М.: Наука, 1974. С. 7–89.

Соловьев Б.С. Бронзовый век Марийского Поволжья / ТМАЭ. Т. VI. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2000. 264 с.

Фоломеев Б.А. Фактура текстильной керамики бассейна Средней Оки // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 7 / Отв. ред. В.П. Челяпов, В.В. Судаков. Рязань: НПЦ по ОИПИКРО, 1998. С. 79–105.

Чернай И.Л. Выработка текстиля у племен дьяковской культуры (по материалам Селецкого городища) // СА. 1981. № 4. С. 70–86.

Халиков А.Х. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы / ТМАЭ. Т. 1. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1960. 187 с.

Халиков А.Х., Халикова Е.А. Васильсурское поселение эпохи бронзы // Труды Горьковской археологической экспедиции: Археологические памятники Верхнего и Среднего Поволжья / МИА. № 110 / Отв. ред. П.Н. Третьяков. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 239–268.

Цетлин Ю.Б. Неолит центра Русской равнины. Орнаментация керамики и методика периодизации культур. Тула: Гриф и К, 2008. 352 с.

Челяпов В.П. К вопросу о памятниках примокшанского типа// Археологические памятники Среднего Поочья. Вып.3 / Отв. ред. В.П. Челяпов. Рязань: НПЦ по ОИПИКРО, 1993. С. 14-19.

Информация об авторе:

Сидоров Владимир Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела сохранения археологического наследия, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); gav-lupus@rambler.ru

TEXTILE CERAMICS

V.V. Sidorov

All types of the ceramic surface textures classified into a single category of ‘textile ceramics’ were applied to previously formed vessels, which was treated to obtain a pitted surface. This technique is not related to the vessel forming technology and represents decoration. Various types of stamps were used within an individual culture, constituting a single group in terms of their function. The oldest type was crafted with a toothed die, whereas a natural die which allowed to obtain imprints in the form of rows of arcs, a die with a wound thread or cord, and a number of other dies were introduced in a later historical period. This decoration technique was established in the Volosovo culture in the late 3rd Millennium B.C. after the integration of foreign groups determined on the basis of Fatyanoid or Chirkovsko-Seyminsky ceramics. Textile ceramics was used by all Pra-Finnish peoples, representing an indicator of the relations stretching across the forest zone of Eastern Europe.

Keywords: textile ceramics, ceramics technology, classification, Bronze Age, Iron Age, Volosovo culture, Fatyanoid ceramics, Dyakovo culture

About the Author:

Sidorov Vladimir V. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; gav-lupus@rambler.ru

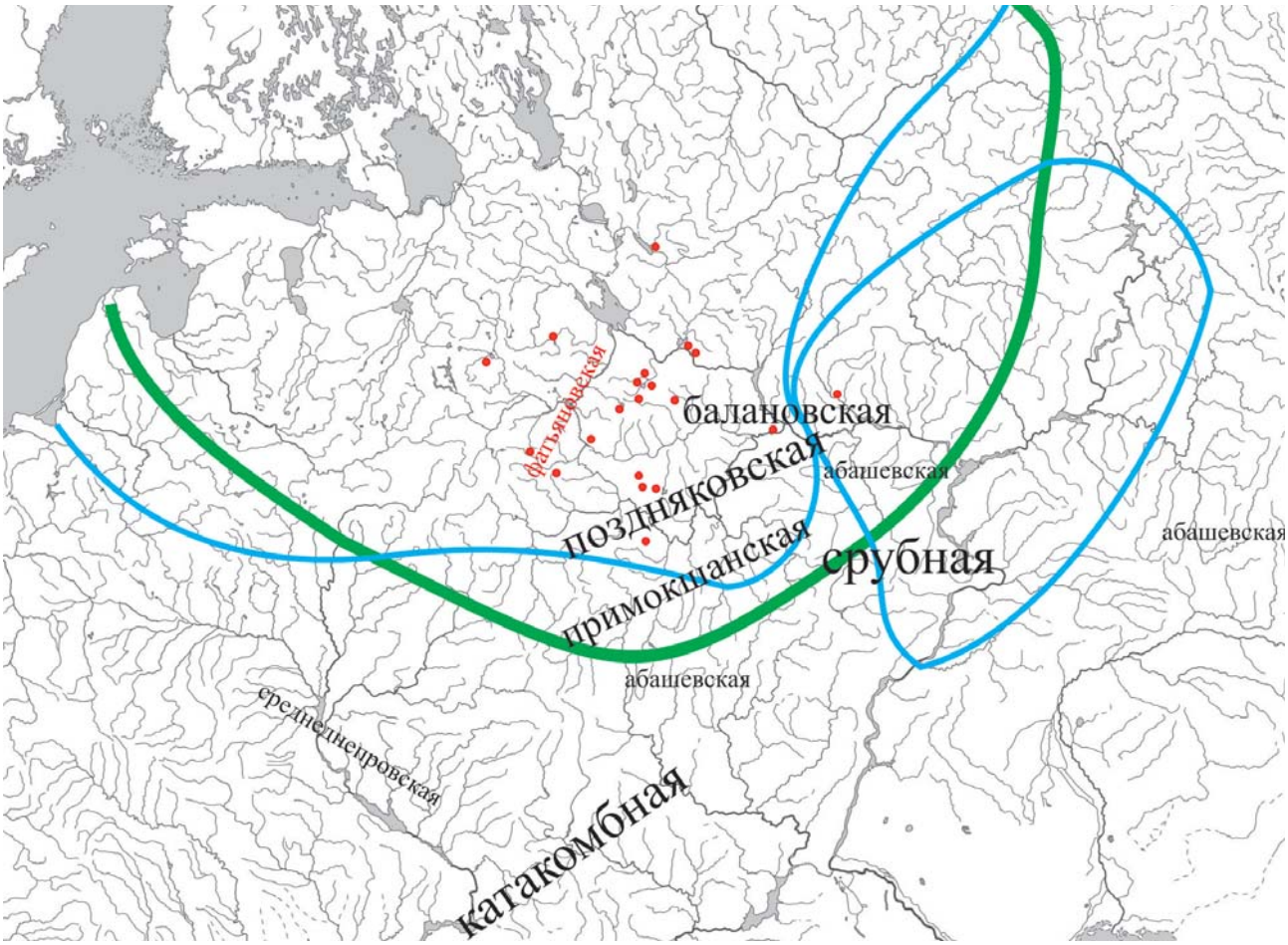


Рис. 1. Культуры сетчатой керамики эпохи бронзы.

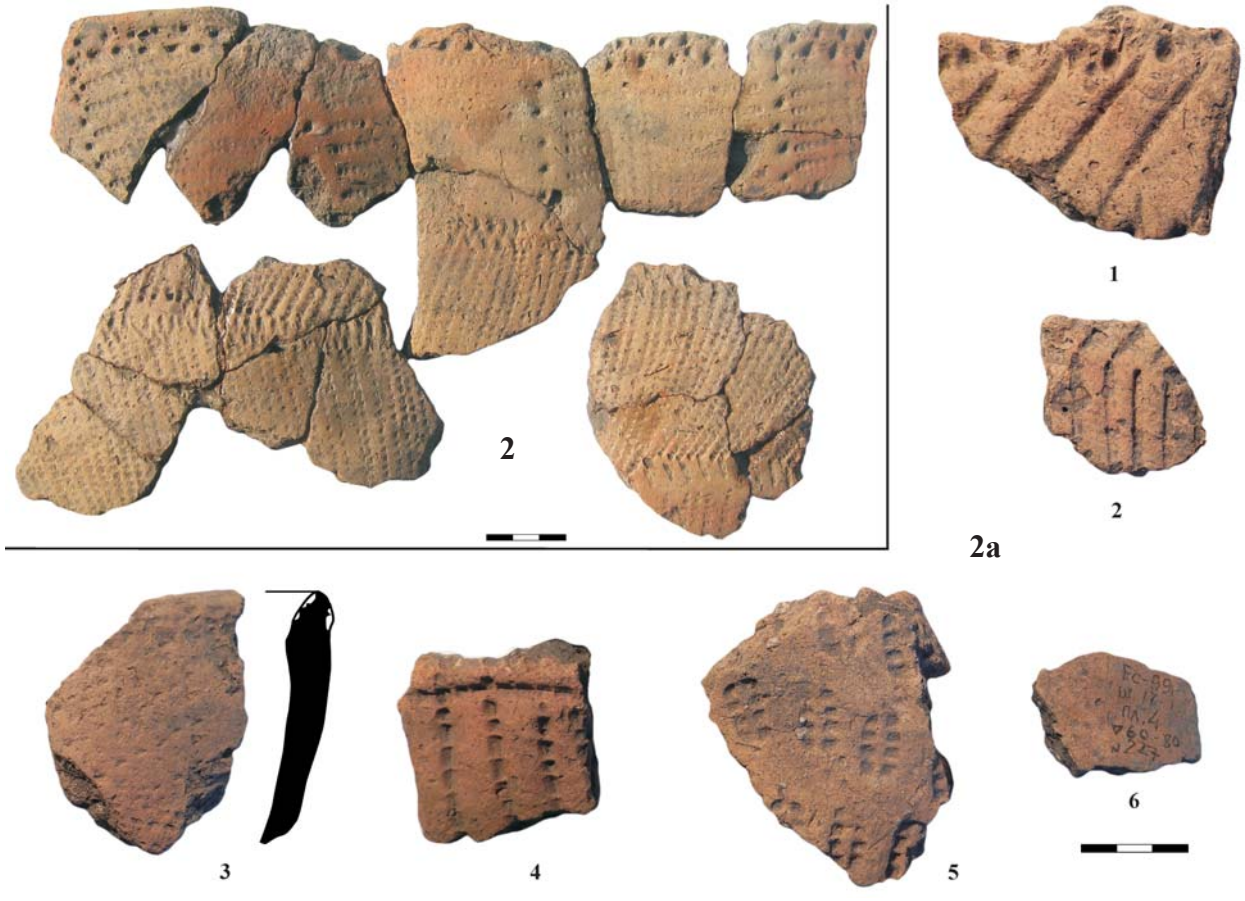


Рис. 2. Волосовская керамика с густой гребенчатой орнаментацией; 2а**.** волосовская керамика, Еськи. .

Рис. 3. Фатьяноидная (сейминская) керамика. 3а – фатьяноидная керамики поселения Сулать. рис. 3б – Фатьяноидная керамика (Никольская 2) и примокшанская (Логинов хутор).

Рис. 4, 4а. Лапчатая (верхнеднепровская) керамика верхнего слоя Маслово Болото 4.

Рис.5. Еськи Сетчатая керамика.

Рис.6. Гребенчатая сетка. Еськи (1,2) и Сулать (3,4)

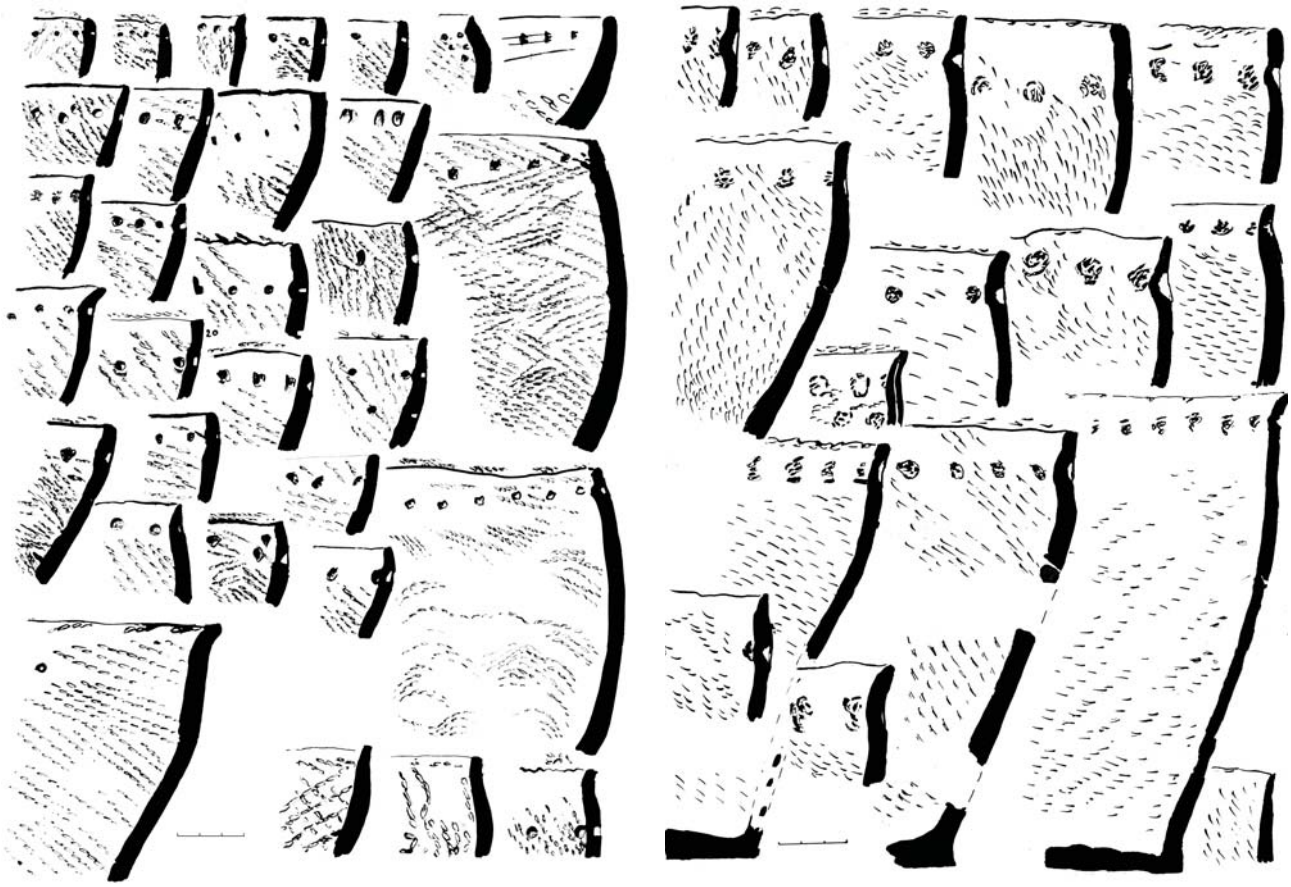


Рис.7. Дьяковская керамика нитчатая и рябчатая. Настасьино

Рис. 8. Донышки с двухсторонней орнаментацией. Городище Круглица

УДК 902/904

О ЕЛОВОЙ ШИШКЕ, СЕТЧАТОЙ КЕРАМИКЕ И ПЕРЕМЕНАХ КЛИМАТА

© 2017 г. А.С. Сыроватко

В статье рассматривается гипотеза О.А. Лопатиной о том, что один из видов сетчатого отпечатка на керамике дьяковской культуры мог наноситься путем прокатывания сердцевины еловой шишки по поверхности сосуда перед обжигом. Автор отмечает, что для дьяковских поселений на Средней Оке и в низовьях Москвы-реки, где ель встречается редко, керамика с отпечатками этого типа распространяется с началом субатлантического периода и выходит из употребления в последние вв. до н.э. Таким образом, ее распространение совпадает с т.н. похолоданием раннего субатлантикума (ESA). Делается вывод о возможной взаимосвязи между распространением керамики этого типа и колебаниями ареала ели, сдвинувшего свою границу на юг в холодный ранний субатлантический период.

Ключевые слова:дьяковская культура, Средняя Ока, Москва-река, еловая шишка, ареал ели

В более чем столетней истории изучения сетчатой керамики дьяковской культуры совсем недавно случилось очередное событие. Речь идет о выдвинутой О.А. Лопатиной (2015) версии, согласно которой, по крайней мере, одна из групп сетчатых отпечатков наносилась на поверхность сосуда путем прокатывания сердцевины еловой шишки, предварительно ошелушенной. По мнению автора гипотезы, чешуи шишки могли удаляться человеком или грызунами, и следы на поверхности сосудов в этом случае различались. Эксперименты довольно убедительно продемонстрировали сходство с отпечатками, которые в литературе имеют разное название – «ногтевые», «полулунчатые», «двойной штрих», «рябчатые» с «мелкоячеистой фактурой» (Чернай, 1981; Фоломеев, 1998; Сыроватко, 2009; Сидоров, 2009). Сетчатые отпечатки этого типа (пример их показан на рис. 1) распространены не повсеместно. Еще К.А. Смирнов отмечал, что для Средней Оки вообще наиболее характерными являются «текстильные» («нитчатые») типы, в то время как для Верхневолжского региона типичны «рябчатые»(Смирнов, 1991). Наши сравнительные наблюдения за коллекциями керамики с памятников р. Оки и Верхней Волги подтверждают этот вывод, больше того, «мелкоячеистые рябчатые» отпечатки (так и хочется назвать их еловошишечными) типичны именно для Верхней Волги и Москвы-реки, хотя это далеко не единственная фактура отпечатка, встречающаяся в этих регионах (Сыроватко, 2009,с. 118–123). На памятниках Средней Оки и в низовьях Москвы-реки этот тип отпечатка также встречается. Однако его употребление довольно ограничено – на «коломенских» поселениях керамика с отпечатками этого типа сменяет керамику типа Климентовской стоянки (с «нитчатым» отпечатком), приблизительно в VII–VI вв. до н.э., а уже в конце III–IIв. до н.э. в комплексах начинает преобладать керамика с «нитчатым» отпечатком.Выше устья р. Осётр, на «каширских» поселениях, керамика с «елово-шишечной» фактурой встречается еще реже. Не случайно И.Л. Чернай в обиходе «нитчатую» керамику называл просто «окской», а «рябчатую» – верхневолжской.

Если принять версию О.А. Лопатиной о способе нанесения «мелкоячеистого рябчатого» отпечатка, неизбежно возникает вопрос об обеспечении местного населения соответствующими «инструментами». В настоящее время южная граница ареала ели проходит по левому берегу Оки, и ареал этот сформировался в эпоху «малого ледникового периода», особенно в холодную первую половину XX в. Однако в предшествующие эпохи климат не был столь суров[1], и вопрос о границе распространения ели превращается в вопрос перепроверки гипотезы О.А. Лопатиной.

Автор уже высказывал мысль о том, что распространение «мелкоячеистой рябчатой»

[1] Например, в Щурово в отложениях селищ IV–VIIвв. и могильников VI–Хвв. пыльцы ели почти не найдено, что объяснимо – захоронения грунтового могильника Щурово приходятся на т.н. «малый климатический оптимум голоцена», приходящегося на вторую половину «Эпохи викингов». Единственное исключение – это обгоревшая пыльца ели в слое грунтового могильника с кремациями. Это обстоятельство позволило предположить, что ель не росла в окрестностях могильника и, поскольку, вероятно, играла важную роль в погребальном обряде, доставлялась на могильник издалека.

фактуры отпечатка на керамике совпадает с фазой похолодания начала субатлантического периода (Там же, с. 208–210). Наиболее подробно эпизод похолодания раннего субатлантического времени рассмотрен В.В. Клименко(2004), в русскоязычной литературе этот эпизод описан и другими авторами (Дергачев, 2006, с. 532–534). Согласно современным представлениям, период похолодания ESA (EarlySubatlanticAge) приходится на интервал 650–280 гг. до н.э. с кратковременным промежуточным потеплением между 450 и 380 гг. до н.э. (Клименко, 2004, с. 13–19). К тому массиву данных, которые были собраны В.В. Клименко, можно также добавить выводы, сделанные Е.А. Спиридоновой и А.А. Алешинской (2004) на основании спорово-пыльцевых разрезов из культурного слоя дьяковских городищ, в т.ч. и «коломенской» группы. Они также отмечают общее похолодание и распространение темнохвойной тайги в период ESA в окрестностях дьяковских городищ.

Данных о колебаниях ареала ели по Средней Оке в настоящее время попросту нет. Ближайшие палинологические разрезы исследованы в районе Куликова Поля, в бассейне Верхней Оки, в Центрально-лесном заповеднике и на Смоленско-Московской возвышенности (Новенко, 2016). Часть из них в южной части территории содержат минимум пыльцы ели в интересующий нас период или не содержат ее совсем, что объяснимо. Однако те, что исследованы в Московской и Тверской областях, в центре Восточно-Европейской равнины, согласованно указывают на увеличение количества ели (выраженное, разумеется, в росте доли пыльцы ели в спектрах) после 3000 кал.л.н., а сокращение ареала и замещение ели березово-сосновыми лесами происходило в течение последних двух тысячелетий.По разрезу из оз. Долгого в Московской области известна даже радиоуглеродная дата для максимума пыльцы ели, приходящаяся на VIв. до н.э. (вероятно, Е.Ю. Новенко привела ее в некалиброванном виде –см.: Новенко, 2016, с. 188).

Следовательно, несмотря на то, что среднее течение р. Оки протекает по южной границе лесной зоны и по ее берегам сформировались уникальные очаги степной растительности, т.н. «окской флоры», в отдельные периоды ареал ели мог сдвигаться и южнее р. Оки. Представляется особенно важным, что распространение на городищах «коломенской» группы «нитчатой» керамики, сменившей «мелкоячеистую рябчатую» («еловошишечную»), начинается в конце III – начале II в. до н.э. (Сыроватко, 2009, с. 120, 209), что совпадает с началом т.н. «потеплением римского времени» (Клименко, 2004, с. 19; Дергачев, 2006, с. 37, 38). Не менее важно, что в период похолодания ESA «нитчатые» фактуры отпечатков на керамике были распространены южнее, в рязанском течении р. Оки, и именно на этих территориях следует искать истоки «второго пришествия нитчатой керамики»[2] на «коломенские» и «каширские» поселения.

Таким образом, наш вывод заключается в том, что распространение керамики, отпечаток на которой наносился ошелушенной еловой шишкой, может быть увязан **с колебаниями ареала ели, который, в свою очередь, связан с колебаниями климата**.

Является ли такая взаимосвязь прямой (что вряд ли) или опосредованной (скорее всего), имеющиеся источники ответа не дают. Представляется очевидным, что южное пограничье ареала ели вряд ли являлось той территорией, на которой эта технология зародилась. Но распространение такого типа отпечатка необязательно должно увязываться с перемещением населения (миграция ёлок, а не людей), хотя именно миграция нового населения в условиях похолодания как объяснение выглядит логичнее. Расширение ареала ели на юг в этих условиях выглядит скорее фоном, хотя без такого расширения новая технология не распространилась бы на юг. Смена же керамики этого типа более южным[3] вряд ли может быть объяснена только сокращением ареала ели в период потепления – этот процесс не мог быть таким стремительным, каким стало распространение «нитчатых» фактур отпечатка и активное оборонительное строительство на Средней Оке.

ЛИТЕРАТУРА

Лопатина О.А. О происхождении одного вида отпечатков на поверхности «текстильной» керамики // КСИА. 2015. Вып. 240. С. 163–171.

Чернай И.Л. Выработка текстиля у племен дьяковской культуры // СА. 1981. № 4. С. 70–86.

[2] Под «Первым пришествием» следует понимать распространение керамики типа Климентовской стоянки в период финальной бронзы.

[3] Речь идет только о Средней Оке.

Фоломеев Б.А. Фактура текстильной керамики бассейна Средней Оки // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 7 / Отв. ред. В.П. Челяпов. Рязань: НПЦ, 1998. С. 79–105.

Сыроватко А.С. Юго-восточное Подмосковье в железном веке: к характеристике локальных вариантов дьяковской культуры. М.: CheBuk, 2009. 352 с.

Сидоров В.В. Реконструкции в первобытной археологии. М.: Институт археологии РАН, ТАУС, 2009. 216с.

Смирнов К.А. Два района появления сетчатой керамики // Керамика раннего железного века и средневековья Верхневолжья и соседних территорий / Отв. ред. В.В. Седов. Тверь: ТверГУ, 1991. С. 12–22.

Клименко В.В. Холодный климат ранней субатлантической эпохи в Северном полушарии. М.: МЭИ, 2004. 144 с.

Дергачев В.А. Кольцо дерева, радиоуглерод и природные процессы: Приложение III // Г.А. Вагнер. Научные методы датирования в геологии, археологии и истории. М.: Техносфера, 2006. С. 503–536.

Спиридонова Е.А., Алешинская А.С. Динамика природной среды Волго-Окского междуречья с I тысячелетия по н.э. по II тысячелетие н.э. // РА. 2004. №3. С.33–43.

Новенко Е.Ю. Изменения растительности и климата Центральной и Восточной Европы в позднем плейстоцене и голоцене в межледниковые и переходные этапы климатических макроциклов. М.: ГЕОС, 2016. 228с.

Информация об авторе:

Сыроватко Александр Сергеевич, кандидат исторических наук, директор, МБУ «Коломенский археологический центр», (г.Коломна, Россия); arxeolog-net@rambler.ru

FIR CONES, TEXTILE CERAMICS AND CLIMATE CHANGES

A.S. Syrovatko

The paper considers a hypothesis advanced by O.A. Lopatina, according to which one of the types of textile imprints on the ceramics of the Dyakovo culture could have been applied by rolling the core of a fir cone over the surface of the vessel prior to firing. As noted by the author, Dyakovo settlements in the Middle Oka and the lower reaches of the Moskva river, where fir trees are rare, the distribution of ceramics with this type of imprints started simultaneously with the beginning of the Sub-Atlantic period and ceased in the last centuries B.C. Thus, its distribution coincides with the so-called cooling of the early Subatlanthicum (ESA). The author concludes that there was a possible relationship between the distribution of this type of ceramics and the variations in the distribution area of fir trees, which shifted to the south during the cold Early Sub-Atlantic period.

Keywords: Dyakovo culture, Middle Oka, Moscow river, fir cone, fir-tree distribution area

About the Author:

Syrovatko Aleksandr S. Candidate of Historical Sciences, MBU Kolomna Archaeological Centre, Kremlevskaya str., 5, Kolomna, 140400, Russian Federation; arxeolog-net@rambler.ru

УДК 903.02

ТИПОЛОГИЯ ТЕКСТИЛЬНЫХ ОТПЕЧАТКОВ И ХРОНОЛОГИЧЕСКОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ СЕТЧАТЫХ ФАКТУР. ДОПОЛНЕНИЯ ИЗ ЧЕРНОВИКОВ[1]

© 2017 г. Б.А. Фоломеев

Статья представляет собой публикацию черновиков статей или глав диссертации известного советского и российского археолога Б.А. Фоломеева (26.03.1942–19.09.2001), посвящённых классификации «текстильных» отпечатков и выявленным хронологическим особенностям их распространения. Публикация делится на две части. Они были написаны в разное время с разницей около 20 лет, но являются значительным дополнением к имеющимся разработкам классификаций Фоломеева 1975 и 1998 гг. В первой части даётся классификация «текстильных» отпечатков, в которой выделено 12 вариантов, соответствующих двум типам отпечатков – «рябчатому» и «ниточному». Как и в классификации по Тюковому городку, во главу угла поставлена разница в способе нанесения отпечатков на поверхность, но источником послужили более обширные материалы, чем один памятник. Также даны важные наблюдения по формам, орнаментации, примесям и иным особенностям во времени и пространстве. Вторая часть представляет собой выявление хронологических особенностей и построение периодизации развития «текстильных» («сетчатых») фактур («рябчатой», «ниточно-шнуровой» и «ниточно-жгутиковой»), выделенных уже по морфологическим признакам в 1998 г. по материалам археологических памятников эпохи бронзы и раннего железного века Средней Оки. Периодизация включает в себя три периода: ранний (до XII-XI вв. до н. э.), средний (развитой) (XII–XI – VII–VI вв. до н. э.) и поздний (с VII-VI вв. до н. э.).

Ключевые слова: «текстильная» керамика, «сетчатая» керамика, отпечатки на керамике, история изучения, поздний бронзовый век, ранний железный век, Среднее Поочье.

Предисловие. Борис Андреевич Фоломеев (26.03.1942–19.09.2001) – исследователь эпох неолита, бронзы, раннего железа лесной полосы Волго-Окского междуречья. Руководил отрядами и археологическими экспедициями в Ярославской, Рязанской, Московской, Тульской и Липецкой областях. С 1965 г. и до конца жизни – сотрудник Государственного исторического музея в различных его подразделениях. Автор концепции залов 1-4 постоянной экспозиции ГИМ, открывшейся в 1996 г., организатор междисциплинарных полевых исследований на Куликовом поле и др.[2] Главные научные интересы Б.А. Фоломеева были связаны с изучением древностей позднего бронзового – раннего железного веков бассейна Оки; отдельное внимание уделялось изучению памятников культуры «текстильной» керамики, ранних городищ края и непосредственно «текстильных» отпечатков. Им были раскопаны и изучены опорные памятники для характеристики культур Средней Оки позднего бронзового века (могильник Берёзовый рог, поселения Фефелов Бор I, Гришинский исток III, Тюков городок, Климентовская стоянка и др.), проведено огромное количество разведок, выявлено множество археологических памятников, обследованы многочисленные городища раннего железного века и разработана радиоуглеродная шкала по насыпям валов городищ (совместно с Л.Д. Сулержицким) (1993а), разработана систематизация «текстильных» отпечатков (Фоломеев, 1975; 1998), которая служит основой для исследователей в описании «текстильной» керамики культуры позднего бронзового века, дьяковской и городецкой культур на территории Волго-Окского междуречья.

К сожалению, не всё, что запланировал Борис Андреевич, было им сделано или опубликовано. В Историческом музее сохранился личный архив исследователя, который, помимо многочисленных топопланов, полевых фотографий, текстов полевых отчётов и иной документации, включает в себя и статистические таблицы и альбомы по изучению «текстильной» керамики, реконструкции форм сосудов изучаемых культур, рабочие тетради обработанных археологических коллекций, черновики статей и пр. Конечно, это во многом личный, рабочий архив, в котором досконально мог разобраться только сам

[1] Предисловие, комментарии и подготовка текста – Е.С. Азаров.

[2] См. о нём: (Каверзнева, Челяпов, 2003; Челяпов, 2008).

его создатель. Тем не менее, среди набранных на печатной машинке текстов, встречаются черновики статей или глав ненаписанной диссертации, которые дополняют изданные научные труды исследователя.

Публикуемые ниже черновики делятся на две части и являются дополнениями к двум статьям Б.А. Фоломеева, в которых речь заходила о классификациях отпечатков. «Типология…», первая часть, в чём-то дополняет классификацию, применённую при обработке керамики Тюкова городка (Фоломеев, 1975). Если в статье речь шла о классификации по материалам одного памятника, то в «черновике» классификация обобщает известные на тот момент памятники на Средней Оке по тем же основаниям, что и опубликованная. «Хронология…», вторая часть, дополняет систематизацию «текстильных» отпечатков (Фоломеев, 1998) попыткой выявления хронологических закономерностей распространения отдельных видов, типов и элементов фактур и построением периодизации развития «сетчатых» фактур.

Обе части не являются завершёнными (вторая часть и вовсе обрывается на полуслове, что подразумевает наличие продолжения), но изобилуют большим количеством наблюдений автора по развитию форм сосудов, отпечатков, орнаментации, хронологии, основанные на результатах обработки материала, определяющую часть которого он, собственно, сам и раскопал. Текст (поскольку это черновики) изобилует многочисленными правками – в силу этого все дописки чернилами рукой Бориса Андреевича отмечены в тексте *курсивом* (в тексте они располагались над строками); среди исправлений отмечены лишь наиболее важные и имеющие значения. В квадратных скобках ([ ]) раскрыты сокращения или указаны ссылки на литературу, на которую, очевидно, мог ссылаться автор, отмечая это в тексте. К великому сожалению, непосредственно иллюстраций к тексту не обнаружено и дабы не вносить субъективных определений, что уверенно привело бы к путанице, даны иллюстрации лишь там, где по прямым указаниям автора на соответствующий предмет его можно было опознать.

В 2017 г. Борису Андреевичу Фоломееву исполнилось бы 75 лет, и данной публикацией мы отчасти отдаём дань памяти исследователю и надеемся, что публикуемые материалы и наблюдения будут интересны специалистам.

Типология[3] текстильных[4] отпечатков на керамике бронзового и начала раннего железного веков.

Данная типология разработана в основном по керамике двух памятников ранней сетчатой керамики, являющиеся опорными для бассейна Средней Оки: Фефёлов Бор I – сер[едина] II-го тыс. – 3-я четв[ерть] II-го тыс. до н.э.; Тюков городок – конец II-го – начало I-го тыс. до н. э. Привлечён также материал ряда других стоянок и ранних *окских*[5] городищ бассейна Средней Оки.

[3] В виде схемы представлена на рис. 1. Исходя из упоминаемых в тексте материалов памятника Лашминский городок (или Курман 1), археологическое исследование которого было произведено автором в 1981 г. (Фоломеев, 1981), ориентировочное время написания этой части черновиков может приходиться на самое начало 1980-х. Это подтверждается и отсутствием упоминаний других памятников, которые исследовались в 1980-е гг. Однако материалы Климентовской стоянки, которая исследовалась в конце 1970-х Б.А. Фоломеевым (1977; 1978), среди аналогий отсутствуют, несмотря на их наличие в статье 1975 г. по материалам раскопок П.П. Ефименко, П.Н. Третьякова и В.И. Зубкова (1975, с. 157). Данное обстоятельство осложняется и возможностью использования старых материалов из раскопок Ф.А. Уварова Лашминского городка в 1880 и 1888 гг. (ГИМ, №55421). В тексте также отсутствует какая-либо отсылка на уже имеющуюся «классификацию» (Рис. 2), что было бы логично. Таким образом, это либо уже упоминавшиеся 1981–1982 гг., либо 1975–1977 гг., либо период между этими датами.

[4] Предпочтения в выборе употребления названия керамики обычно связывается с той или иной историографической традицией. Так «сетчатая керамика» употреблялась в работах В.А. Городцова и его ученика А.Я. Брюсова, «текстильная керамика» в работах Б.С. Жукова, О.Н. Бадера и финских археологов (Лопатина, 2014, с. 72). Менее распространёнными названиями являются «ниточно-рябчатая» керамика в работах В.С. Патрушева (1989; 1993), «ложнотекстильная» в работах А.Л. Никитина (1973; 1976) и др. В этой связи интересно заметить, что после 1975 г. Б.А. Фоломеев возглавлял работы Мещёрского отряда Окской археологической экспедиции ИА РАН, общее руководство которой осуществлял О.Н. Бадер (Фоломеев, 1977, с. 1), поэтому, возможно, более тесное «рабочее» общение с Отто Николаевичем в последние годы его жизни и повлияло на использовании термина «текстильная керамика» Борисом Андреевичем в своих работах. Тем не менее, в последующих его трудах определение «сетчатая керамика» встречается наряду с «текстильной керамикой» без какой-либо закономерности.

[5] Исправлено чернилами, первоначальное слово «городецких».

Сделана попытка в основу выделения типов положить способ нанесения текстильных отпечатков. В процессе работы удалось реконструировать достаточно с нашей точки зрения достоверно способ нанесения текстильных отпечатков первого типа – «ниточных» и некоторых вариантов второго. Что касается текстильных отпечатков третьего типа и остальных вариантов второго то здесь визуальное изучение и экспериментальная работа не дали желаемых результатов. Поэтому, в вопросе о способе нанесения текстильных отпечатков второго и третьего типов я присоединяюсь к мнению специалистов изучавшим этот вопрос: Арзютову [Н.К. (1926)], Трубниковой [Н.В. (1952)], Семёнову [С.А. (1955)], Бобринскому [А.А. (1978, с. 191-207)[6]].

Основным критерием первоначального выделения *типов и* вариантов было *визуальное установление внешнего сходства*[7]. На первом этапе работы в каждом типе было выделено от 5 до 10 вариантов. Однако в дальнейшем варианты были укрупнены и в настоящее время в каждом имеется от 3 до 6 вариантов. Для большинства выделенных вариантов удалось определить хронологические и территориальные рамки их бытования.

Переходя к описанию типов и вариантов текстильных отпечатков, считаю необходимым отметить, что термины «текстильная керамика», «текстильные отпечатки» мною приняты условно, т[ак] к[ак] изучение текстильной керамики Средней Оки показало отсутствие по крайней мере на 90% керамики собственно отпечатков текстиля – ткани. Имеются лишь отпечатки, напоминающие отпечатки тканей, достигавшиеся несколькими различными способами.

Тип I. «Ниточные отпечатки»

Первым типом являются отпечатки нитей и тонких верёвочек, чаще всего свитых из двух прядей вращением слева направо *или одинарных перевитых*. В.А. Городцов керамику с подобными отпечатками называл «ниточной» и относил её возникновение к эпохе бронзы [(Городцов, 1900, с. 26)]. Термин «ниточные отпечатки» впервые применённый В.А. Городцовым используется мною для обозначения текстильных отпечатков первого типа.

Керамика с ниточными отпечатками имеет большое распространение на территории текстильной керамики, но более всего характерна для бассейна Средней Оки. Она появляется на стоянках *эпохи*[8] бронзы: Логиновской приозёрной, Фефёлов Бор I, Фефёловской Придорожной, Коренец II (?), Городской парк, Северный мыс Старой Рязани[9], и других. Причём на относительно поздних памятниках, типа Тюкова городка, она составляет более 50% всей текстильной керамики *(см. табл. №1)*[10].

Дальнейшее развитие «ниточные отпечатки» получают на ранних памятниках городецкой культуры бассейна Средней Оки, где бытует одновременно с рогожной керамикой. На ранних среднеокских городищах керамика с «ниточными отпечатками» нередко достигает 40 (Городецкое) и более процентов по отношению к общему числу керамики. Встречается керамика с ниточными отпечатками и на городищах Нижней Оки и южнее Оки на памятниках центрального варианта городецкой культуры, однако, в гораздо меньшем количестве.[11]

На Верхней Волге «ниточные отпечатки» известны на относительно поздних памятниках ранней сетчатой керамики: Шуньга, Ватажка, Плещеево III, но отсутствуют на стоянках РСК[12]: Борань, Сокольское I, Польцо, поселении и могильнике Дикариха, стоянках оз. Сахтыш и др. Однако там они не получают развития, и функция их ограничивается преимущественно лишь оформлением верхних частей сосудов. Нижние части этих сосудов покрыты отпечатками других типов.

Известны «ниточные» отпечатки и на ряде москворецких и верхневолжских городищ: Мамоновском, Калязинском, Щербинском и др. Однако и здесь процент их по отношению к другим типам текстильной керамики ничтожен.

---

[6] В тексте нет отсылок на литературу, настоящие ссылки даны по иным вышедшим публикациям автора.

[7] Исправлено чернилами, первоначальная фраза «*внешнее сходство*».

[8] Исправлено чернилами, первоначальное слово «*ранней*».

[9] В тексте указана сноска, вероятно, на инвентарные номера археологических коллекций, по аналогии с текстом статьи «Тюков городок» (Фоломеев, 1975, с. 157).

[10] Дописано чернилами «*см. табл. №1*». Указанная таблица, по-видимому, соответствует таковой из публикации Тюкова городка (Там же, табл. 1).

[11] Дописано на полях чернилами «*КГОМ, Миронов, [неразборч.]*»; вероятнее всего, имеется в виду коллекции какого-либо областного музея и работа В.Г. Миронова (1972) о городецкой керамике на Березниковском городище.

[12] РСК – ранняя сетчатая керамика; сокращение, используемое автором рукописи.

Керамика, близкая «ниточной» окской встречена на ряде стоянок Латвии: Лейманишки, Абора I, Эйни. И.[А.] Лозе называет её керамикой «со сплошь покрывающими её оттисками шнура» и датирует XVI-XIX вв.[13] [(Лозе, 1972)]. Количество её, однако, и здесь мало: на стоянке Лейманишки она составляет 6% по отношению к другим видам керамики, на других же стоянках ещё меньше.

Ниже перечислены основные варианты первого типа текстильных отпечатков.

Вариант 1

Лёгкие поверхностные оттиски, нанесённые без определённой системы. Лишь в некоторых случая можно усмотреть некоторую параллельность нитей отпечатков.[14]

Встречены на целом сосуде стоянки Логиновская Приозёрная, на нескольких фрагментах стоянки Алекановская. По-видимому, имели распространение лишь на стоянках ранней бронзы.

Реставрированный сосуд со стоянки Логиновская приозёрная[15] [(Рис. 3)] с отпечатками первого варианта имеет прямой венчик, плавно переходящий в выпуклое тулово, дно круглое. Пропорции: [диаметр по венчику - 17,5 см, диаметр по тулову - 20,2 см, высота 20,1 см][16]

Вариант 2

Чёткие *параллельные* отпечатки *двухпрядной, слабо свитой*[17] верёвочки иногда накладывающиеся друг на друга. Ориентировка нитей на венчиках – вертикальная, на тулове – горизонтальная, ближе ко дну – диагональная. Керамика с отпечатками второго варианта имеет в глиняном тесте примесь песка, *реже*[18] шамота.

Встречается на стоянке Фефёлов Бор I, преимущественно на полу и в заполнении жилища №2 и на Дубровичской стоянке.

Полностью реставрирован сосуд с отпечатками второго типа, происходящий из жилища №2 стоянки Фефёлов Бор I [(Рис. 4)]. *Он* имеет утолщённый круглый венчик, слегка отогнутый наружу, немного выпуклое тулово, круглое[19] дно. Пропорции сосуда: [высота сосуда – 25 см, диаметр по венчику – 27-29 см][20]. Сосуд орнаментирован рядами наклонных коротких оттисков верёвочки, намотанной на палочку. Другие сосуды с отпечатками второго варианта орнаментированы разреженными рядами крупных круглых ямочек.

Наиболее крупной аналогией со вторым вариантом ниточных отпечатков является керамика, названная И.[А.] Лозе «керамикой со сплошь покрывающими её оттисками шнура». Д.А. Крайнов указавший мне на эту аналогию и видевший альбом[21] И.[А.] Лозе говорит, что сходство очень близкое[22]. Я же видел несколько фрагментов со стоянки Лейманишки, показанные мне [Л.В.] Ванкиной и также нашёл очень близкое сходство между прибалтийской и окской керамикой. В описательной реконструкции [И.А] Лозе указывает, что «сосуды имели плавно отогнутый край и округлённые плечики. Встречаются и сосуды с прямыми стенками, иногда с заметно утолщённым и сплюснутым краем, *днище круглое*». В этом описании угадывается значительная близость двум реставрированным описанным выше сосудам из второго жилища стоянки Фефёлов Бор I.

К сожалению, другие аналогии сосудам из жилища №2 с ниточными отпечатками второго варианта межу Окой и Прибалтикой мне неизвестны.

И.[А.] Лозе даёт абсолютные даты, установленные по C_{14} для керамики «со сплошь покрывающими её оттисками шнура» 1900-1800 лет до н. э. В автореферате [(Лозе, 1972)] по-видимому опечатка: эта дата объявлена в одном случае началом *существования* керамики «со …», в другом концом существования. По контексту же как будто можно считать концом существования этой керамики сер[едину] II-го тыс. до н. э. Жилище №2 Фефёлова Бора I также можно датировать временем близким к середине II-го тыс. до н.э. Отсутствие керамики со вторым вариантом ниточных отпечатков на поздняковских поселениях позволяет считать, что он существовал на Оке короткий промежуток времени между

[13] Очевидно, XIX-XVI вв. до н.э.

[14] На полях дописано чернилами «*Характерной примесью для керамики с отпечатком первого варианта*»; по всей видимости, сюда должна была быть вставлена необходимая информация по примесям.

[15] Здесь и ранее, скорее всего, имеются в виду стоянка Логинов Хутор и сосуд из этой стоянки.

[16] Информация о пропорциях и орнаменте в текст не внесена, но обозначена.

[17] Исправлено чернилами, первоначальное слово «*одинарной*».

[18] Первоначально стоял союз «*и*» и фраза имела вид «*примесь песка и шамота*».

[19] Дно скорее уплощённое, размером 7 на 9 см.

[20] В тексте изначально размеры сосуда пропущены.

[21] Вероятно, речь идёт про альбом к диссертации И.А. Лозе.

[22] На полях пометка чернилами *спр[осить] разрешения*.

сер[единой] и последней четв[ертью] II тыс. [до н.э.].

Вариант 3

Чёткие параллельные отпечатки крупной (до 3 мм толщиной) двухпрядной верёвочки. Ориентировка *отпечатков*[23] на верхней части сосуда чаще вертикальная, ближе к днищу *[неразб.]* нити идут с наклоном. Встречается как разреженное расположение нитей, так и сплошное. Распространённым элементом оформления верхних частей сосуда являются оттиски крупных нитей плотно примыкающих одна к другой. Такое оформление сосудов *изредка* встречается и на некоторых верхневолжских стоянках: Ватажка, Плещеево III.

Характерной примесью для теста керамики с третьим вариантом «ниточных отпечатков» является шамот, чаще всего крупный. На Оке, также как и на В[ерхней] Волге, керамика с третьим вариантом ниточных отпечатков встречается на поздних стоянках ранней сетчатой керамики: Тюков городок, Лашминский городок, и в нижних слоях древнейших среднеокских городищ: Сев[ерный] мыс Ст[арой] Рязани, Конищевское, Городецкое, Ольгов городок и др. Сосуды с отпечатками третьего варианта имеют невысокий прямой или слабоотогнутый венчик, выпуклое тулово, иногда с намечающимся ребром. Днища плоские *с закраинами*, небольшие, не более половины диаметра сосуда по венчику. Пропорции сосудов:<…>[24]

Вариант 4

Так называемые «струйчатые» и «бороздчатые» оттиски, напоминающие след от глубокой штриховки гребенчатым штампом. При ближайшем же рассмотрении оказалось, что они несут отпечатки волокон верёвки. Ориентировка отпечатков на венчике и тулове – вертикальная, ближе к днищу они приобретают диагональный наклон.

Обычно в глиняном тесте фрагментов с отпечатками четвёртого варианта встречается шамот. Формы сосудов такие же, как и у вар[ианта] 3.

Сосуды с «струйчатыми» и «бороздчатыми» оттисками встречаются на поздних поселениях бронзового – начала р[аннего] ж[елезного] в[еков]: Тюков городок [(Рис. 5)], Ст[арая] Рязань, а также на городищах раннего железного века бассейна Ср[едней] Оки. Реставрированный сосуд с отпечатками данного типа, происходящий с Сев[ерного] мыса Ст[арой] Рязани имеет невысокий прямой венчик, плавно переходящий в выпуклое тулово. Дно плоское маленькое *с закраиной*. Пропорции сосуда: диаметр по краю [*неразб.*] – 27 см, диаметр по тулову – 31 см, диаметр днища – 11 см, высота – 29 см. Сосуд орнаментирован по всех поверхности оттисками наклонной палочки.

На ранних городищах Ср[едней] Оки бороздчатые отпечатки имеют тот же вид, что и на сосудах стоянок. На поздних: конца I тыс. до н. э. и нач[ала] н[ашей] э[ры] очертания борозд становится резче, наносятся они беспорядочнее. Значительная примесь шамота, а иногда и дресвы, не позволяют провести чёткие борозды и поэтому поверхность сосудов бугристая, а борозды выглядят неряшливо. В таком виде они доживают до конца существования текстильной керамики (городища: Седой бугор, Троице-Пеленицкое и др.)

Вариант 5

Отпечатки мелкой верёвочки, в верхних частях сосудов разреженные, ниже – часто накладывающиеся, бессистемные[25]. Как правило в глиняном тесте фрагментов с отпечатками 5 варианта присутствует *песок*[26].

Сосуды имеют формы характерные для 3-4 вариантов[27].

Ниточные отпечатки 5-го варианта появляются довольно рано. В небольшом количестве они уже есть на стоянках Фефёлов Бор I, Логиновская Приозёрная, Коренец II. В значительно большем количестве их на Тюковом городке. Однако на городищах в чётко выраженном виде этот вариант ниточных отпечатков не встречается.

Вариант 6

Параллельные отпечатки мелкой верёвочки (нити) двухпрядной, плотно прилегающей одна к другой. В верхних частях сосудов они имеют небольшой наклон. На тулове наклон нитей разный, но накладываются и пересекаются они редко.

Как правило венчики с отпечатками 6-го варианта имеют круглые сквозные отверстия – проколы. Сквозные отверстия на венчиках имеют вполне определённые хронологические рамки бытования на Ср[едней] Оке. В более южных районах они появляются в конце эпохи бронзы, а на Нижней Оке есть даже на керамике неолитических стоянок

[23] Исправлено, первоначальное слово «*нитей*».

[24] Пропорции сосудов в тексте указаны не были.

[25] На полях пометка чернилами «*к вар. 1*» – вероятно, предполагалось объединение варианта 1 и 5.

[26] Исправлено чернилами, первоначальное слово «*шамот*».

[27] На полях пометка «*Орнаментация для сосудов с отпечатками 3-5 вариантов одинакова*».

Балахнинской низины. На Ср[едней] Оке они встречаются только с возникновением городищ, по-видимому одновременно с рогожной керамикой, и пропадают задолго до исчезновения последней. На керамике стоянок эпохи бронзы Ср[едней] Оки сквозных проколов нет. Круглые сквозные отверстия не являются элементами орнамента, а как полагает В.Г. Миронов [(1972, с. 42)] имеют утилитарное значение, т.е. служили для выхода пара из сосуда, прикрытого крышкой. Такое предположение действительно имеет основание, т[ак] к[ак] все без исключения венчики сосудов со сквозными отверстиями уплощены или имеют даже Т-образную форму, что давало возможность довольно плотно накрывать их крышкой. Обломки же самих крышек – обычная находка на городецких городищах.

В глиняном тесте фрагментов с отпечатками 6-го типа, как правило, значительная примесь мелкого песка.

Кроме Ср[едней] Оки отпечатки 6-го варианта встречаются на некоторых верхневолжских стоянках рубежа бронзового и раннего железного веков: Плещеево III, Шуньга. И в нижних слоях ранних дьяковских городищ: Мамоновском, Щербинском, Калязинском, датирующихся 3-й четв[ертью] I-го тыс. до н. э. В слоях середины I тыс. до н. э. Щербинского городища их уже нет. На Тюковом городке эта керамика встречена в верхней части насыпи и относится уже ко времени существования на Тюковом городке укреплённого поселения.

Отличительной особенностью керамики с 6 вариантом ниточных отпечатков является отсутствие на ней какой бы то ни было орнаментации.

Сосуды реконструируются плохо. Однако можно сказать, что они имели прямые непрофильные венчики, переходящие в тулово. Диаметр сосудов более 30 см. Отсутствие на Тюковом городке днищ диаметром более 13 см позволяет предполагать, что переход от широкого тулова к маленькому днищу был довольно резким. По-видимому, сосуды с 6-м вариантом ниточных отпечатков имели [*неразб.*] форме близкую известному дьяковскому сосуду со Скнятинского городища.

Кроме отпечатков, перечисленных выше 6-ти вариантов имеется некоторое количество фрагментов, которые не могут быть отнесены ни к одному из них.

В то же время из-за своей малочисленности они не могут быть выделены как самостоятельные варианты.

Для сосудов с ниточными отпечатками характерно зональное расположение орнамента. Чаще всего это ряды ямочек разных форм в верхних частях сосудов и пояски из жемчужин по венчику. Характерно полное отсутствие отпечатков зубчатого штампа *и другого орнамента*.

Тип II.

Второй тип текстильных отпечатков представлен вытянутыми, чаще овальными, но иногда изогнутыми, напоминающими след ногтя ячейками. Чаще ячейки расположены очень плотно, накладываются и пересекаются, но встречается и разреженное их расположение.

Намечается четыре варианта (В тексте указано шесть вариантов – Е.А.) сетчатых отпечатков второго типа.

Вариант 1. Овальные вытянутые ячейки, расположенные очень плотно, часто пересекающиеся и накладывающиеся одна на другую. Размер ячеек 2-3 мм.

В глиняном тесте фрагментов с отпечатками этого типа в качестве примеси встречается мелкозернистый песок и иногда шамот.

Некоторые венчики имеют сквозные, круглые отверстия о хронологическом значении которых, *относительно поздний возраст этой керамики*, было сказано выше.

Орнаментируется эта керамика очень редко. Иногда в верхних частях сосудов встречаются мелкие ямки, расположенные группами по 2-4. Форма сосудов на имеющемся материале реконструкции не поддаётся.

Отпечатки первого варианта более всего характерны для ранних дьяковских городищ, в значительно меньшем количестве они встречаются на городецких городищах[28]. На В[ерхней] Волге появляются уже на относительно поздних памятниках ранней сетчатой керамики: Плещеево III, Ватажка, Шуньга. Но отсутствуют на более ранних[29]: Польцо, *поселение и могильник* Дикариха, Борань, Сокольское[30].

Вариант 2[31]. Овальные вытянутые ячейки разреженные, расположенные в ряды по 3-6

[28] На полях надпись чернилами «*О позднем её возрасте свидетельствует и стратиграфическое её положение в валу Тюкова городка*»

[29] Имеется неразборчивое добавление чернилами от руки, после слова «*ранних*»

[30] Из перечисления памятников был вычеркнут Сахтыш.

[31] На полях надпись чернилами «*Наибольшее распространение наблюдается на ранних [*неразборчиво*, дьяковских?] городищах*». Скорее

отпечатков. Чаще всего покрывают тулово и иногда верхние части сосудов, нижние же части как правило несут отпечатки других типов. Орнамента на имеющихся в нашем расположении керамики с отпечатками второго варианта нет. В качестве примеси к глиняному тесту встречаются шамот, реже мелкозернистый песок.

Керамика с отпечатками второго типа встречена в небольшом количестве на стоянках Тюков городок, Фефёловской Придорожной и Большой лес [II]. По-видимому, она существовала довольно узкий хронологический промежуток времени, так как её нет ни на городецких городищах, ни на памятниках более раннего времени: Фефелов Бор I, Логиновская Приозёрная, Коренец II.

Возникнув на рубеже бронзового и железного веков, отпечатки второго варианта существуют довольно узкий хронологический промежуток времени и заменяются отпечатками <…> варианта, характерными для ранних городецких городищ.

Вариант 3. Изогнутые дугообразные оттиски, преимущественно глубокие, напоминающие след ногтя. Встречаются как сплошное заполнение поверхности сосуда отпечатками этого варианта, так и разреженное. На части сосуда со стоянки Фефёловская Придорожная имеется зональное расположение отпечатков этого варианта. Размер отпечатков колеблется от 2-3 мм до 5 мм. Среди примесей к глиняному тесту фрагментов с отпечатками 3-го варианта чаще всего встречается мелкозернистый песок. Сосуды с отпечатками этого варианта реконструкции поддаются плохо. Имеются как круглодонные сосуды (Фефёловская Придорожная), так и плоскодонные (Тюков городок). Венчики с Тюкова городка высокие, прямые, плавно переходящие в слегка выпуклое тулово.

Разреженные, крупные отпечатки 3-го варианта встречены на памятниках конца бронзового – начала раннего железного веков: Тюковом городке, Фефёловской Придорожной. Более мелкие, часто нанесённые и пересекающиеся встречаются на стоянках Фефёлов Бор I (жилище №2) и Логиновская Приозёрная, датирующихся серединой и 3-й четвертью II тыс. до н.э. Встречаются они и на стоянке Подборновская.

Существует мнение, что этот вариант текстильных отпечатков появляется сравнительно поздно. Действительно, отпечатки, близкие окским, встреченным на стоянках эпохи бронзы Логиновская Приозёрная и Фефёлов Бор I по своему характеру довольно близки текстильным отпечаткам на керамике многих дьяковских городищ, имеющих слои рубежа и начала н[ашей] э[ры]: Синьковском, Пекуновском, Скнятинском, Родионовском и др. Однако имеются они и на керамике ряда стоянок: Караш, Ивановская III и др., являющихся одними из самых ранних стоянок, на которых имеется сетчатая керамика. По-видимому, возникнув ещё в эпоху бронзы, сетчатые отпечатки третьего варианта, условно называемые нами «ногтевидными» дожили до конца существования текстильной керамики. Тем не менее следует отметить, что на Средней Оке «ногтевидные» отпечатки не встречаются на керамике городецких городищ и имеют таким образом более узкие хронологические рамки, чем на В[ерхней] Волге.

Таким образом, текстильные отпечатки второго типа имеют вполне определённые хронологические рамки существования.

Вопрос о способе нанесения текстильных отпечатков второго типа до конца не ясен. До настоящего времени имеет распространение точка зрения, что это отпечатки тканей. Однако по мере накопления материала у ряда исследователей появились сомнения в правильности данного предположения.

Так Н.В. Трубникова находит возможным, что текстильные отпечатки наносились путём многократного прикладывания к поверхности сосудов обломков камней с рваной поверхностью. Такие камни часто находят на дьяковских городищах [(Трубникова, 1952, с. 125)]. Однако отпечатки на памятниках ранней сетчатой керамики Средней Оки имеют мягкие, преимущественно овальные очертания, которые таким путём получиться не могли.

По-видимому, прав С.А. Семёнов писавший, что для нанесения текстильных отпечатков могла служить палочка с намотанной на неё верёвочкой [(1955, с. 141)], т.е. то же самое орудие, которым наносились отпечатки первого типа. Однако работа им производилась иным способом.

Палочкой с верёвочкой надавливали, а скорее всего даже ударяли плашмя по поверхности сосуда. Такими ударами прорабатывалась вся поверхность сосуда. Характер отпечатков зависел от характера верёвки и способа её намотки (одинарной, двухпрядной, свитой туго или вяло, намотанной на палочку вплотную виток к витку или с разрывами) и от толщины самой палочки. Внимательный просмотр керамики с отпечатками второго

всего, относится к предыдущему Варианту 1

типа (1-й вариант) позволил даже различить среди хаоса пересекающихся ячеек отдельные ряды витков. Подтверждают описанный выше способ нанесения сетчатых отпечатков и фрагменты с разреженным расположением ячеек (вариант 2), на которых отчётливо видно чередование разреженных витков верёвочки, намотанной на палочку.

Возможно, этим же способом наносились отпечатки четвёртого варианта, представляющие собой (1-1,5 мм.) подпрямоугольные или овальные вдавления, нанесённые без определённого порядка. С.А. Семёнов даёт имитацию отпечатков очень близких по своему характеру вышеописанным, сделанным при помощи палочки, сечением около 1 см с намотанной на неё тонкой двухпрядной верёвочки.

Отпечатки 4-го варианта встречаются на керамике стоянок Фефёлов бор I, Логиновская Приозёрная и некоторых других. По-видимому, они появляются довольно рано, не позже середины II тыс. до н. э. и исчезают не позже конца II тыс., так как на более поздних памятниках ранней сетчатой керамики Средней Оки (Тюковом городке, Северном мысе Старой Рязани, стоянках бассейна р. Цна) керамика с отпечатками 4-го варианта отсутствует. Следует отметить, что на памятниках Средней Оки сетчатая керамика с отпечатками 4-го варианта составляет очень незначительный процент (Фефёлов Бор I - <…> %, Логиновская Приозёрная <…> %). Несколько больше её на некоторых Верхневолжских памятниках, на которых сетчатая керамика залегает совместно с керамикой поздненеолитической. Фрагменты сосудов с отпечатками 4-го варианта в большинстве своём имеют примесь мелкого песка.

Формы сосудов восстанавливаются с трудом. На стоянке Фефёлов бор I сосуды с отпечатками 4-го варианта имеют прямые венчики, округлое (шаровидное) тулово, круглое дно. Высота сосудов меньше их диаметра по венчику.

Орнамент <…>

Вариант 5. Мелкие подквадратные углубления, размером 1-2 мм. Имеется две их разновидности:

а) поверхностные нечёткие углубления, прослеживающиеся не по всей поверхности сосуда, а лишь на отдельных участках. Нанесены без видимой системы и порядка. На Средней Оке встречаются на керамике многих поздняковских стоянок: Коренец II, Логинов хутор <…> На стоянке Фефёлов Бор I керамика с отпечатками этого варианта составляет более 90%.

Керамика с отпечатками этого варианта часто имеет небольшую растительную примесь. Судя по реставрированным сосудам со стоянки Фефёлов Бор I, они имеют невысокий прямой или слабо отогнутый венчик, плавно переходящий в выпуклое тулово. Дно часто уплощённое, но встречается и круглое. На поздненеолитических стоянках, где сетчатая керамика обнаружена вместе с керамикой дубровичского типа, днища сосудов исключительно круглые.

Кроме Средней Оки керамика с отпечатками 5-го варианта встречается на стоянках ранней сетчатой керамики В[ерхней] Волги. Для ряда памятников она является преобладающей, как например, для стоянки и могильника Дикариха, Ворокса и др. На других памятниках, она встречается совместно с отпечатками других типов и вариантов: Польцо (Верхний слой), стоянки оз. Сомино.

Наличие керамики с отпечатками 5-го варианта является ранним признаком не только для стоянок ранней сетчатой керамики Ср[едней] Оки, но и В[ерхней] Волги. Она полностью уже отсутствует на памятниках рубежа бронзового и железного веков, например, на стоянке Плещеево III (В[ерхняя] Волга) и Тюковом городке (Ср[едняя] Ока).

Следует отметить, что на В[ерхней] Волге сетчатая керамика с отпечатками этого варианта встречается как в верхних слоях поздненеолитических стоянок, где она как правило составляет небольшой процент по отношению к остальной керамике, так и на стоянках ранней сетчатой керамики, где её процент достигает 90%. Таких стоянок на В[ерхней] Волге довольно много, на Ср[едней] Оке пока можно назвать только стоянку Фефёлов Бор I. Создаётся впечатление, что на Средней Оке эта керамика существовала относительно небольшой хронологический промежуток времени и имела значительно меньшее распространение, чем на стоянках В[ерхней] Волги. Единственным исключением, как уже было упомянуто выше, является стоянка Фефёлов Бор I.

б) Разновидностью отпечатков 5-го варианта являются отпечатки более чёткие, имеющиеся на всей поверхности сосудов. В глиняном тесте с этими отпечатками почти не встречается растительная примесь, но зато увеличивается роль песка. Поверхность фрагментов иногда подвергается лёгкому лощению. Наряду с круглодонными (Фефёлов Бор) имеются

и, пожалуй, даже преобладают сосуды плоскодонные (Тюков городок, Старая Рязань). По-видимому, это относительно поздняя вариация отпечатков 5-го варианта. Но количество фрагментов как на Тюковом городке, так и на Сев[ерном] мысу Ст[арой] Рязани не велико и составляет – <…> %. Таким образом, наличие на памятнике значительного количества керамики с отпечатками 5-го варианта, даже без выделения разновидностей, может служить довольно надёжным признаком древности данного памятника.

Керамика 5-го варианта, по-видимому, поздней разновидности встречена и на нескольких памятниках южнее Оки. Прежде всего, следует отметить, что она имеется на стоянках эпохи бронзы бассейна р. Цны, исследованных Н.И. Паниным (Рязанская обл., Шацкий р-н). Есть она и на В[ерхней] Оке. Встречена на стоянках Белёвского района Тульской области. Незначительный материал, имеющийся с этих стоянок не даёт возможности произвести точный типологический анализ этого материала, но скорее всего текстильные отпечатки, имеющиеся на ней, скорее всего могут быть отнесены к ранней разновидности 5-го варианта, чем к поздней.

Текстильная керамика с отпечатками 5-го варианта получила в литературе название «ложнотекстильной». Большинством исследователей поддерживается предположение, что эти сетчатые отпечатки наносились на поверхность сосудов путём многократного приложения к его стенкам гребенчатого штампа (Гурина, [1963], с. 98; Никитин, [1963], с. 208). Другие считают, что они наносились чеканом (Халиков, [1960, с. 144]). Изучение керамики Средней Оки позволяет усомниться в правильности первого предположения. На большинстве фрагментов интервалы между ячейками абсолютно одинаковы, и накладка отпечатков друг на друга очень редко, чего практически невозможно достигнуть, прорабатывая поверхность сосуда гребенчатым штампом.

Это обстоятельство позволяет предполагать, что отпечатки данного варианта наносились каким-то штампом, деревянным или костяным, имеющим несколько рядов зубчиков (возможно, это был чекан с зубчатой поверхностью).

Вариант 6. Глубокие, резко очерченные подпрямоугольные ячейки со скругленными углами, размером 2-3 мм, поставленные вплотную друг к другу.

По своему внешнему виду она напоминает керамику с «рогожными» отпечатками. Однако ячейки на ней по сравнению с «рогожными» несколько меньших размеров и имеют округлённые очертания. Но также, как и на керамике с «рогожными» отпечатками в большинстве случаев отчётливо заметна рядность отпечатков.

Фрагменты с отпечатками 6-го варианта имеют примеси шамота, песка. Сосуды имеют эсовидный или невысокий прямой венчик, плавно переходящий в слегка выпуклое тулово. Днища плоские, с закраинами. Размеры реконструированного сосуда.

Очень часто на венчиках с отпечатками 6-го варианта встречаются мелкие сквозные отверстия. Орнамент встречается редко. Так на Тюковом городке встречена орнаментация в виде парных ямочек только на двух венчиках, что составляет 1,2 % фрагментов с отпечатками этого варианта.

Стратиграфическое положение керамики с отпечатками 6-го варианта зафиксировано при вскрытии вала Тюкова городка. Она залегает почти равномерно в верхней и нижней частях насыпи. Под насыпью встречены лишь единичные фрагменты, которые попали туда, вероятно, в результате перекопов[32].

Текстильная керамика с отпечатками 6-го варианта встречается на ранних городищах бассейна Средней Оки: Городецкое, городище у пос. Весёлый. Встречается в нижних слоях москворецких городищ: Щербинское. Обычна для ранних дьяковских городищ Костромской области (Минское городище) и Нижней Оки. Хронологические рамки её по-видимому 3-я четверть – середина I тыс. до н.э.

На Оке гребёнчатый орнамент никогда не господствовал абсолютно, как это было на В. Волге. На 2-м этапе рязанской культуры гребенчатый штамп весьма редкое явление, мало её на дубровичской керамике, если она и есть, то это, по-видимому, волосовское (?) влияние. Совершено нет гребёнки на памятниках Тюкова городка и [неразб.] рогожной керамике. В то же время на хронологически одновременных памятниках РСК В[ерхней]

[32] Зачёркнуты два последних предложения и написано от руки чернилами «*преимущественно в верхней части насыпи*».

Волги гребенчатый орнамент присутствует на 90% всей орнаментированной посуды[33].

Хронологическое распространение отдельных видов сетчатых фактур[34]**.**

Имеющийся в нашем распоряжении материал позволяет рассмотреть вопрос о распространении отдельных видов сетчатых фактур во времени. Делая это, мы основываемся на материалах 10 памятников бассейна Средней Оки, имеющих хронологический диапазон существования от первой половины II тыс. до н.э. до последних веков до н. э. Большинство из этих памятников имеют серию радиоуглеродных дат, позволяющих датировать не только время их существования в целом, но в ряде случаев и отдельных их этапов. Остаётся пока до конца не выяснен вопрос о времени появления сетчатой керамики на Средней Оке. В связи с этим отметим, что самые ранние проявления сетчатости (наличия сетчатых отпечатков) в Волго-Окском междуречье отмечены на поздней ямочно-гребенчатой керамике стоянок Сахтыш <...>[35] и Плещеево 2, исследовавшихся Д.А. Крайновым и А.Л. Никитиным. Плещеево 2 имеет радиоуглеродную дату, соответствующую рубежу III и II тыс. до н.э. [дан условный календарный возраст; ГИН-116, 2465-2278 calBC (89,7%)] [(Сулержицкий, Фоломеев, 1993а, с. 33)][36], которую А.Л. Никитин считает омоложенной[37]. Д.А. Крайнов существование ранней[38] сетчатой керамики относит ко времени не позднее середины III тыс. до н. э.

На Средней Оке сетчатых отпечатков на ямочно-гребенчатой керамике пока не обнаружено. Наиболее ранним памятником, керамический комплекс которого включает сетчатую керамику, является стоянка Логинов хутор (Логиновская Приозёрная), исследовавшаяся Т.Б. Поповой (1974). Основной керамический комплекс этого памятника имеет позднерепинский облик[39] и, несомненно, относится к допоздняковскому времени (до середины II тыс. до н.э. по Т.Б. Поповой) (Там же, с. 230). На полу жилища этой стоянки вместе с позднерепинской встречена и сетчатая, в том числе и целый сосуд [(Рис. 3)] по форме не отличающийся от других сосудов позднерепинского облика (Там же, с. 222, рис. 2, *б*).

Другим ранним памятником, содержащим сетчатую керамику, является Шагара 5, на котором обнаружены оборонительные укрепления в виде вала и рва. Сетчатая керамика на этом памятнике появляется в верхней насыпи вала, которая, к сожалению, не имеет радиоуглеродных дат. Однако средняя насыпь этого вала имеет надёжные радиоуглеродные даты [(Сулержицкий, Фоломеев, 1993а, с. 33)], соответствующие XIX-XVIII вв. до н.э. [дан условный календарный возраст; ГИН-5212, 2347-1931 calBC (94,7%)][40]. Предполагая, что временной интервал между созданием двух насыпей вала вряд ли был велик, мы можем ориентировочно отнести время возведения последней (третьей) насыпи вала и соответственно время появления на Шагаре 5 сетчатой керамики к XVIII-XVII вв. до н. э., что близко ко времени ранее середины II тыс. до н. э.

Следующим по хронологии памятником с сетчатой керамикой является стоянка Фефелов Бор I, исследовавшаяся Б.А. Фоломеевым. Керамический комплекс, кремневые и глиняные изделия этой стоянки близки сетчатой керамике и сопровождающим её изделиям Шагары 5. Поэтому, предложенная нами

[33] Абзац был дописан рукой по окончании напечатанного текста.

[34] Время написания этой части, вероятнее всего, либо совпадает с написанием статьи, вышедшей в 1998 г., являясь, таким образом, прямым дополнением к статье, но в силу разных причин не включённой, либо сопутствует или последует ей. Во главу угла «систематизации» (Фоломеев, 1998) положен морфологический анализ фактуры – зрительного восприятия обработанной поверхности, в то время как в предыдущей работе (Фоломеев, 1975) определяющей была изначальная реконструкция способов нанесения отпечатков. «Систематизация» в виде схемы представлена на рис. 6.

[35] Вероятнее всего, пропущено цифровое обозначение памятника у посёлка Сахтыш.

[36] Б.А. Фоломеев оперировал в тексте «условным календарным возрастом», который вычислялся вычитанием от 1950 г. полученного радиоуглеродного возраста «лет назад»; при калибровке дата относится к третьей четверти III тыс. до н.э.

[37] Таким же образом А.Л. Никитин считал омоложенной дату с поселения Плещеево III (1976, с. 77).

[38] Первоначально было написано «поздней», что, очевидно, является ошибкой.

[39] О позднерепинском компоненте в формировании предпоздняковских древностей см.: (Синюк, 1981; Королёв, 2013; и др.).

[40] Из опубликованных калиброванных данных на момент публикации дат (Сулержицкий, Фоломеев, 1993а, табл. 1) и при калибровке на сегодняшний день эти данные относятся ко второй половине III тыс. до н.э. или же к последней четверти III тыс. до н.э. Условная календарная дата часто использовалась в дальнейшем исследователями при упоминании памятника Шагара 5, что не вполне верно по сегодняшним представлениям.

ранее датировка этой стоянки XV-XIII вв. скорее всего должна быть удревнена. Остальные памятники, сетчатая керамика которых использована в данной работе, надёжно датированы радиоуглеродным методом[41].

В развитии сетчатых фактур керамики окских памятников можно наметить три основных этапа:

1. Ранний (до XII-XI вв. до н. э.) (стоянки Логинов хутор, Фефелов Бор I, Шагара 5, Гришинский исток 3).

2. Средний (развитой) – XII-XI – VII-VI вв. до н. э. (Городецкая стоянка, нижние слои Климентовской стоянки, Тюкова городка, Городецкого и Шишкинского городищ)

3. Поздний – от VII-VI вв. до н. э. (верхняя хронологическая граница не установлена) – (средние и верхние слои Городецкого и Шишкинского городищ, Тюкова городка, Климентовской стоянки).

Ранний этап

На раннем этапе доминирует керамика с рябчатыми фактурами. Особенно её много на Шагаре 5 – соотношение рябчатой и ниточной – 80:20[%], на стоянке Фефелов бор соответственно – 66:34[%].

Интересно отметить, что на Логиновом хуторе и Фефеловом Бору I ниточная фактура представлена только ниточно-шнуровыми отпечатками, а керамика с ниточно-жгутиковыми[42] отпечатками не отмечена. Однако количество сетчатой керамики на этих памятниках исчисляется всего несколькими сотнями фрагментов и при увеличении объёма материала на этих памятниках, возможно, появление керамики и с ниточно-жгутовыми отпечатками.

Общими признаками для всех трёх сетчатых фактур раннего этапа можно считать небольшой размер элементов, преобладание элементов коротких пропорций, равномерно-регулярное расположение элементов, высокую и среднюю плотность расположения. Уже на раннем этапе прослеживаются распад элементов на субэлементы, визуально наблюдающийся как попарное расположение более узких элементов. Однако это явление ещё не становится характерной чертой сетчатой фактуры раннего этапа.

В рябчатых фактурах раннего этапа наибольшее распространение получили элементы первого типа (№№1-4)[43], причём элементы полуовальной и сегментовидной формы (№3) появляются только в конце этапа (стоянка Гришинский исток 3) и продолжает существовать в начале развитого этапа. Из элементов типа 2 на раннем этапе есть только элементы мелкие, реже средние, имеющие вид коротких прямых или слегка изогнутых штришков или эсовидной формы (№5).

В ниточно-шнуровых фактурах доминируют мелкие или иволистные элементы (№9), расположенные в ряды-шнуры, где они имеют левый наклон элементов-витков. Левый наклон витков-элементов в рядах шнуровой фактуры является очень важным хронологическим признаком для всего первого этапа. Признак этот представляет собой визуально наблюдаемый результат направления первичного свивания волокон в нить и дальнейшего их переплетения с целью получения веревок или текстиля.

Примитивное витье без употребления орудий и сложных приспособлений всегда происходит в сторону тыльной поверхности руки, а витье при помощи веретена – в противоположном направлении (Сидоров, 1930, с. 7). Дальнейшее же перевивание или переплетение двух или нескольких нитей полученных из отдельных волокон, должно производиться в направлении противоположном первоначальному кручению волокон при соединении их в нить. В противном случае получаемая веревка или ткань теряет упругость и будет иметь тенденцию к самораспусканию. Таким образом, без применения технических средств (на раннем этапе пряслиц нет), нить, скручиваемая из волокон в сторону тыльной поверхности руки, будет иметь левый наклон волокон, а при последующем перевивании нитей в текстиль элементы-витки в тканях должны получить правый наклон. В негативе же, то есть в отпечатке на поверхности сосуда должна получится шнуровая фактура с левым наклоном витков-элементов, что мы и наблюдаем на раннем этапе развития сетчатых фактур.

Ниточно-жгутовая фактура на раннем этапе получила гораздо меньшее распространение, чем рябчатая или ниточно-шнуровая.

[41] Видимо, использовались опубликованные даты к 1993 г. (Сулержицкий, Фоломеев, 1993б).

[42] Автор оперировал определениями из своей же систематизации «текстильных» отпечатков (Фоломеев, 1998).

[43] В скобках, вероятно, указана ссылка на таблицу элементов фактуры; таблица, к сожалению, не сохранилась, но общий вид, очевидно, имеет аналогичный опубликованной в другой публикации (Там же, рис. 1, 2), за исключением того, что вместо цифр буквенные обозначения в соответствующем порядке.

Довольно регулярно прослеживается только один вариант ниточно-шнуровой фактуры, образованный относительно толстым (до 3 мм) разветвляющим жгутом (стоянка Фефелов Бор).

Средний (развитой) этап

На среднем этапе на большинстве памятников абсолютно преобладает керамика с ниточными фактурами, составляя в нижних слоях Климентовской стоянки 100%, Тюковом городке – 92 %, Городецком городище – около 80 %, Шишкинском городище – около 60 %.

Для сетчатых фактур среднего этапа характерно увеличении размера элементов до среднего и крупного при сохранении элементов мелких размеров, разной плотности расположения элементов – от очень высокой до низкой при преобладании средней и низкой. Расположение элементов продолжает оставаться регулярно-равномерным и полурегулярным, но больше становится керамики с нерегулярным расположением элементов. Значительно чаще (по сравнению с ранним этапом) наблюдается распад элементов на субэлементы и расположение их попарно под углом или параллельно. Особенно это характерно для рябчатой фактуры типа 2 (полулунчатые и скобковидные элементы).

В то же время важно подчеркнуть, что в целом для среднего этапа характерна устойчивость фактуры по сравнению с более динамично видоизменяюшейся фактурой раннего этапа. Формы, размер, взаимное расположение элементов в пределах образца обычно постоянное. Взаимное расположение элементов и их плотность, в значительной степени влияющие на общий вид (зрительный облик) фактуры, как правило, меняются в разных частях (зонах) сосудов (шейка, плечики, тулово, придонная часть). В большей степени это характерно для ниточной фактуры и особенно для ниточно-шнуровой, расцвет которой приходится как раз на средний этап. Однако главное отличие от ниточно-шнуровых фактур раннего этапа заключается в изменении наклона элементов витков в рядах шнуров с левого на правый. Надо полагать, что изменения происшедшие в фактурах среднего этапа (большая устойчивость фактур[44]), и изменение наклона витков в рядах произошло вследствие усовершенствования технических приспособлений для свивания нитей и изменений конструкций ткацких устройств.

Ниточно-жгутовые фактуры[45] среднего этапа не отличаются разнообразием. Одинаково распространены толстые и тонкие элементы-жгуты. В расположении жгутов прослеживаются те же закономерности, что и в расположении шнуров ниточно-шнуровых фактур. Исключение составляют короткие жгуты в виде стежков, которые И.Л. Чернай выделяет в отдельный тип [(Чернай, 1981, с.72)]. Своим внешним видом они, особенно овальные элементы, в значительной степени отличаются от всех других. Кстати – стежки, также одна из характерных черт среднего этапа. Их нет ни на раннем, ни на позднем этапах, а наибольшее распространение они получили, по-видимому, в конце среднего этапа (около IX-VIII – VII вв. до н.э.). Керамика со стежковыми элементами встречена на Тюковом городке, стоянках Большой лес 2, Климентовская.

Рябчатая фактура на среднем этапе занимает подчинённое значение. Среди элементов рябчатой фактуры преобладают вытянутые средние и крупные элементы полулунчатых, дуговидных, эсовидных (№5) форм. Из элементов типа 1 продолжают встречаться только мелкие полуовальные и сегментовидными (№3), да и то, по-видимому, только в начале этапа (нижний слой Тюкова городка).

Поздний этап

Для характеристики позднего этапа развития сетчатых фактур керамики окских памятников мы располагаем незначительными по объёму материалами. Они происходят из верхнего слоя Тюкова городка, Городецкого и Шишкинского городищ, среднего слоя Климентовской стоянки[46].

Отметим, что время существования Тюкова городка ограничено IV-III вв. до н.э., на Климентовской стоянке и Шишкинском городище сетчатой керамики, относящейся к позднему этапу мало, к тому же на Шишкинском городище к III в. до н. э. сетчатая керамика вытесняется рогожной. Единственным памятником дающим относительно полное представление о сетчатых фактурах позднего этапа является Городецкое городище, время существования которого ограничено последними

[44] Зачеркнута фраза, идущая следом, «*и их целенаправленное изменение в разных частях сосудов*»

[45] На полях надпись чернилами «*Всё же – два типа (!) одного вида*»; вероятно, относится к выделению в отдельный тип «ниточно-жгутовой» фактуры, наряду с «ниточно-шнуровой» в рамках одного вида «ниточной» фактуры.

[46] На полях надпись чернилами: «*Нет определённых данных по заселению Климентовской ст-ки в период с IV-III вв. до н. э. по II-III вв. н. э. (проверить бусину?)*»

веками до н. э. Таким образом, мы располагаем относительно полной выборкой материала только для характеристики начала позднего этапа развития сетчатых фактур.

На позднем этапе опять доминирует керамика с сетчатыми фактурами рябчатого вида. На Городецком городище она составляет 65%, Тюковом городке – 72%, однако, на Климентовской стоянке её всего 8%, а на Шишкинском городище – 35%, что, возможно, объясняется малой выборкой материала. В то же время можно предположить, что часть населения окской долины, особенно её левобережной части, продолжала сохранять древние традиции в использовании ниточных фактур.

Для сетчатых фактур позднего этапа характерны крупные элементы, высокая и очень высокая плотность их расположения. В рябчатых фактурах почти всегда прослеживаются деление элементов на субэлементы (видимые без увеличения), располагающиеся попарно под углом или параллельно друг к другу.

В фактурах рябчатого вида преобладают крупные дуговидные и полулунчатые элементы типа 2 (№8) и крупные элементы округло-прямоугольных, округло-трапециевидных, округло-ромбоидальных очертаний – тип 3. В ниточных – тонкие жгутовидные элементы, а овальные элементы типа 4, встречающиеся на керамике начала позднего этапа и к середине его (IV-III вв. до н. э.), по-видимому, исчезают.

Устойчивость фактур в целом сохраняется. На большинстве образцов с ниточными отпечатками прослеживается их равномерно-регулярное или полурегулярное расположение. На рябчатых фактурах из-за значительной плотности порядок расположения элементов прослеживается с трудом и возникает впечатление беспорядочности фактуры. Однако это не так. Мнимая беспорядочность фактуры (нерегулярность расположения элементов) возникает из-за того, что оттиски элементов становятся более глубокими и на глине отпечатываются не только поверхностные (наиболее рельефные) части фактур, но и их глубинные связи. Поэтому и создаётся впечатление беспорядочности из-за многочисленных перехлёстов одних элементов другими.

Появление таких мнимо беспорядочных более глубоких фактур, очевидно, связано с более глубоким проникновением инструмента нанесения сетчатых отпечатков в глину. Возможно, на раннем этапе наложение сетчатых фактур производилось на подсохшую глину без вдавления инструмента на неё, а на позднем фактура стала накладываться на сырую глину и иногда с давлением (выбиванием) на неё. Возможно, что такой способ на <…>[47].

ЛИТЕРАТУРА

Арзютов Н.К. К вопросу о так называемой «рогожной» керамике // Труды Нижневолжского научного общества краеведения. Вып. 35. Ч. 1. Саратов, 1926. С. 79–84.

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 275 с.

Городцов В.А. Отчет об археологических исследованиях в долине реки Ока в 1897 г. // ДТМАО. Т. XVII. М., 1900. С. 1–37.

Гурина Н.Н. Памятники эпохи бронзы раннего железа в Костромском Поволжье: (По материалам Горьковской экспедиции) // Труды Горьковской археологической экспедиции: Археологические памятники Верхнего и Среднего Поволжья / МИА. № 110 / Отв. ред. П.Н. Третьяков. М.-Л.: Наука, 1963. С. 85–204.

Каверзнева Е.Д., Челяпов В.П. Фоломеев Борис Андреевич (1942–2001) // Проблемы древней и средневековой археологии Окского бассейна / Отв. ред. В.П. Челяпов. Рязань: Поверенный, 2003. С. 5–10.

Королёв А.И. О предпоздняковском субстрате поздняковской культуры // Самарский научный вестник. 2013. № 4 (5). С. 92–95.

Лозе И.А. Поздний неолит и ранняя бронза Восточной Латвии. Автореф. дисс … канд. ист. наук. Л.: ЛОИА, 1972. 31 с.

Лопатина О.А. Начало изучения раннего железного века Центральной части Русской равнины // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 66–75.

Миронов В.Г. Посуда городецкого слоя Березниковского городища // Античный мир и археология. Вып. 1 / Отв. ред. В.Г. Борухович. Саратов: СГУ, 1972. С. 37–45.

Никитин А.Л. Дикариха: (По материалам раскопок 1959–1960 гг.) // МИА. № 110 / Отв. ред. П.Н. Третьяков. М.: Наука, 1963. С. 204–226.

[47] Далее текст обрывается

Никитин А.Л. Могильник Дикариха на Плещеевом озере // СА. 1973. № 2. С. 158–177.

Никитин А.Л. Эпоха бронзы на Плещеевом озере // СА. 1976. № 1. С. 69–86

Патрушев В.С. У истоков волжских финнов. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1989. 124 с.

Патрушев В.С. Ниточно-рябчатая керамика финноязычных племен России // Финно-угры России. Памятники с ниточно-рябчатой керамикой. Вып. 1 / Отв. ред. В.С. Патрушев. Йошкар-Ола: МарГУ, 1993. С. 3–20.

Попова Т.Б. Исследование памятников эпохи бронзы на Канищевских дюнах под Рязанью // Археология Рязанской земли / Отв. ред. А.Л. Монгайт. М.: Наука, 1974. С. 222–235.

Семенов С.А. К изучению техники нанесения орнамента на глиняные сосуды // КСИИМК. 1955. Вып. 57. С. 137–144.

Сидоров А.С. О витье волокнистых веществ. По орнаменту доисторической керамики. Л.: ГАИМК, 1930. 12 с. (ИГАИМК. Т. 6, вып. 5)

Синюк А.Т. Репинская культура эпохи энеолита-бронзы в бассейна Дона // СА. 1981. № 4. С. 8–20.

Сулержицкий Л. Д., Фоломеев Б. А. Радиоуглеродня хронология памятников с текстильной керамикой бассейна средней Оки // Финно-угры России. Памятники с ниточно-рябчатой керамикой. Вып. 1 / Отв. ред. В.С. Патрушев. Йошкар-Ола: МарГУ. 1993а. С. 20–34.

Сулержицкий Л.Д., Фоломеев, Б.А. Радиоуглеродные даты археологических памятников бассейна средней Оки // Древние памятники Окского бассейна / Отв. ред. В. П. Челяпов. Рязань: НПЦ по ОИПИКРО, 1993б. С. 42–55.

Трубникова Н.В. О технике нанесения узоров на посуду городецких и дьяковских городищ // КСИИМК. 1952. Вып. 47. С. 125–129.

Фоломеев Б.А. Тюков городок // СА. 1975. № 1. С. 154–170.

Фоломеев Б.А. Отчёт Мещёрского отряда Окской экспедиции Института археологии за 1977 г. / Архив ИА РАН. Р. 1. Д. 6837.

Фоломеев Б.А. Отчёт о работе Рязанского отряда Окской археологической экспедиции за 1978 г. / Архив ИА РАН. Р. 1. Д. 7337.

Фоломеев Б.А. Отчёт Окской археологической экспедиции за 1981 г. / Архив ИА РАН. Р. 1. Д. 8665.

Фоломеев Б.А. Фактура текстильной керамики бассейна Средней Оки // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 7 / Отв. ред. В.П. Челяпов, В.В. Судаков. Рязань: НПЦ по ОИПИКРО, 1998. С. 79–105.

Халиков А.Х. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы / ТМАЭ. Т. 1. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1960. 187 с.

Челяпов В.П. Б.А. Фоломеев и развитие археологических исследований на Средней Оке // Верхнее Подонье: Археология. История. Вып. 3 / Отв. ред. А. Н. Наумов. Тула: ГВИПМЗ «Куликово Поле», Тул. регион. отд-ие ВООПИК, 2008. С. 7–13.

Чернай И.Л. Выработка текстиля у племен дьяковской культуры (по материалам Селецкого городища) // СА. 1981. № 4. С. 70–86.

Информация об авторе:

Фоломеев Борис Андреевич (26.03.1942 – 19.09.2001), старший научный сотрудник, Государственный исторический музей (г. Москва, Россия)

THE TYPOLOGY OF TEXTILE PRINTS AND THE CHRONOLOGICAL DISTRIBUTION OF THE INDIVIDUAL TYPES OF TEXTILE PATTERNS SUPPLEMENTED WITH DRAFTS[48]

© 2017 **B.A. Folomeyev**

The paper represents a publication of draft papers and chapters of the thesis by a renowned Soviet and Russian archaeologist B.A. Folomeyev (March 26th, 1942 - September 19th, 2001) dedicated to the classification of 'textile' imprints and the discovered chronological features of their distribution. The publication is subdivided into two parts. They were written in various periods with a time difference of about 20 years, but represent a significant addition to the existing developments of Folomeyev's classifications of 1975 and 1998. The first part features a classification of 'textile' imprints is given with identified 12 variants corresponding to two types of imprints - 'pitted' and 'threaded'. Similarly to the classification for Tyukov town, the primary criterion is the difference in the method of applying imprints on the surface, but an amount of material from more than a single site was used as the source. The paper also features important observations concerning the forms, ornamentation, impurities and other peculiarities of time and space. The second part of the paper is dedicated to the identification of chronological features and the arrangement of the development periodization of the 'textile' ('mesh') textures ('pitted', 'thread-cord' and 'thread-filament') preciously identified on the basis of morphological features in 1998 using the materials of archaeological sites dating back to the Bronze Age and the Early Iron Age located in the Middle Oka region. The periodization consists of the following three periods: early (prior to the 12th-11th centuries B.C.), middle (developed) (12th-11th - 7th-6th centuries B.C.) and late (since the 7th-6th centuries B.C.).

Keywords: 'Textile' ceramics, 'mesh' ceramics, imprints on ceramics, research history, Late Bronze Age, Early Iron Age, Middle Oka region.

About the author:

Folomeyev Boris A. (26.03.1942 - 19.09.2001), Senior Researcher, State Historical Museum (Moscow, Russian Federation)

[48] Foreword, comments and text processing by E.S. Azarov

Рис. 1. Схема «типологии» «текстильных» отпечатков в черновиках с указанием изображений установленных сосудов. Римские цифры – тип, арабские – вариант.

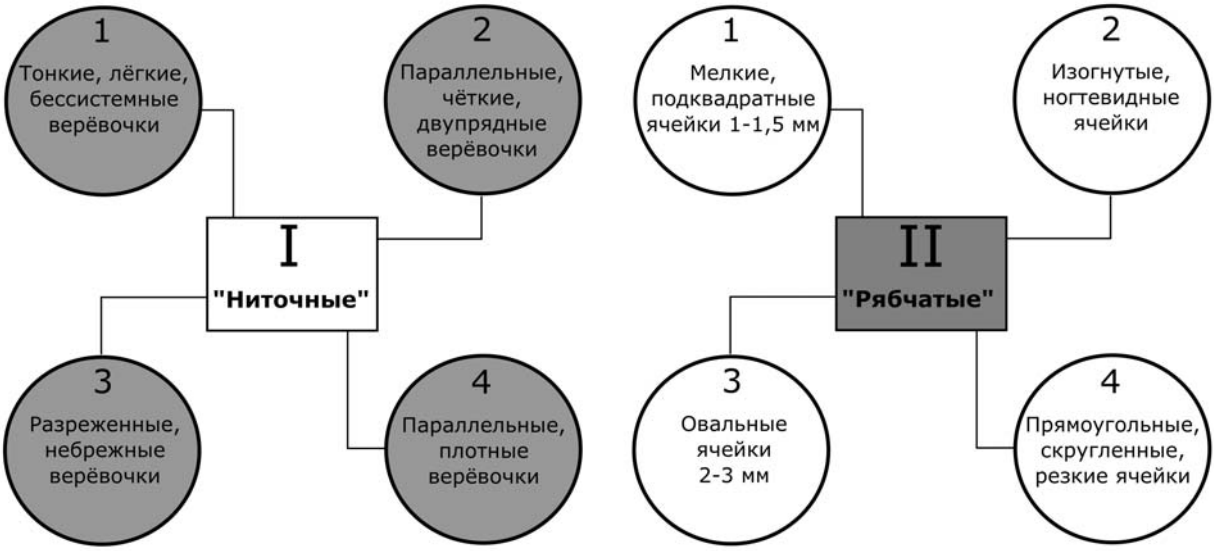


Рис. 2. Схема классификации «текстильных» отпечатков в публикации материалов городища Тюков городок (Фоломеев, 1975). Римские цифры – тип, арабские – вариант.

Рис. 3. Текстильные» отпечатки «ниточного» типа первого варианта.

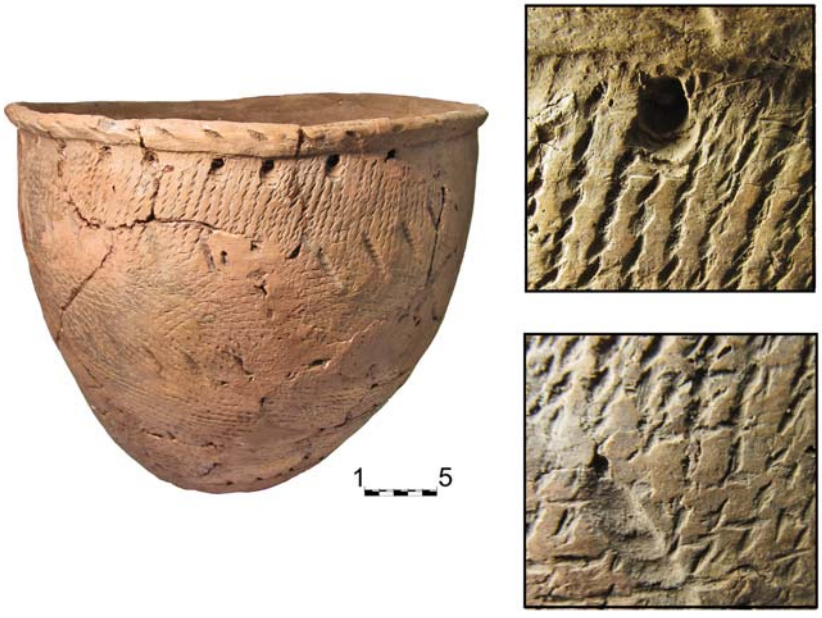


Рис. 4. Текстильные» отпечатки «ниточного» типа второго варианта.

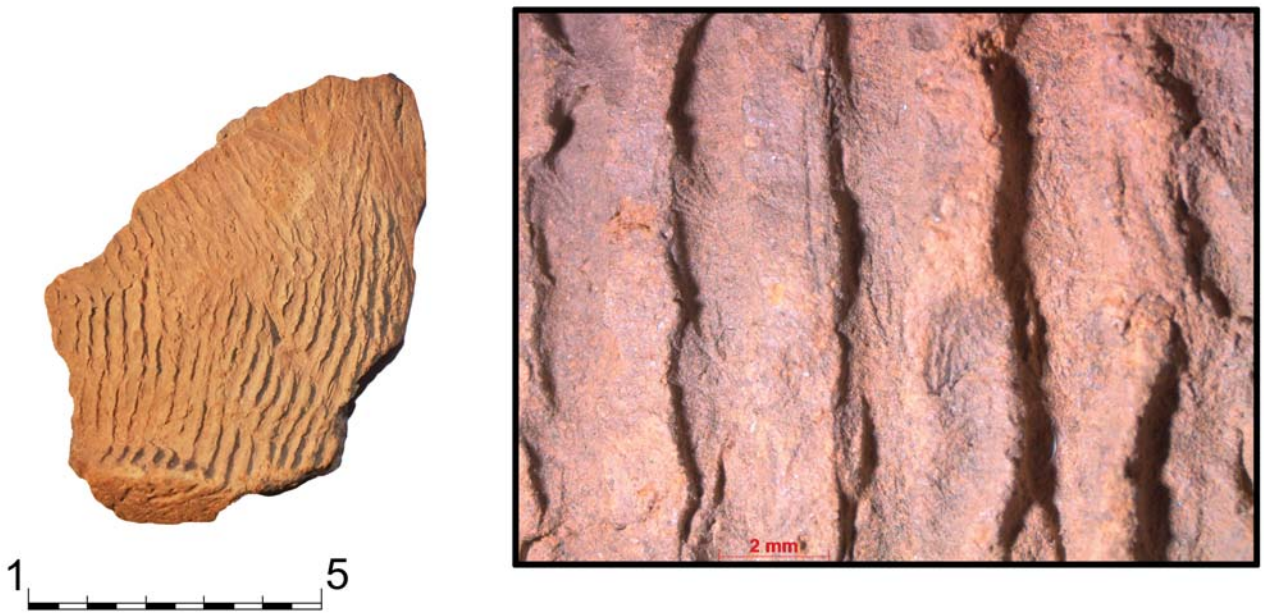


Рис. 5. Текстильные» отпечатки «ниточного» типа четвёртого варианта.

Рис. 6. Схема «систематизации» «текстильных» отпечатков (Фоломеев, 1998)

АНАНЬИНСКИЙ МИР И СИБИРЬ

УДК 903.052

КЕРАМИКА КУЛЬМИНСКОГО ТИПА

© 2017 г. Ю.П. Чемякин

Кульминский тип керамики выделен в 1967 г. В.Д. Викторовой по материалам Туманского IV селища на реке Кульма в бассейне Тавды. Он встречен и на других памятниках, в том числе вместе с посудой северного (вагильского) типа гамаюнской культуры. Ареал кульминской керамики охватывает север Свердловской области и Ханты-Мансийский автономный округ, преимущественно бассейны рек Тавды, Конды и Нижнее Приобье. Она обнаружена на 11 городищах, 7 местонахождениях и примерно на 80 поселениях. Преобладают сосуды горшковидной с короткой шейкой или котловидной формы, с округлым днищем. Узор покрывает верхнюю треть или половину емкостей и выполнен штампами, в том числе прокатанными, реже — насечками, тонкими резными линиями. Распространены гребенчатый (с мелкими зубцами), гладкий и фигурные штампы: в виде змейки, ромба и т.п. Встречаются отпечатки шнура. Орнаментальные мотивы представлены горизонтальными поясками из оттисков штампов, наклонными колонками из них же, зонами взаимопроникающих треугольников, ромбической сеткой. На переходе от шейки к плечику — 1–2 ряда ямок (круглых, треугольных или ромбических), встречаются жемчужины. Аналоги такой посуде можно найти среди сосудов гамаюнской, иткульской и белоярской культур. Датируется кульминский тип керамики в пределах VIII/VII–IV вв. до н.э. Его происхождение связывают с посудой лозьвинской культуры.

Ключевые слова: кульминский тип керамики, ранний железный век, бассейн Конды.

В 1967 г. В.Д. Викторовой по материалам Туманского IV селища на р. Кульме в бассейне Тавды был выделен кульминский тип керамики. Малочисленность разведочных коллекций не позволили ей всесторонне охарактеризовать его, выяснить генезис типа и исторические судьбы населения, которому он принадлежал. В.Д. Викторова писала, что границы распространения кульминской посуды в общих чертах совпадают с ареалом памятников вагильского варианта гамаюно-каменогорской культуры. Сами сосуды – круглодонные, приземистой формы, с короткой, слегка отогнутой наружу, шейкой и плоским венчиком, изготовлены из глины с большой примесью песка и мелкой гальки (рис. 1). Орнамент, покрывавший 2/3 сосуда, наносился длинным мелкозубым гребенчатым штампом, тонкими резными линиями, насечками и ямками круглой, треугольной и ромбической формы. Шейка украшалась узорами в виде ромбической сетки, поясками из вертикальных или наклонных оттисков штампа, горизонтальных линий, на перегибе — поясок из 1–2 рядов ямок. Тулово орнаментировалось взаимопроникающими треугольниками, ромбической сеткой. В.Д. Викторова не видела никаких черт преемственности этой керамики с местной и ее влияния на последующее развитие местных сосудов (Викторова, 1967, с. 114). Неясностей было так много, что, предлагая схему (этапы) развития керамики с фигурно-штампованной орнаментацией из бассейна р. Тавды на совещании 1970 г. в Томске, она даже не упомянула о кульминском типе (Викторова, 1970). Как писала В.Д. Викторова, «назвать сколько-нибудь близкие аналогии к ней [кульминской керамике – *Ю.Ч.*] из зауральских культур затруднительно. Можно лишь констатировать факт, что все узоры на этих сосудах имеют зауральское происхождение, что самая характерная, на наш взгляд, черта — подчеркивать узор бахромой из насечек, — встречается на сосудах горного и лесостепного Зауралья в эпоху развитой бронзы» (Викторова, 1967, с. 115). Сходство тавдинской керамики с посудой из Нижнего (Тюменского) Притоболья привело к тому, что В.Д. Викторова включила эту территорию в кульминский ареал. Позднее, в публикациях материалов поселения на северном берегу Андреевского озера (СБАО I) и Туманского поселения–святилища–костища, она лишь упомянула о присутствии обломков кульминских сосудов на этих памятниках и привела рисунки 2–3 фрагментов (Викторова, 1976, с. 66, рис. 3: *8, 9*; 1999, с. 131, рис. 5: *1, 3, 6*).

Этим же ограничились В.М. Морозов и С.Н. Панина при публикации материалов городища Янычково, расположенного на правобережном мысу р. Исток (Ольховка) в 2,5 км

от места впадения ее в оз. Янычковское, в 20 км к ССВ от г. Тавды. Характеризуя многослойный памятник, они писали, что с началом железного века связаны «единичные фрагменты иткульской посуды и два–три развала кульминских сосудов» (Морозов, Панина, 1997, с. 76, рис. 4: *8*).

В 1983 г. В.И. Стефанов в ходе разведки на р. Атымья (левый приток р. Пелым, левого притока р. Тавды) обнаружил фрагменты трех сосудов кульминского типа (местонахождение Атымья III). Это были горшковидные и котловидная емкости с короткой слегка отогнутой наружу шейкой (2 экз.) или венчиком (1 экз.) и выпуклым плечиком (рис. 2, *1-3*). Все венчики плоские. Узоры покрывали шейку и плечико, едва заходя на верхнюю часть тулова сосуда. Переход от шейки к плечику подчеркнут рядом треугольных ямок (2 экз.) или жемчужин (1 экз.). Ямки в одном случае расположены вершинами вверх, в другом — навстречу друг другу. Орнамент наносился гладким и гребенчатым, в том числе прокатанным, штампами. Орнаментальные мотивы представлены ромбической сеткой (незаштрихованными ромбами) и поясом «вложенных углов» (или зоной «псевдоплетёнки» из сдвоенных разнонаклонных отрезков) из оттисков «гребенки».

Активные работы с начала 1970-х гг. на территории Ханты-Мансийского автономного округа привели к открытию большого количества древностей кульминского типа в бассейне р. Конды. На ряде памятников фрагменты кульминской керамики были найдены вместе с посудой северного (вагильского) варианта гамаюнской культуры. Сегодня известно около 100 памятников, на которых обнаружена кульминская керамика (11 городищ, 7 местонахождений, остальные — поселения). Из них около 80 находятся в бассейне Конды, по 11 — в бассейне Тавды и в Нижнем Приобье, вплоть до Полярного круга (поселение Корчаги 5). С одной стороны, такое распределение отражает степень изученности территорий. С другой — достаточно вероятно, что бассейн Конды — основной ареал кульминских древностей. Здесь кульминские материалы были получены при раскопках 17 памятников, но только на трех из них выявлены остатки 4 жилищ и следы легких построек (поселения Геологическое III, Большая Умытья 58, Лемья 19.1); еще на четырех поселениях обнаружены открытые кострища и ямы с кульминской посудой (Ахтымья 1, Большая Умытья 61, Большая Умытья 74, Сатыга). На остальных памятниках встречены лишь отдельные фрагменты и небольшие скопления кульминской посуды, что свидетельствует о кратковременном пребывании населения начала железного века в данных местах (временные стоянки рыболовов и охотников).

При отсутствии публикаций возникла ситуация, когда, несмотря на значительное число выявленных памятников с кульминской керамикой, в среде археологов не сложилось единого представления о последней. Кульминские коллекции почти не охарактеризованы, в немногочисленных статьях часто лишь упоминается наличие фрагментов таких сосудов, в лучшем случае с публикацией некоторых из них. А это приводит к различному пониманию «кульминского типа посуды».

Рассмотрим доступные нам коллекции[1].

На поселении Геологическое III (правобережье среднего течения р. Эсс, верховья р. Конды) в раскопе 6 площадью 24 м² автором была исследована наземная кульминская постройка (Чемякин, 2007). С ней связана керамическая коллекция, включавшая обломки полутора десятков сосудов, в том числе 10 верхних частей (рис. 2, *4-13*). Преобладают закрытые сосуды котловидной (с короткой шейкой) или баночной, близкой чашевидной, формы, с округлым днищем. Одна емкость горшковидная, с отогнутой наружу шейкой (рис. 2, *4*). Встречены два фрагмента поддонов. Среди венчиков есть уплощенные (6 экз.), округлые (2 экз.) и приостренные (2 экз.). На двух сосудах под венчиком отмечено подобие воротничка (рис. 2, *8, 12*). Снаружи поверхность емкостей хорошо заглажена, изнутри — затерта щепой. Узоры покрывали шейку и плечико, редко заходя на верхнюю часть тулова сосуда. Под венчиком или на переходе от шейки к плечику проходил ряд ямок (круглых – 3 экз., треугольных – 2 экз., или четырехугольных – 3 экз.), в двух случаях — жемчужин. Несколько сосудов были украшены только таким рядом (рис. 2, *4-7*). Орнамент наносился в основном гребенчатым штампом, реже — гладким (в том числе вдавлениями угла штампа). Орнаментальные мотивы представлены горизонтальными поясками из оттисков этих штампов, наклонными колонками из них же, зоной разнозаштрихованных прямоугольников (рис. 2, *12*), ромбической сеткой (рис. 2, *9*). Следует отметить отсутствие в коллекции емкостей, украшенных взаимопроникающими треугольниками, рядами сдвоенных ямок, что, по мнению В.Д. Викторовой, характерно для кульминского типа.

На поселении Ахтымья 1, расположенном на правом берегу р. Леушинки, в 10 км от места впадения ее в оз. Леушинский Туман (среднее течение р. Конды), вскрыто 500 м²

[1] Автор весьма признателен своим коллегам из ООО НАЦ АВ КОМ–Наследие и Уральского федерального университета, в первую очередь А.А. Погодину, Т.Ю. Клементьевой и В.И. Стефанову за предоставленную возможность обработки и публикации неизданных материалов из их раскопок и разведок.

(раскопки А.Е. Цеменкова, 2004 г.). Основные слои связаны с лозьвинской и кулайской культурами (Чемякин, 2012; 2015). Среди инокультурных находок в коллекции присутствуют 96 фрагментов от 5 сосудов кульминского типа (рис. 3). В раскопе они концентрировались компактными скоплениями в двух квадратах. Сосуды представляют собой горшковидные, близкие котловидным круглодонные емкости с короткой вертикальной или слабо отогнутой наружу шейкой и ярко выраженными плечиками. Венчики уплощенные или округлые. Толщина стенок 6,5–7 мм, и только у одного сосуда до 8,2 мм. Поверхность их хорошо заглажена (возможно, тканью). С внешней стороны она замыта так, что проступают зерна примеси, затрудняя прочтение орнамента. В глине примесь шамота и мелкого песка. У 4 сосудов изнутри сохранился пригар. Украшались венчики, шейки и плечики, нижняя часть емкостей не орнаментировалась. Орнамент наносился мелким гребенчатым штампом в технике прокатывания, по одному случаю — коротким гладким штампом и мелким косым крестом. Узоры на венчиках представлены наклонными и поперечными оттисками штампа и косой сеткой. Шейки орнаментировались горизонтальными линиями или зонами из взаимопроникающих заштрихованных треугольников. У двух сосудов шейки декорированы изнутри наклонными и пересекающимися оттисками «гребенки» (рис. 3, *2, 5*). В основании шеек всегда присутствует разделительный поясок из одинарных или сдвоенных ямок, преимущественно подпрямоугольных (в одном случае — вытянуто-эллипсоидных, или семечковидных). Плечики украшены зонами из взаимопроникающих заштрихованных треугольников, горизонтальными линиями и поясками из вертикальных оттисков гладкого или гребенчатого штампа.

Судя по локальной концентрации и малому числу найденных сосудов, они отражали непродолжительную стоянку какого-то промыслового коллектива.

Небольшая кульминская керамическая коллекция была получена на поселении Большая Умытья 58 в низовьях р. Большая Умытья (левый приток р. Конды в ее верхнем течении). В раскопе площадью 864 м² Т.Ю. Клементьевой были зафиксированы следы наземного жилища эпохи раннего железа (Клементьева, 2012). В его границах, а также в непосредственной близости от него были найдены 75 фрагментов керамики, как минимум от 6 сосудов приземистой котловидной и горшковидной формы с вертикальной или отогнутой наружу короткой шейкой и уплощенным (4 экз.) или округлым (2 экз.) венчиком. Обломки еще не менее 10 подобных сосудов были собраны на памятнике в ходе разведок 1994 и 2009 гг. Л.А. Плешковой и А.А. Погодиным (рис. 4). Диаметры устья реконструируемых сосудов 30–35 см. Толщина стенок составляет 5,5–7,0 мм, венчиков — 7,0–9,0 мм. Внешняя и внутренняя поверхности заглажены, на внутренней поверхности двух сосудов заметны следы заглаживания щепой или зубчатым штампом. На ряде фрагментов сохранился нагар. Глиняное тесто рыхлое, запесоченное. В качестве примесей применялись дресва, мелкая галька, песок, шамот и лимонит (охра). Цвет внешней и внутренней поверхностей сосудов — светло-серый, светло-коричневый, коричневый. Украшались венчики, шейки и плечики емкостей. Орнамент наносился мелким гребенчатым или крупным змейковидным штампами в технике прокатывания, наколами углом штампа. Прокатанный змейковидный штамп образует оттиски в виде зигзагообразных линий с мелким шагом. Узоры на венчиках представлены поперечными или наклонными в обе стороны оттисками гребенчатого или змейковидного штампа. Шейки украшены вертикальными оттисками волнистого штампа или наклонными вправо отпечатками мелкозубой гребенки или крупной «змейки», редкой ромбической сеткой. Переход от шейки к плечику подчеркнут рядом глубоких ямок («разделительным поясом»), круглых в одном случае и треугольных, реже ромбических — в остальных. Причем у пяти сосудов вершины смежных треугольных вдавлений разнонаправлены, а у двух из них ямки смещены по вертикали, образуя два ряда. Орнаментальные композиции на плечиках состоят из зон наклонных поясков, иногда выполненных разными штампами или оконтуренных мелкими наколами («бахромой»), зон «вложенных углов» (или «псевдоплетёнки»), незаштрихованных треугольников. Из разведочных сборов происходят обломки сосудов, украшенных по плечикам широкой зоной крупных взаимопроникающих треугольников со штриховкой внутри, полыми прямоугольниками или прямоугольными меандрами, в том числе оконтуренных бахромой из коротких наколов.

Комплексы раннего железного века на поселении Большая Умытья 74 выявлены в раскопе 1 площадью 1020 м² (Погодин, 2007). Они представлены очажными пятнами и приуроченными к ним фрагментами 5–7 сосудов кульминского типа. Возможно, очаги были не просто открытыми кострищами, а являлись конструктивной частью наземных построек легкого типа. Емкости котловидные и горшковидные (рис. 5), с короткой вертикальной или отогнутой наружу шейкой, раздутым туловом и округлым дном; один сосуд закрытой формы с едва профилированным плечиком (рис. 5, *1*). В одном случае зафиксировано измене-

ние профилировки сосуда, в том числе за счет подлепа изнутри на одном участке дополнительной ленты (рис. 5, *8, 8а*). Из сохранившихся венчиков два округлые и два — уплощенные. Диаметры устья сосудов 25–35 см, толщина шейки 6,0–8,0 мм, тулова — 4,0–8,0 мм. Глиняное тесто содержит дресву, песок (в том числе кварцевую крошку), мелкую гальку. Внутренняя и внешняя поверхности заглажены, у одного сосуда до блеска. У трех же емкостей лицевая сторона и венчики так разрушены, что на них практически не читается орнамент. Причина этого — плохой обжиг и обильная примесь песка и дресвы. Узоры наносились мелкозубчатым гребенчатым и змейковидным штампами в технике прокатки и штампования, в том числе углом орнаментира, а также насечками. Два сохранившихся венчика украшены, один — поперечными оттисками змейковидного штампа, другой — наклонными вправо оттисками мелкой «гребенки». В основании шейки двух сосудов разделительный поясок из глубоких ромбических или подпрямоугольных ямок, у трех он представляет собой двойной ряд треугольных вдавлений, вершинами навстречу друг к другу. Сохранившиеся орнаментальные композиции представлены зонами заштрихованных взаимопроникающих треугольников (в одном случае она переходит в крупные заштрихованные ромбы — рис. 5, *8*), вложенных углов, оконтуренных прямыми линиями из оттисков углом гребенчатого штампа и прокатанной гребенки, фестонами из наклонных поясков, «бахромой» из коротких вертикальных оттисков штампа. На одном сосуде поясок из горизонтальных оттисков прокатанной «гребенки» на шейке чередуется с участками ромбической сетки (рис. 5, *8, 8а*)

Более крупная коллекция, но также без выявленных объектов раннего железного века, была собрана А.А. Погодиным при раскопках многослойного поселения Большая Умытья 9, расположенного на правобережном мысу одноименной реки. В двух раскопах общей площадью ок. 1740 м² были обнаружены 265 обломков минимум от 13 емкостей кульминского типа (Погодин, 2010). Все сосуды горшковидные, близкие котловидным, с короткой плавно или резко отогнутой шейкой, несколько раздутым туловом и округло-приостренным дном (рис. 6, 7). У четырех из них венчики плоские прямые, у семи — округлые. Диаметры емкостей от 19 до 34 см. Толщина стенок 4,5–7,0 мм, венчиков — 5,5–8,0 мм. Ширина лент 45–50 мм. Изготовлены в технике ленточного налепа и обожжены костровым способом. Глиняное тесто как рыхлое, запесоченное, так и относительно плотное. В качестве примеси использовались крупнозернистый песок, мелкотолченая дресва, в том числе кварцевая, единично шамот и охра. Цвет черепков серо-желтый, серо-коричневый, красно-коричневый. Внутренняя и внешняя поверхности ровные, гладкие, но внешняя местами сильно шероховатая из-за плохой сохранности, выщерблин. Изнутри фиксируются следы заглаживания шпателем. На ряде фрагментов сохранились следы нагара и пригара.

Украшались венчики, шейки и плечики емкостей. На перегибе от шейки к плечику (в основании шейки) нанесены пояски ромбических или подтреугольных ямок, на 4 сосудах ямки расположены в два ряда в шахматном порядке. Лишь в одном случае ямки округлые (рис. 7, *8*), а в другом ямки с внутренней стороны образуют жемчужины с внешней (рис. 7, *5*). На двух сосудах под пояском ямок замечен тонкий желобок с наплывшим верхним краем, образовавшийся, возможно, от круговой стяжки горловины каким-то гладким шнуром (рис. 6, *3, 5*).

В качестве орнаментиров в основном применялся гребенчатый штамп с тонкой нарезкой зубцов, а также змейковидный (рис. 6, *3*; 7, *2*) и гладкий, в том числе вытянутотреугольной (рис. 7, *3*) и Г-образной (рис. 7, *4*) формы. Три сосуда, предположительно, украшены оттисками шнура (рис. 6, *4*; 7, *6, 7*). В одном случае использовалась полая трубочка (рис. 7, *6*). Узоры наносились штампованием, прокатыванием и наколами, в том числе углом штампа. На одном сосуде при прокатке применялся инструмент с гладким, полукруглым в сечении рабочим краем (рис. 7, *3*). Венчики орнаментированы гребенкой (6 экз.), гладким (2 экз.) и змейковидным (? – 2 экз.) штампами, 3 экземпляра без орнамента. При этом на ряде венчиков наклон оттисков на разных участках отличался (рис. 6, *3, 4*; 7, *1, 6*). Шейки сосудов украшены горизонтальными линиями, вертикальными и наклонными отпечатками или ромбической сеткой из оттисков печатной гребенки. Один сосуд декорирован по верху пояском многорядного прокатанного зигзага с разбивкой его аналогичными вертикальными отпечатками (рис. 6 – *3*). На плечиках преобладают композиции из зон взаимопроникающих треугольников или «вложенных углов» («псевдоплетенки» из разнонаправленных наклонных лент, образованных прокатанными или печатными оттисками штампа, между которыми иногда расположены ряды насечек, оттисков полой трубки). В одном случае плечико орнаментировано наклонными разнозаштрихованными поясками оттисков шнура (? — рис. 6, *4*). На другом сосуде от нижнего края зоны, украшающей плечико, опущены фестоны из строенных вертикальных оттисков гребенки (рис. 7, *7*). Два сосуда отличаются разреженностью и простотой узора: от края горловины по шейке на плечико спуска-

ются диагональные линии из оттисков углом гребенчатого или гладкого штампов (рис. 6, *1*; 7, *8*). Один горшок декорирован лишь пояском глубоких ромбических ямок, подчеркнутым на переходе от шейки к плечику тонким желобком (рис. 6, *5*).

Керамическая коллекция раннего железного века, собранная на поселении Лемья 19.1, представлена обломками примерно 37 сосудов, из которых 28 — верхние части с сохранившимися венчиками, остальные — фрагменты орнаментированных стенок и плечиков. Памятник исследовался в 2013 г. С.А. Крузементом (151 м²) и в 2014 г. А.А. Погодиным (1883 м²) (Круземент, 2015; Погодин, 2015). А.А. Погодиным были изучены две наземные постройки с кульминской керамикой. Сосуды горшковидной формы с короткой шейкой и, преимущественно, относительно высоким плечиком (рис. 8). Есть емкости без шеек — котловидные (рис. 8, *8, 9*), в том числе с профилированным плечиком (рис. 8, *3*). Шейки почти вертикальные или чуть отогнутые наружу, есть дугообразно выгнутые (рис. 8, *1, 2, 6*). Единичны сравнительно высокие шейки, среди которых тоже есть дугообразно выгнутые. В четырех случаях на шейках сформовано подобие воротничка (рис. 8, *10, 12*). На одном сосуде под венчиком с внешней стороны имеется клювовидный выступ (рис. 8, *10*). Плечики относительно выпуклые, редко близки вертикальным (рис. 8, *2, 13*). Днища отсутствуют, но, судя по профилировке и неорнаментированным фрагментам керамики, были округлыми или слегка приостренными. Венчики уплощенные (74,1%), в том числе с намечающимся карнизиком с внешней стороны (7,4%), или округлые (18,5%). Толщина их 4,0–7,0 мм, как правило, равна толщине плечиков и чуть больше толщины стенок. Диаметры по устью реконструируемых сосудов варьируют от 20 до 36 см. Найден также обломок миниатюрной, не орнаментированной емкости баночной формы с толщиной стенки 0,2–0,3 см; его высота 1,6 см (рис. 8, *15*). Глиняное тесто сосудов относительно рыхлое, в качестве примеси преобладает песок или дресва, часто с крупными кварцевыми зернами. Изредка использовался шамот. На одном фрагменте с внешней стороны остался отпечаток рыбьей чешуи (рис. 8 – *5а*), но вряд ли последняя применялась как добавка к глине. Гладкая поверхность часто несет следы выравнивания шпателем. У четверти сосудов с внешней стороны сохранился нагар, у четырнадцати — пригар с внутренней стороны.

Декор наносился только по верхней части сосуда. Для всех сосудов характерно наличие ряда ямок округлой и квадратной (по 7,4%), ромбической (26,0%) либо треугольной (37,0%) формы в основании шейки («разделительный поясок»). Шейка одной емкости подчеркнута комбинацией ямок и жемчужин, у шести (22,2%) разделительный поясок выражен рядом приплюснутых жемчужин (рис. 46, *7, 8, 12, 14-16*). На некоторых фрагментах приплюснутые жемчужины чередуются с выпуклыми. Орнаментация выполнена в технике штамповки гребенчатым, змейковидным, треугольным, ромбическим, крестовым и другими штампами, а также прокатыванием и прочерчиванием (единично). Штамп ставился как вертикально, так и под углом к поверхности сосуда. Из 27 венчиков четыре были слишком малы или разрушены, из остальных (23=100%) три неорнаментированы и 20 украшены оттисками штампа, в том числе с наклоном вправо (30,4%), влево (26,1%) или чередованием участков с наклонами в противоположные стороны (21,7%). Зафиксировано по одному случаю вертикальных (поперечных) оттисков и образующих зигзаг. Абсолютно преобладают оттиски гладкого штампа (или насечки) — 65,2%. Гребенчатым штампом украшены 17,4% венчиков, на одном отмечены частые ногтевидные отпечатки.

Среди орнаментов на шейках — пояски наклонных оттисков или ряды отдельных вдавлений штампов, косая сетка и горизонтальные линии. На плечиках преобладают наклонные пояски прочерченных (в том числе двузубым штампом) или прокатанных линий, чередующихся с такими же поясками отпечатков штампов. Встречаются вертикальные колонки оттисков, редкая ромбическая сетка, меандровидные узоры, горизонтальные пояски из прочерченных линий или линий прокатанного штампа (горизонтальных или волнистых), зигзаги. Немногочисленна группа сосудов, узоры на которых ограничены рядом ямок в основании шейки («разделительным пояском» — рис. 8, *14*).

Коллекция, собранная А.А. Погодиным при раскопках стоянки Сатыга XVIIа и связанная, по его мнению, с кульминским городищем Сатыга XVII, насчитывает обломки 9–10 сосудов (Погодин, 2002). Это также горшковидные емкости с вертикальной и, чаще, отогнутой наружу короткой шейкой (рис. 9). Половина шеек имеет утолщение с внутренней стороны, что сближает их с керамикой гамаюнской культуры. Венчики приостренные и округлые (по 3 экз.), один — уплощенный. Диаметр по венчику реконструируемых сосудов 26–36 см, максимальный тулова — до 28–39 см, высота шейки 2–2,5 см. В глине примесь шамота и мелкой дресвы. На нескольких фрагментах сохранился нагар. Орнамент наносился в основном гребенчатым штампом, на двух сосудах фиксируются шнуровые оттиски (или псевдошнур?), еще на двух — отпечатки косо

поставленного крестового штампа. Две трети венчиков по внешнему краю украшались косыми или вертикальными насечками. Узоры на шейке представлены поясками горизонтальных линий, выполненных прокаткой, наклонных или вертикальных оттисков штампа. В одном случае зона на шейке состоит из чередования параллелограммов с горизонтальной и наклонной штриховкой внутри (рис. 9, *7*). Разделительный поясок в основании шейки выполнен глубокими коническими круглыми (в одном случае — овальными) ямками, часто перечеркнутыми насечками (оттисками углом штампа). В то же время ямки треугольной или ромбической формы, столь характерные для кульминской керамики, отсутствуют. Зону на тулове образуют чередующиеся пояски горизонтальных, вертикальных или наклонных оттисков штампа, взаимопроникающих заштрихованных треугольников или параллелограммов.

Несколько отличается от кондинской посуда, найденная на памятниках Нижнего Приобья и которую также относят к кульминскому типу. На Ендырском I городище коллекция кульминской керамики включает в себя фрагменты минимум 10 сосудов горшковидной и баночной формы, выделенных по венчикам (рис. 10, *1-8*). «Высота шеек около 2 см, толщина стенок 4–5 см. Посуда вылеплена из хорошо отмученной глины, содержащей в качестве отощителей примесь шамота и песка. Снаружи стенки хорошо заглажены, изнутри имеются «расчесы» от затирки грубым предметом. Декор покрывает всю верхнюю часть сосудов. Он наносился штампами в виде гребенки, змейки, а также концом палочки круглого и ромбического сечения. Узоры представляют собой пояски разнонаклонных отпечатков штампов, колонки и сгруппированные фигуры, чередующиеся со свободными от орнамента полями. Шейки некоторых сосудов оформлены в виде воротничков и всегда отделены от тулова поясками ямок или «жемчужин» (Зыков, Кокшаров, 2001, с. 54, рис. 25: *3-10*).

С кульминским типом или его влиянием В.М. Морозов связывал сосуды с ромбическими или треугольными ямками в разделительном пояске с городища Перегребное VI (Морозов, Чемякин, 2008, с. 217) и других памятников Перегребнинского и Низямского археологических кустов. Среди них также есть емкости как баночной, так и, в основном, горшковидной формы, в том числе с хорошо профилированной шейкой. На нескольких шейках присутствует воротничок (рис. 10, *12*). Узоры наносились гребенчатым (преимущественно) или гладким штампами и представляют собой горизонтальные линии или пояски, зигзаги, ряды наклонных оттисков штампа или косые колонки (рис. 10, *9-12*). На мой взгляд, эти сосуды могут отражать участие кульминских древностей в формировании перегребнинского типа памятников.

Подводя итоги, можно отметить, что среди кульминских сосудов преобладают горшковидные сосуды с прямой или отогнутой наружу короткой шейкой и закрытые емкости баночной или котловидной формы, с округлым днищем. Шейки на ряде сосудов утолщены изнутри, что характерно для гамаюнской и восточного варианта иткульской керамики. Нечасто, но встречаются и воротнички по верху шейки, вызывающие отдаленные ананьинские ассоциации. Преобладают плоские (уплощенные) или округлые венчики, иногда скошенные наружу; есть и приостренные венчики. Узор обычно покрывает верхнюю треть или половину емкостей и выполнен штампами, реже — насечками, тонкими резными линиями. Наиболее распространен гребенчатый (с мелкими зубцами) штамп, но использовались и другие, в том числе фигурные: в виде волны, змейки, ромба, треугольника и т.п. Встречаются разные варианты гладкого штампа и, редко, отпечатки шнура. Часто применялась прокатка штампа, что характерно также для лозьвинской и гамаюнской, включая ее вагильский вариант, керамики. Орнаментальные мотивы представлены горизонтальными поясками из вертикальных или наклонных оттисков этих штампов, наклонными колонками из них же, зонами взаимопроникающих треугольников или параллелограммов, вложенных углов, ромбической сеткой. На переходе от шейки к плечику — 1–2 ряда ямок (круглых, треугольных или ромбических), редко встречаются жемчужины. В глиняном тесте обычна примесь песка, часто крупнозернистого, дресвы, мелкой гальки, шамота.

Среди охарактеризованных коллекций выделяются керамические комплексы поселения Геологическое III отсутствием в нем емкостей, украшенных взаимопроникающими треугольниками, вложенными углами и рядами сдвоенных ямок, и стоянки Сатыга XVIIа — отсутствием в разделительных поясках на сосудах ямок треугольной и ромбической формы. Подобные различия могут носить как локальный, так и хронологический характер. Но, несмотря на них, кульминская посуда в бассейнах рек Тавды и Конды выглядит достаточно единообразно (малочисленность коллекций не позволяет использовать статистику). Другая ситуация с нижнеобской керамикой. Здесь можно выделить комплексы перегребнинского и низямского кустов в средней части нижнего течения Оби. Их сходство с кондинской посудой выражается в форме сосудов, наличии воротничков на шейках,

пояске из ямок ромбической формы в основании шейки, а также в наклонных колонках из оттисков гребенчатого или гладкого штампа на плечиках емкостей. Однако, с одной стороны, подобные признаки распространены шире кульминского ареала. С другой — обедненная по сравнению с тавдинско-кондинским вариантом орнаментация может означать и локальные, и хронологические различия. Иная ситуация с ендырской коллекцией, по многим признакам отличной от «классической» кульминской. Судя по публикации (Зыков, Кокшаров, 2001, с. 54), в ней отсутствуют сосуды, украшенные взаимопроникающими треугольниками и прямоугольниками, вложенными углами, ромбической сеткой, столь характерные для кульмино. Единичны и емкости, разделительный поясок на которых выполнен ромбическими ямками. Зато широко представлены узоры, выполненные штампами в виде уточки, птички, змейки (рис. 10, *1, 3-6*), что не типично для кульминской посуды. На наш взгляд, данная керамика ближе к синдейскому типу (возможно, отражает переход от кульминского к синдейскому).

Близкие аналоги кульминской посуде можно найти среди сосудов иткульской (исетской), в первую очередь ее восточного варианта, и белоярской культур. Особенно близок ей ранний (иткульский II) тип посуды восточного варианта иткульской культуры, датируемый концом VIII / началом VII — концом VI вв. до н.э. (Зимина, 2003, рис. 1: *10-13*). Не без оснований В.Д. Викторова отнесла 50 лет назад ряд памятников в окрестностях Тюмени к кульминскому типу. Уральские археологи соотносили подобные материалы также с «каменогорско-иткульскими» (Романова, Сухина, 1974, с. 46, рис.) или трактовали как тюменский вариант гамаюнской культуры (Борзунов, 1992, с. 122, 123, рис. 16: *28-39*). Отсутствие крупных кульминских коллекций не позволяет статистически сравнить их с восточными иткульскими, гамаюнскими и белоярскими, однако разные природные зоны и значительное расстояние, разделяющее ареалы этих типов, скорее, предполагает видеть в них разные явления. Визуально тюменские сосуды отличаются утолщением шейки в основании, отсутствием волнисто-прокатанных узоров. Для белоярской керамики не столь характерны треугольные или квадратные ямки, зоны взаимопроникающих заштрихованных треугольников, вложенных углов. В то же время посуда этих культурных типов близка между собой по форме, приемам нанесения орнамента, многим элементам узоров. Это позволило говорить об общности, объединяющей их и возникшей на основе западного варианта культурно-исторической общности керамики с гребенчато-ямочным орнаментом эпохи бронзы (Чемякин, 1993; Борзунов, Чемякин, 2006, с. 81, 82, рис. 1: *1-9*; 4). На западе кульминский ареал примыкает к ананьинскому миру, на юге и юго-востоке — к иткульскому, на востоке граничит с белоярской культурой.

Происхождение кульминских древностей по-прежнему вызывает много вопросов. Стратиграфические наблюдения на ряде памятников, близость керамических комплексов сосудам иткульской (исетской), белоярской, гамаюнской, в первую очередь вагильского варианта, культур, позволяют датировать кульмино началом раннего железного века (VIII/VII – IV вв. до н.э.). В эпоху поздней бронзы в бассейне Конды наиболее многочисленными были лозьвинские памятники, фиксируется также некоторое количество атлымских. Однако, как правильно замечает В.А. Борзунов, «эта [кульминская – *Ю.Ч.*] посуда более сходна с исетской и ранней юртоборской («иткульской») посудой, чем даже с предшествующей лозьвинской и вагильской» (2014, с. 231). Тем не менее, он счел возможным писать даже о кульминской **культуре**, связанной происхождением с лозьвинской АК: «Поздние лозьвинские группы, обитавшие на Конде и соседствовавшие с ранними гамаюнскими, стали основой для формирования кульминской культуры» (Борзунов, 1992, с. 135). Сходство узоров на кульминских сосудах с зауральской керамикой эпохи бронзы отмечала и В.Д. Викторова (см. выше).

Учитывая количество лозьвинских и кульминских памятников в бассейне Конды и верховьях Тавды, происхождение последних от первых наиболее вероятно. Не исключено, что какую-то роль в их формировании сыграло и население атлымской культуры. Смена же формы и характера орнаментации сосудов наблюдается и на других таежных территориях в переходное от эпохи бронзы к железу время (в частности, в Сургутском Приобье). На кульминской посуде, как и на лозьвинской, при орнаментации часто применялась прокатка штампа, использовались фигурные штампы. Однако небольшое количество раскопанных памятников как позднего бронзового, так и раннего железного веков в Северном Зауралье и Нижнем Приобье, малочисленность керамических коллекций, особенно кульминских, не позволяют использовать статистику и проводить детальное сравнение материалов. В то же время имеющиеся коллекции демонстрируют разнообразие и лозьвинской, и кульминской керамики. При накоплении материала могут быть выделены локальные и хронологические варианты памятников с керамикой данных типов. Так, лозьвинские древности на разных территориях, вероятно,

лежали в основе генезиса как вагильских, так и кульминских памятников.

В Нижнем Притоболье, когда-то включенном в кульминский ареал, сегодня тюменскими археологами выделен восточный вариант иткульской культуры (Зимина, Зах, 2009). Сосуды, относимые ко второму иткульскому типу, или исетскому, по В.Д. Викторовой (2008), и В.А. Борзунову (2014), достаточно близки кульминским и по форме, и по орнаментации. Не исключено, что в сложении этого варианта участвовали кульминские группы. Как пишет В.А. Борзунов, «это могло быть как результатом миграции небольших коллективов из верховьев Тавды и бассейна Конды вниз по р. Тавде (путь, не освоенный гамаюнскими коллективами), происходившей в самом начале железного века, так и результатом взаимодействия кульминских коллективов с исетскими и юртоборскими с целью получения зауральского цветного металла» (2014, с. 231).

Что касается исторической судьбы кульминского населения, то, как уже отмечалось, в Нижнем Приобье оно могло принять участие в сложении перегребнинских древностей, а в бассейне Конды — синдейских и кулайских (Морозов, Чемякин, 2008, с. 217, 218; Чемякин, 2001, с. 213).

ЛИТЕРАТУРА

Борзунов В.А. Зауралье на рубеже бронзового и железного веков (гамаюнская культура). Екатеринбург: УрГУ, 1992. 188 с.

Борзунов В.А. Гамаюнские, иткульские и «гамаюно-иткульские» древности: история изучения и проблема интерпретации // Проблемы сохранения и использования культурного наследия: история, методы и проблемы археологических исследований: Материалы VII научно-практической конференции «Сохранение и изучение недвижимого культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры», посвященной 90-летию со дня рождения В.Ф. Генинга (Нефтеюганск, 14–16 мая 2014 г.) / Науч. ред. В.А. Борзунов. Екатеринбург: Магеллан, 2014. С. 212–245.

Борзунов В.А., Чемякин Ю.П. Ранний железный век таежного Обь-Иртышья: итоги и перспективы // Археологическое наследие Югры. Пленарный доклад II Северного археологического конгресса / Отв. ред. В.И. Стефанов, Е.В. Перевалова. Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Чароид, 2006. С. 68–108.

Викторова В.Д. Археологическая карта рр. Туры и Тавды (опыт систематизации и периодизации археологических памятников). Т. 1, 2. Дисс. на соиск. уч. степ. к.и.н. Свердловск, 1967 / Архив ПНИЛ ЦАИ УрФУ. Ф. III. Д. 127.

Викторова В.Д. Этапы развития фигурно-штампованной орнаментации на сосудах памятников бассейна р. Тавды // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири / Отв. ред. В.И. Матющенко. Томск: Томск. ун-т, 1970. С. 254–270.

Викторова В.Д. Поселение позднего железного века на северном берегу Андреевского озера у г. Тюмени // Вопросы археологии Приобья. Вып. 1 / Науч. труды; Вып. 37 / Отв. ред. И.Н. Сосновкин. Тюмень: ТюмГУ, 1976. С. 63–88.

Викторова В.Д. Туманское I поселение, святилище, костище // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 3 / Ред. С.Е. Чаиркин. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999. С. 126–153.

Викторова В.Д. Новации и традиции в культурах древнего населения верховьев реки Исети (эпоха раннего железа) // Вестник УрО РАН. 2008. № 2 (24). С. 79–93.

Зимина О.Ю. Керамические комплексы городища Карагай Аул-1 в Нижнем Притоболье // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Вып. 4 / Отв. ред. Н.П. Матвеева, А.Н. Багашев. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2003. С. 49–53.

Зимина О.Ю., Зах В.А. Нижнее Притоболье на рубеже бронзового и железного веков. Новосибирск: Наука, 2009. 232 с.

Зыков А.П., Кокшаров С.Ф. Древний Эмдер. Екатеринбург: Волот, 2001. 320 с.

Клементьева Т.Ю. Отчёт о НИР: Проведение спасательных археологических работ на участке строительства объектов ТПП «Урайнефтегаз» в границах территории выявленного объекта археологического наследия «Поселение Большая Умытья 58» в Советском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2011 году. 1 кн. в 2 ч. Екатеринбург, 2012 / Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Д. № 29996, 29997.

Круземент С.А. Спасательные археологические полевые работы на поселении Лемья 19/1 в Советском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2013 г. // АО 2010–2013 / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2015. С. 670–671.

Морозов В.М., Панина С.Н. Городище Янычково (предварительные результаты исследования) // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 1 Екатеринбург: «Екатеринбург», 1997. С. 76–91.

Морозов В.М., Чемякин Ю.П. Керамика перегребнинского типа с поселения Низямы 9 // Вопросы археологии Урала. Вып. 25 / Отв. ред. В.Т. Ковалева. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2008. С. 208–219.

Погодин А.А. Отчет о раскопках стоянки Сатыга XVIIa и разведке в окрестностях озера Сатыгинский Туман в Кондинском районе ХМАО Тюменской области (1999 г.). Екатеринбург, 2002 / Архив ПНИЛ ЦАИ УрФУ. Ф. II. Д. 628.

Погодин А.А. Отчёт о НИР: Изучение и обследование современного состояния археологических объектов в Советском и Кондинском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Кн. 1: Аварийные раскопки поселения Большая Умытья 74 в Советском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2006 году. В 2 ч. Екатеринбург, 2007 / Архив ООО «НАЦ «АВ КОМ – Наследие». Оп. 3. Д. 72–74.

Погодин А.А. Поселение Большая Умытья 9: результаты полевых исследований 2007–2008 гг. в Советском районе ХМАО – Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: Сб. статей. Вып. 8 / Отв. ред. Я.А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск: Томск. ун-т, 2010. С. 146–183.

Романова М.В., Сухина Л.В. Городища № 5 и 7 раннего железного века на Андреевском озере // Из истории Сибири. Вып. 15 / Отв. ред. В.И. Матющенко. Томск: Томск. ун-т, 1974. С. 43–46.

Погодин А.А. Отчет о НИР: Противоаварийные спасательные работы на территории выявленного объекта археологического наследия «Поселение Лемья 19/1» в Советском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2014 году. 1 кн., в 2 ч. Екатеринбург, 2015 / Архив ООО НАЦ «АВ КОМ – Наследие». Оп. 3. Д. 122, 122/1.

Чемякин Ю.П. К вопросу о белоярско-васюганском этапе в раннем железном веке таежного Обь-Иртышья // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала: ТД XII Уральского археологического совещания / Отв. ред. И.Б. Васильев. Екатеринбург: ИИА УрО РАН, 1993. С. 218–219.

Чемякин Ю.П. К вопросу о миграциях населения кулайской культуры // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории: Материалы XII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции / Отв. ред. Л.А. Чиндина. Томск: Томск. ун-т, 2001. С. 212–213.

Чемякин Ю.П. Кульминский комплекс на поселении Геологическое III // XVII Уральское археологическое совещание: МНК (Екатеринбург, 19-22 ноября 2007 г.) / Отв. ред. А.Я. Труфанов. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2007. С. 208–213.

Чемякин Ю.П. Лозьвинская керамика (по материалам поселения Ахтымья 1) // Игорь Геннадиевич Глушков: Сб. науч. статей. Ч. 3 / Ред. Т.Н. Глушкова и др. Ханты-Мансийск: Печатный мир, 2012. С. 97–101.

Чемякин Ю.П. Поселение Ахтымья 1 (комплексы эпохи раннего железа) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: Сб. статей. Вып. 13 / Отв. ред. Я.А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск: Томск. ун-т, 2015. С. 139–166.

Информация об авторе:

Чемякин Юрий Петрович, кандидат исторических наук, доцент, Уральский государственный педагогический университет, ООО Научно-аналитический центр «АВ КОМ – Наследие» (г. Екатеринбург, Россия); yury-che@yandex.ru

KULMINO TYPE OF CERAMICS

Yu.P. Chemyakin

The Kulmino type of ceramics was identified in 1967 by V.D. Viktorova on the basis of materials from Tumanskoe IV village on the Kulma river in the basin of the Tavda river. It has been encountered at other sites as well, including the complexes with the Northern (Vagil) type of dishware corresponding to the Gamayun culture. The distribution area of Culmino ceramics stretches across the northern portion of the Sverdlovsk region and the Khanty-Mansi Autonomous Area, primarily in the basins of the Tavdy, Kondy and Lower Ob rivers. It has been discovered at 11 settlements, 7 sites and approximately 80 habitations. The predominant type of dishware is vessels of a pot or cauldron shape with a round bottom. The pattern covers the top third or half of the vessels and is represented by stamping, including rolling stamps, and less frequently by incisions and thin carved lines. Especially widespread are the comb (with small indentations), smooth and figured stamps in the form of a snake, rhombus, etc., including cord imprints. Ornamental motifs are represented by horizontal belts of stamp impressions, oblique columns made using the same technique, areas of interpenetrating triangles, and a rhombic mesh. The transition between the neck and the shoulder features 1-2 rows of pits (round, triangular or rhombic) with occasional pearls. Counterparts of such dishware can be found among the vessels of the Gamayun, Itkul and Beloyarsk cultures. The Kulmino type of ceramics is dated 8th/7th-6th centuries B.C. Its origin is associated by researchers with the dishes of the Lozhvino culture.

Keywords: Kulmino type of ceramics, Early Iron Age, Konda basin.

About the Author:

Chemyakin Yury P. Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Ural State Pedagogical University, OOO Scientific-Analytical Center “AV COM – Nasledie” (Yekaterinburg, Russian Federation); yury-che@yandex.ru

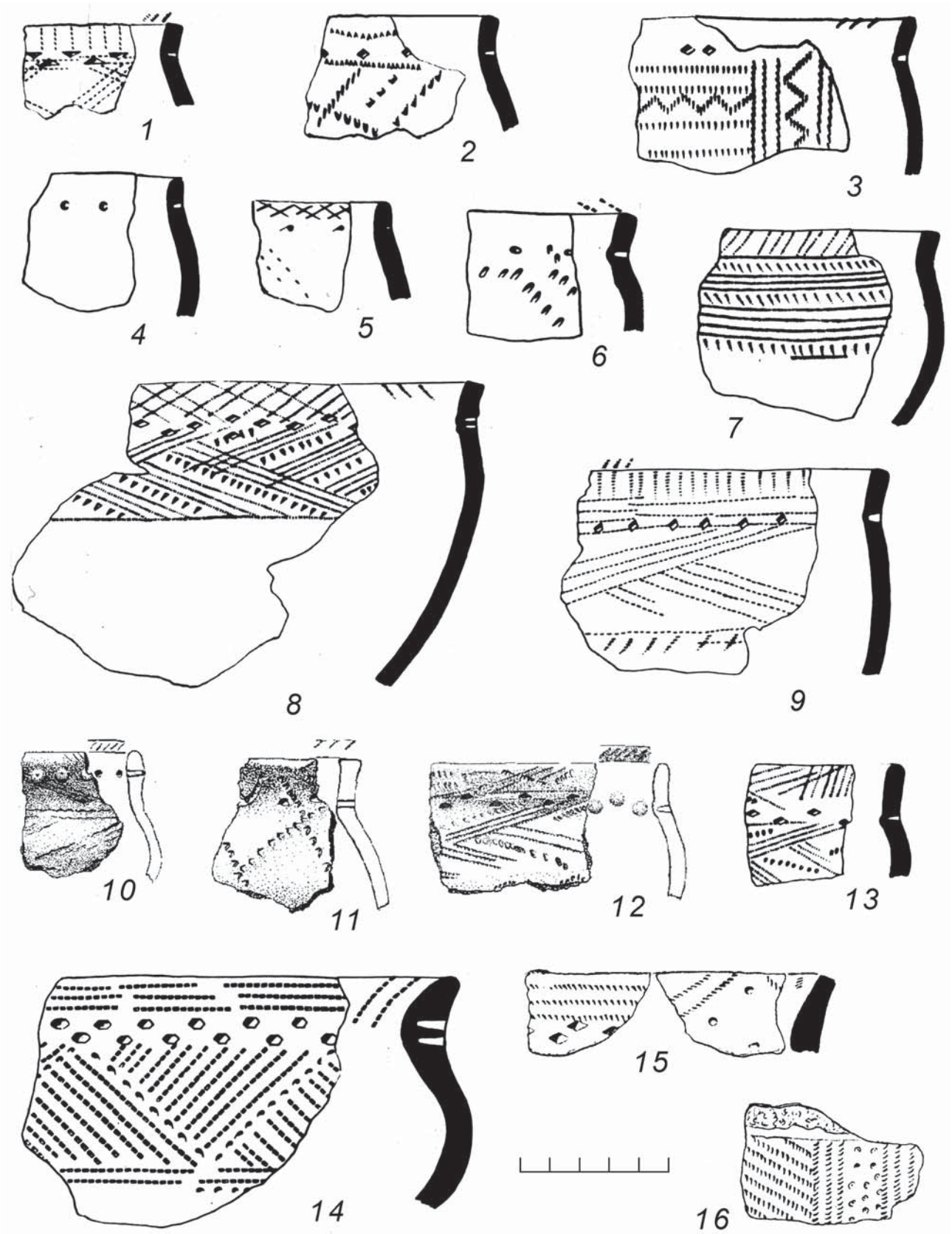


Рис. 1. Кульминская керамика: *1* – городище Фунтусово; *2, 3* – селище Туманское VI; *4, 5* – селище Туманское IV; *6* – селище Синдейское I; *7-9* – селище Тыня I; *10-13* – селище Туманское I; *14* – селище Тарманское; *15, 16* – поселение СБАО-1 (1-16 – по В.Д. Викторовой).

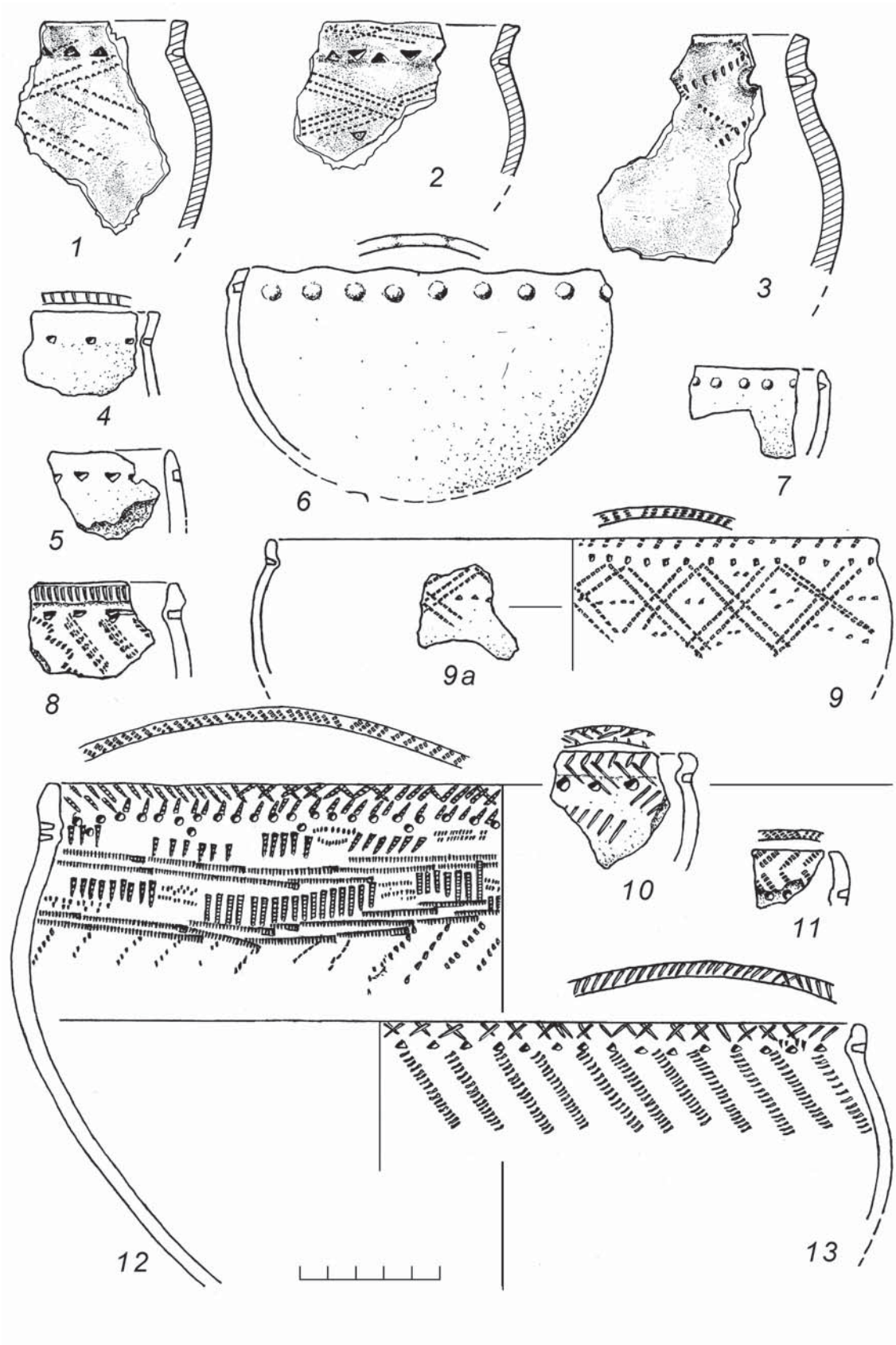


Рис. 2. Кульминская керамика: *1-3* – местонахождение Атымья III; *4-13* – поселение Геологическое III (1-3 – по В.И. Стефанову).

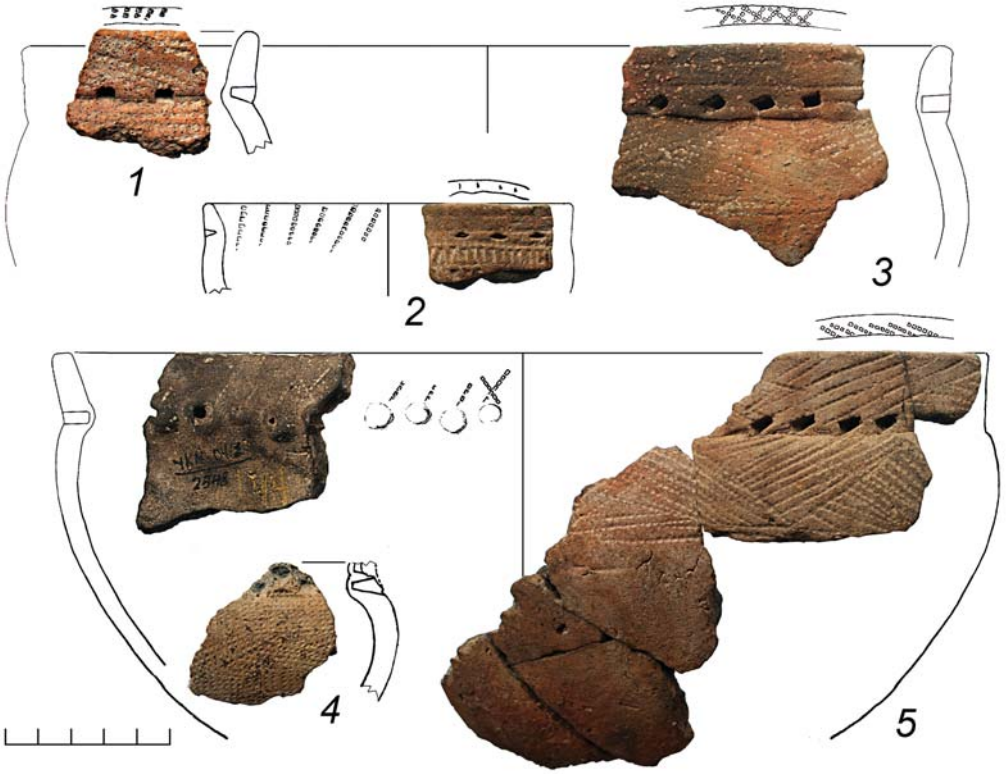


Рис. 3. Кульминская керамика поселения Ахтымья 1.

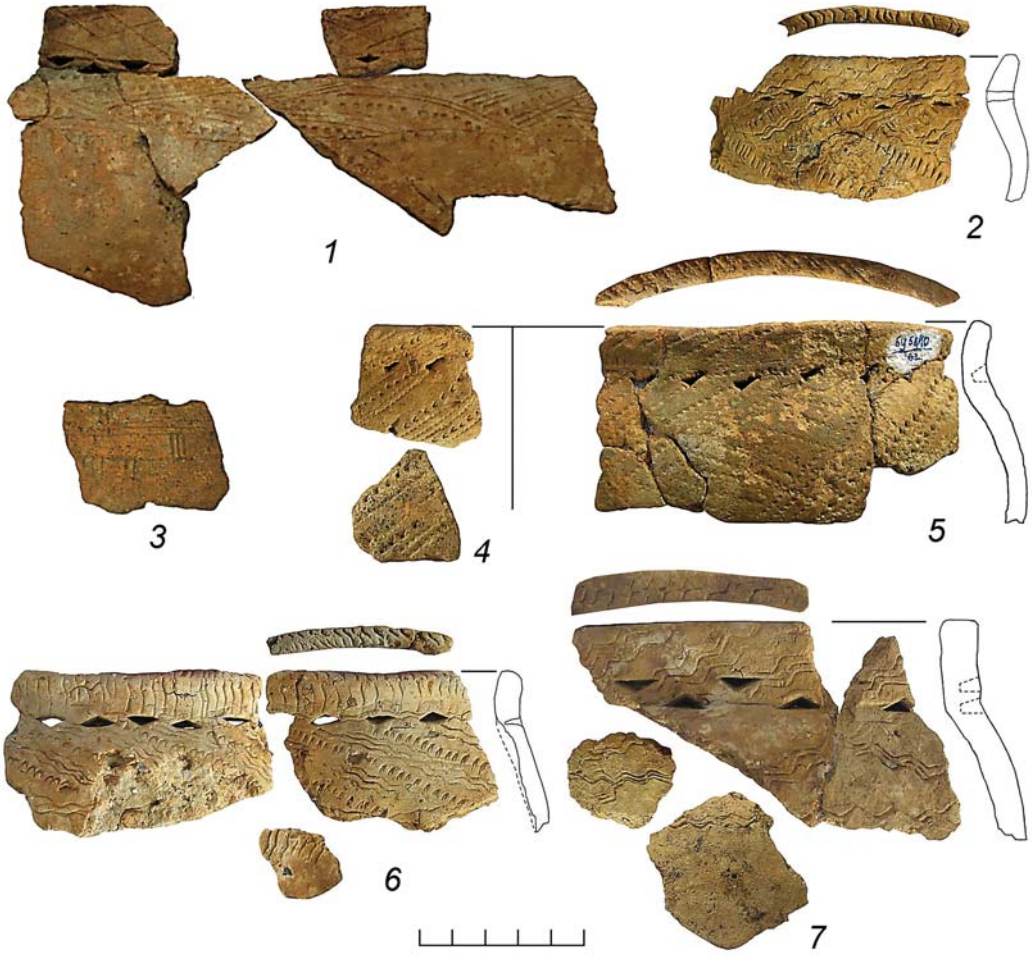


Рис. 4. Кульминская керамика поселения Большая Умытья 58 (по Т.Ю. Клементьевой, А.А. Погодину).

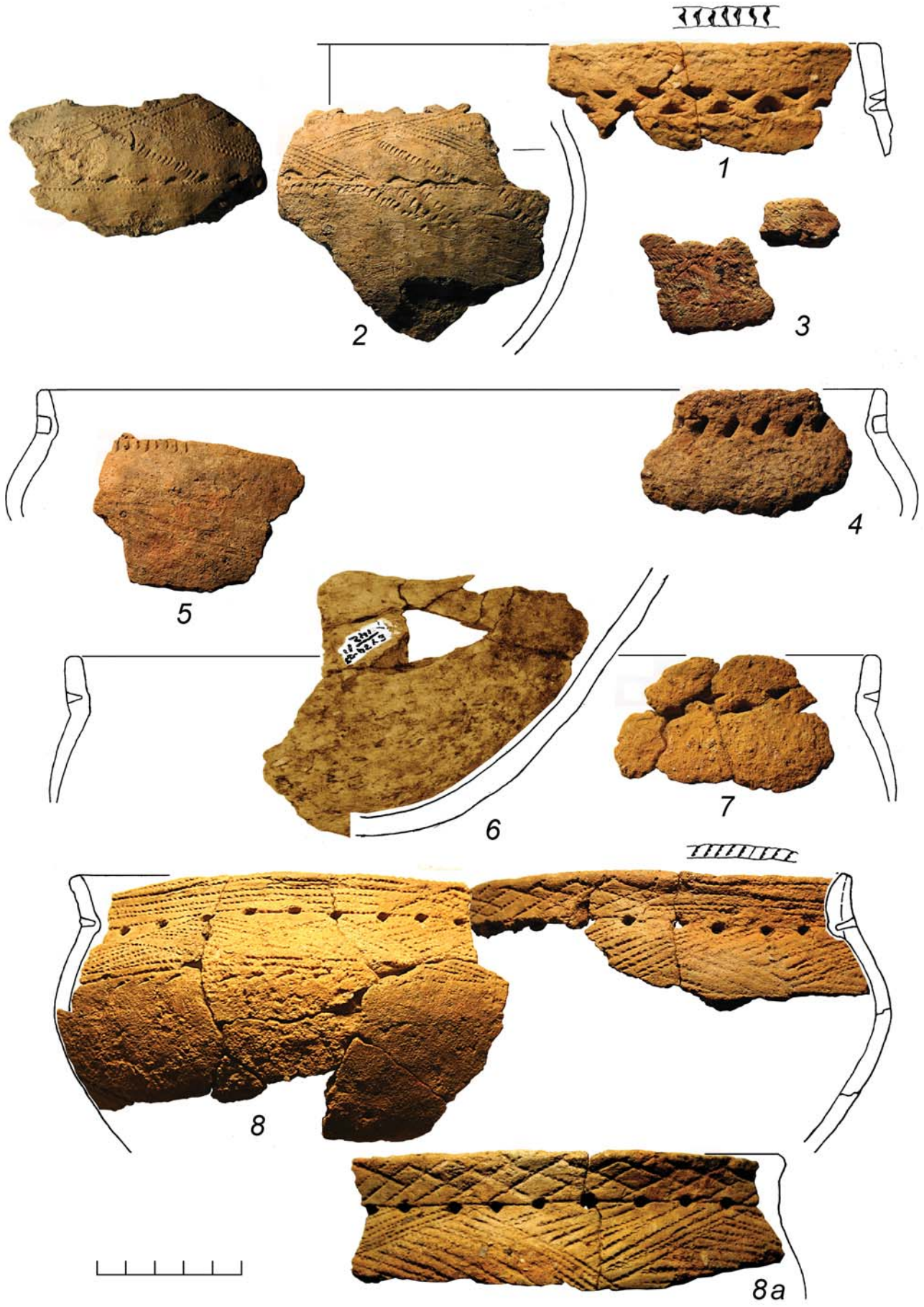


Рис. 5. Кульминская керамика поселения Большая Умытья 74 (раскопки А.А. Погодина).

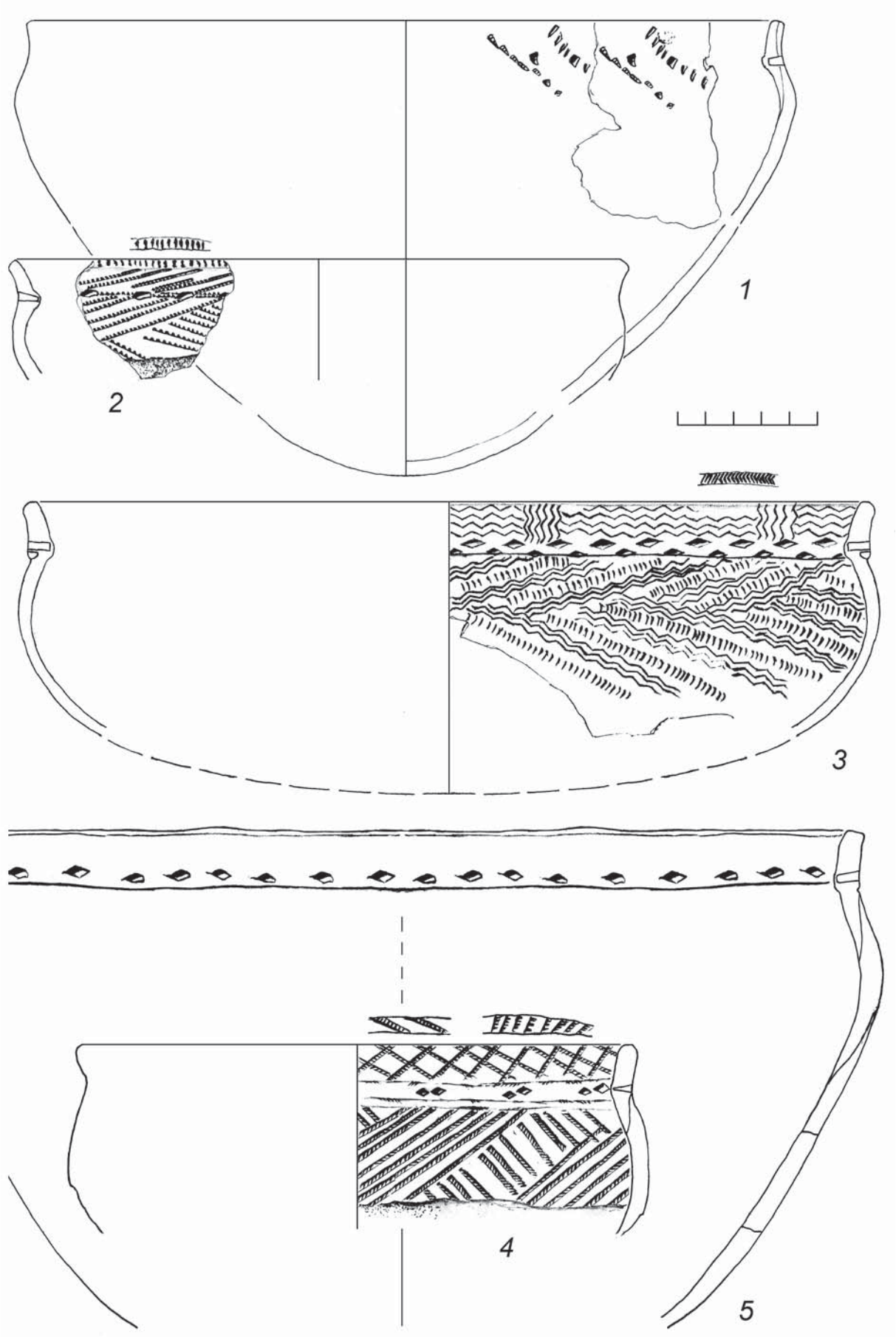


Рис. 6. Кульминская керамика поселения Большая Умытья 9 (раскопки А.А. Погодина).

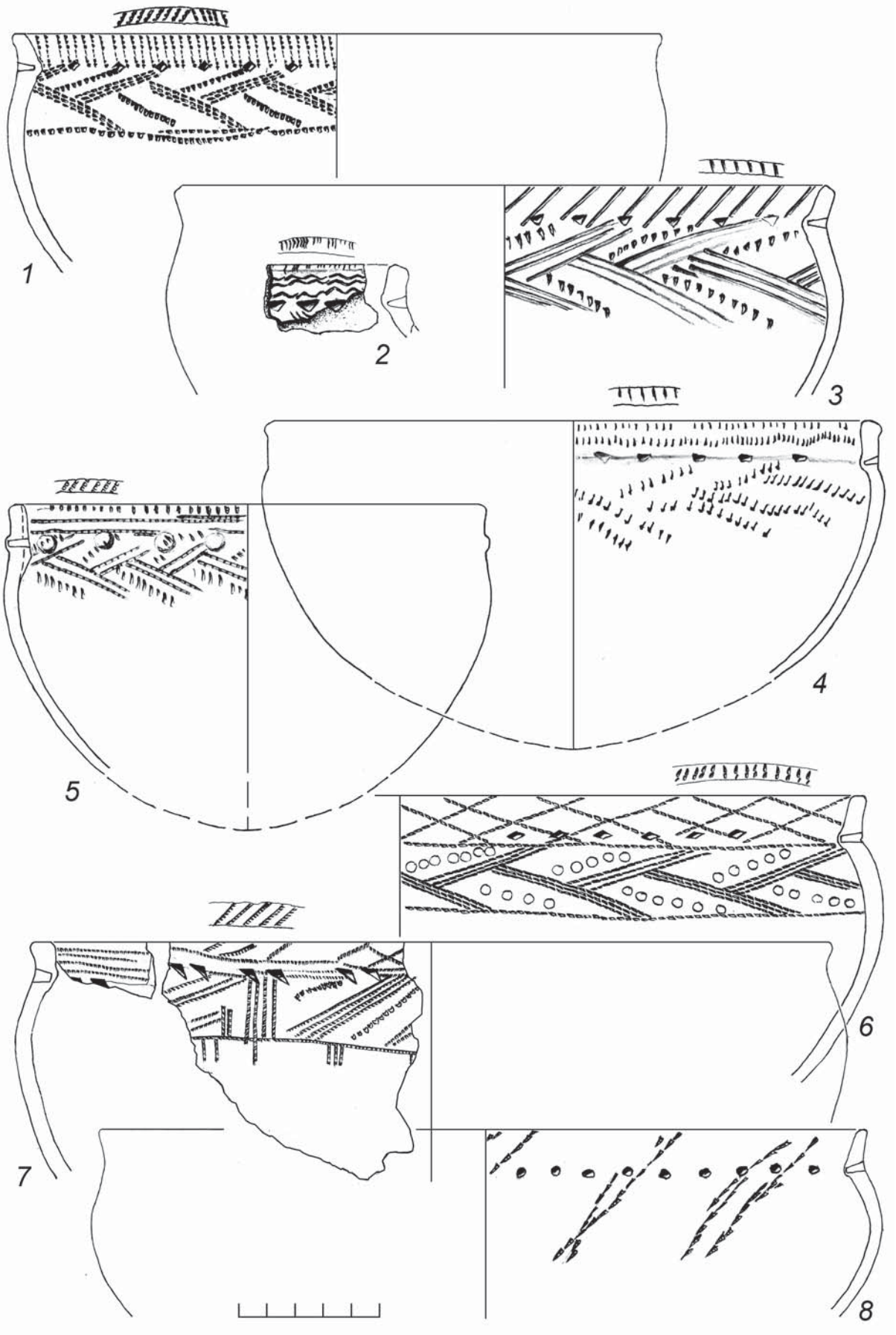


Рис. 7. Кульминская керамика поселения Большая Умытья 9 (раскопки А.А. Погодина).

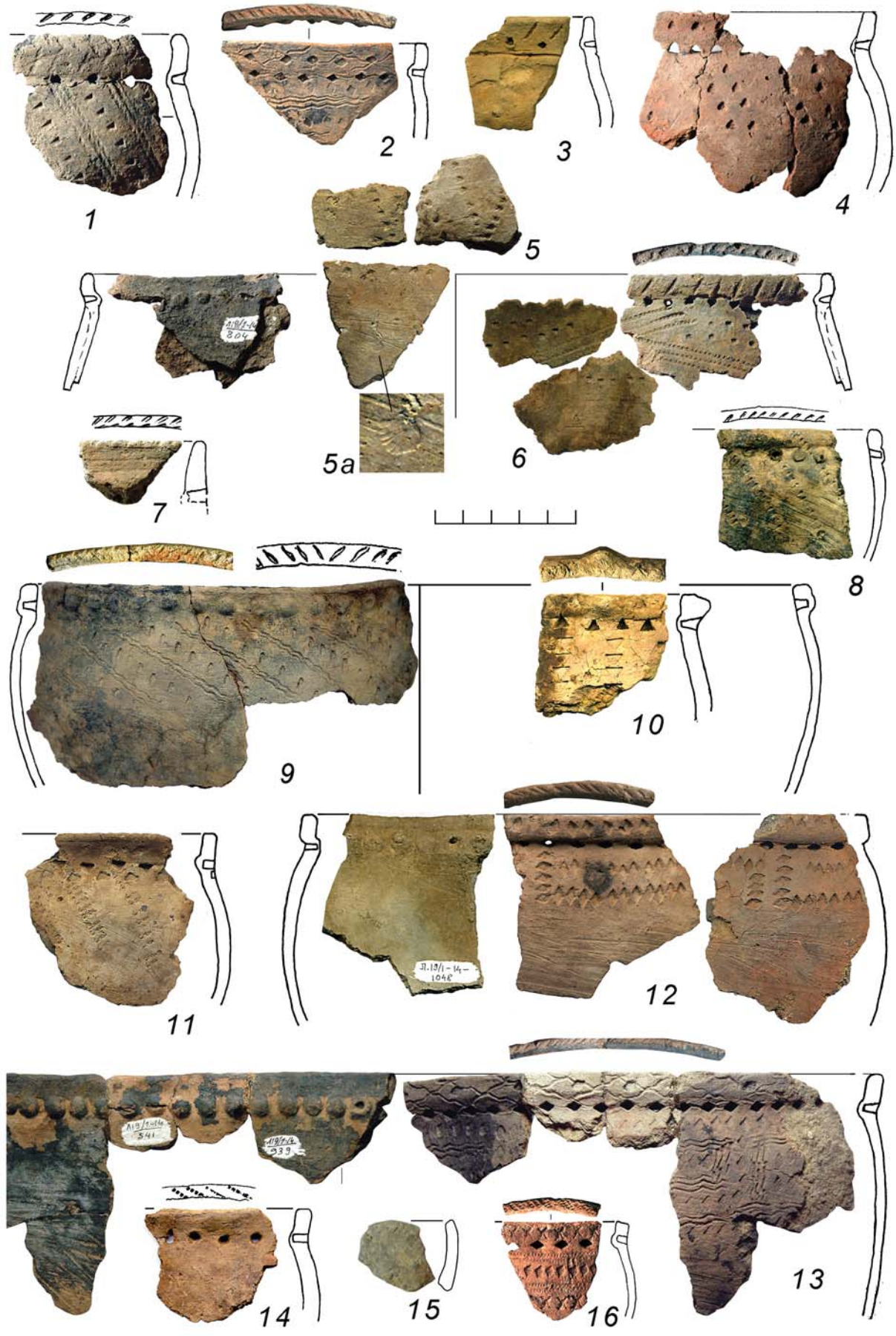


Рис. 8. Кульминская керамика поселения Лемья 19-1 (раскопки А.А. Погодина).

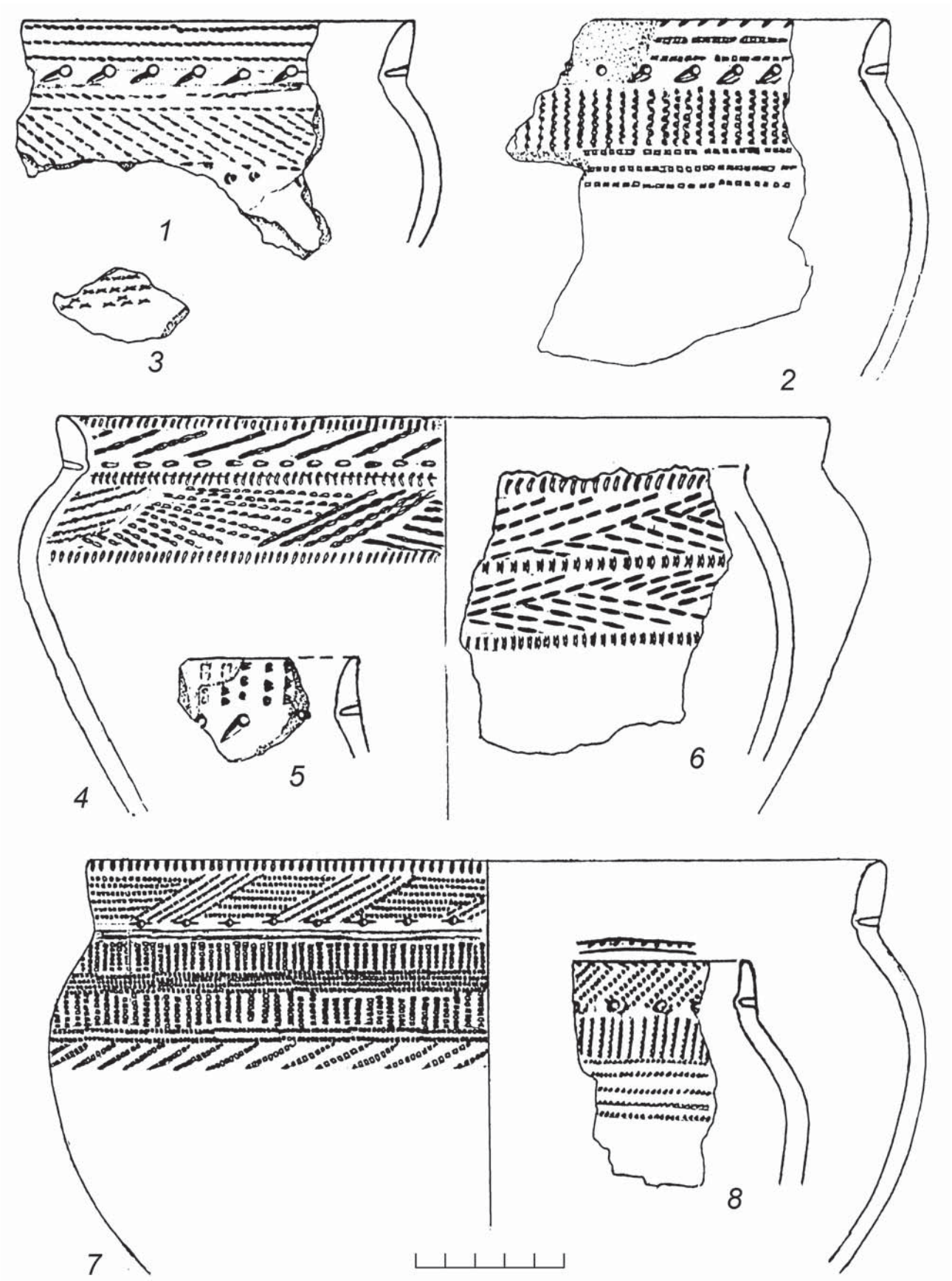


Рис. 9. Кульминская керамика стоянки Сатыга XVIIа (по А.А. Погодину).

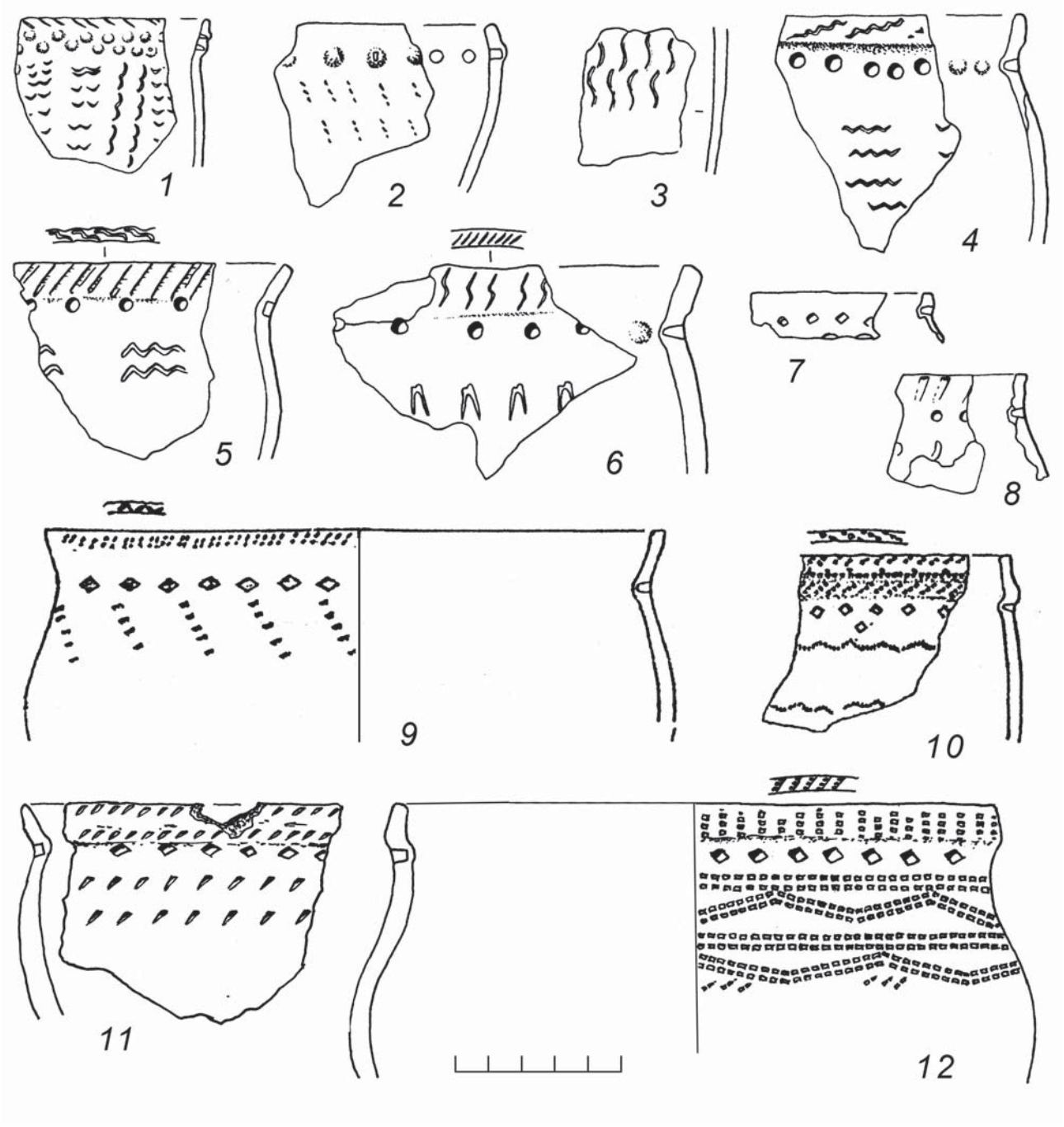


Рис. 10. Кульминская керамика: *1-8* – городище Ендырское I; *9-21* – городище Перегребное VI (1-8 – по А.П. Зыкову. С.Ф. Кокшарову; 9-12 – по В.М. Морозову).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЕС – Археология Евразийских степей. Казань
АКБ – Археологическая карта Башкирии. Уфа
АКИО – ананьинская культурно-историческая область
АлтГУ – Алтайский государственный университет
АМ МарГУ – Археологический музей Марийского государственного университета
АН КазССР – Академия наук Казахстанской СССР
АН МНР – Академия наук Монгольской Народной Республики
АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
АН СССР – Академия наук СССР
АО – Археологические открытия. М.
АО РБ – Археологическое общество РБ
АЭБ – Археология и этнография Башкирии. Уфа
АЭМК – Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола
БАСК – Башкирская археологическая конференция студентов и молодых ученых
БГПУ – Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акумуллы
БГУ – Башкирский государственный университет
БНЦ УрО РАН – Башкирский научный центр Уральского отделения Российской Академии наук
БФАН СССР – Башкирский филиал Академии наук СССР
БЭК – Башкирский экономический колледж
ВАУ – Вопросы археологии Урала. Свердловск
ВНПКМУ – Всероссийская научно-практическая конференция молодых ученых
ВООПИК – Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
ВЭГУ – Восточный эеономико-гуманитарный университет
ГВИПМЗ – Государственный военно–исторический и природный музей-заповедник
ГИМ – Государственный Исторический музей
Гор. – городище
ЕГМЗ – Елабужский государственный музей-заповедник
ЕИАХМЗ – Елабужский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
ИА АН РТ – Институт археологии им. А. Х. Халикова АН РТ
ИА НАНУ – Институт археологии Национальной академии наук Украины
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИАК – Известия археологической комиссии
ИВ НАНУ – Институт востоковедения Национальной академии наук Украины
ИГАИМК – Известия Государственной Академии истории материальной культуры. М.-Л.
ИД – Издательский дом
ИИ АН РТ – Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук РТ
ИИ НАНБ – Институт истории Национальной Академии наук Беларуси
ИИА УрО РАН – Институт истории и археологии Уральского отделения РАН
ИИКНП – Институт истории и культуры народов Приуралья
ИИЯЛ БФАН СССР/УНЦ РАН – Институт истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР
ИИЯЛ УНЦ РАН – Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской Академии наук
ИОАИЭ – Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете
ИПОС СО РАН – Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН
ИЭИ УНЦ РАН – Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН
ИЯЛИ – Институт истории, языка и литературы им. Г. Ибрагимова КФАН СССР
ИЯЛИ КНЦ УРО РАН – Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН
КАЭ – Камская археологическая экспедиция Пермского государственного университета
КАЭЭ – Камская археолого-этнографическая экспедиция Пермского государственного педагогического университета
КГУ – Казанский государственный университет
КГУ – Куйбышевский государственный университет
КГУКИ – Краснодарский государственный университет культуры и искусств
КНЦ РАН – Карельский научный центр РАН
КНЦ УрО РАН – Коми научный центр УрО РАН
КСИА – Краткие сообщения Института археологии. М.
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.-Л.
Кург. – курган
КФАН СССР – Казанский филиал Академии наук СССР

КФАН СССР – Коми филиал Академии наук СССР
ЛГУ – Ленинградский государственный университет
ЛОИА – Ленинградское отделение АН СССР
МА МГУ – Музей археологии МГУ
МАВГР – Материалы по археологии восточных губерний России. М.
МАИЭТ – Материалы по археологии и этнографии Таврии. Симферополь
МАР – Материалы по археологии России. Спб., Пг.
МарГУ – Марийский государственный университет
МАРТ – Музей археологии Респблики Татарстан
МАССР – Марийская автономная советская социалистическая республика
МАЭ – Марийская археологическая экспедиция
МВНК – Материалы Всероссийской науной конференции
МВНПК – Материалы Всероссийской научно-практической конференции
МГАИМК – Материалы Государственной Академии истории материальной культуры. Л.
МГУ – Московский государственный университет
МД – Материалы докладов
Местонах. – местонахождение
МЗКП – Музей-заповедник «Куликово Поле»
МИ КВАЭ – Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Ижевск
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МИАР – Материалы и исследования по археологии России. М.
МКФУ – Международный конгресс финно-угроведов
МНК – Материалы научной конференции
МНК – Международная научная конференция
ММНК – Материалы Международной научной конференции
Мог. – могильник
МРНКМ – Марийский республиканский научно-краеведческий музей
МРНПК – Материалы региональной научно-практической конференции
МЭИ – Московский энергетический институт
НАЦ – Научно-аналитический центр
НГГУ – Нижегородский государственный университет
НИР – научно-исследовательская работа
НКАЭ – Нижнекамская археологическая экспедиция
НМ РБ – Национальный музей Республики Башкорстан
НПЦ – Научно-производственный центр
НРФ МарНИИЯЛИ – Научный рукописный фонд Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории
НФ МАРТ – Научный фонд музея археологии РТ Института археологии Академии наук РТ
ОНКАЭ – Отчеты Нижнекамской археологической экспедиции.
ПА – Поволжская археология. Казань
ПГГПУ – Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
ПГОКМ – Пензенский государственный объединенный краеведческий музей
ПГПУ – Пензенский государственный педагогический университет
ПГУ – Пермский государственный университет
ПИДО – Проблемы истории докапиталистических обществ. Л.
ПНИЛ ЦАИ – Проблемная научно-исследовательская лаборатория Центра археологических исследований
ПНЦ УрО РАН – Пермский научный центр УрО РАН
Погр. – погребение
Пос. – поселение
ПУАК – Пермская губернская учёная архивная комиссия
РА – Российская археология. М.
РАН – Российская академия науРЖВ – ранний железный век
РОМК – Ростовский областной музей краеведения
СА – Советская археология. М.
САИ – Свод археологических источников. М.
СамГПУ – Самарский государственный педагогический университет
Сел. – селище
СМАЭ – Сборник Музея антропологии и этнографии. Спб., Л.
СО АН ССР – Сибирское отделение Академии наук СССР
Ст. – стоянка
СУ – Саратовский университет
СЭ – Советская этнография. М.
ТАС – Тверской археологический сборник. Тверь

ТверГУ – Тверской государственный университет
ТГИМ – Труды ГИМ. М.
ТГОМ – Тверской государственный объединенный музей
ТД – Тезисы докладов
ТМАО – Труды Московского археологического общества. М.
ТобГПИ – Тобольский государственный педагогический институт
УАВ – Уфимский археологический вестник. Уфа
УАС – Уральское археологическое совещание
УАЭ – Удмуртская археологическая экспедиция
УдГУ – Удмуртский государственный университет
УдмИИЯЛ – Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН
УЗ МарНИИ – Ученые записки МарНИИ. Йошкар-Ола
УЗ ПГУ – Ученые записки Пермского государственного университета. Пермь
УЗ ЧувНИИ – Ученые записки Чувашского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Чувашской АССР. Чебоксары
УИИЯЛ – Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН
УНЦ РАН – Уфимский научный центр РАН
УНЦ УрО РАН – Уфимский научный центр Уральского отделения РАН
УрГУ – Уральский государственный университет им. А.М. Горького
Уро РАН – Уральское отделение РАН
УрФУ – Уральский федеральный университет
ЧГИГН – Чувашский государственный институт гуманитарных наук
ЧГПУ – Чувашский государственный педагогический университет имени И. Я. Яковлева
ESA – Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki

Журнал основан в мае 2017 г.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-69645
от 2 мая 2017 г. выдано Роскомнадзором
Оригинал-макет – *А.А. Сайфуллин*
420012 г. Казань, ул. Некрасова, 28, пом. 1203
Подписано в печать 25.10.2017 г. Формат 60×84 $^{1}/_{8}$
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 41,39.
Тираж 1000 экз. Первый завод 150 экз. Заказ №
Свободная цена
Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Orange Key»
г. Казань, ул. Галактионова, 14. Тел. (843) 238-24-49

16+